МАЭС

ТГУ

СБОРНИК МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ
им. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ
им. В.М. ФЛОРИНСКОГО

Вып. 2

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

ТОМСК
2008

УДК 930.28+39(908.571.1)
ББК 63.4(2)+63.5(2)
К90

К90 Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – Вып. 2. – 376 с.

ISBN 5-94621-246-X

В сборнике опубликованы научные статьи, подготовленные на основе докладов Всероссийской научно-практической конференции «Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. К 125-летию Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ», проведенной Томским государственным университетом 4–7 декабря 2007 г.

Работы посвящены результатам междисциплинарных исследований культур и народов Северной Азии и сопредельных регионов. Использование в гуманитарных исследованиях методов смежных и естественно-научных дисциплин позволило исследователям приблизиться к достижению поставленных целей с новых позиций. Полученные результаты порой превосходят самые смелые прогнозы, открывают новые возможности для решения целого комплекса проблем культуро- и этногенеза древнего, средневекового и традиционного населения огромного региона.

Для археологов, этнографов, антропологов, историков культуры, музееведов, краеведов, а также широкого круга читателей, серьезно интересующихся историей коренных обитателей Северной Азии и прилежащих пространств Евразии.

УДК 930.28+39(908.571.1)
ББК 63.4(2)+63.5(2)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю.И. Ожередов, кандидат исторических наук (ответственный редактор),
Л.В. Панкратова, кандидат исторических наук,
Н.А. Мироненко

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Н.Н. Крадин, доктор исторических наук,
А.В. Харинский, доктор исторических наук

ISBN 5-94621-246-X

© Томский государственный университет, 2008

ПОСВЯЩЕНИЯ

Настоящий сборник научных трудов посвящается, прежде всего, 125-летию «Археологического музея Томского университета», ныне «Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета», основанного 6 декабря 1882 г. профессором В.М. Флоринским.

Вместе с этим, по наметившейся в первом выпуске традиции, настоящим изданием хочется отметить несколько других событий имеющих непосредственное отношение к истории Музея.

В 2006 г. отметила свой 70-летний юбилей профессор археолог Людмила Михайловна Плетнева. Людмила Михайловна долгие годы являлась заведующей Музся археологии и этнографии Сибири. Причем начинала она работать еще в Музее истории материальной культуры, как именовался МАЭС с 1935 по 1968 гг. Собранные ею коллекции составляют один из самых крупных научных вкладов в музейные собрания.

В 2007 г. встретили 70-летний юбилей два широко известных в научном мире специалиста, судьбы которых очень долго и тесно соприкасались с судьбой самого Музея: профессор Людмила Александровна Чиндина, которая начинала свою научную карьеру лаборантом Музся, много работала по приведению в порядок старых археологических коллекций и профессор Надежда Васильевна Лукина, которая очень много времени и сил посвятила работе с этнографическими коллекциями Музея. Оба этих маститых ученых много сделали для пополнения собраний музея. Их полевые материалы являются крупным и важным вкладом в изучение культур и народов Сибири.

Случилось так, что выход в свет настоящего сборника совпадает с празднованием 130-летия учреждения Императорского Томского университета, или как его называли Сибирского университета, в котором и был основан вышеназванный музей-юбиляр.

Поэтому неприменем посвятить выход Сборника МАЭ этой дате рождения нашей славной Alma mater, выпустившей всех нас в научный мир, жизнь которого приоткрывают страницы этой книги.

Как-то так случилось, что давняя история томской археологии не имеет отправной точки. Но если обратить внимание на тот факт, что первым археологом Томска был В.М. Флоринский, а первые его археологические изыскания на томской земле начались в 1882 г. не трудно заметить, что 125-летия Музея и томской археологии приходятся на один год.

В 1882 г. Россия праздновала 300-летие присоединения Сибири. Именно к этой дате С.М. Сидоров подарил Сибирскому университету коллекцию «тобольских древностей», с которой началась история Археологического музея. С тех пор прошло ровно 125 лет, то есть 425 лет пребывания Сибири в составе России. Почти за половину тысячелетия совместного пути и в России, и в Сибири произошло так много событий, что они составили свою большую и разноликую историю, которой и посвящаем наш Сборник.

Редакционная коллегия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АДИТ – Ассоциация по документации и информационным технологиям в музеях
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АО – Археологические открытия
АН – Академия наук
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ– Археология, этнография, антропология Евразии
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИВЦ – Главный информационно-вычислительный центр
ГТРК – Государственная теле-радио компания
ГЭС – Гидроэлектростанция
Д. – Дело
ЗАО – Закон автономного округа
ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИКОМ – Исполнительный комитет
КА ТГУ – Кабинет антропологии Томского государственного университета
Кем ГУ – Кемеровский государственный университет
КИО – Культурно-историческая общность
ККМ – Колпашевский краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
Л. – лист
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири
МВД – Министерство внутренних дел
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК РФ – Министерство Российской Федерации
НГУ – Новосибирский государственный университет
МНР – Монгольская народна республика
НИР – Научно-исследовательская работа

НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей
НПО – Научно-производственное объединение
ОАО – Открытое акционерное общество
ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОмГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОмГУ – Омский государственный университет
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
Оп. – Опись
ПМА – Полевые материалы автора
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институт общественных наук
РГО – Русское географическое общество
РИЦ НГУ – Региональный информационный центр Новосибирского государственного университета
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
САГ – Саровское городище
СМИ – Средства массовой информации
СНГ – Союз независимых государств
СО РАН – сибирское отделение Российской академии наук
СПб – Санкт Петербург
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СУБД – Система управление базами данных
СЭ – Советская этнография
Уч. зап. ТГПУ – Ученые записки Томского государственного педагогического университета
ТГУ – Томский государственный университет
Ф. – Фонд
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЯМАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей подводит итоги работы научно-практической конференции «Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: К 125-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета». Пятьдесят два российских и зарубежных ученых представляют в нем результаты своих исследований древних, средневековых и традиционных обществ Северной и Центральной Азии, а также Казахстана.

В соответствии с научными направлениями статьи распределены по четырем разделам: «Музей и музейное историко-культурное наследие»; «Комплексный подход в археологии»; «Этнология и междисциплинарность»; «Сохранение и возрождение культурного наследия».

В первый раздел вошли статьи, посвященные истории Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского, его роли в научной, образовательной, просветительной и общекультурной жизни Сибири; освещены теоретические и практические проблемы музейного дела в вузовских музеях.

Раздел открывает мемориальная статья В.И. Матющенко, посвященная истории Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Эта работа предназначалась автором для сборника к 120-летию музея, но сложилось так, что в предыдущем сборнике ее заменила другая статья Владимира Ивановича, а эта была отставлена, но сохранилась в редакторском портфеле для следующей конференции и нового сборника. В личной беседе Владимир Иванович в свойственной ему деликатной манере высказал надежду на то, что его статья еще может быть издана. К прискорбию, он не дожил до 125-летнего юбилея Музея, которому отдал так много лет своей жизни, но его статья теперь выходит в свет и станет еще одним напоминанием о великом ученом.

Второй раздел «Комплексный подход в археологии» содержит работы, касающиеся вопросов изучения археологического прошлого обширного азиатского региона. Диапазон исследований в хронологическом разрезе – от палеолита и до позднего средневековья, а в географическом от Западной Сибири до Монголии и Казахстана. Большинство статей раздела освещает исследования, проведенные на основе междисциплинарного изучения разнообразных археологических источников. В достижении объективных результатов исследователи использовали нетрадиционные для гуманитариев методы изучения артефактов. Часто привлекались уже имеющиеся результаты из других научных дисциплин, часто не гуманитарного профиля.

В третьем разделе «Этнология и междисциплинарность» представлены работы этнологов, охватившие широкий круг проблем большой группы этносов, расселенных от Забайкалья до Нижнего Приобья и Горного Алтая. В публикациях ряда исследователей отражены итоги междисциплинарных исследований материальной и духовной культуры традиционных обществ, позволившие получить ранее недоступ-

ные результаты, а также определившие новые векторы направлений дальнейших научных поисков.

Четвертый раздел «Сохранение и возрождение культурного наследия» включил статьи, касающиеся проблем сохранения и рационального использования историко-культурного наследия Северной и Центральной Азии. Темы исследований распространялись от истории становления российской системы охраны культурного наследия до проблем сегодняшнего дня. Работы базируются как на теоретических и правовых основах, так и на практических полевых наблюдениях. Авторы указывают на современное состояние дел в области охраны и использования культурного наследия и предлагают на разных примерах пути выхода из кризисного состояния в этой области.

Настоящая книга продолжает издание «Сборника Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета». Первый выпуск сборника увидел свет в 2005 г. и подвел итоги конференции посвященной 120-летию МАЭС ТГУ. Время показало, что решение о создании данной серии вполне оправдано, а сборник оказался востребован.

Музеем планируется и дальнейшее проведение конференций, затрагивающих отмеченный выше круг научных тем, итоги которых будут опубликованы в следующих выпусках «Сборника МАЭС ТГУ». Помимо материалов конференций, в сборнике планируется публикация исследований, проводимых Музеем совместно с другими научными центрами по самым разным направлениям научных исследований историко-культурного наследия Северной Азии и сопредельных территорий.

Оргкомитет научно практической конференции и коллектив музея признательны коллегам, принявшим участие в юбилейных конференциях и в изданиях «Сборника МАЭС».

Редакционная коллегия

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ: К 125-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

5–7 декабря 2007 г. в Томском государственном университете проходила всероссийская научно-практическая конференция «Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: К 125-летию Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета» (МАЭС ТГУ).

Оргкомитет конференции, в состав которого вошли представители администрации университета, исторического факультета и музея-юбиляра возглавил ректор ТГУ профессор Г.В. Майер.

Настоящая конференция стала уже второй юбилейной в истории музея. Первая прошла 29–31 января 2003 г. и была приурочена к 120-летию музея. Вторая посвящена теперь уже официальной юбилейной дате – 125-летию МАЭС ТГУ. Несмотря на внешнее сходство по названию и предложенной тематике конференции заметно различаются. В отличие от географически более узкой первой конференции, посвященной проблемам культур и народов Западной Сибири, последняя коснулась этих же проблем на пространстве всей Северной Азии и сопредельных территорий. Расширение географических пределов позволило раздвинуть границы затронутых проблем и круг участников.

Для участия в конференции прибыло 65 представителей из 26 российских и 2 монгольских вузовских и академических научных центров, а также из ряда государственных, муниципальных и вузовских музеев и структур по охране историко-культурного наследия. Лидирующее число участников традиционно делегировали сибирские города – Абакан, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Минусинск, Мыски, Нефтеюганск, Новосибирск, Омск, Салехард, Улан-Удэ, Ханты-Мансийск, Якутск. Из Москвы в этот раз прибыл только один представитель, который, тем не менее, представлял целое направление антропологической науки России. Помимо российских ученых в конференции участвовали два зарубежных гостя – профессор археолог и аспирантка химик из Улан-Батора (Монголия). Их доклады придали конференции статус международного научного мероприятия.

В работе конференции принимали участие 14 докторов наук, 35 кандидатов наук, аспиранты, магистры, студенты. Квалификационный состав докладчиков и уровень изложенных на пленарных и рабочих заседаниях сообщений также вполне соответствовал крупному научному форуму.

Заданная Оргкомитетом конференции тематика определила направленность работы по четырем темам, обозначенным как базовые, еще при организации первой конференций 2003 г. Рассматривались проблемы вузовских и академических музеев, их потенциал, формы развития, результаты исследований. Более фундаментальные проблемы были затронуты в разделах комплексный подход в археологии, этнология и междисциплинарность, сохранение и возрождение культурного наследия.

Междисциплинарность, являющаяся связующим звеном для нескольких близких, но самостоятельных наук, в очередной раз доказала свою эффективность и нужность ее в гуманитарных исследованиях.

В рамках междисциплинарной направленности прозвучали доклады по этно- и палеосоциологии древних и традиционных обществ (Гуляева Н.П., Красноярск, Зандраева А.Б., г. Томск), искусству культур и народов региона (Есин Ю.Н., г. Абакан, Ковтун И.В., г. Кемерово, Кубарев В.Д., г. Новосибирск, Баторова Е.А. и Кочева Т.В., г. Улан-Удэ), мировоззрению древних обитателей Монголии (Турбат Ц. г. Улан-Батор, Ожередов Ю.И., г. Томск), геологическим знаниям первобытных обществ (Ташак В.И., г. Улан-Удэ) и их же знаниям палеоэкологии (Князева Е.В., Мандрыка П.В., г. Красноярск), доклады по палеозоологии (Тишкин А.А., Косинцев П.А., гг. Барнаул, Екатеринбург), палеолингвистике (Филимонов М.В., г. Томск), по химическому составу средневековых китайских бронзовых зеркал (Серегин Н.Н., г. Барнаул), а также о флоре Монголии способной служить для лечения и оздоровления человека (Мунхжаргал Н., Зибарева Л.Н., гг. Улан-Батор, Томск), доклады по палеокраниологии (Рыкун М.П.), здоровью средневековых селькупов (Рыкун М.П., Боброва А.И., г. Томск), одонтологии (Аксянова Г.А., г. Москва) и визуальной антропологии (Михалев А.Н., г. Томск), комплексному изучению археологических объектов и артефактов (Новикова О.И. г. Новосибирск, Тишкин А.А., г. Барнаул) и многие другие, созданные на междисциплинарных принципах.

Доклады, посвященные проблемам охраны культурного наследия затронули не только круг привычных вопросов регулярно поднимаемых в археологии, этнологии, антропологии (Габдарахманова З.М., г. Томск, Бельчигешева Н.В., г. Мыски, Филиппова В.В. г. Якутск, Матвеев А.В. и Скандаков И.Е., г. Омск), но вышли на более широкий круг проблем, например, вопросов сохранения и рационального использования обширного комплекса деревянного зодчества Севера Сибири (Слямзина Р.Б., г. Салехард), музеефикации археологических памятников (Тишкин А.А., г. Барнаул) и проблем сохранения этнокультурного наследия Сибири в условиях ускорения климатических изменений (Ксенц А.С., г. Томск).

Блок вопросов музейного дела коснулся истории вузовских музеев, их создания, формирования фондов, пополнения и сохранения, интерпретации и введения в научный оборот предметов и коллекций, а также их использование в образовательных целях (Томилов Н.А., г. Омск, Ожередов Ю.И., г. Томск, Жигунова М.А., г. Омск, Кимеева Т.И., г. Кемерово).

Активно обсуждаемой и единодушно приветствуемой темой стала поднятая группой специалистов из ИАЭ СОРАН тема необходимости создания музейных электронных порталов, применения в музейной практике компьютерных баз данных, но-

вых виртуальных принципов и возможностей (Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Ильиных М.Ю., г. Новосибирск).

К сожалению, не все доклады, озвученные на конференции, смогли по тем или иным причинам, реализоваться в виде статей настоящего сборника. Но надеемся, что они найдут заслуженное место в других изданиях и станут доступны научному сообществу.

В рамках конференции 6 декабря прошло торжественное заседание, на котором ректорат Томского государственного университета и представители научного и музейного сообщества России принесли Музею поздравления.

Благодаря финансовой и организационной поддержке ректора университета Г.В. Майера, первого проректора М.Д. Бабанского, проректора по научной работе Г.Е. Дунаевского и декана исторического факультета В.П. Зиновьева к юбилею удалось приготовить оригинальные памятные сувениры – юбилейную настольную медаль и нагрудный знак, а также набор из 30 полноцветных крупноформатных открыток с изображениями предметов из собраний Музея-юбиляра.

Некоторые из юбилейных мероприятий могли бы не состояться или быть не столь полными не будь щедрой спонсорской помощи, оказанной Музею несколькими организациями, а точнее – их руководителями, людьми не равнодушными к музейным делам.

Сложную и дорогостоящую работу по высококачественной фотосъемке, дизайнерскому решению и подготовке макетов открыток безвозмездно выполнил Продюсерский центр ГалаПресс, руководимый Ларисой Викторовной Савинцевой. Пользуясь случаем, кроме глубокой благодарности, приносим уважаемой Ларисе Викторовне свои поздравляем по случаю ее очередного Юбилея и желаем великолепного здоровья и долгих творческих лет в счастливом окружении близких и друзей.

Материальную и техническую помощь оказали бывшие выпускники исторического факультета, а ныне известные представители финансовых и деловых кругов – управляющий «СвязьБанка» Антон Александрович Гришин и директор фирмы «Шпакрас» Сергей Николаевич Толстов. Тот и другой бывали в археологических экспедициях, многократно посещали музей, а Антон Александрович в студенчестве всерьез изучал археологию. Хочется выразить искреннюю благодарность этим людям за их щедрость и душевную теплоту.

Отдельной благодарности, безусловно, заслуживают сотрудницы музея, на хрупкие плечи которых была возложена многосложная долгая подготовка и последующая напряженная работа по непосредственному проведению конференции – В.Ю. Березюк, Н.А. Мироненко, О.Ю. Ожередова, Л.В. Панкратова, М.В. Смакотина, Ж.В. Щурова

По единодушному мнению участников конференции и гостей юбиленых торжеств, Музей вполне заслужил самой высокой оценки своим многолетним служением делу процветания образования, науки и просвещения.

Из высказанных Музею пожеланий главным было – продолжать свой путь в будущее столь же достойно, как это было все 125 предшествующих лет.

Ответственный редактор

МУЗЕЙ И МУЗЕЙНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.И. Матющенко

Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (далее Музей) является детищем эпохи развития сибирской науки и культуры. Возникший в начале 1880-х гг., Музей не был в числе первых музеев этого края, но его появление было обусловлено теми процессами бурного изучения и освоения Сибири, основной импульс которым дал молодой русский капитализм.

Длительное время деятельность Музея была теснейшим образом связана со многими научными направлениями, среди которых археология и этнография не были представлены в системе Томского университета. В этом отношении интересна и сама фигура создателя Музея В.М. Флоринского, который, будучи известным медиком, в Томске выступает как крупный исследователь археологии Западной Сибири, оставивший многочисленные труды в этой области, среди которых особенно хорошо известна книга «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (Ч. I. Томск, 1894; Ч. II. Томск, 1896).

Достаточно оригинальным выглядит и то обстоятельство, что в течение длительного времени в досоветский период Музей находился под руководством кафедры богословия!

Надо отметить, что вообще нашему Музею в досоветское время, после ухода В.М. Флоринского, не везло. До ввода в эксплуатацию здания научной библиотеки он так и не получил должного помещения. Одно время фонды Музея хранились в чердачных помещениях, где их заливало водой из прохудившейся кровли. Общественность города выступала в местной печати в защиту тонувших фондов Музея. И эта тревога была понятна: ведь в городе не было другого Музея, как, например, в других западно-сибирских и вообще сибирских городах (Иркутске, Красноярске, Минусинске, Омске, Тобольске и во многих других).

В контексте истории Музея интересны и работы по исследованию Томского могильника А.В. Адриановым и С.К. Кузнецовым. Особо отметим раскопки Томской палеолитической стоянки в 1896 г., проведенные профессором Н.Ф. Кащенко. Уже многократно отмечался высокий методический уровень его работы. Профессор-зоолог, исследуя палеолитическую стоянку, обнаружил многогранный подход к памятнику: как археолог, геолог, зоолог и палеонтолог (Кащенко, 1896, 1901).

Примечательно, что в конце XIX столетия в Томском университете активную исследовательскую работу в области антропологии и в первую очередь палеоантропологии развернул С.М. Чугунов, провизор кафедры зоологии. Ему удалось по существу ввести в науку палеоантропологические материалы могильников Томского, Чернильщиковского, Басандайского и других памятников.

Музей уже в дореволюционный период приобрел широкую известность не только в России. Его коллекции интересовали многих зарубежных ученых – Ф.Р. Мартина, А. Талльгрена, И.Р. Аспелина, А.О. Гейкеля, Ж. де Бая и других.

В 1920–1930 гг. в истории нашего Музея наступили времена оживленной работы в разных направлениях. Это оживление связано с именами таких интереснейших ученых и организаторов музейного дела как С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер, П.П. Славнин. К этому времени Музей с огромными потерями пережил годы революции и гражданской войны. От моли и жучков погибли многие меховые и кожаные изделия в этнографических коллекциях, так как в течение ряда лет с коллекциями никто не работал, они были уложены в сундуки и ящики, и многие годы никто их не открывал и не проводил никаких профилактических работ.

В эти годы начинается активная деятельность С.И. Руденко и С.А. Теплоухова на базе Музея Томского университета. Первый из них, С.И. Руденко, вскоре переезжает в Петроград, а в Томске вместе с С.А. Теплоуховым начинают свою работу в области археологии

М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер. Работа этой группы и в первую очередь работа С.А. Теплоухова ознаменовалась созданием первой культурно-хронологической периодизации памятников археологии Южной Сибири. Как известно, она сохраняет свое значение и до сего дня.

По разным причинам эта группа исследователей покинула Томск, оставив очень заметный след в истории нашего Музея.

На 1920 – начало 1930-х гг. приходится интересная просветительная и массовая работа Музея. В условиях нарастания краеведческого движения в стране Музей стал организатором интересного процесса сближения культур русского народа и культуры коренных народов Сибири.

Широко известны были в городе так называемые этнографические вечера. Эти вечера проходили в актовом зале библиотеки университета при огромном собрании людей (не только студентов, но и других горожан). Каждый вечер был посвящен одному или группе коренных народов; молодые люди – выходцы из числа молодежи этих народов обучались в вузах Томска. Они под руководством сотрудников Музея участвовали в исполнении музыкальных, вокальных, хореографических произведений своего народа, вели разъяснительную работу в экспозиционном зале Музея и тем самым очень успешно служили делу сближения всех сибирских народов. Особо надо подчеркнуть в этих событиях роль сотрудника музея П.П. Славнина и тогдашнего заведующего Музеем А.К. Иванова.

Примечательно, что деятельность Музея в 1920–1930 гг. была тесно связана с физико-географическим факультетом, в частности, с кабинетом географии, которым в те годы заведовали сначала археолог С.И. Руденко, а затем выше упомянутый географ А.К. Иванов. Ведь исторический факультет был открыт только в 1940 г.

Интересна история и такой стороны жизни Музея, как учет и паспортизация фондов собрания Музея. При жизни В.М. Флоринского эта работа была организована на высоком уровне. Чтобы согласиться с такой оценкой, достаточно вспомнить изданные В.М. Флоринским каталоги коллекций Музея (1896; 1898). Но далее ситуация резко меняется. Многие поступления в Музей вовремя не фиксировались, оставлялись без присвоения им соответствующих номеров и шифров. Наверное, какая-то часть таких поступлений безвозвратно исчезла, так как даже коллекции, включенные В.М. Флоринским в изданные им каталоги, частично пострадали (некоторые предме-

ты к началу 1920-х гг. были утрачены). Затем наступает пора стабилизации до начала 1930-х гг., когда учет и паспортизацию коллекций Музей вел без учета опыта таких Музеев в стране, то есть без какого-либо выбора стандарта документальной записи, а об организации паспортизации коллекций и речи не шло.

В 1940 году положение стало решительно меняться к лучшему, так как в университете был организован историко-филологический факультет, а во главе Музея стал опытнейший археолог и музейный работник К.Э. Гриневич. Константин Эдуардович приступил к полной инвентаризации всех собраний Музея и оформлению новых книг поступлений и инвентарных книг, что привело к смене системы нумерации поступлений. Это была очень серьезная ломка сложившейся до этого системы. Возможно, такая решительная перестройка всего дела учета и научного описания музейных собраний Музея имела бы положительный результат. Однако начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война вынудила свернуть не только всю работу Музея, но и все, что было связано с инвентаризацией и учетом коллекций. Все собрания были временно размещены на хранение в подвалах научной библиотеки университета, где они и пребывали до завершения войны и стабилизации жизни университета. Но дело инвентаризации и научного описания фондов Музея так и не было возобновлено. Тому был ряд причин, основные из которых – тесные и неприспособленные помещения Музея в 3-м корпусе университета, а затем и вынужденный отъезд К.Э. Гриневича из Томска. Начатое К.Э. Гриневичем дело в меру своих сил продолжил Е.М. Пеняев, но ему, к сожалению, удалось привести в порядок только архив, отдел фотонегативов и библиотеку. Это было сделано добротно и в соответствии с требованиями музейного дела того времени.

С 1952 г. Музей находился в помещениях хоров бывшей университетской церкви. Но только начиная с 1954 г., эту кропотливую работу продолжил Ваш покорный слуга. Нам пришлось подбирать наиболее подходящий вариант научного паспорта, научной описи коллекций, коллекционного контрольного листа. Были проанализированы подобные документы Государственного исторического музея (Москва), Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), Музея этнографии народов СССР (Ленинград), и, в конце концов, мы остановились на том варианте, который сохраняется в Музее и ныне. К весне 1958 г. эта грандиозная работа была в основном завершена.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в течение ряда лет (вплоть до 1956 г.) в Музее была только одна штатная единица – заведующий Музеем. Тем не менее нам удалось всю эту грандиозную работу продолжить и завершить. Настоящими помощниками моими в этой работе были Виталий Степанович Синяев, Рафаил Амарович Ураев и Георгий Васильевич Трухин. Их помощь состояла в советах, рекомендациях и некоторых организационных делах, которые были для меня чрезвычайно полезны.

Так, В.С. Синяев в эти годы создавал в университете мемориальный Музей В.В. Куйбышева. И делал он это высокопрофессионально, фундаментально. Организация работы Музея В.В. Куйбышева была построена на принципе создания его научной базы – фондов, каждый документ и экспонат которых был строжайше паспортизирован и введен в общий реестр Музея. Для меня это было хорошей школой.

Р.А. Ураев был сотрудником Областного краеведческого музея, опыт его работы с фондами мне тоже пригодился. Г.В. Трухин, доцент Томского педагогического института, а затем Томского университета, историк, археолог, оказал мне неоценимую помощь в привлечении студентов для работы с коллекциями музея. Ведь до 1957 г. я не принимал участия в учебном процессе исторического факультета, а потому помощь Г.В. Трухина силами студентов была крайне необходима. И вот силами студентов нам удалось сделать невероятное. Всю археологию, всю этнографию мы перебрали. Все описали, зарисовали, составили паспорта. Без единой копейки расходов, помимо моей очень скромной зарплаты. В эти годы пришли в археологию Людмила Михайловна Старцева (Плетнева) и Людмила Александровна Чиндина.

Неоценимую помощь оказали также сотрудники университета Василий Сергеевич Флеров (историк) и Георгий Дмитриевич Суворов (математик). Их помощь понадобилась при работе над нумизматической коллекцией. Когда мы приступили к работе с этой коллекцией, в собрании Музея значилось очень небольшое число (около сотни) русских серебряных монет XVI–XVII вв. и небольшое число японских монет. Но среди материалов Музея был большой крестьянский сундук, о содержимом которого мне ничего не было известно. Об этом сундуке ничего не говорил мне и Е.М. Пеняев, когда я начинал работать в Музее. Оказалось, что он содержит огромное количество разных монет, среди которых были монеты древней Иудеи, Рима, городов древней Греции, средневековых государств Европы, Кавказа, Средней Азии, Китая, Кореи и, конечно, русские монеты разных исторических эпох. Словом, это был настоящий клад, открытый мною в собраниях Музея. Я был удивлен и поражен не только тем, что открылась такая богатая нумизматическая коллекция, но и тем, как она сохранилась в таких условиях в Музее, будучи нигде не заинвентаризованной. Мне с трудом удалось найти в архиве Музея один документ начала 1900-х гг., в котором было указано, что в Музей передал богатую коллекцию монет собиратель Иннокентий Александрович Лопатин. Для работы с этой коллекцией я привлек В.С. Флерова и Г.А. Суворова, друзей и однокашников Е.М. Пеняева. Оба они имели нумизматические коллекции и в память своего товарища согласились оказать услугу Музею. Как известно, позже, уже в 1970-е гг. В.С. Флеров читал в Ярославском университете курс русской нумизматики.

В результате работы этих товарищей в фонды Музея были введены тысячи ранее неизвестных монет. В связи с этим вспоминается, что когда мы обработали эту коллекцию, в которой оказалось более 16 кг серебра, и представили в бухгалтерию университета соответствующий акт, то главный бухгалтер Е.М. Кизнер был настолько удивлен, что долго не мог решить, как поступить с таким обилием серебра, вдруг обнаружившегося в Музее. По тем временам (а ведь это были 1950-е гг.) подобные находки вызывали головную боль не только у главных бухгалтеров, но и у других ответственных лиц. Но все обошлось, и с тех пор в фондах Музея значится эта нумизматическая коллекция.

Результатом такой работы с фондами был подписан первый в истории Музея акт состояния фондов (март 1958 г.), в котором было зафиксировано все наличие коллекций отделов археологического, этнографического, нумизматического, архива, фо-

тотеки, негативного отдела и библиотеки. Это, несомненно, было достижение, обеспечивающее необходимую охрану и учет материалов Музея.

В итоге этой работе мною было подготовлено к изданию «Описание фондов Музея истории материальной культуры Томского государственного университета» (Вып. I: Археологический отдел), объемом около 30 п.л. Рукопись прошла научную редакцию А.П. Дульзона, получив положительные отзывы А.П. Окладникова, В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской, пролежала ряд лет в издательстве Томского государственного университета, но так и не увидела свет (Матющенко, 1959).

Музею прошлось пройти через серьезные испытания в разных делах, были сложности с помещением. По-настоящему проблема эта была решена тогда, когда Музей расположился в современном его помещении, где он жил до 1941 г. Здесь были организованы несколько его экспозиций. Но затем в течение 27 лет (с 1941 по 1968 г.) Музей не имел приемлемого помещения. Сначала, после войны до 1952 года, Музей располагался в южном конце 3 учебного корпуса (БИНа), занимая 4 комнаты и часть коридора, в которых, разумеется, невозможно было организовать по-настоящему научно разработанную экспозицию, а тем более наладить серьезную научную работу с фондами. Хотя небольшая экспозиция в двух комнатах существовала. Она была очень лаконична, но существенно дополняла лекционную работу по археологии.

В этих условиях Е.М. Пеняев совершил невероятное: дожидаясь лучших времен, он наладил надежное хранение фондов. К сожалению, ему не было суждено дождаться лучших времен. В сентябре 1953 г. после тяжелой болезни он скончался.

В 1952 г. в сентябре наш музей решением ректората был переселен из помещений в 3 корпусе в 1, главный, корпус, где он и разместился в помещениях бывших церковных хоров, над главным экспозиционным залом зоологического музея, который занимал помещение бывшей университетской церкви. Справа от экспозиционного зала зоомузея располагался трехсветный зал, изначально предусмотренный для Музея, где некогда была библиотека, а позднее до 1941 г. там находился наш Музей. Уже это было обидно для нас: нас почему-то не пустили в наше прежнее музейное помещение.

Помещение церковных хоров, конечно, не было пригодно для Музея, да и для любого другого подразделения университета. До сентября 1952 г. здесь были вспомогательные службы зоомузея и кафедры ихтиологии. В помещениях не было освещения и отопления. Над музеем проходилась кровля, и в помещение при любом дожде устремлялись потоки воды, которые через половые покрытия протекали на потолок зоомузея. Во многих местах мы вынуждены были ставить из толстого теса опоры для потолка, чтобы не допустить его обрушения.

В северном и южном концах хоров располагались небольшие комнаты, в которых можно было организовать нормальные рабочие помещения. Но если северная комната нуждалась только в освещении и отоплении, то южная помимо того имела очень жуткий, запущенный вид. Здесь была до того лаборатория кафедры ихтиологии; в комнате был сооружен огромный железобетонный чан. Когда его сооружали, предполагалось, что он в принципе не должен был быть вынесен из помещения, а потому и размеры его были такими, что его можно было извлечь из комнаты только по частям, предварительно разбив на мелкие части. А как это можно было сделать? Какие-либо механизмы для дробления стенок чана отсутствовали. Никаких источников

электроэнергии в ближайших 30–40 м не было, да и никто из руководства в университете не считал нужным радикально решать этот вопрос.

И я вынужден был решить его самыми архаичными и примитивными средствами: при помощи кувалды и носилок. И вот в течение долгих трех или четырех недель я ежедневно с утра занимался тем, что кувалдой методично отчаянно колотил по стенкам железобетонного чана, стараясь его разбить. Трудно было в течение примерно первой недели, пока после тысяч ударов по одному месту мне не удалось отколотить несколько кусков бетона от стенки чана. Главное – на стенке появились трещины, а там уже дело пошло куда как быстрее. Нет нужды повествовать далее, как мы убирали груду обломков этого чана весом в 3–4 тонны. Казалось бы, можно было все это выбросить в окно. Но у порога парадного входа образовались бы монбланы мусора, да и рискованное это дело – выкидывать тяжелые глыбы рядом с входом в главный корпус, где постоянно движется поток людей. И мы поволокли все эти обломки на носилках через коридоры второго и первого этажей во внутренний двор главного корпуса. Кто же это «мы»? И тут я должен добрым словом помянуть Михаила Федоровича Косарева, который тогда заканчивал 5 курс исторического факультета. И это, наконец, нам удалось сделать: помещение южной комнаты было освобождено. Оставалось только организовать ремонт и не только в этой комнате, а всех помещений хоров.

И это приобрело характер долгой и мучительной эпопеи борьбы с руководством университета за приведение помещений в надлежащее состояние, а по сути дело за спасение фондов Музея. В неотапливаемых, сырых и темных помещениях не только нельзя было нормально работать с коллекциями, но в этих помещениях коллекции заливало водой, резко колебался температурный и влажностный режим; в этнографических коллекциях поселялись массы моли, разных жучков и других насекомых. Коллекции фактически гибли. Неоднократные обращения в ректорат (ректор В.К. Макаров), в партком (И.Е. Попов) не имели последствий. К сожалению, и руководство историко-филологического факультета не оказывало никакой поддержки в защите Музея. Не помогли также и мои обращения с просьбой о помощи к крупнейшим ученым страны, которые знали Музей: С.В. Киселеву, А.П. Окладникову, С.И. Руденко, В.А. Обручеву и другим. Я был крайне благодарен всем им за то, что они не остались безучастными к судьбе Музея и направили в адрес руководства университета свои письма с убедительными просьбами принять меры к спасению Музея. Но руководство университета на эти обращения не отреагировало. В конце концов, в сентябре 1954 г. я вынужден был обратиться за помощью к первому секретарю Томского обкома КПСС А.В. Семину. И дело было сдвинуто с мертвой точки. Правда, это привело к тому, что заведующий Музеем, ваш покорный слуга, потерял всякую поддержку во всех делах и со стороны парткома (И.Е. Попова), и руководства историко-филологического факультета. Как бы там ни было, но к новому 1955 г. запущенное помещение хоров, где размещался Музей, приобрело более или менее нормальное состояние: была отремонтирована кровля, заменены сгнившие потолочные перекрытия, установлены отопление и электроосвещение, поставлены в арочных проемах застекленные рамы, тем самым, помещение было изолировано от зала зоомузея.

Теперь оставалось навести порядок с организацией хранения фондов: сооружение стеллажей, разбор по коллекциям материалов Музея, заказ коробок для коллек-

ций. Параллельно с этим шла работа по научной паспортизации и инвентаризации фондов Музея.

Таким образом, в конце 1950-х гг. дела в фондах Музея приобрели такое состояние, при котором уже можно было нормально работать с коллекциями. И вскоре нашими гостями стали М.А. Дэвлет, Э.Б. Вадецкая, Л.Р. Кызласов, Г.А. Максименков, Н.Л. Членова, В.А. Могильников, Т.Н. Троицкая, А.И. Мартынов, Б.Х. Кадиков. Позднее они стали известными учеными нашей страны. На это время приходится наша главная, генеральная, стратегическая задача: если нет возможности организовать экспозиционную работу, то необходимы максимальные усилия для организации широкого использования коллекций и других материалов Музея в научных исследованиях по археологии и этнографии Сибири, в том числе и в научной работе ученых Томска, а также студентов-историков, с одной стороны, и организация работ по всестороннему пополнению фондов Музея, с другой. С этой целью организованы были широкомасштабные полевые работы по исследованию памятников палеолита (Ачинская стоянка), неолита (Самусьские памятники, Яйский могильник и др.), эпохи бронзы (Самусь IV, Еловский археологический комплекс), раннего железного века (Кижирово), эпохи средневековья (комплекс у д. Могильники, Малгет, Саровка и др.). И это при исходной базовой установке: всемерное сохранение фондов Музея. Эта последняя задача выполнялась в ходе инвентаризации и паспортизации фондов.

Музей получил и нынешнее помещение (правильнее сказать – возвратился в свое прежнее помещение). Но это уже другие страницы истории. О событиях этого времени уже имеются публикации (Черняк, 1998; Матющенко, 2001).

С 1968 г. начинается, можно сказать, период особенно интенсивной работы Музея. Разработана, смонтирована и открыта экспозиция, которая функционировала более 10 лет, была усилена деятельность в упорядочении фондов, особенно в этнографических, в состав Музея фактически влился кабинет антропологии. Такая интенсивная работа Музея была обеспечена теснейшим сотрудничеством с проблемной научно-исследовательской лабораторией археологии, истории и этнографии Сибири (ПЛИАЭС), что сделало оба подразделения Томского университета фактически единой организацией с единым коллективом. В таком взлете Музея по всем важнейшим направлениям заметную роль сыграли Л.М. Плетнева, Л.А. Чиндина, В.А. Дремов, Н.В. Лукина, В.А. Кулемзин, Н.А. Томилов, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Посредников, а также руководитель ПЛИАЭС А.П. Бородавкин.

На конец 1960-х и на 1970-е гг. приходится резкий рост числа ученых, работающих с материалами Музея. Кандидатами наук стали Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнева, В.А. Посредников, Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Томилов, Н.В. Лукина, В.А. Кулемзин, В.А. Дремов. Позднее последовал очередной этап их роста: почти все стали докторами наук.

Что стало происходить с коллективом лаборатории и Музея в 1980–1990-е гг. – особая эпоха, которую можно будет оценить только позднее.

Литература

Кащенко Н.Ф. О нахождении остатков мамонта около Томска // Известия АН. М., 1896. Т. 5.

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления в пищу современным ему человеком // Записки АН по физико-математическому отделению. VIII. М., 1901. Т. 9.

Матющенко В.И. Описание фондов Музея истории материальной культуры. Вып. I: Археологический отдел. Томск, 1959. Рукопись, архив автора.

Матющенко В.И. Как это было // Вестник Омского университета. 2001. № 3.

Томский университет. 1880–1980. Томск, 1981.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1928. Т. 3, вып. 2.

Черняк Э.И. Проблемной лаборатории – 30 лет // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории [ПЛИАЭС]. Томск, 1998.

Чиндина Л.А. Тридцатилетний этап археологии Томского университета // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории [ПЛИАЭС]. Томск, 1998.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета (каталог). Томск, 1888.

Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894. Ч. I; Томск, 1896. Ч. II.

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: 125 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ

Ю.И. Ожередов
г. Томск

Настоящая работа не претендует на изложение 125-летней истории Музея с той детализацией, которая необходима для полного освещения всех сторон его жизни и деятельности. В соответствии с юбилейной направленностью она облечена в некую форму информационного сообщения, материалы которого лишь отчасти новы для широкого читателя и не станут откровением для специалистов. Здесь не ведется научная разработка отдельной или разных тем из биографии музея, а лишь повторяются в хронологическом порядке уже известных науке факты, которые в разной мере опубликованы, в том числе, и в моих статьях. Правда, по отдельным темам введены в оборот некоторые ранее не публиковавшиеся сведения? почерпнутые из архивных фондов самого музея и Государственного архива Томской области. В прежних работах, посвященных разным сторонам истории музея, а чаще всего тем или иным предметам, коллекциям или персонам, можно найти если не исчерпывающую, то достаточно обширную библиографию по многим темам из истории Музея, часть из которых отражены в подстрочнике данного сообщения. Вместе с тем, и она отражает лишь невероятно малую долю того, что написано о музее, его предметах, коллекциях и сотрудниках за 125 лет в разных городах Отечества и за его пределами (Беликова, 2002; Бицутина, 2000; Вакалова, 2003а, 2003б; Галахов, 1917; Дмитриев-Мамонов, 1905; Дмитриенко, 2002; Записка... 1884; Знаменский, 1881; Исторический очерк... 1917; Каталог... 1969; Кащенко, 1901; Квашнин, 1935; Китова, 2005, 2007; Лукина, Рындина, 1985; Масумото, Ожередов, 2002; Мец, Ожередов, 2001; Ожередов, 1992–2008; Ожередов, Разумов, 2001; Ожередов, Фадеев, 2000; Ожередов, Худяков, 2007; Плетнева, 1984; Попов, 1913; Профессора... 1998; Сапожников, 1912; Славнин, 1927а, 1927б, 1927в; Смолин, 1919; Томский университет... 1980; Тучин, 1980; Флоринский, 1880а, 1880б, 1888а, 1888б, 1889, 1890, 1894, 1895, 1896, 1898а, 1898б; Харузин, 1895; Чугунов, 1891а, 1891б, 1908; Ядринцев, 1887; Яхонтов, 1926; Ястребов, 1994, 1995). Не менее сотни статей известно сейчас в периодических изданиях, а в архивах хранятся тысячи наименований документов по настоящей теме. Даже перечислить их в данной работе займет неоправданно много места.

В данном сообщении мы лишь вскользь сможем пройти по страницам 125-летней истории Музея и затронуть только отдельные ключевые моменты его прошлого.

«Работа науки производится при содействии массы пособий, как, например, библиотеки, кабинетов, коллекций и музеев, которые для научной работы то же, что материал или орудия в каком-либо промышленном или фабричном производстве», – отметил архитектор М.Ю. Арнольд 26 августа 1880 г. при закладке в Томске Сибирского университета (рис. 1 на вклейке).

Эти слова были наполнены особым смыслом: устроители Сибирского университета задолго до начала строительства продумали будущее учебное заведение во всех деталях, соответствующих лучшим стандартам европейских классических университетов. В соответствии с этими установками, здания библиотеки и «этнографического музея» присутствовали уже на черновом наброске университетского комплекса, подготовленном в 1876 г. его строителем и будущим попечителем Западно-Сибирского учебного округа Василием Марковичем Флоринским (рис. 2 на вклейке). Однако по финансовым причинам в окончательный проект они не включены, а строительной комиссией в 1878 г. принято решение разместить эти подразделения в главном корпусе университета.

Археологический музей был основан в 1882 г. «как необходимое пособие для предполагавшегося тогда к открытию историко-филологического факультета». Как складывалась бы история формирования собраний музея при других обстоятельствах можно только догадываться, но в этом случае на стороне В.М. Флоринского, видимо, была сама удача, укрепленная его прозорливостью и настойчивостью в достижении поставленных целей. Подтверждением столь благоприятного стечения внешних и внутренних тенденций стали два семантически близких сюжета из ранней истории Томского университета. Один из них связан с формированием научной библиотеки, основой которой, как известно, стала уникальная по объему и содержанию библиотека семьи Строгановых, а второй – с основанием Археологического музея, основой которого также стало готовое собрание – коллекция «тобольских древностей». История библиотеки – тема, требующая отдельной работы, поэтому ограничусь лишь констатацией общепризнанного мнения о том, что В.М. Флоринский совершил невероятное, сумев получить редкостное графское собрание книг и рукописей в распоряжение тогда еще только строящегося Сибирского университета.

Подстать библиотечной стала и музейная история. Началу же ее послужило знакомство В.М. Флоринского с коллекцией «тобольских древностей» художника Михаила Степановича Знаменского, собранной в ходе проведенных им в 1870 г. раскопок городища и курганов на Потчевашском мысу близ Тобольска (рис. 3 на вклейке). Это случилось в первый приезд В.М. Флоринского в Сибирь в 1880 г. для участия в закладке Сибирского университета. Коллекция явно понравилась, что побудило стремление приобрести ее для будущего музея. Однако средств на такие расходы Министерство просвещения не предполагало, поэтому требуемые 300 рублей нужно было привлечь со стороны. И Флоринский их нашел. Но поскольку история первой коллекции тесно увязана с датой основания музея, то стоит взглянуть на данный сюжет именно с этой позиции.

Причиной такому совпадению послужило особое обстоятельство, придавшее пожертвованию в будущий музей особый смысл. Красноярский купец Михаил Константинович Сидоров, к которому обратился за финансовой поддержкой В.М. Флоринский, выбрал для вручения подарка особенный случай, приурочив его к 300-летию присоединения Сибири к Российскому государству. Днем официального празднования столь значимой даты было назначено 6 декабря 1882 г. Таким образом, эта дата стала одновременно и днем рождения Археологического музея, так как В.М. Флоринский позже отметил, что именно с коллекции тобольских древностей музей берет свое начало.

Что касается М.К. Сидорова, то его фигура появилась рядом с В.М. Флоринским определенно не случайно, так как он являлся представителем тогда еще немногочисленной когорты просвещенных сибирских купцов, служивших Отечеству на самых разных поприщах не считаясь с собственной выгодой. О неординарности этой личности свидетельствует одно то, что в 1860-е гг. М.К. Сидоров являлся членом 19 российских и 6 иностранных коммерческих и научных обществ. А, принимая во внимание то, что не все они брали в расчет финансовый ресурс претендента остается полагать, что в большинство из них он был включен за реальные заслуги.

М.К. Сидоров вполне заслуживал такого признания. Помимо коммерческой деятельности он известен как исследователь полярной зоны Сибири и Приуралья, прославился своими открытиями полезных ископаемых и поисками северного судоходного морского пути. Его экспедиции изучали быт и нравы сибирских аборигенов, а сам он писал научные труды. Не исключено, что, будучи человеком самобытным, он и в случае с тобольской коллекцией смотрел более в будущее, нежели чем в настоящее. Обозначив своим подарком знаменательную дату, он тем самым не столько подал пример меценатства, которое уже имело множество примеров, сколько символизировал рождение первого сибирского гуманитарного центра науки и просвещения. Через 300 лет после политического приобщения и освоения Сибири началось ее научное освоение учеными, живущими в Сибири и приобщение к мировой науке и культуре. Люди вроде М.К. Сидорова вполне были способны на такие глубокие мысли и великодушные поступки.

Что же касается самой коллекции, то это весьма большое и разнообразное собрание разнотипных предметов материальной и духовной культуры таежного населения первой половины I тыс. н. э. Коллекция состоит из более чем шестисот единиц, среди которых присутствуют изделия из бронзы, железа, кости и глины. Целый ряд из них отличается высоко художественным исполнением и отделкой.

Вполне понятно, что составляющие коллекцию предметы некогда играли важную роль в хозяйственной и сакральной жизни обитателей Прииртышья. Необыкновенно интересны, например, глиняные фигурки всадников на лошадях. У глиняных лепных коней вместо ног были вставлены палочки, отдельно вылепленные седла уложены на спины коней, а в них помещены глиняные же фигурки всадников. Сложно интерпретировать данные предметы (детские игрушки ли это, или сакральные изображения мифических богатырей, или то и другое вместе взятое), но они, как и многое другое, свидетельствуют о появлении на севере Западной Сибири групп коневодов с характерными скифоидными культурными чертами, выходцами, предположительно, из состава сарматских кочевых племен Казахстана и Южного Приуралья.

Несмотря на то, что раскопки были проведены любителем и научно не документированы, собранная коллекция представляет большой научный интерес. Свидетельством тому стало неоднократное к ней обращение крупных специалистов в области археологии Западной Сибири. В 1953 г. известным ученым В.И. Мошинской была осуществлена ее первая отечественная публикация.

В 1885 г. завершилось строительство главного здания Сибирского университета. И вскоре после его сдачи была открыта первая экспозиция Археологического музея, который расположился в трех аудиториях второго этажа южной части главного

здания. Коллекции, собранные к этому времени усилиями основателя и многих его добровольных помощников, были распределены по трем основным дисциплинам: в одном из залов разместились экспонаты из археологии, в другом из этнографии, а в третьем предметы исторические, видимо, без обязательной этнической привязки.

Все годы вплоть до отъезда из Томска музеем заведовал сам В.М. Флоринский. Кроме него при музее постоянно состоял служитель, который занимался уборкой и помогал заведующему в хозяйственных делах. Многочисленные соратники основателя, пополнявшие музей всевозможными предметами, всегда оставались его внештатными сотрудниками, некоторые из которых не оставляли свою благотворительную деятельность многие годы. Перечисление всех их в рамках настоящей работы заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся лишь именами, названными самим устроителем музея и некоторыми из тех, которые послужили этому делу позже и не вошли в почетный список В.М. Флоринского, опубликованный в предисловии к первому музейному изданию, названному автором – Археологический музей Томского университета (Флоринский, 1888а).

В предисловии к этой работе, а, по сути, к первому каталогу, имевшему далее два прибавления (1890, 1899 гг.), основатель почел «приятным долгом засвидетельствовать ...глубокую благодарность всем лицам, обогатившим музей своими дарственными вкладами». Первым назван М.К. Сидоров, а следом А.И. Дмитриев-Мамонов, дополнивший «тобольскую коллекцию» Знаменского собственным собранием из курганов и городища на Чувашском мысу.

В 1881 г. председатель тобольского губернского правления Александр Иннокентьевич Дмитриев-Мамонов проводил самостоятельные раскопки, материалы которых безвозмездно передал в музей Сибирского университета. Во время раскопок исследователь довольно точно и научно документировал процесс работы. До наших дней сохранились некоторые из полевых дневников и фотографии, иллюстрирующие процесс раскопок и собранные находки. Вся его коллекция маркирована специально изготовленными для этого случая этикетками, где отмечено место находки.

Далее в перечне Флоринского упомянут томский горный исправник Леонид Николаевич Некрасов, передавший большую археологическую коллекцию, собранную им на Алтае и в Хакасско-Минусинской котловине. Несмотря на эклектичность данного собрания и отсутствие точных географических и объектных привязок, культурно-хронологически данный комплекс вполне дифференцирован. Исследование, проведенные группой ученых Алтайского государственного университета показало, что коллекция по-прежнему представляет большой интерес с точки зрения номенклатурного и типологического состава. Данный вывод инициировал проведение ряда мероприятий для подготовки ее полного издания, которое осуществится в ближайшее время в одном из сборников музея.

Особого внимания заслуживает отмеченное основателем имя Иннокентия Петровича Кузнецова-Красноярского. Не следует его путать, что иной раз случается в публикациях, с современником и однофамильцем – ученым библиотекарем университета археологом Степаном Кировичем Кузнецовым, который также внес серьезную лепту в сибирскую археологию. Иннокентий Петрович принадлежал к семье крупных красноярских золотопромышленников, но много времени, сил и средств употребил на

исторические исследования, раскопки археологических памятников, коллекционирование предметов древности и предметов быта и верований сибирских аборигенов, исторических документов и других свидетельств из истории Сибири.

Однако В.М. Флоринский в данном случае благодарил его за «редкую коллекцию бытовых предметов американских индейцев». Во время своих путешествий в 1876 и 1877 гг. по Западу Северной Америки И.П. Кузнецов собрал и подарил музею бесценную и во многом уникальную коллекцию бытовых и культовых предметов скольких известных племен североамериканских индейцев (команчи, дакота, сиу, черноногие и др.), включавшую 123 изделия и 55 фотографий. В Государственном архиве Красноярского края хранится фото, любезно предоставленное автору заведующей отделом истории Красноярского краевого музея Л.Н. Сысоевой, на которой И.П. Кузнецов запечатлен в одежде североамериканского траппера, со всеми присущими этой профессии атрибутами (рис. 4 на вклейке). Собрание археологических, этнографических и исторических коллекций И.П. Кузнецова-Красноярского является в музее самым крупным в числе поступлений от частных лиц. На протяжении своей жизни он передал в музей более 1 000 предметов и документов. Еще более 1 000 поступило после его смерти.

Меценатство было свойственно всем представителям семьи Кузнецовых. Повелось это от отца, Петра Ивановича, отличавшегося художественным вкусом и стремлением к цивилизованному, культурному и даже изысканному образу жизни. Следует вспомнить, что именно благодаря его прозорливости миру явился знаменитый художник Василий Иванович Суриков. Петр Иванович при первом знакомстве поверил в гений юноши и создал все возможные условия для его творческого развития. С торговым караваном Василий прибыл в Петербург, был поселен в столичной квартире Кузнецовых. На стипендию, назначенную Петром Ивановичем, юноша жил пока учился в Академии художеств и им же был спасен, когда опасно заболел туберкулезом. Дети Петра Ивановича были хорошими друзьями художника, а особенно сблизился с Василием младший из сыновей – Иннокентий. Суриков, будучи уже известным живописцем, в 1892 г. прожил несколько месяцев в минусинском имении Иннокентия Петровича (прежде главной «резиденции» Петра Ивановича) на р. Немир, где занимался зарисовкой персонажей для своей очередной этапной картины «Покорение Сибири Ермаком». Здесь он встретил прототип для образа Ермака, а Кузнецову подарил один из акварельных эскизов, который позже оказался в музее вместе с карандашным портретом И.П. Кузнецова, выполненным еще молодым художником в1874 г. в столице.

Последним в перечне Флоринского назван купец Георгий Петрович Сафьянов, подаривший в музей «сойотскую этнографическую коллекцию», которая прежде чем попасть в Томск, была отмечена золотой медалью Уральско-сибирской выставки. Как отмечалось в этнографической литературе это до сих пор одна из лучших в стране музейных подборок тувинских предметов XIX в.

Говоря о дарителях, нельзя не упомянуть известного сибирского купца и старосту университетской церкви Ивана Герасимовича Гадалова, который к первой годовщине университета сделал весьма оригинальный подарок, повторив, по сути, но превзойдя по щедрости жест М.С. Сидорова. Для этого он купил за 2 050 рублей археологическую коллекцию минусинских древностей, включавшую 765 предметов,

собранную в г. Енисейске неким швейцарским подданным господином П.А. Бойлингом. Учитывая тогдашнюю стоимость рубля, дар Гадалова по своей щедрости стал воистину купеческим.

Интересную подборку предметов и фотографий с типами населения и видами Кульджа и Суйдин в Синцзяне в 1887 г. пожертвовал дед знаменитого композитора Болеслав Петрович Шостакович, отбывавший политическую ссылку в Нарыме. В составе его коллекции в музей поступило несколько десятков фотографий с видами Кульжийского района, китайские поделки, образцы лекарственных препаратов, письма и писчая бумага, резной нефрит и два чугунных буддийских колокола из храмов г. Суйдин. Генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский подарил по случаю окончания в 1885 г. строительства университета «этнографический альбом Кульджинского района и Семиреченской области», состоящий из 115 фотопортретов типажей разных этнических групп, среди которых присутствуют представители знатных уйгурских семей.

Одним из крупнейших жертвователей не отмеченным в каталоге стал сам В.М. Флоринский, вложивший в музей большое количество археологических и этнографических предметов, фотографии, карты, рисунки и гравюры, великолепную коллекцию печатной народной лубочной картинки XIX в. Основатель положил начало археологическим собраниям, пожертвовав в музей фрагмент кольчуги спекшейся в огне славянского погребального костра. Наряду с личными пожертвованиями, не меньшую ценность представляет его деятельность, направленная на то, чтобы сотни предметов и десятки частных коллекций были переданы в музей.

В.М. Флоринский «заразился» древностями после посещения Керчинского музея и знакомства с профессором Варшавского унивепрситета Д.Я. Самоквасовым, подарившим ему в 1875 г. фрагменты упомянутой выше кольчуги. Будучи профессором Казанского университета, в 1870-е гг. он посещает местное археологическое общество, совершает исследовательские поездки в Поволжье, на развалины Древнего Булгара. В 1882 г. В.М. Флоринский проводит свою первую сибирскую археологическую «экскурсию», как именовали непродолжительные экспедиции, по р. Томи и собирает предметы из разрушенных рекой курганов. С этим начинается специально организованное пополнение собраний Археологического музея университета и зарождение томской археологии.

Таким образом, музей и наука, которой он во многом обязан своим рождением, одновременно начали свой путь и вместе подошли к своему 125-летнему юбилею.

Вместе с тем, системного научного подхода в формировании коллекций музея не было очень долго. Нельзя сказать, что попытки такого рода не предпринимались вовсе, но имевшие место эпизоды были настолько нечастыми, что стали более исключением, чем правилом. Тем не менее, эпизодические, но очень серьезные стационарные исследования, проведенные учеными Томского университета заложили основу научных исследований в Западной Сибири и стали отправной точкой для дальнейших открытий в области археологии, этнографии и антропологии огромного региона. Работами целой плеяды ученых сформировалась ранняя томская археологическая школа.

Этапными в ее становлении стали начатые В.М. Флоринским разведки по берегам р. Томи (1882 г.) и раскопки Тохтамышевского могильника томских татар XVII в. (1885 г.). В этот же ряд встали его систематические исследования археологических

памятников Семиречья, которые он вел как сам, так и через посредство других лиц. Попечитель своей активностью инициировал целую серию археологических исследований на томской земле и в сопредельных районах. Томскими учеными С.К. Кузнецовым и А.В. Адриановым ведутся раскопки Томского могильника в Лагерном Саду (1887 и 1889 гг.), профессором М.Ф. Кащенко Томской палеолитической стоянки (1896 г.), прозектором С.М. Чугуновым исследуются памятники на Барсовой Горе (1890 г.), на р. Яе, в Барабе и на Обь-Енисейском канале (1908 г.), С.К. Кузнецовым раскапывается могильник у Архиерейской заимки (1899 г.), им же совместно с Ф. Жилем раскапываются памятники томских татар XVII в. на Тояновом городке (1903 г.), А.В. Адриановым ведется изучение петроглифов, могильников и остатков «китайского» городка в Хакасии и Туве (1904, 1907, 1915–1916 гг.).

Однако, несмотря на довольно большой объем работ, проведенный томичами, только часть материалов из раскопок попадает в Археологический музей университета. Большинство отсылается в столичные организации, финансировавшие полевые исследования. Таким образом, планомерного и системного изучения местных памятников почти не велось и, также, не было систематического пополнения коллекций музея. Даже в 1920-е гг. Томско-Нарымская и более северные территории в археологическом отношении оставались подлинной terra inkognita. Подтверждением тому служит сомнение, высказанное М.П. Грязновым в заключении ГАИМК по поводу целесообразности проведения на этой территории раскопок с целью формирования коллекций для экспортных операций, которые планировались по заданию «Новоэкспорта» (Китова, 2007: 158).

Формирование этнографических собраний также многие годы осуществлялось по принципу случайных, бессистемных поступлений. Но, тем не менее, подаренные и переданные из других музеев коллекции и предметы по своему качеству и оригинальности отвечают самым высоким требованиям, а географическое и этническое их разнообразие дает представление о многообразии и самобытности не только сибирских народов, но и их соседей в Средней, Центральной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке и в Северной Америке.

Период становления музея наполнен интереснейшими событиями, сопряженными с появлением материалов необыкновенной научной и художественной ценности, в большинстве случаев не утраченной ими до сих пор. К таковым, например, относится приобретенный в 1884 г. у священника Гурьева Егозовский клад, представлявший собой остатки священного места, изобиловавшего бронзовыми изделиями, в котором находились диски-зеркала и набор литых фигурок синкретичного орнитозооморфного содержания.

После отъезда из Томска В.М. Флоринского, случившегося 5 августа 1898 г., на его место был назначен протоиерей, профессор богословия Дмитрий Яковлевич Беликов, заведовавший музеем до 1905 г. Но тогда же случился ряд негативных перемен. Удобные светлые помещения музея передали гистологическому кабинету, а музей был перемещен в тесные комнаты на третьем этаже рядом с зоологическим кабинетом, где уже не было возможности развернуть прежнюю экспозицию. Но далее он и вовсе оказывается на хорах университетской церкви, где его видимо, приютил заведующий Д.Я. Беликов. Несмотря на начавшиеся тяготы в этот период было заложено

продолжение каталога Флоринского и начато описание нумизматической коллекции, которой последний не уделил места в своем каталоге.

В начале XX в. в Томске обосновался известный в Сибири общественный деятель, журналист, писатель, исследователь археологии и этнографии Александр Васильевич Адрианов, организовавший целый ряд больших и малых экспедиций в Хакасию и Туву, где провел археологические исследования, собрал этнографические материалы, а также сделал множество фотографий традиционных обитателей Сибири и их быта (рис. 5 на вклейке).

В 1905 году ректором Сибирского Университета стал В.В. Сапожников, известный исследователь Центральной Азии и Алтая, крупный ученый, признанный специалист в нескольких науках (рис. 6 на вклейке). В 1907 г. к нему обратился Григорий Николаевич Потанин с просьбой уделить должное внимание Археологическому музею, который пришел в запустение, переведен в тесные помещения, не приспособленные ни для экспонирования, ни для хранения. Более того, коллекциями практически никто не занимался, они ветшали и разрушались. Ректор поставил данный вопрос на обсуждение Совета университета, который назначил заведовать музеем самого В.В. Сапожникова, предоставив ему широкие полномочия, привлекать для работы всех, кого он посчитает нужным.

По совету Г.Н. Потанина для разборки коллекций, приведения музея в порядок и подготовки каталога ректором был приглашен А.В. Адрианов. В качестве заведующего, последний проявил завидную активность: ему удалось привлечь к работе в музее группу студентов, участников студенческого сибирского кружка, с которыми в течение 6 месяцев он занимался приведением коллекций в порядок. Кроме того, при участии Г.Н. Потанина, им была развернута компания, направленная на пополнение собраний музея. И они в этом преуспели, так как от разных лиц было принято множество новых экспонатов, а на средства университета приобретена этнографическая коллекция «минусинских инородцев» состоявшая из 112 предметов. Однако в 1909 г. по настоянию попечителя учебного округа Л.И. Лаврентьева политически неблагонадежный А.В. Адрианов из университета был выдворен, и дело восстановления музея замерло, что и было отмечено анонимом в Сибирской газете в 1911 г. Однако период деятельности Адрианова не прошел для музея впустую. Помимо того, что музей был фактически возрожден, он еще хорошо пополнился новыми экспонатами.

В 1907 г. сотрудником университета Г.Э. Иоганзеном из г. Барнаула были доставлены коллекции некогда очень известного Музея горнозаводского дела, основанного в 1823 г. Томским гражданским губернатором и начальником Колывано-Воскресенскими рудокопными заводами П.К. Фроловым. В становлении музея и в научном его развитии активнейшее участие принял ученый естествоиспытатель Ф.В. Геблер. В этнографическую часть музея вошли предметы тлинкитов Северной Америки, несколько комплектов эвенкийских ровдужных костюмов с аппликациями, отделкой из подшейного волоса оленя и бисерным шитьем. Особо среди них выделяется костюм шамана, увешанный железными подвесками, часть из которых изображают личных духов помощников, а другие – разного рода обереги и талисманы шамана. Костюм сопровождали различные шаманские атрибуты, включающие бубны, колотушки, корону, ритуальные пояса и нагрудники. Вместе с этим поступила кол-

лекция защитного вооружения, яркими образцами которой стали джунгарские пластинчатые доспехи XVII в., шлемы, кольчуги, а также предметы оружия ближнего и дистанционного боя разных времен, в том числе, коллекция сабель начала II тыс.н. э. и другие вещи.

В те же годы музей получил несколько археологических «кладов». Самый крупный из них – Елыкаевский был передан в 1909 г. из городской управы по указанию Томского гражданского губернатора Н.Н. Гондатти. В 1908 г поступил необыкновенно интересный и редкий по своему составу Терехинский клад конца I тыс. н. э., позже переданный в Императорский Эрмитаж. Клад, судя по описанию находчика, мог быть захоронением знатного тюркского воина, на что указывали золотые ременные украшения и другие изделия из драгоценных металлов.

В 1910 г. музей возглавил профессор государственного права П.М Богаевский, а с 1912 г. по 1915 г. заведующим был протоиерей, профессор богословия И.Я. Галахов. Если первый на посту заведующего ничем особым не отличился, то второй энергично занялся музеем и его делами. Помещение, где хранились коллекции, по его словам, «не имело отдельного служителя, не проветривалось, не чистилось, не мылось и было похоже на заброшенную кладовую с тяжелым запахом». Весной 1913 г. помещение было приведено в порядок, проверен каталог, незарегистрированные предметы внесены в опись и распределены по отделам.

В смутные годы революции, гражданской войны и первые советские годы музей возглавляли разные люди, которые часто менялись, не успевая, оставить в музее какой-либо след. В этот период в собраниях музея случилось два крупных прибавления. В 1920 г. душеприказчица И.П. Кузнецова-Красноярского О.И. Иваницкая, передала в музей его архив, личные вещи и коллекции археологических предметов, вооружения, рукописей.

Одновременно в эти годы пополнился фонд А. В. Адрианова. В дополнение к тому, что он собрал для музея при жизни, после его кончины в марте 1921 г., дочь исследователя Мария Александровна передала в музей коллекции из раскопок, которые он провел по заданию Комитета по изучению Средней и Восточной Азии в 1915–1916 гг. в Туве. Из-за военного времени, а затем революции и гражданской войны коллекции так и не были отправлены в Петербург, а после трагической кончины исследователя этим уже и некому было заниматься.

В 1919 г. в Томском университете состоялось долгожданное открытие историко-филологического факультета, с которым связывались надежды на оживление в деятельности музея. Однако документы, подтверждающие такого рода перемены, пока не обнаружены. Вероятно, надежды не оправдались из-за сложной внутренней ситуации в стране в целом и в Сибири в частности. А факультет, открытый Временным сибирским правительством просуществовал всего один год и был закрыт распоряжением советского правительства, пришедшего на смену временному.

Зародыши учреждений, заложенные до 1920 г. и подававшие надежды на оказание помощи делу развитию музея, не успели дать серьезных всходов. Известно, что в 1920–1921 г. существовало Общество этнографии, истории и археологии при Томском университете», которое успело даже издать свои труды, но дальнейшая его судьба, видимо такова же, как историко-филологического факультета и Института

исследования Сибири, ликвидированных после недолгого существования. Последний был самым серьезным и успешным учреждением, развернувшим научные программы по изучению археологии и этнографии Сибири и сопредельных территорий. Возглавил его профессор Василий Васильевич Сапожников. Сотрудниками института стали прибывшие в 1919 г. в Томск известные уже археологи С.И. Руденко и С.А. Теплоухов, а в 1920 г. приехал этнограф Ф.А. Фиельструп. За два с небольшим года существования института эти люди успели провести необыкновенно плодотворные научные экспедиции. Многотомные Труды съезда по организации Института исследования Сибири, опубликованные сразу после организации учреждения, стали первым изданием не только отразившим организационные и административные стороны деятельности Института, но также и исследовательские программы с их серьезными научными обоснованиями. При институте предполагалось организовать музей, призванный стать музейным центром Сибири. Однако музей создать не успели, а собранные материалы позже поступили в Этнолого-Ахеологический музей, как тогда называли бывший Археологический музей.

После ликвидации института часть его фото, документальных и изобразительных собраний, в том числе, из личного фонда Г.Н. Потанина попадает в музей. Особо следует отметить собрания рисунков археологического и этнографического содержания, оставленные томскими художниками-сподвижниками Г.Н. Потанина в изучении традиционного искусства народов Сибири и выработке особого «сибирского художественного стиля». Особенно плодотворно в этом направлении работала А.А. Воронина-Уткина (рис. 7 на вклейке), посетившая с экспедициями А.В. Анохина и Г.Н. Потанина Горный Алтай и Северо-Восточный Казахстан. Вместе с фондом института в музей перешла часть экспедиционных рисунков А.В. Потаниной, альбомы и рисунки из путешествий П.М. Кошарова, спутника П.П. Семенова-Тяншанского, и ряда других сибирских художников-исследователей сибирского быта и нравов.

В период революции и Гражданской войны музей передавали от одного сотрудника университета к другому. Попеременно им заведовали профессора права Н.Я. Новомбергский и П.М. Богаевский, профессор русского языка и литературы А.Д. Григорьев, профессор права и философии И.Т. Филиппов, по некоторым данным заведующим побывал даже Н.Н. Бокай. Но все они были людьми временными и потому просто не смогли сделать серьезного вклада в развитие музея.

Подлинное возрождение музея началось в 1923 г. с назначением на заведование географа Алексея Константиновича Иванова (рис. 8 на вклейке) и приходом на должность сотрудника, исполнявшего обязанности хранителя Порфирия Порфирьевича Славнина.

В 1923 г. в нынешнем помещении музея ими была открыта первая послереволюционная экспозиция, велась активная научная деятельность, организовывались тематические выставки. В 1925 г. при музее был создан Туземный студенческий кружок, где студенты-нацмены (термин, возникший в 1920-е гг. из слияния двух слов – национальные меньшинства, до революции их называли сибирские инородцы) – буряты, якуты, алтайцы, объединенные интересом к истории собственных народов активно ее изучали и пропагандировали. По существу в новой форме возродилась концеп-

ция Г.Н. Потанина, призывавшая к тщательному изучению российских окраин и их ресурсов, в том числе, этнических особенностей коренных обитателей.

Идейное содержание деятельности кружка, по сути, опиралась на позиции тогдашней государственной политики в отношении к окраинам государства, основывавшейся на необходимости вовлечения их в политическую и хозяйственную сферы жизни страны, на осуществлении программ социального и экономического развития Сибири, разработки ее природных ресурсов. Хорошей иллюстрацией озабоченности властей стал разработанный Томским губернским исполнительным комитетом Совета рабочих и крестьянских депутатов План работ Томского Комитета содействия туземцам губернии от 3.071925 г. Согласно плану предполагалось «установление списка туземных племен и определение их численности», выявление их хозяйственного состояния, проведение хозяйственных, административных и культурно-социальных мероприятий, направленных на организацию туземных сельсоветов, кооперирование, изучение рыболовного хозяйства Нарымского края, упорядочения пушных промыслов в рамках общегосударственных интересов и т.д. Все эти вопросы, так или иначе, решались участниками кружка в каникулярное время, когда они возвращались в родные места и занимались сбором информации согласно специально разработанному кружковцами опроснику, отпечатанному отдельной брошюрой на стеклографе.

В конце 1920-х гг. на основании распоряжения Наркомата просвещения в Томском университете была проведена работа по созданию Краеведческого кабинета. Достаточно полно условия для развития предстоящей краеведческой работы кабинета показаны в «Докладной записке по вопросу об организации Краеведческого кабинета при Томском Государственном университете». Данный документ сейчас интересен в том отношении, что затрагивает историю Этнолого-Археологического музея, который напрямую связывается с предстоящей деятельностью Краеведческого кабинета. Приведу ту ее часть, которая в полной мере характеризует все направления исследовательской, образовательной и просветительской работы, выполняемые томский университет по собственным инициативам.

«Краеведческая работа в Томском Государственном университете развернулась в послереволюционный период с 1922 года, особенно при физико-математическом факультете, при некоторых музеях, в обществе Естествоиспытателей и врачей, в студенческих кругах. На физмате с 1922 года ежегодно стал проводиться при кафедре Географии курс "География Сибири" и с того времени кабинет географии стал вести живую краеведческую работу, продолжающуюся и в настоящее время. С 1923 года стал функционировать Этнолого-Археологический музей, представляющий своими значительными научно-ценными коллекциями доисторическое и современное туземное население Сибири. При этом музее с 1924 года стал функционировать Туземный Краеведческий кружок, в состав которого вошли все учащиеся в гор. Томске нацмены в целях подготовки к будущей своей краеведческой деятельности в национальных областях. Кружок зарекомендовал уже себя своей деятельностью в Краевых и центральных краеведческих организациях. С переходом Этнолого-Археологического музея в 1926 году в ведение Томского Государственного Университета, кабинет, музей и кружок еще более тесно связались с краеведческой работой и постоянно принимали живейшее участие в ней как в самом Томске, так и вне его. Направление работы крае-

ведческой было самое разнообразное: научно-исследовательское (экспедиции, экскурсии, разведки), методическое, организационное и популяризаторское. Установилась постоянная связь с местными и краевыми краеведными организациями, музеями, научными обществами, кружками, с экскурс-туристическими бюро, профорганизациями и т.д. За этот период кабинетом, музеем и кружком проведена следующая работа по краеведению: 1. Научно-исследовательского характера: археологическая, мемнологическая и магнитная экспедиция в минусинском крае, географическая поездка в Западный Казахстан, мемнологическая экскурсия в Калтайском бору Томской Губернии, археологические раскопки около гор. Томска, археологические разведки побережий реки Томи, этнологическая экспедиция по изучению Горной Шории (собрана единственная в СССР и в мире коллекция шорская), экскурсия по р. Томи от верховьев до Томска, экскурсия в западный Алтай. 2. Методологического характера по вопросам краеведения и экскурсионной работы проводились: лекции, доклады и беседы на различных окружных курсах переподготовки учителей, просвещенцев, культработников, клубных работников, избачей, работников транспорта, финансовых курсов, института повышения квалификации педагогов (заочников), учителей туземных школ северных районов (Комсода), в студенческих краеведческих кружках и кружках городских педагогов. Кроме того, постоянно велась и ведется консультационная работа по методике краеведения с педагогами средних и начальных школ, различными красведческими обществами и ячейками по переписке (Барабинск, Рубцовск, Кузнецк, Нарым, Красноярск, Новосибирск, Бурмонгольская Республика, Ойратия, Казахстан, Горная Шория); с присзжающими краеведами их центра и Сибирских городов, с научными работниками Томска и студентами ТГУ и СТИ (особенно дипломниками). 3. Организационного характера – по организации местных краеведч. обществ. кружков (гор. Кузнецк, Шорский край, Рубцовский округ, Хакасский округ, Ойратская область, Бур. Монгольский край, Казахстан.Р.), участие в Сиб. научно-исследов. съезде в Сиб. области. Картографич. совещании, Сиб. Музейном совещании. 4. Популяризаторского характера работа выразилась в развитии интенсивного посещения музеев ТГУ, многочисленных лекциях и докладах по краеведению в разных клубах, на выставках и т.д. 5. Издательского характера – издание краеведческой библиотеки при С.Н.Р. Вся эта работа ведется при наличии недостаточных средств и материалов по краеведческой литературе, картографии и библиографии, при отсутствии концентрированности их, разбросанности их, при недостатке работников и отсутствии технической помощи. Эти обстоятельства в значительной степени мешают развертыванию в должной степени краеведческой работы. Между тем ТГУ по своему значению и положению среди других Сиб. ВУЗ должен был бы вести эту работу широко и бесперебойно. В некоторых ВУЗах СССР и на Дальнем Востоке мы имеем примеры концентрации этой работы в специальных кабинетах краеведения, в других случаях эти кабинеты организованы при музеях. Томскому Государственному Университету, Физико-Математический факультет которого обслуживает всю Сибирь, необходимо создать свой кабинет Краеведения, на первое время хотя бы в масштабе Сибкрая, а потом развернуть его и на всю Сибирь. О необходимости такого кабинета свидетельствуют факты обращения за Краеведческой консультацией в ТГУ из разных мест Сибкрая. Кабинет Краеведения при ТГУ должен находится в тесной связи с ка-

бинетами Физмата и Медфака, а также и СТИ, заинтересованными в краеведческих вопросах, с музеями, научными обществами и кружками. Особенно тесно его работа будет соприкасаться, естественно, с кабинетом Географии и Этнолого-Археологическим музеем. Задачами кабинета должны быть: 1) Производство научно-исследовательской краеведческой работы. 2) Собирать и хранить краеведческие материалы по Сибири, особенно: литературу, картографию, библиографию и иллюстрированные материалы, составлять карточные каталоги (географический и друг.) 3. Служить учебно-вспомогательным учреждением при ТГУ (намечать и выдвигать темы для проработки на кафедрах, обслуживать кафедры, студенчество, научных работников и т.д.) 4) Служить для общественного пользования по разнообразным и многочисленным вопросам краеведения (для педагогов, учителей сельских, культработников и т.п.) 5) Вести подготовку краеведов (особенно на будущем Педагогическом факультете ТГУ) В общем кабинет краеведения должен вести более широко и концентрированно ту краеведческую работу, которую вел до сих пор ТГУ..».

В рамках развития краеведения музеем ведется деятельная работа в деле пополнения своих собраний. В 1924 г. А.К. Ивановым проводятся археологические обследования томской береговой линии от с. Калтай до устья Томи и раскопки на археологических памятниках Тоянова городка. В 1925 г. совместная экспедиция музея и Общества естествоиспытателей и врачей, воссозданного в Томском университете после революции, организуют экспедицию в Кузнецкий край, где помимо изучения сбора материалов этнографии шорцев, проводят сборы и раскопки археологических памятников. Начало этой работы совпало с обращением университета в 1925 г. в Совет Народных Комиссаров с просьбой передать музей из управления Главнауки университету. Такое решение было принято и музей окончательно закрепился за университетом. До этого решения он принадлежал структуре будущей Академии наук.

До начала 1930-х гг. А.К. Ивановым было организовано несколько экспедиций к коренным обитателям Горного Шории, где были собраны этнографические и археологические материалы, сделаны фотографии, записи и зарисовки.

Начало 1930-х гг. характеризуется свертыванием и репрессивными мерами в отношении исторического краеведения, что не минуло и музеи. По отношению к последним репрессии проявились в форме «чистки» от остатков идеологического прошлого: специальные комиссии выявляли и изымали экспонаты с монархической символикой, а также связанные с именами людей, скомпроментированными перед советской властью. Этнолого-Археологический музей как и другие прошел через эту чистку.

В 1934 г. инспектировалось наследие Г.Н. Потанина, переданное в университет с остатками имущества Института исследования Сибири. По решению комиссии было признанные не представляющими научного или какого-либо другого интереса эпистолярное наследие, фотографии и личные вещи ученого. В 1937 г. один за другим были репрессированы и расстреляны бывший заведующих музеем А.К. Иванов и действующий М.Т. Маркелов (известный этнограф, сосланный по политическим соображениям из Москвы в 1934 г.). С 1937 по 1940 гг. жизнь в музее замерла. Назначенный в 1937 г. на должность заведующего профессор экономической географии Н.А. Квашнин заметного следа от своего пребывания в музее не оставил.

В 1940 г. был открыт так давно ожидаемый историко-филологический факультет, который возглавил высланный в Томск археолог профессор Константин Эдуардович Гриневич. Одновременно он стал и заведующим музеем. Однако дальнейшему развитию и факультета и музея помешала разразившаяся война. В главном корпусе расположился эвакуированный завод, выпускавший детали и механизмы для танков. По воспоминаниям современников тех событий, в нынешнем помещении музея работал цех по изготовлению оптики для танковых орудийных прицелов. Фонды музея и после войны достаточно долго находились в подвале Бактериологического института (БИН), где в результате неоднократных затоплений и перепадов температур пострадало множество предметов из дерева, кожи, меха, тканей.

После войны в музей пришел археолог Евгений Михайлович Пеняев, который много лет занимался приведением в порядок коллекций, возвращенных из подвальных хранилищ периода войны. Кроме того, его полевые работы в Причулымье существенно пополнили собрания музея новыми материалами. В 1951 г. его преемником стал будущий светила сибирской археологии Владимир Иванович Матющенко (рис. 9 на вклейке), много сделавший для дальнейшей систематизации и учета старых коллекций, а также много прибавивший в собрания музея своими масштабными раскопками археологических памятников широкого хронологического и этно-культурного диапазона.

В 1961 г. ответственность за музей приняла Людмила Михайловна Плетнева, руководившая им бессменно до 1968 г. Затем в течение года музеем заведовал историк Г.В. Сулев, которого в 1969 г. сменил археолог Ю.Ф. Кирюшин. В 1970 г. в музей возвращается Л.М. Плетнева и остается в качестве заведующего по 1985 г. До начала 1987 г. номинальным заведующим являлась археолог О.Б. Беликова, после чего в марте 1987 г. на эту должность был назначен археолог Ю.И. Ожередов.

Поворотным послевоенным событием для музея стало открытие в 1968 г. Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, которая разместилась на базе музея. В этом году лаборатории исполняется 40 лет, но, к сожалению, былого ее значения в современной науке не стало с уходом в тяжелые 1990-е гг. практически всех специалистов, трудами которых она была создана и долгое время поддерживалась в лидирующей группе исследовательских учреждений страны. Силами ее сотрудников, хорошо известных сегодня в Томске и за его пределами ученых, археологов Ю.Ф. Кирюшина, Л.М. Плетневой, Л.А. Чиндиной, этнографов В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Н.А. Томилова, антропологов Н.С. Розова и В.А. Дрёмова, историков А.П. Бородавкина, В.П. Зиновьева, А.Н. Топчего, Э.И. Черняка и многих других, была выстроена археолого-этнографическая экспозиция, которая демонстрировалась вплоть до 1982 г. Ее закрытие было обусловлено началом ремонта музея, закончившегося лишь в 1996 г. вместе с окончанием капитального ремонта всего главного корпуса университета.

История музея в составе ПНИЛ ИАЭС, как выглядела аббревиатура лаборатории, имеет свою богатую событиями историю, требующую отдельного исследования. А пока только отмечу, что трудами ежегодных археологических и этнографических экспедиций лаборатории на протяжении более 20 лет было собрано несколько сотен больших и малых коллекций принесших в музей на хранение множество новых предметов многих культур и народов североазиатского региона.

На сегодняшний день музей насчитывает свыше 300 000 единиц хранения, но, как и прежде, не располагает достаточным объемом экспозиционных и служебных площадей. Надежда найти выход из затруднений в последние годы фактически возлагается на реализацию замысла В.М. Флоринского о строительстве отдельного музейного корпуса Томского университета. Старая идея не только не забыта, но озвучена ректором университета профессором Г.М. Майером в качестве проекта будущего.

В рамках строительства и открытия музейного корпуса, и создания новой экспозиции, предполагается решить и другие старые и вновь созревшие проблемы, связанные с новыми требованиями, предъявляемыми к вузовским музеям по линии организации современной системы учета и хранения, обеспечения кадрами, материально-техническим и финансовым ресурсами.

Литература

Беликова О.Б. «Скандинавская» коллекция И.П. Кузнецова-Красноярского // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Бицутина И.Е. Декоративно-прикладное искусство в Томске на рубеже XIX–XX вв. // Художественная жизнь Сибири начала XX в. Томск, 2000.

Вакалова Н.В. История формирования и развития музеев Томской губернии XIX – нач. XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Вакалова Н.В. Музеи Сибири конца XIX – начала XX: вопросы источниковедения // Музеология как основа единства и культурного разнообразия. Барнаул, 2003.

Вакалова Н.В. Особенности работы музеев Императорского Томского университета (1888–1892) // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2003. Т. 1.

Вакалова Н.В. Из истории зарождения музеев Сибирского университета: вопросы источниковедения // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2003. № 10.

Галахов И.Я. Археологический и этнографический музей // Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917.

Дмитриев-Мамонов А.И. К истории 1-го университета в Сибири (1875–1899 гг.). Памяти В.Ф. Флоринского // Всемирный Вестник. 1905. № 10.

Дмитриенко Н.М. У истоков музейного дела в Томске // Тр. ТОКМ. Томск, 2002. Т. XI. С. 178–187.

Записка исполнительной комиссии, назначенной Томскою городскою думою для устройства в городе Томске «Сибирского Музея». Томск, 1884.

Знаменский М.С. Раскопки на Чувашском мысу городища // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1881. № 17.

Исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1969. Т. 1.

Кащенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Записки Императорской Академии наук. по физико-математическому отделению. СПб., 1901. Т. XI, № 7.

Квашнин Н. Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете // Советский музей. 1935. № 3.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Кирюшин Ю.Ф., Панкратова Л.В. Нововасюганское городище // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Китова Л.Ю. Томск как центр археологического изучения Сибири в 1920–30-е годы // Археология Южной Сибири. Вып. 23: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово, 2005.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007.

Кузгумбаева Ж.З. Историко-этнографическая экспедиция Г.Н. Потанина в Казахстан в 1913 г. (по воспоминаниям А.А. Ермекова и А.А. Уткиной-Ворониной) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. II.

Лукина Н.В, Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1985. № 5.

Масумото Т., Ожередов Ю.И. Буддийские колокола в музее археологии и этнографии Сибири // Труды МАЭС ТГУ. Томск, 2002. Т. 1.

Мец Ф.И., Ожередов Ю.И., Археологические находки из Нижнего Притомья и Томского Приобья в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ (Новые поступления). Северск, 2001.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. Вып. 35.

Ожередов Ю.И. Археологические находки с Ангары и сведения об археологических памятниках из собраний Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета в дореволюционный период // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992а. Т. 1.

Ожередов Ю.И. Из истории Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета // История вузовских музеев страны. Сыктывкар, 1992б.

Ожередов Ю.И. История неизвестных рисунков В.И. Сурикова // Материалы научно-практической конференции Томского областного художественного музея 1994 г. Томск, 1995.

Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета // История вузовских музеев. Сыктывкар, 1993.

Ожередов Ю.И. К истории происхождения одной коллекции сабель // Северск. История и современность. Северск, 1994.

Ожередов Ю.И. К вопросу о позднеплейстоценовой фауне по материалам археологии // Эволюция жизни на земле. Материалы I-го международного симпозиума. Томск, 1997а.

Ожередов Ю.И. Комментарий к рукописи П.В. Краснова Описание быта инородцев-остяков Томского округа 5-го участка, Васюганской волости // Земля каргасокская. Томск, 1996.

Ожередов Ю.И. Восточная коллекция музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 1997б.

Ожередов Ю.И. Страницы 115-летней истории Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (досоветский период) // История и культура Томской области. Томск, 1998.

Ожередов Ю.И. Рисунок из тянь-шанской серии П.М. Кошарова // Художественная жизнь Сибири начала XX в. Томск, 2000.

Ожередов Ю.И. П.М. Кошаров. К хронологии жизни и творчества // Поиски и находки томских искусствоведов. Томск, 2001а.

Ожередов Ю.И. Археологии и этнографии Сибири музей Томского университета // Российская музейная энциклопедия. М., 2001б. Т. 1.

Ожередов Ю.И. Археология и этнография Алтая в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2003.

Ожередов Ю.И. Документы Гуляевых в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. // Гуляевские чтения. Барнаул, 2007а. Вып. 2.

Ожередов Ю.И. Иллюстрации к истории изучения бурханизма // Движение Ак јан (белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие. Горно-Алтайск, 2004а.

Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004б.

Ожередов Ю.И. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004в.

Ожередов Ю.И. Китайские изделия из нефрита в собрании музея археологии и этнографии Сибири им. В.М.Флоринского Томского государственного университета // Геммология. Томск, 2004г.

Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири в ретроспективе столетия – год 1898 и год 1998 // Ежегодник Томского государственного университета. Томск, 1999.

Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета и юбилейная конференция // Вестник Омского университета. Омск, 2004д. Вып. 4.

Ожередов Ю.И. 125 лет Музею археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Наследие. 2007б. В печати.

Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского в центре внимания всероссийской конференции // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2004е. № 1 (12).

Ожередов Ю.И. Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб., 2006а.

Ожередов Ю.И. Томская ойкумена // Тобольск и вся Сибирь. Томск. Тобольск, 2004ж.

Ожередов Ю.И. В краю шаманов. Редкие рисунки А.А. Ворониной-Уткиной // Алтай. Наследие. М., 2005а.

Ожередов Ю.И. К истории создания Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: Дата основания // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2005б. Вып. 1.

Ожередов Ю.И. Рисунки А.В.Потаниной в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Теория и практика развития в художественных музеях Сибири. Томск, 2005в.

Ожередов Ю.И. Русские исследователи Алтая // Алтай. Наследие. М., 2005.

Ожередов Ю.И. Спутник Тян-Шанского // Алтай. Наследие. М., 2005д.

Ожередов Ю.И. Нефритовая коллекция Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. К вопросу о сырьевых источниках // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006б.

Ожередов Ю.И. Фарфор и фаянс кладбища Балык // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.

Ожередов Ю.И. Художник П.М. Кошаров и его графическая серия «Императорский Томский университет» // Поиски и находки томских искусствоведов. Томск, 2008. Вып. 2.

Ожередов Ю.И., Разумов О.Н. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001.

Ожередов Ю.И., Фадеев В.В. Часы из Томского мужского Алексеевского монастыря // Труды Музея г. Северска. Вып. I: Музей и город. Томск, 2000.

Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография, антропология. 2007. № 1 (29).

Плетнева Л.М. Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Плетнева Л.М. Поселение Шеломок-2 // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета. Томск, 1913.

Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1996. Вып. 1.

Рындина О.М. Мир вещный и мир вечный в погребальной обрядности хантов Салымского края // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Сапожников В.В. Императорский Томский Университет // Город Томск. Томск, 1912.

Славнин П.П. Томский этнолого-этнографический музей // Новый Восток. 1927. № 18.

Славнин П.П. Сибирский музей археологии и этнографии (при Томском университете) // Новый Восток. 1927. № 19.

Славнин П. Сибирский этнографический вечер // Этнография. 1927. № 1.

Смолин В.Ф. Организация археологического обследования Сибири // Тр. Съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3.

Томский университет. 1880-1980. Томск, 1980.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888.

Флоринский В.М. Второе прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1898.

Флоринский В.М. Историческая записка о возникновении в Сибири университета. Томск, 1880.

Флоринский В.М. Описание празднества бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880.

Флоринский В.М. Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 г. Томск, 1888.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской области // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1889. Кн. 1.

Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии // Известия ИТУ. Томск, 1895. Кн. 7, отдел II. Общая вступительная часть I.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии // Известия ИТУ. Томск, 1896. Кн. 9. Ч. II, вып. 1.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии.// Известия ИТУ. Томск, 1898. Кн. 13. Ч. 2, вып. 2.

Харузин Н.Н. О древностях Томского музея // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. М., 1895. № 9–10.

Чернова И.В. О поступлении коллекции М.В. Миловзорова в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ// Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Чугунов С.М. Поездка в Сургутский округ в 1891 г. // Известия ИТУ. Журнал Совета Томского университета. Томск, 1891. Кн. 3.

Чугунов С.М. Природа и люди Сургутского края (по наблюдениям лета 1913 г.) // Естествознание и география. 1915. № 4.

Ширин Ю.В. К истории археологических исследований в Кондомо-Томских предгорьях // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // Записки Императорского Русского археологического Общества. СПб., 1887. Т. III. С. II–XXVI..

Яхонтов Н.П. Из истории исследований Сибири // Природа. Популярный естественно-исторический журнал. Л., 1926. № 11–12.

Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994.

Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1994.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «МУЗЕЙ»

А.М. Кулемзин
г. Кемерово

Во второй половине XX в. под влиянием интеграционных процессов в культуре изменилось отношение к историческому, культурному и природному наследию, как в мире, так и в каждой стране. Вместе с тем и музей увеличил и видоизменил свое влияние на общество. В этом имеется большая заслуга и Международного совета музеев. В связи с этим в свое время, в 2001 г., ИКОМ рекомендовал пересмотреть имеющееся понятие, сформулированное в 1974 г. на своей XI Генеральной ассамблее. В ходе дискуссии были высказаны различные предложения, которые не привели к окончательной формулировке. В связи с этим куратору процесса по выработке нового понятия Гери Эдсоном была высказана важная мысль о том, что до сих пор дефиниции музея раскрывались через второстепенные аспекты, но в определении должен быть отражен фундаментальный характер музея (Переоценка понятия... 2004: 5). Вице-президент ИКОМ Бернис Л. Мерфи предложила выработать простое определение музея большой интеллектуальной целостности, приемлемое для различных групп во всем мире (Мерфи, 2004: 4).

В настоящее время в отечественной и международной науке и в нормативных документах имеется большое количество определений понятия «музей», однако в них нет единства. Каждое, из имеющихся определений, лишь в какой-то степени отражает отдельные стороны музея, но не являются, на наш взгляд, полностью адекватными его сущности.

В последние годы большинство музееведов придерживаются определения, принятого в 1974 году на XI Генеральной конференции ИКОМ, или сформулированные под его воздействием. В ст. 3 ИКОМ музей определен как «постоянное, некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» (Кодекс... 1997: 133). Надо признаться, что определение не во всем адекватное современной сущности музея, громоздкое и не вполне соответствует логическим правилам формирования дефиниций. Оно более соответствует классическому европейскому музею искусства. Почти в неизмененном виде оно вошло и в современный учебник по музееведению (Основы музееведения, 2005: 25).

Рассмотрим, насколько приведенное определение соответствует современному представлению о музее, разнообразию его видов и изменившимся социальным функциям.

Учреждение ли музей? Да. Но не всякий. Имеются музеи не только оформленные в виде учреждений, но и в форме предприятий. Некоторые частные музеи не являются ни учреждениями, ни предприятиями, а состоят как разновидность собственности владельца без оформления в юридические принятые формы. Тем не менее, они выполняют функции, присущие музею. Из этого следует, что музей не учреждение, а определенная организационная структура. Совокупность музеев – это система, функ-

ционирующая и изменяющаяся в изменяющемся обществе. Музей – это **социальный институт** для реализации научных и культурных потребностей людей.

Всякий ли музей служит обществу и доступен широкой публике? Очевидно, что нет. Имеются многочисленные частные и корпоративные музеи «закрытого» типа, которые удовлетворяют потребности не общества в целом, а лишь узкого круга людей. В свое время существовали прекрасные дворцовые музеи, доступ в которые был возможен только хозяевам и редким гостям.

Является ли экспонирование единственным способом показа, представления, демонстрации музейных предметов? Не всякий музейный показ можно называть экспонированием. Например, во многих музеях-заповедниках не устраиваются специальные экспозиции. Показ (**презентация**) осуществляется на основе сохранившихся недвижимых памятников или нетронутых антропогенной деятельностью природных объектов (водопады, пещеры, реликтовые рощи, скалы или просто живописные ландшафты). Современные виртуальные музеи осуществляют показ своим специфическим также не экспозиционными методами.

Только ли материальные свидетельства есть предмет музейной деятельности? В последние годы нематериальное культурное наследие все чаще включается в объект культурного наследия и предмет музейной деятельности.

Всякий ли музей служит целям «изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей»? Нет, не всякий. Имеются музеи, созданные коммерческими организациями, основной целью которых является не удовлетворение духовных потребностей, а выгодное вложение капиталов в произведения искусства, быстро растущие в цене на аукционах. Существовали и еще существуют музеи, выполняющие в основном идеологические и политические функции.

В рассматриваемом определении упущена одна из основных функций музея – это сохранение наследия не только для использования современниками «в целях изучения, образования и удовлетворения духовных потребностей», но и для передачи (**трансляции**) последующим поколениям в будущее.

Рассмотрим еще одно определение музея в формулировке одного из отечественных учебников для высших учебных заведений: «Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных предметов. Документируя процессы и явления природы и общества, музей комплектует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует их в пропагандистских целях» (Музееведение, 1988: 18).

Как мы видим, формулировка громоздка и грешит тавтологией и смысловыми повторениями. Совершенно излишнее утверждение об исторической обусловленности музея, так как любое социальное явление всегда исторически обусловлено. Не приближает к пониманию сущности музея и слово «многофункциональный». Словосочетание «институт социальной информации», а так же функция «накопления и распространения информации», на наш взгляд, мало что проясняют, так как социальная информация «институируется» разнообразным множеством социальных институтов. Понятие «культурно-исторические и естественнонаучные ценности» в музееведении обозначаются, как правило, более короткими терминами «памятники», «наследие».

Что же касается пропагандистских целей музея, то этот вопрос уже, на наш взгляд, не дискуссионный. В определении присутствует недопустимая логическая ошибка – тавтологическое раскрытие понятия через само понятие. В данном случае это раскрытие «музея» через «музейный предмет».

Не вносит большей ясности в понимание музея как социального института и как специфического культурно-исторического явления определение, данное в современном российском музейном законодательстве: «Музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций» (Федеральный закон... 1998: 190–191).

По поводу музея как некоммерческого учреждения мы уже определились. Является ли музей учреждением культуры? Не всякий. Имеются музеи, созданные и функционирующие исключительно как научное подразделение какой-либо научной структуры. Имеются музеи в системе МВД и ФСБ, хранящие орудия убийства, пыток, фальшивомонетного дела и т.п., совершенно не предназначенные для культурных целей.

Создаются ли музеи собственниками? Большинство музеев (в частности в нашей стране) создавались энтузиастами музейного дела на их собственные средства или на средства меценатов, за счет безвозмездной передачи предметов, документов, фотографий, произведений искусства, но по разным причинам стали принадлежать разнообразным собственникам.

В цитируемой формулировке присутствует многократно повторяющаяся ошибка и в иных определениях музея через музейный предмет. Это, как мы указывали, грубейшая логическая ошибка.

Музей, как и любой социальный институт, в ходе исторического развития претерпел определенные трансформации. За более чем два тысячелетия существования музея как социального института изменились его понимание и использование. Однако фундаментальное его общественное назначение не изменилось и, видимо, останется определяющим его сущность в обозримом будущем – это **сохранять, презентовать** и **транслировать** из прошлого в будущее главные ценности и достижения, соответствующие аксеологическим представлениям своего времени.

Суммируя высказанное, получим краткое, емкое, универсальное, приемлемое для различных сообществ определение: **музей – это социальный институт сохранения, презентации и трансляции исторического, культурного и природного наследия.**

Литература

Кодекс профессиональной этики музейного работника. Международное право и охрана культурного наследия. Афины, 1997.

Мерфи Бернис Л. От справки для специалистов к социальной роли // Информационный бюллетень ИКОМ России № 4/2004. М., 2004.

Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина и В. Хербста. М., 1988.

Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Переоценка определения понятия музей // Информационный бюллетень ИКОМ России № 4/2004. М., 2004.

Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» № 55-ФЗ от 26 мая 1996 года // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991–1996). М., 1998.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МУЗЕЙНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*

Н.А. Томилов
г. Омск

Культурное наследие человечества, сосредоточенное в музеях исторического и историко-краеведческого профилей, в современном мире – это не собрание ненужных сегодня предметов, которое лишь дает информацию о прошлом, в том числе о культуре, социуме и исторических процессах. Оно играет значительную роль и в современной жизни человечества. Фактически это часть настоящего и будущего бытия. Ниже о некоторых социальных функциях этого наследия, которое состоит из музейных предметов.

Функция документирования – через музейные предметы доказываются явления и процессы в социуме и его культуре.

Функция интеграции – обеспечивает связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох. Историко-культурное наследие через эту восполняющую функцию тесно связано с культурой современного общества и входит в нее как часть системы, часть целого.

Функция идентификации – вызывает осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым. Это поиск знаков (социокультурных знаков), соответствующих современному социокультурному образу.

Познавательная (научно-исследовательская) функция – дает возможность моделирования исторических и историко-культурных процессов, возможность воспроизведения прошлой действительности в мышлении людей (итог: новое знание)

Образовательная функция – передает людям знания об историко-культурном прошлом через информативную значимость музейных предметов; помогает более полноценно через предметность и наглядность культурного наследия усваивать систематизированные знания.

Мировоззренческая функция – формирует установки людей на общность человечества и его многообразие в социокультурной среде, формирует систему обобщенных взглядов на историю и мир культуры

Коммуникационная функция – способствует пониманию и общению людей в рамках хронологической глубины истории человечества и его культуры, способствует восстановлению (или установлению) взаимопонимания между поколениями, между социумами разных культур, между конфессиями и т.д.

Дифференцирующая функция – разделяет человечество на социокультурные группы, сохраняет возможность существовать человечеству и его общностям как системам с разными историко-культурными ценностями и установками.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00317 а.

Экономическая функция – увеличивает ценности человечества, в том числе в финансовом исчислении, позволяет (и даже вызывает необходимость) использовать историко-культурные музейные ресурсы на благо людей, в том числе и с целью дальнейшего наращивания ценностей.

Политическая функция – позволяет использовать историческое социокультурное наследие для доказательства объективных политических процессов и явлений в этнической истории, позволяет использовать ресурсы этого наследия в сфере отношений между разными социумами (общностями, группами) и в сфере формирования государственной деятельности, определения ее форм, направлений, задач и содержания.

Воспитательная функция – вызывает уважение к прошлому человечества и его народов, развивает патриотические установки и чувства, направляет духовное развитие личности, действует против дестабилизации исторической памяти молодых поколений.

Эстетическая – формирует вкусы в сфере красоты и ценностные оценки художественной деятельности людей.

Созидательная функция – увеличивает объем участия историко-культурных ресурсов музеев в развитии общества, в том числе через проведение научных исследований прикладного характера и увеличение объема самих историко-культурных ресурсов.

В современном периоде жизни человечества основная задача ученых и работников культуры состоит в усилении действия комплекса социальных функций историко-культурного наследия каждой страны.

В Российской Федерации в условиях преодоления социально-экономического и отчасти мировоззренческого и интеллектуального кризиса и создания базы для стабильного развития российского общества большую значимость в современных ситуациях социальной и культурной жизни страны приобретают мировоззренческая, коммуникационная, политическая, воспитательная, эстетическая и созидательная функции историко-культурного наследия. Основные виды действия этих функций – это музейная работа, научно-пропагандистская деятельность ученых, работа археологических, историческо-краеведческих, искусствоведческих и этнографических научных кружков и студий в системе высшего и среднего образования, развитие исторического краеведения и др. Научную базу для повышения эффективности действия вышеназванных функций составляет успешное развитие археологических, историко-краеведческих, искусствоведческих и этнографических исследований, а также усиление в научной и социальной сферах жизни России научно-документационной, познавательной функций культурного наследия в областях интеграции, идентификации социокультурных систем прошлого и настоящего.

Начиная с 1974 г., омские историки, этнографы и музееведы (музеологи) постоянно занимаются изучением и решением проблем музееведения как в методолого-теоретической, так и в методических сферах.

В журнале «Культурологические исследования в Сибири», издающемся в Омске по линии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ (Федерального агентства по культуре и кинематографии) есть раздел «Музееведение и музейное дело». В нем и в разделах «Юбилейные события», «Хроника научной жизни», «Рецензии, обзоры и библиография» печатают статьи по музеологии ученые из Кемерова, Красноярска, Нерчинска, Новосибирска, Омска, Томска, Якутска и других городов

Сибири. Отметим при этом возникшую необходимость создания общероссийского журнала по музееведению.

Один из главных результатов нашей деятельности – разработка проблем научной паспортизации и каталогизации этнографических музейных предметов и коллекций. Особенно четко он проявился в подготовке и издании каталогов этнографических фондов музеев Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени в многотомной научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», которая получила высокую оцену академиков Ю.В. Бромлея, А.П. Деревянко, Д.С. Лихачева, А.П. Окладникова. Сопутствующим результатомэтой деятельности было обучение отдельных работников этих музеев данным видам работы. Накопленный омскими учеными уникальный опыт атрибуции, научной паспортизации и научной каталогизации этнографических предметов должен быть востребован в России более интенсивно.

Одним из важнейших результатов музееведческой работы сибирских музеологов явились очерки истории музейного дела и истории отдельных музеев Сибири. Сегодня возникла и готова активно работать группа ученых-историков и музеологов, обладающих существенным опытом как проведения научных работ с коллекциями музеев, так и изучения и написания истории музеев. Все более необходимой осязается и реализация предложений омичей о подготовке книг или даже серии по истории музеев Сибири.

В практической сфере научных исследований, связанных с музейными процессами, актуальными кажутся прежде всего: 1) изучение и освещение природных богатств Сибири и вывод их результатов на практическое применение (открытие, освоение и т.д.); 2) ввод явлений культуры в практику науки и разных сфер человеческой деятельности (через выпуск каталогов коллекций, внедрение материалов музеев в сеть Интернета и т.д.); 3) расширение собственно музееведческих исследований силами музейных специалистов и ученых музееведов; 4) всестороннее исследование истории музейного дела и современного музейного развития Сибири.

В целом нам сегодня нужен постоянный (систематический, регулярный и т.п.) творческий союз ученых академии, вузов и музейных научных сотрудников Сибири с целью достижения подлинного единства музейного дела и музееведения как одного из звеньев в деле достижения стабилизации в России и укрепления цивилизационных основ человеческого общества.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СИБИРИ*

Н.А. Томилов
г. Омск

В музеологической историографии обязательным компонентом выступают история музеологии как науки, история музейного дела в целом как сферы культуры и история самих музеев. В определенной степени проблемы периодизации истории музейного дела России (СССР, стран СНГ) решались и решаются сегодня (Музееведение... 1988; Музейное дело в СССР, 1968–1973; Основы музееведения, 2005; Очерки истории... 1951, 1963-1971; Проблемы этнографического музееведения, 1987; Российская музейная энциклопедия, 2001; Труевцева, 2000; Туринская, 2001, и др.). Но вот работа по периодизации и истории конкретных музеев России должна, по нашему мнению, проводиться более интенсивно. В настоящей статье приводятся некоторые результаты периодизации истории отдельных музеев Сибири.

В начале 1970-х гг. была предложена общая схема периодизации истории Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ТГУ) (Славнин, Томилов, 1979; Каталог этнографических коллекций... 1979: 3–7), созданного В.М. Флоринским в 1882 г. (Ожередов, 2005).

Первый период охватывает 1882–1922 гг. – это становление и развитие музея, сбор коллекций по археологии Сибири и этнографии народов Северной, Средней и Восточной Азии, Северной Америки (Славнин, Томилов, 1979). Тогда были названы три периода без выделения внутри их каких-либо этапов.

Первый период приходится на 1882–1922 гг. – это время становления музея, получившего название Археологического музея Томского университета, пополнения его коллекций, организации первых экспозиций, работы в музее крупных ученых до Октябрьской революции А.В. Адрианова, Д.А. Клеменца, Г.Н. Потанина и после революции – С.И. Руденко и С.А. Теплоухова.

Второй период охватывает 1923–1967 гг. – с 1923 г. по 1934 г. это учреждение называлось Этнолого-археологическим музеем, с 1934 г. и до конца периода – Музеем истории материальной культуры, и его деятельность характеризовалась созданием экспозиции и выставок, проведением археологических и отчасти этнографических экспедиционных работ (в т.ч. экспедиций К.Э. Гриневича, А.К. Иванова, В.И. Матющенко, Е.М. Пеняева, Л.М. Плетневой), свертыванием экспозиции с начала 1940-х гг. и вплоть до конца периода.

Третий период начался в 1968 г., когда музей переименовали в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, и продолжается до настоящего времени – это период качественных изменений в его работе, связанных с созданием при ТГУ Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00317 а.

куда музей вошел тогда в качестве ее составной части, с открытием в 1968 г. новой экспозиции, развертыванием постоянной научно-пропагандистской работы, значительным пополнением антропологического, археологического и этнографического фондов музея, в основном за счет научных экспедиций (в т.ч. экспедиций А.Н. Багашова, П.Е. Бардиной, Е.А. Васильева, В.А. Дремова, А.Р. Кима, Ю.Ф. Кирюшина, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Э.Л. Львовой, В.И. Матющенко, Ю.И. Ожередова, Л.М. Плетневой, В.А. Посредникова, О.М. Рындиной, Н.А. Томилова, М.С. Усмановой, Л.А. Чиндиной и др.), приведением в порядок фондов и всей документации музея, научной паспортизацией музейных предметов и их частичной каталогизацией, расширением научных исследований сотрудниками музея.

Общая периодизация истории Омского областного краеведческого музея предстает сегодня в следующем виде.

Первый период охватывает 1878–1920 гг. Создан музей был в 1878 г. (в его возникновении значительную роль сыграл выдающийся путешественник М.В. Певцов) и назывался Музеем Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО), а с 1882 г. и еще одним названием – Западно-Сибирским музеем. В этом периоде выделяются, как минимум, два этапа: первый – с 1878 г. по 1895 г. – характеризуется, в основном, сбором коллекций, участием во всемирных и российских выставках, организацией редкой тогда экспозиционной и экскурсионной работы; второй – с 1896 г. по 1920 г. – связан с получением специально выстроенного деревянного здания для музея и библиотеки ЗСО ИРГО, с формированием структуры музея из нескольких экспозиционных отделов, с созданием постоянной экспозиции и ряда выставок, с проведением научных исследований, в том числе и экспедиций, заведением музейной документации и т.д. На этих этапах большой вклад в развитие музея внесли помимо М.В. Певцова Н.Г. Казнаков, Г.Е. Катанаев, П.Е. Маковецкий, А.Е. Новоселов, Г.Н. Потанин, А.Н. Седельников, И.Я. Словцов, С.П. Швецов, М.В. Швецова, Н.М. Ядринцев и др.

Второй период охватывает большой промежуток времени – с 1921 по 1979 г. В нем можно выделить несколько этапов. Первый начинался выделением музея из ЗСО ИРГО в самостоятельный Государственный Западно-Сибирский краевой музей, получением здания – бывшего в прошлом дворцом генерал-губернатора, развертыванием всех основных направлений работы музея, и длился по 1933 г. В 1934 г. музей был преобразован в Омский областной краеведческий музей и вступил во второй этап второго периода, продолжавшийся до начала Великой Отечественной войны. Третий – военный этап пришелся на 1941–1945 гг. Четвертый этап – 1946–1969 гг. – это восстановление и развитие всех основных видов и направлений музейной работы с превалированием культурно-просветительного направления и некоторым ослаблением научной работы в музее. И пятый этап – 1970–1979 гг. характеризуется усилением научных подходов ко всем видам музейной работы – прежде всего к обработке фондов, началу научной паспортизации ряда археологических и этнографических коллекций, к созданию с применением новых концепций и методов постоянных экспозиций и т.д. Начиная с 1974 г. на протяжении около 10 лет омские этнографы проводили работы по научной паспортизации и научной каталогизации этнографических коллек-

ций и в первой половине 1980-х гг. был написан очерк истории этого музея, опубликованного в 1986 г. (Томилов, Макаров, 1986).

Во многом стабильное развитие музея во второй период было связано с деятельностью П.Л. Драверта, Л.В. Иржичко, С.И. Кочнева, М.М. Крота, С.Д. Лаврова, В.П. Левашовой, Ф.М. Мелехина, Т.И. Мыльниковой, А.Ф. Палашенкова, А.И. Петрова, А.П. Петровской, В.Ф. Семенова, И.Н. Шухова и др.

Третий период – 1980–1991 гг. – это время преобразования музея в Омский объединенный исторический и литературный музей – фактически в объединение нескольких музеев. Опыт его деятельности еще должен быть изучен. С этим периодом связаны имена многих и многих работников музея и сотрудничавших с ним ученых – среди них имена В.Б. Богомолова, В.С. Вайнермана, Ю.А. Макарова, Т.М. Назарцевой, С.Ю. Первых, Т.В. Раскевич, Н.А. Томилова, Р.А. Шаневой и др.

С 1992 г. начался четвертый, современный, период, который продолжается и в наши дни. Он связан с распадом объединенного музея и образованием Омского государственного историко-краеведческого музея. Именно в этот период широко развернулась его научно-исследовательская, научно-фондовая, научно-пропагандистская работа с внедрением современных информационных технологий. Успешная деятельность музея привела к превращению его в крупный сибирский музееведческий научно-методический центр. Во многом это произошло благодаря деятельности П.П. Вибе (нынешний директор музея), Т.М. Назарцевой, Г.И. Сорокалетовой, С.Ю. Первых, С.Д. Авербух, О.Н. Артемьевой, Т.В. Еременко, Л.Г. Ермолиной, Н.Ф. Климовой, Л.С. Мартыновой, Л.П. Полоницкой, Н.М. Пугачевой, Т.В. Раскевич, Ю.В. Трифонова, Л.В. Хаповой, Л.С. Худяковой, И.В. Черказьяновой и др.

В истории Тюменского областного краеведческого музея нами выделены пять периодов (Томилов, 1994).

Первый период датируется 1879–1919 гг. и включает в себя два этапа: 1) 1879–1906 гг., словцовский этап, названный по фамилии И.Я. Словцова, с деятельностью которого и связан данный этап, – это возникновение и относительно интенсивное развитие музея в составе Тюменского Александровского реального училища, как его научного и учебного подразделения; накопление музейных материалов, их изучение и экспонирование; 2) 1907–1919 гг. – сохранение значения музея в составе реального училища как учебного подразделения, свертывание экспозиций и прекращение деятельности музея в 1917–1919 гг.

Второй период начинается со времени установления Советской власти в Тюмени и заканчивается Великой Отечественной войной, охватывая таким образом 1920–1941 гг. В нем выделяются два этапа: 1) 1920–1925 гг., преобразование музея в самостоятельный губернский краеведческий музей и далее в окружной музей местного края; первые шаги музея по воссозданию экспозиций, накоплению фондов и проведению научной работы; 2) 1926–1941 гг., россомахинский этап, названный нами по фамилии директора музея П.А. Россомахина, – становление и развитие научно-исследовательской деятельности музея, успехи в научной и краеведческой работе; интенсивное формирование музейных фондов; активная экспозиционная и научно-пропагандистская деятельность.

Третий период охватывается хронологическими рамками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – сначала полное закрытие музея и прекращение всей его деятельности, затем с 1943 г. некоторые шаги по восстановлению функционирования Тюменского районного краеведческого музея; отсутствие научной работы в музее.

Четвертый период датируется 1945–1981 гг. Он состоит из двух этапов: 1) 1945–1950 гг. – преобразование музея в Тюменский областной краеведческий музей; увеличение кадров научных работников; восстановление фондовой, экспозиционной и научно-пропагандистской работы музея; 2) 1951–1981 гг. – приобретение музеем характера научно-исследовательского и научно-пропагандистского учреждения; успехи музея в научной работе; накопление нерешенных проблем и трудности в развитии экспозиционной, пропагандистской и фондовой работы.

Пятый период начался с 1982 г. и продолжается по настоящее время. Для него характерны разительные и существенные перемены в деятельности и жизни музея – значительное расширение экспозиционной и пропагандистской работы в связи с получением и строительством новых помещений (в том числе корпуса музейного комплекса), создание сети филиалов в Тюмени; успехи в научно-исследовательской и научно-фондовой работе; возрастание роли музея в политической и культурной жизни сибирского и уральского регионов. И все это благодаря целенаправленной деятельности коллектива музея и его директора Т.М. Исламовой.

Социально-источниковедческий подход позволяет выделить четыре периода в истории Новосибирского областного краеведческого музея (НОКМ) (Томилов, 1996).

В первом периоде, охватывающем историю музея с момента его возникновения в 1920 г. до начала 1930-х гг., шло накопление музейных материалов, приобретение первого опыта экспонирования, формирование музея как научного и просветительского учреждения. Этот период включает в себя два этапа: 1) 1920–1924 гг. – начальный этап: возникновение и развитие в Новониколаевске (затем Новосибирске) Центрального народного музея в основном как просветительского учреждения; 2) 1925 – начало 1930-х гг. – деятельность в рамках Общества по изучению производительных сил Сибири, при этом основным направлением музея была научная и просветительская работа.

Во втором периоде истории НОКМ, охватывающем 1930-е гг., музей оформился в самостоятельное краеведческое учреждение. Для данного периода характерны обращение музея к отражению проблем строительства социализма, расширение массовой научно-пропагандистской и политико-воспитательной работы. В 1931 г. он получил название Западно-Сибирский краевой музей, а затем, в связи с образованием в сентябре 1937 г. Новосибирской области, – название Новосибирский областной краеведческий музей. Это название сохранилось до настоящего времени.

Третий период охватывает историю НОКМ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а четвертый – все послевоенные десятилетия вплоть до наших дней. В последнем периоде выделяются три этапа: 1) 1945 – начало 1950-х гг. – создание в годы восстановления народного хозяйства новых экспозиций музея, расширение научно-просветительской и пропагандистской работы, 2) 1950-е – 1984 г. – совершенствование работы музея в годы дальнейшего развития нашей страны, 3) с

1985 г. по настоящее время – деятельность музея в условиях перестройки и демократизации общества.

История Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ) укладывается пока в треть века. Тем не менее, о музее опубликовано несколько очерков, в которых ставится проблема периодизации его истории (Патрушева, Томилов, 2000; Томилов, 1981; Томилов, Патрушева, 1999 и др.). В истории МАЭ ОмГУ нет каких-либо существенно различающихся периодов, но все же можно выделить два этапа. Первый этап – начальный, он охватывает 1974–1983 гг. Музей был создан по инициативе Н.А. Томилова решением Ученого совета ОмГУ 5 ноября 1974 г. Сейчас он входит в число крупных музеев Сибири, в нем сосредоточены археологические, этнографические и антропологические материалы и коллекции, архивы известных ученых В.И. Васильева и М.П. Грязнова. Основные черты первого этапа – возникновение и развертывание музея как учебного и просветительского учреждения; накопление материалов и первоначальная обработка музейных материалов, их экспонирование на площадях ОмГУ; основные трудности – нехватка кадров и помещений.

Второй этап начинается в 1984 г. и продолжается до настоящего времени. Для него характерно развитие научно-исследовательских работ и превращение МАЭ ОмГУ в научное, учебное и культурно-просветительное учреждение; расширение деятельности по сбору материалов; пополнение фондов за счет поступлений из других учреждений Омска, из Москвы и Ленинграда; создание постоянно действующей новой экспозиции и оживление выставочной работы; расширение площадей музея; основные трудности – текучесть и нехватка кадров.

Кроме того, с 1991 г. МАЭ ОмГУ стал базовым для Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН – с 2006 г. он преобразован в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а с 1993 г. и для Сибирского филиала Российского института культурологии. Существенный вклад в развитие музея внесли многие омские преподаватели, научные сотрудники, лаборанты, аспиранты и студенты, среди них – В.Б. Богомолов, М.А. Жигунова, Ш.К. Ахметова, М.Л. Бережнова, Д.Г. Коровушкин, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешова, И.В. Лоткин, В.И. Матющенко, И.В. Захарова, Т.Н. Золотова, В.В. Михалев, Т.В. Михалева, Н.И. Новикова, Г.М. Патрушева, А.Г. Селезнев, Г.Ю. Ситнянский, Е.Ю. Смирнова, Т.Б. Смирнова, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, М.Н. Тихомирова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов и др.

Енисейский краеведческий музей был основан в 1883 г. и считался первоначально Енисейским общественным местным музеем. В краткой статье в «Российской музейной энциклопедии» сообщается, что основан он был золотопромышленником, членом Енисейской городской думы Н.В. Скорняковым и ученым, краеведом А.И. Кытмановым, который сдал музею свою естественно-историческую коллекцию. И далее в этой статье говорится: «В дальнейшем пополнении музейных фондов участвовали ученый-путешественник проф. А.И. Вильницкий, вице-адм. С.О. Макаров, Н.М. Мартьянов, Е.В. Толь, В.И. Анучин и др. К 1910 г. в музее насчитывалось около 23 тыс. эксп., в осн. естеств.-науч. характера. С 1906 г. он разместился в здании быв. гор. управы. В 1910–1920-х гг. музейные колл. существенно пострадали, с нач.

1920-х гг. их восстановлением занимался Н.А. Кытманов, сын А.И. Кытманова. С 1928 г. музей имел краеведческий профиль» (Горобец, 2001).

Знакомство с историей Енисейского краеведческого музея (Томилов, 2006), который в советское время долго назывался районным краеведческим музеем, а в последние годы получил статус муниципального учреждения, не дает возможности построить строго научную схему периодизации его истории. В самом общем виде, как нам представляется, можно выделить три периода: 1-й период длился с 1883 г. и примерно по 1927 г. – это период становления и роста музея.

2-й период – это развитие музея в условиях советской эпохи как музея краеведческого профиля, и охватывает он 1928–1990 гг. Значительную роль в выводе музея на новый уровень сыграл Н.А. Кытманов (Николай Александрович – это сын первого директора музея Александра Игнатьевича Кытманова), который был директором музея с 1922 г. по 1931 г. Музей по-прежнему размещался в здании, где когда-то (до 1906 г.) находилась городская управа. Это трехэтажное кирпичное здание белого цвета мне помнится хорошо. Меня привел в музей мой отец А.В. Томилов (он всегда работал в Енисейске на руководящих должностях), показал экспозиции и представил тогдашнему директору музея Н.А. Грошевой, которая работала на этой должности в 1947–1968 гг.

3-й период музея начался в 1991 г. и продолжается до сих пор. Именно в эти годы музей расположился в здании бывшего Енисейского районного комитета КПСС, получил существенную помощь государства и местных органов власти в создании к юбилейным датам музея и города Енисейска новых экспозиций, внедрял новые формы работы в условиях политических, социально-экономических реформ и рыночной экономики.

В этом периоде пока видятся два этапа: 1-й этап – это с 1991 по 1996 гг., и характерны для него разработка новых тематических планов экспозиции, усиление сбора материалов, создание ряда выставок, ремонт помещений и работа лишь некоторых постоянных экспозиций. В начале 1990-х гг. по разработке Г.П. Потужновой была создана в отдельном зале экспозиция, посвященная периоду Великой Отечественной войны, а также экспозиция, связанная с ролью Енисейска в освоении Северного морского пути, выставка картин енисейского художника Н.Ф. Дорогова. В этих работах активное руководящее участие принимала научный сотрудник Т.В. Титовская. В середине 1990-х гг. в музее была открыта экспозиция по природе края. В состав музея в качестве филиала с 1990 г. входил Музей истории г. Лесосибирска Красноярского края, но в 1992 г. он стал самостоятельным и был преобразован в Музей леса (Шайдт, 2001: 330).

2-й этап современного периода этого музея начался с 1997 г. и связан с деятельностью его директора В.Н. Бондаревой (до нее директором работала Н.И. Балюта) и сменившей ее на этом посту Л.Н. Шимохиной. Этот этап представляет собой своеобразный скачок вперед по всем основным направлениям работы музея. И главное – это новые экспозиции и многочисленные выставки. Последняя постоянная экспозиция фактически была создана к юбилею музея в 2003 г. при директоре Л.Н. Шимохиной. В Енисейском музее в 2004 г. мы встретили прекрасных музейных работников – директора Л.Н. Шимохину, главного хранителя Н.В. Поздееву, хранителя Н.В. Верещагину, менеджера И.А. Ершову, научных сотрудников Т.В. Игнатьеву, Н.Г. Ситникову и других сотрудников.

Как видим, в моделирование периодизации музейного строительства в Сибири мы включили несколько разных по хронологии их возникновения и ведомственной принадлежности музеев. Проведение таких исследований по другим музеям может привести к построению более точной модели периодизации истории всего музейного дела Сибири.

Литература

Горобец Е.Л. Енисейский краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.

Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979.

Музееведение: Музеи исторического профиля. М., 1988.

Музейное дело в СССР. М., 1968–1973. № 1–5.

Ожередов Ю.И. К истории создания Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: дата основания // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2005.

Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2005.

Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1951, 1963–1971. Вып. 1, 5–7.

Патрушева Г.М., Томилов Н.А. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (К 25-летию со дня образования) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2000. № 2.

Проблемы этнографического музееведения / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 1987.

Российская музейная энциклопедия / Председатель редколлегии В.Л. Янин. М., 2001. Т. 1–2.

Славнин Д.П., Томилов Н.А. Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979.

Томилов Н.А. Енисейск как памятник истории и культуры и Енисейский краеведческий музей // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2006. № 1.

Томилов Н.А. Новосибирский областной краеведческий музей (Краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея. Новосибирск, 1996.

Томилов Н.А. Тюменский областной краеведческий музей (краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1994.

Томилов Н.А. Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. 1981. № 5.

Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Каткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.

Томилов Н.А., Патрушева Г.М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (краткий исторический очерк) // Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новосибирск, 1999.

Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск, 2000.

Туринская Х.М. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001.

Шайдт А.А. Леса музей //Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1.

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ*

М.А. Жигунова
г. Омск

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ) был основан при историческом факультете на основании решения Ученого совета от 5 ноября 1974 г. Первоначально он значился как Музей истории ОмГУ, с 1976 г. переименован в Музей археологии и этнографии, в 1980 г. утвержден в качестве самостоятельного подразделения ОмГУ, основными функциями которого были определены сбор, хранение, изучение и экспонирование памятников материальной и духовной культуры народов Западной Сибири и сопредельных территорий (Томилов, Патрушева, 1999: 7). Начиная с момента создания музея, организационную работу и научное руководство его деятельностью на протяжении 30 лет осуществляли археолог Владимир Иванович Матющенко и этнограф Николай Аркадьевич Томилов.

В данной работе мы представим основные фонды МАЭ ОмГУ и охарактеризуем его этнографические коллекции, основываясь на архивных материалах инвентарных книг (Архив МАЭ ОмГУ. Фонды I, VII, IX), коллекциях, хранящиеся в фондах музея и представленных на действующей этнографической экспозиции, а также – на беседах с работниками музея и личных впечатлениях, накопившихся с 1985 г. История МАЭ ОмГУ рассматривалась в работах Н.А. Томилова и Г.М. Патрушевой (Патрушева, 1987: 48–49; Патрушева, 1998: 187–189; Патрушева, Томилов, 1997: 34–35; Томилов, 1981: 84–95; Томилов, Патрушева, 1999: 7–44). В серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» опубликованы 3 каталога этнографических коллекций МАЭ ОмГУ: «Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета» (Новосибирск, 1999), «Культура сибирских татар Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета» (Омск, 2003) и «Культура народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета» (Новосибирск, 2006). Кроме того, подготовлен к печати еще один каталог – по восточнославянским коллекциям (Жигунова, Захарова, 2005). Имеются отдельные публикации по истории собирания и составу хранящихся этнографических коллекций и материалов по казахам (Захарова, 1998: 245–246), немцам (Бетхер, 1998: 234–235; Смирнова, 1998: 232–233), татарам (Захарова, Смирнова, 1997: 119–121; Коровушкина, 1992: 72–74; Корусенко, 2003: 79–90; Морозова, 1987: 41–42; Смирнова, 1992: 120–121), восточным славянам (Жигунова, 2000: 471–473; Жигунова, 2003: 247–252; Жигунова, 2005: 107–113), предметам религиозного культа (Белич, Новикова, Томилов, 1978: 190–195), архиву М.П. Грязнова (Матвеев, Михалева., Тихомиров, 1997: 116–119; Михалев, 1997: 93–94;

* Работа по данной теме проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00317а.

Михалева, 1997: 95–98) и др. В 1994 г. был опубликован иллюстрированный путеводитель по этнографической экспозиции МАЭ ОмГУ (Музей, 1994).

Для университетского музея отмечается довольно интенсивный рост фондов: от 10 тысяч единиц хранения в 1976 г. до 430 тысяч в 2006 г. (основной и вспомогательные фонды). В настоящее время в МАЭ ОмГУ хранятся около 350 археологических коллекций и 117 этнографических (мягкий и твердый фонды). Также имеются одонтологическая (141 единиц хранения) и нумизматическая коллекции, 2 личных фонда (ленинградского археолога, доктора исторических наук М.П. Грязнова (2203 единиц хранения) и московского этнографа, доктора исторических наук В.И. Васильева (417 единиц хранения)), 4 картины и этюда на этнографические темы члена Союза художников России Н.Я. Третьякова. В книгу поступлений нумизматического отдела (коллекция № 17, 90 единиц хранения) внесены монеты, жетоны и банкноты (полушки 1735–1752 гг., деньга 1748 г., сибирская деньга – 1768–1770 гг., русские медные и серебряные копейки и рубли 1808–1956 гг., болгарские стотинки).

В архивном фонде музея хранятся документы и материалы (полевые описи, отчеты и приложения к ним, анкеты и опросные листы, тематические карточки, фотопленки и т.д.), поступающие от археологических и историко-этнографических экспедиций и практик ОмГУ, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (в настоящее время – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН), Сибирского филиала Российского института культурологии. Этнографические материалы хранятся в 591 архивной папке, археологические материалы (211 дел) – в 669 папках.

Фототека МАЭ ОмГУ содержит материалы по этнографии сибирских татар, народов Севера, русских, украинцев, шорцев, казахов и др. В фонотеке имеются фольклорные записи, а также – магнитофонные записи докладов и лекций выдающихся ученых: С.А. Арутюнова, И.С. Гурвича, Р.Ф. Итса, Б.Г. Могильницкого, А.П. Окладникова, Е.И. Убрятовой. В фондах музея хранятся также микрофильмы литературных источников XVIII–XX вв., книга на арабском языке (коллекция № 92). Научная библиотека (более 2000 единиц хранения) укомплектована монографиями, сборниками научных трудов, материалами конференций и семинаров, журналами, авторефератами кандидатских и докторских диссертаций, а также – дипломными сочинениями студентов ОмГУ, специализирующихся по археологии и этнографии.

Археологические коллекции МАЭ ОмГУ сформировались в результате раскопок и разведочных работ 1976–2007 гг., проходивших в различных районах Омской области под руководством И.Г. Глушкова, Н.П. Довгалюк, В.И. Матющенко, Б.В. Мельникова, В.В. Михалева, А.И. Петрова, Л.И. Погодина, А.В. Полеводова, Л.Р. Ротермель, С.В. Сотниковой, Л.В. и С.Ф. Татауровых, К.Н. Тихомирова, С.С. Тихонова, А.Я. Труфанова и др. В этих коллекциях представлены практически все исторические периоды, от позднего палеолита до позднего средневековья и середины XX в. (материалы раскопок русских и татарских деревень). Наиболее ценные художественные изделия, обнаруженные омскими археологами, были переданы на хранение в г. Ленинград (Санкт-Петербург) в один из крупнейших в мире художественных и культурно-исторических музеев – Государственный Эрмитаж, а также – в Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля.

Этнографические коллекции музея собирались в 1974–2007 гг. среди народов, проживающих на территории Западной и Южной Сибири, Алтайского края и горного Алтая, Курганской области, Хакасии и Казахстана. Сборы проводились силами студентов, сотрудников и преподавателей Омского государственного университета, а также – сотрудниками Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН) и Сибирского филиала Российского института культурологи.

Самой многочисленной из этнографических собраний является ***татарская коллекция***, в которой представлены хозяйство и культура тоболо-иртышских (курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских, ясколбинских), барабинских, томских, поволжско-приуральских татар. В инвентарной книге этнографических коллекций МАЭ ОмГУ под № 1 вписана коллекция из 90 предметов, собранных летом 1974 г. (еще до открытия Омского университета и его музея!) Н.А. Томиловым и В.Б. Богомоловым в Большереченском районе Омской области. Кроме этой, в книгу поступлений внесено еще 25 коллекций. Наиболее активно (практически ежегодно) татарская коллекция пополнялась в 1975–1985 гг. В настоящее время она является одной из крупнейшей в России и насчитывает более 1200 предметов (Корусенко, 2003: 82; Томилов, Патрушева, 1999: 16–17). Коллекционные сборы проводились на территории Кемеровской, Омской, Новосибирской, Томской и Тюменской областей под руководством В.Б. Богомолова, С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнева, Н.А. Томилова и др. Поскольку два каталога по этой коллекции и обзорная статья С.Н. Корусенко по истории ее формирования уже опубликованы, мы не будем останавливаться на ней подробно.

Восточнославянская коллекция к началу 2004 г. насчитывала 405 единиц хранения (примерно 18 % от всей этнографической коллекции МАЭ ОмГУ). Из них 50% приходилось на русских (10 коллекций), 27% – на украинцев (3 коллекции), 20% – на сибирское казачество (3 коллекции), 3% – на белорусов (2 коллекции). ***Русская коллекция*** МАЭ ОмГУ представлена более чем 200 предметами, отражающими различные стороны хозяйства, культуры и быта старожильческого и переселенческого населения Западной Сибири. Формирование коллекции было начато в 1975 г. этнографической практикой студентов исторического факультета в с. Мясники Большереченского района Омской области (под руководством Н.А. Томилова) и фольклорной практикой студентов филологического факультета в д. Паново Крутинского района Омской области (под руководством Л.Н. Гридневой). Первую значительную коллекцию из 29 предметов привез в музей Н.А. Томилов после проведения этнографической практики 1978 г. в Усть-Ишимском районе Омской области. В 1982 г. под руководством старшего лаборанта МАЭ ОмГУ Г.И. Успеньева состоялась первая экспедиционная поездка к русским в Муромцевский район Омской области, откуда было привезено 33 предмета. Следующая значительная коллекция поступила в музей в 1985 г., после проведения этнографической экспедиции и практики в Вагайском районе Тюменской области и Усть-Ишимском районе Омской области. С этого периода экспедиции к русскому населению становятся регулярными и ежегодно проходят под руководством сотрудника кафедры этнографии, историографии и источниковедения М.А. Жигуновой. В 1986 г. сборы осуществлялись в Усть-Ишимском (Усть-Ишим, Утускун), Тевризском (Бакшеево) и Знаменском (Знаменское) районах Омской облас-

ти, в 1987 г. – в Калачинском районе (Глуховка, Тургеневка), в 1988 г. – в Маслянинском районе Новосибирской области. В 1987 г. несколько предметов для русской коллекции были привезены сотрудником кафедры этнографии В.В. Реммлером из Исилькульского района, где им проводились экспедиционные исследования среди украинцев. В 1988-89 гг. коллекция пополнилась почти 50 предметами, привезенными В.В. Реммлером и тогдашним директором МАЭ ОмГУ А.Л. Чередниковым из Горьковского, Исилькульского и Тарского районов Омской области. В 1992 г. несколько экспонатов для русской коллекции было привезено Д.Г. Коровушкиным из Муромцевского района Омской области. В 1994 г. коллекция пополнилась 10 предметами из Усть-Ишимского и Тевризского районов Омской области, собранными этнографической экспедицией под руководством М.А. Жигуновой и Т.Н. Золотовой. В 1995 г. в музей поступили 17 предметов, а на следующий год – еще 8, привезенные из с. Мыс Муромцевского района Омской области экспедицией М.Л. Бережновой.

Таким образом, формирование русской коллекции было начато в 1975–1978 гг. Наиболее активная собирательская работа проводилась в 1985–1989 гг. Подавляющее большинство экспонатов характеризуют русское старожильческое население, проживающее на территории Омской и Тюменской областей. По одной коллекции привезены М.А. Жигуновой и Т.Н. Золотовой из Алтайского края, Новосибирской и Курганской областей. В русской коллекции наиболее многочисленны различные предметы хозяйственной деятельности (вилы, грабли, зубья бороны, коса-литовка, лопаты, серпы, плица, ножницы, нож для чистки копыт, путы, седелка, подпруга, удила, трензель, пряжка, капкан, острога и морда для ловли рыбы, кожемялка, шорный зажим, кочедык для плетения лаптей, скобель, гвозди кованые и др.). Как обычно, в русской коллекции, имеются предметы прядения и ткачества (веретена, щети, прялки, вьюшка, мотовило, скально, нитченки, набилки, берда, векошки, челноки, образцы тканей и др.). Следующая значительная часть коллекции (51 предмет) характеризует детали интерьера жилища: половики, занавески, скатерти, подзоры, наволочка, прошвы для украшения наволочек, полотенца, салфетки, сумочка-карман для расчесок, вышивки, портрет мужчины на белой жести и др. Третья по количеству предметов (43) идет домашняя утварь и посуда (берестяные туеса, короб, бочонок, маслобойка, жернова, ступы с пестом, корыта, деревянные ложки, глиняные кринки, кувшины, горшки и блюдце, помазки из гусиных перьев, меденник, корчага, самовар, утюги и др.). Из одежды и обуви имеются шабуры, пальто, платье женское, кофта, рукава, воротник, пояса, лапти, чирки, бродни (всего 19 предметов).

Первоначально в состав русской коллекции входила коллекция «русских казаков» и лишь в 2003 г. М.А. Жигуновой она была выделена в самостоятельную. ***Сибирские казаки*** являлись этносословной группой в составе русского этноса, формирование которой было связано с освоением Сибири и походами атамана Ермака (1580-е гг.). Казачество Сибири было неоднородным по своему этническому и социальному составу, но ядро его составляли восточные славяне, среди которых доминировали русские. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в перечне встретившихся в переписных листах вариантах самоопределения населения на вопрос: «Ваша национальная принадлежность», 140 292 человека назвали себя «казаками». Таким образом, впервые на официальном уровне был зафиксирован такой рост

этнического самосознания современного российского казачества, который вылился в самоопределение казаков как отдельную национальность. Интересно, что подобные варианты самоопределения встретились практически во всех административно-территориальных единицах Западной и Восточной Сибири.

Коллекция предметов по хозяйству, культуре и быту сибирских казаков в МАЭ ОмГУ на 2005 г. насчитывала 81 единицу хранения. Все предметы были собраны в 1982, 1983 и 1984 гг. экспедициями и практиками ОмГУ среди потомков казаков Иртышской и Горькой линий. Иртышская укрепленная линия Сибирского казачьего войска проходила от Омской крепости по правому берегу Иртыша через Ачаирский и Черлакский форпосты, Большой Атмас, Татарку и Железинскую крепость до Семипалатинска и Усть-Каменогорска. Новая (Новоишимская, Пресногорьковская или Горькая) укрепленная линия Сибирского казачьего войска проходила от Омской крепости на запад вдоль горько-соленых Камышловских озер (крепость Покровская, редут Волчий, крепость Николаевская, крепость Лебяжья). Практически вся коллекция по сибирскому казачеству была собрана в Казахстане на территории Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. Экспедиционными работами 1982–1984 гг. руководил Г.И. Успеньев. Первая экспедиция ОмГУ к потомкам сибирских казаков состоялась в 1982 г. в Ленинский район Кустанайской области. Тогда было собрано 37 экспонатов (сохранилось 27) в двух населенных пунктах: Песчанке и Пресногорьковке. В этом же году из Большого Атмаса Черлакского района Омской области было привезено одно веретено. В 1983 г. экспедиционные исследования проводились на территории Северо-Казахстанской области в Мамлютском районе (Становое) и Пресновском районе (Екатериновка, Железное, Кабанье, Кладбинка, Новорыбинка). Тогда коллекция пополнилась 15 экспонатами. Наибольшее количество предметов – 40 (к настоящему времени сохранилось 37) было привезено из экспедиции 1984 г. Она проходила также на территории Северо-Казахстанской области в Бишкульском (Архангельское, Бишкуль, Вознесеновка, Новокаменка) и Пресновском (Усердное) районах. В последующие годы работы по изучению сибирского казачества продолжались под руководством В.В. Реммлера и М.А. Жигуновой. Но собранные ими на территории Омской области две коллекции не сохранились.

Большая часть коллекции (30 экспонатов) характеризует культуру и быт сибирских казаков – это подзоры, кружева, прошвы для наволочек, полотенца, салфетки, вышивки, скатерти, коврик, портрет императрицы, коробка из под конфет, стакан. Хозяйство отражают 28 экспонатов (серпы, зуб бороны, гвозди ручной ковки, шкворень, гребни, щеть, прялки, швейка, люшня, поплавок, железный замок, ключ и др.) Домашняя утварь и посуда представлены деревянными (ступа с пестом, лопата, сельница, рубель и валек), металлическими (сечка для рубки, вафельница, ложка столовая) и керамическими (кринки, кувшинчик, сливочник) предметами. Из одежды в коллекции имеется женская кофточка, юбка и мужские сапоги. Наибольший интерес представляет портрет императрицы Александры Федоровны, изготовленный фабричным способом методом накатки на металлическую пластину, закрепленную на деревянную рамку. Императрица изображена в подвенечном наряде с алой муаровой лентой. На портрете имеются надписи: «Дозволено цензурой. Москва, 31 июля 1895 г.» «Фабрика металлоизделий А. Жако и К^0». Также интересна жестяная коробка из-под конфет,

выпущенная к 300-летнему юбилею дома Романовых. Крышка и стены коробки декорированы чеканкой, цветной сюжетной росписью, изображениями герба, портретами императоров с надписями: «Государь император Николай Александрович», «император Михаил», «император Петр I», «император Александр II», «1613–1913». Кроме того, имеются иконы: «Богородица-троеручица», «Трех святых», «Всех скорбящих радость» и «Святой Архистратиг Михаил».

Украинская коллекция МАЭ ОмГУ состоит из 108 предметов, собранных на территории Омской области. Первые экспедиционные сборы (60 экспонатов) были проведены в 1976 г. под руководством Н.А. Томилова в Марьяновском и Полтавском районах. В последующие годы пополнения украинской коллекции не проводились вплоть до 1987 г., когда М.А. Жигуновой и В.В. Реммлером была привезена коллекция из 39 предметов из Калачинского, Полтавского и Исилькульского районов. На следующий год В.В. Реммлер пополнил украинскую коллекцию 19 предметами, привезенными из Исилькульского и Полтавского районов. Большую часть коллекции (50 экспонатов) составляют предметы домашнего обихода и украшения интерьера: рядно, коврик, подзоры, одеяльники, наволочки, прошвы, занавески, скатерти, салфетки, вышивки, сумочка настенная, часы в деревянном футляре. Довольно представительна коллекция полотенец-рушников – 26 штук. Предметы домашней утвари и посуды представлены 32 предметами. Из них наибольшее количество относится к керамическим изделиям: 9 кринок, 2 корчаги, 4 кувшина, 2 горшка, макитра, миска, чайник. Из деревянных изделий в коллекции имеются маслобойка, 4 рубеля, 2 плетеных шумовки, корзинка и берестяной туес. Металлические изделия представлены самоваром, чайной ложечкой и чугунным утюгом. Коллекция предметов хозяйства состоит из 17 предметов: бондарного инструмента, 6 гребней, прялки и донцев, 4 веретен, деталями ткацкого станка, станком для вязания кружев. Из одежды в коллекции имеются юбка-спидница, манишка, пояс, платок и пионерский галстук. Предметы религиозного культа представлены иконой, киотом, кадилом и подсвечником. Все экспонаты датируются концом XIX – началом XX вв.

Белорусская коллекция в МАЭ ОмГУ сформирована М.А. Жигуновой. Первые 11 экспонатов поступили в 1999 г. из личной коллекции автора, принадлежавшей ее матери и бабушке. Основу этой коллекции составили предметы, изготовленные в 1930–1950-е гг. белорусами-переселенцами из Витебской губернии в Омской области (2 образца домотканого холста, пестрядь, скатерть многоремизного ткачества, 4 льняные полотенца-рушника). Фартук, вышитая скатерть и подзор изготовлены позднее и использовались во второй половине XX в. В 2003 г. коллекция дополнилась рушником браного ткачества, изготовленным в первой трети XX в. в д. Кривичи Солегорского района Минской области и привезенным в Омск из Белоруссии.

Довольно представительна (более 300 предметов) ***немецкая коллекция***, собранная А.Р. Бетхером, Т.В. Савраниной, Т.Б. Смирновой, С.А. Рублевской на территории Алтайского края, Омской и Новосибирской областей, а также – Кокшетауской области Казахстана. Первая коллекция из 28 предметов поступила в музей в 1989 г. (сборы Т.Б. Смирновой). Также в этнографических коллекциях МАЭ ОмГУ представлены народы Севера: ***манси*** (*55 предметов*), ***ненцы*** (*3 предмета*), ***селькупы*** (*14 предметов*) (сборы А.В. Головнева, Н.И. Новиковой, Л.Т. Шаргородского 1977–1980-х гг.). В 1980–

1987 гг. была сформирована коллекция по ***чувашам*** (121 предмет, сборы М.А. Бесединой, В.Б. Богомолова, Д.Г. Коровушкина, Н.А. Томилова), в 1976–1995 гг. – по ***казахам*** (109 предметов, сборы Ш.К. Ахметовой, О.М. Проваторовой (Бронниковой), Н.А. Томилова). В 1975 г. В.П. Кривоногов передал в музей 5 предметов женской одежды ***хакасов***. В 1976–1985 гг. была сформирована ***шорская коллекция*** из 37 предметов (сборы Г.М. Патрушевой, Н.А. Томилова), в 1975 и 1979 гг. Н.А. Томиловым была собрана коллекция по ***бачатским телеутам*** (83 предмета), в 1995 г. из поездки на Северный Алтай А.Г. Селезнев привез 3 предмета по ***челканцам.*** Прибалтийские народы в этнографических коллекциях МАЭ ОмГУ представлены ***латышами*** и ***эстонцами*** (сборы 1987–1999 гг. И.В. Лоткина, А.Б. Свитнева).

В настоящее время штат МАЭ ОмГУ состоит из заведующего и трех старших лаборантов. В разные годы в нем работали ставшие затем кандидатами исторических наук этнографы: А.Р. Бетхер, М.А. Жигунова, З.Е. Кабульдинов, Д.Г. Коровушкин, Н.И. Новикова, Г.М. Патрушева, Т.В. Савранина, А.Б. Свитнев, М.Н. Тихомирова, И.Н. Чернова, археологи: А.В. Полеводов, С.В. Сотникова, С.Ф. Татауров, К.Н. Тихомиров и др. Сотрудники музея участвовали в научной паспортизации и каталогизации этнографических коллекций ряда сибирских музеев и издании многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев». На базе музея проводятся учебные занятия по археологии, этнографии, истории первобытного общества, музееведению, студенты-историки проходят здесь музейную практику. При МАЭ ОмГУ действует Ученый совет, который возглавляет Н.А. Томилов.

В Музее археологии и этнографии ОмГУ хранятся богатейшие археологические и этнографические материалы, постоянно ведется научно-исследовательская и экспозиционная работа, экскурсионное обслуживание. Современная экспозиция состоит из археологического и этнографического отделов, которые знакомят посетителей с древними этапами истории Западной Сибири, отражают хозяйство и культуру манси, селькупов, хантов, сибирских татар, казахов, телеутов, шорцев, русских, сибирского казачества, украинцев, немцев, латышей, чувашей и эстонцев. Также на экспозиции представлен стенд со скульптурами Тобольской косторезной фабрики. В ближайшие годы планируется расширение экспозиционных площадей и создание новой экспозиции, научная паспортизация всех фондов, издание каталогов и нового путеводителя.

Литература

Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского государственного университета // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.

Бетхер А.Р. Хозяйственные занятия и быт немцев Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998.

Жигунова М.А. Традиционное хозяйство русских в коллекциях музеев Западной Сибири // Русские старожилы. Материалы III сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000.

Жигунова М.А. Экспозиция по сибирскому казачеству в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Электронный век и музеи. Омск, 2003. Ч. 1.

Жигунова М.А. Этнографические коллекции по восточным славянам в Музее археологии и этнографии Омского госуниверситета // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 3 (17).

Жигунова М.А., Захарова И.В. Хозяйство и культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Рукопись монографии. Омск, 2005.

Захарова И.В. Казахская этнографическая коллекция в Музее археологии и этнографии Омского университета // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998.

Захарова И.В., Смирнова Е.Ю. Коллекция предметов хозяйства и культуры сибирских татар в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Словцовские чтения-96. Тюмень, 1997.

Корусенко С.Н. Материалы этнографических экспедиций к сибирским татарам в Музее археологии и этнографии ОмГУ: история формирования и использование в учебном процессе // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 1.

Коровушкина М.А. Культура и быт сибирских татар в этнографических коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). Омск, 1992.

Матвеев А.В., Михалева Т.В., Тихомиров К.Н. Китайские материалы в архиве М.П. Грязнова // Россия и Восток: Археология и этническая история. Омск, 1997

Михалев В.В. Карта Минусинской котловины из архива М.П. Грязнова //Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.

Михалева Т.В. Из золотого фонда М.П. Грязнова // Четвертые исторические чтения памяти М.Н. Грязнова. Омск, 1997.

Морозова Е.М. История сбора и состав этнографических коллекций по культуре сибирских татар в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Проблемы этнографического музееведения. Омск, 1987.

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета: Этнографическая экспозиция. Омск, 1994.

Патрушева Г.М. История создания и характеристика этнографических фондов Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Проблемы этнографического музееведения. Омск, 1987.

Патрушева Г.М. Этнографическая экспозиция Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998.

Патрушева Г.М., Томилов Н.А. К истории Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Словцовские чтения-96. Тюмень, 1997.

Смирнова Е.Ю. Одежда татарского населения Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского университета // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). Омск, 1992.

Смирнова Т.Б. Предметы культуры и быта немцев Западной Сибири в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998.

Татауров С.Ф. Архив М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1995. Ч. 1.

Томилов Н.А. Этнографические коллекции в омских музеях // СЭ. 1981. № 5.

Томилов Н.А., Патрушева Г.М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (краткий исторический очерк) //Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новосибирск, 1999.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ФОРМ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ВУЗОВСКИХ МУЗЕЯХ (к. XX – нач. XXI в.)

Т.И. Кимеева, Н.А. Белоусова
г. Кемерово

Систематизация, исследование музейных материалов и введение их в широкий образовательный и научно-просветительский процесс являются актуальными в условиях повышенного интереса к историко-культурному и природному наследию, частью которого являются музейные коллекции. В настоящее время позитивным явлением в российской культуре становится не только сбор и формирование музейных коллекций, но и качественно новая интерпретация музейного наследия в прикладных исследованиях (Кимеева, 2003: 3). Максимальное раскрытие семантики, содержащейся в музейных предметах, позволяет реконструировать утраченные элементы традиционной культуры, выявить их генезис и эволюцию на определенном этапе исторического развития.

Изучение, использование и сохранение коллекционных материалов на современном этапе развития общества приобретает новые формы:

– разработка и внедрение в музейную практику электронных каталогов по систематизации, учету и хранению музейных предметов;

– создание WEB-ресурсов, включающее несколько аспектов;

– публикация каталогов музея.

В музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета работа в данных направлениях началась еще в прошлом тысячелетии – в 1990-х гг. Была проведена научная классификация этнографических предметов с помощью электронного каталога, реализованного в виде базы данных с использованием текстовой и графической информации, разработанной доцентом Кемеровского государственного университета, этнографом, к.и.н. В.М. Кимеевым, программистом Д.Е. Кандрашиным и научным сотрудником музея Т.И. Кимеевой (Кандрашин, Кимеев, 1996: 109–113).

При создании каталога ставилась цель создать доступное для неискушенного пользователя приложение, которое позволяло бы хранить описания и изображения экспонатов, создавать их простейшую типологию и классификацию, осуществлять поиск и выборку экспонатов по заданным признакам. В соответствии с концепциями дизайна пользовательского интерфейса 1990-х гг. все основные функции располагались в основном окне на четырех страницах блокнота с закладками, каждый оконный элемент снабжался оперативной подсказкой, а каждая кнопка – символическим изображением выполняемой функции. Для добавления и удаления экспонатов, навигации по базе данных, изменения порядка сортировки записей в списке, а также для наложения фильтра в верхней части окна находилась панель инструментов. В нижней час-

ти окна располагалась панель состояния, в которой отображались коллекционный номер текущего экспоната и его название либо строка оперативной подсказки.

При создании электронного каталога в основу был положен принцип естественности представления информации. Поэтому классификация экспонатов была представлена эмуляцией традиционной файловой структуры. Пользователь работал с иерархической классификационной структурой, «деревом», где классификационные разделы отображались как «папки» идентично Windows Explorer, включенному в Windows™95.

Первая вкладка блокнота с заголовком «Проводник» была разделена на две части: слева в виде дерева представлена классификационная структура, справа – список экспонатов. Удобство работы с экспонатами обеспечивалось двумя режимами просмотра. В первом режиме при перемещении по «дереву» в списке отображались экспонаты из текущей папки. Во втором режиме просматривались экспонаты из всех разделов, отсортированные по названию и коллекционному номеру, и при перемещении по списку в «дереве» автоматически помещался тот раздел, к которому принадлежал данный экспонат.

Третья закладка под заголовком «экспонат» представляла собой стандартную карточку, заполняемую на каждый экспонат. Она включала такие поля как:

– название коллекции (в этнографической название коллекции соответствовало наименованию народа: шорцы, телеуты, хакасы и т.д.);

– коллекционный номер предмета;

– его наименование;

– материал, из которого изготовлен предмет;

– датировка объекта;

– техника изготовления предмета;

– описание предмета, где представлена его краткая характеристика;

– размеры;

– время и место изготовления и бытования;

– время и место приобретения;

– файл-картинка с двумя окошками для просмотра рисунка или фотографии музейного предмета.

Для добавления нового экспоната в текущий раздел на панели инструментов нажималась кнопка «новая запись» и создавалась новая карточка на музейный предмет. Если на панели инструментов была включена кнопка «память», то при добавлении нового экспоната все поля карточки автоматически заполнялись значениями последнего текущего экспоната. Это позволяло избавиться от рутинной работы при вводе серии аналогичных предметов. Учитывалась уникальность коллекционного номера. При попытке добавления в базу данных экспоната с уже имеющимся номером выдавалось сообщение об ошибке.

Еще одна вкладка называлась «фильтр» и отображала только те предметы, поля которых соответствовали некоему ограничению. С помощью «фильтра» легко осуществлялась выборка предметов по определенным параметрам: по материалу, названию предмета и т.д. Хотя, на наш взгляд, очень удобной в пользовании, с учетом ориентации на рядовых хранителей музейных фондов является иерархическая классификационная структура – «дерево». Например, «дерево» этнографического отдела музея

КемГУ включало папки: «шорцы», «телеуты», «хакасы», «эвенки», «мордва», «русские», «алтайцы», «кеты»; внутри каждая папка состояла из разделов: «присваивающее хозяйство», «производящее хозяйство», «одежда и украшения», «духовная культура», «утварь» и т.д.; в свою очередь разделы имели подразделы: «присваивающее хозяйство» – «охота», «рыболовство», «собирательство» и т.д.

Апробация данного электронного каталога, осуществленная на материалах шорских коллекционных материалах, отразилась в создании пяти частей каталога шорских коллекций в музеях России (Кимеева, 1990). База данных данного каталога была ориентирована на обработку этнографических коллекций.

Целью же музея «Археология, этнография и экология Сибири» являлось создание универсальной базы данных для работы с материалами по этнографии, археологии, зоологии, энтомологии и др. В начале 2000-х гг. программистом М.И. Васильченко на основе той же базы данных, но с несколько измененными классификационными схемами, были разработаны и введены в работу каталоги археологических и зоологических коллекций, которые были переделаны с учетом современного дизайна и пользовательского интерфейса. База данных включила иную систему регистрации, хранения, пополнения и просмотра информации.

В этой базе данных, как и в базе предыдущего каталога, можно было создавать любое количество карточек для описания экспонатов. Хранящаяся информация представлялась в виде картотеки, в которой курсорами, находящимися в правом нижнем углу карточки, можно листать страницы. Дополнительно были разработаны электронные схемы музейных залов и витрин, позволяющие четко и быстро определить как месторасположение определенного предмета, так и его инвентарный номер в экспозиционном пространстве.

В структуре базы данных экспозиционного материала могла дополнительно к указанным в предыдущем каталоге храниться следующая информация:

– административное местонахождение археологического памятника;

– топография объекта;

– тип памятника;

– культура;

– файлы картинки с двумя окошками для просмотра. Первое окно используется для фотографии экспоната с масштабом, второе окно предусмотрено для ввода прорисовки предмета или акцентирования наиболее интересного элемента в предмете (например, его орнаментированная часть).

Несмотря на эти достоинства, программа имела ряд серьезных недоработок. Одной из них было отсутствие функции учета уникальности коллекционного номера. В базу данных могло быть добавлено несколько одинаковых номеров, при этом не проводилось «сортировки» музейных предметов ни по каким параметрам, даже по возрастанию порядкового номера.

К 2006 г. на основе уже имеющейся базы данных «Комплексный электронный каталог музейных коллекций по археологии, этнографии, зоологии» усовершенствована научно обоснованная электронная база данных, которая позволяет хранить первичную документацию музейных коллекций и автоматически преобразовывать одни формы документов в другие, актуальные для текущей работы, и сохранять их в базе

данных, что в практической работе отнимает большую часть времени. Благодаря этому стало возможным описывать музейный предмет любым набором реквизитов, в том числе создаваемых самим пользователем, в отличие от других автоматизированных систем, имеющей фиксированный и неизменяемый набор реквизитов для всех музеев, где они используются (Касастикова, Белоусова, 2006: 139–148).

Работа в направлении оптимизации структуры каталога по учету, хранению и использованию музейных коллекций продолжается и в настоящее время. Апробация его новых форм сначала осуществляется в ходе занятий со студентами специализаций «Археология» и «Музейное дело». Например, практическая часть спецкурса «Комплектование, учет и хранение музейных предметов» включает получение навыков научной обработки музейных предметов с помощью электронного каталога. Затем анализируются достоинства и недостатки переработанной базы данных, формулируются предложения для ее усовершенствования.

Сотрудники всех отделов музея активно включены в процесс внедряемых инновационных технологий. После первых разработок музей в течение четырех лет активно работает по грантам Министерства Образования Российской Федерации. В 2003–2004 гг. «Инновационные технологии в научно-образовательном пространстве музея «Археология, этнография и экология Сибири» и «Культурно-образовательные и информационные ресурсы музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета», гранты № 1114, 1370. В 2005, 2006–2007 гг. «Информационный научно-образовательный комплекс музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, гранты № 4531, 2647.

Научные сотрудники многих музеев понимают необходимость информатизации музейной деятельности (Загоскин, Кижнер, 2002: 393–395). Создание WEB-ресурсов – сегодня необходимое условие нормального функционирования любого учреждения или организации, в том числе и учреждения культуры. Созданная на основе внутримузейной базы данных и сети Интернет информационно-поисковая система по коллекциям музея привлекает внимание как исследователей, так и посетителей сети. Интернет используется для научной и учебной работы. Через WEB-ресурсы с информацией о музеях и его коллекциях может работать несколько групп потенциальных партнеров музеев:

– образовательные структуры (высшая и средняя школа, которые могут использовать музейные фонды в качестве образовательного ресурса;

– научное сообщество, которое может использовать музейные фонды в качестве своей источниковой базы при исследовании в различных областях гуманитарного и естественнонаучного знания;

– органы муниципальной и государственной власти, реализующие проекты, в которых может использоваться музейный ресурс;

– лица и структуры, реализующие издательские и Интернет-проекты, использующие музейные фонды как в содержательном, так и дизайнерском планах;

– туристические фирмы, производители изделий народных промыслов, сувенирной полиграфии и др.

Все эти группы различны по своим целям и задачам, поэтому должны различаться и формы музейного ресурса, предоставляемого им (Загоскин, Пономарев, 2002: 396–398). Данные группы являются также потенциальными партнерами музеев высшей школы.

Музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ при подготовке проекта ставил своей целью расширение культурно-образовательных возможностей на базе музейных коллекций. Уникальность коллекций музея КемГУ заключается в том, что они представляют материальную, духовную культуру населения Сибири и природное разнообразие региона в разные исторические периоды. Расширение деятельности по сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия региона на основе внедрения новых информационных технологий в учебное, научное и культурно-образовательное пространство музея, создание открытого объединенного информационного ресурса для обмена с различными центрами их сохранения и изучения.

Одним из результатов осуществляемых музеем проектов 2003–2006 гг. является постоянно обновляемый сайт музея с включенными в него виртуальными выставками. Структура сайта в электронном виде отражает существующий в реальности музей. На титульной странице отображен вход в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ со ссылками на сайты, где представлен музей. На первой странице размещен путеводитель по музею с определенными разделами: «экспозиция», «о музее», «фонды», «архив», «экскурсии» и др., которые дают выход на страницы, соответствующие данным разделам (рис. 1, 2, на вклейке). Кроме этого, на этой странице находится поисковая система по сайту (http://museum.kemsu.ru). Интерактивные системы могут быть реализованы различными способами, как академическими, так и игровыми. Их цель состоит в том, чтобы новыми средствами преподнести или обыграть музейные экспонаты, представить разнообразную информацию о них в компьютерной форме. Такие системы также могут быть наполнены информацией из музейных баз, но каждая из них является уникальным продуктом, с собственным сценарием и дизайном.

Посредством созданной информационной системы обработки научных фондов вузовских музеев систематизированные коллекционные материалы введены в учебный, научно-образовательный процессы и широкий научный оборот. По тематике проекта написаны курсовые и дипломные работы. На основе систематизированных музейных этнографических материалов разработаны и внедрены в учебный процесс четыре программы для высшего профессионального образования: «История искусства народов Сибири», «Основы консервации и реставрации музейных предметов», «Материальная и духовная культура народов Сибири», «Комплектование, учет и хранение музейных предметов».

Электронная база данных разрабатывается в соответствии с музейными стандартами и может быть легко трансформирована для других видов музейных коллекций. Применение стандартов в целом способствует повышению уровня унификации описания музейных коллекций и формированию единой терминологической базы, а также автоматизации учета, хранения и распространения информации о музейных коллекциях. С помощью разработанной и обновленной электронной базы данных музейных коллекций будет продолжена работа по подготовке и опубликованию последующих выпусков «Каталога музейных коллекций» не только музея Кемеровского государственного университета, но и из других музеев. Материалы коллекций музея могут быть включены в создаваемые CD-диски, в информационное пространство Интернет с доработкой уже имеющегося музейного сайта и с привлечением материалов образовательного цикла.

Третье направление работы по реализации инновационных технологий начало реализоваться музеем КемГУ в 2004 г.: опубликован первый выпуск Каталога коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, в котором представлены археологические, этнографические, зоологические и энтомологические. В 2006 г. опубликован второй выпуск Каталога, расширивший представления о вышеуказанных коллекциях и включивших петроглифические материалы музея. Публикация этих материалов и их введение в широкий культурно-образовательный и научно-просветительный процесс позволит расширить представления о древней истории, духовной культуре и природном разнообразии Сибири и сопредельных территорий. Каталог предназначен для археологов, этнографов, биологов, студентов исторического, биологического факультетов высших учебных заведений, музейных работников и др.

Таким образом, становится очевидным, что перспективы развития музеев высшей школы тесно связаны с изменением форм работы музеев, с превращением их в социальный институт, создающий и предоставляющий нужную информацию. Информатизация музейной деятельности способна стать мощным фактором в деле сохранения культурно-исторического наследия отдельных областей и регионов России. Она способна не только усовершенствовать отдельные аспекты деятельности вузовских музеев, но и повысить его социальный статус в целом. Информатизация музейной деятельности способна стать мощным фактором в деле сохранения культурно-исторического наследия отдельных областей и регионов России. Она способна не только усовершенствовать отдельные аспекты деятельности вузовских музеев, но и повысить его социальный статус в целом. Инновационные методы работы, на примере рассмотренной ранее деятельности музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета, могут быть рекомендованы в практику подобного типа музеев Западной Сибири, с учетом специфики работы и профиля музея. Созданная программа по учету и обработке музейных коллекций в данном музее применима для всех видов музеев.

Литература

Загоскин Д.В., Кижнер Е.Д. Информатизация и перспективы формирования позитивного имиджа музея // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002.

Загоскин Д.В., Пономарев А.А. Информационные технологии как способ расширения музейной аудитории // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. Томск, 2002.

Кандрашин Д.Е., Кимеев В.М. Возможная структура графической базы данных и простейшая типология этнографических предметов музейных коллекций // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.

Касастикова Л.Ю., Белоусова Н.А. Электронные ресурсы музея КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» и их применение на примере археологических коллекций // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2006.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2004. Вып. 1; 2006. Вып. 2.

Кимеева Т.И. Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья: Дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2003.

Кимеева Т.И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Таежные промыслы и средства передвижения. Кемерово, 1999. Ч. 1: Производящее хозяйство; Ч. 2: Предметы быта; Ч. 3: Одежда и украшения; Ч. 4: Духовная культура; Ч. 5.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ МУЗЕЙНОГО ПОРТАЛА «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА»

Ю.П. Холюшкин, В.Т. Воронин, М.Ю. Ильиных
г. Новосибирск

Введение

Не требует доказательства положение о том, что информатизация в музеях создает определенные возможности повышения качества работы самих музеев.

Понимание этого положения привело к тому, что под патронажем Министерства культуры Российской Федерации осуществляется реализация проекта единой федеральной информационной системы в области культуры и искусства и создается общероссийская сеть музейного фонда России. В настоящее время в рамках проекта идет сбор и обработка информации для создания единого словаря Госкаталога. Достигнуты договоренности с основными разработчиками российских музейных информационных систем (ГИВЦ МК РФ и ООО «Альтсофт») о конвертации существующих музейных БД в Государственный каталог (Аленова, 2003).

Кроме того, музеи России организационно оформились в АДИТ (Ассоциация по документации и информационным технологиям в музеях). Важным представляется и то, что эта ассоциация имеет многолетнее сотрудничество с Российской Библиотечной Ассоциацией. Созданы и функционируют порталы «Музеи России» и «Культура». Проводятся ежегодные международные музейные конференции EVA.

Не менее важной является реализуемая российским комитетом программа ЮНЕСКО «Информация для всех», основными приоритетами которой является осуществление всеобщего доступа к информации, культурному разнообразию, решению проблемы многоязычного доступа, прав на интеллектуальную собственность, сохранению цифрового культурного наследия. Ряд российских музеев участвуют в проектах MINERVA и MINERVA PLUS. В рамках проекта MINERVA PLUS открыт российский Интернет-сайт (www.minervaplus.ru), на котором размещается информация о ходе реализации, мероприятиях и результатах проектов MINERVA и MINERVA PLUS и публикуются основные документы на русском языке (Кузьмин, Куйбышев, Бракер, 2004).

Реализация всех указанных проектов способствует созданию и реализации в будущем стандартных программ по учету и хранению объектов национального культурного наследия.

На основании сказанного можно даже утверждать, что процессы самоорганизации музейного сообщества набирают силы, возникают новые центры, вокруг которых складываются новые сетевые культурные сообщества, которые перекрывают групповые, административные и даже государственные границы.

Приступая к реализации проекта, мы попытались проанализировать состояние дел в области учета, хранения и представления информации пользователям Интернет. При этом нас интересовало следующее:

а) полнота представления в открытом доступе каталогов музея;

б) степень стандартизации описания музейных коллекций;

в) комплексность предоставляемой информации;

г) наличие мощных поисковых систем;

д) использование технологий виртуальной реальности.

Анализ более 400 сайтов России показал, что большая часть музеев занимается презентацией отдельных экспонатов в сети Интернет. При всем своеобразии и высоком качестве презентаций, экспозиции этих музеев все же сопоставимы с традиционными музейными изданиями художественных альбомов, каталогов и монографий.

Если говорить о стандартизации описания музейных коллекций, то в настоящее время, на отечественном рынке музейных программ утвердились в качестве основных две тиражные системы: автоматизированная система (АС) «Музей-3» (разработка Главного информационно-вычислительного центра (ГИВЦ) Министерства культуры РФ) на основе СУБД «ACCESS» и Комплексная автоматизированная музейная информационная система (КАМИС-2000) (программный продукт ОАО «Альт-Софт», Санкт-Петербург) на основе реляционной СУБД «ORACLE».

При этом вовсе не является очевидным, что потенциальный покупатель музейной компьютерной системы в 99% случаев сделает свой выбор между двумя вышеназванными вариантами (Музалевская, 2004). Конечно опыт, накопленный разработчиками за столь продолжительное время, может являться одним из определяющих факторов надежности и стабильной работы музейных систем.

Достаточно мощной и надежной является музейная система КАМИС-2000. Однако внедрение этой системы может оказаться неподъемной для бюджетной организации (стоимость ИС + приобретение лицензии на достаточно дорогую СУБД «ORACLE», мы не будем говорить о проблемах, связанных с эксплуатацией самой СУБД, требующей наличия высококвалифицированных программистов).

В настоящее время появилась в качестве потенциального конкурента еще одна музейная система – «Ника», созданная на основе собственной XML-ориентированной БД, пользователями которой кроме Государственного Исторического музея являются и ряд других музеев России.

Для нас представляет интерес начатые с 2002 г. исследования возможностей стандартов CIMI и Z.39.50 для их практического использования в музейно-архивной сфере России упомянутой выше фирмой «Альт-Софт» (Санкт-Петербург). В результате применения, которых музеи и архивы могут стать мощными поставщиками сетевых информационных ресурсов в межбиблиотечную сетевую информационную систему, представляющими полнотекстовые электронные каталоги (электронные издания с изображениями) по объектам культурного наследия (Дремайлов, 2003).

Если говорить о комплексности и разнообразии представляемой информации, то здесь можно отметить виртуальный музей мультимедиа-центра НГУ, в котором помимо музейной экспозиции представлены: археологический словарь, а также пожелание разместить в нескором будущем курсы лекций, представленные пока лишь в

виде названий (http://www.mmedia.nsu/museum/). Конечно, этому сайту еще далеко до Интернет-лектория «Музеев России» – этого своего рода открытого учебника для самостоятельного обучения.

Среди безусловных лидеров в области разработки сложной системы поиска – самый большой и известный российский музей – Государственный Эрмитаж (http://www.hermitagemuseum.org). Разработанная фирмой IBM технология поиска QBIC (Query By Image Contents – поиск по содержанию изображения) позволяет находить произведения по визуальным характеристикам. Изображения можно искать, выбрав цвета с палитры или разместив цветовые формы на холсте. Результаты поиска можно уточнить, запросив произведения с подобными визуальными атрибутами.

И, наконец, следует отметить еще один факт, связанный с освоением технологий виртуальной реальности. Приемы подобного представления достаточно разнообразны. Значительную привлекательность придают музейным сайтам использование игровых элементов – анимация, пазлы (Музеи России). Для более объемного представления о музее, сайты включают, архитектурные развертки, интерактивные планы этажей, трехмерную графику. «Виртуальные экскурсии» – еще один дополнительный способ сделать посещение веб-сайта музея выгодно отличающимся от посещения реального музея, предложив пользователю уникальное виртуальное путешествие по залам виртуального музея. В одних случаях это обычные слайд-шоу. Более мощные музеи используют новейшие разработки (флэш-технологии, VRML и другие). Прогулки по залам таких музеев в виртуальном пространстве превращаются в увлекательное путешествие, а круговой панорамный обзор создает иллюзию включения в реальную архитектурную среду (Резиденция Президента РФ, Эрмитаж, Русский Музей и др.).

Изучение опыта создания музейных сайтов, а так же опыт, приобретенный коллективом сектора в ходе создания сайта «Sibirica», библиотечной информационной системы позволил приступить к разработке технического задания по Порталу «История и культура народов Сибири и Дальнего Востока».

Отсутствие серьезных финансовых ресурсов и перспектив на получение их в будущем привело к тому, что было принято решение разрабатывать информационную музейную систему самостоятельно и в той мере насколько это станет возможным. Достаточно сказать, то затраты на разработку Портала за 10 месяцев 2006–2007 гг. составили лишь 8080 рублей.

Концепция музея

При разработке концепции музея мы учитывали то обстоятельство, что археолого-этнографические музеи создаются не только для ученых, преподавателей, студентов, но и для широкой публики. При создании музейного портала мы придерживались следующих принципов:

Первый принцип, положенный в основу разрабатываемого портала – полнота представляемой пользователям информации. Для привлечения внимания пользователей на сайте размещена «Галерея случайных изображений», позволяющая посетителю не только предварительно ознакомиться с имеющимися на сайте изображениями экс-

понатов, но и последовательно просмотреть их полный набор. Разработаны ряд презентаций на основе технологии macromedia flash.

Вторым принципом, исповедуемым нами, начиная с разработок сайтов Института археологии и этнографии СО РАНС и сайта «Sibirica» является предоставление возможности доступа к последним новостям в мире науки и культуры. Для этой цели на создаваемом Портале установлен RSS 2.0 – из семейства XML-форматов, предназначенных для описания лент новостей, анонсов статей. Информация из различных источников, представленная в формате RSS, может быть собрана, обработана и представлена пользователю в удобном для него виде специальными программами-агрегаторами.

Третьим принципом, положенным в основу разрабатываемого Портала является предоставление доступа к каталогу мировых и российских музейных Интернет-ресурсов. В настоящее время на страницах создаваемого музея представлен список более 400 музеев и выставок – как российских, так и зарубежных с краткой аннотацией экспозиций.

Четвертый принцип ставит во главу угла предоставление пользователям Портала научно-справочной и историко-культурной информации высокого научного уровня об истории, археологии, этнографии, искусствоведению, музееведению, людях научного мира. Указанная информация будет представлена в виде электронной иллюстрированной электронной энциклопедии, включающей около 5 700 терминов.

Пятым принципом, положенным в основу создаваемого Портала, является обеспечение доступа к библиографическим и полнотекстовым ресурсам создаваемой электронной библиотеки, интегрированной с описаниями экспонатов. Для этого будет осуществлена адаптация электронных информационных ресурсов САТИ ИАЭТ СО РАН для их представления в стандартных обменных форматах RUSMARC и HTML по стандартным протоколам взаимодействия (Z39.50, http).

Поскольку изначально ресурс разрабатывался в качестве составной части создаваемого к 50-летнему юбилею СО РАН Музея «Науки и техники», то в основу следующего принципа была положена разработка единых стандартов описания музейных предметов и согласованных процедур обмена информацией.

При этом очень привлекательно выглядит идея применять для интеграции ресурсов используемую в Сибирском Отделении РАН технологию Z39.50, как наиболее отработанную среди технологий, регламентирующих универсальный сетевой доступ к базам данных на основе абстрактной модели данных.

Для этих целей требуется разработка определенных стандартов данных о музейных предметах, которые должны включать определение категорий регистрируемых данных, форму их записи. Эти стандарты должны стать руководством к разработке каталогов разных видов коллекций. Кроме того, они должны обеспечить общую основу для интеграции музейных информационных ресурсов и возможного обмена данными между музеями.

Для этого можно применять обладающую подобными характеристиками схему метаданных CIMI (профиль протокола Z39.50 для информации о культурном наследии) (The CIMI Profile... 2003; Мазов, Жижимов, Федотов, 2004).

Профиль CIMI является набором технических спецификаций для использования определения приложений и спецификаций протокола, для поиска и извлечения информации о культурном наследии. Приведем пример описания коллекции в CIMI (рис. 1).

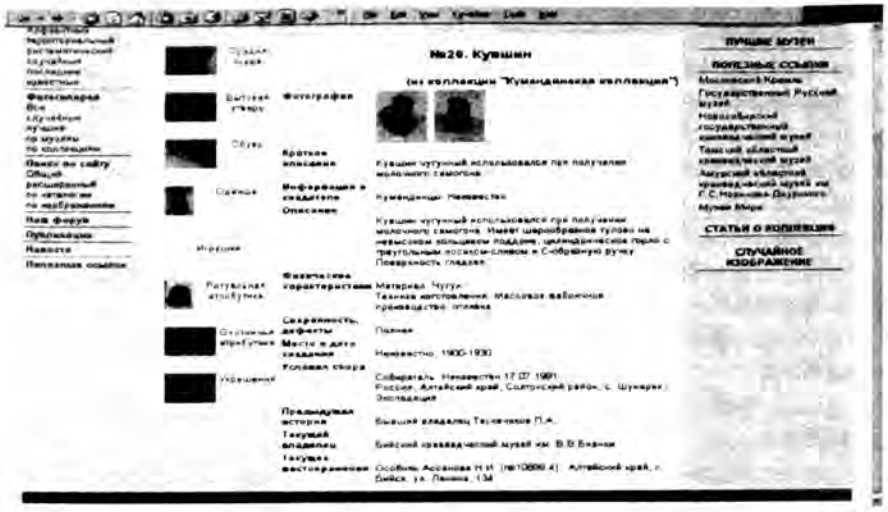


Рис. 1. Пример описания коллекции в CIMI.
Данный список определяет набор полей базы данных

Что касается наполнения и доступа к информации электронного каталога, то он осуществляется под управлением MySQL в операционной системе Linux. Обслуживание пользовательских запросов и генерация HTML-страниц производится с помощью программ на языке PHP, JavaScript, XML.

Кроме того, для каталога были выполнены проектно-технические решения по созданию интерфейса поисковой системы к базе данных портала «История народов Сибири и Дальнего Востока», разработанного в Институте археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН (Холюшкин, Воронин, Костин, Подчасов, 2006). Основная цель этой разработки состояла в том, чтобы встроить в поисковую систему портала удобные схемы наиболее современных технологий наглядного графического представления результатов поиска и доступа к данным портала.

Все эти схемы интегрированы в две большие относительно самостоятельные части проекта:

– поисковая система базы данных портала;

– генератор его виртуальных залов.

Поисковая система требуется для отбора нужных экспонатов и их просмотра в самой поисковой системе, или же в виртуальных комнатах музея. Поисковая система имеет два слоя:

– внутренний (программно-технический комплекс функций и механизмов доступа и извлечения данных);

– внешний (Web-интерфейс пользователя).

В соответствии с настройкой поисковой системы отобранные экспонаты выводятся порциями записей в виде списка. Причем, под каждую порцию отводится отдельная web-страница. Номера выводимых страниц указываются над и под выводимым списком.

Если поле ввода текста (ключевого слова или фразы) не заполнено, то вместо номеров выводимых страниц над и под списком вывода указываются литеры алфавитного указателя в названии полей, по значениям которых производится поиск.

При этом по каждому найденному объекту выводится следующая информация:

– порядковый номер объекта в выборке;

– фотография объекта;

– название объекта;

– значение поля, по которому найден объект (искомое значение выделяется другим цветом).

Фотография и название объекта являются гиперссылками, нажав на одну из которых, пользователь получит всю имеющуюся информацию об этом объекте в базе данных (рис. 2).

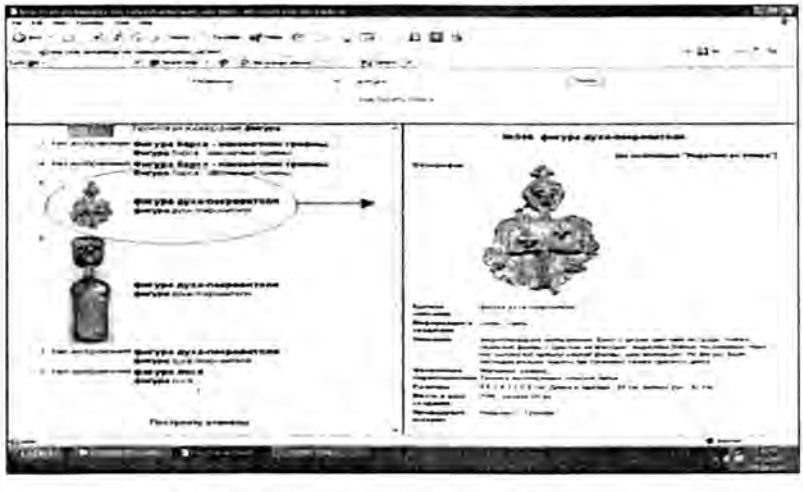


Рис. 2. Вывод полной информации об экспонате

В результате этих поисков пользователь отбирает таким способом нужные экспонаты, чтобы из них составить виртуальную экспозицию. Для наиболее наглядного представления этой коллекции в поисковой системе портала используется генератор залов. Для того чтобы запустить процесс генерации залов для последующего путешествия по ним пользователя требуется, чтобы к моменту этого запуска на клиентском компьютере был установлен браузер Cortona.

Генератор динамически создает на языке VRML готовые к просмотру залы с экспозициями, размещает в них отобранные экспонаты и обеспечивает удобный и комфортный доступ пользователя к их содержимому. Эта часть программы выполняет задачи:

– генерация залов с виртуальными экспозициями, в том числе создание стен, пола, потолка, других элементов интерьера в каждом зале; выбор цвета для них происходит случайным образом из набора заготовленных текстур;

– размещение экспонатов в залах (расчет местоположения экспонатов на стенах в залах с экспозициями); при этом если, к примеру, экспонат не помещается на стене, то его размеры в разумных пределах будут уменьшены с тем, чтобы он все же смог бы поместиться на стене; однако если и разумные пределы помещения не позволяют разместить в очередном зале все оставшиеся неразмещенные экспонаты, происходит генерация нового зала и его соответствующее наполнение;

– свободный вход и путешествие пользователя по сгенерированным залам;

– просмотр информации об экспонатах в каждом сгенерированном зале.

Сгенерированные залы создают полную иллюзию помещений реального музея. С помощью графического интерфейса пользователю предоставляются мощные средства навигации, обеспечивающие возможности свободного и комфортного путешествия по залам и доступа к размещенным в них экспонатам.

Компьютерные трехмерные реконструкции, созданные по технологии виртуальная реальность и снабженные гипертекстовыми и мультимедийными структурами, могут помочь формированию значительно более целостного, наглядного и детального представления, дадут возможность погрузить музейные объекты в историко-культурный контекст, предоставят возможность самостоятельного обучения и исследования. В мультимедийных CD-ROM наличие виртуальной реальности стало уже чуть ли не стандартом. Современный уровень CD-ROM-технологий уже сейчас позволяет организовать 360-градусный обзор в любой плоскости без ограничений. Создание же собственными силами 3D-моделей авторскими средствами разработки CD-ROM на персональных компьютерах нереально, так как требует также немалых затрат на приобретение готовых инструментальных пакетов. К тому же модель по технологии CD-ROM нельзя опубликовать в Internet.

Поэтому было принято решение обратиться к **VRML**-технологиям, которые являются одним из основных и наиболее развитых инструментов разработчика трехмерных миров в Internet. **VRML** расшифровывается как язык моделирования виртуальной реальности (Virtual Reality Modeling Language) (Холюшкин, Воронин, Семенов, 2005).

Документ VRML применительно к музейному контексту представляет собой просто текстовый файл, который содержит описания залов, свойств их поверхностей (цвет, текстура материала, освещение и т.п.) и изображений музейных экспонатов. VRML-документ запрашивается с Web-сервера и поступает пользователю в виде исходного текста, точно так же, как и уже давно ставший привычным HTML-документ.

Выбор темы для экспериментальной VRML-сцены был направлен на то, чтобы задействовать и оценить наиболее привлекательные в музейной практике возможности виртуальной реальности (возможность путешествия по реально несуществующим залам музея).

Для этой цели эксперимента была создана трехмерная модель музея (рис. 3), вестибюль с размещенными внутри его трехмерно представленными объектами (рис. 4), кинозал с аудио и видео показом (рис. 5), ряд комнат с размещенными в них

экспонатами (исследователи угорских народов, изделия из металлов, атрибуты медвежьего праздника, жертвенные покрывала и др.).

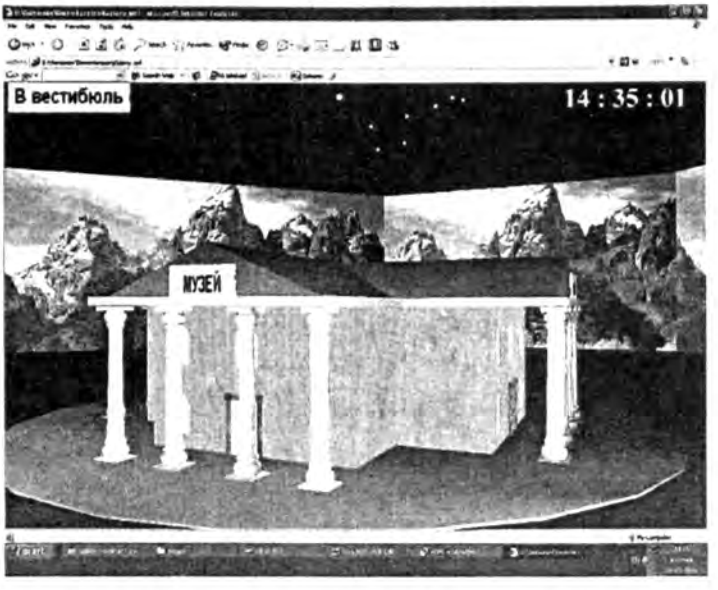


Рис. 3. Трехмерная модель виртуального музея

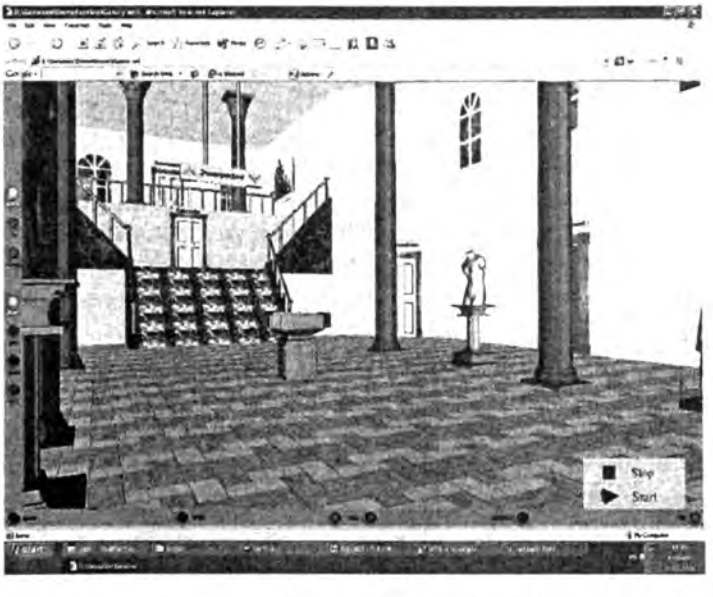


Рис. 4. Вестибюль виртуального музея

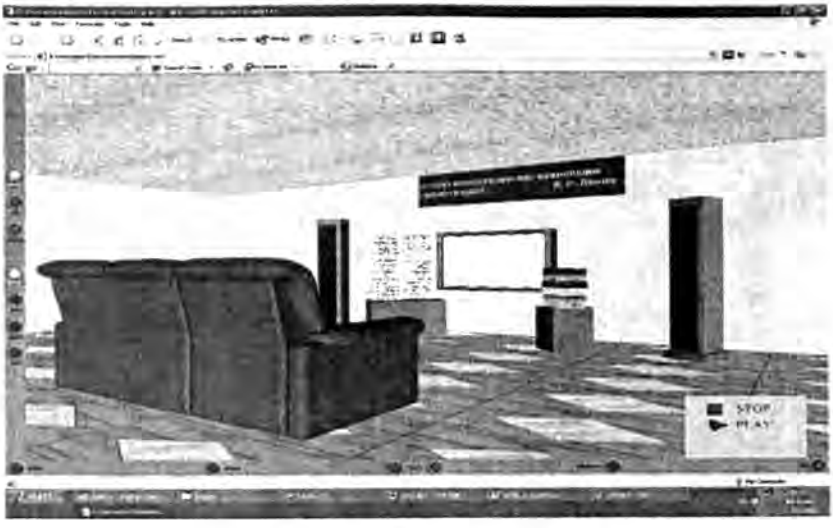


Рис. 5. Кинозал виртуального музея

Это обеспечило возможность на материале этих комнат проводить на компьютере операции, обычно выполняемые художником экспозиции по ее архитектурно-художественному проектированию. Созданная модель позволила разработать пространственное и цветовое решение экспозиции.

Таким образом, размещение в VRML-сцене ссылок на тексты, фотоизображения, видео, музыку, речь и другие звуки предоставит возможность формировать компьютерные экспозиции, в которых обеспечивается:

– многогранное, многосредовое представление музейных предметов;

– существенно большая информативность модели для пользователя;

– возможность подключения к информации, находящейся на других сайтах, без прерывания обзора экспозиции в VRML-сцене.

Гипермедиа, по утверждению специалистов, погружает пользователя в сферу усиливающихся ощущений (когда одни ощущения порождают другие), обостряя восприятие виртуального мира и оказывая, таким образом, эмоциональное воздействие, сравнимое с тем, которое можно получить в компьютерных играх.

В стандарте VRML 2.0 предусмотрена возможность создания элементарных анимаций объектов. Для более сложных анимаций применимы скрипты на Java или JavaScript, а также инструментарий Parallel Graphics, поддерживающий возможности VRML.

Анимации, реализованные в такой модели, предназначены для нетрадиционного общения посетителя с виртуальными музейными предметами.

Это способствует созданию у посетителя виртуальной экспозиции эмоционального эффекта присутствия в чуме в качестве его хозяина, который на принципиально новом уровне погружает его в культурно-исторический контекст, дает наглядное представление о функциональных возможностях экспонируемого образца.

Кроме того, легкость перемещения в пространстве внутри и вне здания музея в горизонтальной и вертикальной плоскостях, возможность пребывания в любом по-

мещении (в том числе несуществующем в реальности), получения любого ракурса или перспективы из любой площадки, возможность «птичьего полета», вращения горизонта создают у пользователя особое настроение причастности, погруженности в историко-культурный контекст, стимулируют желание всесторонне исследовать объект, создают особый эмоциональный настрой и наделяют опытом, который практически невозможно получить другим способом.

Завершение разработки музейного сайта, обладающего подобными возможностями, несомненно, повысит его привлекательность и для широкой Internet-аудитории, и для музейных специалистов. Можно сказать, что с возможностью погружения музейных объектов в VRML-миры представление определенного класса музейных объектов приобретает новое измерение. Использовать ли это новое измерение – вопрос для музейных специалистов.

Заключение

При разработке концепции музейного Интернет-портала мы пошли на создание сложной наукоемкой системы, включающей в свой состав музейные коллекции, полнотекстовую библиотеку, биографическую базу данных, географическую информационную систему, археолого-этнографический словарь, новостную ленту RSS, систему ссылок на мировые и российские музейные ресурсы, кинозал.

Как информационный ресурс портал знаний по археологии и этнографии может обеспечить следующие возможности:

1. Хранение информации о музейных экспонатах в соответствии с международными стандартами.
2. Хранение сопутствующей музейной информации: музейных коллекций, классификаций и типологических таблицы публикаций и т.п.
3. Хранение оцифрованных изображений предметов.
4. Предоставление Web-доступа к информации пользователям
5. Предоставление безопасного Web-доступа к различного рода информации.
6. Информационную поддержку пользователей, т. е. анонсирование разного рода событий и мероприятий, касающихся данной дисциплины в целом, или изменений этого или других ресурсов, в частности.

Литература

Аленова Е.М. Государственный каталог Музейного фонда РФ, Москва «К вопросу о создании Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации». Доклад на международной конференции EVA2003. Москва, 1–5 декабря 2003г., Государственная Третьяковская галерея. www.evarussia.ru

Дремайлов А.В. Вливание музейно-архивных электронных каталогов в единое информационно-поисковое пространство культурных ресурсов. Доклад на международной конференции EVA2003 Москва, 1–5 декабря 2003 г., Государственная Третьяковская галерея. www.evarussia.ru

Кузьмин Е.И., Куйбышев Л.А., Бракер Н.В. Проект MINERVA PLUS и его реализация в России // Доклад на ежегодной конференции РБА. 17–21 мая 2004 г. Новосибирск, 2004.

Мазов Н.А., Жижимов О.Л., Федотов А.М. Классификация, определение и семантика музейных категорий данных, используемых при каталогизации информационных ресурсов // http://conf.cpic.ru/upload/eva2004/reports/doklad_208.rtf

Музалевская И.М. Камис и ас «музей». Наши комментарии // http://www.future.museum.ru/part03/03010301.htm

Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Федоров С.А., Бердников Е.В., Жилицкая Г.Ю. Электронный каталог научной библиотеки ИАЭТ СО РАН // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002.

Холюшкин Ю.П., Гемуев И.Н., Бауло А.В., Воронин В.Т., Нуртдинов А.Н., Ильиных М.Ю. Религиозно-мифологические представления народов Западной Сибири. // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003.

Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Ильиных М.Ю. Виртуальный музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005. Вып. 9.

Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Семенов В.М. Виртуальный VRML-музей Института археологии и этнографии СО РАН //Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005. Вып. 9.

КАЗАХСКИЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ НА РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫСТАВКАХ (XIX – нач. XX в.)

Е.А. Джасыбаев
г. Алматы, Казахстан

Первые музейные коллекции, прежде чем стать действительно музейными, как в Европе, так и в России, на рубеже XVIII–XIX вв., формировались в большинстве своем на основе разрозненных частных собраний предметов старины и диковинных вещей. Или же пополнялись в результате многочисленных научных экспедиций в составе военных подразделений, направляемых в колониальные владения, с целью всестороннего изучения и освоения вновь присоединенных земель и стран. Не стало исключением в данном случае и присоединение Казахстана к России.

Предтечей формирования казахстанских музейных коллекций стало так называемое посольство Тевкелева в пределы присоединенного к Российской империи Младшего жуза в 1731–1733 гг. Царское правительство в тот период предпринимало первые основательные попытки изучения не только природных богатств неизведанного края, но и образа жизни казахов. Поэтому состав экспедиции включал в себя российских ученых, проявлявших живой интерес к традиционной культуре казахского народа (Кереева-Канафиева, 1963: 41–43). Музейный или, говоря более точно, экспозиционный характер, казахстанские предметы и собрания старины стали приобретать на многочисленных выставках, проводимых во второй половине XIX в. в России и за рубежом, а с начала XX в. и в Казахстане.

Повсеместная организация выставок была тесно связана с технологическими результатами промышленного переворота, ярко протекавшего в европейских странах, и набирающего обороты в Российской империи. Плоды технической революции необходимо было демонстрировать широкой публике. Поэтому со второй половины XIX в. в России, как и в Европе, музейные формы презентации стали использоваться в новых технологических сферах человеческой деятельности. В 1829 г. в Петербурге открылась «1-я публичная выставка мануфактурных изделий». С этого времени промышленные выставки проводились регулярно, поочередно в Москве и Петербурге. Изделия, в том числе и из Казахского края, удостоенные на выставках наград, поступали в Мануфактурный музеум. С 1836 г. промышленные выставки проходили и в губернских городах, формируя основу будущих местных музеев. Этой же цели служили губернские выставки «произведений и изделий края», которые обычно организовывались в связи с обязательными поездками в провинцию императора и наследников престола (Музейное дело… 2003: 77–78).

Примечательно, что этнографические коллекции, как-то, – коврово-войлочные изделия, одежда, домашняя утварь, ювелирные изделия, – направлялись в выставочные павильоны наряду с образцами злаковых культур, геологических пород, продуктами питания, домашним скотом и птицей, разного рода изделиями кустарного и промышленного производства, отражающими общий уровень социально-экономического и культурного развития национальных окраин. Как указывалось в одном из писем комитета Туркестанского отдела по подготовке к политехнической выставке в

Москве, адресованном военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому: «Целью выставки является более полное ознакомление России с недавно присоединенными к ней окраинами на Востоке» (Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 38604. Л. 40). Инструкция Центрального статистического комитета Губернским статистическим комитетам по предмету содействия Московской политехнической выставке еще более полно и наглядно аргументирует цель многочисленных выставок проводимых под общим названием – «Промышленная», «Сельскохозяйственная», «Промышленно-художес-твенная», «Научно-промышленная» и т.д.: «Ни в одном европейском государстве ручные производства не имеют такого экономического значения, как в России... Было бы желательно, чтобы знакомство с этими производствами получило самое широкое и повсеместное распространение» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38604. Л. 52; Д. 39125. Л. 12; Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 164. Оп. 1. Д. 130. Л. 6, 7). Таким образом, руководствуясь общей целью показа достижений народного хозяйства национальных окраин, организаторы выставок незаметно для себя открывали и демонстрировали широкой публике культуру, историю и быт казахского народа.

При устройстве в городе Верном в Казахстане сельскохозяйственной и промышленной выставки 1913 г. схема подбора экспонатов и организация выставочного пространства в целом не изменилась. Помимо сельскохозяйственной, промышленной продукции, геологических пород, она включала в себя образцы всевозможных кустарных изделий – «Туземные ювелирные изделия и орудия местного производства, ковры и способы их производства, туземные женские рукоделия» (ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 506. Л. 48).

Несмотря на вышеизложенное, ряд выставок руководствовались при отборе экспонатов и научно-исследовательскими целями, а некоторые из них и вовсе обозначались как научные. Впервые в 1866 г., в Петербурге на Этнографической выставке промысловых достижений народов России были показаны изделия казахских умельцев и предметы народного прикладного искусства (Маргулан, 1986: 17). Выставка продемонстрировала глубокий интерес к памятникам народов России и изучению истории. Использование комплексного метода, который был применен еще в 1867 г. на имевшей широкий международный резонанс Московской этнографической выставке, позволило продемонстрировать образцы народного искусства, предметов быта, орудий труда и одежды. Каждая народность представлялась на этой выставке с помощью манекенов в окружении характерных для национального быта предметов (Юренева, 2004: 210). Необходимо отметить, что Казахские этнографические предметы, отправленные в Москву от Уральской области, пополнили фонды открытого сразу же после выставки этнографического музея при Московском университете. О казахских этнографических коллекциях Московского этнографического музея упоминает в переписке с наказным атаманом Уральского казачьего войска генерал-лейтенантом Веревкиным военный губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек. Речь идет о комплектовании коллекции экспонатов на Московскую политехническую выставку в 1871 г. Примечательно в данной переписке нежелание атамана Веревкина послать на выставку «предметы киргизского происхождения», так как с одной стороны «похожие предметы предполагаются к отправке из Тургая» и «вообще при посылке предметов, по мнению генерал-лейтенанта, необходимо ограничиваться самым необходимым, в ви-

ду недостаточности средств». В ответ на данное заявление Л.Ф. Баллюзек настаивает на необходимости посылки всех имеющихся предметов, в том числе и относящихся к казахскому быту. Учитывая опыт прошедшей Московской этнографической выставки, генерал сознавал какую ценность представляет коллекция и каким интересом будет пользоваться (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 27а. Л. 159–160, 175–176).

В 1868 г. по случаю приезда в Казахстан старшего сына царя Александра II великого князя Владимира, была организована степными округами Сибирского ведомства показательная выставка казахской промысловой культуры. Среди ее экспонатов выделялись юрты акмолинца Нурмагамбета Сагнаева и атбасарца Мейрама Джанайдарова (Маргулан, 1986: 18). Большую часть экспонатов, числом около ста единиц, составили подарки султана Кокчетавского округа Чингиза Валиханова. Здесь же были выставлены ценные экспонаты, принесенные в дар султаном Семипалатинского округа Арынгазы Хангожиным.

Еще более полно казахские художественные изделия были представлены на выставке Третьего конгресса ориенталистов, состоявшейся в Петербурге в 1876 г. (Маргулан, 1986: 18–19).

Повествуя о данных выставках нельзя пройти мимо яркой личности старейшего из депутатов Акмолинской области полковника султана Чингиза Валиханова. Он, как и его знаменитый сын – Чокан Валиханов, сделал очень многое для пропаганды казахской культуры в среде российских чиновников и ученых. Именно из его рук было суждено отпить кумыс, поднесенный на серебряном блюде, Николаю II Романову (совершавшему в качестве цесаревича в 1890–1891 гг. «путешествие по Востоку»). Вот, как описывает ряд эпизодов этого путешествия князь Э.Э. Ухтомский: «Опробовав кумыс, цесаревич направился на выставку, устроенную в его честь в казахском ауле. Юрты в нем были установлены полукругом. Сначала гости посетили юрту, уже упоминавшегося нами, богатого казаха Нурмухамеда Саганаева, которая снаружи была покрыта цветным сукном, а внутри разукрашена коврами, парчой и развешанными мужской и женской одеждой и шубами. Здесь же Николаю представили казахскую невесту в роскошном костюме и саукеле. В той же юрте находилось несколько девушек, занятых рукоделием: шитьем и вышивкой. В юрте была установлена «саба» с кумысом. Затем гостям продемонстрировали процесс приготовления местных сыров («курт» и «рымчик»), обработку кож для изготовления подойников, способы доения овец и кобылиц, а также стадо двугорбых верблюдов. После этого цесаревич и сопровождавшие его гости вошли в юрту, известного нам Мейрама Джанайдарова, в которой были выставлены предметы древнего казахского вооружения. Здесь гостям были предложены всевозможные лакомства национальной кухни, показаны предметы, связанные с такими ремеслами, как столярное, кузнечное, слесарное, ювелирное и др. Свое умение продемонстрировала мастерица за ткацким станком и узорщик, после чего Великий князь познакомился с жилищем бедного казаха. Почтенные гости также посетили специально оборудованную в одной из юрт научную экспозицию, где были помещены коллекции Семипалатинского областного статистического комитета, прежде всего этнографическая и археологическая, а также зоологическая и минералогическая коллекции. В конце визита будущий император посетил юрту, в которой были выставлены предметы, предназначенные ему в подарок. Во время посещения казахского аула гости наблюдали «көш» (перекочевку) богатой семьи со скотом и имуществом на разукрашенных верблюдах и лошадях, а затем и бедной семьи» (цит. по: Прищепова, 2000: 14–15).

Необходимо отметить, что коллекция предметов быта казахов Северного Казахстана, собранная Чингизом Валихановым для этнографической выставки в Москве 1867 г. и насчитывающая более сотни наименований, после окончания выставки влилась в фонды Румянцевского музея (Малышев, Познанский, 2002: 22–23). Процесс сбора экспонатов для различных российских выставок вскрывает также и научно-исследовательские способности Чингиза Валиханова, его неоценимый труд по классификации, этнографическому объяснению, определению ценности разнообразных предметов казахской материальной культуры. В дальнейшем Чингис Валиханов еще многие годы оставался единственным в Северо-Восточном Казахстане «поставщиком» экспонатов для научных учреждений России (Малышев, Познанский, 2002: 23–25).

Таким образом, экспонаты на ряде выставок распределялись не столько по местностям, областям, губерниям, сколько по роду предметов и «в научной по возможности системе» (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 27а. Л. 139).

В 1879 г. обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете была организована антропологическая выставка. Ее организаторы обратились с соответствующим запросом и в Казахстан. 12 августа 1878 г. они просили военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского собрать данные по «историческому народонаселению» края, так как выставка предполагала показ «антропологии современных первобытных народов» и в перспективе ориентировалась на открытие антропологического музея при Московском университете. Выставка подразделялась на отделы: антропологии, археологии и этнографии. Спустя некоторое время, 26 сентября 1878 г., последовал запрос канцелярии Туркестанского генерал-губернатора на имя военного губернатора Семиреченской области с просьбой «о присылке каких-либо остатков доисторического времени и других предметов у частных лиц или уже в собраниях коллекций». В ответ, на это военный губернатор рапортовал лишь «о высылке коллекций образцов хлебных растений и почвы от начальника Верненского уезда» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38983. Л. 1–6).

В составе научно-промышленных выставок организовывались и отдельные исследовательские разделы. В частности в устройстве Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге 1887 г. был представлен третий отдел «Антропологии и этнографии». Для его пополнения Уральское общество любителей естествознания просило Оренбургский отдел РГО прислать антропологические, этнографические, археологические, нумизматические материалы (ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 10. Л. 379), а военного губернатора Тургайской области А.П. Проценко – прислать «в числе экспонатов – живых представителей различных народностей, населяемых Сибирь и Урал» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2432. Л. 1). Г.П. Проценко поспешил дать соответствующие указания уездным начальникам вверенного ему края. На распоряжение губернатора откликнулся лишь Николаевский уездный начальник, повествуя о том, что: «почетный киргиз Сарайской волости Иманбай Худобергенов изъявил готовность отправиться в Екатеринбург вместе с женой. Оба они хорошо говорят по русский и могут быть отправлены из Троицка по почтовому тракту» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2432. Л. 2–8).

На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке также были представлены коллекции по этнографии казахов из фондов Омского музея и собранные у населения Степного края. Довольно обширной была коллекция вещей, переданных

музею волостным управителем из Акмолинского уезда Мустафой Джанибековым (Культура казахов... 1995: 10).

Так называемыми «живыми экспонатами» нередко становились сопровождавшие на выставки скот казахи-табунщики. Так в реестр предметов отправляемых на политехническую выставку в Москву от Оренбургского казачьего войска в 1872 г. был включен «киргиз для ухода за лошадьми и верблюдами. Вместе с одеждой будничной и праздничной, с кибиткою» (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 27а. Л. 206, 207).

«Живые экспонаты» были затребованы и на XVI Всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде (1896 г.). Протокол № 11 выставочного вспомогательного комитета по подготовке к выставке Тургайской области отмечал среди прочего «возможность присутствия на выставке представителя «от киргиз», образованного и богатого, который мог бы принять на себя расходы на поездку» (ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19. Л. 22, 42–43).

Примечательно то, что в состав Тургайского вспомогательного комитета по подготовке выставки в Нижнем Новгороде, помимо представителей статистического комитета, сверхштатных чиновников особых поручений при военном губернаторе были включены также и представители от «киргиз» – Зауряд-хорунжий Беркинбаев и управитель Буртинской волости Нурмухамбетов, которые изъявили желание ассигновать часть средств на приобретение в прокат экспонатов (ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19. Л. 16, 47–48, 55).

Личность знатного казаха Ланкжана Дербисалиевича Беркимбаева, помимо прочего, мы встречаем также и в истории формирования казахстанских коллекций музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамеры – МАЭ) Российской Академии наук (Прищепова, 2000: 37–38; о нем более подробно см.: Ахметова, 1982: 55–56).

В Нижегородской всероссийской выставке приняла участие и казахская этнографическая коллекция, собранная Западно-Сибирским отделом ИРГО. Вице-президент П.П. Семенов от имени императорского Русского географического общества поручил отделу устройство специального павильона выставки, который должен был представить природу и население Степного края. Была проделана огромная организаторская работа по подготовке экспонатов. Большая часть этнографического материала, представлявшая на выставке быт казахского, уйгурского, русского населения восточной половины Казахстана, была собрана у населения, а затем возвращена обратно, но в ходе и после выставки часть присланных экспонатов владельцы подарили Омскому музею (Культура казахов... 1995: 11).

Необходимо отметить, что финансированием сбора и отправки экспонатов и экспонентов на выставки занимались не только вспомогательные комитеты, получавшие определенные ассигнования от канцелярий генерал-губернаторств и центральных учреждений империи, но и сами участники выставок «от киргиз», при этом представители зажиточных слоев нередко оплачивали расходы на поездку в оба конца и организовывали сбор экспонатов (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2008. Л. 2–2 об., 6–7, 9–9 об.; Д. 2049. Л. 60–67; Ф. 311. Оп. 1. Д. 3. Л. 47).

Сбор денежных средств для выставок становился серьезной проблемой и генерал-губернаторов и статистических комитетов. Так Генерал-губернатор Оренбургской области обращался к Председателю Оренбургского статистического комитета с предложением пригласить все сословия губернии к пожертвованию для составления суммы, необходимой на приобретение произведений и образцов ручного труда для поли-

технической выставки в Москве (1872 г.). В результате статистический комитет собрал 43 подписных листа (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 27а. Л. 152). Для облегчения финансового бремени вспомогательные комитеты по устройству выставок также стремились снизить плату за провоз отобранных экспонатов.

Предметы для выставок принимались в дар и закупались не только у населения обширного края, но и у отдельных лиц, обладавших богатыми коллекциями. А согласно свидетельствам источников таковых в крае было не мало. В одном из изданий Туркестанского общества любителей естествознания «при обсуждении средств для составления коллекций предстоящей политехнической выставки в Москве (1872 г.), было заявлено, что многие из членов отдела имеют собственные коллекции местных произведений и единичные туземные вещи и что они, вероятно, не откажут подобно тому, как это уже было на выставке в конце 1869 г. в Петербурге во время пребывания там Туркестанского генерал-губернатора, пополнить такими вещами составление выставочных коллекций». Статистическому комитету было рекомендовано «пригласить лиц, имеющие такие предметы и коллекции», а также назначить экспонентам награды за участие в выставке (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38604. Л. 40).

Казахстанские экспонаты и коллекции не раз премировались высокими наградами на многочисленных Российских выставках. Так, Семипалатинский областной музей, участвуя во Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, был удостоен похвальных наград. По отделу XIII (Сибирь: Торговля России с Китаем и Японией) Музею был присужден диплом II разряда. По отделу XIV (Средняя Азия: Торговля России с Персией) – дипломом IV разряда (Адрианов, 1929: 7).

Примечательно, что премировались не только отдельно взятые экспонаты, но и кропотливая работа по их изучению. Семипалатинский отдел Русского географического общества в своем отчете за 1902–1927 гг. указывает на то, что научно-классифицированные экспонаты Семипалатинского музея были премированы большой серебряной медалью на 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставке, которая проходила в Омске в 1911 г. (Хроника... 1927: 175–176).

Частная коллекция литературного наследия и образцов народного прикладного искусства казахов, собранная в разные годы знаменитым казахским этнографом Мусой Чормановым, получала самую высокую оценку на выставках 1861, 1867, 1876 гг., проходивших в Москве, Париже, Санкт-Петербурге (Утениязов, 2002: 76).

Списки похвальных листов и награды специально разрабатывались и для местных Казахстанских выставок в начале XX в. (ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2, 17, 18).

Благодаря международным выставкам о казахской материальной культуре во второй половине XIX в. стало известно и далеко за пределами Российской империи. Многочисленная зарубежная публика впервые познакомилась с прикладным и декоративным искусством, предметами быта и даже с традиционным жилищем казахов. Международные выставки проходили в Лондоне (1851, 1867, 1871), Париже (1867, 1876, 1878, 1889), Чикаго (1873), Филадельфии (1876), Антверпене (1869), Вене (1873), Амстердаме (1883) и других городах мира (Сотникова, 2004: 86). Целью зарубежных выставок был показ достижений народного хозяйства колониальных провинций, культуры и быта народов, населявших эти регионы. На международных выставках в качестве павильонов также использовались и подлинные традиционные постройки, либо их копии (новоделы).

В 1878 г. в Париже были показаны наиболее ценные казахские экспонаты, побывавшие до этого на выставке третьего Конгресса ориенталистов – уникальная юрта Алмазова, саукеле и ювелирные изделия (Маргулан, 1986: 19; ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2012. Л. 13–14, 24). Из Семиреченской области на данную выставку были отосланы и не вернулись назад образцы местных ископаемых, пожертвованные полковником В.Л. Бергером, сотником Н.С. Созонтовым и видным российским ученным П.В. Гурдэ (Недзвецкий, 1905: 24).

Предметы для Венской всемирной выставке 1873 г выставки – национальная одежда, оружие, утварь, юрта, ювелирные изделия, – были высланы от Кульджинского, Иссык-Кульского, Сергиопольского, Капальского уездов (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 28637. Л. 1–33). Оренбургский генерал-губернатор тоже получил предложение об участии в венской выставке (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 28. Л. 15).

Значительным событием, поднявшим интерес к изделиям декоративно-прикладного искусства народов Востока, явилась Венская выставка восточных ковров 1890 г. Перед европейским миром открылась богатая эстетическая культура ремесел и прикладного искусства казахского и других народов Востока. Именно после Венской выставки развернулась широкая деятельность исследователей по сбору и изучению образцов коврового производства, а также их публикации в печатных изданиях (Муканов, 1979: 8).

С целью развития торговых отношений Великобритании с Россией, с мая по ноябрь 1901 г. проходила международная выставка в Глазго. Хотя экспонаты от Казахстана на ней представлены не были, просьбы об участии были направлены в разные регионы Казахстана (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 49242. Л. 1–12). Аналогичная ситуация по сбору экспонатов сложилась и в Оренбургской губернии в период подготовки к участию России во Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 149. Л. 13–24).

Часть предметов и вещей, собранных в разные годы и для разных выставок научными обществами России, чиновниками царской администрации на местах у населения края, частных коллекционеров (путем закупа или попросту пожертвований), не всегда возвращались назад, к исконным владельцам, а пополняли фонды уже существующих музеев. Так в состав Омского краевого музея в конце 70-х начале 90-х гг. вошли экспонаты с выставок, в которых участвовал Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (Культура казахов… 1995: 8–9). Хранилища Верненского музея также пополнились разнообразными выставочными материалами и предметами после выставок 1902 и 1913 гг. (Недзвецкий, 1905: 27; ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 3. Л. 92). Тургайский областной вспомогательный комитет по подготовке выставки в Нижнем Новгороде 1896 г. получив экспонаты от уже известного нам Нурмухамедова, настоятельно просил его доставить женские седла «если не для предстоящей выставки, то для будущего музея» (ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19. Л. 55).

После установления советской власти фонды целого ряда музеев продолжали пополняться казахскими коллекциями, побывавшими прежде в павильонах выставок. Так, к примеру, в 1923 г. в фонды Музея народов СССР поступила юрта с полным внутренним убранством, которая до этого демонстрировалась на Московской сельскохозяйственной выставке (Материалы… 1961: 83).

Таким образом, ознакомившись с вышеозначенными фактами можно утверждать, что значение выставок для музейного дела Казахстана, очень велико. Предметы, ставшие

фактически «музейными» в павильонах и отделах выставок, не только пополняли фондовые коллекции уже существовавших тогда немногочисленных музеев Казахстана и музеев России, но и стимулировали создание новых музейных учреждений, если не на практике, то в умах российских научных деятелей работавших в Степном крае.

История выставок свидетельствует о том, что презентация новых территорий имела большой успех у населения стран-метрополий. Выставки знакомили с природой, ресурсами, бытом и нравами коренного населения. В их устройстве использовались последние достижения техники экспозиционного искусства, причем демонстрация включала не только товары, сырье и драгоценности, но и нередко сопровождалась театрализованными представлениями, знакомившими с культурой и искусством коренных народов. Применявшиеся на выставках методы презентации оказали большое влияние на практику музейного строительства во всем мире и, прежде всего, на методы построения экспозиции. Более того, они стимулировали процесс изменения общественных представлений о музее в сторону большей демократизации этого социального института (Сотникова, 2004: 88–89). Именно выставки дали толчок к возникновению нового типа музея – музея под открытым небом А. Газелиуса. В отношении же обширного казахского края выставки в какой-то степени дали возможность российским чиновникам и ученым, а также коренному населению, осознать ценность и значимость предметов старины (культурного наследия), поставили вопрос о методах их охраны и передачи последующим поколениям. Учреждением, отвечающим именно таким требованиям, в последующем станет музей.

Литература

Адрианов А.А. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея // Труды Семипалатинского Окружного музея. Семипалатинск, 1929.

Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата, 1982.

Кереева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963.

Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. Томск, 1995.

Малышев М., Познанский В. Чингис Валиханов как этнограф, собиратель казахской старины // Первые этнографы Казахстана. Алматы, 2002.

Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана (труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая). М., 1961.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1986. Т. 1.

Музейное дело России. М., 2003.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата, 1979.

Недзвецкий В.Е. Отчет по Семиреченскому Областному Статистическому комитету за 1905 год. Верный, 1905.

Недзвецкий В.Е. Отчет по Семиреченскому Областному Статистическому комитету за 1905 год. Верный, 1905.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. СПб., 2000.

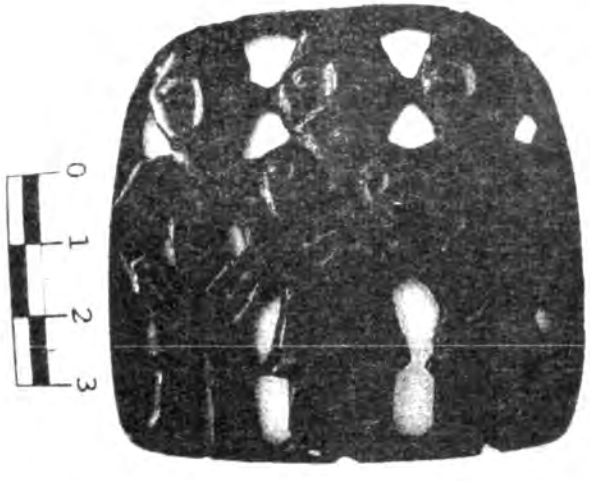
Сотникова С.И. Музеология. М., 2004.

Утениязов С. Отец и сын Чормановы // Первые этнографы Казахстана. Алматы, 2002.

Хроника. Двадцатипятилетие Семипалатинского отдела Русского Географического Общества // Северная Азия. 1927. № 5–6.

Юренева Т.Ю. Музееведение. М., 2004.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В АРХЕОЛОГИИ



О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ БРОНЗОВЫХ ОРУДИЙ С ПАМЯТНИКОВ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.Н. Есин
г. Абакан

Культурно-хронологическая атрибуция найденных на памятниках самусьской культуры литейных форм орудий сейминско-турбинского облика представляет серьезную проблему, обусловленную двумя причинами: 1) разнообразием типов отливавшихся в формах орудий; 2) отсутствием четкой стратиграфической дифференциации находок различного времени и различных культур в слое Самусь-4. Разными исследователями эта проблема решалась по-разному.

Г.А. Максименков литейные формы Самусь-4 выносил за рамки самусьской культуры, связывая их с присутствующей на поселении керамикой андроновского времени (1967: 146). Близкой точки зрения придерживается Е.Е. Кузьмина, хотя и не отделяющая орудия сейминско-турбинского облика от самусьской культуры, но объясняющая их появление в Приобье андроновским влиянием (1992: 44; 1994: 260). Данный подход восходит к исторически первой гипотезе о происхождении сейминско-турбинских орудий, изложенной в работах С.А. Теплоухова (1929: 43), М.П. Грязнова (1941: 262–264), С.С. Черникова (1960: 80), С.В. Зотовой (1964: 60–63) и др., связывавших их возникновение с андроновской средой. В настоящее время такую гипотезу наряду с Е.Е. Кузьминой отстаивает Г. Парцингер (Parzinger, 1997: 223–247; Парцингер, 2000: 68, 72).

Кроме андроновской гипотезы высказывалась также точка зрения о том, что сейминско-турбинское бронзолитейное производство на Самусь-4 возникло на основе традиций металлообработки карасукской культуры (Сафронов, 1970: 16–17; Членова, 1972: 135–138). Она перекликается с гипотезой о связи металлических орудий сейминско-турбинского типа с карасукской культурой, сформулированной ранее С.В. Киселевым (1949: 47).

Согласно другого подхода, разделяемого большинством исследователей, сейминско-турбинская металлообработка, в том числе на Самусь-4, независима от андроновской и не связана с карасукской культурой. В пользу этого свидетельствует наличие доандроновских памятников с орудиями сейминско-турбинского облика, различие их декора с орнаментом андроновских сосудов, бесспорное сходство декора литейных форм Самусь-4 с орнаментом сосудов самусьской культуры и др. (Косарев, 1963: 22; 1970: 116–117; 1974: 73; Матющенко, 1961: 135; Бобров, 2000: 78; Кирюшин, 2002: 81). В рамках этого подхода существуют разные точки зрения на облик самусьской металлообработки, которые, в основном, связаны с анализом литейных форм кельтов, как самой многочисленной категории изделий. Исследователи едины в том, что среди литейных форм кельтов, найденных на Самусь-4, представлены две основных группы: 1) «безушковые»; 2) «ложноушковые». Однако мнения о соотношении этих типов с самусьской культурой противоречивы и сводятся к трем позици-

ям: 1) обе группы бронзолитейных форм относятся к самусьской культуре (Матющенко, 1973: 74); 2) только первая группа относится к самусьской культуре (Косарев, 1974: 63; Кирюшин, 2004: 36–37); 3) только вторая группа относится к самусьской культуре (Кузьминых, Черных, 1988: 74).

В сложившейся ситуации самый лучший способ разобраться в проблеме соотношения самусьской культуры с формами для отливки бронзовых орудий – провести новый, более тщательный анализ материала, включающий его классификацию по форме и декору.

Кельты. Среди бронзолитейных форм, относимых разными исследователями к самусьской культуре, формы кельтов – самый массовый и типологически неоднородный материал. Поверхность кельтов объективно сегментируется на две основные орнаментальные зоны: 1) расположена возле верхнего края – по аналогии с сосудами ее можно назвать приустьевой; 2) занимает основную часть кельта вплоть до лезвия – по аналогии с сосудами ее можно назвать туловом. Нанесение декора на литейную форму начиналось с приустьевой части. Орнаментальные зоны кельтов выделяются по тем же двум общим признакам, что и на самусьских керамических сосудах «южной» группы (Есин, 2004): 1) в верхней зоне композиционная ось ориентирована по горизонтали, тогда как на тулове – только по вертикали; 2) верхняя зона меньше по размеру и более плотно заполнена декором, а на тулове декор разрежен. Второй признак, однако, применим не ко всем типам рассматриваемых здесь кельтов. Различны также используемые изобразительные элементы и композиции, морфология самих изделий. По конструкции кельты, отливавшиеся в анализируемых литейных формах, делятся на четыре наиболее общих типа:

1. Кельт-лопатка с декором из одной горизонтальной линии, опоясывающей изделие вдоль верхнего края; найдена одна форма на Самусь-4 (Черных, Кузьминых, 1989: рис. 80, *7*).

2. Шестигранные кельты с овальной втулкой без петель для привязывания («безушковые»). Три варианта декора:

а) поясок горизонтальных линий (от двух до четырех линий) в приустьевой части и двойные вертикальные линии на тулове; двойные вертикальные линии расположены на четырех ребрах, отделяющих широкие грани кельта от узких торцевых; найдены многочисленные фрагменты форм на Самусь-4 (рис. 1, *1*); декор вдоль верхнего края кельта соответствует наиболее простому варианту декора приустьевой части самусьских сосудов «южной» группы, а изображения на ребрах соответствуют наиболее простым изобразительным знакам у них на тулове;

б) горизонтальная «лесенка» в приустьевой части; найдена одна форма на Самусь-4 (Черных, Кузьминых, 1989: рис. 77, *5*); декор соответствует «лесенке» в приустьевой зоне сосудов «южной» группы;

в) одна горизонтальная линия в приустьевой части, от которой вниз опущены короткие треугольники без декора внутри; найдена одна форма на Крохалевке-1 (Молодин, Глушков, 1989: рис. 25, *5*); декор сопоставим с изображениями на каменном сосуде с того же поселения, а также случайно найденном каменном сосуде из Угловского района Алтайского края.

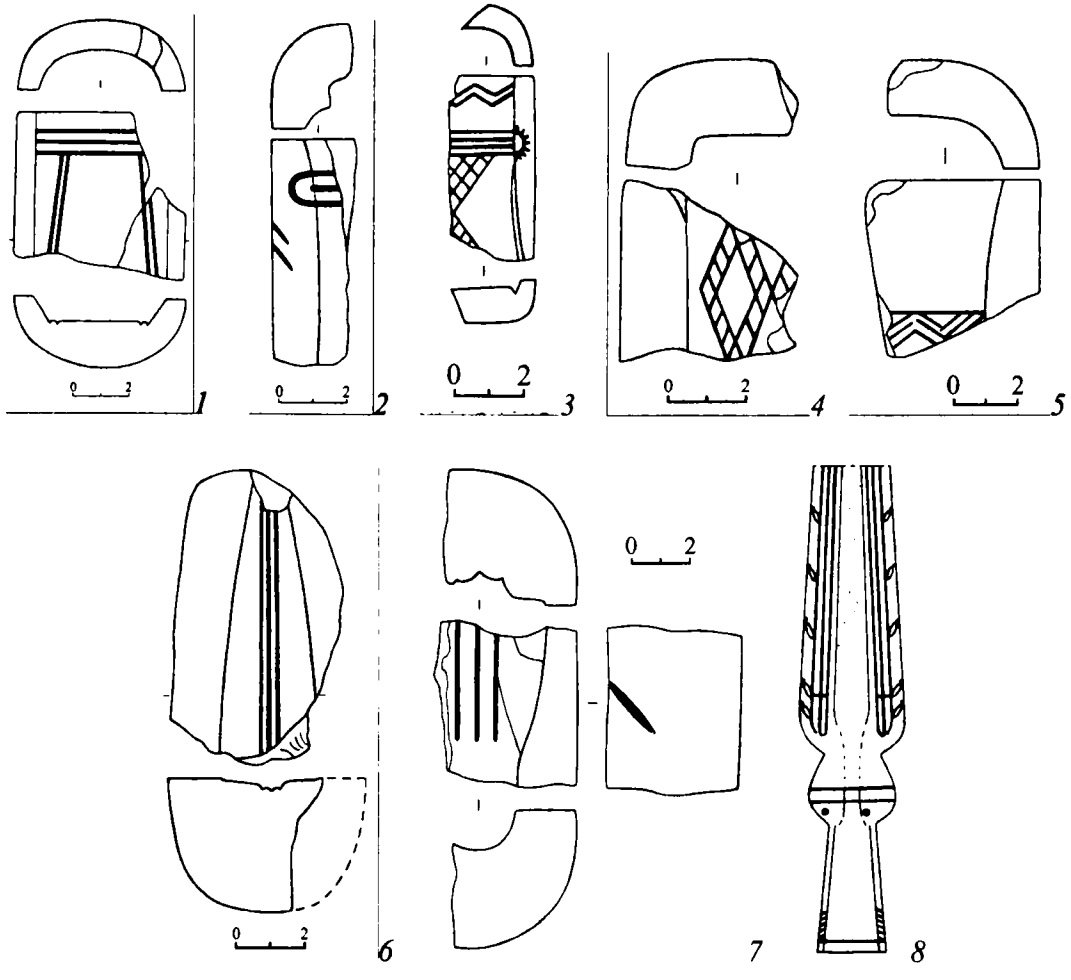


Рис. 1. Литейные формы с памятников самусьской культуры:
1–7 – Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ); *8* – Крохалевка-1 (реконструкция матрицы орудия)

3. Шестигранные кельты с овальной втулкой, петлями для привязывания к рукояти, декором из трех горизонтальных линий в приустьевой части; количество петель на каждом кельте – одна или две – осталось неясным; найдено два фрагмента литейных форм на Самусь-4 (см. рис. 1, *2*) и один на поселении Школьный поселок (Бобров, 2005: 54).

4. Кельты с двумя петлями для привязывания к рукояти, утратившими первоначальное функциональное назначение («ложноушковые»). Верхняя часть кельта овальная в сечении, обычно расширяется кверху в виде раструба; нижняя – четырехгранная или близкая этой форме. Декор в приустьевой части, обычно, опущен ниже, чем у кельтов предыдущих типов, и располагается в том месте, откуда начинается расширение втулки. Он может быть сведен к двум основным типам: 1) две одинарные или

двойные горизонтальные линии, между которыми может быть помещена тройная волнистая или оставлено пустое пространство; 2) несколько прямых горизонтальных линий (четыре, семь), над которыми, в одном случае, нанесена двойная волнистая. Петельки декорированы короткими радиальными линиями с внешней стороны или поперечными рубчиками внутри. На тулове, на широких гранях, нанесены вертикальные цепочки из треугольников и ромбов с косой или сетчатой штриховкой внутри, иногда образующие плотный «ковровый» орнамент. Несколько фрагментов литейных форм орудий такого типа найдено на поселении Самусь-4 (см. рис. 1, *3–5*; Черных, Кузьминых, 1989: рис. 78, *5, 6*; Боброва, 2000: рис. 2, *5*), одна створка – на поселении Танай-4. Танайская находка была связана В.В. Бобровым с имеющимися на поселении материалами самусьской культуры (2000: 77–78).

Наряду с рассмотренными литейными формами известно несколько кельтов четвертого типа, принадлежащих к числу находок, не имеющих надежного культурного контекста, которые позволяют получить представление о структуре декора этих предметов в целом. Например, на кельтах из Кижирово и Тенги (Черных, Кузьминых, 1989: рис. 78, *3*; 79, *1*) существует противопоставление декора двух широких граней тулова. На лицевой грани обоих изделий по три вертикальных цепочки ромбов и треугольников: на кижировском кельте в рамках каждой цепочки изображены два ромба и треугольник внизу, то есть фигуры организованы в три яруса; на кельте с Тенги между двумя треугольниками два ромба – четырехъярусная структура. На задней стороне декор проще: у обоих кельтов изображено по две трехъярусные вертикальные цепочки из двух треугольников и ромба в каждой.

Некоторые изобразительные элементы на кельтах четвертого типа сопоставимы с декором самусьских сосудов «южной» группы, например, горизонтальные и волнистые линии в приустьевой части. Другие, в частности, треугольники и ромбы с сетчатой штриховкой (см. рис. 1, *3*), сложные ромбы на тулове (см. рис. 1, *4*), на самусьских сосудах отсутствуют. Третьи, такие как ромбы с наклонной штриховкой, хотя и встречаются на сосудах, но, во-первых, в иных композициях, а во-вторых, они не могут считаться традиционными и типичными элементами декора самусьской керамики.

В целом, рассмотренную серию литейных форм кельтов по декору и форме изделий можно разделить на две основные группы. Одна, самая многочисленная, включает первые три типа, то есть формы кельтов с декором из нескольких горизонтальных линий в приустьевой части и вертикальных двойных линий на тулове, единично встречены «лесенка» и треугольники без штриховки, ромбы отсутствуют. Другая группа объединяет формы кельтов с нефункциональными петельками для привязывания, тулово которых декорировано вертикальными цепочками штрихованных треугольников и ромбов. Резкое отличие изобразительных элементов и используемых композиций, взаимосвязанное с морфологическими различиями, свидетельствует против их принадлежности к одной археологической культуре. Первая группа кельтов, декор которой неразрывно связан с изобразительным языком на самусьских сосудах и напоминает декор изделий из могильника Турбино, должна быть отнесена к самусьской культуре. Вторая группа, ввиду отличия изобразительного языка от самусьского, должна быть обособлена от самусьской культуры. Ее, исходя из аналогов среди готовых изделий, можно назвать кижировской. Нефункциональность петелек

для привязывания к рукояти указывает на более поздний возраст кельтов кижировского типа по сравнению с самусьскими изделиями.

Вторую группу кельтов на поселении Самусь-4, скорее всего, следует связывать с комплексом керамики, декорированным в печатно-гребенчатой и гребенчато-ямочной технике. По крайней мере, именно в комплексе с подобными сосудами найдена литейная форма ложноушкового кельта, форма и декор которого занимают промежуточное положение между кельтами сейминского типа и классического кижировского, на памятнике Сайгатино-6 в Сургутском Приобье (Кокшаров, Чемякин, 1991: рис. 2, *1*). Взаимосвязь с керамикой того же культурного круга демонстрируют находки кельтов кижировского типа на территории Васюганья, которые Ю.Ф. Кирюшин предложил относить к еловской культуре (Кирюшин, 2004: 36, 93). У некоторых еловских сосудов цепочки ромбов с наклонными линиями внутри или косая сетка с ячейками в виде ромбов занимают значительные участки или даже все тулово, подобно «ковровому» орнаменту из ромбов на тулове классических кельтов кижировского типа (Кирюшин, 2004: рис. 164, *1*; 186, *1, 8*). Редкие и, следовательно, очень диагностичные изобразительные элементы в виде треугольников и ромбов с сетчатой штриховкой на одном фрагменте ложноушкового кельта (см. рис. 1, *3*) тоже обнаруживают аналоги на керамике с гребенчатым орнаментом Самусь-4, на некоторых фрагментах которой встречаются оттиски крупного ромбовидного штампа с сетчатой штриховкой внутри (Косарев, 1974: рис. 13, *12, 16*; Васильев, 2007: 118, рис. 4, *2*). Учитывая разнообразие декора и параметров, широту ареала ложноушковых кельтов (значительно превосходит ареал самусьских кельтов, формы которых обнаружены только в Новосибирском Приобье и Притомье), вероятно, их производство и использование не было ограничено одним культурным образованием.

В рамках самусьской серии самым характерным вариантом декора является вариант 2а, а самым устойчивым изобразительным элементом – горизонтальные линии в приустьевой части кельта. Такой вариант декора является, видимо, исходным, а относительно более поздним и редким вариантом был декор формы с поселения Крохалевка-1. В пользу этого свидетельствует разновременность поселений Самусь-4 и Крохалевка-1 (Молодин, Глушков, 1989: 99–100), подтверждаемая результатами сравнения антропоморфных ликов на самусьских сосудах. Кельт-лопатка по декору сопоставим с самусьской серией и, возможно, ей синхронен, а его морфологическое отличие связано с иной функцией. Морфологически поздними в самусьской серии выглядят кельты 3-го типа. По наличию петелек они сближаются с кельтами 4-го типа. Кроме того, у одного изделия втулка в верхней части расширяется, что ни разу не встречено у кельтов 2-го типа, зато типично для 4-го. Тем не менее, в отличие от 4-го типа их петельки функциональны, тулово сохраняет шестигранность, декор в приустьевой части вниз не смещен, а расширение втулки затронуло только самую верхнюю часть. Судя по наиболее полно сохранившемуся фрагменту формы кельта 3-го типа декора на тулове не было. Несмотря на ряд схожих признаков, кельты 3-го типа не могли послужить основой для генезиса 4-го, но сами могли испытать влияние стандартов, присущих 4-му типу.

Наконечники копий. Образуют три типа:

1. С тремя линиями вдоль стрежня пера, горизонтальными линиями на втулке (четыре или четырнадцать), с петлей для привязывания. Фрагменты нескольких таких литейных форм найдены на Самусь-4 и поселении Школьный поселок (см. рис. 1, *6–7*; Бобров, 2005: рис. 2, *3, 4*). Хотя данная реконструкция на основе имеющегося материала наиболее вероятна, следует отметить, что некоторые фрагменты нижней части форм не исключают их принадлежности к типу наконечников с вильчатым стержнем (Бобров, 2005: 57). Тройные линии вдоль стержня соответствуют изобразительным элементам первой группы кельтов и знакам на тулове сосудов «южной» группы.

2. Между пером и втулкой имеется «перехват», орнаментированный двумя поперечными валиками и двумя шишечками. На каждой плоскости пера по бокам округлого стержня изображено по три прямых линии, с внешней стороны которых расположены овалы, направленные под углом вверх. Сверху каждого овала имеется небольшая точка. Фрагменты одной такой формы найдены на поселении Крохалевка-1 (см. рис. 1, *8*). Декор находит близкие соответствия на керамике Самусь-4 (рис. 2).

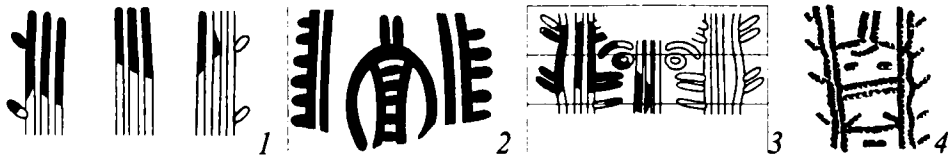


Рис. 2. Изображения на стенках керамических сосудов Самусь-4:
1–3 – по фрагментам из фондов МАЭС ТГУ и ТОКМ; *4* – по Е.А. Васильеву (2007: рис. 3, *2*).

3. С ромбовидным в сечении стержнем пера. На имеющихся фрагментах нескольких литейных форм, найденных на Самусь-4, декора и петель для крепления нет.

Исходя из изобразительного текста, первые два типа наконечников, орнаментированные тройными линиями по стержню или плоскостям пера, следует объединить в одну группу, неразрывно связанную с первой группой кельтов, и отнести ее к самусьской культуре. Наконечник из Крохалевки-1 уникален, аналогов ему на других памятниках сейминско-турбинского круга нет. Форма его пера с «перехватом» отчасти напоминает форму клинка андроновских кинжалов. С учетом хронологического соотношения поселений Самусь-4 и Крохалевка-1, находка с последнего памятника более поздняя. Какой группе кельтов синхронны наконечники с ромбовидным в сечении стержнем пока не вполне ясно, но, в целом, они, видимо, более поздние, чем наконечники первого типа. С точки зрения хронологического соотношения первого и третьего типов показательна находка литейной формы наконечника с ромбическим стержнем на поселении Тух-Сигат-4, небольшой самусьский комплекс которого выглядит, несомненно, поздним, в значительной мере трансформированным под влиянием традиций населения, использовавшего керамику с гребенчатым орнаментом.

Ранее все рассмотренные типы орудий объединялись в единую самусьско-кижировскую группу (Черных, Кузьминых, 1989: 144–161), которая считалась производной от сейминской и датировалась по «ложноушковым» кельтам постсейминским временем. Результаты проведенного анализа, в том числе резкое отличие изобрази-

тельного языка и морфологии кельтов самусьского и кижировского типов, позволяют сделать еще два вывода. Первый вывод заключается в том, что самусьско-кижировская группа как определенная классификационная единица создана искусственно. В пользу этого, кстати, свидетельствуют и уже высказывавшиеся возражения по поводу включения в нее форм для отливки кельтов с поселений Пашкин Бор-1 и Волвонча-1, не сопоставимых по морфологическим характеристикам с прочими изделиями (Кокшаров, Стефанова, 1993: 65–66). Второй вывод связан с тем, что заключение о постсейминском характере и датировке кельтов кижировского типа не может распространяться на орудия самусьской культуры.

Гипотеза Б.Г. Тихонова (1960: 39, 44), Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989: 147), считавших двойные валики на ребрах самусьских кельтов рудиментом массивных гребней, а тройные валики на стержне наконечников копий – имитацией «вилки», вызывает серьезные сомнения: 1) объяснить происхождение двойных валиков на ребрах кельта подражанием одинарным гребням невозможно; 2) тройные линии имеются не только на стержне наконечников копий, но и на плоскостях пера (Крохалевка-1), где «вилки» никогда не было; 3) с позиций такой гипотезы невозможно объяснить имеющееся сходство композиционных принципов и изобразительных элементов в декоре бронзовых орудий и самусьских керамических сосудов. Декор на самусьских кельтах и наконечниках копий наносился осмысленно, считать его воспроизведением рудиментарных технологических признаков нельзя. Что касается отношения к гребням у кельтов как к раннему признаку, то эта гипотеза не соответствует логике формирования формы кельтов сейминско-турбинского типа, которая следует из имеющихся концепций, сформулированных П.М. Кожиным (1993: 19–20; от составных орудий из втулки и лезвия) и С.П. Грушиным (2006: 61–67; на базе плоских бронзовых тесел либо тесел с кованой несомкнутой втулкой), т.к. в рамках обеих возможных линий развития массивные гребни не могут являться ранним признаком. Об относительно позднем времени существования гребней свидетельствует то, что они типичны не только для сейминских, но и для «ложноушковых» кельтов. Одновременно на некоторых «ложноушковых» кельтах имеется декор сейминского облика (Черных, Кузьминых, 1989: 147).

Безусловная связь декора самусьских литейных форм с декором одной из групп керамики самусьской культуры, которая подобно бронзолитейному комплексу не имеет корней в Западной Сибири, а также прямые стилистические и иконографические аналоги изображений человека и лошади на керамике с фигурным литьем из других памятников сейминско-турбинского круга (рис. 3), требуют учитывать эту керамику как дополнительный источник при изучении вопроса об истоках данной бронзолитейной традиции. Источник это исключительно важный, так как впервые позволяет получить представление о собственных керамических традициях сейминско-турбинских групп. В остальных случаях керамика связана только с субстратной основой культурных образований, включавших сейминско-турбинский компонент (Черных, Кузьминых, 1989: 252). Наличие такой керамики на Самусь-4 может являться еще одним свидетельством против поздней датировки этого памятника и всей самусьской культуры в ряду других памятников и культурных образований с орудиями сейминско-турбинского облика.

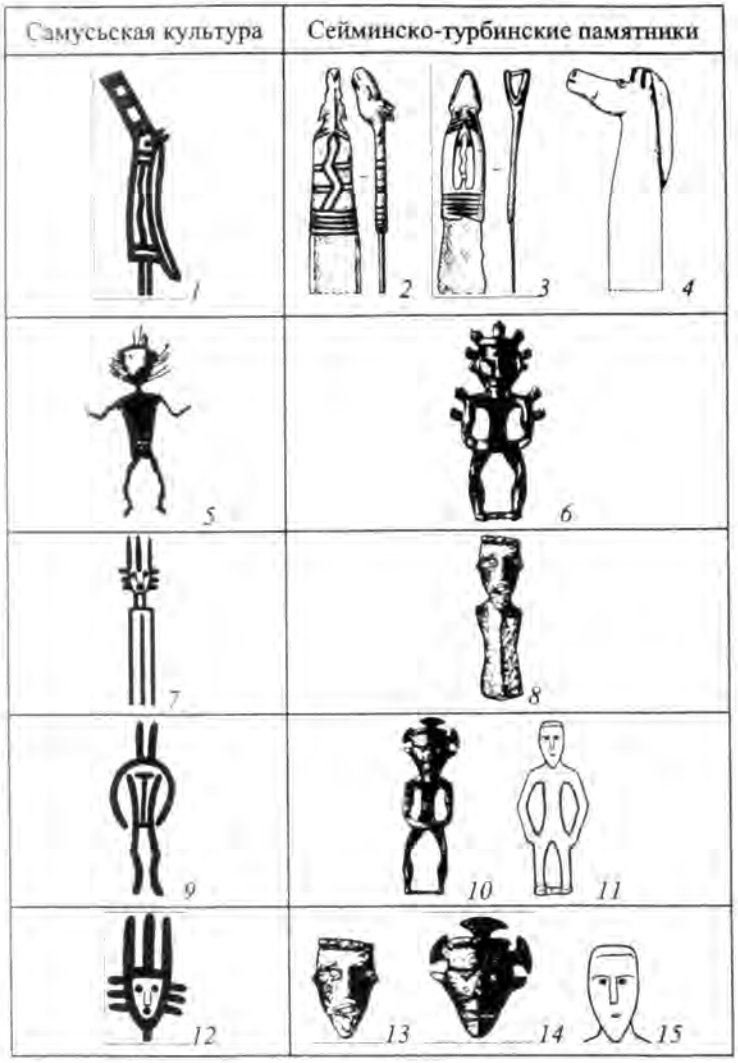


Рис. 3. Сходство признаков изображений самусьской культуры с изображениями других сейминско-турбинских памятников: *1, 7, 9, 12* – изображения на керамике Самусь-4 из фондов МАЭС ТГУ и ТОКМ; *5* – наскальный рисунок, Томская писаница (Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005: рис. 1); *2* – Сейма (Черных, Кузьминых, 1989: рис. 69, *1*); *11, 15* – Бор-Ленва (Денисов, Кузьминых, Черных, 1988: рис. 2); *4* – Восточный Казахстан (Леонтьев, 1975: рис. 1, *3*); *3, 6, 8, 10, 13, 14* – Галич (Студзицкая, Кузьминых, 2004: рис. 4, 7; 5; 6)

Она является безусловным аргументом появления бронзолитейного производства самусьского типа в результате миграции, а не в результате трансформации иных (сейминского типа) бронзолитейных стандартов в условиях Сибири. Также, керамика, связанная с сейминско-турбинским компонентом самусьской культуры, свидетельствует против гипотезы о возникновении сейминско-турбинской бронзолитейной традиции на Алтае, так как и по технологии и по декору тяготеет к более западным рай-

онам. Алтай, скорее, предстает как вторичный центр этой бронзолитейной традиции. Появление в Северной Евразии производства орудий самусьско-турбинского и сейминского типов, вероятно, связано с двумя разными миграционными волнами.

Литература

Бобров В.В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // АЭАЕ. 2000. № 1.

Бобров В.В. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.

Боброва А.И. Поселение Самусь IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Тр. музея г. Северска. Томск, 2000. Вып. 1.

Васильев Е.А. Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007.

Грушин С.П. О происхождении некоторых элементов орнамента на бронзовых предметах сейминско-турбинского типа // АЭАЕ. 2006. № 2.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Зотова С.В. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. 1964. Вып. 101.

Есин Ю.Н. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1948.

Ковтун И.В., Русакова И.Д., Миклашевич Е.А. Обследование памятников наскального искусства Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. 1.

Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии // СА. 1963. № 4.

Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

Леонтьев Н.В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Максименков Г.А. Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1.

Матющенко В.И. К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи // КСИА. 1961. Вып. 84.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура. Томск, 1973.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // АЭАЕ. 2000. № 1.

Сафронов В.А. Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад»: к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Поволжье // Тихонов Б.Г., Гришин Ю.С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1960.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.

Parzinger H. Sejma-Turbino und die Anfänge des sibirischen Tierstils // Eurasia Antiqua. 1997. Band 3.

ЯСУНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ – ПАМЯТНИК ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Е.А. Васильев, И.П. Глызин
г. Томск

В древней истории Северо-Западной Сибири энеолитический период занимает особое место. Судя по последним исследованиям, именно эта археологическая эпоха стала временем реального освоения арктических и субарктических территорий. Спорадические проникновения древнего человека в высокие широты Западной Сибири имели место и в каменном веке (Погодин, 2000: 68–70). Но волнообразный, прерывистый характер этих проникновений, алгоритм которых определялся главным образом изменением природной среды, не способствовал формированию устойчивой региональной культурной традиции и постоянного населения, способного эту традицию сохранять и транслировать. И лишь, начиная с эпохи энеолита (позднего неолита?), приполярные и заполярные территории Западной Сибири становятся неотъемлемой частью ойкумены и органичным компонентом этно-культурного пространства Северной Евразии.

К числу археологических древностей презентующих северный сегмент этого пространства относятся несколько памятников, в ряду которых Ясунское поселение занимает одно из основных мест.

Памятник находится на территории Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа в бассейне верхнего течения р. Ляпин, левого притока Сев. Сосьвы, в пограничье Уральской горной страны и Западно-Сибирской равнины. Типичные равнинные ландшафты с характерными формами рельефа и северотаёжной растительностью соседствуют здесь с эффектной панорамой горной цепи Приполярного Урала, которая в хорошую погоду видна невооружённым взглядом. Древнее поселение располагается на западном берегу Ясунского озера, на останце первой надпойменной террасы, приблизительно в 5 км от п.Саранпауль и в 2–3 км. от современного течения р. Ляпин. Старичное происхождение водоёма предполагает, что в древности обитаемый участок террасы омывался водами ляпинской протоки или основного русла. Таким образом, поселение имело приречный характер. Оно состояло из одного жилища, округлая западина которого была хорошо выражена в современном рельефе благодаря значительной глубине (около 1 м) и характерной обваловке. Культурный слой поселения размывается паводками, в результате чего ближняя к озеру часть жилищной западины была разрушена.

Памятник открыт Е.А. Васильевым в 1985 г. В 1989 г. Северотаёжным отрядом Археологической экспедиции Томского государственного университета на поселении были проведены раскопки западины и прилегающего межжилищного пространства (Васильев, 1994). Вскрытая площадь составила 234 кв. м. Получена репрезентативная

коллекция артефактов (4102 единицы), которая хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета.

Абсолютное большинство находок (98,5%) относится к энеолитическому времени. Следы присутствия человека в периоды поздней бронзы, раннего и позднего средневековья немногочисленны, но любопытны. Несколько десятков черепков лозьвинского и оронтурского облика, залегавших в верхнем горизонте культурного слоя в пределах жилищной западины, свидетельствуют о том, что древние обитатели здешних мест облюбовали закрытую от ветра «яму» для кратковременных стоянок. В этом качестве западина использовалась местными охотниками и рыбаками и в наши дни. А в XIII–XIV вв. обваловка древнего жилища была выбрана для специфического детского погребения (Васильев, 1996: 40–44). В целом поздние антропогенные воздействия оказали минимальное влияние на культурный слой энеолитического времени и не затронули остатки жилищной постройки.

Единственное жилище энеолитического поселка было возведено на берегу реки на краю первой надпойменной террасы. Оно имело прямоугольную форму и значительные размеры (рис. 1). Сохранившаяся площадь составляла около 80 кв.м. Котлован постройки был углублен в землю на 85–90 см, что позволяет квалифицировать её как глубокую полуземлянку. Нижние границы котлована фиксировались предельно чётко, благодаря хорошо выраженному полу и неширокой (около 30 см) полосе углистой супеси, протянувшейся вдоль сохранившихся стенок жилища. Наличие в этой полосе многочисленных частичек сгоревшего дерева, включая макроостаткики обугленного бревна диаметром 20 см, позволяет предположить бревенчатую конструкцию стен.

Пол фиксировался по уплотнению почвы и был маркирован тонкой (около1 см) прослойкой красной охры. В нескольких местах отмечено подновление охристой подсыпки. На уровне пола расчищено значительное число объектов, которые с определённой долей условности исходя из их размеров и формы, были квалифицированы как столбовые и хозяйственные ямы.

Столбовые ямки вертикальны, большей частью расположены недалеко от стенок котлована, но не формировали системы настолько очевидной, чтобы говорить об их конструктивных функциях. Хозяйственные ямы (их 24) различались формой, размерами и, очевидно, назначением. Они впущены в материк с уровня пола, а их стенки и дно были покрыты охристой обмазкой, иногда более мощной, чем окрашенная прослойка пола.

Очаговая яма с расположенным в центре кострищем помещалась у северо-западной стенки котлована. От остального жилого пространства она была отделена двумя невысокими (15–20 см) материковыми валиками, расположенными параллельно друг другу и перпендикулярно стенке полуземлянки. По всей ширине зоны очага в стенке был оформлен короткий выступ, который мог использоваться для отвода дыма.

Выход должно быть размещался у несохранившейся юго-восточной стенки и был ориентирован в сторону реки.

За пределами постройки исследовано 4 ямы (см. рис. 1). Три из них (№ 1–3) были перекрыты выкидом из котлована и, следовательно, несколько предшествовали по времени сооружению полуземлянки. Однако, каких-либо особенностей в артефактах

из заполнения объектов около жилищного пространства, достаточных для выявления хронологических различий, обнаружить не удалось.

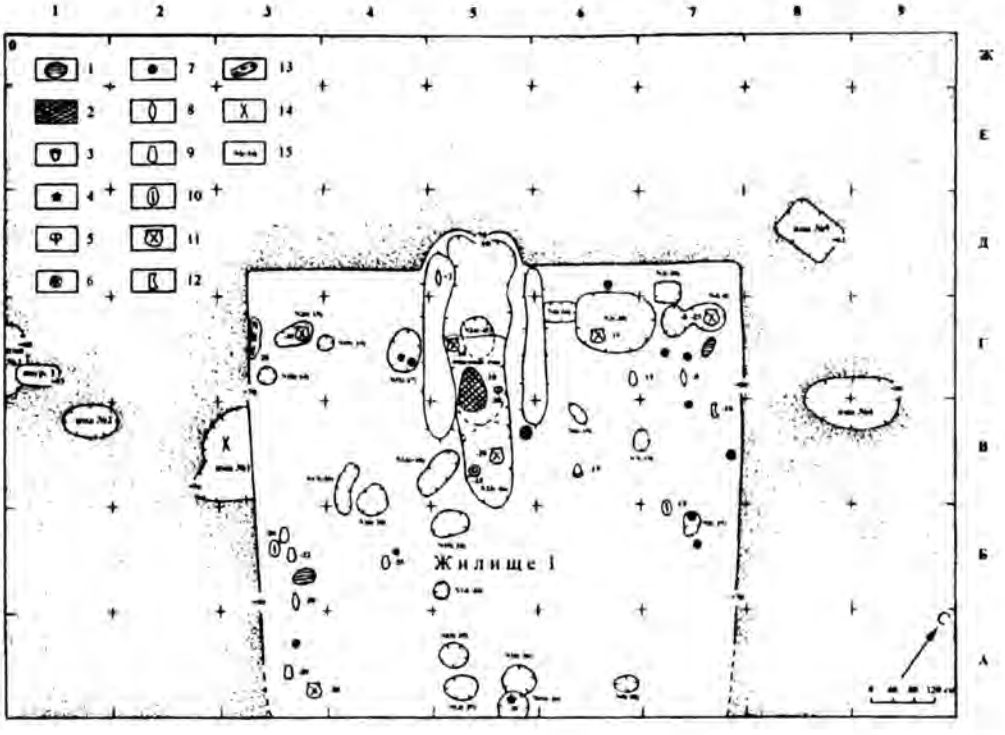


Рис. 1. Ясунское поселение. План раскопа после выемки культурного слоя и расчистки объектов. Условные знаки: *1* – пятно; *2* – очаг; *3* – каменный скребок; *4* – антропоморфная скульптура; *5* – обломок литейной формы; *6* – каменный диск; *7* – столбовая ямка; *8* – каменный наконечник стрелы; *9* – каменное рубящее орудие; *10* – каменная плита со следами работы; *11* – развал сосуда; *12* – остатки обугленного бревна; *13* – каменный отщеп; *14* – номер хозяйственной ямы с указанием нивелировочной отметки

Коллекция находок энеолитической эпохи (4040 единиц) на 95% состоит из обломков обожженной глиняной посуды, а также включает несколько редкостей и сравнительно-небольшое собрание предметов, характеризующих местную традицию камнеобработки.

Каменная индустрия поселения представлена орудиями, заготовками и отходами производства (обломки, осколки, чешуйки). Доля орудий (75 единиц – 38,9%) на фоне заготовок (33 единицы – 17,1%) и отходов (85 единиц – 44%) довольно высока, что помимо всего прочего говорит о высокой степени утилизации исходного каменного материала. Среди заготовок отщепы (27 единиц) доминируют над пластинами (6 единиц), являясь основой производства всех категорий ретушированных изделий.

К орудиям отнесены изделия со вторичной обработкой. Самую большую группу составляют отщепы с ретушью (31 экземпляр). Как правило, это овальные, округлые или подпрямоугольные сколы средних размеров с фасетками ретуши, локализованными на дистальной либо боковой части отщепа (рис. 2, *2*). Пластины с ретушью немногочисленны (6 экземпляров). Представлены удлинёнными сколами с фасетками утилизации или оформления лезвия по краям изделия.

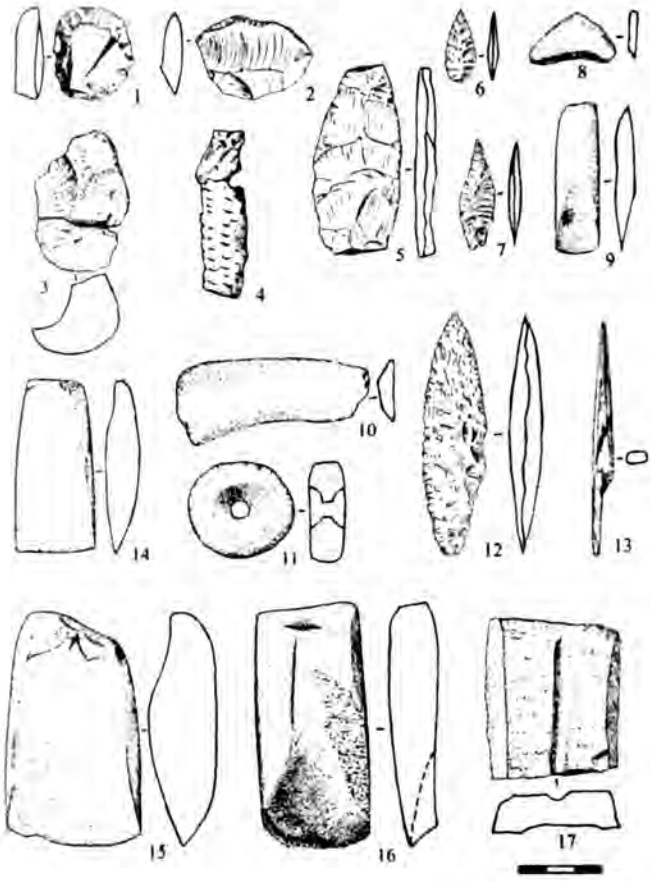


Рис. 2. Ясунское поселение. Изделия из камня (*1, 2, 5–17*) и обожженной глины (*3, 4*):
1 – скребок; *2* – отщеп со вторичной обработкой; *3* – обломок литейной формы (?);
4 – обломок антропоморфной скульптуры; *5* – нож; *6–7* – ретушированные наконечники стрел;
8, 10 – скобели (?); *9, 14, 15, 16* – рубящие орудия; *11* – дисковидное изделие;
12 – наконечник дротика; *13* – обломок шлифованного наконечника стрелы (?);
17 – обломок абразивной плитки

Среди морфологически выраженных орудий преобладают скребки (16 экземпляров). За единственным исключением они изготовлены из отщепов и с учётом локализации ретуши преимущественно квалифицируются как концевые (см. рис. 2, *1*).

В коллекции находятся 3 ретушированных наконечника стрел. Это небольшие тонкие бифасы листовидной формы (см. рис. 2, *6–7*). Аналогичное по форме, но более крупное по размеру изделие определено как наконечник дротика (см. рис. 2, *12*). Ещё один крупный бифас ассиметричной конструкции с утраченным остриём отнесён к категории ножей (см. рис. 2, *5*).

Технология производства шлифованных изделий представлена как серией абразивных инструментов, так и законченными вещами. В этой группе рубящие инструменты наиболее многочисленны. Тёсла (4 экземпляра) имеют средние для этой категории предметов размеры. Наряду с трапециевидными в плане изделиями (см. рис. 2, *15*) известно подпрямоугольное орудие (см. рис. 2, *16*). Боковые стороны подвергнуты слабой огранке, а заточенные с двух сторон лезвия ассиметричны в профиле и имеют слабовыпуклый контур. Одно из тёсел обладало изогнутым рабочим краем (см. рис. 2, *16*). Как долота (3 экземпляра) и стамеска определены инструменты с подпрямоугольным телом и относительно узким, плоским или изогнуто-слабовыпуклым лезвием (см. рис. 2, *9, 14*).

Достаточно специфичны два шлифованных орудия треугольной и индивидуальной форм (см. рис. 2, *8, 10*). Судя по вогнутому контуру рабочей части, они использовались в качестве скобелей.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие шлифованных наконечников стрел. Достоверно к этой категории относится только один обломок изделия иволистной (?) формы. Не исключено, что верхней частью специфического игловидного наконечник являлся длинный и узкий обломок острия с овально-подпрямоугольным сечением (см. рис. 2, *13*).

Абразивные инструменты представлены фрагментами, достаточными для их определения как пилы, оселков (2 обломка), шлифовальных плит (3 обломка). Одна из плиток, судя по специфическому выработанному желобку (см. рис. 2, *17*), применялась для заточки острий.

Помимо ретуширования и абразивной обработки на поселении использовалась и техника точечной оббивки (пикетажа). С её помощью изготовлен дисковидный предмет с биконическим отверстием в центре (см. рис. 2, *11*). Края изделия по всей окружности украшены неглубокими насечками. По сложившейся традиции и без особых доказательств подобные диски трактуются как пряслица. Альтернативная интерпретация предполагает их использование в качестве маховичков в лучковых приборах для добывания огня (Мищенко, 1998: 135–137; Сериков, 2005: 93–101).

К числу раритетных находок относятся обломки стилизованной антропоморфной фигурки из обожжённой глины (см. рис. 2, *4*). Разбитая (преднамеренно?) на несколько частей скульптура обнаружена в заполнении ямы № 10 жилища 1. Изделие не поддаётся полной реставрации не столько из-за объёма утрат, сколько из-за характера повреждений. Отдельные фрагменты настолько раздроблены, что плохо соединяются друг с другом. Судя по сохранившимся обломкам, скульптура представляла собой слегка уплощенный стержень с оформленными выпуклостями (женские груди?) в верхней части. Характерные повреждения не исключают изначального наличия «го-

ловы», впоследствии отбитой. Всё тело фигурки покрыто неглубокими насечками. В целом терракота представляла собой предельно схематическое антропоморфное изображение с символически подчёркнутым женским началом. Можно предположить вотивный характер скульптуры, предполагавший её кратковременное, а, возможно, и одноактное использование.

Как и всякая нетривиальная находка ясунская терракота любопытна в нескольких отношениях. Она стилистически, хронологически и концептуально близка антропоморфной пластике Андреевского озера в Нижнем Притоболье (Усачева, 1986: 108–110) и изображению с поселения Мыс Берёзовый на Среднем Урале (Раушенбах, 1965: 65–68). Отмечаются аналогии и более дальние (вплоть до Финляндии) и более древние, неолитические (Усачева, 1998: 112). Каждая из аналогий позволяет решать свой круг проблем, но реальные культурные связи могли существовать только в синхронных обществах и на ограниченной территории. Антропоморфная скульптура включает Ясунское поселение в культурную общность, в рамках которой существовали определённые изобразительные каноны, общие или единообразные мифоритуальные представления об архитипическом женском образе, схожие обрядовые практики. Что касается семантики антропоморфных скульптур, то эта тема отдельного исследования.

Изучение любого энеолитического памятника предполагает поиск следов изготовления металлических предметов или их использования. Для северных поселений эта проблема особенно актуальна, поскольку выделение самой энеолитической эпохи в приполярных областях Западной Сибири отнюдь не очевидно. На Ясунском поселении древний металл ни в каком виде обнаружить не удалось. Но косвенные, хотя и не очевидные, свидетельства местной металлообработки существуют. Это обломок толстостенной небольшой низкой плоскодонной керамической ёмкости, который, будь он обнаружен южнее, однозначно был бы определён как часть тигля и фрагмент изделия, структурой глиняного теста и оформлением внутренней поверхности напоминающего форму для отливки предмета с ребристым декором (см. рис. 2, *3*).

Энеолитическая керамика представлена на поселении обломками как минимум 150 сосудов. При всём разнообразии коллекции она составляет единовременный комплекс, сформировавшийся за сравнительно непродолжительный период обитания. Об этом свидетельствуют такие археологические аргументы как высокая степень собираемости сосудов и специфическое расположение подбирающихся фрагментов одних и тех же сосудов в культурном слое. На практике это означает, что значительное число керамических изделий представлено не 1–2 черепками, а большим количеством фрагментов. При этом они не всегда залегали компактными скоплениями, а были рассеяны по площади раскопа. Анализируя «пососудное» планиграфическое и стратиграфическое распределение черепков, удалось установить наличие сильных связей между жилищем и окружающим его пространством. Система этих связей охватывала всю раскопанную площадь, характеризуя её как единовременную зону обитания.

Технологический анализ керамики скорее подчёркивает единство производственных традиций, чем наличие различий в рецептуре исходного сырья, способах формовки сосудов и обработки поверхностей.

Для гончарных целей использовались естественно-запесоченные глины. В качестве искусственных примесей использовались дресва, слюда и, возможно, органика. Редко, но встречаются зёрна охры. Включение слюды решало не только технологические проблемы, но и придавало сосуду особый декоративный эффект. Впрочем искусственный характер этой добавки не всегда очевиден. Не исключено использование алевритовых глин с естественным присутствием частичек слюды.

Основным способом формовки сосуда был ленточный налеп. Широкие (до 5–6 см) ленты крепились внахлёст с раздавливанием спая, область которого составляла в среднем 2–3 см. Для большей прочности крепления края лент иногда оформлялись специальными защипами.

Дальнейшая обработка поверхностей, связанная с заделкой швов и удалением неровностей, осуществлялась твёрдым шпателем с зубчатым краем. Следы работы этим инструментом иногда сохранялись на внутренней поверхности некоторых сосудов в виде характерных расчёсов. Окончательная отделка сопровождалась обмазкой ёмкостей жидким глиняным раствором с последующей затиркой мягким материалом. Внешняя поверхность дополнительно уплотнялась лощением, после чего приобретала приятный для рук и глаз гладкий и ровный вид. Стенки единичных сосудов окрашивались в красноватый цвет. Для этого, вероятно, использовался приём ангобирования – покрытие основной поверхности обмазкой, содержащей охристый краситель.

Большие сосуды, очевидно, представляли значительную ценность. Если они давали трещину, их старались сохранить за счёт ремонта. Вдоль тещины с двух сторон сверлились конические отверстия, через которые ремешками или сухожилиями можно было зафиксировать стяжку.

Всю северную керамику эпохи раннего металла отличает разнообразие форм и размеров. Коллекция Ясунского поселения выделяется даже на этом фоне. Она содержит миниатюрные изделия величиной чуть более напёрстка (рис. 3, *2–4*) и «ведёрные» ёмкости объёмом около 10 литров (рис. 3, *11*). По размеру (объёму), критерием которого является диаметр венчика все сосуды (доступными для данной классификации оказались 126 экземпляров) были подразделены на миниатюрные (4 экземпляра), малые (10 экземпляров), средние (34 экземпляра) и большие (78 экземпляров). В качестве пограничных показателей с определённой долей условности использовались величины 5, 10 и 20 см.

Исходя из морфологических признаков, вся глиняная посуда поселения была подразделена на классы, группы, типы и подтипы. За пределами классификации остался единственный в своём роде сосуд, подпрямоугольный верх которого, плавно переходил в округлое тулово (см. рис. 3, *1*).

Круглая и овальная форма устья служили критерием выделения стандартных и ладьевидных сосудов.

К классу ладьевидных отнесены небольшие фрагменты трёх блюд. Справедливости ради необходимо отметить, что если бы мы не имели перед глазами целые формы из других памятников, то ясунские черепки вряд ли были идентифицированы подобным образом.

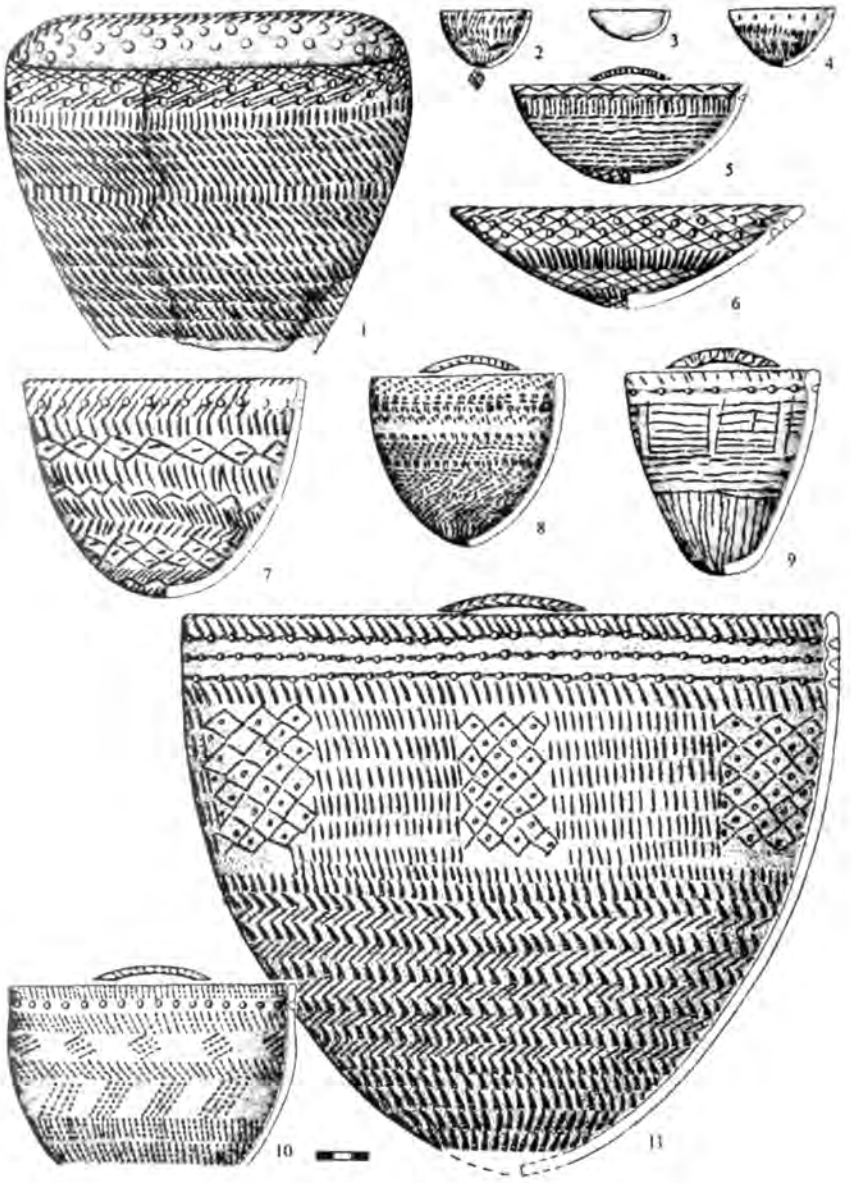


Рис. 3. Ясунское поселение. Керамика: *1* – сосуд с четырехугольным устьем; *2–4* – миниатюрные сосуды; *5, 6* – чаши; *7, 9* –полуяйцевидные сосуды сильно открытых форм; *8, 10, 11* – полуяйцевидные сосуды умеренно открытых форм

Класс стандартной посуды на уровне групп, включает чаши и высокие керамические ёмкости с разной профилировкой. Все сосуды этого класса имеют круглое или слегка приострённое дно. К чашам (15 экземпляров) отнесены изделия у которых высота не превышает радиус венчика (см. рис. 3, *3, 5, 6*). Все они, за исключением миниатюрной чашечки (см. рис. 3, *3*) орнаментированы и по декору почти не отличаются от других сосудов группы. Своеобразие проявляется в простоте и однотипности оформления округлого венчика и количестве ямок. Один ряд круглых ямок является нормой, а другие варианты – исключением.

Вторую группу образуют сосуды разных пропорций, но с обязательным превышением высоты над радиусом венчика. Группа является наиболее репрезентативной (около 130 экземпляров), её доля составляет более 86% в общем объёме гончарного производства. На уровне группы реализуется ряд морфологических и декоративных особенностей. К числу самых ярких следует отнести разнообразие в оформлении венчиков. Наряду с преобладающими округлыми, плоскими, скошенными внутрь или наружу встречаются утолщённые с лёгким наплывом, нависающие, крышевидные с двумя плоскостями закраины, образующими ребро (см. рис. 3–8). Практические все закраины венчиков орнаментированы насечками, рядами гребенчатых отпечатков, зигзагами.

Обязательной для всех сосудов (за единственным исключением) является зона ямок под венчиком. Она могла включать от 1 до 8 рядов, но в большинстве случаев состояла из 2–3 (см. рис. 3–8). Круглые конические ямки продавливались глубоко, практические на всю толщину стенки, так что с внутренней стороны образовывались выступы – «жемчужины». Иногда поверх жемчужин явно не с декоративными целями наносились прерывистые цепочки ногтевых отпечатков. Ямочные вдавления, иногда, наносились поверх орнамента (см. рис. 3, *7;* 6, *2*; 8, *1–3*), но в большинстве случаев, органично вписывались в элементы декоративной композиции, будь то горизонтальные линии гребенчатых отпечатков (рис. 3, *11*), неглубокие желобки (см. рис. 4, *2*; 5, *1, 3*), зигзаг (рис. 4, *1*) или ромбическая сетка (см. рис. 7, *7*).

Общегрупповые признаки отнюдь не нивелируют существенные морфологические различия на уровне общей формы, которые позволяют разделить всю совокупность относительно высоких сосудов с круглым устьем на два типа – полуяйцевидные сосуда и горшки. Для типологической классификации оказались пригодными фрагменты 110 ёмкостей.

К типу полуяйцевидных отнесены сосуды (66 экземпляров) с простой профилировкой, у которых венчик плавно перетекает в тулово, а тулово заканчивается круглым или приострённым дном (см. рис. 3, *7–11*; 4; 5; 6, *1–3*). Форма реально напоминает яйцо, срезанное на четверть, треть или половину. Различия полуяйцевидных сосудов в положении венчика относительно тулова, в соотношении диаметра венчика и максимального диаметра тулова дифференцируют их на 4 подтипа.

Подтип 1 (14 экз.). Полуяйцевидные сосуды с прямым венчиком, который придает изделию умеренно открытую форму, Диаметр венчика является наибольшим диаметром сосуда (см. рис. 3, *8, 10, 11*).

Подтип 2 (2 экз.). Полуяйцевидные сосуды с отогнутым венчиком, придающим изделию сильно открытую форму. Диаметр венчика является наибольшим диаметром сосуда (см. рис. 3, *7, 9*).

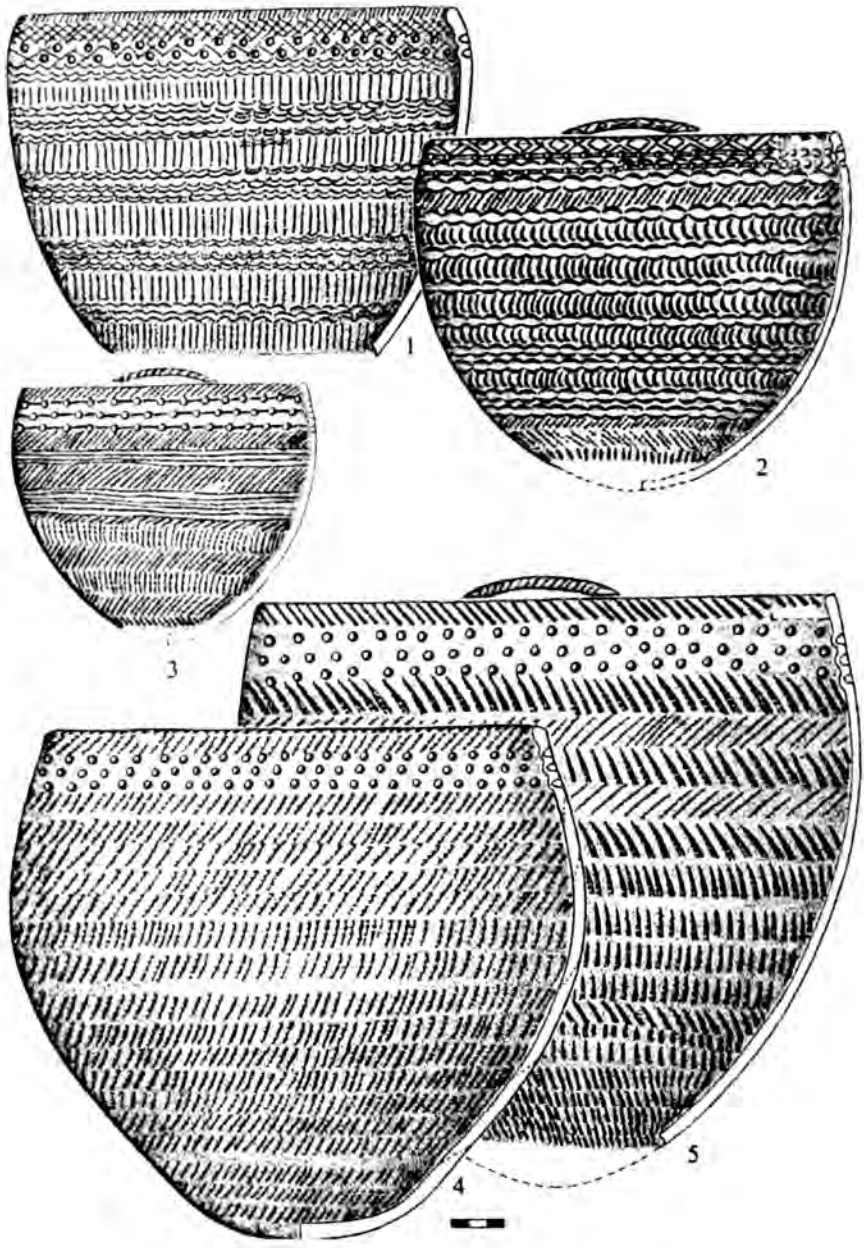


Рис. 4. Ясунское поселение. Закрытые полуяйцевидные сосуды с монотонными композициями

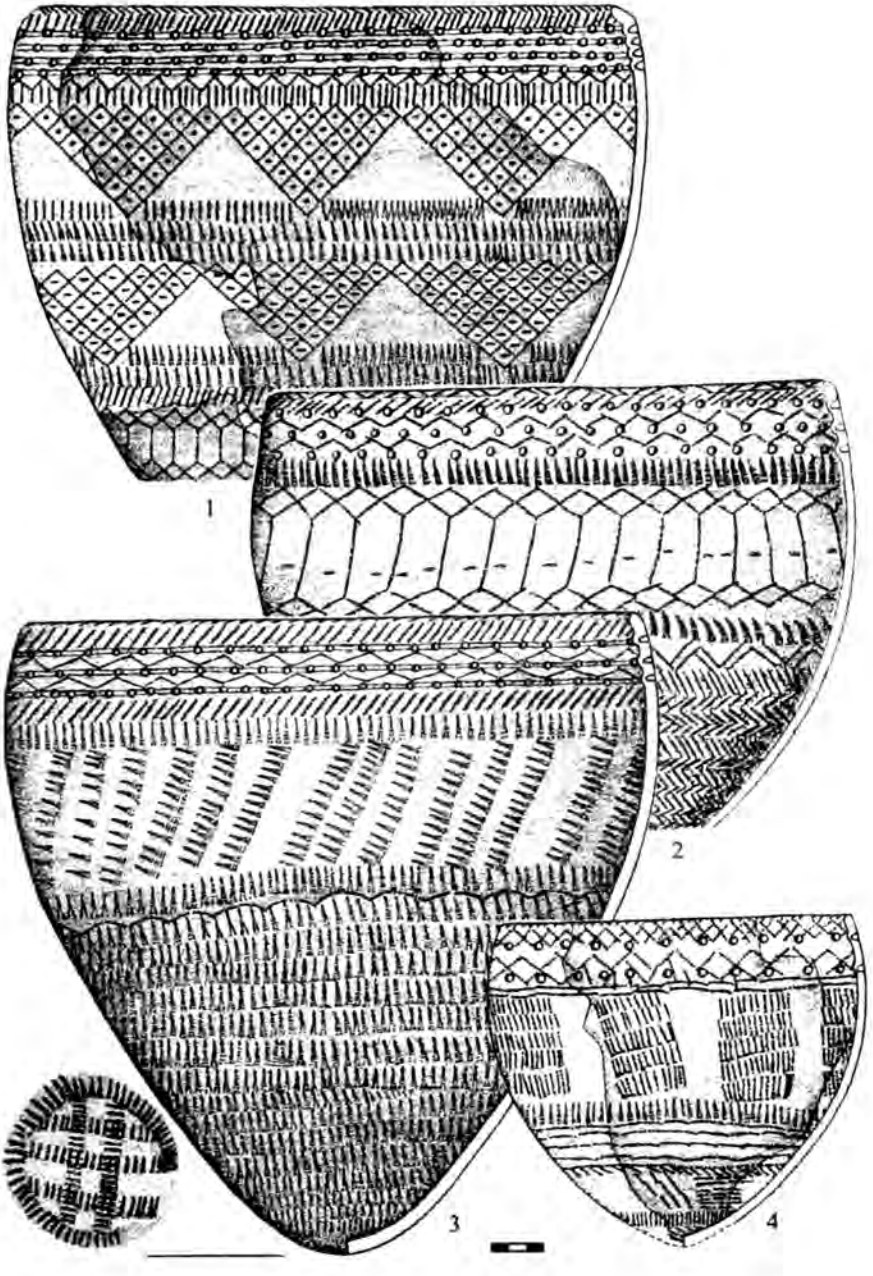


Рис. 5. Ясунское поселение. Закрытые полуяйцевидные сосуды с геометрическими композициями

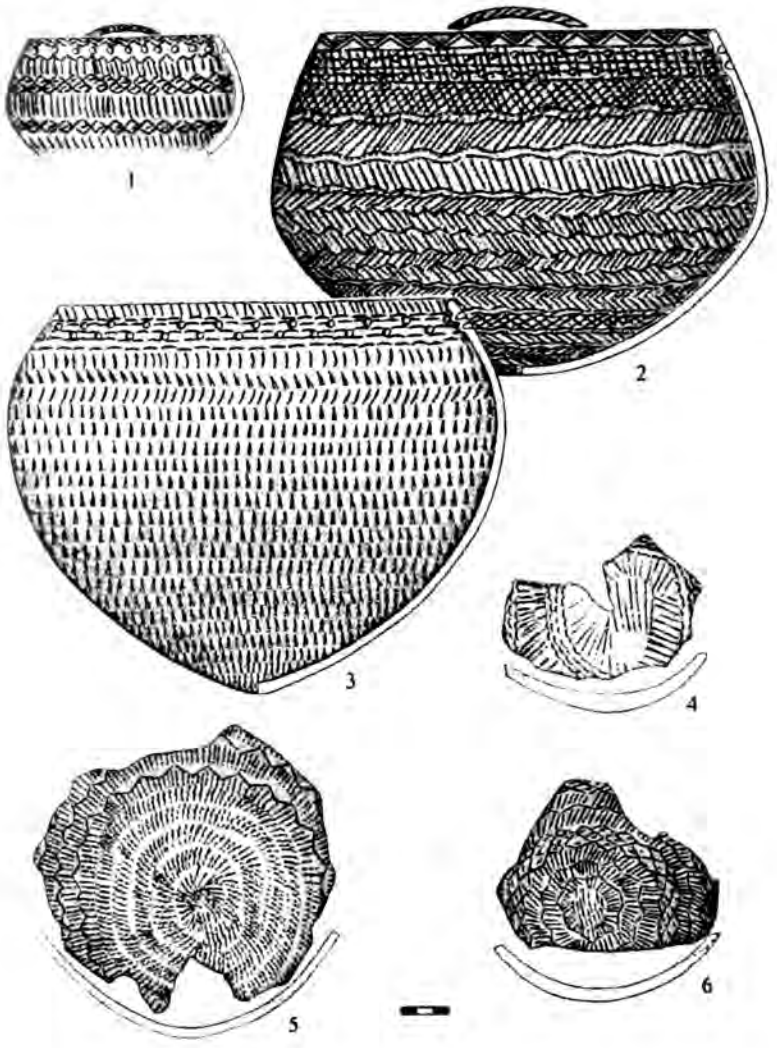


Рис. 6. Ясунское поселение. «Котловидные» сосуды и донца (4–6)

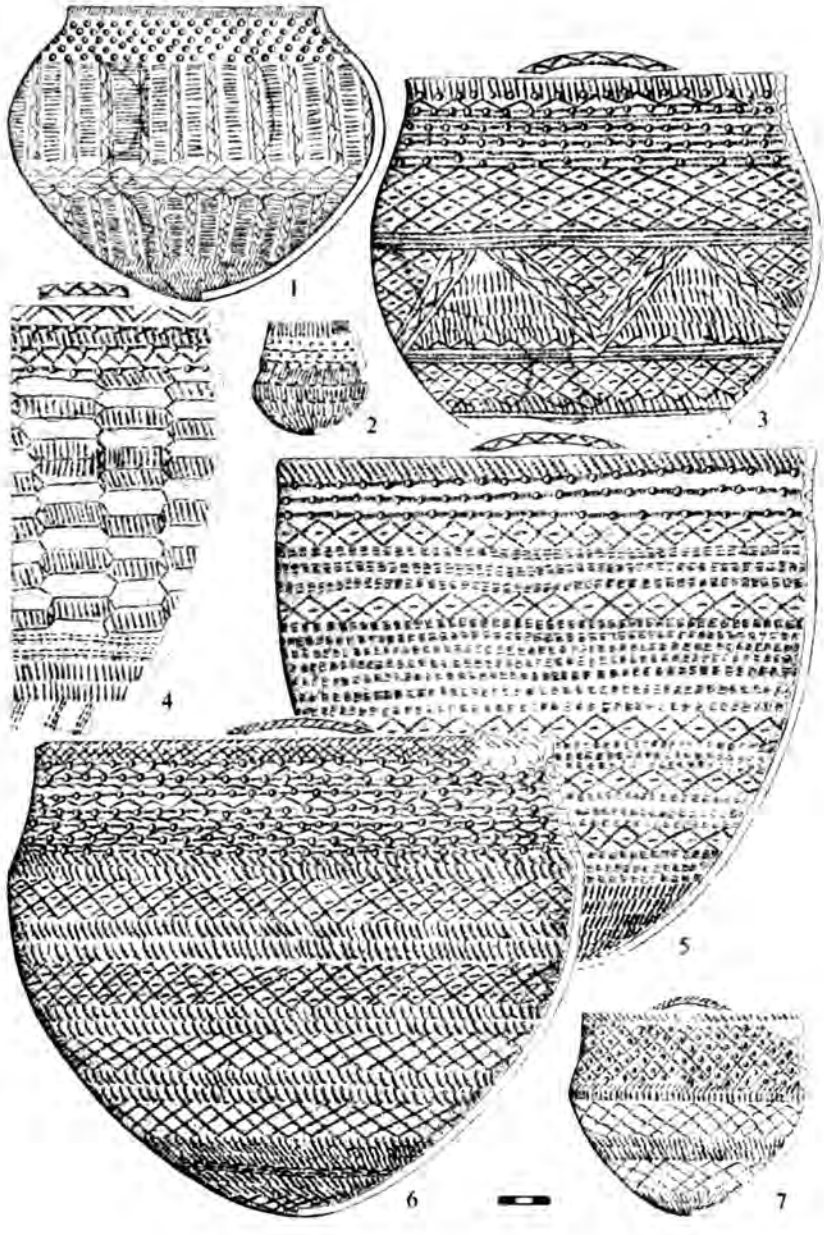


Рис. 7. Ясунское поселение. Горшковидные сосуды

Подтип 3 (497 экз.). Закрытые полуяйцевидные сосуды с вогнутым венчиком, плавно переходящим в умеренно раздутое тулово. Диаметр венчика по отношению к наибольшему диаметру тулова составляет 75% и более (см. рис. 4, 5).

Подтип 4 (3 экз). Закрытые полуяйцевидные сосуды с сильно вогнутым венчиком, переходящим в раздутое тулово. Условно их можно назвать «котловидными». Диаметр венчика по отношению к наибольшему диаметру тулова составляет 75% и менее (см. рис. 6, *1–3*).

К типу горшковидных отнесены сосуды (44 экземпляра) со сложной профилировкой, у которых выделяются такие морфологические элементы как венчик, шейка, плечо и тулово, заканчивающееся круглым или приострённым дном (см. рис. 7). С учётом метрических показателей и выраженных морфологических особенностей горшковидные изделия подразделены на 4 подтипа.

Подтип 1 (8 экз.). Хорошо профилированные сосуды с выраженными шейкой и плечом, плавно переходящим в округлое тулово. Максимальный диаметр тулова превышает диаметр венчика более чем на 10%, но менее чем на 25% (см. рис. 7, *3*).

Подтип 2 (4 экз.). Хорошо профилированные сосуды, для которых характерно наличие шейки и плеча, плавно переходящего в сильно раздутое тулово. Максимальный диаметр тулова превышает диаметр венчика более чем на 25% (см. рис. 7, *1*)

Подтип 3 (21 экз.). Слабопрофилированные сосуды, которые характеризуются плохо выраженными шейкой и плечом. Максимальный диаметр тулова практически равен диметру венчика или превышает его менее чем на 10% (см. рис. 7, *4–5*).

Подтип 4 (11 экз.). Хорошо профилированные сосуды, у которых на месте перехода плеча к тулову выражено сглаженное, а иногда и резкое ребро (см. рис. 7, *6–7*).

Выделенные по морфологическим показателям типы сосудов обладают особенностями и в области орнаментации. Но эти особенности расплывчаты, диффузны, обозначены скорее в статистически улавливаемых предпочтениях тех или иных мотивов или композиционных приёмов, нежели в жёстких взаимосвязях конструктивных и декоративных признаков. Но самое главное – они (особенности) проявляются на фоне общей, характерной для всей ясунской керамики орнаментальной традиции. Без целостного анализа этой традиции поиск локального (на уровне типов) своеобразия обречён на неудачу.

Для всех сосудов Ясунского поселения характерна сплошная и довольно плотная орнаментация. Об единственном исключении (миниатюрной чашечке) мы уже упоминали. В обязательном порядке украшались не только тулово, донце, но и закраина венчика. Иногда простейшие узоры (ряды гребенчатых отпечатков, зигзаги) наносились на обратную сторону венчика между его закраиной и жемчужником. В подавляющем большинстве случаев узор наносился зубчатыми орнаментирами, в качестве которых использовались как искусственные штампы, так и челюсти рыб и (или) животных, дающие специфические отпечатки (см. рис. 3, *8, 10;* 4, *4*). Особый колорит коллекции придают узоры, выполненные фигурными штампами: дуговидным (см. рис. 4, *1–2;* 8, *9*), слабоизогнутым (см. рис. 7, *6*), петлевидным (см. рис. 3, *4*), копытным (рис. 8, *6*). Лопаточка применялась редко, только для продавливания желобков в зоне венчика (рис. 8, *4–6*).

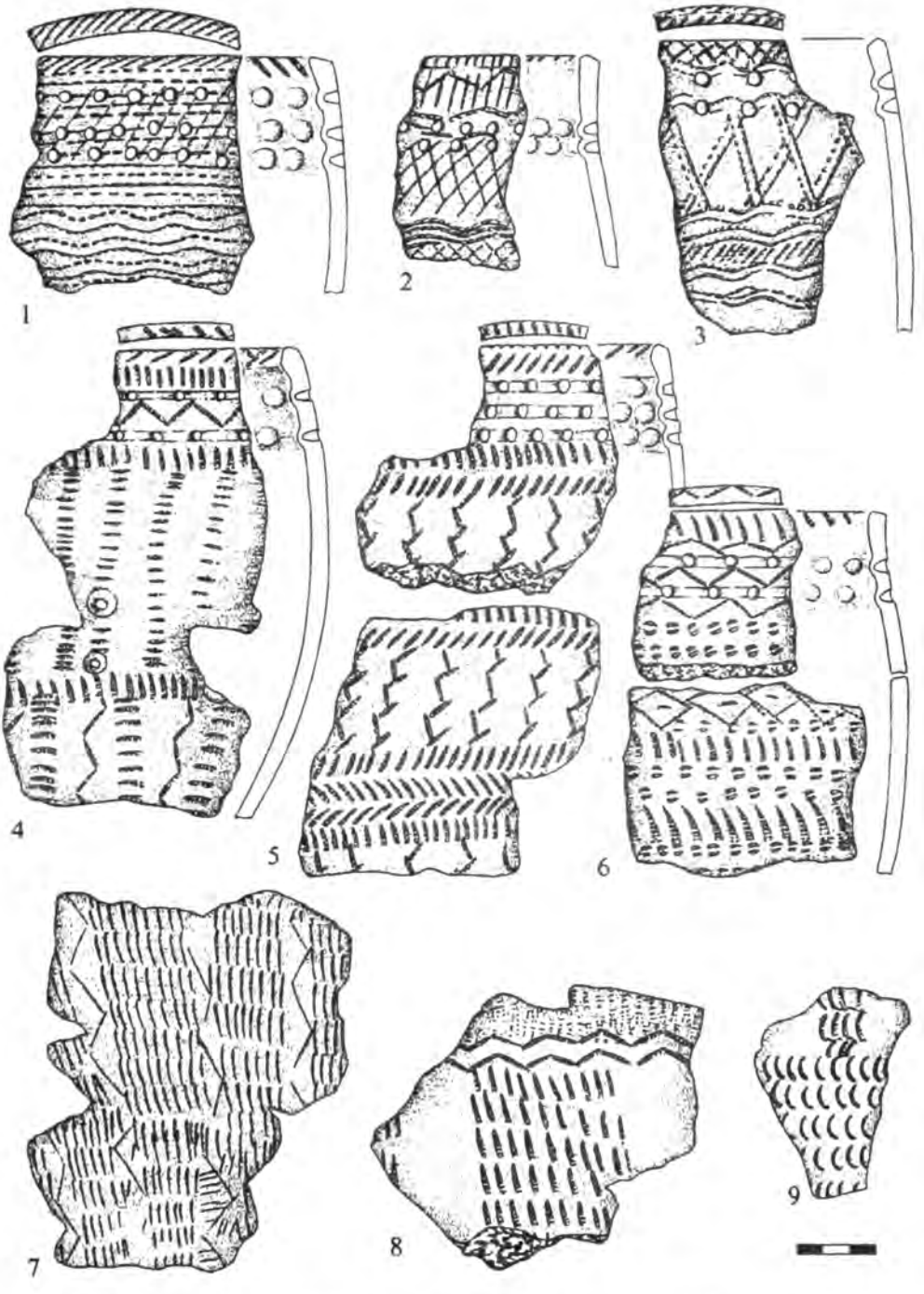


Рис. 8. Ясунское поселение. Фрагменты сосудов с различными типами орнаментации

Господствующим способом нанесения орнамента являлась техника простой печати. На её фоне несколько чужеродными и архаичными выглядят приёмы отступающей палочки (неширокой лопаточки), отступающей гребёнки (иногда двузубой), отступающе-накольчатой гребёнки, которые не являлись редкими и зафиксированы на 26 сосудах (см. рис. 6, *2; 7, 5*; 8, *1–3*). Классическая шагающая гребёнка, напротив, отмечена в единичных случаях (см. рис. 8, *8*), может быть, потому что активно эксплуатировался похожий технический приём, названный нами «полушагающей гребёнкой». Суть его заключалась в двуактной штамповке без отрыва (в момент поворота) верхнего конца орнаментира от декорируемой поверхности. В результате на стенках сосуда оставался оригинальный оттиск с чётким, хорошо пропечатанным верхом и раздвоенным иногда «смазанным» низом (см. рис. 3, *11*; 4, *5*; 5, *3*; 6, *3*).

По статистике самыми массовыми орнаментальными мотивами являются ряды отпечатков зубчатых и фигурных штампов, полушагающей гребёнки, прямые и зигзагообразные линии. Однако в орнаментальных композициях большинства сосудов эти простые по структуре мотивы играют подчинённую роль. Они выполняют функцию разделителя, тяготеют к зоне донца и являются скорее фоном, чем содержанием узора. Безусловными композиционными доминантами являются геометрические мотивы: усложнённые зигзаги (см. рис. 8, *5*), сложно структуированные треугольные фигуры (рис. 5, *1; 7, 3*), крупные шестиугольники – «соты» (см. рис. 5, *2*; 7, *4*), вытянутые в цепочку или вписанные в сетку ромбы (см. рис. 3, *7;* 7, *5–6*). Ромб – основополагающая фигура геометрического стиля ясунской орнаментики. Он многочисленен, разнообразен в пропорциях и оформлении. Наряду с пустыми изображались ромбы, отмеченные лунками (см. рис. 3, *11*) или гребенчатыми отпечатками (см. рис. 7, *3, 5, 6,*), причём альтернативные знаки соседствовали на одном сосуде (см. рис. 5, *1*). Ромбы формируют самостоятельные мотивы и вписываются в качестве элемента в более сложные фигуры (см. рис. 7, *3*).

Особую группу составляют геометрические мотивы, образованные сгруппированными в определённом порядке отпечатками коротких штампов. Эти оттиски структуируют орнаментальное пространство, формируя из него треугольные, прямоугольные и параллелограмные зоны. Образовавшиеся фигуры не имеют контура. Границы оформляются неорнаментированным пространством (см. рис. 3, *10*; 5, *4;* 8, *7–9*) или вертикальными либо наклонными прямыми и зигзагообразными линиями (см. рис. 3, *9*; 5, *4*; 7, *1*; 8, *4, 7*). Подобные мотивы мы предлагаем называть зонально-геометри-ческими, а за традиционными мотивами из оконтуренных фигур закрепить термин фигурно-геометрические.

Наличие в коллекции значительного числа реконструированных сосудов даёт редкую возможность анализа всего декоративного пространства керамического изделия. Для всех композиций характерен принцип горизонтальной зональности, который реализуется через монотонное повторение одного мотива или через чередование разных узоров. Прослеживается привязка определённых мотивов к морфологическим частям сосуда. Ямочный пояс не только обязателен, но и жёстко привязан к зоне венчика. Придонные части в большинстве случаев декорированы рядами зубчатых отпечатков. Донца украшались прямоугольными и диагональными решётками, концентрическими узорами, иногда в сочетании с зигзагами (см. рис. 5, *3*; 6, *4–6*). Для сосу-

дов со сложными геометрическими мотивами особенно характерна оппозиция изысканно-нарядного верха и монотонного низа (см. рис. 3, *11*; 5, *2*).

На уровне целых композиций или их крупных фрагментов просматривается корреляция орнамента с определённым типом сосудов.

Полуяйцевидные сосуды отличаются меньшим количеством ямок под венчиком: 2–3 ряда являются нормой, 1 ряд – не исключение, максимальный показатель составляют 4 ряда. Только этому типу присущи монотонные обеднённые композиции без геометрических мотивов, состоящие из повторяющихся рядов зубчатых (прямых, реже фигурных) отпечатков (см. рис. 4). Керамика с подобным декором не является преобладающей, численно уступая ёмкостям со сложными геометрическими узорами (см. рис. 5). Но её наличие фиксирует важный дифференцирующий признак типа.

Для горшковидных сосудов характерны более широкие ямочные пояса на шейках и плечиках. Количество рядов ямочных вдавлений находилось в прямой зависимости от профилировки. И если для слабопрофилированных горшков нормой являются 3 ряда, то для остальных – от 4 до 7 при максимальном показателе 8 рядов. Керамике этого типа присущи только геометрические композиции, порой сложные и изысканные (см. рис. 7, *3*; 9, *2*).

Априори предполагается, что большая часть керамической посуды использовалась для приготовления и потребления пищи. По всей видимости, значительное число ёмкостей средних и больших размеров действительно эксплуатировалось как кухонная посуда, хотя следы нагара встречаются исключительно редко. К столовой посуде отнесены, исходя скорее из обыденных представлений, чем из археологического контекста, чаши и приземистые ёмкости открытых форм. Таких изделий в коллекции немного, что заставляет предполагать наличие деревянных или берестяных «сервизов». Часть больших сосудов использовалась для хранения различных запасов. Только в таком качестве могли найти применение отремонтированные изделия и ёмкости, углубленные в пол жилища. Такая особенность интерьера была зафиксирована во время раскопок.

Помимо бытовых сосудов в коллекции содержится керамика с зооморфными изображениями, которая может быть квалифицирована как сакральная (ритуальная). Один из сосудов представлен единственным фрагментом. На небольшом черепке сохранились однотипные изображения передней части одного животного и задней – другого (рис. 9, *1*). Графический образ воспроизведён отпечатками гребенчатого штампа в виде тела – параллелограмма с высокой шеей и маленьким хвостиком. Контур туловища заполнен зубчатыми отпечатками, шея и голова переданы сдвоенными линиями. Характерные, хотя и стилизованные признаки определяют принадлежность изображенного животного к семейству оленей. Отсутствие рогов идентифицирует его как самку косули. Вариант северного оленя со сброшенными весной рогами представляется мене вероятным.

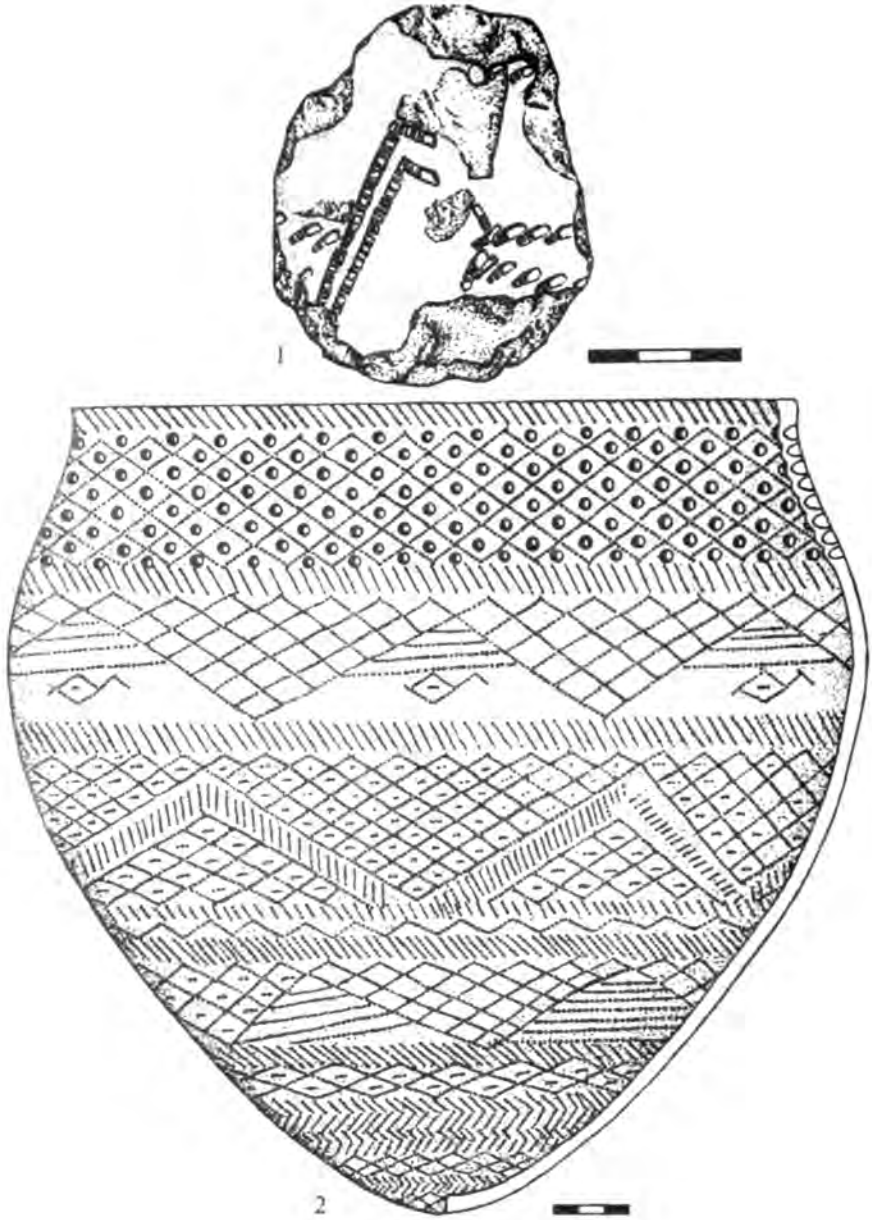


Рис. 9. Ясунское поселение. Керамика с зооморфными (*1*) и орнитоморфными (*2*) изображениями

Второй сосуда склеен практически полностью. Это хорошо профилированный горшок (подтип 1) со сложной геометрической композицией (см. рис. 9, *2*). Судя по полевым наблюдениям, сосуд, обнаруженный в хозяйственной яме № 4, был вкопан в пол жилища. Горшок замечателен своим фризом с орнитоморфными изображениями, расположенным на самой широкой части тулова. Стилизованные изображения уточек выполнены коротким гребенчатым штампом.

Туловища отштампованы в виде ромбов. Короткие наклонные шеи увенчаны направленными вниз головками. Выходящие за пределы ромбов кончики зубчатых оттисков напоминают хвостики. Образ водоплавающей птицы – не редкость в древнем искусстве Северной Евразии. На фоне неолитических и энеолитических изображений, известных по обе стороны Урала, ясунские орнитоморфы имеют выраженную иконографическую специфику. Впрочем, анализ стиля и смысла этих изображений не входит в задачи этой публикации.

Ясунское поселение относится к числу тех археологических памятников, которые заново структурируют наши представления об этно-культурной ситуации на Севере Западной Сибири в энеолитическую эпоху.

На сегодняшний день очевидна широкая распространенность фигурно-штамповой и гребенчатой керамики в высоких широтах Северной Евразии по обе стороны Уральского хребта и некоторая степень их общности. Круглодонная посуда, в орнаменте которой в той или иной степени сочетаются шагающая гребенка, геометрические, чешуйчатые и простые гребенчатые узоры, известна в материалах Ортинской стоянки в нижнем течении р. Печора (Пядышев, Хлобыстин, 1962: 79–83), памятниках чужьяёльской культуры Северного Приуралья (Стоколос, 1988: 25–47), Йоркутинской стоянки Южного Ямала (Королев, Хлобыстин, 1966: 79–83), стоянки Пернашор в низовьях р. Оби (Лашук, Хлобыстин, 1986: 43–45), поселения Амня I (жилища IA) в бассейне р. Казыма (Стефанов, Морозов, 1992: 77–91), поселения Хулюм-Сунт в среднем течении р. Сев. Сосьва (Васильев, 2000: 59–69).

В условиях первоначального накопления источников, практически каждая стоянка, представленная несколькими черепками из разрушенного культурного слоя, была квалифицирована на уровне отдельного культурного типа. Нам уже приходилось отмечать парадоксальность ситуации, когда новые памятники с хорошо документированными и репрезентативными материалами идентифицируются через культурные образования с неясным содержанием.

В этих условиях продолжение дискуссии о статусе и генетическом соотношении йоркутинских, ортинских и пернашорских древностей представляется малопродуктивным. Реальны линии привязок только с комплексами, имеющими сравнимые материалы.

После исследования Ясунского поселения стали очевидными два обстоятельства. Во-первых, памятник оказался в центре территории распространения своеобразной чешуйчато-геометрической керамики, оригинальность которой была осознана всеми изучавшими её археологами. Во-вторых, именно в материалах Ясунского поселения присутствует весь набор «родовых» признаков этой керамики.

Проявившийся центр позволил по-новому осмыслить периферию. То, что казалось похожим, но разным, оказалось частями единого целого, когда-то разбитого, а теперь склеивающегося. Отдельные культурные типы (ортинский, пернашорский) в рамках новой конструкции обретают статус локальных вариантов.

Оформировавшееся культурное пространство вполне может быть осмысленно на уровне археологической культуры, которую логично назвать ясунской. Её центральный ареал охватывал северотаёжные леса между Уралом и Обь-Надымским водоразделом. Визитной карточкой культуры является керамика, своеобразие которой проявляется как в области формы (наличие ладьевидных блюд, чаш, полуяйцевидных и горшковидных сосудов), так и в орнаментации (обязательность зоны ямок под венчиком, многообразие элементов и технических приёмов декорирования, наличие чешуйчатых узоров и сложных геомтерических мотивов).

К выделенной культуре может быть отнесено около 20 памятников, в том числе поселения Амня I (жилище 1А), Хулюм-сунт, стоянки в бухте Находка и Пернашор, недавно исследованное поселение Лов-санг-хум II в среднем течении р. Сыня (Рудковский, Глызин, 2007: 509–511). Несмотря на значительные расстояния, сравнимые по объёму материалов памятники (поселения Хулюм-сунт, Ясунское, Амня I) демонстрируют высокую степень идентичности.

С учётом имеющихся абсолютных дат и сравнительно-типологических параллелей ясунская культура может быть датированной серединой – второй половины III тысячелетия до н. э.

Выделение новой культуры актуализирует ряд вопросов разного уровня, от уточнения территориальных и хронологических границ, до её взаимоотношения с чужьяельскими древностями и положения в рамках зауральских культурно-исторических областей эпохи энеолита. Но эта проблема другого исследования, требующая специального анализа.

Литература

Васильев Е.А. Отчёт о полевых работах Северотаёжного отряда Археологической экспедиции Томского государственного университета в 1989 г. Томск, 1994. Архив МАЭС ТГУ.

Васильев Е.А. Погребальные комплексы Ясунского озера // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996.

Васильев Е.А. Посление Хулюм-сунт // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. Томск, 2000.

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1966. № 115.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1986. № 185.

Мищенко О.П. К вопросу о реконструкции культов и культовых обрядов // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23.

Погодин А.А. К проблеме изучения первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала. 2000. Вып. 1.

Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1962. № 92.

Раушенбах В.М. Женская статуэтка со стоянки Березовый Мыс // МИА. М., 1965. Вып. 130.

Рудковский С.И., Глызин И.П. Раскопки поселения Лов-санг-хум II // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005.

Стефанов В.И., Морозов В.М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.

Усачева И.В. К истокам мировоззрения древних уральцев // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ УСТЬ-ШИЛКА 2 НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Е.В. Князева
г. Красноярск

На современном этапе мезолитические комплексы на юге Сибири (в том числе в Прибайкалье, на Ангаре, Лене, Среднем Енисее) все-таки выделяются, но не иначе как путем комплексного анализа всех материалов памятника. По мнению Г.И. Медведева «тот или иной археологический комплекс может быть определен мезолитическим лишь на основе анализа суммы признаков, какими должны являться морфология всего в целом (а не выборочно) инвентаря, характеристика хозяйства, данные естественных наук» (Медведев и др., 1975: 75). При этом хронологические рамки сибирских мезолитических комплексов на основе данных геохронологии и абсолютной хронологии охватывают 6 тысячелетий. Нижняя граница мезолита может быть определена в 13 – 12 тыс. л.н., верхняя – 7 тыс. л. н.

Значительная часть мезолитических памятников среднего Енисея на участке от Красноярска до устья р. Ангары имеют типологически близкие комплексы. К ним можно отнести стоянки Бирюса, Большая Слизнева, Красноярская, Усть-Минжуль, пещера Еленева, а также Нижнепорожинская I–II. Пещера Еленева характеризуется ярким костяным инвентарем: иглы, шилья, рыболовные крючки и остроги, пазовые наконечники стрел и копий. Каменная индустрия характеризуется микролитами. Датируются они 10–7 тыс. л.н. В целом данные стоянки очень близки с мезолитическими комплексами бассейнов рек Кана и Ангары (Усов и др., 1992: 13; Мандрыка, Вдовин, 1994: 28).

На особом месте на данный момент находится многослойная стоянка Усть-Шилка 2, расположенная в районе Казачинского порога. Согласно геологической ситуации стоянка датируется раннеголоценовым временем (пребореальный и бореальный периоды), однако первые радиоуглеродные датировки слоев – 5800, 5 200 л. н. – дают основание относить стоянку к бескерамическому неолиту, а не к мезолиту. Типология и морфология же каменного и костяного инвентаря имеет много общего с мезолитическими памятниками Верхнего Приангарья (Мандрыка и др., 2005: 109–124).

В данных условиях перспективной явилась разработка вопроса о специфике мезолита Усть-Шилки 2, его хронологии, об истоках и эволюции этого комплекса, что может быть достигнуто только путем комплексного анализа археологических и естественнонаучных данных о памятнике.

Многослойная стоянка Усть-Шилка 2 относится к группе стоянок, которые приурочены к отложениям II и III террас (высотой до 20–25 метров), где археологический материал заключен в генетические горизонты современной почвы и подстилающие их карбонатизированные песчаные отложения. Стоянка расположена в южнотаежной подзоне долины Среднего Енисея, на 16–17-метровой приустьевой террасе р. Шилка, правого притока р. Енисей.

На современной дерново-подзолистой почве поверхности террасы произрастают сосново-березовые леса со слаборазвитым наземным покровом. Состав растительности: сосна обыкновенная (Pinus sylvestris), береза белая (Betula alba), тополь дрожащий (Populus tremula), зопник клубненосный (Phlomis tuberosa), земляника лесная (Fragaria vesca), медуница мягчайшая (Pulmonaria mollis), брусника обыкновенная (Rodococcum vitis-idaea), колокольчик сборный (Campanula glomerata), клевер луговой (Trifolium pratense), малина костяная (Rubus saxatilis), горошек однопарный (Vicia unijuga), осочка длиннохвостая, ежа сборная (Dactylis glomerata), мятлик сибирский (Poa sibirica), некоторые виды мхов и др.

В ходе работ на раскопе был получен разрез рыхлых отложений террасы, продолжающий имеющийся сплошной поперечный профиль приустьевого мыса, на котором размещался комплекс. Профиль демонстрирует сложную картину напластований почв, характер которых позволяет реконструировать процессы развития террасы, формирования каждого горизонта и культурного слоя. В целом, дневная поверхность площади раскопа имела понижение в южном направлении, поэтому и все геологические напластования имеют такой же наклон.

В строении разреза выделяется две основные части. Нижняя часть состоит из отложений с чередованием интенсивно карбонатизированых песчано-супесчаных культурных слоев и стерильных песчаных прослоек. Верхняя часть представлена профилем современной дерново-подзолистой почвы.

Все культурные слои мезолита имеют мощность от 2 до 10 см, понижаются в южную и западную сторону к краю террасы, то есть преимущественно в юго-западном направлении. Распространяются различными по протяженности линзовидными включениями. В северо-восточном углу поднимаются и преимущественно сливаются в один. На остальной площади раскопа отделяются друг от друга стерильным прослойками серого песка мощностью от 5 до 20 см.

Формирование террасы началось с образованием песчаного пляжа на стрелке между р. Енисеем и р. Шилкой. Это подтверждается образованием культурных слоев 6–12 и нижележащих погребенных почв, сформировавшихся на часто затопляемом краю террасы, очертания которого со стороны Енисея не изменялись вплоть до современности.

Несколько позднее поверхность террасы была подвергнута разрушению, связанному с образованием небольшого лога, который и теперь читается на поверхности. Развитие растительности по бортам лога и периодическое подтопление его русла привело к образованию погребенных почв. Судя по их характеру, эти процессы протекали в период между плейстоценом и голоценом или на самой ранней стадии голоцена.

Возможно, в период раннего голоцена, вся поверхность террасы на уровне 14,8 м от современного уреза воды или 105,8 м от уровня моря, была механически срезана (снивелирована) какой-то местной катастрофой, скорее всего мощным ледоходом. Это отчетливо документируется четкой границей выделяющей 5 культурный слой памятника.

После этого, поверхность террасы уже никогда не затапливалась, и на ней проходил спокойный процесс современного почвообразования.

По остеологическому материалу культурных слоев Н.Д. Оводовым и Н.В. Мартыновичем были сделаны определения, которые говорят о наличии в слоях костей бизона, яка, лося, марала, лошади, медведя, собаки, песца, соболя, лисицы, донского зайца, бобра, суслика, полевки, лягушки, беззубки, рыб – осетровых, тайменя; птиц – тетерева, совы, лебедя, утки, белой куропатки. Некоторые виды фауны отчетливо показывают достаточно древний возраст слоя. В частности, степень сохранности костного вещества особенно крупных млекопитающих. Кости бизона по этому признаку, а также по размерам, без особого сомнения можно было бы отнести к позднему плейстоцену. Не менее серьезным свидетельством раннеголоценового возраста мезолитического слоя является обнаружение останков донского зайца, вымершего как вид около 10–11 тысяч лет назад. В целом фаунистические материалы слоя свидетельствуют о лесной обстановке в приустьевой части р. Шилки того времени (Мандрыка, Оводов, 2005: 160).

Радиоуглеродный возраст нижних слоев профиля согласно последним данным определяется 7–11 тыс. л.н. Археологические исследования также относят каменную индустрию нижних горизонтов Усть-Шилки 2 по технико-типологическим характеристикам к мезолиту. К особенностям археологического материала комплекса относят: сочетание многочисленных клиновидных нуклеусов, сочетание разных технических вариантов резцов (трансверсальные, срединные и боковые многофасеточные), наличие чопперов и галечных тесловидных орудий с едва намеченным перехватом, отсутствие устойчивых серий правильных микропластин и орудий на них, преобладание микропластинчатых сколов. Система расщепления камня, типология и морфология инвентаря характерны именно для восточносибирского региона. Самые прямые аналоги УШ2 просматриваются в мезолите Верхнего Приангарья. От географически более близкой Стрижевой горы Усть-Шилка 2 отличается большим количеством клиновидных и отсутствием призматических и конических форм микронуклеусов (Мандрыка и др., 2005: 120)

В целом, нужно отметить, что 11–7 тыс. л.н. стоянка неоднократно посещалась охотниками-рыболовами. Небольшое количество археологического материала, а также небольшая мощность культурных слоев, порой содержащих одно – два кострища, кухонные остатки и редко орудия, свидетельствует о кратковременности этих посещений, скорее всего в сезоны охоты и рыбной ловли.

Помимо анализа техники расщепления, орудия были подвергнуты трассологическим исследованиям, которые свидетельствуют о комплексности древней системы жизнеобеспечения человека (охота, рыболовство, самообеспечение необходимыми предметами). Согласно полученному результату, в мезолитических слоях комплекса присутствуют каменные изделия, по характеру заполировки относящиеся к мясным и строгальным ножам, скобелям и резчикам по твердому материалу, скребкам по шкурам. Для изготовления каменных орудий использовался, как правило, обломочный халцедон, и реже галька. Однако определенно выявляется дефицит каменного сырья, о чем говорят его плохое качество, а также частая многофункциональность и, как следствие, сильная изношенность орудий.

Приемы обработки кости заключаются в подтесывании, а затем обламывании роговых отростков от спицы, в использовании резчиков разных стадий проникновения в материал для продольного членения рога, использовании станкового сверла для

изготовления мелких отверстий, а также в активном использовании абразивной обработки и полировки уже практически готовых изделий.

В условиях лесной зоны мезолитический человек охотился на копытных животных (бизона, лося, марала), более мелких млекопитающих (бобра, зайца, также песца, соболя, лисицу) и птиц (тетерев, утка, лебедь, сова). Охота, давала не только пищу, но и производственное сырье – шкуры, которые подвергались обработке и активно использовались в быту, а также кость и рог, служившие для изготовления орудий охоты и рыболовства (наконечники, гарпуны, крючки) и других необходимых предметов (иглы, проколки, кочедыки). При этом отмечаются устойчивые технические приемы производства каменных и костяных предметов.

Таким образом, комплекс проведенных исследований позволяет более уверенно отнести нижние слои памятника ко времени раннего голоцена, а также реконструировать некоторые аспекты условий палеоэкологии и жизни мезолитического человека.

Литература

Мандрыка П.В., Акимова Е.В., Ямских А.А., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Орлова Л.А. Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоев стоянки Усть-Шилка-2 на среднем Енисее // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005.

Мандрыка П.В., Вдовин А.С. Мезолитические комплексы в створе Казачинского порога на Енисее // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994.

Мандрыка П.В., Оводов Н.Д. Археология и фауна мезолитического слоя комплекса Усть-Шилка-2 на Среднем Енисее// Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство ИАиЭ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1.

Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3.

Усов М.А., Вдовин А.С., Макаров Н.П., Мандрыка П.В. К вопросу о мезолите Красноярского района // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992.

ИКОНОГРАФИЯ МЕДВЕЖЬИХ ОБРАЗОВ В КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЕ И МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II тыс. до н. э.

И.В. Ковтун
г. Кемерово

Изображения медведей эпохи бронзы юга Западной Сибири давно привлекают внимание специалистов. Эти образы представлены в керамической и металлопластике, в каменной скульптуре, а также в материалах памятников наскального искусства. Но перечисленные обобщения не раскрывают специфического своеобразия и объединяющих признаков присущих всем и каждому изображению в отдельности. Поэтому необходима некая типологическая характеристика, учитывающая культурно-хронологические, территориальные, фактурные и функциональные особенности медвежьих изображений.

Довольно широкая территориально-хронологическая группировка медвежьих образов предложена ранее (Кириллова, 2006: 124–126; Кириллова, 2007: 25–27). Некоторые критерии нашей классификации пересекаются с типологическими принципами автора. Но объединение в одну группу жезлов и изображений медвежьих голов на керамике (Кириллова, 2007: 26) нарушает единство классификационного основания и потому неприемлемо.

Суммировав скульптурные изображения рассматриваемого персонажа, включая керамическую и металлопластику выделено четыре группы медвежьих образов. По формообразующим и функциональным признакам эти находки подразделяются на: А) жезлы (табл. 1, *1, 2*); Б) подвески (табл. 1, *4–9*); В) головы – «емкости» (табл. 2, *1–4*); Г) просто головы (табл. 2, *8, 9*). Оригинальные исключения из этого классификационного ряда: жезлоподобная статуэтка из Самусьского могильника относящаяся к более раннему, энеолитическому времени (Кирюшин, 2004: 7–12) (табл. 1, *3*) и стилизованная многофигурная пластическая композиция, включающая голову медведя из окуневского могильника Стрелка (табл. 2, *10*).

Происхождение изделий А-группы обусловлено слиянием двух традиций. Первая связана с кругом северо- и центральноазиатских степных культур сейминско-турбинского времени. С этим субстратом была привнесена сама идея статуарной миниатюры. Содержание же запечатленного образа представлено одним из самых популярных персонажей традиционных верований и культов сибирских аборигенов. Оба изделия являются уникальным продуктом межкультурного синтеза изобразительных и мировоззренческих стереотипов двух отличных миров. Это очевидно на фоне западносибирских изображений медведя выполненных в мелкой пластике и (или) в миниатюрной скульптуре эпохи энеолита – бронзы (табл. 1, *3–9*; 2, *1–4, 8–10*).

Наиболее органична Б-группа. Изображения кротовских, самусьских и окуневских медведей выполнены из разных материалов: камня, бронзы и рога (табл. 1, *5–9*).

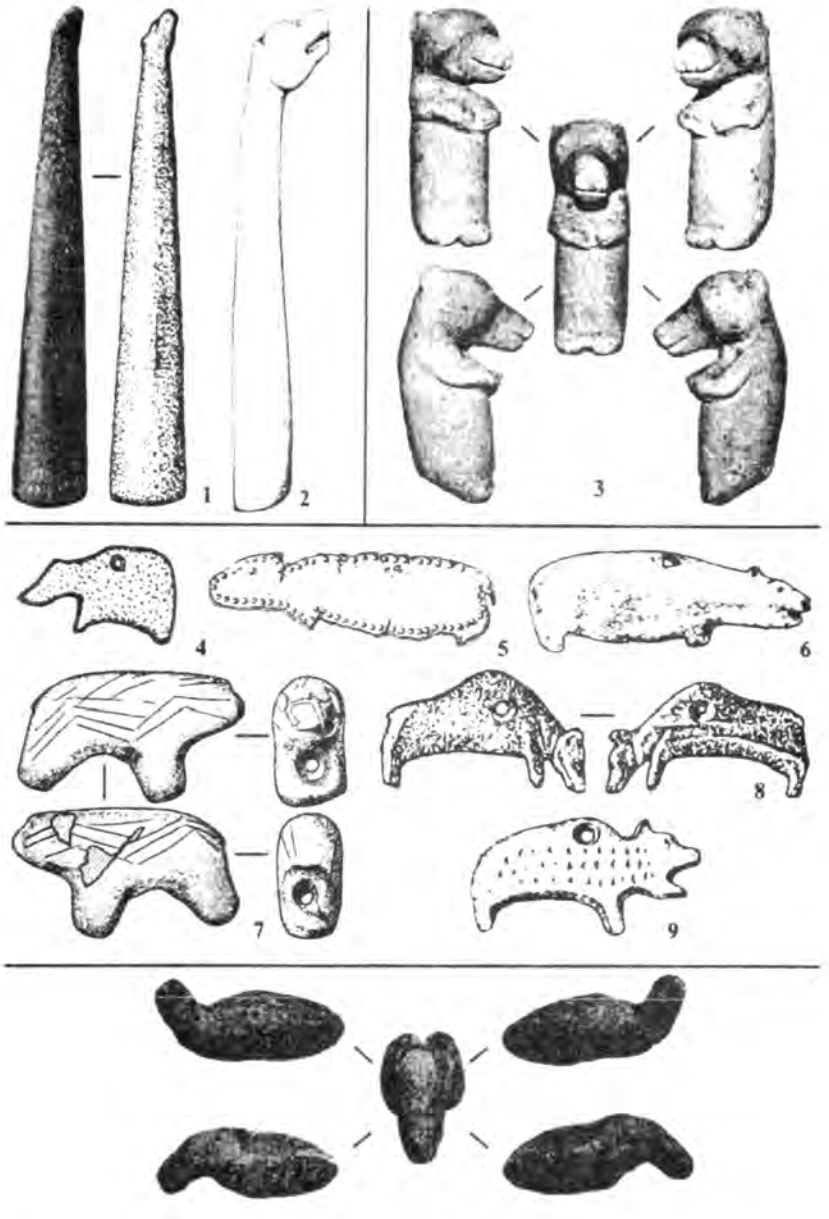


Табл. 1. *1* – оз. Иткуль; *2* – окрестности Братска; *3* – Самусьский могильник; *4* – Айдашинская пещера; *5* – Крохалевка-1; *6* – Крохалевка-13; *7* – Утинское погребение; *8* – Сопка II; *9* – Карасук II; *10* – Самусь IV (по Боброву, Глушкову, Дуракову, Кирюшину, Ковтуну, Комаровой, Молодину, Новикову, Равнушкину, Савину, Троицкой, Ченченковой)

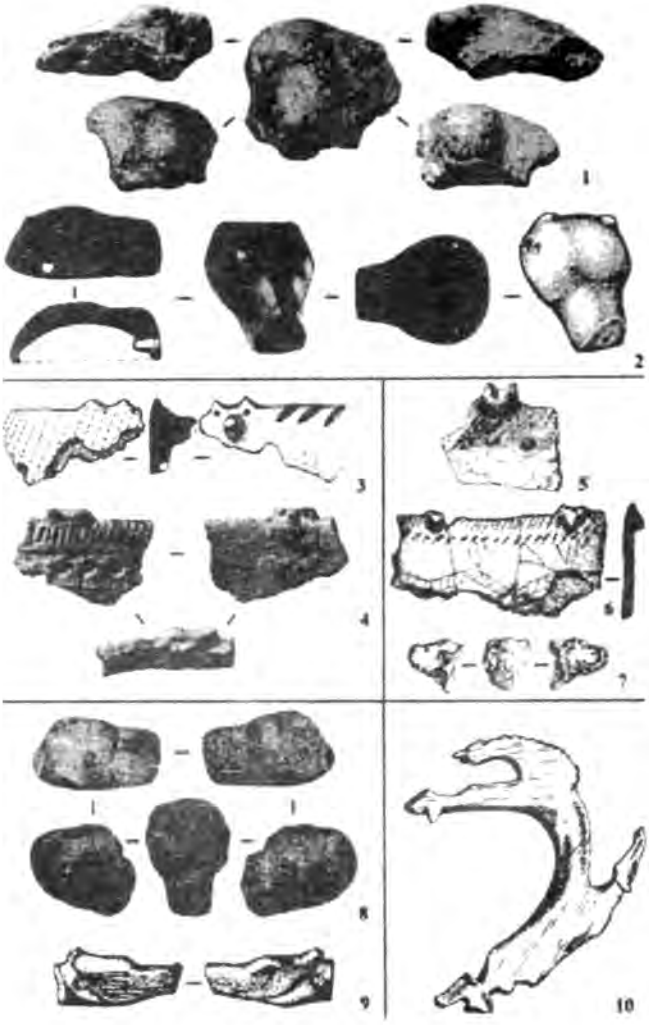


Табл. 2. *1, 4, 8* – Самусь IV; 2 – Усть-Куюм; *3* – Игреково 1; *5* – I Береговая стоянка горбуновского торфяника; *6, 7* – Шайтанское озеро I; *9* – Сопка-2; *10* – Стрелка (по Берс, Кирюшину, Ковтуну, Молодину, Савинову, Серикову, Студзицкой)

Но им всем присуще некое общее качество – качество подвешивания. Этот симптоматичный признак указывает на неотделимость подвешиваемой скульптурки от каких-то вещей или аксессуаров индивида. Образ медведя перемещался или хранился вместе с указанными атрибутами, которые, в свою очередь, могли быть неотделимы от своего хозяина. Возможно, это объясняется неочевидной функцией медвежьих изображений – быть амулетом или персонифицированным символом их владельца. Но в этом проявляется и характер культурной традиции допускавшей индивидуализиро-

ванное тиражирование носимого сакрального персонажа. Образ хозяина тайги проецировался на индивида, сопровождая его повсюду в качестве динамичного соучастника всех событий в жизни человека. Правда, возможно и иное истолкование. Не образ зверя «растворялся» в человеке, а живой человек «включался» в инобытие героя олицетворяемого скульптуркой медведя. В этой связке необходимость реального человека – вместилища жизненной силы, обусловлена приданием носимому им медвежьему изображению динамики и «одушевленности».

Но не только это объединяет подвешиваемые изображения медведей из Карасука II, Утинки, Крохалевки-13, Крохалевки-1 и Сопки II. Подвешивание – это общий стадиальный принцип обращения с подобными фигуративными миниатюрами. Но еще важнее то, куда и с чем подвешивались фигурки кротовских, самусьских и окуневских медведей? Обнаруженная в самусьском захоронении утинкинская скульптурная миниатюра (Бобров, Герман, 2007: 178–183) представляется элементом в составе изобразительной системы, намекая на аналогичность статуса всех прочих скульптурок Б-группы. Фигурка утинкинского медведя сочетается в наборном украшении с образом птицы и пятью бусинами, которые также могли иметь символическое значение. Схожая ситуация и с изображением медведя из Сопки II. В.И. Молодин отмечает, что: «Скульптурка, которую носили на снизке бус, была, очевидно, амулетом» (Молодин, 1992: 41). Таким образом, подвешиваемые изображения медведей являлись частью более сложных композиций. Именно для этого они включались в наборные нательные украшения или прикреплялись на одежду и иные аксессуары, возможно, с аппликированными, вышитыми или фигуративными изображениями других персонажей и символов. Поэтому главное общее качество всех рассматриваемых миниатюр – это включенность медвежьих персонажей в композиционный контекст предполагающий повествовательность, фабулу сюжета и развертывание содержания действия. Это уже не просто стадиальный, а весьма симптоматичный, по сути, стилистический признак отличающий одну культурную традицию от другой. Подтверждением сказанному является одно из вышеупомянутых исключений, – хронологически синхронная медвежьим изображениям Б-группы композиция из окуневского могильника Стрелка. В многофигурной пластической композиции из кости медведю сопутствуют другие участники мизансцены, – лось и стилизованные зооморфные существа (см. табл. 2, *10*). Возможно, к числу изделий Б-группы относится и костяная подвеска в виде медведя из Айдашинской пещеры (см. табл. 1, *4*). Условия ее нахождения таковы, что она «в равной степени может датироваться и эпохой неолита, и бронзовым веком. В данном случае важно, что предмет служил частью шейного гарнитура или нашивался на одежду. Он был брошен в вертикальную пещеру, которая на протяжении столетий служила святилищем как у таежного, так и у степного населения» (Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000: 26).

Совсем иная конструктивная концепция у жезлов с головой медведя. Эти статуарные миниатюры олицетворяют более высокий уровень абстрагирования, принципиально иное мировосприятие, а следовательно иную мировоззренческую и культурную традицию. Подобному типу изображений созвучно другое классификационное исключение – жезлоподобная статуэтка медведя из Самусьского могильника. В ней сфокусированы все основные содержательные и формообразующие признаки прису-

щие миниатюрной статуарной скульптуре, к которой относятся и каменные жезлы. Изобразительные своеобразия подобных портативных изваяний сводятся к единичности персонажа, статичности образа, парциальности изображения и статуарному «минимализму» скульптурной формы. Конструкция и функции жезлов не дают повода предполагать, что запечатленным на них головам медведей сопутствовали иные образы. Поэтому «самодостаточность» персонажа дополнялась только личностью владельца изделия. Парциальность, или передача одной головы животного также отличает жезлы от включенных в композицию и полноразмерных кротовских, самусьских и окуневских подвесок.

Голова медведя привлекала внимание создателей еще двух групп изображений. Но если Г-группа выделена условно, то предметы В-группы заслуживают особого внимания. Это медвежьи головы, сопряженные с полыми и емкостными формами различного предназначения (см. табл. 2, *1–4*). Большинство этих находок давно знакомы специалистам, но единого мнения об их функциональной направленности нет. Голова усть-куюмского медведя (см. табл. 2, *2*), интерпретировалась Е.М. Берс как «полая скульптурка-льячка для разливки металла в форме головы медведя». Подтверждая сказанное, автор констатировала: «Вещь сделана из диорита и заполирована до блеска. В центре льячки видны царапины от соскабливания металла, дно покрыто пятнами от сильного прокала, на конце морды и по бокам сквозные отверстия» (Берс, 1974: 25). Позднее, В.И. Молодин предположил, что усть-куюмская голова-«емкость» являлась каменной поясной пряжкой (Молодин, 1994: 82-86; Молодин, 2006: 277). Обе версии небезынтересны и обоснованны, но, на мой взгляд, одна не исключает другую. В качестве льячки подобное художественное изделие могло служить только в ритуальных целях, то есть сравнительно редко. Все остальное время этот предмет культовой атрибутики окружавшей таинства бронзолитейного дела, вероятно, мог использоваться как пряжка, одновременно, символизируя особые прерогативы, статус и профессиональные навыки своего обладателя. Существуют и другие предположения. Например, С.В. Студзицкая допускает использование усть-куюмского изделия в роли маски или маскетки (Студзицкая, 1987: 321).

Не исключено, что в обрядовых церемониях бронзолитейщиков фигурировала и керамическая «ложка» с головой медведя из Самусь IV (см. табл. 2, *7*). При детальном осмотре на нижней боковой грани (сломе) этого изделия П.В. Герман обнаружил отчетливо различимый фрагмент патины. По мнению С.В. Кузьминых, этот зеленый окисел на сломе может являться следом от затека меди или бронзы в трещину в момент разрушения льячки при плавке. Исследователем не исключается и наличие на внутренней поверхности льячки, ближе к краю, следов слабой ошлакованности. Специалисты по-разному определяли предназначение самусьской находки: крышка сосуда, керамическая ложка, фрагмент сосуда типа ковшичка и т.д. Но как церемониальный атрибут культовых процедур бронзолитейщиков это изделие никогда не интерпретировалось. Кстати сказать, на Самусь IV известна еще одна подобная «ложка», только вместо головы медведя ее венчает схематичная голова птицы (Матющенко, 1973: рис. 13) (см. табл. 1, *10*). Именно эти персонажи сочетаются в утинкинском ожерелье, и именно медвежья и птичья головы украшают обе уникальные самусьские емкости. Думается приведенные совпадения не случайны. Возможно, они объясняют-

ся этнографическими свидетельствами участия орнитоморфного персонажа в медвежьем празднике. Так, у эвенков нашедший берлогу охотник возвращаясь на стойбище изображал ворона, а его соплеменники отвечая тем же, выражали готовность «клевать» найденную добычу. Вытащив убитого зверя из берлоги охотники продолжали изображать слетевшихся к добыче воронов созывавших криками «сородичей» (Туров, 2000: 51). Одна из сюжетных линий угорских мифов воплощенная в «медвежьих песнях» повествует о том, как «медведь грабит дом Филина, и в результате охотники из рода Филина убивают медведя» (Люцидарская, 2000: 81). В свою очередь, как будто улавливаемое ритуально-обрядовое пересечение образа медведя с областью металлообработки созвучно тематически адекватными реминисценциям. Так, в русском народном искусстве одна из сюжетных линий обыгрывающая медвежью тематику сопротивопоставляет образы медведя и кузнеца (Майничева, 2000: 91–93, рис. 4). В мансийской «Медвежьей песне о младшей дочери кузнеца» медведь связанный «медвежьей клятвой» убивает невинного кузнеца, а затем, и толкнувшую его на неоправданную жестокость дочь, умерщвленного им человека (Люцидарская, 2000: 82). Вероятно, и в этом случае, профессиональный статус и родственные узы погибающих персонажей обусловлены не только воображением авторов песни.

Другая категория медвежьих изображений В-группы представлена скульптурками голов на венчиках керамических сосудов (см. табл. 2, *3, 4*). В.И. Мошинская справедливо разделила подобные зооморфные образы на: а) обращенные мордами внутрь сосуда; и, б) обращенные мордами наружу (Мошинская, 1976: 26–27). Традиция таких керамических микрорельефов восходит к раннебронзовому, а возможно и энеолитическому времени. Схожие с западносибирскими фрагменты сосудов, украшенных медвежьими головами, известны и из уральских комплексов (см. табл. 2, *5, 7*). Обычай «помещать зверя или часть его на краю сосуда ...мог быть связан с широко распространенным представлением о необходимости охранять содержимое сосудов», либо, учитывая различную пищевую «специализацию» сосудов, «изображения на них могли указывать, для чего тот или иной сосуд предназначался» (Мошинская, 1976: 29, 32). Но в отличии от уральских изображений на игрековской и самусьской керамике морды животных обращены не наружу, а внутрь сосуда (см. табл. 2, *3, 4*). Возможной целью такого расположения медвежьих скульптурок могло быть «кормление» души убитого и (или) почитаемого зверя. Само же обособление головы изображаемого животного объясняется ее особым статусом. Подтверждения этому находятся в этнографии сибирских аборигенов, многие из которых практиковали особое отношение к голове умершего медведя. Думается, аналогичные представления способствовали появлению парциальных скульптурок Г-группы (см. табл. 2, *8, 9*), также укладывающихся в упомянутый мировоззренческий контекст.

Литература

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Вып. 4.

Бобров В.В., Герман П.В. Погребение сейминско-турбинского времени в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск, 2007. Т. XIII.

Кириллова Ю.В. К вопросу о назначении изображений медведя (эпоха неолита – бронзы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. Т. I.

Кириллова Ю.В. Скульптурные изображения медведя эпохи неолита – бронзы (прагматический аспект) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Люцидарская А.А. Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Майничева А.Ю. Образ медведя в русском прикладном искусстве // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2: Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 10.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск, 1994.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы. // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

ОБРАЗ ХИЩНИКА В ПЕТРОГЛИФАХ ШИВЭЭТ-ХАИРХАНА (Монгольский Алтай)

В.Д. Кубарев
г. Новосибирск

До настоящего времени в сибирской археологии одной из актуальных проблем остается определение даты многих памятников наскального искусства. Необходимо признать, что до сих пор, одним из распространенных методов хронологических определений, служит метод прямых аналогий с датированными предметными коллекциями из синхронных погребальных комплексов. При этом важно для полной достоверности и убедительности проводимых корреляций использовать те материалы, которые происходят из одного района или хотя бы из отдельной географической провинции.

Такое исследование должно проводиться комплексно, то есть наряду с изучением петроглифов в этом же районе обязательно проводятся раскопки разновременных погребальных и культовых сооружений. Именно такого комплексного изучения разнообразных археологических памятников придерживались сотрудники Восточно-Алтайского отряда Северо-Азиатской экспедиции. При этом для нас особенно удачная ситуация сложилась при исследовании древностей двух пограничных районов Алтая: Кош-Агачского (Россия) и Баян-Ульгийского (Монголия). Здесь известны сотни археологических объектов, исследование которых началось почти два века назад российскими учеными и продолжается до сегодняшнего дня. Особую известность в мире получили раскопки элитных курганов пазырыкской культуры, исследованных М.П. Грязновым и С.И. Руденко. Нашим отрядом в течение многих лет изучались и рядовые могильники ранних кочевников, расположенные в пограничной зоне с Тувой, Монголией и Китаем. Параллельно основным работам, на Алтае проводились поиски новых местонахождений с наскальными рисунками. В настоящее время только в российской части Алтая известно более двухсот пунктов с петроглифами. Самые интересные в научном отношении памятники наскального искусства были опубликованы в России и в зарубежных странах. Логическим продолжением работ в этом направлении были исследования в Монголии по международному проекту «Алтай». В его реализации принимали участие ученые из России, Монголии, США и Южной Кореи. За прошедшие пятнадцать полевых сезонов были обследованы и обработаны десятки уникальных памятников наскального искусства (Кубарев, 2003).

Завершающий этап проекта был отмечен открытием интересного комплекса наскальных рисунков у горы Шивээт-Хаирхан в Монгольском Алтае. Он находится в 4–5 км от места слияния двух рек Хар-Салаа и Цагаан-Салаа. Координаты памятника: N 49° 06' 15 – E 88° 15' 54, высота над уровнем моря 2387 м. Только на одной каменной плоскости (20 х 10 м), расположенной под углом 20–25° к горизонту, нанесено более 700 рисунков. С этой точки открывается удивительно живописная панорама на окружающие горы и озера, а слегка наклонная поверхность скального останца была очень удобна для выполнения рисунков. Может быть, именно поэтому петроглифы выполнены чрезвычайно тщательно и искусно. На отдельных каменных «полотнах»

чувствуется уверенная рука одного художника. Многие изображения представляются законченными и безупречными во всех отношениях произведениями первобытного искусства. Петроглифы копировались на полиэтиленовую пленку, снимались на цифровые фотокамеры в различных режимах освещения.

Сохранившийся до наших дней культ священных гор, зародившейся в глубине древности, дошел до нас и в грозном названии «Шивээт-Хаирхан», т.е. буквально переводимом как «Крепость Владыки» – властелина жизни и смерти людей и животных. Масса близких по содержанию сюжетов и одинаковых персонажей этого памятника, выполненных в единообразном стиле, и к тому же одинаковой техникой затрудняет их классификацию и датирование. Тем не менее, отдельные и редкие образцы наскального искусства служат точными индикаторами определенных эпох, позволяя не только определить время их бытования, но и вполне удовлетворительно объяснить содержание рисунков. А сопоставление этих данных с редкими изобразительными сюжетами из погребальных памятников ведет к еще большей информативности используемых источников.

Сюжеты из Шивээт-Хаирхана включают рисунки быков, колесниц, лучников в грибовидных головных уборах, пятнистых и полосатых «барсов», волков-собак? и кабанов. Очевидно, одновременны им крупные изображения пятнистых оленей (рис. 1), «маралух», диких ослов? и лошадей. Особенно любопытны фигуры всадников на породистых скакунах. Они вооружены топорами, клевцами, луками и запечатлены в момент охоты на оленей и козлов.

Рис. 1. Мифическая охота на «небесного» оленя. Петроглиф из Шивээт-Хаирхана

По стилю и технике исполнения всадники могут быть датированы эпохой поздней бронзы или даже началом аржано-майэмирского этапа, предшествовавшего скифской эпохе Алтая. К ним следует добавить новые, ранее малоизвестные для Монголии, синкретические образы хищных и фантастических зверей. Отдельные сюжеты находят прямые аналогии в искусстве каракольской культуры Алтая. Пантеон персонажей (боги, колдуны или шаманы?) каракольской культуры немногочислен и круг его вроде бы уже давно очерчен уникальными росписями Каракола (Кубарев, 1988). Но совсем недавно в репертуаре каракольского искусства стал известен еще один новый образ. Это гравированный рисунок хищника на плитах Бешозека, которого с тем же основанием можно назвать волком или собакой из-за отсутствия в изображении фантастических черт. Но, тем не менее, большие размеры фигуры, весьма каноничная и агрессивная поза зверя позволяют включить его в ряд известных изображений синкретичных хищников Окуневского типа. Все хакасские и алтайские изображения этого зверя имеют одинаковые признаки: широкое в плечах и суженое к крупу туловище; открытую забастую пасть; тонкие и длинные (птичьи?) ноги; закинутый на спину полосатый или зубчатый хвост. Бешозекский зверь показан в точно такой же иконографической манере и к тому же он маркирован солярным знаком в виде косого креста. Аналогичные знаки сопровождают не только многие изображения хищников, но и нанесены на туловища быков окуневской культуры, рисунки которых найдены на плитах погребальных сооружений. Становится понятным, почему бешозекский хищник показан во взаимодействии с «солнцеголовыми» существами. Хотя поза его статична, но все описанные детали подчеркивают агрессивность, направленность мифического зверя на главный объект преследования. Несомненно, этот лаконичный сюжет наглядно иллюстрирует древнейший сибирский миф о космической погоне. В его основе чудовище-зверь (волк-собака) охотится на светлое лучезарное божество, солнце и звезды. В окуневском искусстве миф о космической погоне выглядит как преследование фантастическим хищником идущего на запад быка, отождествляемого с солнцем. В бешозекском варианте этого мифа образ солнца предстает уже в человеческом облике с солярными атрибутами. Причем хищник здесь изображен обращенным вправо, как и многочисленные его воплощения, в окуневском искусстве, то есть и он направлен на запад. Еще одним убедительным свидетельством культурной связи древних хтонических существ с аналогичными персонажами алтайского шаманизма является необычный зверь, выполненный техникой выбивки в центральной части калбакташского святилища. Он живо напоминает известных фантастических зверей окуневской культуры Хакасии. Однако древнейший образ фантастического зверя в Центральной Азии определяется не только рамками этой культуры. Близкие по стилю и манере исполнения, а главное по содержанию, изображения фантастических зверей есть на Шишкинских писаницах и на Шалоболинских скалах. О дальнейшем самостоятельном развитии образа свидетельствуют изображения фантастического зверя на Алтае и в Монголии. Это уже не типичный окуневский хищник с реальными чертами конкретных зверей, а действительно фантастическое чудовище. Тем не менее, сходство с более ранними изображениями все еще остается значительным, хотя и появляются новые черты, характерные затем для персонажей развитого скифо-сибирского стиля. К ранним (окуневским) признакам необходимо отнести: маленькие округлые уши,

круглый глаз, характерные очертания морды с открытой зубастой пастью, четыре ноги со шпорами и когтями, заброшенный на спину хвост; но уже не зубчатый, как у окуневских зверей, а полосатый, характерный для поздних изображений хищников скифской эпохи. К окуневским зверям калбакташский близок также большими размерами (66 х 45 см) рисунка. Новые черты в калбакташском звере заметны также в позе «крадущегося хищника» и форме зубов в пасти, более типичных уже для изображений хищников из памятников пазырыкской культуры Алтая. Таким образом, зверь или точнее сказать фантастическая химера из Калбак-Таша, вероятно, иллюстрирует стадиальные изменения древнего образа фантастического зверя и его несомненную связь с изобразительным искусством населения Алтая в эпоху поздней бронзы (конец II тысячелетия до н.э.). Особое значение для интерпретации калбакташской химеры имеет ее вхождение в одну законченную наскальную композицию. Необычное расположение ее в верхней части каменного «алтаря», головой вниз, создает впечатление о чудовище, подкрадывающемся или приготовившимся к нападению на группу крупных человеческих фигур, нанесенных в центральной части скальной плоскости. Та же сцена: хищник с раскрытой пастью и высунутым языком нападает на двух, стоящих вплотную друг к другу людей, – выбита на скалах Монголии (местность Бичигтин Хад). Обнаружен подобный сюжет и в петроглифах Шивээт-Хаирхана. Рассматриваемый образ этого хищника стилистически близок и волкообразным зверям, изображенным на оленном камне из Ушкийн-Увэра. У них показана широко открытая пасть с острыми клыками и высунутым языком; над верхней челюстью выступает округлый контур крупного глаза; на голове два округлых уха. На шее хищника ломанные резаные линии, а тело его полностью заполнено точечной выбивкой. Возможно, в обоих случаях мы видим повествовательное содержание древнейшего космического мифа о борьбе демиургов-близнецов с чудовищами. Описанные изображения также очень напоминают фантастического зверя древнекитайской мифологии, который назывался «*таоцюань*». Внешним видом он был похож на собаку, тело его было зеленого цвета. Чудовище питалось людьми и начинало пожирать их с головы. Другой зверь – «*цюнци*» был похож на тигра с крыльями, с телом, покрытым иглами. Пищей ему служили люди: одних он пожирал, начиная с головы, других с ног (Юань Кэ, 1965). Наверное, оба последних момента и запечатлены на скалах Калбак-Таша и Бичигтин Хада? – иллюстрации к одному из древнейших азиатских мифов. Но особенно удивительным представляется нам сохранение в алтайском шаманстве образа огромного драконообразного существа, известного под названием «*кер-тютпа*». Древние черты этого образа угадываются не только по уже знакомым нам признакам (вытянутое, суживающееся к хвосту туловище с огромной головой, пастью, усеянной длинными острыми зубами и высунутым языком; короткими ногами с когтями), но и в названии чудовища – «*живоглот*». Но в отличие от фантастических чудовищ-поглотителей эпохи энеолита-бронзы, «*кер-тютпа*» осмысливается, как существо, полезное людям. Алтайские шаманы видели в «*кер-тютпа*» своего охранителя, который был необходим, во время их путешествий по подземному миру, где как, предполагалось, было много злых духов (Иванов,1979: 109–112). Их изображения, в виде двух чудовищ с раскрытой пастью, также помещались на шаманских костюмах и бубнах (Потапов, 1991: 212). Таким образом, иногда и этнографические параллели позволяют объяснить содержание

отдельных рисунков, воскрешая из глубины веков мировоззрение и оригинальную культуру древнейшего населения Алтая.

Если обратиться к ближайшим археологическим аналогиям рисункам из Шивээт-Хаирхана, то, прежде всего, следует назвать петроглифы в долине р. Чулуут (Монголия), где целый ряд фигур животных выполнен в так называемом «декоративном» стиле (Новгородова, 1984: 21). По мнению Э.А. Новгородовой он предшествовал «звериному стилю» и начало его формирования произошло в Центральной Азии уже в эпоху ранней и развитой бронзы (Там же: 73). Началом II тыс. до н.э. датируются и погребения Каракола, где в одной из росписей гробниц одежда одного из персонажей отличается своеобразной мозаичностью рисунка: в квадраты и треугольники не закрашенного охрой фона нанесены точки черной краской (Кубарев, 1988: рис. 60). На другом рисунке антропоморфного существа из Каракола, показана одежда, возможно, сшитая из цельной шкуры леопарда или барса, с хвостом и шерстью на спине (Там же: рис. 23). Подобная орнаментация и пятнистость каракольских антропоморфов явно перекликается с декоративными рисунками быков, маралух, хищников и фантастических животных в петроглифах Калбак-Таша (Кубарев, 1987: рис. 2, 3; Kubarev, Jacobson, 1996: fig. 78, 149, 223, 223, 264, 284, 285, 451, 457, 473) и в недавно изданных наскальных рисунках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001: fig. 240, 335, 404, 410, 631, 708, и т.д.). Все они, очевидно, были созданы в одну эпоху и в культурно-историческом контексте, близки шивээтха-ирханским и чулуутским наскальным изображениям.

Еще большую схожесть, идентичность с другими образцами «протозвериного стиля» Центральной Азии демонстрируют 11 фигур кошачьих хищников из Шивээт-Хайрхана (рис. 2). Такое большое число изображений зверей, сконцентрированных на одной каменной плоскости, встречено на Монгольском Алтае впервые. К примеру, в огромном, по числу рисунков местонахождении Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур известно всего четыре подобных фигуры (Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001: fig. 559, 771, 1260). Столько же гравированных и схематичных фигурок кошачьих хищников, нападающих на двух козлов, выполнено в одной сцене из Шивертын-ама (Новгородова, 1984: рис. 38). По иконографии, стилю и даже размерам шивээтхаирханские «барсы» аналогичны таким же, небольшим фигуркам хищников, выполненных на оленных камнях Монголии (Там же: рис. 37; Волков, 2002: табл. 40, *1*; 78; 94; 116, 130). Чрезвычайно выразительные и динамичные фигуры хищников из Шивээт-Хайрхана могут быть сопоставлены и с подобными деревянными изделиями из курганов пазырыкской культуры Алтая. Следует заметить, что в наскальных изображениях, почти нет сцен «терзания», известных по пазырыкским древностям. В петроглифах, более уместным представляется определение сюжета, как «противостояние» или «преследование» хищниками различных животных. В горах Алтая этот «вечный» сюжет на протяжении нескольких тысячелетий оставался ведущим мотивом.

В наскальном искусстве Монгольского Алтая редко встречаются изображения кабанов, птиц и рыб, которые, однако, более широко представлены в разнообразных предметах из погребальных комплексов. Крайне редко среди многочисленных изображений зверей и животных вкраплены рисунки рогатых личин, как, впрочем, они малоизвестны и в пазырыкской резьбе по дереву. Тем не менее, некоторые, пока еще

редкие сюжеты алтайских петроглифов и росписей могут быть соотнесены с конкретными мифологическими повествованиями и мифическими персонажами, другие связаны с иллюстрацией каких-то древних ритуалов и шаманских мистерий.

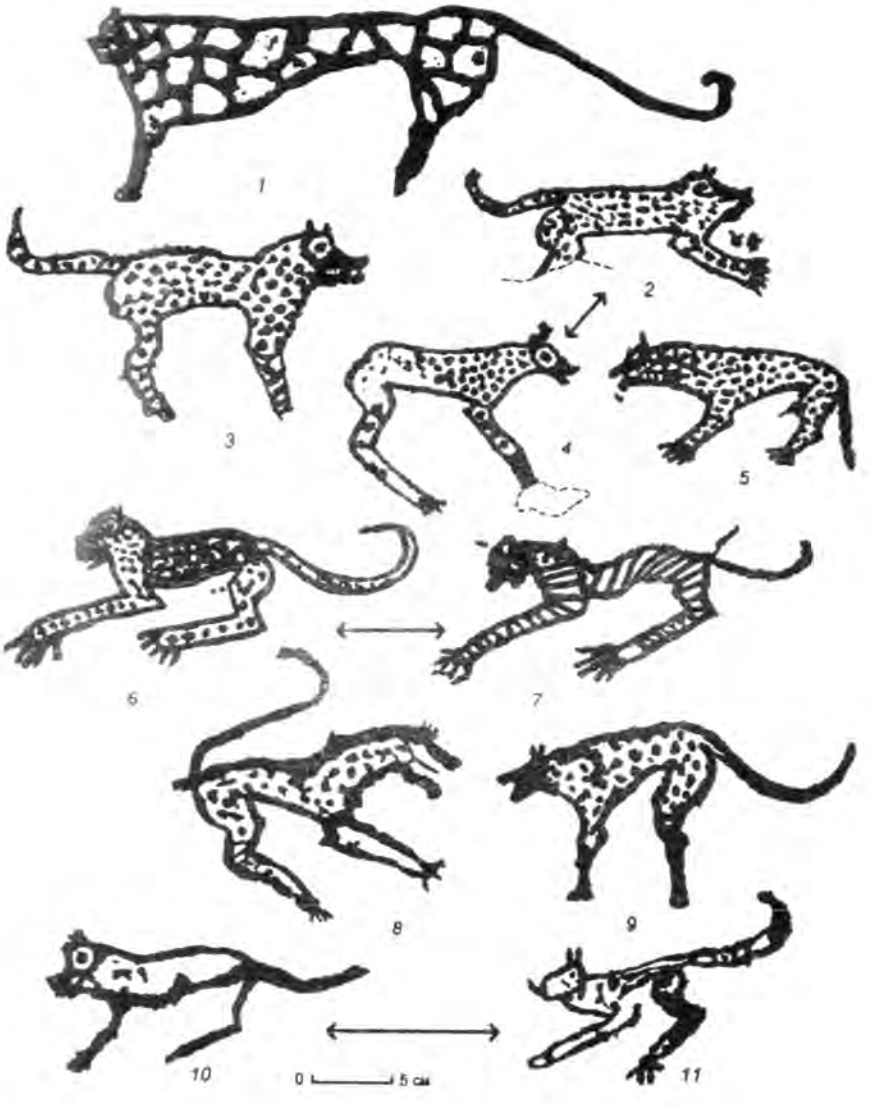


Рис. 2. Изображения хищников в петроглифах Шивээт-Хаирхана (стрелками указаны парные фигуры)

При дальнейшем изучении петроглифов Алтая, имеющих широкий хронологический диапазон, необходимо более широкое привлечение археологических материалов и этнографических источников. Создание периодизации, выявление датирующих блоков петроглифов, позволит выяснить назначение многих наскальных композиций, происхождение и смысл которых, к сожалению, пока остается для нас загадочным.

Литература

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев В.Д. Алтай–Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 10.

Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа народов Саяно-Алтайского нагорья. М.; Л.: МАЭ. Т. 19.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М, 1984.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 1996. 45 p. Pl. 15. Fig. 662. T. V.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. Vol. 6, fasc. № 6. 481 p. 15 map., 399 pl.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ им. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТГУ: ФОРМИРОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ СОБРАНИЯ

Ю.И. Ожередов, Л.М. Плетнева, Т. Масумото
г. Томск, г. Осака

Мудрец пользуется своим разумом как зеркалом.
Надпись на китайском зеркале

Можешь ли ты, как он, распластать небо,
твердое, как зеркало литое?
Книга Иова (37, 18)

Настоящей публикацией авторы начинают работу по исследованию и подготовке к изданию корпуса предметов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, именуемых собирательно – зеркала. По общепризнанным сведениям, лидирующая их часть изготавливалась из сплавов меди именуемых бронзами, поэтому преимущественно бронзовые изделия хранятся в музеях и именно с ними имеют дело исследователи данной темы (Стратонович, 1961: 47; Богданова-Березовская, 1975: 132 Кузнецова, 2002: 17–18; Тишкин, Хаврин, 2004: 303; Тишкин, 2006: 112–114). Музейное собрание насчитывает более 170 экземпляров разных хронологических периодов и требует всестороннего изучения. В том числе, изучения истории его формирования и исследований.

Формирование и пополнение собрания бронзовых зеркал музея

Собрание зеркал из медных сплавов в Археологическом музее Сибирского университета (ИТУ) получила начало в 1880-е гг. с передачей несколькими жертвователями коллекций археологических предметов, собранных с территорий Южной Сибири. Частные коллекции XIX – начала XX вв. осевшие в музее – это зачастую бессистемные накопления из случайных сборов в Хакассо-Минусинской котловине и на Алтае. В их составе находились разновременные и разнокультурные изделия представлявшие художественный или эстетический интерес. Такие подборки в Сибири формировались часто для последующей продажи зарубежным музеям или коллекционерам, поэтому главным критерием их ценности являлась внешняя привлекательность предметов. Профессиональных собирателей коллекций для продаж интересовала, прежде всего, эта сторона, что, в свою очередь, отразилось на формировании рынка предложений. Стремление находчиков быстрее и выгоднее сбыть находки подталкивало их к изначальной отсортировке из товарной массы внешне малопривлекательных и непрезентабельных предметов, которые, таким образом, просто не доходили до покупателей, несмотря, например, на их научные достоинства. Примерно таких же принципов придерживались и собственно российские коллекционеры, некоторые из которых жертвовали отдельные приобретения или целые коллекции в отечественные музеи.

Появление на первых порах собирательства еще немногочисленных зеркал среди музейных предметов приходится на период становления музея. В первой части каталога В.М. Флоринского, отразившего состав музейного собрания на 1888 г. зарегистрировано чуть более десятка таких предметов (Флоринский, 1888а). Среди первых поступлений были не только целые, но и фрагментированные находки, в частности несколько фрагментов, собранных самим В.М. Флоринским на городище Булгар в 1870-е гг. (Флоринский, 1888б: 134).

В первом «Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета» автор указывает еще 38 зеркал из новых поступлений (Флоринский, 1890). Однако во «Втором Прибавление...» отмечено всего лишь два новых экземпляра – целое и фрагментированное зеркала. В дальнейшем собрание пополнялось из случайных, как правило, частных вкладов, перечисление которых займет неоправданно много места, поэтому ограничимся упоминанием наиболее ранних поступлений и предметов, полученных в XX в. из документированных раскопок.

Первая крупная коллекция, в которой имелись зеркала, поступила в Археологический музей в 1881 году от красноярского купца И.Г. Гадалова, который в дар к годовщине со дня открытия первого сибирского университета приобрел в г. Енисейске коллекцию более чем из 765 археологических, преимущественно художественно выполненных изделий, собранную неким швейцарским подданным господином П.А. Бойлингом (Флоринский, 1890: 186; Ожередов, 1998: 29).

Примерно в тоже время в музее получила начало коллекция исследователя сибирских древностей, собирателя и ученого потомственного почетного гражданина г. Красноярска И.П. Кузнецова-Красноярскогов. Ее формирование и пополнение происходило на протяжении многих лет при жизни исследователя, а последние предметы поступили в музей после его ухода из жизни, случившегося в Томске13 января 1916 г. Личная коллекция собирателя в 1920 г. была передана в Томский университет унаследовавшей ее О.И. Иваницкой и поступила в музей. В основном коллекция состоит из сборов в Хакасско-Минусинской котловины. Среди массы разнообразных предметов в ней значится 18 целых зеркал и несколько фрагментов (Матющенко, Яковлева и др., 1957: 119–126). К сожалению, коллекция не была документирована самим собирателем, что послужило в дальнейшем внесению путаницы в ее интерпретацию. Помогает только то, что многие предметы владелец «для памяти» подписал, отметив пункты находок. Часть зеркал поступила из раскопок, но не все они пока идентифицированы по памятникам, из которых они получены. В Архиве музея имеются рукописные материалы исследователя, среди которых обнаружены таблицы рисунков и описания к ним, которые частично восполняют возникшие информационные пробелы.

Следующим крупным вкладом в собрание Археологического музея стали предметы из коллекции томского горного исправника Л.Н. Некрасова, переданной в музей в 1887 г. Коллекция собиралась с 1882 года и насчитывает несколько сотен предметов, среди которых имеются зеркала-фиалы скифского времени (Флоринский, 1888а: 72).

Значительная по объему коллекция археологических находок с Алтая доставлена в музей другим горным исправником Михаилом Андреевичем Архангельским. Подробно эта история изложена в статье томского историка И.В. Черновой (2002), поэтому остановимся лишь на общих моментах. Из писем исправника Флоринскому

становится ясно, что ему удалось отыскать в г. Бийске некоего Михаила Васильевича Миловзорова, владевшего «...маленьким музеем», в котором числилось 72 археологических и 53 этнографических предмета. Владелец собрания с легкостью согласился подарить свои находки Археологическому музею, куда они и были доставлены Архангельским. Вещи происходили с Алтая и из Кузнецкого округа. Среди археологических находок с Алтая упоминается и бронзовое зеркало (Флоринский, 1898: 351; Чернова, 2002: 17; Ожередов, 2003: 205). Личные коллекции имели и томские чиновники. В частности подборкой предметов из бронзы располагал томский губернатор Н.Н. Петухов. Редактор «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцев знакомившийся в 1886 г. с сибирскими музеями и частными коллекциями писал: «...в коллекциях г. Адрианова и г. Петухова я нашел значительное число алтайских бронзовых орудий, зеркал бронзовых и т.п.» (1887: XII). Упомянутая коллекция Петухова, уже на следующий год была подарена в университетский музей (Флоринский, 1888а: 57, 66–67; Ожередов, 1998: 28).

В 1887 и 1889 гг. томскими археологами А.В. Адриановым и С.К. Кузнецовым проводились раскопки разновременных памятников в Лагерном саду близ Томска (Комарова, 1952). Небольшая коллекция из раскопанного ими Томского могильника, в которой имелись зеркала-диски эпохи поздней бронзы, решением Императорской археологической комиссии была отправлена в Томский университет, (Ожередов, 2004: 80).

В 1909 г. по распоряжению томского губернатора Н.Н. Гондатти в музей доставлен Елыкаевский клад, состоявший из 148 предметов. Среди них было 9 целых и 3 фрагментированных дисковидных зеркала (Матющенко Яковлева и др., 1957:139). Один из обломков сильно выделяется среди общей массы, так как принадлежал китайскому зеркалу из белой бронзы. В 1915–1916 гг. А.В. Адрианов по заданию Комитета по изучению Средней и Восточной Азии занимался археологическими раскопками в Туве. Собранная им коллекция южносибирских древностей превышала 600 предметов, среди которых имелись и зеркала. При жизни исследователь не успел отправить ее Комиссию, а после его смерти в 1920 г. она была передана дочерью ученого в Томский университет и поступила в музей (Матющенко Яковлева и др., 1957: 115–118).

В советский период пополнение коллекций музея и, в том числе, собрания зеркал приобрело преимущественно форму поступлений из археологическими экспедиций томских вузов. Однако число приобретений в музей не только не превзошло сборы предыдущего времени, но значительно им уступает. Первой находкой такого рода, стало зеркало из раскопок Тоянова городка, переданное в 1927 г. С.В. Киселевым (Матющенко Яковлева и др., 1957: 196). В 1944–1946 гг. совместной экспедицией Томского университета и Томского педагогического института велись крупномасштабные исследования на Басандайском археологическом комплексе, где в Басандайском курганном могильнике было найдено два китайских зеркала, одно из которых полностью целое, а второе фрагментировано (Дульзон А.П., 1947: 69, 103; Маракуев, 1946: 149; 1947: 169–171). Половина диска зеркала была найдено В.И. Матющенко в могиле Еловского курганного могильника. Два фрагмента от разных зеркал были обнаружены в 1970-е гг. в курганах Змеинкинского могильника в Причулымье (Беликова, 1996: 91).

Самую представительную коллекцию зеркал, насчитывающую почти 20 экземпляров собрала в нескольких памятниках Томского Приобья Л.М. Плетнева. Часть из них представляет собой зеркала-диски тагарского типа, а 12 образцов относится к средневековому китайскому типу изделий. Самая крупная подборка из 9 средневековых зеркал доставлена ею из могильника у устья М. Киргизки, где было исследовано 79 курганов и два захоронения вне насыпей. Еще три зеркала найдено при раскопках 66 курганов Астраханцевской курганной группы (Плетнева, 1997: 90–92). Помимо поступления изделий ранних периодов, в 1977 г. Г.И. Гребневой в музей было доставлено оригинальное зеркало из Лукьяновского могильника XVII в. Диск отлит из желтой бронзы, а затем покрыт слоем серо-серебристого металла (Боброва, 1997: 122–130). Правда, отражательные его качества не улучшились.

Как показывает статистика поступлений, изменение формы пополнения не принесло качественных изменений в состав музейных коллекций древних и средневековых бронз. Лишь отдельные экземпляры стали принципиально новыми образцами, ранее отсутствовавшими в коллекции музея. В советское и постсоветское время объем собрания сохранился почти в том неизменном виде, который задали ему частные пожертвования конца XIX – начала XX вв. Данное положение дел объясняется, прежде всего тем, что в советское время прервался поток пожертвований из южных пределов Сибири, а самостоятельные исследования томичей в Южной Сибири после экспедиций начала 1920-х гг. Руденко, Теплоухова и Иванова уже не велись. Находки зеркал на территории Томской области, где замкнулись исследования томских археологов, крайне эпизодичны, поэтому не могут приниматься в расчет для целенаправленного пополнения собрания зеркал.

В свое время Г.Г. Стратанович писал, что в отличие от единичных находок древних бронзовых ритуальных сосудов, «древние бронзовые зеркала насчитываются в музеях и частных собраниях мира не только десятками, но даже сотнями». Здесь же он задается вопросом, чем вызвано такое обилие зеркал в погребальном инвентаре? (1961: 47). Тем не менее, среди невероятно большого разнообразия изделий попадавших в сибирские частные и музейные коллекции в XIX–XX вв. доля бронзовых зеркал, как правило, не столь велика, как считает выше упомянутый автор. Например, В.М. Флоринский рассуждая о неожиданно большом количестве бронзовых зеркал у полудиких кочевников Сибири, отмечает, тем не менее, что в томском музее их всего 5 экземпляров, а в самом крупном собрании бронз, хранящемся в Минусинском музее только 58 единиц (1888б: 134). И это на тот момент когда, в этих музеях находились уже действительно сотни других категорий предметов из бронзы.

Еще менее представительной оказывается та часть зеркал, которые в литературе обычно именуются «китайскими» или подразумевается их китайский тип. Она составляет вторую большую группу вслед за широко распространенными архаическими дисками-зеркалами предшествующего типа, стилистически сильно отличающегося от средневекового китайского зеркала и его предшественников, последовательно уходящих в древность периодов Хань, Чуньцю, Чжаньго, в недрах которых происходит появление и развитие типа зеркал, широко распространившихся в средние века (Лаврова, 1926: 2; Стратанович, 1961: 54).

Таким образом, на практике исследователи имеют дело с двумя группами типологически несходных бронзовых изделий, одинаково именуемые – зеркала. Первую из групп составляют архаические зеркаловидные диски эпохи бронзы с гладкой или гравированной тыльной стороной и примыкающие к ним по фигуральным и стилистическим параметрам изделия раннего железного века. Вторую группу формируют собственно китайские зеркала, имеющие несколько вариантов внешнего контура (круглые, квадратные, фигурные). Отличительной их особенностью стала рельефная декоративная отделка тыльной стороны: с сюжетными изображениями, с иероглифами, с орнаментальными композициями из стилизованных растительных элементов или просто рельефные, иногда фигурные в сечении бортики по краю. Помимо оригинальных зеркал, среди них имеется множество копий снятых как с образцов китайских мастеров, так и с экземпляров являвшихся местными копиями китайских зеркал. Основная масса изделий «китайской» группы произведены в хронологических пределах раннего железного века и в средневековое время.

Обозначенное нами разделение на две группы имеет не более чем рабочий характер, не претендующий на детальную классификацию материала, но служащий для стратификации зеркал по формально-стилевым параметрам в рамках двух исторически сложившихся направлений декоративно прикладного искусства Евразии. Детальные классификационные разработки, основанные на разных принципах, и библиографию данной проблемы можно почерпнуть из целого ряда работ зарубежных и отечественных авторов (Лаврова, 1926; Стратанович, 1960, 1961; Лубо-Лесниченко, 1975; Масумото, 1993, 2005; Кузнецова, 2002).

Уже на предварительном этапе изучения можно отметить, что в сибирских коллекциях, история которых насчитывает, порой не менее сотни лет, не столь невелика доля архаических и китайских или псевдокитайских зеркал. Вместе с тем, численное превосходство двух последних над архаикой выявляется вполне отчетливо. Самые крупные подборки составляют зеркала-диски эпохи раннего железного века, отличающиеся от первых двух специфическими признаками. Не вдаваясь в причины наметившегося, таким образом, дисбаланса, заметим лишь, что первые могли представлять редкость из-за общей малочисленности бронзовых поделок в период раннего металла, а вторые – в силу их большой стоимости, обусловленной сложным декоративным оформлением и нередко значительной массы использованного металла.

Как показывают современные изыскания, бронзовые зеркала прошли долгий путь из II тыс. до н. э., во II тыс. н. э. по длинной цепи культур и народов огромного региона. Завершением их истории на сибирской этнической почве стали зеркала и зеркаловидные бляхи русского и местного производства XVII–XIX вв., служившие исключительно сакральным целям (Окладников, 1948, 1950; Яковлев, 1992: 51–52 и др.; Боброва, 1997: 122–130).

Первые архаические зеркала появляются в пределах Восточной Евразии в андроновское время (Грязнов, 1956: 16; Стратонович, 1961: 49), а далее находят место среди древностей карасукской эпохи (Богданова-Березовская, 1975: 132; Комарова, 1952: 43–44; Лубо-Лесниченко, 1975: 8). Последующая история зеркал такого типа во многом связана с миром кочевников евразийских степей, где уже в раннескифских курганах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня VIII–VI вв. до н. э. (Марсадолов, 1982: 31; Куба-

рев, 2002: 64), в скифских погребениях VI–III вв. до н. э. (Кузнецова, 2002) и в савроматских захоронениях VI-IV (Смирнов, 1964: 153) металлические зеркала становятся привычным сопроводительным инвентарем. Кроме перечисленных территорий география бытования металлических зеркал распространяется как в восточном, так и в западном направлении. Их находят в погребениях V–II вв. в Забайкалье, Монголии, Ордосе, Казахстане (Кубарев, 2002: 63). Далее на восток зеркала обнаруживаются в Китае и Японии (Томилин, 1998: 57; Масумото, 2005: 299–300, 3002–3003), а на западе в древнегреческих, этрусских и римских памятниках V вв. до н. э. – I в. н. э. (Флоринский, 1888б: 135; Кузнецова, 2002: 13–14, 16; Колпинский, Бритова, 1983: 47, рис. 51, 199).

В западной части Южной Сибири металлические зеркала распространились, прежде всего, в среде тагарского населения Минусинской котловины, где они бытуют с V–IV вв. до н. э. вплоть до переходного тагаро-таштыкского времени I века до н. э. (Лубо-Лесниченко., 1975:.7; Кубарев, 2002: 63). Вероятно, оттуда они распространяются на Алтай, где бытуют у носителей пазырыкской культуры (Кубарев, 2002: 63). Однако, цельнолитые зеркала у пазырыкцев были, видимо, достаточной редкостью, возмещаемой местными поделками. Иначе трудно объяснить появление своеобразной имитации зеркала с боковой ручкой скифского, ольвийского или быстровского типа, каковым выглядит пластинчатое подпрямоугольное зеркало в деревянном корпусе с рукояткой из пазырыкского кургана IV в. до н. э. Ак-Алаха-3 (Кузнецова, 2002: 79–126, 142–195; Кубарев, 2002: 71; The ancient culture... 2005: 80; Феномен... 2000: 78, рис. 81–83). Данным экземпляром, определенно, проецируется идея цельнолитого женского зеркала с ручкой.

О времени появления зеркал в китайских пределах долгое время не было точных сведений, что, видимо, и стало причиной для формирования мнения о вероятности прихода данной категории вещей в Китай из Сибири (Флоринский, 1888: 135–136; Лубо-Лесниченко, 1975: 8; Кузнецова, 2002: 41).

Согласно современным данным, первые бронзовые зеркала Китая производятся синхронно с сибирскими образцами в период Чуньцю (VIII–V вв.). Также установлено, что высококачественные зеркала из белого металла, прославившие китайских мастеров, получают широкое распространение только в IV в. до н. э., в период Чжаньго (Стратонович, 1961: 49; Масумото, 2005: 295). В литературных источниках упорно проводится мысль о существовании в древности большом количестве белых зеркал. Так, например, исследователь и коллекционер А.Ф. Лихачев в 1870-е гг. писал по поводу находок в Поволжье: «Зеркальный сплав, от преобладания олова, получает темно-серый цвет, похожий на цвет стали, в силу чего зеркала иногда неправильно, называют булатными. Сплав этот весьма хрупок и потому очень редко встречаются зеркала в совершенной целости, но большею частью в обломках, разбитые, и в этом виде они попадаются весьма часто. Употребление их в Болгарии, по-видимому, было всеобщее, ибо их находят во всех местностях страны, где большие поселения или города, но всего больше они встречаются в самом Булгаре». Лихачев упоминает о наличии на отдельных образцах «надписей на арабском языке куфическим шрифтом. По шрифту надписей эти зеркала могут относиться к первым векам ислама...» (Флоринский, 1888б: 134–135). В музей томского университета фрагменты таких зеркал передал сам Флоринский, собравший их в 1870-е гг. на Булгаре. По контексту высказываний Фло-

ринского можно понять, что речь идет о китайских, арабских и местных средневековых зеркалах (1888б: 135).

Относительно сибирских пределов В.М. Флоринский приводит, вероятно, один из самых ранних документированных примеров находки белых зеркал. В своей работе он цитирует выдержку из книги енисейского губернатора Степанова «Енисейская губерния», где рассказывается о раскопках курганов, в которых было собрана коллекция, насчитывающая более 20 зеркал. При ее описании губернатор особо отметил самое выразительное зеркало, изъятое из могилы на его глазах: «Оно было вылито из хрупкой металлической смеси, имеющей вид платины, с превосходным барельефом, которого искусная обработка сделала бы честь новейшим временам (1888б: 136).

Вопрос о белом металле до сих пор актуален в контексте определения подлинности китайских образцов и центров производства их копий вне Китая. Следует заметить, что, судя по составу коллекций сибирских музеев из Южной Сибири, белые зеркала китайского типа за пределами метрополии встречались не столь часто как желтые. Точного объяснения этому пока нет. Однако естественнонаучные исследования рабочих поверхностей ряда зеркал показали на них следы серебряно-ртутной или свинцово-ртутной амальгамы, которую китайские мастера наносили для повышения качества отражения (Стратанович, 1961: 51). Таким образом, они, видимо, нашли более дешевую замену зеркалам со сложным составам белой бронзы. Зеркала с покрытием, возможно, смогли заменить зеркала из белого металла, которые, обладая высокими отражательными качествами, не были востребованы кочевниками именно с этой стороны. Зеркала для них были привлекательны совершенно по другой причине, на что указывают многочисленные находки в могилах желтых зеркал не способных давать качественное отражение. Несмотря на то, что в «варварском» окружении Китая производилось большое число реплик и имитаций с китайских оригиналов (Стратанович, 1961: 51; Лубо-Лесниченко, 1975: 11–13; Масумото, 1993: 251; Тишкин, 2005: 114), нет убедительных доказательств, что их использовали в качестве туалетных принадлежностей также как в самом Китае, Японии или в странах Средиземноморья. Поэтому учитывая сложные механизмы торговых и производственных процессов в Центральной и Северной Азии следует полагать вслед за нашими предшественниками, что часть из желтых зеркал музейного собрания может оказаться действительно китайскими с утраченной (стертой) амальгамой, а другие местными отливками из более доступного желтого сплава, который получали при утилизации бронзового лома вышедших из употребления предметов. Однако идентифицировать их и стратифицировать по производственным центрам использую только сравнительно-исторический или стилистический метод практически невозможно. Однако попытки изучения зеркал по формальным признакам всегда велись и представляют известный интерес.

Исследования и публикации «китайских» зеркал музейного собрания

В предшествующем разделе работы мы намеренно много внимания уделили китайским зеркалам. И наш интерес имеет основание, так как обусловлен первоочередностью подготовки к изданию именно этой части музейного собрания. В связи с та-

ким намерением рассмотрим степень изученности и введения в научный оборот данной категории предметов.

Зеркала китайского типа из МАЭС ТГУ являются достаточно стандартными и хорошо известными в литературе образцами, не обладающими какими-либо выдающимися характеристиками или параметрами (см. вклейку). Большая их часть находится в полном или слегка деформированном виде, меньшая представлена фрагментированными обломками. В собрании имеются женские зеркала с прямыми боковыми ручками и мужские образцы с ручками-петлями в центре диска. Подавляющее большинство зеркал имеет круглую форму. В наличии лишь один обломок предположительно квадратного экземпляра, а также фрагменты двух типов восьми лопастных зеркал и один фрагмент с фигурным краем неопределенной формы. Их диаметр варьирует в пределах 5,2–16,3 см. Самое крупное зеркало имеет max толщину 0,3 см. Высота бортиков у отдельных экземпляров достигает 1,1 см, а высота петли-ручки 1,3 см. Непритязательность настоящих образцов подчеркивается сообщениями о том, что известны экземпляры, достигающие в диаметре 25 и даже 52 см, толщины 1,3 см, а вес превышающий12 кг (Стратанович, 1961: 51; Томилин, 1998: 56). Такие крупные зеркала находим на японских гравюрах, показывающих в одном случае мастера за полировкой зеркала, а в другом – употребление металлического зеркала в дворцовом обиходе (рис. 1, 2)

Рис. 1. Мастер полирует бронзовое зеркало (по М. Томилину)

Рис. 2. Знатная дама, любующаяся отражением в бронзовом зеркале (по М. Томилину)

Первые исследования зеркал Археологического музея были проведены В.М. Флоринским, а их результаты изложены в «Примечаниях к описанию Археологического музея Сибирского университета» (1888б: 134–137, 140). Отсутствие на тот момент четких научно разработанных критериев систематизации, классификации и хронологии зеркал неизбежно обусловили ряд неточностей и заблуждений. Например, средневековые зеркала из Егозовского клада Флоринский именует «бронзовая, круглая плоская тарелочка» (1888а: 69), на основании, видимо, их отличия от китайского типа зеркал. Таким же путем исключен из разряда зеркал, фиал скифского времени, именуемый «медной крышкой с ручкой в виде табуретки» (1888а: 140).

Вместе с тем, на основе серьезного изучения источников и немногочисленной тогда литературы В.М. Флоринский получил интересные и во многом правильные результаты. В ходе исследования он разделяет зеркала на две группы, одна из которых, судя по его характеристике, включает именно зеркала с бортиками или образцы «китайского» типа, а вторая – пластинки с другим, «именно религиозным значением»

(1888б: 134). Где-то на интуитивном уровне исследователь понимал идейную близость эти групп, вследствие чего объединил их в одном разделе своей публикации под заголовком «Бронзовые зеркала и диски». Зеркала китайского типа Флоринский идентифицирует абсолютно верно, несмотря на то, что попеременно называет их «тарелочками», «дисками» и «зеркалами» (1888а: 69–70). Не обладая знанием о скифских зеркалах он, тем не менее, высказал предположение об их наличии в сибирских музеях, а также о возможности классификация при условии, «когда находки этого рода не будут случайными» (1888б: 136). Как становится понятным, ученый не ошибся в своем прогнозе, так как, описав «крышку с ручкой в виде табуретки», фактически изучил первое скифское зеркало в университетском музее. Очень важно, что Флоринский идейно объединил «егозовские диски» с зооорнитоморфными отливками (идолами) из того же клада и установил тем самым их сакральное единство. Также он правильно оценил семантику буддийского ритуала освящения воды с помощью зеркала, зафиксированного Степановым в Гусиноозерском дацане (Флоринский, 1888б: 136). Последовал совершенно верный вывод о том, что зеркало воспринимается сакральным предметом, а данный обряд имеет более древнюю природу, нежели буддизм (ламаизм) в рамках ритуалов которого применяется зеркало. Подтверждение существования такого обряда у ламаистов, а следовательно оценки Флоринским реального ритуала находим в содержательной статье М. Лавровой, посвященной зеркалам ханьского периода и увидевшей свет через 38 лет после публикации Флоринского (1926: 1).

В.М. Флоринского не оставил без внимания и важный вопрос о генезисе металлических зеркал. Особенно его занимал вопрос о возможности китайского происхождении бронзовых зеркал. Любопытное на этот счет замечание находим в его «Примечаниях...»: «Я скорее склонен думать, – писал он – что китайцы заимствовали свои металлические круглые зеркала из общего культурного центра при посредстве восточных скифов, или бактрийских греков, подобно тому, как к ним перешли из классической древности безмен (lancula, statera), счеты и многие другие предметы и понятия западного культурного мира». Здесь же он говорит о том, что бронзовые и серебряные зеркала знали римляне, украшавшие их чеканкой подобно этрускам, а также скифы, которые могли доставить образцы зеркал к другим народам (1888б: 135–136). Последним автор указывает на кочевые народы как на потенциальных распространителей и ретрансляторов идей и предметов больших земледельческих цивилизаций. Таким образом, В.М. Флоринский во многих своих выводах был прав, а его прозорливость ученого нашла реализацию в разработках последователей.

Следующим исследователем томских зеркал стал один из их собирателей И.П. Кузнецов-Красноярский. Как уже было сказано выше, его коллекция не была документирована полностью самим собирателем, что послужило в дальнейшем внесению путаницы в ее интерпретацию. Об изучении зеркал и подготовке их публикации в числе других предметов свидетельствует рукопись, к очередному его изданию, хронологически следующим за первым выпуском Минусинских древностей (Кузнецов-Красноярский, 1908). Возможно, это материалы для следующего выпуска, который должен осветить средневековый период истории Хакасско-Минусинской котловины. Автор подготовил идентичные по оформлению первому выпуску таблицы с иллюстрациями и описание к ним с теми, которые вошли в первый выпуск. Рисунки 6

зеркал предположительно из томского музея и аннотации к ним помещены на таблице VII. Автор так описывает свой материал:

Рис. 1. Зеркало красноватой бронзы, окись зеленая, литье грубоватое. С. Абаканское.

Рис. 2. Зеркало красной меди, окись зеленая и темная, литье грубоватое. С. Бейское.

Рис. 3. Зеркало из желтой бронзы, окись темно-зеленая блестящая, литье посредственное. С. Стар. Идра.

Рис. 4. Зеркало из красной меди, окись зеленая и темная, частью очищена находчиком, литье посредственное. С. Аскыское.

Рис. 5. Зеркало из красноватой бронзы, окись темно-зеленая блестящая, литье довольно хорошее. С. Бейское.

Рис. 6. Зеркало из красной бронзы, литье посредственное. Минусинский уезд. Велич. 9/10.

В примечании к таблице кратко характеризуются сами зеркала, их патина, материал и качество отливки, место находки. Кузнецов писал: «Зеркала, обычно в виде разной величины дисков, с одной стороны гладкие с другой снабженные ушками, петельками, более или менее высокими ножками нередко украшенные разным орнаментом и с фигурами животных встречаются довольно часто; зеркала, имеющие сбоку петли или фигурные ручки или самый диск которых украшен орнаментом, попадаются значительно реже. Эти представители домашнего обихода употребляются не только женщинами, но и мужчинами. Зеркало схожее с изображением 3, табл. VII, я нашел при раскопках ящико-образных могил в долине р. Абакана (см. «Отчет о раскопках», табл. IV, рис. 5, Томск, 1907), вероятно, женских, а И.Т. Савенков нашел зеркало в могиле мужского погребения, в долине р. Узун-Жула (Минусинские древности. В. I, рис. 4–6 на таблицах в середине текста). Зеркала при раскопках находили и другие исследователи нашего края («Путешествие на Алтай и за Саяны» г. Адрианова. Омск, 1888. С. 18; Радлов В.В. Сибирские древности / Пер. А.А. Бобринского. С. 13, 26).

Среди тюрко-монгольско-китайских древностей зеркала (преимущественно китайской работы) обыкновенно многочисленны, в виде разной величины дисков, находят иногда 4-угольные и 6-угольные зеркала, из разных сплавов, обыкновенно с петлями или с ушками на одной стороне по средине дисков, но встречаются и с боковыми ушками. Диски зеркал со стороны ушков украшены разным орнаментом, изображениями разных животных, сценами из китайской мифологии, китайскими письменами; в общем, зеркала весьма хорошего литья и не редко художественной работы. Нередки также среди случайных находок зеркала китайской работы из беловатого, серебристого сплава». В сжатой деловой справке автор демонстрирует хорошее знание разных практических аспектов и библиографии темы. Как и другие авторы, он отмечает, что данные зеркала преимущественно китайского изготовления, имеют варианты фигурной формы, отличаются хорошим качеством декоративной отделки, одинаково использовались женщинами и мужчинами, относятся к средневековому периоду. К общей характеристике добавляет сведение о находках зеркал из белого сплава.

В советское время зеркала изучались спорадически по мере их поступления в музейное собрание. Самостоятельное исследование средневековых китайских зеркал провел в двух публикациях известный востоковед А.В. Маракуев, волею судьбы оказавшийся в Томске в 1940-е гг. (1946; 1947). Им были изучены китайские бронзы из захоронений басандайского могильника, среди которых имелось два зеркала, целое и фрагментированное. Следует заметить, что автор дал не только развернутое их описание, но и убедительную искусствоведческую характеристику с датировкой в пределах периода Тан – VII–VIII вв. н. э. Оба экземпляра однотипны, изготовлены из белой бронзы, на фрагменте имеется отверстие для шнурка. Как отмечает Маракуев: «Употребление фрагментов зеркал... чрезвычайно характерно для Сибири, оно связано в первую очередь, с особой ценностью для ее народов привозных изделий и трудностью замены разбитого зеркала новым. В Сибири, так же как и во всей Азии, ломали зеркала и намеренно: на память друг о друге при разлуке родственников, любовников и супругов, или чтобы удостоверить личность секретного посланца, который прикладывал данный ему в дорогу фрагмент зеркала к части, имевшейся у адресата... В Сибири известны и специально отлитые небольшие зеркальца фрагментарного вида» (1946: 149; 1947: 171). К сожалению, не вышла в свет задуманная ученым работа под заглавием «Китайская бронза в археологическом музее Томского университета», в которой автор смог бы показать весь спектр возможностей бронзовых зеркал в качестве исторических источников.

В 1970-е гг. изучением музейных зеркал занимался крупный исследователь Е.И. Лубо-Лесниченко, включивший 35 средневековых зеркал музея в свою широко известную монографию (1975). Данное издание представляет собой многостороннее исследование, результатом которого стала подробная классификация и хронологическая стратификация собрания. Кроме того, в приложении к работе были опубликованы результаты изучения вещественного состава сплавов с использованием естественнонаучных методов. Автор также подошел к решению старой проблемы поиска критериев для типологии зеркал. Предложенный ранее вариант деления по сюжетам (Лаврова, 1926) не был удобен, так как требовал от исследователя хорошего знания сюжетов сложной и обширной китайской мифологии. Автор выступил с новым вариантом классификации, в основу которой положил одновременно на хронологию и сюжеты (1975). Исследователь разделил все зеркала на 6 хронологических групп: 1) V–III вв. до н. э.; 2) эпохи Хань; 3) раннее Средневековье, VIII–IX вв.; 4) развитое средневековье, XI–XIII вв.; 5) позднее средневековье, XIII–XVI вв.; 6) копии. Внутри каждой из групп автор произвел разделение по видам орнаментации. В книгу вошли не только китайские зеркала музея, но и арабское зеркало XII–XIV вв.

В 1970–1990-е гг. историко-сравнительные исследования зеркал, поступивших в музей после посещения Лубо-Лесниченко и выхода в свет его работы, проведились Л.М. Плетневой и О.Б. Беликовой. Оба исследователя изучали находки, сделанные в ходе собственных полевых исследований и стремились использовать их для решения более широких вопросов касающихся конкретных археологических памятников. Главным образом исследования шли в хронологическом диапазоне.

Следующим специализированным исследованием музейных зеркал стала работа, проведенная одним из авторов, археологом Отдела образования администрации

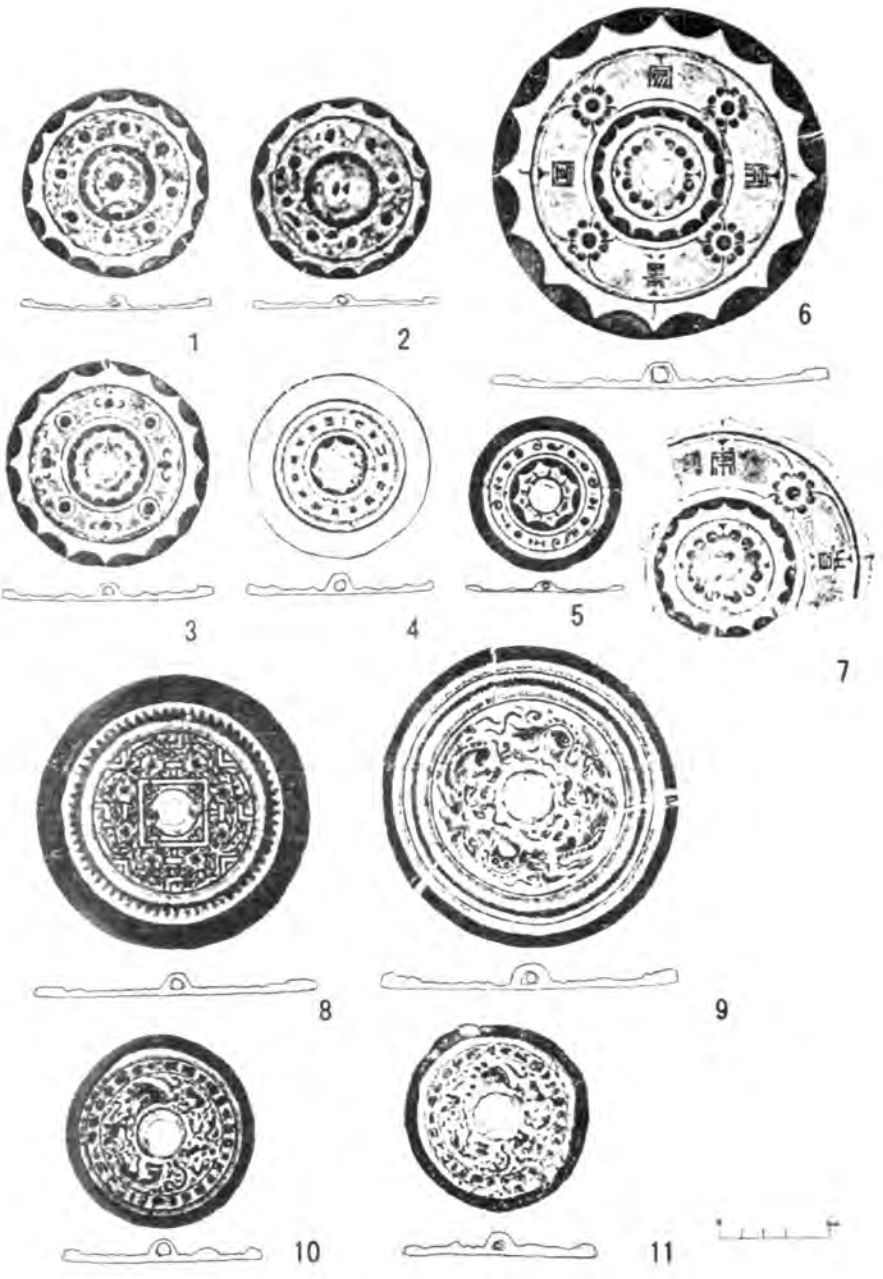
префектуры г. Осака (Япония) Тэцу Масумото. В 1995 г. им было изучено 50 зеркал: 21 из числа ранее опубликованных Е.И. Лубо-Лесниченко, 25 не упомянутых последним и 4 из раскопок Л.М. Плетневой и О.Б. Беликовой. Исследованные экземпляры были подвергнуты фото и графической фиксации, а также сюжетному и хронологическому анализу. В результате получены хронологические и сюжетные определения для новых зеркал, а также откорректированы данные Е.И. Лубо-Лесниченко и томских исследовательниц. По результатам Масумото только одно из изученных зеркал датируется VI–VII вв. н. э. и еще несколько относятся к началу XX в. или к концу танской эпохи. Преобладающая же часть экземпляров является копиями или подражаниями китайским образцам, например, очень эффектным ханьским оригиналам или же танским, цинским и суйским образцам. Основная масса имеющихся подделок произведена в XII–XVII вв. н. э. (табл. 1–5). Однако наряду с подделками среди них имеются зеркала характерные только для этого времени. Насколько они подлинны, покажут дальнейшие исследования.

Таблица 1

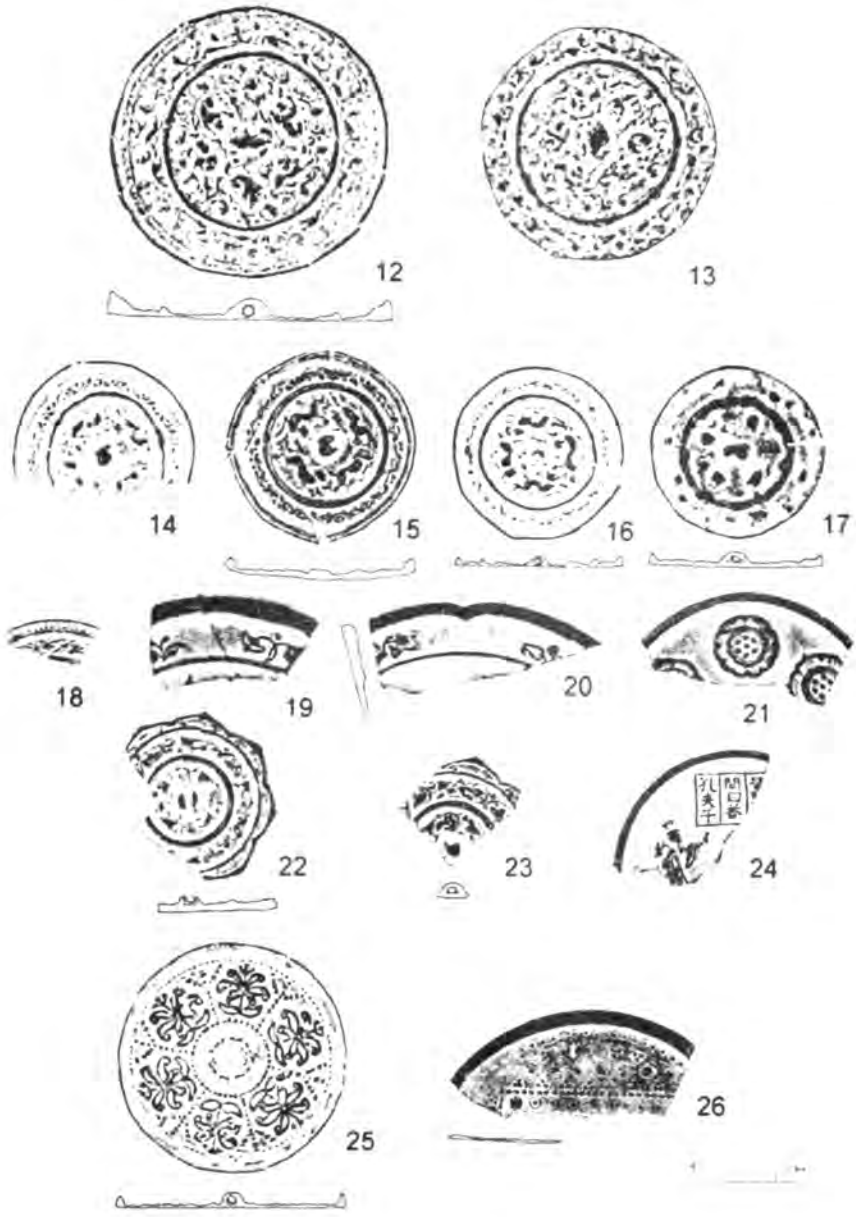
Определения китайских зеркал МАЭС ТГУ выполненные Т. Масумото

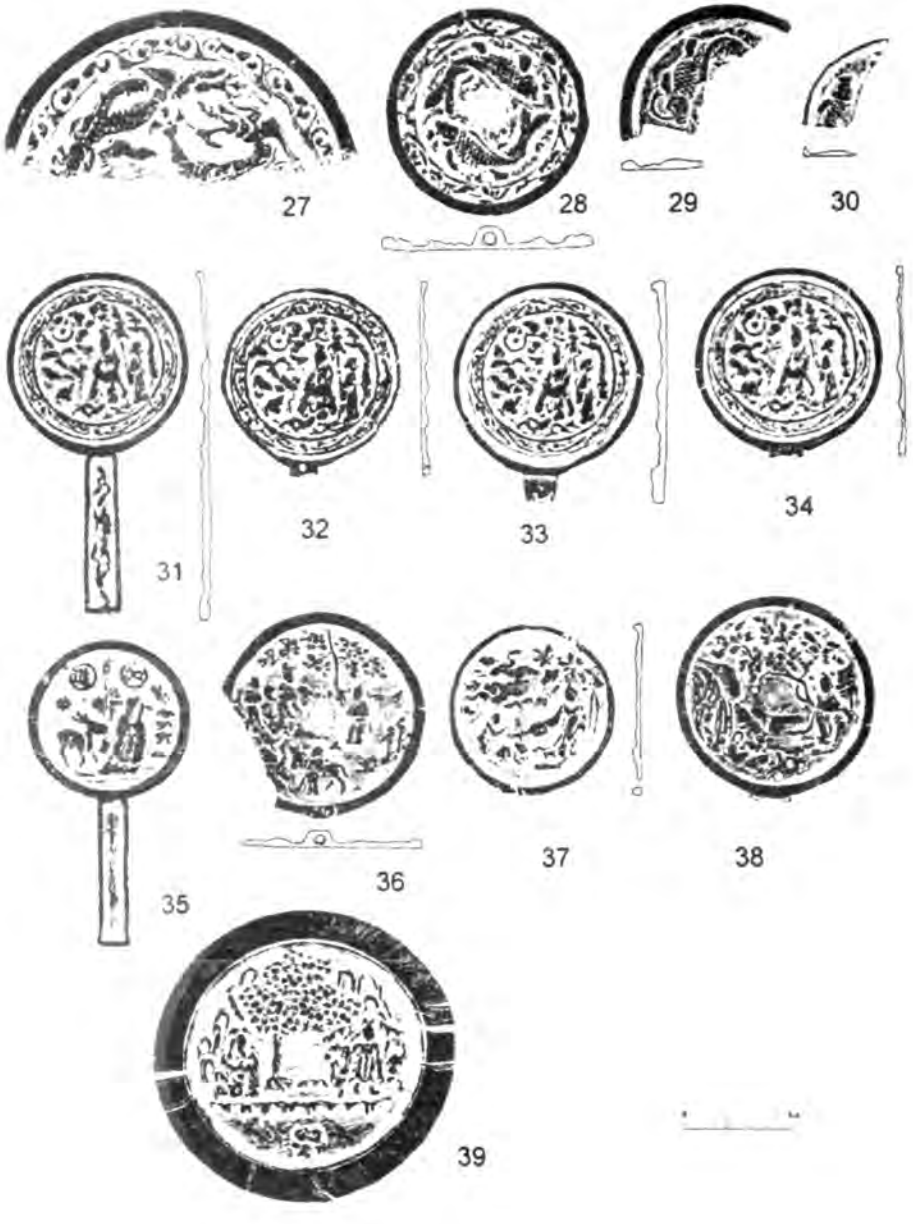
№ пп	Название зеркал	Эпоха отливки	Датировка
1	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
2	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
3	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
4	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг и иероглифической надписью «Чжао мин»	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
5	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг и лентой с иероглифической надписью «Жи гуан»	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
6	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг и лентой с иероглифической надписью «Цзячан гуйфу»	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
7	Копия ханьского зеркала с изображением продолжающихся дуг и лентой с иероглифической надписью «Цзячан гуйфу»	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
8	Копия ханьского зеркала типа бо-цзюй (доски игры в «го») с изображением четырех богов	Мин	XV – первая половина XVII вв.н.э.
9	Копия ханьского зеркала с изображением четырех драконов	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
10	Копия ханьского зеркала с изображением тигра и драконов с надписью «Цингай»	Цзинь	XII – первая половина XIII вв. н.э.
11	Копия танского зеркала с изображением Суаньни (древнее название льва) и винограда	Цзинь-Мин	XII – первая половинаXVII вв. н.э.
12	Копия танского зеркала с изображением Суаньни (древнее название льва) и винограда	Цзинь-Мин	XII – первая половинаXVII вв. н.э.
13	Копия суйского зеркала с изображением четырех Суаньни и надписью Шан (на петле-ручке)	(Северный) Сун	Середина XX в. – начало XII в. н.э.
14	Копия сунского зеркала с изображением четырех Суаньни	После Цзина	
15	Копия сунского зеркала с изображением четырех Суаньни	После Цзина	
16	Копия сунского зеркала с изображением четырех Суаньни	После Цзина	
17	Грубо обработанная местная копия сунского или танского зеркал вариантов № 12–16	После Цзина	
18	Зеркало с изображением вьющихся ветвей винограда	Конца шести династий – начало танской эпохи	Конец VI – начало VII в.

19	Зеркало с изображением цветков и птиц	Конца Танской эпохи – Сунская	Начало X в. – начало XII в. н.э.
20	Зеркало с изображением цветов и птиц	Конца Танской эпохи – Сунская	Начало X в. – начало XII в. н.э.
21	Зеркало с изображением цветами Бао	Конца Танской эпохи	Начало X в. н.э.
22	Зеркало с изображением воробьев цветов и ветвей.	Конца танской эпохи	Начало X в. н.э.
23	Копия зеркала № 22	Конца танской эпохи – Сунская эпоха	Начало X в. – начало XII в. н.э.
24	Копия танского зеркала с изображением сцены диалога Конфуции и Жун Цици	Конца танской эпохи-Сунская эпоха	Начало X в. – начало XII в. н.э.
25	Зеркало с изображением древовидного пиона	Конца ляоской эпохи – начало цзиньской	Начало XII в. – начало XIII в.н.э.
26	Зеркало с изображением продолжающихся точек на фоне орнамента черепашьего панциря	Середина ляоской эпохи	XI в.н.э.
27	Зеркало с изображением цветов, ветвей и двух драконов расположенных по окружности	Цзинськая и юаньская	XII–XIV вв. н.э.
28	Зеркало с изображением двух карпов по окружности	Цзиньская	XII в. н.э.
29	Зеркало с изображением двух карпов по окружности	Цзиньская	XII в. н.э.
30	Зеркало с изображением двух карпов	Сунская-Цзиньская	XI–XII вв. н.э
31	Зеркало с изображением отшельника с черепахой и журавлем	Цзиньская	XII в. н.э.
32	Зеркало с изображением отшельника с черепахой и журавлем	Цзиньская	XII в. н.э.
33	Зеркало с изображением отшельника с черепахой и журавлем	Цзиньская	XII в. н.э.
34	Зеркало с изображением отшельника с черепахой и журавлем	Цзиньская	XII в. н.э.
35	Копия цзиньского зеркала с изображением человека с журавлем, оленем, рыбами и черепахой	Цзиньская	XII в. н.э.
36	Зеркало с изображением сцены из легенда Лю И	Цзиньская	XII в. н.э.
37	Зеркало с изображением феи и журавля	Цзиньская	XII в. н.э.
38	Зеркало с изображением прислуги, любующейся рыбами	Цзиньская	XII в. н.э.
39	Зеркало с изображением мудрецов-анахоретов Хи Сюй и Чао Фу	Цзиньская-Минская	XII – первая половина XVII вв. н.э.
40	Копия цзиньского зеркала с изображением павлина и летающих птиц	Цзиньская (или второая половина эпохи Когурё)	XII в. н.э. (XII–XIV вв. н.э.)
41	Зеркало с изображением двух счастливых птиц Хо-о	Суньская или Когурёская	Вторая половина XII–XIV вв. н.э.
42	Копия сунского зеркала с надписью Чан-мин фу-гуй	Цзиньская-Юаньская	XII–XIV вв. н.э.
43	Зеркало с изображением морской волны и драконов	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
44	Зеркало с изображением морской волны и драконов	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
45	Зеркало с надписью Чан-мин фу-гуй	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
46	Зеркало с надписью Вэй-шань цзуй-лэ	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
47	Зеркало с изображением драконов и надписью Цзы-хоу	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
48	Зеркало с надписью Чжун-мин	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
49	Миниатюрное зеркало с шнуровым кольцом	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.
50	Миниатюрное зеркало без орнамента	Минская	XV – первая половина XVII вв.н.э.



* Здесь и далее зеркала, изученные Т. Масумото (см. табл. 1).


12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26


27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

Расхождения, наметившиеся в результатах исследований 1970-х и 1995–2000-х гг. требуют более тщательного изучения целого комплекса вопросов с использованием естественнонаучных исследований. Особенно это важно при решении проблемы оригиналов и копий, амальгамирования, вещественного состава белых и желтых зеркал, установления технологий литья и отделки, выявления центров производств. Кроме того, необходимо использовать физические методы для выдвижения на новые рубежи семантического осмысления зеркал, что, например, обозначено в работе М. Томилина «Магические зеркала» (1998). Здесь автор рассматривает особенные оптические свойства отдельных китайских зеркал, которые в древности и в средневековье оценивались именно с сакральной точки зрения. Магия и практика зеркал шли рука об руку вплоть до недавнего прошлого, о чем говорят многочисленные примеры их употребления в буддийских и шаманских ритуалах. Помимо того, что зеркала передают изображения, китайцы давно усвоили, что вогнутые зеркала фокусируют солнечные лучи и создают поток энергии способный создать огонь. Так появились зажигательные зеркала. В медицинском трактате Ли Ши-чжэня записано: «Огонь, используемый при прижиганиях, следует получать непосредственно от солнца с помощью солнечного зеркала...» (Гроот, 2001: 28). При эмпирических знаниях производимых физических эффектов, но не законов их создающих, предметы производящие эти эффекты превращались в сакральные инструменты-медиаторы для общения со сверхъестественными силами. Осмысление этих процессов в обыденном или профанном ракурсе было уделом не многих. Большая часть наблюдателей воспринимала все эти эффекты в форме проявления магических сил.

Магия зеркал вовсе не праздный вопрос. Получив на него ответ, мы приобретаем ключ к решению того важного вопроса, который ставили перед собой старые исследователи, отмечая большое количество зеркал у полудиких кочевников. Зачем они номадам, которые определенно не использовали их в качестве туалетных принадлежностей? Близко к этой теме стоит проблема желтых зеркал, которые не дают требуемого отражения. Как исключение в последнем случае могут быть полезны лишь амальгированные экземпляры но вновь не ясно каково их число в общей массе желтых зеркал и насколько они были эффективны в плане передачи изображений.

Коснувшись проблемы сакральной роли зеркал в древних и традиционных обществах Евразии, невольно приходится начинать с изучения отдельных сторон традиционного китайского мировоззрения. А если точнее, то с особых разделов так называемой китайской народной религии, вобравшей в себя догматы и пантеон божеств из древнекитайской религии, даосизма и буддизма (Грубе,1912: 204). Представления, породившие невероятное число богов и духов, имевшихся в каждом живом и неживом объекте, выстроило сложную иерархию взаимоотношений с ними, то есть систему разного рода обрядов и ритуалов. Считалось, что среди множества невидимых существ большую опасность представляли те, которые в силу разных причин желали или могли навредить человеку. Это демоны, с которыми китайцы издревле ведут войну с помощью обрядов экзорцизма. Но кроме заклинаний для отвращения демонов уже в древности начинают использовать материальные предметы. В ряду необходимых апотропеев, противостоящих демонам, непременно упоминаются *цзин*, или бронзовые зеркала. Как пишет В.В. Малявин: «По всему Китаю верным средством от злых

духов слыли яркий свет и громкий звук,...зеркало и меч...» (2001: 239). В чем сила зеркал ученый, видимо ответил в своей последней фразе, где зеркало соседствует с ярким светом. Отражение солнечных лучей также опасно для демонов, как и собственно свет солнца. А громкий звук, который способно произвести зеркало при ударе по нему металлическим предметом – это еще один сильный апотропей, обусловленный магией самого металла, направленной против злых сил. Дж.Дж. Фрезер писал в свое время, что антипатия духов к металлу дает в руки человека оружие, которое он может обратить против них. И человек обратил его в виде зеркал, объединивших в себе магические силы красного или желтого (солнечного) металла, силу света и силу звука, способность проявлять или отражать в себе изображения.

Магическим свойствам зеркал посвятил целый раздел своего фундаментального труда синолог Я.Я.М. де Гроот (2001: 86-91), который рассмотрел чудодейственные способности зеркал, позволявшие увидеть злобных призраков *мэй*, демонов, маскирующихся в облики людей и животных, познать способы излечения светом, отраженным зеркалом и другие приемы борьбы со злыми духами. В заключении автор резюмирует: «Чудесная сила зеркала – это на самом деле его способность разоблачать призрака, выявлять его истинное обличье...» (2001: 90).

Вполне очевидно, что надобность в зеркалах отвращающих злые силы существовала не только в Китае, но имелась у многих народов, знакомых со злыми духами и магией цветных металлов. Следствием таких знаний объяснимо присутствие зеркал-дисков в погребениях эпохи бронзы, а затем у кочевых племен степной зоны и даже народов северной тайги. Причем одинаково у мужчин и женщин. Ценность зеркал и даже их фрагментов хорошо иллюстрируется рядом находок. Например, обломок белого зеркала из Елыкаевского клада настолько долго использовали в его фрагментированном виде, что совершенно загладились некогда острые края по линии разлома. Употребить данный фрагмент в целях иных, нежели как магические, было бы весьма сложно. О том же непрофанном употреблении свидетельствует его присутствие среди сакральных предметов клада, некогда являвшегося группой приношений на священное место. Видимо, для этого же разряда оберегов изготавливались зеркала обломочных форм, о которых писал в своей работе А.В. Маракуев.

Помимо упомянутого обряда освящения зеркалом воды в ламаистском дацане, то есть изгнания из нее злых сил, следует вспомнить о сибирских шаманах широко применявших древние зеркала в своей практике (Масумото, 2002: 153). В частности ими оснащались шаманские костюмы, которые несли на себе знаки духов помощников шамана в его борьбе со злыми силами. В связи с последним очень интересно замечание Т. Масумото, который писал: «...Возможно, что именно шаманские потребности инициировали переливку китайских зеркал в Сибири» (2002: 155).

Семантика зеркал в противостоянии демонизму проявляется достаточно устойчиво во многих древних и традиционных обществах и в целом может отличаться лишь деталями, отработка которых лишь вопрос времени. Вместе с тем остается много открытых вопросов другого порядка. И, прежде всего, вопросов классификации и типологизации зеркал в хронологическом, стилистическом и культурно-историческом аспектах.

Литература

Матющенко В.И., Яковлева Л.С., Гусев С.П., Скрипкина Л.М. Описание фондов. Вып. 1: Археологический отдел // Архив МАЭС ТГУ. № 157.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996.

Боброва А.И. Письмо из средневековья // Земля верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию Верхнекетского района. Томск, 1997.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: к вопросу о внешних связях древнего поселения Южной Сибири. М., 1975.

Гроот Я.Я.М. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае. М., 2001.

Грязнов М.П. История древних племен Нижней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л, 1956.

Дульзон А.П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.

Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1983.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. М., 1952. Вып. 24.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002. Вып. 3 (11).

Кузнецов-Красноярский И.П. Минусинские древности: Медно-бронзовый век и переходный периоды. Томск, 1908. Вып.1.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. 1.

Лаврова М. Китайские зеркала Ханьского времени // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. IV, вып. 1.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего поселения Южной Сибири). М., 1975.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.

Маракуев А. В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.

Маракуев А.В. Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1946. Вып. III.

Масумото Т. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2.

Масумото Т. Китайские зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. 2.

Масумото Т. К вопросу о шаманских зеркалах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

Ожередов Ю.И. Археология и этнография Алтая в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, 2003.

Ожередов Ю.И. Страницы 115-летней истории Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (досоветский период). Томск, 1998.

Ожередов Ю.И. Томская ойкумена // Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2004.

Окладников А.П. Бронзовое зеркало // Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1948.

Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 1950. № 13.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточноазиатский этнографический сборник. М., 1961. Т. LXXXIII, вып. 2.

Стратанович Г.Г. Книга о древнем искусстве китайских мастеров художественного литья, чеканки и гравировки металла // СА. 1960. № 1.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006. № 4.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Томилин М. Магические зеркала // Фотомагазин. 1998. № 6.

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888а.

Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1890.

Флоринский В.М. Второе прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1898.

Флоринский В.М. Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888б.

Чернова И.В. О поступлении коллекции М.В. Миловзорова в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ// Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1.

Яковлев Я.А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992.

The ancient culture of Eurasian steppe. Seoul. Korea, 2005.

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ РУК НА ПОЗДНЕКУЛАЙСКОЙ КЕРАМИКЕ САРОВСКОГО ГОРОДИЩА*

Л.В. Панкратова
г. Томск

На керамической посуде, обнаруженной в западно-сибирских археологических памятниках, часто можно видеть отпечатки пальцев мастеров, лепивших посуду или украшавших её орнаментами. Изучением узоров, образуемых линиями кожи на подушечках пальцев, занимается дактилоскопия, получившая широкое применение в криминалистике. Метод дактилоскопического анализа основан на том, что каждый человек имеет только одному ему присущий рисунок этих линий, сохраняющийся всю жизнь. Узор на подушечках пальцев называется папиллярным (Словарь... 1964: 189, 471). Следы пальцев гончаров выявлены, в частности, на внутренней поверхности ряда позднекулайских сосудов, обнаруженных на Саровском городище.

Саровское городище вместе с Саровским культовым местом образуют комплекс археологических памятников, расположенный в Колпашевском районе Томской области на правой террасе речки Большой Саровки – правого притока р. Оби, в восточной части д. Саровки. Городище занимало береговой мыс высотой до 5 м. Памятник открыт в 1957 г. А.К. Мергасовым. Исследовалось в 1971–1974, 1976 гг. Л.А. Чиндиной, вскрывшей 350 кв. м большей части укреплённой площадки памятника (Чиндина, 1978; Чиндина и др., 1990: 85–86; Яковлев, 2001: 130–131). Городище возникло на саровском этапе развития кулайской культуры (II в. до н. э. – V в. н. э.) на месте поселения васюганского этапа культуры, до появления которого участок обживался в эпоху ранней бронзы. Керамический комплекс Саровского городища является наиболее представительным для позднего этапа кулайской культуры не только в Нарымском Приобье, но и во всей Западной Сибири.

Целью работы является публикация результатов дактилоскопического анализа отпечатков рук, оставленных древними мастерами на поверхности сосудов, и определение познавательных возможностей данной характеристики источника при современном уровне развития методики исследования папиллярных линий.

Исходя из возможностей дактилоскопии, можно определить количество индивидов, оставивших следы на воспринимающей поверхности, определить следы, оставленные одним лицом на разных объектах, провести половую, а иногда и возрастную, идентификацию лиц.

Для изучения в массиве керамики Саровского городища экспертом по вопросам дактилоскопии Управления внутренних дел г. Томска О.И. Гончаровым были отобраны фрагменты от 12 разных сосудов с наиболее чёткими и достаточно большими отпечатками пальцев на внутренней поверхности позднекулайских сосудов

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-00103а.

(рис. 1, 2, на вклейке). Дактилоскопическое исследование объёмных следов ногтевых фаланг пальцев рук проводилось О.И. Гончаровым визуальным методом в косо падающем свете и микроскопическим методом с использованием дактилоскопических луп с десятикратным увеличением. Изображения фрагментов сосудов получены с использованием цифровой фотокамеры «Olimpus» и программного обеспечения Fotofinish. Изображения папиллярных узоров получены с использованием Web-камеры Philips Vesta Camera (Архив МАЭС ТГУ. № 1282).

В результате исследования установлено, что изучаемая выборка отпечатков папиллярных линий характеризуется отсутствием совокупности признаков, которая необходима для достоверной идентификации лиц, оставивших следы на керамике. В силу особенностей следовоспринимающей поверхности (технологические приёмы обработки внутренней поверхности посуды саровского типа кулайской культуры – так называемые расчёсы и плохое отображение следовоспринимающей поверхности) удалось зафиксировать от 1 до 4 признаков папиллярных узоров. Оценка отпечатков пальцев проводилась по следующим параметрам:

– угол наклона папиллярного узора;

– количество папиллярных линий на 0,5 см;

– тип, вид папиллярного узора;

– направление и крутизна потоков папиллярных линий;

– отобразившиеся участки папиллярного узора;

– количество папиллярных линий от центра дельты до центра папиллярного узора;

– количество и значимость отобразившихся частных признаков.

Данные параметры приведены в таблице результатов дактилоскопического исследования папиллярных узоров (табл. 1). Следует учитывать, что все вычисления и полученные выводы основаны на методиках, разработанных во второй половине XX в. для человека с современными антропометрическими характеристиками.

Папиллярные линии на ногтевых фалангах пальцев рук имеют наиболее сложное строение. Они состоят из двух или трёх потоков. Первый из них (проксимальный, или базисный) расположен у сочленения ногтевой и средней фаланг и пересекает подушечку пальца параллельно сгибательной складке. Второй (центральный) поток папиллярных линий носит название внутреннего рисунка. Он располагается в центральной части подушечки, но имеется не во всех узорах. Третий поток (дистальный) начинается на одном крае подушечки и, огибая внутренний рисунок, заканчивается на противоположном крае (Дактилоскопическая экспертиза... 1990: 9, 10). Выделяют несколько типов папиллярных узоров в зависимости от составляющих их потоков, хотя между исходными типами лежит большое число переходных. Первый тип характеризуется как простые *дуговые узоры*. Они образованы двумя потоками папиллярных линий – проксимальным (базисным) и дистальным. Последний начинается у одного края подушечки, поднимается вверх (дистально) и оканчивается на противоположном крае. По форме такой узор напоминает дугу, отчего и называется дуговым. *Завитковые узоры* состоят из трёх потоков папиллярных линий: базисного, центрального и дистального. Центральный поток образует конфигурацию в виде колец, эллипсов.

Таблица 1

Результаты дактилоскопического исследования папиллярных узоров ногтевых фаланг, отпечатавшихся на позднекулайской керамике Саровского городища

№ сосуда (рис. 1, на вклейке)	Коллекционные номера фрагментов сосудов	Количество выступов	Количество значимых выступов	Отобразившиеся участки	Количество отобразившихся признаков	Угол наклона папиллярного узора	Вероятное количество папилляров от центра до дельты	Расположение потоков	Число папилляров на 0,5 см	Примечания
1	САГ-74, жил. 5, № 481	12	1	Верхние потоки	2	–	–	От края до края	11–1	–
2	САГ-76, № 867, № 1513	5 4	1 –	Левая петля Левая петля	4 1	145 –	– –	Ножка петли Центр – правая дельта	11–12 11–12	–
3	САГ-74, жил. 5, № 875	5	2	Левая петля	4	–	–	Район правой дельты	11–13	–
4	САГ-7046, № 397 сб.	8	3	Левый угол	2–3	100–115	>10	Центр – правая дельта	11–12	На правом выступе возможен завиток
5	САГ-76, № 710	3	3	–	5–6	100–110	<10	Центр – правая дельта	11–12	Возможен завиток
6	САГ-76, № 570	9	3	–	4–7	100–110	>10	Центр – правая дельта	12–15	–
7	САГ-76, № 1794	12	1–2	Левый угол	2–3	100–110	<10>	Центр – правая дельта	11–14	–
8	САГ-76, № 1249, № 579	5 3	1 0	Левый угол Левый угол	2 –	130–145 –	– –	Правая дельта –	– –	–
9	САГ-76, № 940	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10	САГ-7046, № 529 сб.	14	–	–	–	–	–	Центр	–	Возможен завиток
11	САГ-76, жил. 7, № 1448	3	–	Верхний поток	2–3	–	–	Правая часть	12–14	–
12	САГ-76, № 1616	11	2–3	Верхний поток	4–5	–	–	Правя часть	13–15	–

Его огибает дистальный поток, который на краях подушки примыкает к базисному потоку. Третий тип узоров называется *петлевым*. Он также образован тремя потоками линий, а своё название получил по форме центрального потока, имеющего форму петли. Петли, в свою очередь, представлены подтипами внутренних (радиальных) и внешних (ульнарных). Реже прочих встречается тип *составных папиллярных узоров*, которые включают в себя элементы дуги и петли или петли и завитка (Дактилоскопическая... 1990: 10, 11, 35–37).

Для количественного определения лиц, оставивших следы ногтевых фаланг пальцев на фрагментах сосудов, исследование проведено по нескольким признакам.

По углу наклона папиллярных линий выделены две группы сосудов. Первую группу составляют сосуды, угол наклона папиллярных линий на которых составляет 130–145° (сосуды 2 и 8) (см. рис. 1, 2, на вклейке). На этой посуде прослеживаются ульнарные петлевые узоры с ножкой петли, направленной влево. Исходя из механизма следообразования установлено, что отпечатки оставлены левой рукой. Следы рук, оставленные на этих сосудах, могут принадлежать одному лицу. Вторую группу составляют фрагменты сосуда 6 (рис. 1, 2), на которых угол наклона папиллярных линий составляет 110°. Исходя из выше изложенного можно заключить, что следы рук, оставленные на сосудах этих двух групп, принадлежат разным лицам.

По *количеству папиллярных линий на 0,5 см* отпечатка пальца выделяются фрагменты, содержащие отпечатки с 12–15 линий на 0,5 см (сосуды 6, 7, 11, 12) (см. рис. 1, 2, на вклейке); фрагменты с 11–12 линий на 0,5 см (сосуды 1, 2, 3, 4, 5) (рис. 1, 2); фрагменты, количество линий на которых установить не представляется возможным (сосуды 8, 9, 10) (рис. 1, 2). Данные наблюдения позволяют предположить, что следы пальцев рук оставлены минимум двумя индивидами.

По *типовой принадлежности папиллярного узора* выделяются сосуды со следами завитковых узоров и левым петлевым узором. По статистике завитковые с внутренним расположением дельты[1] узоры чаще встречаются на левой руке. Возможно, их оставило одно лицо. Исходя из этого наблюдения, следы пальцев на сосудах 4 и 5 могли быть оставлены одним человеком (см. рис. 1, 2, на вклейке). Следовательно, эти сосуды должны быть выделены из большой группы сосудов, дифференцированных по количеству папиллярных линий на 0,5 см, в отдельную группу. Таким образом, минимальное количество лиц, оставивших следы увеличивается до трёх человек. По левым петлевым узорам близки сосуды 2, 3 и 7 (рис. 1, 2 на вклейке). Кроме того, как отмечает О.И. Гончаров, эти сосуды близки по количеству папиллярных линий на 0,5 см (11–12 и 11–14 линий; см. табл. 1). То есть данные следы также могли быть оставлены одним лицом.

По *механизму следообразования* интерес вызывают три сосуда (1, 11 и 12), на которых отобразились группы следов, образованных верхними потоками папиллярных линий пальцев левой руки (см. рис. 1, 2, на вклейке). В относительно большой степени можно утверждать, что данные следы могли быть оставлены одним лицом по причине профессиональной привычки прижимать названные участки пальцев к поверхности изменяемого объекта. Однако не исключена возможность

[1] Дельта – конфигурации папиллярных линий, образуемой в месте схождения трёх потоков папиллярных линий.

перемены используемых участков пальцев в силу их усталости. Использование именно этих участков фаланг может быть также результатом применения групповых профессиональных навыков. На остальных сосудах отобразились иные участки пальцев, расположенные от правой дельты до центральной части папиллярного узора.

Интересен факт распределения *количества папиллярных линий между дельтой и центром папиллярного узора*. На четырёх сосудах прослеживается вероятность их грубого подсчёта. Вместе с тем, в двух случаях с вероятным завитковым типом узора их количество разнится: в одном случае – менее 10 папиллярных линий, в другом – более. На этом основании можно предположить, что фрагменты с завитковым типом узора оставлены всё же разными лицами, поскольку имеется небольшая вероятность наличия у одного лица папиллярных узоров с относительно разным количеством папиллярных линий между дельтой и центром узора (сосуды 4 и 5) (см. рис. 1, 2 на вклейке).

Иначе говоря, на основании анализа нескольких параметров отпечатков папиллярных линий на внутренней поверхности керамических сосудов (табл. 2), можно предположить, что сосуды 2 и 3 были изготовлены одним мастером (лицо 1) – совпадение результатов исследования пары признаков. Одним мастером, возможно, вылеплены сосуды 11 и 12 (лицо 2) – совпадение результатов по двум признакам. По количеству папиллярных линий на 0,5 см и по типовой принадлежности папиллярных узоров сосуды 4 и 5 были изготовлены одним гончаром. Однако по количеству папиллярных линий между дельтой и центром папиллярного узора, отпечатки пальцев на сосудах 4 и 5 отличаются и не могут принадлежать одному лицу (лицо 3 и лицо 4). Из выше изложенного также следует, что для определения количества индивидов, участвовавших в изготовлении керамической посуды совпадения результатов исследования по паре признаков недостаточно и необходимо учитывать как можно большее количество параметров. В целом можно заключить, что исследованные сосуды были вылеплены не менее чем четырьмя мастерами, что не исключает вероятности того, что каждый из сосудов имел своего изготовителя.

Таблица 2

Группы сосудов, выделенные по результатам исследования папиллярных линий ногтевых фаланг, отобразившихся на керамике Саровского городища

Исследованные параметры папиллярных линий	Группа 1	Группа 2
По углу наклона папиллярных линий	Сосуды 2 и 8 (могли принадлежать одному лицу)	Сосуд 6
По количеству линий на 0,5 см	Сосуд 1; сосуды 2 и 3 (могли принадлежать одному лицу); сосуды 4 и 5 (могли принадлежать одному лицу)	Сосуд 6; сосуд 7; сосуды 11 и 12 (могли принадлежать одному лицу)
По типовой принадлежности папиллярного узора	Сосуды 2 и 3 (могли принадлежать одному лицу); сосуд 7	Сосуды 4 и 5 (могли принадлежать одному лицу); сосуд 10
По механизму следообразования	Сосуд 1; сосуды 11 и 12 (могли принадлежать одному лицу)	–
По количеству папиллярных линий между дельтой и центром папиллярного узора	Сосуд 4	Сосуд 5

Данные статистики при исследовании отпечатков пальцев по половому разграничению показывают, что петлевые узоры встречаются у мужчин в 62% случаев, а у женщин – в 77%. В то же время завитковые узоры у мужчин встречаются в 35% случаев, у женщин только в 15%. Известно также, что на левой руке у мужчин дуговые узоры встречаются в 4,6%, а у женщин – в 11,2% случаев. Завитковые узоры встречаются соответственно в 25,4% и в 14,5%, а петлевые – в 70,0% и 74,3% (Архив МАЭС. № 1282). Таким образом, в процентном соотношении различие между мужчинами и женщинами невелико, поэтому вероятность ошибок в распознавании пола по отпечаткам папиллярных линий достаточно большая. До настоящего времени экспериментальная методика распознавания пола по следам рук разработана недостаточно. Существуют лишь методы, ориентированные на распознавание пола при достоверном определении пальца руки. В случае с посудой из Саровского городища уверенно определить каким пальцем руки оставлены следы на поверхности сосудов не представляется возможным. Иначе говоря, по оставленным на внутренней поверхности сосудов отпечаткам пальцев установить пол гончаров не удаётся.

Таким образом, низкое качество отображающей поверхности и фрагментарность имеющихся отпечатков пальцев не позволяет с достаточным уровнем достоверности установить количество мастеров, вылепивших исследованную посуду, а также идентифицировать их половую принадлежность. Вместе с тем не исключено, что совершенствование методик дактилоскопического исследования позволит приблизиться к решению поставленных задач.

Источники

Коллекция Саровского городища (САГ). Археологический фонд МАЭС ТГУ, коллекционный № 7046.

Гончаров О.И. Дактилоскопическое исследование археологических фрагментов горшков // Архив МАЭС им. В.М. Флоринского ТГУ. № 1282.

Литература

Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990.

Словарь иностранных слов. М.: Советская энциклопедия, 1964.

Справочник следователя. М.: Российское право, 1992.

Титов В.И., Петрущенко Л.В. К вопросу об определении половой принадлежности лица, оставившего следы пальцев рук на месте происшествия // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1983.

Чиндина Л.А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. Т. 1.

Яковлев Я.А. Саровское городище. Саровское культовое место // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001.

ОБРЯД «ОБОЛА ХАРОНА» ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЗДНИХ МОГИЛЬНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

А.В. Полеводов, М.А. Корусенко
г. Омск

Судя по историческим свидетельствам и описаниям, обряд «Обола Харона» имеет очень глубокие корни, наиболее четко зафиксированные в античную эпоху (Греция и Рим) (Литвинский, Седов, 1984: 150–154). Этот обычай выражается в сопровождении умершего монетой или монетами, чаще всего помещенными в рот или в руку умершего, иногда в иных местах (возле черепа, на груди, в других местах возле его тела или в заполнении могильной ямы). Некоторые исследователи, подчеркивая особый статус этих монет, отмечают, что они, как правило, не должны иметь следов использования (например, отверстия) в качестве подвесок или украшений (Пигарев).

Географические и временные рамки зафиксированных случаев использования этого обряда в погребениях чрезвычайно широки – от Западной Европы до Центральной Азии, от Скандинавии до Северной Африки и от античности до позднего средневековья. В славяно-русской археологии следы такого обряда обобщенно именуют «оболами», или «оболами мертвых» (Новиков, Хухарев; Макаров, 1990: 41–42). В доступной нам литературе отмечено, что этот обряд бытует и в христианской Руси, доживая до XVII–XVIII вв., отдельные реплики обряда фиксируются исследователями вплоть до XX в. (Новиков А.В., Хухарев В.В). В Золотой Орде в XIV–XV вв. этот обычай был достаточно распространенным явлением (Пигарев), а также встречается в мусульманских погребениях VIII–XV вв. в Иране и Средней Азии (Литвинский, Седов, 1984: 155). Характерно, что упомянутый обряд у населения данных регионов не является повсеместным (как, впрочем, и в античную эпоху), а скорее, существует как один из вариантов обращения с умершим. Любопытно, что под влиянием мировых религий этот обряд не исчезает, а в различных формах сосуществует с канонической религиозной практикой.

Тем интереснее попытаться интерпретировать случаи обнаружения «оболов» в могильниках позднесредневекового населения юга Западной Сибири, а конкретнее – района бассейна р. Тары (современные Омская и Новосибирская области) и прилегающих территорий, которые находятся за пределами уже выявленных очагов распространения этого обычая.

В настоящий момент нам доступны материалы исследованных в разное время погребальных комплексов Черталы 1, Окунево 7, Чеплярово 27 и Кыштовка 2 (см. таблицу). Датировка могильников укладывается в границы XVII–XVIII вв., они оставлены населением, потомки которого известны под названием барабинских и тарских татар. В нашу выборку попали только те погребения, где обнаружены серебряные копейки чеканки русских царей, отвечающие вышеприведенным признакам «оболов мертвым», в ряде случаев в выборку включены и западно-европейские счет-

* Работа выполнена при поддрежке РГНФ, проект 08-01-00307а

ные жетоны. Как видно из приведенной таблицы, «оболы» в этих погребениях представлены, в основном, единичными находками нумизматических материалов, концентрирующихся, как правило, в районе черепа умерших, чаще всего возле нижней челюсти. Иногда зафиксированы случаи, когда монеты обнаружены прямо во рту умерших. Именно такая четкая локализация этих находок и, в большинстве случаев, их единичность, дает нам основание интерпретировать описанные случаи как реплику классического «обола Харона».

Данные по находкам монет в позднесредневековых могильниках бассейна р. Тары, которые авторы интерпретировали как «оболы мертвых»

№ п/п	Курган, погребение	Археологический контекст	Какие монеты и сколько	Примечания
1*	2	3	4	5
Могильник Черталы 1				
1	Погребение 55	– костяк отсутствует	Копейка Михаила Фёдоровича, отчеканенная после 1630 г.	Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Накосное украшение XVIII в из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1997. Т. 2. С. 50
Могильник Окунево 7				
1	М. 166	«...среди зубов...»	Копейка Михаила Федоровича	Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников у Тараского Увала близ д. Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. С. 97
2	М. 171	?	Копейка Михаила Федоровича	Там же. С. 97
3	М. 220	«...под левой лопаткой костяка..», череп на левой скуле	Монета (Алексей Михайлович?)	Там же. С. 101
4	М. 228	«...у черепа слева...», по плану погребения череп лежит на левой скуле	Копейка (Алексей Михайлович?)	Там же. С. 103
5	Курган 5, погребение 1	«...во рту...».	«...серебряная русская копейка...»	Б.А. Коников Позднесредневековые памятники лесного Прииртышья // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 52
Могильник Чеплярово 27				
1	М. 301	Справа от черепа (раздавлен), ближе к правому плечу	Копейка (Алексей Михайлович?)	Корусенко М.А. Отчёт об археологических раскопках Поселений Чеплярово 26, 28 и курганно-грунтового могильника Чеплярово 27 в 2006 г.// Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 206-1
2	М. 303	Слева от черепа (раздавлен), ближе к левому плечу	Копейка (Алексей Михайлович?)	Там же
3	М. 36	Под нижней челюстью, слева	Копейка (Алексей Михайлович?)	Материалы раскопок 2007 г.

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Могильник Кыштовка 2				
1	Курган 28, погребение 1, ребёнок	«...под черепом ...»	Копейка Петра I	Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. С. 22
2	Курган 28, погребение 2	«...в районе черепа и шеи...»	5 монет (копеек) Петра I	Там же. С. 22
3	Курган 31, погребение 1,	По плану погребения – череп лежит на левой скуле, монета перед ним, в районе челюсти.	Копейка Алексея Михайловича	Там же. С. 23
4	Курган 33, погребение 1	«...в области шеи...»	Полторак Сигизмунда III	Там же. С. 24
5	Курган 36, погребение 1	«...в области шеи...», по плану погребения она лежит под нижней челюстью	Копейка Петра I	Там же. С. 24. Табл. X, 7
6	Курган 48, погребение 1, ребёнок	«... рядом с черепом...», по плану погребения, монета лежит вплотную к остаткам раздавленного черепа	Копейка Михаила Федоровича	Там же. С. 29. Табл. XII, 3
7	Курган 59, погребение 1	«...у черепа в районе нижней челюсти...»	Копейка Алексея Михайловича	Там же. С. 33
8	Курган 61, погребение 1	«...около нижней челюсти...»	Копейка Михаила Федоровича	Там же. С. 35
9	Курган 73, погребение 1	«... в районе черепа, у нижней челюсти...»	Копейка Петра I	Там же. С. 35
10	Курган 98,погребение 1	«...возле черепа...», по плану – лежат компактно прямо под нижней челюстью	3 монеты (копейки) Петра I, Алексея Михайловича	Там же. С. 49. Табл. V, 2
11	Курган 102, погребение 1	«...в области черепа, у нижней челюстью...», судя по описанию плану погребения, челюсть истлела, монета и жетоны лежат на её месте	Копейка Петра I и Жетоны Вольфа Лауфера и Иозефа Вайдингера	Там же. С. 50. Табл. XVIII, 1
12	Курган 113, погребение 1	«...возле нижней челюсти...», по плану погребения череп - на правой скуле, жетоны лежат прямо перед ним, в районе челюсти	два жетона Ханса Краувинкеля	Там же. С. 53. Табл. XVIII, 4
13	Курган 119, погребение 1, детское	«...к югу от черепа ...», по плану погребения – лежит справа от черепа, очень близко	Копейка Петра I	Там же. С. 55. Табл. VI, 3
14	Курган 124, погребение 1	«...справа от черепа...», по плану погребения компактно лежат на уровне глазниц в районе правой височной кости	2 монеты (копейки) Петра I	Там же. С. 56. Табл. XIX, 2
15	Курган 137, погребение 1	«...рядом с черепом...», по плану погребения лежит на уровне глазниц в районе правой височной кости	Копейка Петра I	Там же. С. 60. Табл. XXI, 2
16	Курган 140, погребение 1	Костяк сохранился плохо	2 монеты (копейки) Петра I	Там же. С. 61. Табл. XXI, 4

В большинстве упомянутых нами некрополей обряд «обола» достаточно редок (менее 10%, обычно 3–5% от общего массива исследованных погребений). Возможно, поэтому авторы раскопок оставляли в своих интерпретациях символическое значение таких находок, что называется, «за кадром».

Охарактеризовав таким образом феномен, необходимо попытаться поместить его в исторический и этнокультурный контекст, рассмотрев подобные элементы погребального обряда, зафиксированные или, наоборот, отсутствовавшие, у окружающих регион нашего внимания историко-культурных и этнокультурных общностей.

Как можно судить по материалам могильников хантыйского (и протохантыйского) населения Сургутского Приобья VIII–XVI вв., выявлена устойчивая традиция помещения на череп умершего металлических пластин (медных, бронзовых), которые явно связаны с посмертной лицевой маской. Судя по контексту, пластинки, всегда имевшие отверстия, и, следовательно, прочно крепившиеся на матерчатую основу, располагались, в первую очередь, в районе глаз, реже – также и в районе носа и рта (Очерки культурогенеза... 1994: 283–288; Чемякин, Карачаров, 1999: 46–62). Из чего можно предположить, что предпочтение отдавалось все же глазам, об этом свидетельствует их четкая локализация, подчеркиваемая самими исследователями – в глазницах черепов, на скулах, на лобных костях. Добавим, что их всегда (естественно!) больше одной.

Монетные находки известны в хантыйских погребениях XVI–XVII вв. на Югане. Но в этих погребениях они локализовывались в иных местах (то есть вне связи с головой умершего) (Семенова, 2001: 34, 112 и др.). По более поздним материалам (конец XIX в., К.Ф. Карьялайнен), у восточных ханты и манси зафиксирован обычай помещения монет в руку умершему, или около тела. Обычай, как явствует из публикации, бытовал только у богатых ханты и манси (Соколова, 1980: 132). В то же время, по другой информации, полученной в этих же этнических общностях примерно в то же время (Г. Старцев) в гроб умершему нельзя было класть шубу, кольца и деньги (Там же: 125–143). Такие, противоречащие друг другу сведения, по нашему мнению, свидетельствуют о неустойчивости и, возможно, о привнесенном характере этого элемента погребальной обрядности, который заимствовала только узкая социальная группа, и который, вероятно, входил в противоречие с внедряемым в погребальных практику этих общностей христианским каноном.

Материалы по южным группам селькупов XVI–XVII вв. демонстрируют нам большое количество монет в погребальных комплексах. Эти находки в могильниках, раскопанных А.П. Дульзоном, зафиксированы как в районе черепа, так и в других местах на теле умершего или могилы (например: в районе таза, на груди, в котле, в горшке, в кошельке и т.д.), их количество может достигать 5 штук. Такие монетные находки нередко соседствуют со следами матерчатых лицевых масок с нашитыми бляшками или пластинками в области глаз, носа и рта (Дульзон, 1955: 1957). Возможно некоторые из монетных находок, локализующиеся возле черепа умершего, могут являться заменителями пластинок на этих масках. Косвенным подтверждением этого могут служить те случаи, когда их две, три и более, а некоторые их них – с отверстиями. По материалам селькупских погребений Тискинского могильника, относящихся к XVIII–XIX вв., практически все монетные находки расположены стандарт-

но – в районе тазобедренных костей погребенных, справа. Количество монет в погребениях нередко исчисляется десятками. Сохранившиеся около них фрагменты кожи и ткани, позволили предположить автору публикации, что монеты помещались в могилу в кошельках (Боброва, 2007: 57).

В тоже время, в материалах Нарымского Приобья второй половины XIX в. известны факты помещения монет на глаза умерших – на что прямо указывает их местоположение в глазницах черепов (Боброва, Максимова, 1998: 144).

Материалы Л.М. Плетневой XVI-XVII вв. по могильникам Томского Приобья (возможных предков томских татар), так же как и данные А.П. Дульзона и А.И. Бобровой, демонстрируют обилие монетных находок, археологический контекст которых очень близок селькупским погребениям. Этнокультурное своеобразие исследованных Л.М. Плетневой комплексов состоит в отсутствии (по крайней мере – явном) следов лицевых посмертных масок, хотя известны случаи обнаружения монет с отверстиями (Плетнева, 1990: 38, 41–43, 49, 56, 60–63 и др.)

Как можно судить, в материалах бассейна р. Тара, проявление обычая «обола мертвых» носит более, если можно так выразиться, аутентичный характер в сравнении с описанными нами областями Сургутского, Нарымского и Томского Приобья. Речь идет о характере расположения монет (во рту умершего), а так же об их количестве (обычно – одна).

По поводу истоков этого обычая в могильниках XVII–XVIII в. юга Западной Сибири можно пока только высказывать предположения. Учитывая достаточно широкое распространение обычая в некрополях Золотой Орды XIV–XV в., можно, с определенной долей уверенности, связывать его с тюркской средой населения государств – эпигонов Золотой Орды, к которым с полным основанием можно отнести территории лесостепного Обь-Иртышского междуречья, входившего в орбиту влияния Сибирского Ханства.

Вместе с тем, возможен и другой путь проникновения обряда «обола мертвых» – через группы населения из районов Средней Азии, обобщенно именуемыми бухарцами или сартами. Мы уже упоминали, что на юге Средней Азии этот обычай известен с античного времени и фиксировался еще в погребениях XV в. Торгово-экономические и политические контакты этого региона с Западной Сибирью известны, по крайней мере, со времени Сибирского ханства (легендарный поход шейхов ордена Накшбандия, реставрация Шейбанидов и т.д.). С включением Западной Сибири в состав Русского государства эти контакты несколько видоизменились, но не утратили своей интенсивности, и даже усилили их торгово-экономическую составляющую. Письменные источники XVII в. по Тарскому Прииртышью демонстрируют активное проникновение бухарцев в данный регион во второй половине этого века, что, в целом, совпадает с датировкой большинства выделенных нами погребальных комплексов с нумизматическим материалом, интерпретируемых нами как следы обряда «обола Харона».

В связи с этим особый интерес представляют материалы могильника Кыштовка-2. В первую очередь тем, что здесь прослежено довольно заметное количество погребений с «оболом» по сравнению с другими погребальными памятниками бассейна р. Тара (см. таблицу). Необходимо отметить, что данный некрополь рассматривается рядом исследовате-

лей как памятник, оставленный смешанным, угро-позднетюркским населением (Молодин, 1979: 101–111; Соловьев, 2006: 34–36). В этом некрополе есть несколько захоронений, где монеты (в некоторых случаях их 2!) залегают рядом с черепом, но не в районе нижней челюсти, а на уровне глаз. Вполне вероятно, что они в данных случаях могли использоваться как элементы лицевых масок, подобно тому, что мы предполагаем относительно ряда погребений с монетами Томско-Нарымского Приобья.

Наконец, наименее вероятная возможность – проникновение через пришлое, христианское по вероисповеданию, население из Европейской России. Как мы отметили, обряд «обола» фиксируется в этой среде до XVII–XVIII вв. Однако археологические материалы этого времени, происходящие из сельских и городских кладбищ Урала и Западной Сибири, демонстрируют, как будто, отсутствие следов такого обычая (Самигулов, 2002; Макаров, 2003; Погорелов, Святов, 2002; Татаурова, Тихомирова, 2006).

В заключение хотелось бы коснуться вероятных путей эволюции обычая «обола мертвых» в среде тюркоязычного мусульманского населения юга Западной Сибири. Очевидно, что его отношение с мусульманством, по-видимому, такое же как и с христианством – он постепенно вытесняется из ритуальной практики, но в трансформированном виде, весьма вероятно, может сосуществовать с канонами мировой религии. Так, Е.М. Пигарев предполагает, что обряд «обола мертвых» мог переместиться из этапа погребения в поминальный цикл. Следом такой трансформации, по его мнению, является обычай раздачи милостыни на поминках («садака») (Пигарев).

По нашим полевым материалам, собранным в среде тюркоязычного населения Тарского Прииртышья (тарских и барабинских татар), можно отметить, что раздают именно металлические монеты, обычно «белые», то есть не медные; известны случаи положения монет по 4 углам насыпанного могильного холма, на погребальные носилки, в которых переносят умершего к месту захоронения и т.д. (Корусенко, 2003: 65) Наличие такого устойчивого элемента у современных сибирских татар, по нашему мнению, вполне может являться следами обычая «обола Харона», бытовавшего в позднетюркской среде.

Литература

Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007.

Боброва А.И., Максимова И.Е. Шаманское погребение с р. Тым (публикация материалов) / Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3.

Богомолов В.Б., Мельников Б.В. «Накосное украшение XVIII в из Черталинского могильника // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1997. Т. 2.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного медагогического института. Томск, 1953. Т. X.

Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Ученые записки Томского государственного медагогического института. Томск, 1955. Т. XIII.

Коников Б.А. Позднесредневековые памятники лесного Прииртышья // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. (Опыт анализа структуры и содержания) / Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003.

Отчет об археологических раскопках Поселений Чеплярово 26, 28 и курганно-грунтового могильника Чеплярово 27 в 2006 г.// Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 206-1

Очерки культурогенза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.

Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII вв. (по материалам могильников Восточнонго Прионежья). М., 1990

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 3.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников у Тараского Увала близ д. Окунево. Новосибирск, 1994.

Новиков А.В., Хухарев В.В. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексия, человека Божия в Твери. Режим доступа: http://t-novikov.chat.ru/new_2.htm

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды. Режим доступа: http://lowvolga.chat.ru/obol.htm; http://www.saray-al-mahrusa.ru/publication001.htm

Погорелов С.Н., Святов В.Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменск Уральского) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002.

Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002.

Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

Соловьев А.И. Погребальные памятники предтаежного населения Обь-Иртышья в эпоху средневековья (обряд, миф, социум). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем Средневековье. Томск, 1990

Татаурова Л.В., Тихомирова М.Н. Этнографо-археологический комплекс «Русские» (предварительные итоги исследования) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9.

МАНИХЕЙСКИЙ ПРАЗДНИК БЕМА НА ИЮСАХ БАРБАКОВЫ ГОРЫ

Н.И. Рыбаков
г. Красноярск

Наскальный памятник, которому посвящена настоящая работа, относится к той группе объектов с характерными «фигурами в мантиях», которые впервые были изучены в Июсских степях известной экспедиции И.Р. Аспелина (1887). Однако о настоящих граффити упоминаний в историографии конца XX в. не обнаружено, как нет их и в литературе последующего времени. На основании этого, уместно предположить, что они не попали в круг памятников, изученных этой и другими экспедициями.

Памятник документирован автором в 2000 г. и опубликован в тезисном изложении под условным названием «Приношение хлебов» (Рыбаков, 2005: 190–192). Тщательное документирование столь сложного источника составило немалую трудность, обусловленную наличием палимсестных напластований из нескольких разнокультурных и разновременных слоев: гунно-сарматского, древнекыргызского Великодержавия и позднего средневековья. После детального копирования изображений и многолетнего изучения собранных материалов появилась возможность для осмысления и интерпретации памятника. В настоящей статье предлагается первый полный вариант «прочтения» наскальной графики Барбаковой горы.

Описание памятника и краткие замечания. Ошкольская степь пролегает на 25–30 км вдоль правого берега Черного Июса по линии запад – восток и в ландшафтно-географическом отношении является зоной достаточно изолированной. С востока ее ограничительной линией выступает гряда именуемая Барбаковы горы. Центральную часть гряды занимает скальный утес Кызыл-Хая, расположившийся в пределах урочища Хозан-Хыс «заяц-девушка» и с давней поры являющийся объектом поклонения местного населения (Бутанаев, 1995: 172). Сакральность природного объекта надежно закрепилось в устном народном творчество, где в мифо-поэтическом песенном осмыслении он именуется «семиопоясанный… Красный камень о семи поясах» (информация жительницы п. Сарала А.И. Янгуловой, 79 лет).

Памятник располагается на материковой террасе правого берега Черного Июса примерно в 400 м от бывшего улуса Барбаков, населенного до середины XX в. Сцены «Приношения Святых Даров» изображены на подпрямоугольной плите слоистого песчаника темно-коричневого цвета с размерами 1,0 х 1,9 х 0,2 м. Плита является северо-восточным угловым камнем, одним из девяти сохранившихся камней, входивших в конструкцию из десяти плит, составлявших ограду сарагашского кургана тагарской культуры. Граффити нанесены на свободную от лишайников левую нижнюю часть широкой восточной грани плиты. Изображения выполнены способом гравировок и выбивок.

Выявленные на плите рисунки демонстрируют несколько сюжетов охоты, а также военных и ритуальных сцен, нанесенных в хронологическом пространстве от раннего до позднего средневековья (рис. 1). Доминирующим персонажами сцен стали

«фигуры в мантиях», исполняющие церимониальное шествие справа налево в сторону священного природного объекта – утеса Кызыл-Хая. Цельные и фрагментарные профильные фигуры действующих персонажей располагаются в трех-четырех ярусной проекции. Лица героев обращены вперед, подбородки приподняты так, как будто они смотрят вверх.

Рис. 1. Приношение Святых Даров. Барбаковы горы (общее состояние)

В наиболее насыщенной рисунками левой части плоскости, кроме фигур в мантиях просматривается ряд зооморфных изображений: три птицы, одна их которых испещрена точками, над ней лошадь с рогами оленя, ниже – две лошади, малая и большая, а на границе с предполагаемой земной поверхностью – бегущая рысью стилизованная лошадка с геральдической подвеской на шее. Среди животных просматривает-

ся знак, который может быть трактован в качестве тамги. Над центральной сценой шествующих фигур в самом верху композиции нанесено изображение двухконусного косонаправленного предмета (громовая стрела?). В правой части видны два лучника, а между ними фигурка стремительно бегущие лани. Наконец, в нижнем правом углу размещается серия геометрических фигур: группа треугольников напоминающих строения-чумы, удлиненный прямоугольник, расчерченный поперечными линиями (ограда?), а также три разновеликих прямоугольника расчерченных «под квадрат». На некоторых участках поверхности плиты отмечена графика в виде точек и вертикальных штрихов.

В технологическом отношении при исполнении рисунков мастера применяли несколько приемов. Первый состоит в том, что часть изображений выделена усиленной обводкой (до 1,5 мм шириной) слева направо. Таким способом акцентированы изображения птицы, малая и большая лошади, четыре фигуры в мантиях нижнего яруса, лучник и лань. Второй прием состоит в том, что большинство фигуративных изображений лежащих в слоях палимпсеста подвержено двойной, тройной и многократной прорисовке (повторению).

Послойное описание палимпсеста. Нижний слой отражен в двух мотивах (рис. 2). Первый представляет классические примеры гунно-сарматского времени: летящие стрелы, фрагментированные лучники (правый верхний угол) и намеренно целостный мотив двух лучников с ланями. Вероятно, сюда же относится, датированная гунно-сарматским временем лошадка, с геральдической подвеской на шее.

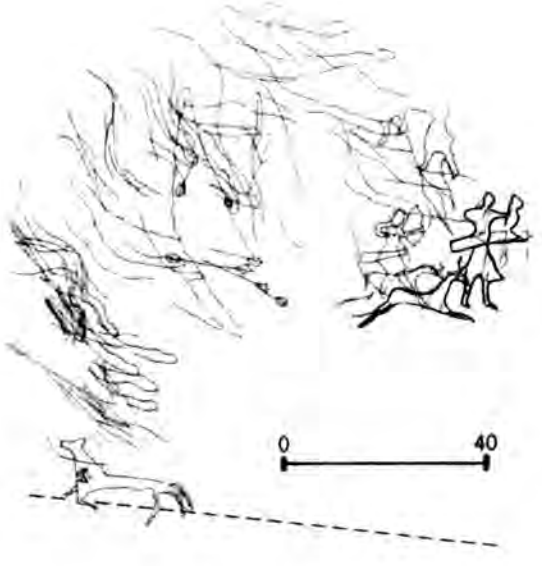


Рис. 2. Приношение Святых Даров. Барбаковы горы (фрагмент). Нижний слой палимпсеста – мотивы гунно-сарматского периода и раннего средневековья

Второй мотив демонстрирует примеры раннесредневековых «кыргызско-сасанидских культурных» взаимосвязей, отраженных в иконографических фрагментах, так называемого, «исторического реализма». В основе ценностных ориентаций кочевников раннего средневековья доминирует культ коня, часто показанного в позе галопирования, в состоянии стремительного движения в – справа-налево, «навылет», за пределы изобразительной плоскости. Лидирующая часть тюркско-иранской (кыргызско-сасанидской) иконографии на ряду с символикой воинской доблести, отражает, как и в данном случае, религиозно-мифологический контекст сложной этнокультурной ситуации средневековой Евразии.

Слой, заполненный расположенными в три-четыре яруса «фигурами в мантиях» (рис. 3), показывает адептов пришлого религиозного учения, костюмированных в гностическую форму «муже-дев» – посланников Мира Света (Рыбаков, 2007а: 137). Среди центральных фигур, выделенных обводкой, особо акцентируется внимание на втором персонаже в длинной мантии, с круглым предметом над грудью и трехрогой тиарой на голове. Третий участник ритуального шествия, отмечен дугой-полумесяцем с кружком над ним. На первом и последнем персонажах, этой группы участников, надеты головные уборы подобные фригийским колпакам.

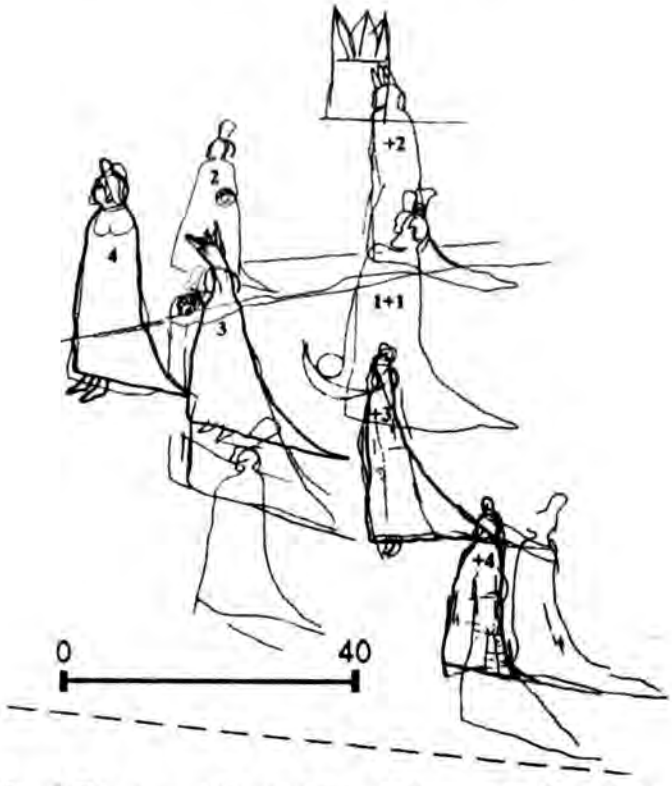


Рис. 3. Приношение Святых Даров. Барбаковы горы (фрагмент).
Фигуры в мантиях – близнечные пары

Вокруг главных действующих лиц процессии, сгруппированных в пары, размещено еще несколько изображений других персон. Вполне очевидно, что четверка верхних героев процессии перекрывает изображения, располагающиеся композиционно глубже в разновременном трехслойном (?) иконографическом пространстве. При этом попарно сгруппированные фигуры подчеркивают особый сакральный характер изображенного шествия.

Первая пара «1+1» является неким ранним или изначальным фигуративным подслоем, где располагаются крупноформатные персоны во главе с героем гротескного типа, следом за которым изображен профиль второго адепта. Аналогичная фигура из этого же ряда изображена внутри контура и одновременно, как бы в глубине центрального персонажа, коронованного тиарой. Другие фигуры из этого ряда проследить не удалось. На основании технических особенностей гравировки, к слою крупноформатных «фигур», следует отнести изображение двухъярусного сооружения с трехвершинным предметом на перекладине. Планиграфически оно располагается в центре верхней части композиции над малой фигурой в тиаре.

Вторая пара «2+2» является вторым или средним подслоем, состоящим из малоформатных фигур в мантиях, перекрывающим детали предыдущего ряда. Первый адепт изображен с круглым диском на уровне локтя согнутой руки, а второй увенчан трехрогой тиарой.

Третья пара «3+3» из числа четырех центральных фигур, размещена в верхнем слое, на самой поверхности. И, наконец, *четвертая пара*: «4+4» – ведущий и замыкающий, оба в фригийских колпаках, являются парой особого назначения (см. ниже).

Обрядовый характер запечатленного шествия, единое направление движения и наличие специфических атрибутов позволяют отнести происходящее к ритуализированному действу с хлебами.

Манихейский праздник Бема. Турфанские аналогии. В настоящее время мы не располагаем другими примерами манихейской иконографии, кроме как имеющейся в Турфанских документах. В академических текстах, поясняющих данные рисунки, пересказываются события связанные с праздником Бема, посвященным памяти божественных учителей и воспоминаниям о мученической смерти проповедника Мани (Allberry, 1939: 2–3). Попутно в ритуалах осуществляется мистическое празднование «надежды» на возвращение последнего и церемониально регламентируется Празднование Алтарной части. На фестивале Бема согласно предписанному уставу почести воздавались изображению Мани и помещение его изображения на трон Бема (Klimkeit, 1998: 149). При этом обязательным условием было приношение Святых Даров, в частности, возложение короны Учителя на алтарный подиум (Le Kok, 1924: T. 8 ba).

Корона Учителя в качестве Послания Учителя и одновременно как символ его приветствия, являлась «самостоятельной визуальной единицей» Турфанских книжных миниатюр и иллюстрированных свитков (Gulacsi, 2005: 213–215). Рисунки комментировались священным текстом «светлого руководителя» (81TB65: 01) или «это большая слава» mozhak (MIK III 4974 лицевая ст.).

Празднование Алтарной части сопровождал ритуальный обряд мистифицирующей модели пожертвования божественной пищи, плодов и хлеба Нэн. Хлеб имел форму дисковидных кругов, обрамленных полумесяцем с насечками, с малым кружком или завит-

ком в центре. Акт процедуры в манихейском богослужении «Памяти» и «Надежды возвращения» Учителя, получившего санкцию божественности после смерти на пути «к высоте…кто взошел согласно этой истине» (CMC 67.7-11), являлся сценарием первого спасения. Небесно-земная связь божественной сущности Учителя должна была откликнуться в «религиозно-мифологическом опыте» исполнителей и участников Евхаристии через акт вкушения пищи, «взошедшей к небу» (Beduhn, 2000: 156–182).

Интерпретация. Место ритуального приношения священных даров в условиях природного сакрализованного пространства под скалой Кызыл-Хая, избрано явно не случайно. В естественно-ландшафтной вертикальной проекции местонахождение памятника представляет традиционную языческую модель картины мира, включающую 3 уровня: нижний мир – пойма реки, средний – прибрежная терраса, верхний – гора Барбакова с утесом Кызыл-Хая, возможно, символизирующим священный алтарь.

Мифологическая концепция манихейского учения в бинарной структуре мира включает материальный мир, в котором все плотское – есть создание дьявола, все, что над ним – это царство Света, все глубинное, земное – это преисподняя. Глубина Тьмы ассоциируется с землей Смерти. В этом заключается диалектика «двух принципов» – Света и Тьмы, как нельзя лучше определяются верх и низ, спроецированные на урочище под скалой Кызыл-Хая, «реконструируя» его как сакральное место небесно-земной связи и ритуального действа в срединном мире.

Подножие горы Барбаковой – это место религиозного праздника, который выражался в формах манихейского «сражения» с бунтующими силами Тьмы в материальном мире, как отражение вопросов ритуала Спасения участников церемонии сакрального и мистериального опыта. Сотериологический период манихейской концепции освобождения «настоящего и будущего» ознаменован явлением Искупителя (см. ниже).

Но вернемся к иконографическим документам. Шествие четырех центральных фигур (см. рис. 1) к месту священнодействия визуально обозначено поступательным движением косо под углом вперед и вверх «по ступеням» в числовом, четвертичном варианте, что иллюстрирует нумерологический фактор Числа и Слова в манихейском учении и дает некоторое представление о реальном месте действия. В природном отношении фиксируется восхождение процессии на пологом уклоне подножия утеса Кызыл-Хая. В отношении искусственных сооружений представляет интерес объект на двух стойках с трехрогим предметом наверху (см. рис. 3 – верх). Данное сооружение, очевидно, представляет вертикальную подставку из жердей в виде двух (четырех?) стоек и перекладины, на которую возложена трехрогая тиара. При изучении аналогий выяснилось, что наша реконструкция фактически дублирует «анфас» алтаря-подиума реликтового аналога Турфанских документов (MIK III 6414). В тоже время, при рассмотрении венчающего алтарь предмета обнаруживаются собственные аналогии. Любопытно, что трехрогая тиара (древнетюркский шаманский атрибут) имеет прямое отношение к почитанию культа предка-покровителя по женской линии (Ахинжанов, 1978:65–79; Мокрынин, 1975: 113–119).

В контексте изначальной идеи графического повествования вполне определенно просматриваются отраженные в манихейском учении мотивы близнечных пар (признак божественного присутствия) и супружеской четы божеств-прародителей. «Другой» в «Я», подобно двойнику в зеркале часто классифицирован как «Свой» в

«Я» в качестве спутников, двойников, проводников и т.д. (Абрамян, 1977: 72). Двойники есть божественные помощники в вопросах веры, но не всякого человека, а только вероучителя, восприемника откровения. Как, например, Мани Апостол и Иисус Параклет – чета сизигия в системе спасения манихейской доктрины. Искупитель является в материальную вселенную только во время самой безысходной нужды в облике Девы (Евы). Как установлено «гарантия эсхатологического появления Мани была его историческим воплощением и обещанием возвратиться» (KlimKeit, 1998: 124, 175).

Касаясь вопроса идентификации участников священной процессии следует признать, что *первая пара* «1+1» (см. рис. 3) не обладает достаточной информативностью и, следовательно, не может быть распознана на персональном уровне. *Вторая пара* «2+2» более информативна: здесь изображен герой носитель жертвенного хлеба Нэн и человек в трехрогой тиаре, атрибуте небесно-харизматического свойства древнетюркского божества предка-покровительницы. Таким образом, эта пара персонажей, знаково персонифицирующая близнечный союз, показывает ежегодную процедуру манихейской евхаристии Алтарной части праздника Бема в условиях природного сакрализованного пространства. Далее, прежде чем говорить о третьей паре, коснемся *четвертой пары* «4+4», включающей персоны особого назначения, ведущего и замыкающего центральной группы шествия. Данные персонажи, в отличии от других, снабжены своеобразными знаками отличия в виде шапочек типа фригийских колпаков. Согласно представлениям манихейского учения для исполнения церемоний требуются значительное число воинов, охранников и привратников, задача которых состоит в противостоянии вторжению сил тьмы не только в пределы земного, но и небесного мира. Свидетельства присутствия воителей-охранников иконографически в Турфанских документах не засвидетельствованы, но о существовании и функциях «стража и усмирителя» (декхарты стражи – Зундерман, 1989: 67–79) известно по неоднократным упоминаниям в манихейских текстах, например в «Главах» (Кефалайя, 1998: 53, 7; 88, 25/2 и т.д.).

Третья пара «3+3» образно наиболее выразительная. Она является доминантой в центре всего шествия. Согласно существующему материалу и современным знаниям о нем в манихейском гнозисе особое место отведено близнечно паре (Абдуллаев, 1999: 194; Смагина, 1998: 394; Трофимова, 1979: 193 (138); Beduhn, 2000: 186, 201; Heuser, 1998: 71; KlimKeit, 1998: 170), которая может быть отождествлена с главной парой манихейской доктрины: восприемником откровения Учителем Мани и его близнецом толкователем божественной тайны, Иисусом Параклетом, в земной плоти Иисусом Patibilis. В двенадцатилетнем возрасте и в двадцать четыре года (Кельнский кодекс) Мани «получал» божественные тайны от небесного «голоса» (Asmussen, 1975: 10). Персонажи, рисуемые в роли Апостола и его Близнеца, снабжены соответствующими знаками отличия. Первый несет на голове трехрогую тюркского облика тиару, а «в руках» диск хлеба Нэн. Второй отмечен знаком «небесной пары», полумесяцем с диском полной луны (солнце) над ним. Знак «небесная пара» имеет прямые иконографические соответствия в памятниках Средней Азии: Варахша – Пенджикент (Беленицкий, 1973: 56). А ее происхождение кроется в глубине ранней семитской религии. Знак «круг над полумесяцем» в манихейской традиции символизирует Деву Света – «Место души», а в системе манихейских преобразований – знак Иисуса, «Душа

сына» (Heuser, 1998: 28). Согласно древней традиции место Иисуса на луне, в данной трактовке Иисус ни что иное, как Бог Луны (KlimKeit, 1998: 154).

В расшифровке следующих персонажей существуют определенные трудности, связанные со сложным наслоением рисунков. Дело в том, что персонаж с тиарой, представленный в роли Апостола и наделенный функцией дароносителя жертвенного хлеба, в кыргызско-манихейском религиозном окружении подобия не имеет. Напомним, в близнечной паре «2+2» эти функции разделены. Ответ кроется в глубине иконографических наслоений. «Образ» отмечен множеством повторений (прочерчиваний) и дополнительных обводок (рис. 4, *1*). На основании соответствия графических линеарных изображений первых двух пар «1+1», «2+2» выявлен наиболее ранний иконографический мотив I (рис. 4, *2*).

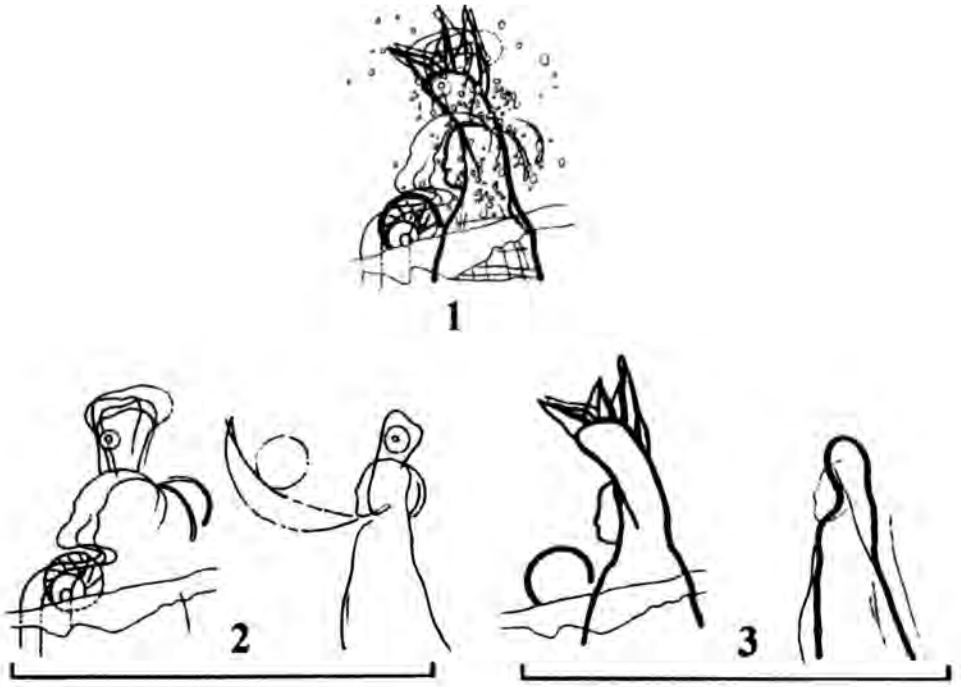


Рис. 4. Приношение Святых Даров. Барбаковы горы. Близнечная пара «3+3» (авторская реконструкция, местоположение фигур незначительно изменено); *1* – общее иконографическое состояние; *2* – иконографический мотив I; *3* – Иконографический мотив II

Представляется, что носитель нижнего слоя соотносим с персоной «1+1» в тиаре, на которой читается «Диадема Владычества», «круг с точкой внутри» (KlimKeit, 1998: 230). Является ли он носителем пожертвований в виде хлеба – неизвестно. Эта

же фигура, но в уменьшенных вариантах, идентичных фигурам пары «2+2» «слоеного» мотива, получает диск хлеба Нэн. Сочетание близнечной пары в тонких гравировках палимпсеста раскрывает главное предназначение мотива – отражения ритуальной манихейской евхаристии ежегодного праздника Бема, в которой хлеб причастия – глубокая тайна, тело и кровь Иисуса. Христос соединен и объединен с землей, поскольку божественная часть (Свет) разбросана в растениях, корнях, плодах, в основании земли (Августин. Beduhn, 2000: 172).

Очищенный Свет в форме ритуальной пищи должен быть возвращен божественной сущности. Солярно-лунарный хлеб (Святые Дары) являет знаком похвалы Иисусу. Хлеб, надрезанный косыми лучами (его сеяли, срезали, замешивали, пекли), отражает объяснение искупительного процесса в ритуальных действиях самоосвобождения. Участие Иисуса – носителя знака Девы Света (Души) мотивирует в системе манихейской эсхатологии идею всеобщего спасения. «Душа и Отец одной природы… когда душа и Отец были отторгнуты друг от друга …душа должна тянуться к единению с Отцом» (Наг-Хаммади II: 134; Трофимова, 1979: 116).

Сововлечение души и милостыни – возвращение души в небесный дом через набожные пожертвования в виде хлеба «представлено» совокупно в действиях двух персонажей – Дарителя и Искупителя. В руках Дарителя – пища души, Искупитель «несет» символ места души. «Душа восходит вместе с милостыней» (Beduhn, 2000: 232) – одно из доминирующих понятий манихейской проповеди. Милостыня в земной бытийности дарителей «дает прибыль их жизни». Такова в кратком изложении «схема» ритуализированного действа близнечной пары «3+3» в нижнем слое палимпсеста (см. рис.4, *2*).

Из перечисленного формируется символический ряд близнечной системы: стандартная манихейская корона, тюркская трехрогая тиара, диск хлеба Нэн и «небесная пара». В итоге, близнечный мотив «1+1» с учетом изображения трехрогой тиары на алтаре-подиуме представляет неполный «знаковый фактор»; мотив «2+2» – ясно выраженный «знаковый фактор»; «3+3» (глубокий слой, рис. 4, *2*) – блуждающий в слоях палимпсеста «знаковый фактор», а мотив «3+3» (поверхностный слой, рис. 4, *3*) пока не ясен и требует дополнительных изысканий.

Иконографический мотив II (см. рис. 4, *3*) представляет обведенный многократно контур фигур с «утратой» деталей нижнего иконографического мотива: внутренней информативной сердцевины хлеба Нэн, профилей лиц и деталей корон с диадемой в первой фигуре; знака небесной пары и деталей персонажа-близнеца – во второй фигуре (по сути, устранено парное божественное сочетание – близнечность). Опущена вся иконография манихейских форм инсценированной процедуры Алтарной части в «пределах» близнечной пары «3+3», кроме контура диска хлеба Нэн. Как был воспринят в контексте последней редакции круг диска хлеба, для нас загадка. Отметим инновационные признаки формы двух носителей: трехрогая с кинжаловидными отростками тиара (предка-покровительницы по женской линии); и в целом аморфно-гибридный отюркизированный (первая фигура) облик «новых» персонажей, напоминающий модифицированный профиль надкурганных плит и некоторых элементов каменных изваяний древности.

Природа возникновения обводки кроется в натур-мифологическом опыте шаманского обряда «руки и слова», а точнее, является результатом периодического вызывания духа-помощника небесной девы, обладателя сакральной жизненной силы. Образ муже-дев в мантиях, «населяющих» узко-локально пределы Ошкольской степи, как полагает автор, был воспринят шаманом (постманихейский период) в его ритуальной практике в функции духов-помощников (небесных дев) «кровного родства и свойства», от корня предка – прародительницы (Рыбаков, 2007).

Отстранение «манихейского слоя» в обновленной редакции близнечной пары и выделение сугубо тюркских языческих элементов и другой шаманской специфики, говорит о новой форме ритуала, хоть и выраженного в тех же «абрисах» фигур в мантиях. «След» шаманской руки, включая обводку «вызываемое-отвечаемое», дополнительно подтверждается следующим фактором – так называемым фактором «тьмы», в целом – (три типа специфической петрографики). Вертикально воспроизведенная линеарная символика распространенного культа змеи и графика, нанесенная способом точечной выбивки (рис. 5), тесно сгруппированная в определенных зонах изобразительного поля, – из этих же специфических напластований.

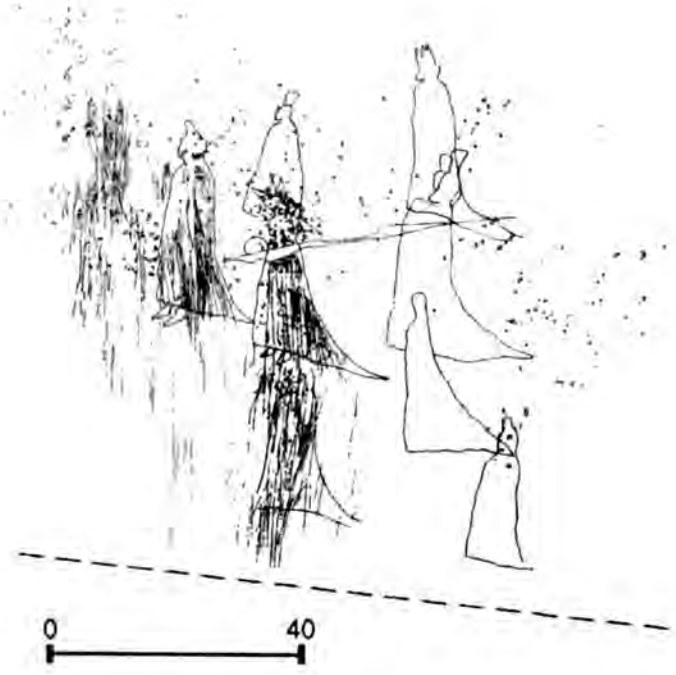


Рис. 5. Приношение Святых Даров. Барбаковы горы (фрагмент). Специфическая символика шаманской «руки и слова»

Важно отметить, что в число духов помощников вошел почти весь зооморфный пантеон средневековой кыргызской шаманистики, а также герои-предки таштыкского периода, воспроизведенные в иконографической среде памятника (см. рис. 1): птица (кравчатый сокол), малая и большая лошадь, лань и лучник. В том же «наборе» оказались схематизированные, особо выделенные, в результате многочисленных актов «вызывания» – *умилостивительного милосердия*, манихейские муже-девы, но в особом статусе почитания: (символической защиты в период психо-социальных конфликтов, эпизоотий, стихийных бедствий и других обстоятельств, в традиции вечного беспокойства и страха кочевнической жизни). Анализ иконографической глубинной основы памятника показал, что «фигуры в мантиях» не могли быть воспроизведены изначально в среде таштыкских мотивов, соответственно, и в отношении всех памятников подобного круга Ошкольской степи (причина заблуждений исследователей XX в.). Реконструкция иконографических мотивов **I** и **II** проясняет фактор двух периодов миссионерской истории манихейства: *активной проповеди и угасающего наследия*, в среде кыргызской (тюркской) языческой веры.

Идентификацию божества, не имеющего имени, в трехрогой тиаре с кругом над грудью, дополнительно обозначенного специфической иконографией «следа» змеи и точечной петрографикой, не известного в среде кыргызского пантеона божеств, не отмеченного в материалах историографии, оставляем за рамками публикации. Косвенные источники, и среди них гипотетический «аналог» – божество Умай на примере изображений Кудырганского валуна (Гаврилова, 1965: 18–21), не проясняют суть вопроса. Среди памятников каменной скульптуры Семиречья и Алтая, наделенных символами, включающими трехрогую тиару и чашу в «руках», подобия не находим.

Выводы. Ясно одно: наследие тюркско-манихейской сововлеченности новых форм религиозного симбиоза – кыргызского манихейства – не изучено. Не подтвержденные свидетельства того, что божество, о котором идет речь, фактически отражает реализованный «комментарий» небесно-харизматической субстанции Девы, предка-покровителя, или уникальный факт инаугурации кагана – получения им символов власти в системе культового сознания средневековья, могут быть оправданы или отвергнуты, если тому будут дополнительные сведения. Странствующий духовный опыт манихейской космогонии «попал» на подготовленную почву традиционных верований Юга Сибири эпохи средневековья, но процесс мифотворчества продолжался до полного затухания преданий о спасительной функции «Девы», то есть до начала джунгарских войн XVII века – периода вынужденных этнических передвижений по степям Левобережья Енисея, Алтая и Джунгарии. Манихейский праздник Бема в новых ландшафтных условиях материнского урочища «Заяц-девушка» под горой Барбаковой, местом пребывания высоких светлых божеств, приобрел свидетельства, отраженные в обряде «Приношение Святых Даров» в своеобразной форме зрелищно-мистического сценария спасения.

Литература

Абдуллаев Е.В. Апостол Фома: генезис одной агиографической традиции средне азиатских манихеев. М., 1999.

Абрамян Л.А. Человек и его двойник (к вопросу об истоках близнечного культа) // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры: Сб. научных трудов. М., 1977.

Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих головных уборах» из Семиречья // Археологические пам-ки Казахстана. А-А., 1978.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.

Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: НИС ХГУ, 1995.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Зундерман В. Еще один фрагмент из «Книги гигантов» Мани // ВДИ. 1989. № 3.

Кефалайа («главы»). Коптский манихейский трактат / Пер. Е.Б. Смагиной. М.,1998.

Мокрынин В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыкулья. Фрунзе, 1975.

Рыбаков Н.И. Приношение хлебов. Подкамень. Хакасия. К вопросу символики манихейского обряда // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия // Сб. докладов. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева. 2005.

Рыбаков Н.И. Иконографические свидетельства манихейства в памятниках Июсских степей // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: Сб. научных трудов / Под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: Акин, 2007 а. Вып. 6.

Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Алтае-Саянская горная страна и истории освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007б.

Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II. Соч. 2, 3, 67). М., 1979.

Allberry C.R.C. Das manichäische Bema Fest. Berlin, 1939. Band 37.

Asmussen J. P. Manichaean Literature. Repesentative Texts chiefly from Middle Persian and Parthian Writings // Persian Heritage Series. Delmar; New-York, 1975. № 22.

Beduhn J.D. The manichaean body in Discipline and ritual. The Johns Hopkins University Press. Baltimore; London, 2000.

Gulacsi Z. Mediaeval Manichaean Book Art // Nag Hammadi and Manichaean Studies. Leiden; Boston, Brill. 2005.

Heuser M. The Manichaean Myth According to the Coptic Cources // Studies in Manichaean Literature and Art / Ed. by M. Heuser and H.J. KlimKeit. Leiden; Boston; Koln: Brill, 1998.

Klimkeit H.-J. Studies in manichaean Literature and Art / Ed. by M. Heuser and H.J. KlimKeit. Leiden; Boston; Koln: Brill, 1998

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КАБИНЕТА АНТРПОПОЛОГИИ ТГУ НА ПРЕДМЕТ БОЕВОГО ТРАВМАТИЗМА У НАСЕЛЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М.П. Рыкун
г. Томск

Любая коллекция музейного фонда представляет собой богатый источниковый материал для междисциплинарных исследований в изучении материальной и духовной культуры, социальной структуры и взаимодействий обществ на разной стадии развития. Важной составляющей адекватной реконструкции жизнедеятельности изучаемого этноса является синхронное изучение различных источников и своевременная их публикация.

При изучении этногенетических процессов древних популяций немаловажную роль играют данные палеопатологии, того раздела, который касается изучения специфических повреждений черепа (краниотомия). Данные о характере, степени и особенностях повреждений костных останков древних людей становятся важным информативным источником при выявлении социальных причин их возникновения и успешно используются в биоархеологических реконструкциях различных социальных групп.

Анализируя повреждения (форму отверстий, степень разрушения их краев, наличие трещин и сколов компакты), а также место их локализации, можно с достаточной долей вероятности определить тип оружия нападения и ситуацию, при которой они были получены. Возникновение новых современных подходов в оценке таких признаков диктуют необходимость фиксации любых специфических повреждений на палеоантропологических объектах. В плане накопления источниковой базы по указанному вопросу представляют интерес специфические повреждения, обнаруженные в части краниологических коллекций кабинета антропологии ТГУ.

Памятники каменской культуры локализуются вдоль р. Оби и по ее притокам от Барнаула до устья р. Уени на севере Новосибирской области и датируются в пределах VI–II–I вв. до н. э. (Могильников, 1997).

По краниологическим данным население, оставившее некрополи каменской культуры, можно охарактеризовать как европеоидное с монголоидной примесью. Причем, основным является европеоидный расовый вариант. Формирование каменского населения происходило на основе взаимодействия различных по происхождению групп. Основа каменских популяций во многом аналогична европеоидному компоненту, преобладающему в составе сакских групп, а также савромато-сарматских и саргатских популяций. Подобный европеоидный пласт фиксируется и у населения Тувы скифского времени. Монголоидный компонент каменских серий, сближающий их опять-таки с сакскими группами и саргатскими выборками, неоднороден. Он состоит из двух частей разного происхождения – таежного западносибирского и центральноазиатского. Об этом свидетельствует морфологическое сходство исследуемых

черепов с суммарной тагискенско-уйгаракской и саргатскими сериями (Приишимье и Прииртышье). Соотношение этих двух монголоидных компонентов варьирует в зависимости от географического положения некрополей (Рыкун, 2002, 2005).

По археологическим данным население каменской культуры вступало в межэтнические контакты как с носителями более западных культур (саргатской, савроматской, сарматской, сакской), так и с восточными (полукочевниками Саяно-Алтая, населением пазырыкской культуры Горного Алтая), что подтверждается в частности комплексом вооружения каменцев (кинжалы, чеканы, мечи и др.) (Могильников, 1997; Могильников, Уманский, 1999 а, б).

Наличие специфических повреждений на некоторых черепах из могильников каменской культуры (Новотроицкое-1; Рогозиха-1; Милованово-8) свидетельствуют о том, что межэтнические контакты на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа не всегда осуществлялись мирным путем (Рыкун, 2007).

При исследовании краниологических материалов из курганного могильника Новотроицкое-1, Тальменский р-н, Алтайский край (Могильников, 1997; Уманский, 1991) были обнаружены травматические повреждения двух черепов (рис. 1, *а, б*).

Курган 28, могила 1, скелет 2 (КА ТГУ № 5088),мужчина 20–30 лет. На левой теменной кости имеется два повреждения – дырчатые переломы овальной формы (рис. 1, *а*). Скорее всего, два сквозных дырчатых перелома были получены в результате удара значительной силы (сверху вниз) твердым овальным предметом, конусовидной формы (диаметром 13–19 мм), оружием типа чекана либо клевца.

Курган 30, могила 1, скелет 1 (КА ТГУ № 5089), мужчина 30-35 лет. На черепе зафиксировано три повреждения: два – на правой теменной; одно – на лобной костях, нанесенных одним предметом (рис. 1, *б* на вклейке). На правой теменной кости обнаружено два дефекта. *Один* округлой формы (12х15мм), края переломов острые, что свидетельствует о смерти человека сразу после получения травм. Удар был нанесен сверху вниз, почти под прямым углом, тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью, круглым в сечении (диаметр ударной части 12 мм). *Второй дефект* относится также к типу сквозных дырчатых переломов. Имеет овальную форму (25х13 мм), медиальный край (15 мм) вдавлен, что свидетельствует об ударе, нанесенном почти по касательной к черепному своду с неглубоким проникновением ударной части оружия (диаметр открытого отверстия 6 мм).

На лобной кости в области брегмы имеется отверстие идеально круглой формы. Характер повреждений свидетельствует об ударе, нанесенном почти под прямым углом, сильном, стремительном. Проникновение оружия оказалось неглубоким. Скорее всего, таким оружием мог быть чекан с острием бойка в диаметре не менее 8 мм. В погребениях каменской культуры неоднократно зафиксированы втульчатые чеканы овальной формы разных диаметров (Могильников, Уманский, 1999а: 93; Они же, 1999б: 117).

Исследованы краниологические материалы из курганного могильника Рогозиха-1 (Павловский р-н, Алтайский край). По вещевому комплексу курганы с 1 по 9 датируются V–IV вв. до н.э., курганы 10–26 имеют дату IV–III вв. до н. э. (Уманский, 1992). Травматические повреждения обнаружены только на двух черепах из курганов 16 и 24, в более ранних курганах они не зафиксированы (см. рис. 1, *в, г* на вклейке).

Курган 16, могила 1 (КА ТГУ № 4409). Череп мужчины 40-50 лет имеет два повреждения: дырчатые переломы левой и правой теменной костей (см. рис. 1, *в*). На основании формальных признаков травм, можно предположить, что удары были нанесены с кратким интервалом времени одним и тем же оружием, боек которого имел овальное сечение (15х13 мм). Похожие травматические повреждения (дырчатые переломы овальной формы в верхней части теменных костей) отмечены на двух мужских черепах из могильника Новотроицкое-1 (Рыкун, 1999: 154). Специфические дефекты черепа, видимо, являются результатом воздействия чекана – оружия ближнего боя, широко распространенного среди племен Алтая, Тувы, Минусинской и Ачинско-Мариинской котловин и западносибирских культур раннего железного века (Худяков, 1989: 34–35).

Курган 24, могила 1 (КА ТГУ № 4425). Череп мужчины 40–45 лет имеет узкое и длинное сквозное отверстие (35х5 мм) с отломом части правой теменной кости (см. рис. 1, *г* на вклейке). Целый край отверстия ровный и острый, наружная компакта идеально ровная, что говорит о достаточной силе удара оружием линзовидной в сечении формы. В поперечнике (35 мм) края отверстия имеют характерные следы от действия острого лезвия, скорее, всего, клинка клевца, также известного ударного оружия племен скифо-сибирского мира.

По характеру повреждений (форма отверстий, особенности их краев, наличие трещин и состояние компакты) можно предположить, что дефекты черепов из курганов 16 и 24 появились в результате боевых травм, которые оказались смертельными.

В краниологической серии из курганного могильника Милованово-8 (Ордынский р-н, Новосибирская обл.) зафиксированы травматические переломы на двух черепах из в одного кургана 4 (см. рис. 1, *д*, *ж*, *з*). Первый скелет принадлежал молодому мужчине около 25 лет (КА ТГУ № 5404). У него обнаружены множественные повреждения черепной коробки (см. рис. 1, *д*, *ж*).

1) С левой стороны лобной кости параллельно венечному шву зафиксировано три сквозных отверстия: 9,2х15,5 мм; 12х15,5 мм; 12х12 мм. Характер повреждений свидетельствует о том, что дефекты получены от действия одним оружием (рис. 1, *д*).

2) Сквозное отверстие в области брегмы затрагивает две кости – лобную и теменную. По размеру оно крупнее (19 мм), чем на лобной, имеет округлую форму. Края отверстия острые, следов заживления нет. Удар был нанесен с большой силой сверху вниз до полного проникновения бойка диаметром не менее 19 мм.

3) Еще одно сквозное отверстие овальной формы зафиксировано на теменной кости (11х15 мм). Контуры его края острые, следов заживления нет.

Все пять описанных выше специфических повреждения были произведены одним оружием под разным углом, начиная с лобной кости (см. рис. 1, *д* на вклейке). Таким оружием мог быть чекан, боек которого реконструируется по размерам отверстия: острие ромбовидной формы (9х15 мм) средняя часть бойка округлой формы с одним острым краем (12х15 мм), в верхней части около втулки округлой формы (11х15 мм). Похожий чекан обнаружен в могильнике раннего железного века Новосклюиха 1 (VI–начало V вв. до н. э.) Его боек имеет в сечении: острие ромбическое, внизу – плоское, вверху – округлое (Могильников, 1997: 49, 173, рис. 43, *8*). У пазы-

рыкцев и такарцев известны и чеканы с четырех граненными бойками (Мартынов, 1979: 162, табл. 10; Соловьев, 2003: 78, рис. 69, 71).

На этом же черепе обнаружены следы действия оружия иной формы (см. рис. 1, *ж*). На теменных костях перпендикулярно сагиттальному шву в области ламбды обнаружено сквозное отверстие 49х11 мм с отломом кости по шву с затылочной костью. Удар был нанесен с большой силой, от которого на левой теменной кости имеется линейный перелом. След действия этого же оружия обнаружен и на затылочной кости. Второй удар был нанесен с меньшей силой. От него образовалось повреждение линейной формы 30х0,4 мм с небольшим нарушением компакты. Оба специфических повреждения, видимо, следы действия уплощенного обушка чекана с острым краем около 50 мм, имеющий в сечении линзовидную форму. Такого типа чеканы с секирообразным обушком зафиксированы в наборе вооружения племен скифского времени Тувы, Минусы, Алтая, Приобья и Барабы (Чиндина, 1984: 218; Худяков, 1989: 36; Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1983: 28, рис. 2, 6 и 7; Могильников, 1997: 173).

В этом же кургане была погребена женщина 21 года (КА ТГУ № 5405). На ее черепе зафиксирован дефект правой теменной кости ниже теменного бугра (рис. 1, *з*; рис. 5). Сквозное отверстие идеально правильной формы, размерами 30х30 мм. Радиально от отверстия зафиксировано три перелома, что свидетельствует о большой силе удара тяжелым, скорее всего, металлическим предметом. Вполне возможно, что это следы от удара крупным, тупым обушком чекана. Причем обушок имел в сечении плоскую поверхность размером не менее 30х30 мм. Аналогии такой форме обушка можно найти как среди находок с территории Верхнего Приобья, например чекан с Парабельского культового места (Чиндина, 1984: 218, рис. 13, *1*), так и среди чеканов лесостепной тагарской культуры (Мартынов, 1979: 162, табл. 10), особенно имеющих кнопкообразную форму обушка (Соловьев, 2003: 78, рис. 70). Известно, что сила удара бойка даже уменьшенного чекана составляла 10–12 кг, без учета дополнительных усилий, формы и веса самого обушка (Мартынов, 1979: 52).

Предполагаемые виды оружия, которыми могли быть нанесены перечисленные выше повреждения, представлены в фондах Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Наборы вооружения из коллекций музея, в основном принадлежат тагарской культуре и собраны на территории Минусинского и Енисейского округа в XIX в. Среди них имеются секиры, чеканы с бойками и обушками различной формы. Не исключено использование кельтов, палашей и кинжалов (рис. 2 на вклейке).

В итоговой таблице указаны специфические повреждения черепов из некрополей каменской культуры, обнаруженные нами в краниологических коллекциях из могильников Каменской культуры.

Следы боевых повреждений зафиксированы в основном на мужских черепах. Характер повреждений и частота нанесенных ударов говорит о том, что мужчины, чаще были вовлечены в боевые действия. Для женщин такие повреждения, скорее всего, случайны. Поскольку все имеющиеся травматические повреждения не несут следов заживления, можно сделать вывод о том, что полученные травмы оказались смертельными.

Перечень специфических повреждений черепов из некрополей каменской культуры

Могильник	Инвентарный №, курган, могила, скелет	Пол, возраст	Локализация повреждения	Количество и особенности повреждения
Новотроицкое-1 IV–II вв. до н. э.	КА ТГУ № 5088 курган 28, могила 1, скелет 2	Мужчина, 20–30 лет	Левая теменная	2 сквозных отверстия овальной формы
Новотроицкое-1 IV–II вв. до н. э.	КА ТГУ № 5089 курган 30, могила 1, скелет 1	Мужчина, 30–35 лет	Правая теменная, лобная	2 сквозных отверстия округлой формы; 1 округлой формы
Рогозиха-1 IV–III вв. до н. э.	КА ТГУ№ 4409 Курган 16,могила 1	Мужчина, 40–50 лет	Теменные в области сагиттального шва	2 сквозных отверстия округлой формы
Рогозиха-1 IV–III вв. до н. э.	КА ТГУ № 4425 курган 24, могила 1	Мужчина, 40–45 лет	Правая теменная	Сквозное отверстие линзовидной формы
Милованово-8 II–I вв. до н. э.	КА ТГУ№ 5404 Курган 4, первый	Мужчина, около 25 лет	Лобная **Область брегмы** Правая теменная Область ламбды Затылочная	3 сквозных отверстия округлой формы Сквозное отверстие округлой формы Сквозное отверстие овальное формы Сквозной перелом 49 мм Надрез 30 мм параллельно предыдущему
Милованово-8 II–I вв. до н. э.	КА ТГУ№ 5405 Курган 4, второй	Женщина, около 21 года	Правая теменная	Сквозной перелом идеально круглой формы

По месту локализации повреждений можно предположить характер и последовательность нанесения ударов. Так, одиночные удары наносились сверху вниз в правую теменную область головы. Множественные повреждения встречаются в таких последовательностях: лобная – теменная; лобная – теменная – затылочная. Данное сочетание и специфика повреждений свидетельствуют о нанесении серии ударов. Вероятно, первый удар при нападении наносился с фронтальной стороны, следующий удар приходился по уже поверженному противнику сверху вниз, а заключительный или контрольный удар производился в затылочную область головы упавшего.

Чаще всего в краниологической серии каменского населения встречаются специфические повреждения от ударного оружия, применявшегося в ближнем бою – чекана либо клевеца. На четырех мужских черепах из могильников Рогозиха-1 (кург. 16, мог. 1, № 4409), Милованово-8 (кург. 4, № 5404), Новотроицкое-1 (кург. 28, мог. 1, ск. 2, № 5088; кург. 30, мог. 1, ск. 1, № 5089) обнаружены сходные повреждения от ударов таким типом оружия. Боек чекана мог быть конусовидной формы, круглым в сечении, со слегка заостренной ударной частью, либо с ромбическим острием, плоским внизу и округлым вверху. Обушек таких чеканов мог быть также двух типов: с заостренным секорообразным лезвием в сечении от 35 до 50 мм, либо с плоской поверхностью округлой формы в диаметре 30 мм. Множественные повреждений муж-

ского черепа из некрополя Милованово-8 (кург. 4, № 5404) наглядно показывают поочередное применение бойка и обушка. Такого вида чекан применялся как для колющих, так и для рубящих ударов. Подобного вида оружие имелось в наборах вооружения пазырыкцев, тагарцев (Соловьев, 2003: 56, рис. 7; Там же: 78, рис. 70).

Зафиксированное специфическое повреждение на правой теменной кости мужского черепа из Рогозихи-1 (кург. 24, мог. 1, № 4425), видимо, след действия клевца с бойком в виде плоского клинка (рис. 4 на вклейке). Клевцы такого типа встречаются в погребениях культур скифо-сибирской общности (Соловьев, 2003: 57, рис. 8). В фондах МАЭС ТГУ (колл. № 2767) имеется биметаллический клевец с железным клинком кинжального типа в сечении 30 мм. Эта находка с р. Тобол, датируемая ранним железным веком, предположительно относится к предметам вооружения воинов саргатской культуры, курганы которой известны в Притоболье (см. рис. 4 на вклейке).

Соотнесение датировок могильников каменской культуры и характер обнаруженных повреждений позволяет отметить некоторые моменты в реконструкции исторических событий на территории, занимаемой каменцами.

В III-II вв. до н. э. население каменской культуры в Новосибирском Приобье и, вероятно, в Барабе испытывает с севера давление кулайцев. Отдельные кулайские коллективы проникали по р. Оби вглубь каменской культуры еще в IV–II вв. до н. э. Во второй половине III в. до н. э. фиксируется первая волна значительных групп кулайцев и смешение их с каменским населением. Вторая волна передвижения кулайского населения на юг отмечается чуть позже II–I вв. н. э. (Могильников, 1997: 105; Чиндина, 1984: 254, рис. 48)

Судя по датировкам самый расцвет каменской культуры приходится на IV–I вв. до н. э., а пик межэтнических контактов – в среднем на III в. до н.э., что совпадает с первой волной миграции кулайцев на юг. Вторая волна кулайской экспанисии падает на II–I вв. до н. э. Причем можно отметить, что первая миграция кулайцев была направлена в сторону Новотроицкого (IV–II вв. до н. э.) и Рогозихи (IV–III вв. до н. э.), а вторая волна, более широкая в юго-западном направлении, могла затрагивать Милованово (II–I вв. до н. э.).

Осуществлялось взаимодействия каменцев и с племенами тагарской культуры, которые, предположительно, могли передвигаться по долине р. Томи. Вполне возможно, следы повреждений на черепах из Новотроицкого 1 стали результатом столкновения каменцев с отдельной группой тагарцев (рис. 3 на вклейке).

Контакты каменцев с населением пазырыкской культуры, осуществлявшиеся, вероятно, по долинам р. Алея и р. Чарыша, могли распространяться вплоть до Рогозихи. Так, известно, что мужские погребения могильников пазырыкской культуры (Кызыл-Джар I, VIII) сопровождались оружием, среди которого с правой стороны располагались чекан и кинжал (Могильников, 1983: 19). В краниологических коллекциях КА ТГУ из погребений пазырыкской культуры Кызыл-Джар (у д. Бельтир, Кош-Агачский р-н, республика Алтай), нами зафиксированы специфические повреждения костей черепа. В одном случае повреждения аналогичны каменским: левая теменная кость имеет два округлых отверстия 11x11 мм, 10x9 мм с острыми краями. Обнаружены они на черепе женщины 15–18 лет (КА ТГУ № 2014) из кургана 1 могильника Кызыл-Джар VIII, датируемого IV–III вв. до н. э. Иные повреждения с облитерацией

краев черепной коробки зафиксированы среди коллекций серии Кызыл-Джар V (№ 2012, к. 3, мужчина, 45–50 лет) и Кызыл-Джар – IV (№ 2009, к. 2, мужчина, 30–35 лет).

Не вызывает сомнения, что обнаруженные специфические повреждения черепов каменской культуры результат действия чекана, наиболее распространенного ударного оружия ближнего боя у племен скифского времени Западной и Южной Сибири (Плетнева, 1977; Мартынов, 1979; Чиндина, 1984; Худяков, 1989; Могильников, 1997). Факты распространения такого типа повреждений как результат ранений или ритуальных действий известны в эпоху раннего железа на территории Новосибирского Приобья (Бородовский, Шпакова, 1999: 156) и сопредельных территорий Южной Сибири и Центральной Азии (Медникова, 1997: 135–137; 2001: 220–227; Грач, 1980: 254; Чикишева, 2006: 46).

Характерные дефекты, вызванные действием чекана, описаны на палеоантропологическом материале Улангомского могильника, V–III вв. до н. э., а способ его применения зафиксирован на петроглифах (Мамонова, 1997: 122). К эпохе раннего железа (середина I тыс. до н. э.) относятся многофигурные композиции с зооморфными и антропоморфными персонажами, как, например, сцена с изображением людей, вооруженных чеканами, обнаруженная на горе Джолшыз-Тобе, Чуйская степь в 10 км от с. Кош-Агач (Черемисин, Седельников, Баринова, 2003: 119, рис. 2). Еще одним примером применения такого типа оружия может служить сцена боя воинов, вооруженных клевцами, в петроглифах Сагыра в Восточном Казахстане, Шанин-шад в Монгольском Алтае (Кубарев, 1979, рис. 17;.Соловьев, 2003: 57, рис. 10, *а*, *б*).

По данным анализа демографической ситуации высокая смертность мужчин в зрелом возрасте (adultus, maturus) характерна для всего круга скифских культур (Мартынов, Алексеев, 1986), в том числе каменской (Рыкун, 1997; Могильников, 1997; Матвеева, 2002). В период зрелости наблюдается социальная активность мужской части населения, связанная, в том числе и с участием в военных действиях. По данным археологии такие действия имели место и на территории Верхнего Приобья (Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Шпакова, Бородовский, 1997). Прямым доказательством военных стычек на протяжении всего периода существования каменской культуры служат обнаруженные травматические повреждения черепов от таких орудий ближнего боя как чекан, но не исключается применение и клевца с плоским клинком (Рыкун, 1999: 152–153).

Как по археологическим, так и по палеоантропологическим источникам население каменской культуры вступало в межэтнические контакты с носителями западных и восточных племен. Отсутствие городищ, малое количество оружия в погребениях, низкая доля погребенных с воинским инвентарем в некрополях каменцев, подчеркивает мирный характер населения оставившего данные памятники, и о том, что у них война еще не являлась основным занятием, хотя они часто подвергались набегам соседних племен (Могильников, 1997; Матвеева, 2002).

Если добавить к этому, подчеркнуто мирный характер населения каменской культуры, то данные обстоятельства сыграли роковую роль в их судьбе при высокой активности и вооруженности, пограничных саргатцев, кулайцев, тагарцев, парыкцев. Ослабление ранних кочевников, обусловленное начавшейся экспансией гуннов и связанные с ней межплеменные столкновения, способствовали проникновению с конца

III в. до н. э. в этот регион кулайцев, которые к первым векам н.э. ассимилировали каменцев.

Кочевой мир и оседлое население лесостепного Алтая находились в постоянном взаимодействии, начиная с эпохи бронзы, что подтверждается палеоантропологическими материалами. Эпоха раннего железа – время особенно активных контактов культур Алтая со степным миром. Территориально носители каменской культуры оказались втянутыми в этот процесс. Специфические повреждения, обнаруженные на их черепах, свидетельствуют о напряженной социальной обстановки в районе верхней Оби в эпоху раннего железного века.

Литература

Бородовский А.П., Шпакова Е.Г. Палеодемографическая ситуация в Новосибирском Приобье в конце I тыс. до н. э. (по краниологии курганной группы Быстровка-3) // Экология древних и современных обществ: Тезисы докладов конференции, посвящ. 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979.

Мартынов А. И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.

Матвеева Н.П. Некоторые палеодемографические характеристики каменской культуры лесостепного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4.

Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н. э.) // Российская археология. 1997. № 4.

Медникова М.Б. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // Российская археология. 1997. № 4.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Наука, 2001.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997.

Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое 1, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: Сборник статей к 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.П. Уманского. Барнаул, 1999а.

Могильников В.А., Уманский А.П. Бронзовые котлы из новотроицких курганов // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: Сборник статей к 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.П. Уманского. Барнаул, 1999б.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

Рыкун М.П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1.

Рыкун М.П. О характере травматических повреждений мужского населения каменской культуры (по материалам могильника Новотроицкое-I) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных статей / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул, 1999.

Рыкун М.П. Краниологические материалы из могильника каменской культуры Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4.

Рыкун М.П. Материалы по антропологии древнего населения лесостепного Приобья (ранний железный век) // Экология древних и современных обществ: Доклады конференции. Тюмень, 2003. Вып. 2.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Рыкун М.П. Специфика повреждений черепов из некрополей каменской культуры // Вестник антропологии: Научный альманах. Москва, 2007. Вып. 15, ч. II.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.

Троицкая Т.Н. О северной границе распространения большереченских племен // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник// Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1982.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994.

Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое-1 в 1987 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и ссобщ. к конф. Барнаул, 1991.

Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.

Худяков Ю.С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Черемисин Д.В., Седельникова Н.В., Баринова Е.С. Скальные поверхности, лишайники и петроглифы юго-восточного Алтая: изучение в рамках интеграционного проекта СО РАН // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посв. 70-летию со дня рождения А.И. Мартынова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003.

Чикишева Т.А. Палеоантропологические материалы из кургана Аржан-2 // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов: Материалы Междунар. научн. конф. Кызыл, 2006.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Шпакова Е.Г., Бородовский А.П. Факты искусственного повреждения черепов из Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа по материалам памятника Быстровка-2, 3 //Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 1997. Т. 1.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНЫХ И ТАЕЖНЫХ РАЙОНОВ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

П.О. Сенотрусова
г. Красноярск

Изучение укрепленных поселений на территории Красноярской и Ачинской лесостепи, а также таежной зоны Приенисейской Сибири имеет более чем вековую историю. Но при этом до недавнего времени количество известных городищ было невелико. Вызвано это было множеством факторов, в том числе и тем, что целенаправленные экспедиции, работы которых были бы акцентированы на изучении городищ, практически не проводились. Кроме того, в ходе репрессий 1930-х гг., погибли многие исследователи, носители информации, что привело к забвению целого ряда археологических памятников. В последние годы положение стало меняться: в связи с появлением новых материалов, назрела необходимость подвести определенные итоги изучения городищ, чему и посвящена настоящая статья.

В истории изучения городищ на территории лесостепной и таежной зоны Приенисейской Сибири можно выделить четыре этапа:

– середина XIX – начало 1920 гг. XX вв., период первичного накопления источников;

– период с конца 1917 г. до начала 1930 гг. – время первых целенаправленных исследований укрепленных поселений и попытки обобщения имеющихся источников;

– период с 1930 гг. до конца 1980 гг. – эпизодические исследования укрепленных поселений;

– современный период, охватывающий время с конца 1980 гг. по сегодняшние дни – период целенаправленных исследований городищ.

Первыми в поле зрения исследователей попали городища расположенные в районе г. Красноярска. Уже в начале 1850-х гг. губернатор Енисейской губернии Степанов, известный как любитель древностей, приводит описание Базайского городища.

В статье Н.И. Попова (1873 г.) также описывается Базайское городище («Качинский городок») расположенное напротив г. Красноярска на правом берегу р. Енисей. Поскольку автору были известны городища расположенные только на правом таежном берегу р. Енисей, он предположил, что существование укрепленных поселений на этих территориях объясняется необходимостью защиты лесных племен от набегов степняков (Клеменц, 1886: 43). Исследование Н.И. Попова, стало первой сводной работой о древнесибирских городищах, в которой автор не просто приводил фактические материалы, но и попытался выявить общие закономерности в расположении и строении укрепленных поселений.

В 1885 г. И.Т. Савенков проводит разведку Базайского городища. В ходе разведки этот памятник был исследован путем запашки плугом в нескольких местах, но никаких находок в ходе работ обнаружено не было. Тем не менее, И.Т. Савенков под-

черкнул стратегическое положение этого памятника в береговой долине р. Енисей. Он же предположил, что это городище служило временным убежищем, а не местом постоянного проживания людей (Савенков, 1886: 33).

Достаточно подробное описание того же Базайского городища имеется в работе Д.А. Клеменца, помимо описания месторасположения и размеров памятника, ученый приводит краткие сведения о собранном на городище подъемном материале. Также Д.А. Клеменц приводит сведения местных жителей, которые считают Базайское городище тем самым «Качинским городком», в котором качинцы держали оборону против русских. При этом сам исследователь с подобной точкой зрения не согласен, и отмечает, что городище существовало с «незапамятных времен».

Новый этап в изучении укрепленных поселений Приенисейской Сибири начинается в 1920-е гг., и начало его связано с расцветом краеведческого движения.

Вообще красноярские археологи 1920-х гг. не считали городища редкими памятниками для Приенисейской Сибири. Одни из свидетельств этого является тот факт, что в «Краткой программе для сбора сведений по доисторической археологии», изданной Губернским отделом народного образования в 1925 году, авторы посвятили целый раздел правилам описания укрепленных поселений. Г.П. Сосновский и Н.К. Ауэрбах предлагали подробно описывать месторасположение городищ, устройство их оборонительных систем, обнаруженный подъемный материал. Особое внимание они предлагали уделять сбору местных преданий, касающихся изучаемых городищ, а также фотосъемке памятников (Сосновский, Ауэрбах, 1925: 16). Данную работу можно считать первым методическим руководством с разработками для изучения укрепленных поселений.

В 1920-е гг. Г.П. Сосновский работал над классификацией городищ Енисейского края. Им были собраны сведения о 25 городищах Минусинского, Ачинского, Енисейского уездов и 19 городищах Туруханского района. Все известные памятники были разделены на три типа: 1 – городища с каменными стенами, расположенные на гористых возвышенностях; 2 – городища с земляными валами, расположенные на крутых берегах рек; 3 – городища четырехугольной формы, находящиеся на ровной местности. Эта работа, ставшая первым сводным исследованием укрепленных поселений Приенисейской Сибири, так и не была опубликована.

Значительный вклад в изучение Красноярских городищ внес В.Г. Карцов. Им не только были подробно описаны все памятники, но и проведены в 1928 г. первые масштабные раскопки на памятниках Красноярского района. Исследователь работал на городищах Ладейское и Ермолаевское. На памятниках было заложено несколько траншей. На основании полученного материала исследователь отнес оба памятника к выделенной им Ладейской культуре (Карцов, 1929б: 48). Появление городищ на этой территории, по мнению, В.Г. Карцова отражало экспансию кыргызов на территорию Красноярского района.

С 1927 г. в Ачинском районе Красноярского края начинаются достаточно активные археологические исследования, инициаторами которых выступило Ачинское общество краеведов при окружном музее. В этом году была организована Большекемчугская экспедиция, выявившая 12 городищ. Ведущую роль в работе экспедиции играл П.Е. Чернявский, которым было составлено описание обнаруженных памятни-

ков. Найденные городища определялись исследователями как средневековые. Необходимо отметить, что выводы П.Е. Чернявского отличаются достаточной глубиной, им был выявлен принцип расположения городищ. Одним из первых он писал о важности изучения городищ для выяснения путей миграции «северных тюрок» (Вдовин, 2005: 156). В 1928 г. А.В. Блюменау были обнаружены два городища: «одно на хребте Арга, а другое по Чулыму у Серсжа...». К сожалению, документы экспедиций не сохранились, поэтому говорить о культурной принадлежности памятников и их точной хронологии затруднительно.

Проводились археологические исследования и в районе г. Ачинска, здесь при обследовании правой нагорной стороны р. Чулым были обнаружены два городища – Ачинские городища, – которые были исследованы в 1929 г., при участии археолога Красноярского краеведческого музея В.Г. Карцова. Ачинские городища были отнесены им все к той же ладейской культуре VI–XIII вв. (Карцов, 1929б: 50).

Репрессии начала 1930-х гг. свели на нет работу красноярских исследователей: фактически тридцать лет городища Красноярского края не изучались. За эти годы были застроены Ладейское, Ермолаевское, Базайское городища. Также оказались «забыты» укрепленные поселения, открытые ачинскими краеведами.

Исключение составили только городища, расположенные в непосредственной близости от г. Ачинска. В 1956 эти памятники взяты на охрану Ачинским краеведческим музеем. В 1956–1959 гг. работники музея собирали подъемный материал с поверхности памятников, в 1960 г. проводились раскопки, в ходе которых был обнаружен материал и за пределами городищ. Была уточнена датировка памятников. На основании материала, полученного в ходе раскопок, Г.А. Авраменко (Авраменко, 1963: 111) датировал их таштыкским временем. В последующих исследованиях Ачинские городища также рассматриваются как поселения тагаро-такштыкского времени (Мартынов, 1988: 59).

В 1967–1969 гг. Нарымским отрядом Западносибирской экспедиции под руководством М.Ф. Косарева производились исследования на Шайтанском городище, расположенном в Енисейском районе Красноярского края. На основании материалов, полученных в ходе раскопок, городище было отнесено автором к молчановской культуре, датируемой поздним бронзовым – началом раннего железного веков (Косарев, 1974: 125–126).

Новый этап изучения укрепленных поселений Красноярского края начинается с конца 80-х гг. и продолжается вплоть до современности. В это время начинается изучение городищ, расположенных севернее г. Красноярска. Если раньше появление городищ связывали в основном с влиянием номадов, то теперь становится очевидным, что традиция строительства городищ существовала и у таежных народов.

В 1987 г. П.В. Мандрыкой было обнаружено два городища в районе Казачинского порога. Оба памятника были отнесены к эпохе раннего железного века, к шилкинской культуре (VI–II вв. до н. э.) (Мандрыка, 2006: 117). На памятнике Шилка-2 первые раскопки были проведены в 1995 году, в 2000-2001 годах изучение памятника было продолжено. К настоящему времени изучено около 1/5 всей площади памятника. Второе городище Усть-Шилка-2 было полностью изучено в ходе многолетних работ. Материал, полученный в ходе раскопок, позволил не только характеризовать ма-

териальную культуру населения южной подзоны Приенисейской тайги, но и определить возможные пути миграции шилкинских племен.

В последующие годы были обнаружены и частично исследованы несколько укрепленных поселений эпохи средневековья. К ним относится и городище Лесосибирское-1, обнаруженное П.В. Мандрыкой в 1996 г. В ходе работ в 1998–1999 гг. было изучено около 1/3 площади памятника. Данные, полученные в результате полевых исследований, позволили датировать памятник, а также реконструировать систему оборонительных сооружений. Городище датировано X–XIII вв., памятник интересен тем, что расположен на северной границе кыргызского каганата (Мандрыка, 2003б: 90). Анализ керамического комплекса памятника также позволил выделить влияние кыргызов на обитателей городища (Свалова, 2000: 46).

В 2004 г. П.В. Мандрыкой и И.А. Лысенко было найдено городище Пакуль, расположенное в Большемуртинском районе Красноярского края. В ходе дальнейших работ была определена приблизительная хронология памятника, частично изучены фортификационные сооружения. Городище предварительно отнесено к развитому средневековью.

В 2005 г. П.В. Мандрыка открыл городище Подпорожное, на следующий год на нем также были проведены рекогносцировочные работы. Раскопками были изучены вал и ров городища, стратиграфия памятника. Полученные материалы позволили датировать городище развитым средневековьем. По находкам прослеживается сходство с материалами городища Лесосибирское-1 (Мандрыка, 2007: 209).

Одним из самых северных городищ Приенисейской Сибири является городище Чермянское, расположенное в районе г. Енисейска. Памятник с 2005 года изучается Н.П. Макаровым и М.С. Баташевым, в ходе работ были изучены как внутренняя часть памятника, так и его фортификационные системы. В настоящее время памятник датируется средневековьем (Макаров, 2005).

Подводя итоги, можно сказать, что изучение укрепленных поселений в лесостепных и таежных районах Приенисейской Сибири позволило накопить определенные знания о городищах этого региона. Но при этом нужно отметить, что изучение городищ часто носило противоречивый характер. Исследования последних лет заставляют нас по-новому рассматривать проблемы существования и развития укрепленных поселений на территории Приенисейской Сибири.

Литература

Авраменко Г.А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

Вдовин А.С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2005. Вып. IV.

Вдовин А.С. К биографии и научной деятельности Павла Елисеевича Чернявского // Енисейская провинция. Красноярск, 2006. Вып. 2.

Карцов В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды археологической секции РАНИОН. М., 1929а. Т. IV.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929б.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох с атласом. Томск, 1886. Т. 1.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. Новосибирск, 1974.

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992.

Макаров Н.П. Отчет по археологическим раскопкам 2005 г. Чермянского городища в Енисейском районе Красноярского края. Красноярск, 2006. 50 л.

Мандрыка П.В. Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003а.

Мандрыка П.В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003б.

Мандрыка П.В. Шилкинская культура в южной тайге Средней Сибири // II Северный Археологический конгресс: Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Развитие фортификационных сооружений в южнотаежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в эпоху раннего железного века и средневековья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2007.

Мартынов А.И. Тагарские поселения. Красноярск, 1988.

Савенков И.Т. Материалы к археологии Среднего Енисея // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1886. Т. XVII, № 3–4.

Свалова Е.А. К вопросу о культурной принадлежности городища Лесосибирское-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 2.

Сосновский Г.П., Ауэрбах Н.К. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск, 1925.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Н.Н. Серегин
г. Барнаул

Остатки материальной культуры являются важнейшим источником по истории древних и средневековых обществ. Данное утверждение особенно актуально применительно к изучению различных аспектов существования кочевых социумов. Одной из основных характеристик состояния источниковой базы по истории скотоводов различных исторических периодов является фрагментарность письменных свидетельств. Поэтому многочисленные реконструкции этнокультурных, социальных и идеологических процессов, происходивших в обществах номадов, в значительной степени базируются на всестороннем анализе предметного комплекса конкретной общности. Весьма эффективным в данном случае представляется применение комплексного подхода, заключающегося в изучении отдельных категорий вещей с использованием методов различных научных дисциплин.

Одним из ярких элементов материальной культуры кочевников Евразии древности и средневековья являются металлические зеркала. Подобные изделия достаточно часто фиксируются при изучении погребальных и поминальных памятников номадов, а также представляют случайные находки. Важность металлических зеркал как источника информации определяется целым рядом обстоятельств, среди которых наиболее существенными являются полифункциональность подобных изделий и специфика их производства.

В первую очередь, обратим внимание на то, что некоторые металлические зеркала представляют собой произведения искусства. Анализ орнаментальных мотивов и изображений, зафиксированных на подобных предметах, позволяет сделать важные наблюдения относительно специфики мировоззренческих представлений конкретной общности. В ходе раскопок памятников кочевников, наряду с металлическими зеркалами местного производства, фиксируются импортные изделия. Привозные вещи поступали к номадам, в основном, в результате торговых и политических контактов с представителями оседло-земледельческих цивилизаций Средней Азии, Ближнего и Дальнего Востока. Изучение импортных металлических зеркал из памятников скотоводов позволяет рассматривать целый ряд вопросов, связанных со спецификой внешней политики в конкретные периоды истории. Кроме того, достаточно важным представляется анализ данных изделий для уточнения датировки археологических комплексов.

Учитывая обозначенные характеристики, вполне обоснованным представляется утверждение о том, что зеркала нередко представляли собой престижный элемент материальной культуры древних и средневековых обществ. Дополнительными показателями ценности рассматриваемых предметов являются относительная редкость их

*Работа выполнена при поддержке ГРНФ, проект № 08-01-00355а.

обнаружения с одной стороны, и большое количество подделок – с другой. Таким образом, анализ случаев нахождения данных изделий позволяет рассматривать отдельные характеристики социальной структуры номадов.

В каждом социуме роль зеркал могла зависеть от целого ряда показателей, что определяет необходимость специального рассмотрения конкретных общностей. В то же время важно учитывать опыт, накопленный отечественными и зарубежными исследователями в этой области. Изучению зеркал из памятников кочевников Евразии раннего железного века и средневековья посвящено значительное количество специальных разделов и отдельных монографий, статей и публикаций. Ценным представляется опыт систематизации металлических зеркал (Горбунова, 1990; Кузнецова, 2002; Кирюшин, Степанова, 2004: 76–85; Руденко, 2004; и мн. др.). Анализ морфологических характеристик изделий является основой для дальнейшей работы по разработке классификации и типологии предметов, а также по конкретизации их датировки.

Одним из методов изучения металлических предметов является спектральный анализ. Его использование позволяет рассматривать проблемы, возможности решения которых традиционными методами археологии и истории весьма ограничены. В первую очередь это вопросы, связанные с определением места производства находки и технологией ее изготовления. Опыт применения спектрального анализа в ходе изучении зеркал на сегодняшний день незначителен (Мошкова, Рындина, 1975; Сорокина, Трейстер, 1983; Гугуев, Трейстер, 1995; Тишкин, 2006а; 2006б), однако имеющиеся работы демонстрируют основные перспективы подобных исследований.

Большое внимание в работах отечественных специалистов уделено рассмотрению культовых функций металлических зеркал. В настоящее время большинство исследователей склоняются к тому, что в духовной культуре многих народов Евразии данные изделия наделялись магическими свойствами и могли использоваться в ритуальной практике начиная с древности и до этнографического времени (Хазанов, 1964; Банников, Кузнецова. 1998; Тишкин, Дашковский, 2003: 228; Шульга, 2003: 93–100 и мн. др.).

Итак, зеркала из памятников кочевников Евразии древности и средневековья изучались с помощью различных методов – общеисторических, археологических, искусствоведческих, в меньшей степени естественно-научных. Очевидно, что применение комплексного подхода, один из показателей которого – объединение итогов реализации обозначенных методов, является весьма эффективным и позволяет получать наиболее объективные сведения. Однако в силу целого ряда обстоятельств подобные работы немногочисленны. В этом плане актуальным представляется осуществление комплексного анализа изделий, которые происходят с конкретных территорий, связанных общностью историко-культурных процессов. В настоящей работе рассматриваются основные аспекты изучения металлических зеркал из памятников номадов Южной Сибири и сопредельных районов периода раннего и развитого средневековья.

Вторая половина I – начало II тыс. н. э. в северо-западных районах центральноазиатского региона характеризуется высокой динамичностью этнокультурных и историко-политических процессов. В частности, это проявилось в степени интенсивности различного рода контактов номадов с оседло-земледельческими цивилизациями. Активные политические и торговые отношения нашли отражение в материальной культуре скотоводов. Необходимо отметить, что привозные зеркала фиксируются в па-

мятниках предшествующей эпохи (Кубарев, 2002; Тишкин, 2006), однако, в период раннего средневековья абсолютное большинство обозначенных предметов являются импортными, либо представляют копии с подобных изделий. Это обстоятельство позволило отдельным исследователям говорить о постепенном исчезновении у номадов региона производства зеркал на основе местных традиций, начиная с хуннуского времени (Худяков, 1998: 16).

Металлические зеркала обнаружены во многих раннесредневековых памятниках Южной Сибири и сопредельных территорий и всегда привлекали внимание археологов. Однако до последней четверти XX в. отсутствовали исследования, содержащие анализ различных аспектов распространения подобных изделий. Первой крупной работой, посвященной рассмотрению металлических зеркал из памятников Южной Сибири, стала монография Е.И. Лубо-Лесниченко (1975). В рамках исследования было осуществлено изучение изделий, которое заключалось в поиске аналогий с датированными экземплярами, а также проведении стилистического и спектрального анализа зеркал, обнаруженных в Минусинской котловине и на сопредельных территориях (Лубо-Лесниченко, 1975: 7). В источниковой базе работы особое место заняли вещи, датирующиеся второй половиной I тыс. н. э. В приложение монографии помещено исследование И.В. Богдановой-Березовской (1975), имеющее самостоятельное значение. В данной статье отражены результаты изучения состава металла зеркал методом спектрального и полного количественного химического анализа. Совместное исследование Е.И. Лубо-Лесниченко и И.В. Богдановой-Березовской стало первой и единственной работой, в рамках которой реализованы отдельные аспекты комплексного подхода при изучении металлических зеркал раннего средневековья с территории Южной Сибири. В последующие годы обозначенное направление не получило своего развития. Одним из объяснений подобной ситуации является то, что извлечение информации из подобных изделий сопряжено со значительными трудностями различного характера (Лубо-Лесниченко, 1975: 7).

Тем не менее, отдельные аспекты обозначенной тематики затрагивались в целом ряде работ. Сводка металлических зеркал, обнаруженных в погребальных комплексах тюркской культуры, представлена в монографии Б.Б. Овчинниковой (1990: 63–65). Автор выделила признаки предметов (орнаментальный мотив и форма), на основе учета которых была разработана классификационная схема и предложена характеристика типов изделий. Начиная с 1980-х гг. увеличивается количество работ, авторы которых, осуществляя публикацию материалов раскопок раннесредневековых памятников Южной Сибири, высказывали отдельные замечания по поводу распространения металлических зеркал у номадов, а также специфики использования подобных предметов в кочевом обществе (см. сводку: Серегин, 2007).

Анализ исследований в указанной области, имеющихся на сегодняшний день, позволяет обозначить основные итоги и перспективы изучения металлических зеркал из памятников Южной Сибири и сопредельных территорий второй половины I – начала II тыс. н. э.

Абсолютное большинство раннесредневековых зеркал, обнаруженных в северо-западных районах центрально-азиатского региона, связаны с традициями дальневосточного центра производства подобных изделий. При этом необходимо учитывать,

что предметы, происходившие из Поднебесной империи, зачастую подделывались. Традиция копирования китайских зеркал была весьма широко распространена в древности и средневековье. Поэтому одна из важнейших проблем в изучении этой категории находок – отделение местных подделок от оригинальных предметов. Большинство исследователей решали данную задачу на основе рассмотрения внешних признаков зеркал. Среди наиболее значимых характеристик называются «белый» цвет и массивность изделий, а также качество орнамента (Лубо-Лесниченко, 1975: 23; Кубарев, 2005: 75). Очевидно, что учет обозначенных показателей необходим для первичной атрибуции находки. Однако объективность определения места производства зеркала только на основе визуального изучения представляется весьма сомнительной. К примеру, точность и четкость передачи орнамента может являться следствием качественной подделки, а размытые линии в ряде случаев обнаруживаются и на импортных зеркалах не лучшего качества (Литвинский, 1978: сноска 272). Характерный серо-серебристый цвет изделия может быть получен различными способами, в том числе и в ходе производства копии оригинального предмета (Тишкин, 2006: 114; 2006а: 193).

В связи с этим на первый план в изучении подобных вещей выходит анализ состава металла с помощью естественно-научных методов. К сожалению, после исследования И.В. Богдановой-Березовской (1975) целенаправленной работы в указанном направлении не проводилось. В то же время некоторые авторы при публикации материалов раскопок дополняли общее описание зеркала данными о составе сплава, что в ряде случаев позволило достоверно обозначить импортные вещи (Грач, 1958; Тишкин, Горбунов, 1998; Грушин, 2005). Однако очевидно, что какие-либо серьезные наблюдения должны быть основаны на значительно большем количестве определений.

Распространению предметов китайского импорта на значительные территории способствовало развитие торговых путей (Лубо-Лесниченко, 1994: 256–257; Мамлеева, 1999). Количество металлических зеркал в раннесредневековых памятниках Южной Сибири и сопредельных территорий в значительной степени определяется степенью близости к Поднебесной империи. В более северных районах подобные находки фиксируются значительно реже, что обусловлено отдаленностью от основных центров производства и торговых путей (Маракуев, 1947: 168; Чиндина, 1991: 94–96; Матющенко, 1995). Интересен тот факт, что сложность доставки привозных вещей из Китая могла компенсироваться получением предметов роскоши из других оседло-земледельческих центров. Например, в памятниках номадов Верхнего Приобья фиксируются зеркала, происхождение которых связано с территориями Средней Азии и Восточной Европы (Троицкая, Черноскутов, 1984; Росляков, 2007: 14, 19).

Не исключена возможность сохранения в период раннего средневековья производства металлических зеркал, основанного на местных традициях (Кубарев, 2005: 75).

Специфика распространения зеркал в памятниках номадов Южной Сибири может быть связана и с другими показателями. В этом плане обращает на себя внимание отсутствие подобных изделий в погребениях тюрок в Минусинской котловине, хотя есть основания предполагать, что среди кочевников были и представители достаточно высоких слоев общества (Тетерин, 1999; Худяков, 2004: 94). По мнению Ю.С. Худякова (2004: 66–67), незначительное количество предметов импорта связано с особенностями положения тюрок на Среднем Енисее после крушения империи номадов.

В том, что у населения Минусинской котловины не было каких-либо затруднений в получении зеркал, убеждает солидная коллекция изделий, представляющих случайные находки, а также обнаруженных в погребальных и поминальных комплексах, относящихся к различным эпохам.

На наш взгляд, понимание этих и других особенностей распространения металлических зеркал в обществе раннесредневековых номадов обусловлено изучением подобных изделий как одного из элементов погребально-поминальной практики кочевников. Очевидно, что разработка обозначенной тематики весьма перспективна, так как только в этом случае появляется возможность объяснения места предмета в представлениях скотоводов. Однако на сегодняшний день можно констатировать полное отсутствие исследований, посвященных определению роли металлических зеркал в обрядности раннесредневековых номадов Южной Сибири. Ниже кратко представлены отдельные результаты реализации обозначенной тематики.

Одним из элементов погребальной практики было размещение зеркал в могиле. При рассмотрении обряда номадов тюркской, сросткинской и кимакской культур выделено несколько основных традиций, которые могут иметь различное объяснение (Серегин, 2007). Например, помещение зеркал на поясе и на груди, по всей видимости, связано с особенностями ношения данных предметов при жизни – в качестве амулета на груди или в поясной сумочке. Одной из трактовок частого нахождения зеркал у головы умершего является наличие комплекса представлений, связанных с этой частью тела. Однако имеются и другие объяснения обозначенным традициям. Определенный интерес представляют сведения о специфике использования металлических зеркал в обряде жителей Поднебесной империи. В древних и средневековых погребениях Китая обозначенные изделия часто фиксируются среди других предметов сопроводительного инвентаря (Масумото, 2005: 302). В некоторых случаях зеркала помещали отражающей стороной на груди покойного, считая, что это защитит его от злых духов (Филиппова, 2000: 106). Кроме того, в китайском обществе был распространен обычай подвешивать зеркало над изголовьем кровати для того, чтобы отогнать нечистую силу (Маракуев, 1947: 169).

В данном случае возникает вопрос о степени проникновения культурных традиций китайского общества в среду кочевников. С одной стороны, очевидно, что комплекс мировоззренческих представлений номадов и жителей Поднебесной империи различаются коренным образом, что усугублялось сложными политическими отношениями. В то же время постоянные контакты элитных слоев общества скотоводов с китайскими дипломатами, торговцами и чиновниками не могли пройти бесследно. Вполне возможно, некоторые сюжеты орнаментации китайских зеркал могли восприниматься, переосмысливаться кочевниками. Не лишенным оснований представляется предположение о том, что номады выбирали для подделки типы зеркал с определенными, более понятными им орнаментальными мотивами (Лубо-Лесниченко, 1975: 23). В период раннего средневековья этому могло способствовать упрощение символики танских зеркал, которая стала менее каноничной и более понятной для некитайских народов (Масумото, 2005: 301). Таким образом, не лишено некоторых оснований и предположение о возможности восприятия номадами традиций в размещении зеркал в погребении. Добавим, что возможность заимствования элитными слоями номадов

отдельных черт обряда жителей Поднебесной империи подтверждается материалами погребальных и поминальных комплексов кочевников гунно-сарматского и тюркского периодов (Худяков, 2002: 148; Филиппова, 2005: 19).

С другой стороны, необходимо учитывать то, что обозначенные закономерности характерны для многих культур кочевников раннего железного века и средневековья (Иванов, Кригер, 1988: 19; Худяков, 1998; Табалдиев, 1999; Николаев, 2004: 69–70 и мн. др.). Объяснение схожести обозначенных традиций может заключаться в универсальности связанных с использованием металлических зеркал мировоззренческих представлений. Однако даже условная реконструкция последних сопровождается значительными затруднениями. Так, изучение места зеркал в культовых традициях раннесредневековых номадов Южной Сибири может основываться только на данных археологии в связи с отсутствием, за редким исключением (Арсланова, Кляшторный, 1973: 313), каких-либо упоминаний в письменных источниках.

С большей уверенностью можно утверждать, что находка импортного зеркала или его копии свидетельствует об определенном социальном статусе индивида. В большинстве случаев при изучении раннесредневековых погребений кочевников с зеркалами зафиксированы и другие ценные вещи, часть которых относится к предметам импорта (шелк, ювелирные и лаковые изделия, монеты).

Дополнительную информацию о специфике социальной структуры обществ номадов Южной Сибири периода раннего средневековья дает тот факт, что металлические зеркала в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в женских погребениях. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, а также немногочисленные антропологические определения (Гаврилова, 1965: 61; Грушин, 2005: 134; Поздняков, 2006: табл. II, IV). Вопрос о роли женщины в обществе раннесредневековых кочевников центрально-азиатского региона является малоизученным (Гумилев, 2002: 85), однако в последнее время появляются исследования, посвященные обозначению отдельных аспектов этой проблемы (Третьякова, 2000; Китова, 2005; Белинская, 2007). С.Г. Кляшторный (2000: 148–149), рассматривая социальное устройство степных империй, обратил внимание только на положение невольниц, активно участвовавших в хозяйственной деятельности. В то же время сведения китайских авторов позволяют утверждать, что были женщины, которые обладали дольно высоким статусом в кочевом социуме. В частности, известно, что катун (жена кагана) «по обычаю северных варваров принимала участие в военных предприятиях» (Лю Маоцай, 2002: 40). В династийных хрониках даже упоминаются определенные ранги женщин (Лю Маоцай, 2002: 70), что свидетельствует о сложной системе отношений в обществе номадов. При этом положение женщины определялось, в первую очередь, статусом мужчины. Поэтому логично предположить, что наиболее «богатые» захоронения представительниц слабого пола принадлежат членам семей знатных воинов, участников аппарата управления и др. В настоящее время представляется возможным утверждать, что одним из маркеров подобных объектов являлись металлические зеркала (Евтюхова 1957; Арсланова, Кляшторный, 1973; Савинов, 1994; Длужневская, 2000; и др.).

В настоящей работе представлен лишь первоначальный опыт осмысления места зеркал в материальной и духовной культуре кочевников Южной Сибири периода ран-

него средневековья. Обратим внимание на то, что многие проблемы, в том числе и те, которые не решены в отечественной науке, достаточно подробно раскрыты в китайской литературе (Стратанович, 1960; 1961: 53). Прежде всего, это вопросы, связанные с анализом состава сплава зеркал и определением технологии их изготовления, рассмотрением эволюции и семантики орнаментальных мотивов, а также конкретизацией датировки различных типов изделий. Необходимо признать, что полноценное изучение металлических зеркал из памятников кочевников серьезным образом затруднено тем, что многие находки не введены в научный оборот. Кроме того, остается актуальной проблема качественной публикации уже известных вещей.

Подчеркнем, что наиболее значимые данные будут получены при сопоставлении результатов осуществления комплексного анализа металлических зеркал в широком хронологическим диапазоне. Дальнейшее изучение специфики распространения данных изделий в памятниках номадов Южной Сибири, а также рассмотрение особенностей их использования кочевниками будет способствовать реконструкции отдельных аспектов социально-экономической и этнокультурной истории региона.

Литература

Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.

Банников К.Л., Кузнецова Е.А. О смысловых значениях шаманских зеркал: проблемы осмысления культовых артефактов // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998.

Белинская К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.

Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). М., 1990.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. 1958. № 4.

Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005.

Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // СА. 1995. № 3.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2002.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улут-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004.

Китова Л.Ю. К вопросу о семье и положении женщины у древних кочевников (диахронный срез) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. СПб., 2000.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. М., 2002. Т. 1.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М., 1994.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002.

Мамлеева Л.М. Становление Великого шелкового пути в системе транснационального взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua. 1999. № 2.

Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области // Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98.

Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. 2.

Матющенко В.И. Состояние обмена и начало торговли в эпоху средневековья // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Омск, 1995.

Мошкова М.Г., Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток, 2004.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск, 2006.

Росляков С.Г. Культура населения Новосибирского Приобья в начале II тыс. н. э. (по материалам курганного могильника Санаторный-1): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13).

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного исторического музея // СА. 1983. № 4.

Стратанович Г.Г. Книга о древнем искусстве китайских мастеров художественного литья, чеканки и гравировки металла // Советская этнография. 1960. № 1.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование. // Восточно-азиатский сборник: Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1961.

Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006а. № 4.

Тишкин А.А. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М., 2006б.

Тишкин А.А., Горбунов В.В, Курган сросткинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.

Третьякова В.Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. II.

Троицкая Т.Н., Черноскутов Е.М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией в конце I тыс. н. э. // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4.

Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. № 3.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. Вып. 9.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ*

В.И. Ташак
г. Улан-Удэ

Реконструкция палеоэкологических условий обитания человека в каменном веке – одна из основных задач в ходе исследования палеолитических местонахождений. Решение вопросов палеоэкологии позволяет перейти к реконструкции хозяйственной деятельности древних человеческих сообществ, безусловно, зависевшей от условий окружающей среды. Выявление механизмов адаптации человека палеолита к окружающей среде и их эволюции в зависимости от изменений климата и ландшафтов напрямую связано с прочтением геологической истории Земли, отраженной, в том числе, и в стратиграфических подразделениях археологических объектов. Не случайно, в ряде теорий эволюции культуры и человека как вида, сама эволюция рассматривается как результат адаптации к палеоэкологическим перестройкам. Такой взгляд основан на данных естественных наук, указывающих на неоднократные изменения климата и перестройки ландшафтов. Например, переход от палеолита к мезолиту и неолиту многие исследователи связывают с изменениями климата, имевшими место с завершением последнего ледникового периода и повлекшими за собой деградацию плейстоценовой фауны. Последнее и заставило человека, специализирующегося на охоте на плейстоценовых животных, искать новые источники существования.

Вместе с тем, стратиграфические напластования археологических местонахождений отражают не только геологические события планетарного или регионально масштабов, но и менее масштабные явления. Сопоставление такого рода геологических данных с археологическими материалами и структурными элементами культурных археологических горизонтов дает возможность проследить реакцию человека на эти события. Локальные проявления геологических событий могут отражать как местные и кратковременные явления, так и представлять отголоски крупных геологических процессов. Вероятно, в зависимости от значимости геологического события, можно проследить различную степень реакции на эти события.

В данной работе предлагаются к рассмотрению исследования реакции населения, обитавшего на местонахождении Барун-Алан 1 в различные периоды древнейшей истории Забайкалья, на четко выраженные в стратиграфии памятника эпизоды геологических процессов.

Археологический памятник Барун-Алан 1 – крупнейшее в Забайкалье местонахождение типа скальное убежище, расположен в 6 км на северо-запад от западной окраины села Алан (рис. 1), на выположенной площадке у южного подножия скальной стенки на западном склоне горы Хэнгэрэктэ, массив которой составляет южную

* Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект № 21.1 и РГНФ, проект № 06-01-00527а.

оконечность отрогов хребта Хомские Гольцы. Небольшой хребет Хомские Гольцы входит в систему крупного хребта Улан-Бургасы. На этом участке дно асимметричной долины Алана достигает ширины 1,5–2 км. Вдоль правого берега подгорные шлейфы, повсеместно протяженные, начинаясь от некрутых, поросших лесом склонов, плавно опускаются к речке. Вдоль левого берега горные склоны на всем ее протяжении изобилуют скалистыми выходами и скальными стенками, присклоновые шлейфы менее протяженные и более крутые, и только в самом устье долины ее левый борт переходит в очень протяженные шлейфы, покрытые травянистой степной растительностью. Высота местонахождения над уровнем речки Алан 90–100 м при крутизне подъема от поймы к площадке 20–30°.

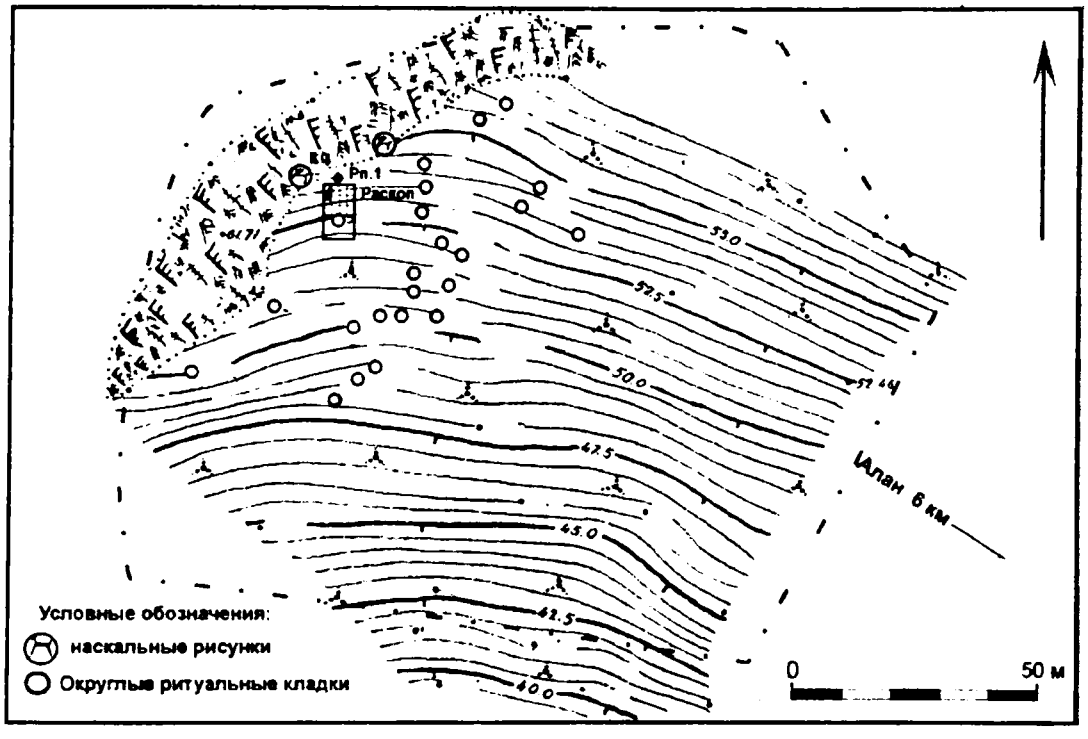


Рис. 1. Схема геоархеологического комплекса Барун-Алан 1

Барун-Алан 1 – это сложный геоархеологический объект, включающий в себя комплекс археологических памятников, тесным образом связанных с локальным ландшафтным участком. Весь комплекс располагается на выположенной площадке на склоне западной экспозиции горы Хэнгэрэктэ, у подножия скальной стенки, являющейся частью скалистой гряды широтного простирания. Отвесная сиенитовая скала, обращенная ровной поверхностью на юг, высотой 12,5 м и протяженностью 30–40 м, охватывает часть поверхности склона, сдерживая на этой площади активные денудационные процессы. Сама скала и субгоризонтальная площадка под ней являются не только элемен-

тами ландшафта, но и частью археологических объектов. Вся нижняя часть скалы, обращенной на юг, преимущественно, на высоте от 50 до 200 см покрыта петроглифами, выполненными охрой. Наскальные рисунки относятся к так называемой селенгинской группе писаниц, большая их часть датируется развитым и финальным бронзовым веком (Окладников, Запорожская 1969, 1970). Субгоризонтальная площадка под скалой с петроглифами имеет своеобразное ограждение из ритуальных кладок – небольших каменных курганчиков диаметром от одного до двух метров и высотой 30–50 см. Кладки, расположенные в несколько рядов, широким полукругом охватывают площадку. При этом за пределы той границы, которую отмечают концы внутреннего полукруга, упираясь в скалу, наскальные рисунки не распространяются. Одна каменная кладка располагалась в центральной части площадки. Очевидно, что наскальные рисунки, площадка под скалой с наскальными рисунками и ритуальные каменные курганчики, ограничивающие площадку, и кладка внутри площадки, составляют единый сакральный комплекс, служивший для отправления определенных ритуалов обрядовой деятельности. Исходя из принятой датировки наскальных рисунков, можно предположить, что весь ритуальный комплекс относится к эпохе бронзового века.

Помимо различимых на поверхности археологических объектов грунт, слагающий покровные отложения мощностью более трех метров в зоне указанной ритуальной площадки и за ее пределами, содержит большое количество артефактов, датируемых от железного века до среднего палеолита. Артефакты залегают в литолого-стратиграфических подразделениях, имеющих определенные особенности, позволяющие реконструировать некоторые локальные геологические процессы и человеческую реакцию на них.

Раскопом на площадке под скалой зафиксировано 7 литологических слоев, содержащих разновременные археологические материалы (рис. 2):

1. Супесь пылеватая, рыхлая по структуре, серо-золистого цвета с каштановым оттенком. Содержание песка, дресвы, щебня умеренное. Слой насыщен корневой системой травянистой растительности. Мощность слоя от 5 до 12 см.

2. Алевропесок среднезернистый с большим содержанием пылеватых частиц алеврита и глины. Цвет беловатый. Слой по структуре разнородный – представлен комковатыми фракциями, плотными линзами, пылеватыми включениями. В верхней части слой местами окрашен в желтоватый цвет. Это, вероятно, вызвано диффузией частиц 1-го во 2-й. Часть слоя окрашена в светло-серый цвет. Нижняя граница слоя четкая, ровная. Мощность слоя – 20–40 см.

3. Супесь легкая с большим содержанием песчаного алеврита, пылеватая, светло-серого цвета, внешне похожая на плотно слежавшуюся золу. В верхней части слоя фиксируется тонкий слой черного цвета, представляющийся остатками травянистого плаща. Его мощность варьирует от 0,5 до 2 см. Вероятно, накопление слоя 2, развивающегося на слое 3, происходило очень быстро и привело к консервации тонкого дернового покрова. Общая мощность слоя от 3 до 7 см.

4.Супесь серовато-каштанового цвета с большим содержанием песчаного алеврита, пылеватая, слежавшаяся, плотная, но при физическом воздействии слой легко разрушается. В верхней части слоя 4, также как и в слое 3, наблюдается темный прослой. Граница между слоями 3 и 4 четкая, ровная. Мощность слоя варьирует от 5 до 10 см.

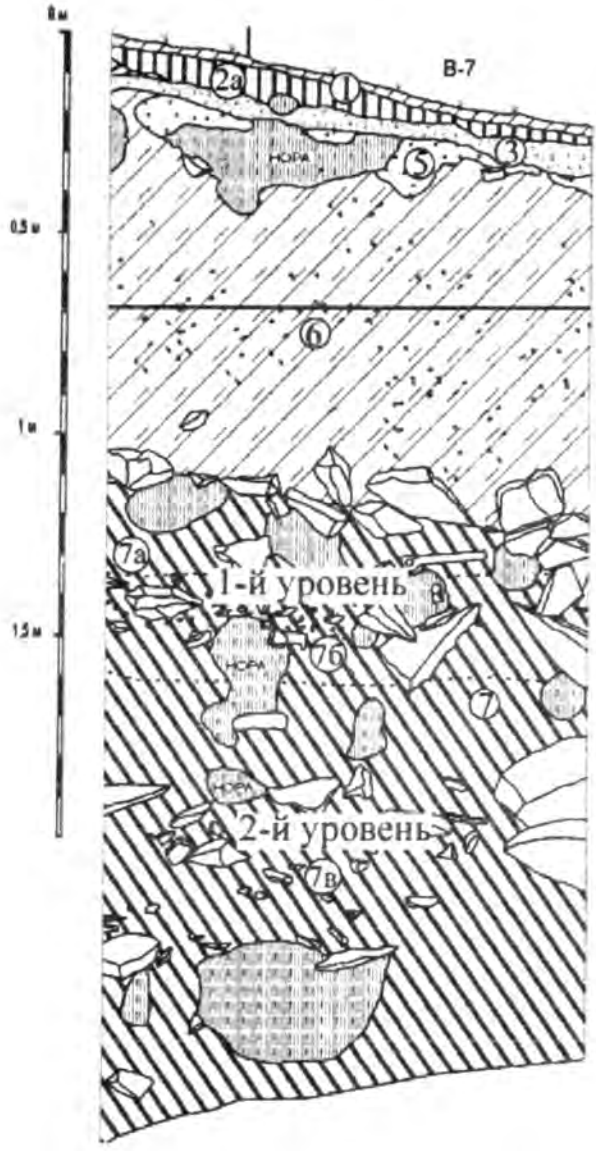


Рис. 2. Барун-Алан 1. Стратиграфическая колонка
с двумя уровнями каменных обвалов

5. Песчаный алеврит серовато-белого цвета, структура рыхлая, пылеватая, при физическом воздействии легко распадается в пыль. В верхней и средней части местами наблюдаются прослои желтого цвета, подобные прослоям слоев 3 и 4, но уже без выраженных признаков обугленной растительности. Мощность слоя – 5–15 см.

6. Супесь серовато-черного и серовато-каштанового цвета. Супесь слоя 6 является межкаменным заполнением мощного каменного завала, состоящего из скальных обломков

различного размера – от небольших камней 5 х 5 см до огромных глыб, вес которых превышает 1000 кг. Супесь слоя 6 по структуре очень рыхлая, сыпучая, с большим содержанием мелкозернистого алевропеска. Содержание дресвы и щебня в слое значительное. Мощность – 70–100 см.

7. Супесь палево-желтого цвета, пылеватая. Грунт верхнего уровня слоя плотно слежался, но при физическом воздействии легко распадается в пыль. В слое содержится большое количество дресвы и щебня, часто сортирующихся прослоями, а также отмечаются крупные камни. Видимая мощность толщи (по результатам работ 2007 г.) более 1,5 м.

Раскопочные работы на памятнике показали, что материалы позднего времени – бронзового и железного веков залегают в 5-ти верхних литологических слоях. Здесь же зафиксированы и палеолитические артефакты, их попадание в уровни, сформировавшиеся значительно позже объясняется множеством нор, при рытье которых артефакты выбрасывались на поверхность вместе с камнями и грунтом. Еще на поверхности 6-го литологического слоя залегают материалы бронзового века, но уже с середины верхнего уровня слоя фиксируется массовое залегание палеолитических материалов.

Первый геологический эпизод, из выявленных и «прочтенных» в стратиграфии отложений, связан с 6-м литологическим слоем. Мощность этого слоя непосредственно под скалой достигает полутора метров. Вся толща слоя наполовину, а возле скалы и больше, состоит из грубообломочного материала – камней и крупных обломков скал. Согласно стратиграфическим наблюдениям, масса камней представляет собой каменный завал, мощность которого по мере удаления от скалы уменьшается и превращается в четко выраженный слой камней и крупных скальных обломков. Каменный завал перекрывает нижележащий 7-й литологический слой. Исходя из большого количества крупных обломков скал, среди которых преобладают камни с острыми не заветренными и не затертыми ребрами и углами, весь слой камней представляет собой результат обрушения скалы. Падение скалы, вероятней всего, было вызвано землетрясением. О внезапном обрушении скалы говорит и то, что камни завала перекрывают палеолитический культурный горизонт, располагаясь непосредственно на археологических и остеологических материалах. Обвал происходит в переломный момент геологической истории района, накопление отложений 7-го литологического слоя прекращается, далее идет формирование 6-го литологического слоя.

Дальнейшее углубление раскопа позволило выявить еще один выраженный уровень камней, который сформировался в 7-м литологическом слое также в результате обрушения скалы. По всей видимости, это обрушение не было таким грандиозным, как то, что явилось началом формирования 6-го литологического слоя, вполне возможно, что упал небольшой каменный блок. Тем не менее, и здесь можно наблюдать, как упавшие камни перекрыли каменные артефакты и переломали крупные кости животных.

Два уровня камней и крупных скальных обломков отражают два локальных геологических события – обрушение скалы, но характер и последствия этих событий оказались разными. Нижний уровень камней достаточно равномерно распределяется по все площади раскопа, среди них встречаются и крупные скальные обломки. Осмотр поверхности камней показал, что многие из них долгое время находились на поверхности, их ребра и углы, обращенные вверх, сильно затерты. Анализ археологических материалов как под камнями завала, так и над ними показал, что падение камней

не привело к тому, что население покинуло стоянку. Морфологический облик материальной составляющей культуры не меняется.

Падение скалы, образовавшее завал, лежащий выше было более грандиозным по масштабам. Непосредственно под скалой слой камней достигает двух метров. Анализ археологических материалов 7-го и 6-го литологических слоев указывает на изменения в морфологии самих артефактов и технологии их производства.

Индустрия 6-го слоя характеризуется почти полным отсутствием пластин и орудий на пластинах. Для 6-го слоя характерны крупные скребла и ножи на отщепах, скребла высокого типа и бифасы. Среди бифасов стоит отметить: ножевидные изделия с выпуклым лезвием и обушком; округлые ножевидные и скребловидные изделия; листовидные двухлезвийные ножи-скребла; изделия, по форме напоминающие среднепалеолитические рубила и тонкие в сечении листовидные бифасы.

Индустрия 7-го литологического слоя характеризуется сочетанием крупных орудий с мелкими. В первую группу входят: скребла на продолговатых овальных и угловатых отщепах типа дежете, ножи на отщепах, массивные рубящие орудия на крупных отщепах, плоских камнях и нуклевидных обломках. Вторая группа включает в себя, в первую очередь, ретушированные мелкие отщепы и микроотщепы.

Сравнивая индустрии 7-го и нижнего уровня 6-го литологических слоев общие черты можно выделить в области производства крупных орудий на отщепах. В первую очередь это скребла: овальные, округлые, подквадратные и угловатые. Овальные и округлые характерны для 6-го слоя, подквадратные и угловатые, в том числе и дежете, для 7-го. Во всем остальном единства не наблюдается. Пластины и для 6-го слоя становятся крайне редким явлением, микропластины отсутствуют. Призматическое расщепление полностью отсутствует в нижнем уровне 6-го слоя. Плоскостные нуклеусы леваллуазского типа, тщательно оформляемые в 7-м слое, значительно упрощаются в 6-м и служат они для получения серий сколов, что совсем не характерно для 7-го слоя. Бифасиально обработанных орудий в 7-м литологическом слое не обнаружено.

Как уже указывалось, прекращение накопления 7-го слоя и, соответственно, прекращение функционирования древней стоянки, остатки которой остались законсервированными в верхней части слоя 7, было внезапным. Именно обрушение скалы, надо полагать, заставило обитателей стоянки 7-го слоя покинуть участок под скалой. Учитывая защищенность площадки под скалой от прямого воздействия пролювиальных и делювиальных процессов, камни, перекрывшие 7-й слой, в течение нескольких тысяч лет могли оставаться на поверхности. Тем не менее, в рамках геологических периодов, незаселенным участок оставался не долгое время, что видно из расположения артефактов непосредственно под камнями завала, а также прямо на камнях завала. Кроме этого, обрушившиеся камни долгое время не были заполнены рыхлыми отложениями, что позволяло использовать артефакты 7-го слоя населением, пришедшим сюда с началом формирования 6-го слоя, а с другой стороны способствовало попаданию артефактов 6-го слоя в межкаменные пустоты и проецированию их на поверхность 7-го слоя. В целом, индустрия 6-го слоя внешне выглядит более архаичной в сравнении с индустрией 7-го слоя.

В этой связи можно выдвинуть несколько предположений. Первое – происходит смена носителей культур. Второе – между 7-м литологическим слоем и нижним уров-

нем 6-го слоя имеет место хронологический разрыв, не позволяющий проследить эволюцию каменной индустрии в целом. Третье – с началом формирования 6-го слоя археологическая культура 7-го слоя подвергается воздействию пришлой культуры, что создает новос направление в развитии.

Для 6-го и 7-го литологических слоев получена серия датировок. Например, для кровли 7-го слоя и зоны контакта с 6-м литологическим слоем получена дата по C^{14} – >39800 (СОАН – 6429), верхняя часть 7-го слоя датируется – >41000 лет (СОАН – 6604). Термолюминесцентные данные датируют слой 7 от 110 тыс. л.н. (нижний уровень) до 60 тыс. л. н. (средний уровень). Нижний уровень 6-го слоя термолюминесцентным методом датируется в пределах 35–40 тыс. л. н.

Таким образом, около 40 тыс. л. н. происходят природно-климатические изменения, повлекшие изменения в характере осадконакопления. В самом начале этого процесса, вероятнее всего, происходит крупное землетрясение, вызвавшее обрушение скалы и погребение большей части стоянки под каменным завалом. После того как стоянка оказалась погребенной под камнями, население покинуло ее. Спустя некоторое время, на это место приходят носители другой культуры.

Последний эпизод локального геологического события отмечен для значительно более позднего времени – эпохи бронзового века. В ходе раскопок верхних литологических слоев местонахождения Барун-Алан 1 было отмечено несколько важных деталей. Во-первых, слои от второго по пятый включительно, по мере удаления от скалы уменьшаются в мощности и постепенно сходят на нет. Во-вторых, некоторые из слоев подстилаются тонкими гумусированными прослойками (см. описание стратиграфии). В прослойке под третьим литологическим слоем сохранились остатки растительности, разложение которой не завершилось – листья, стебли травы. Грунт, составляющий литологические слои 2 и 5 практически не содержит гумусных добавок, а представляет собой слои слежавшейся пыли и мелкозернистого песка белесого цвета – не переработанные процессами седиментации алевриты. Четко выраженные гумусированные прослойки мощностью 1–3 см и пылеватые слои, перекрывшие их, позволяют предположить, что накопление пылеватых слоев было очень быстрым, приводившим к погребению и консервации листвы и травянистого покрова на поверхности. Такое предположение подтверждается археологическими данными.

Как уже указывалось, часть площади под скалой ограждена каменными кладками. Одна кладка диаметром 1 м, сложенная из крупных камней, расположена в середине огороженной площади, ближе к скале. В ходе раскопочных работ эта кладка долгое время не затрагивалась. Раскоп планировался таким образом, чтобы оставить ее. Но когда раскопом была вскрыта поверхность рядом с этой кладкой, оказалось, что ниже ее находится погребенная кладка камней, представляющая собой продолговатый каменный курганчик неровных очертаний длиной более двух метров (рис. 3).

Она четко фиксируется уже на поверхности 3-го литологического слоя, но основания камней покоятся в подошве слоя 3 и в слоях 4 и 5. Частично, это обусловлено тем, что некоторые камни оказались над норными ходами и опустились до 5-го слоя. В целом видно, что слой 3 накапливался рядом с камнями кладки, и только некрупные камни лежат в слое 3. Эти камни могли быть добавлены в уже существующую кладку. Исходя из этого, можно предполагать, что камни были сложены в кладку в самом начале накопле-

ния слоя 5, то есть на поверхность слоя 6, а дополнялась она во время формирования слоя 4 и в самом начале формирования слоя 3.

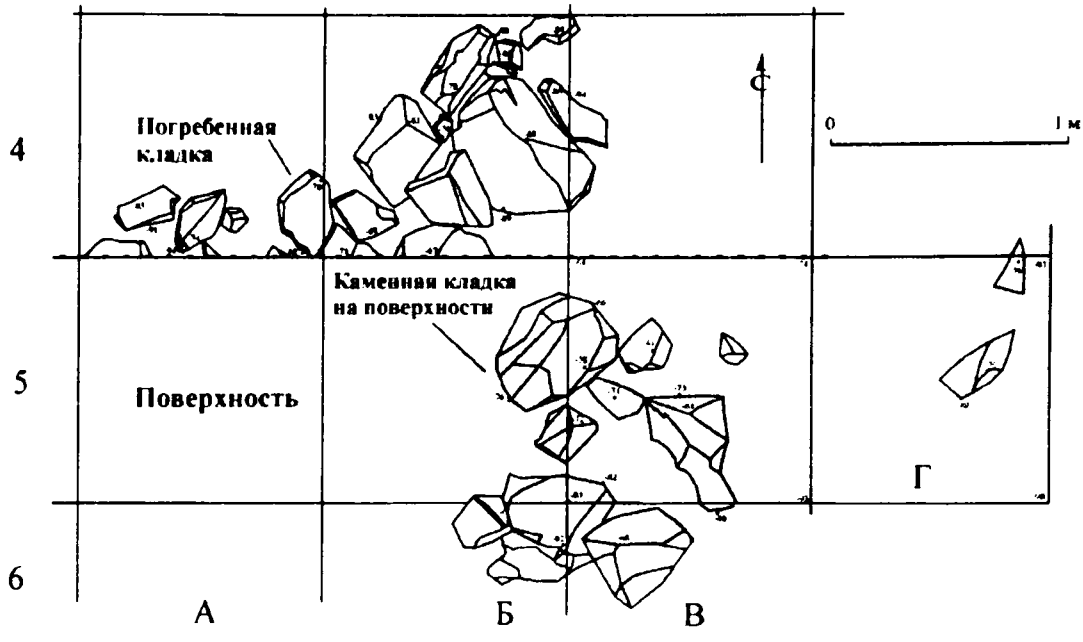


Рис. 3. Барун-Алан 1. Расположение каменных кладок на современной поверхности и погребенной

Каменная кладка, расположенная на современной поверхности и каменная кладка, вскрытая в слое 3, не связаны между собой непосредственно. Поскольку кладка, вскрытая раскопом крупнее той, что расположена на поверхности, последняя несколько смещена от центра погребенной кладки. Первоначально предполагалось, что верхний уровень крупных камней погребенной кладки скрыт под дерном и находится на уровне подошвы камней верхней кладки. В этом случае было возможно, что при укладке камней верхней кладки еще были видны некоторые камни нижней, и это побудило людей соорудить, новую ритуальную кладку рядом со старой. Но в ходе разборки поверхностного курганчика стало ясно, что только единичные камни погребенной кладки были видны в слое два, а именно в нем и покоятся основания камней верхней кладки. Следовательно, кладка, видимая на современной поверхности, возводилась на том же месте, где располагался небольшой погребенный курганчик, когда последний был уже не виден. Другими словами, действия людей были обусловлены знанием о погребенном ритуальном сооружении и желанием воссоздать его на поверхности.

В ходе раскопок нижнего курганчика, в камнях его кладки и рядом с ним (на самых нижних уровнях) были найдены фрагменты керамики, в том числе вафельной, характерной для эпохи развитого и позднего бронзового века Забайкалья. В ходе работ 2007 г. в трех метрах южнее погребенной кладки была найдена нижняя часть керамиче-

ского плоскодонного сосуда, поставленного между двух плоских камней. В целом, количество находок на поверхности 6-го слоя не велико. В основном это немногочисленные фрагменты керамики и мелкие фрагменты костей животных. Все это, наряду с ритуальными сооружениями, подтверждает мысль о сакральном назначении участков под скалами горы Хэнгэрэктэ в бронзовом и железном веках (Ташак, Цыденова, 2003).

Если проследить распространение поверхности 6-го слоя, на которой и был сооружен погребенный курган, то видно, что он почти выходит на поверхность в 20 м от скалы и именно на этой поверхности сооружены курганчики, полукольцом охватывающие площадку под скалой. Таким образом, погребенная кладка и кладки ограждения составляют единый и одновременный комплекс, связанный с наскальными рисунками эпохи бронзы. Кладка, находившаяся на современной поверхности, представляла собой позднюю реплику погребенного сооружения. В связи чем ее понадобилось возводить и как был погребен первоначальный курган?

Исходя из установленного факта, что слои пылеватых алевритов накапливались очень быстро можно утверждать, что отложениями второго литологического слоя первоначальная ритуальная кладка была засыпана сразу. Здесь следует отметить, что 5-й слой по составу более пылеватый, чем второй и, скорее всего, образовался также быстро, но он засыпал только основание кладки. Накопление или такое же быстрое образование третьего слоя уже наполовину скрыло ритуальную кладку (четвертый слой на данном участке фрагментарен и южнее не распространяется), а вторым слоем она была полностью погребена. Второй и пятый слои не содержат в «теле» археологические и остеологические материалы, находки фиксируются на их поверхности и в норах, прорезающих их. Все изложенное подтверждает мысль о быстром накоплении этих слоев.

Можно предположить два варианта их формирования. Эоловый генезис предстает как наиболее вероятный вариант, поскольку время накопления верхней пачки отложений приходится на время усиления аридности в природно-климатической обстановке Забайкалья и Центральной Азии, в целом, – суббореальный и начало субатлантического периодов. По структуре слои 5, 3, 2 представляют собой перемешанную в турбулентных потоках и не отсортированную массу пыли и песка, в которой не отражено воздействие водных потоков (хотя бы маломощных и временных). Как показали наблюдения стратиграфии шурфов и раскопов на склонах горы Хэнгэрэктэ, отложения данного типа накапливались или сохранялись только у подножия отвесных скальных стенок, обращенных на юг и при наличии под этими скалами площадок с небольшими углами наклона. В частности, маломощный слой белесоватых алевритов на местонахождении Хэнгэр-Тын 3 «Святилище» напоминал искусственную насыпку. Вероятнее всего, белесоватые алевриты представляют собой продукт разрушения скал. В эпоху усиления аридности могли оказаться обнаженными обширные участки коры выветривания, с которой сильными ветрами наиболее летучие составляющие перемещались по долине и аккумулировались под скалами. При этом скалы, ограждающие площадку, такой дезинтеграции не подвергались, поскольку их активное выветривание привело бы к уничтожению петроглифов, нанесенных на них, до того как сформировались 3-й и 2-й литологические слои, сложенные сиенит-порфирами. Второй вариант накопления слоев белесоватых алевритов, возможно имевший место наряду с первым, связан с обрушением скал, но не прямо в зоне сакральной площадки, а в непосредственной близости. Как показывают наблюдения, при

падении скал образуется и поднимается белая пыль, а также мельчайшая каменная крошка. При падении сотен тонн скальной породы вполне могут образоваться пыль и мелкозернистый песок, которые затем осядут под скалой. Следы таких падений скал сохранились в 30 и 50 м восточнее площадки, где наблюдаются мощные скальные завалы. Относительно ровные площадки и их защищенность скалами сохраняет пылеватые осадки от смыва и развеивания до тех пор, пока на их поверхности не закрепится растительность. В таком случае вполне понятны действия людей, соорудивших каменную кладку на месте погребенного ритуального сооружения.

Исследованиями стратиграфии и планиграфии Барун-Алана 1 установлены локальные события (эпизоды), повлиявшие на изменения в морфологии земной поверхности непосредственно на участке палеолитической стоянки и ритуального комплекса в бронзовом веке. Каждое из этих событий вызывало определенные реакции древнего населения, отразившиеся в материальной культуре и структуре памятника.

Литература

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1969. Ч. I.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. II.

Ташак В.И., Цыденова Н.В. Функциональное назначение «скальных убежищ» долины р. Алан в неолите – железном веке (Западное Забайкалье) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока). Благовещенск, 2003.

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛОШАДИ АЛТАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

А.А. Тишкин, П.А. Косинцев
г. Барнаул; г. Екатеринбург

Целенаправленные исследования памятников Горного и Лесостепного Алтая позволили получить значительное количество костных остатков, которые отражают специфику разведения и использования скотоводами лошадей в древности и средневековье. Особенно важными в этом плане стали материалы поселения ранней бронзы Березовая Лука (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Косинцев, 2005: 151–152, 154–155) и других комплексов елунинской культуры.

Задача научно-исследовательской работы, запланированной в рамках выполнения проекта РФФИ, заключается в сборе и всестороннем анализе имеющихся сведений о лошадях кочевников, которые с раннескифского времени поэтапно осваивали горные и лесостепные районы Алтая. Выявленный массив находок необходимо обобщить путем создания специальной базы данных. Для этого разработана система представления материалов из раскопанных курганов в электронном виде. В ней отражены следующие показатели: название и характеристика памятника; номер, краткое описание, культурная принадлежность и датировка объекта; конкретное место нахождения костей лошади, их состав, реконструируемая поза и ориентировка животного, морфометрические показатели, данные о поле, возрасте, высоте в холке, массивности телосложения (для полных скелетов), сезоне забоя и др.; библиографические и архивные указания. Имеется возможность корректировки и дополнения накапливаемых сведений.

Пока одним из самых ранних памятников Горного Алтая, где было зафиксировано захоронение человека с лошадью, является курганный могильник Курту-II, раскопанный С.С. Сорокиным (1966) и датированный по найденным трехдырчатым псалиям не позже VIII в. до н. э. Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении располагался погребальный комплекс Ак-Алаха-II (Полосьмак, 1993: 21), где обнаружены «...захоронения остатков людей и коней». На памятнике Семисарт-I Л.С. Марсадоловым (1981, 2001) раскопан характерный курган раннескифского времени, в котором найдена «шкура» лошади, от которой сохранились только челюсти и кости конечностей. В урочище Семисарт (Центральный Алтай) исследовались и другие объекты. Зафиксированные там костные остатки интересующего нас животного изучались археозоологом А.В. Гальченко и опубликованы (Гальченко, Тишкин, 1993: 249; Кирюшин, Тишкин, 1997: 101–102; Гальченко, Марсадолов, 2001: 62–65). На памятнике Бийке в курганах раннескифского времени обнаружены остатки захороненных лошадей или их частей (Тишкин, 1996). В настоящее время подобные находки отмечены на многих погребально-поминальных комплексах бийкенской археологической культуры, которая датируется концом IX – 2–3-й чет-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07–06–00341 «Применение естественно-научных методов при изучении кочевников Алтая эпохи поздней древности и средневековья»).

вертью VI в. до н. э. (Кирюшин, Тишкин, 1997; Суразаков, Тишкин, 2007; Тишкин, 2007а–б). На территории западных и северо-западных предгорий Алтая изучены памятники майэмирской культуры (Шульга, 2000; Тишкин, 2003). В них также найдены кости лошадей и конское снаряжение (Шульга, 1998, 2003, 2006 и др.). Кроме могильников, исследованы поселения, святилища, петроглифы и другие объекты раннескифского периода. Этот краткий обзор демонстрирует наличие достаточного количества источников, позволяющих приступить к комплексному изучению лошадей аржано-майэмирского времени. Необходимым моментом такой деятельности станет привлечение материалов, полученных при раскопках памятников на сопредельных с Алтаем территориях. Особенно это касается «царских» курганов Аржан (Грязнов, 1980) и Аржан-2 (Чугунов, 2004). Предварительное описание и анализ костных остатков из этих комплексов показали очень большие различия в размерах лошадей (Bourova, 2004).

Наибольшее количество имеющихся данных о лошадях связано с исследованием комплексов пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Процесс накопления такой информации насчитывает уже более 140 лет. Начало специальных иппологических исследований положила ставшая классической статья В.О. Витта (1952) «Лошади Пазырыкских курганов». Методические решения и полученные результаты, представленные в ней, являлись новаторскими и не превзойдены до сегодняшнего дня. В том же 1952 г. появляется работа классика археозоологии В.И. Цалкина «К изучению лошадей из курганов Алтая». В ней рассматривались материалы более широкого хронологического диапазона. Оба указанных ученых использовали метод морфометрического анализа черепов, но пришли к разным выводам. В.О. Витт считал, что в древний период на Алтае существовали такие группы лошадей: породистые, приведенные с равнины, местные «захудалые» и метисы между ними. В.И. Цалкин полагал, что все разнообразие коней скифской эпохи являлось выражением внутри- и межпопуляционной изменчивости. Обозначенная проблема происхождения лошадей, которые использовались древними кочевниками Алтая, не решена до сих пор. Сведения по интересующей нас теме нашли отражение в монографиях С.И. Руденко (1952, 1953, 1960), а позже в работах других археологов (Кубарев, 1981, 1991: 140–146; Тишкин, Дашковский, 1998; и др.). В этих публикациях расширился круг вопросов, необходимых для рассмотрения. На решение их были направлены усилия некоторых исследователей.

Следующий этап в изучении лошадей пазырыкской культуры связан с раскопками курганов на плоскогорье Укок (Васильев, Гребнев, 1994; Гребнев, Васильев, 1994; Васильев, 2000). Новосибирскими специалистами даны описания археозоологических особенностей животных, обнаруженных в ряде «элитных» и «рядовых» захоронений. Для анализа конских метаподиальных костей, кроме стандартных методов биометрии, ими впервые использовался эффективный подход, разработанный и апробированный за рубежом (Eisenmann, 1979; Eisenmann, Karchound, 1982; Eisenmann, Beckouche, 1986; и др.). Полученные результаты не были однозначными и не позволили выделить породные группы. Предпринималась попытка описания патологических изменений на костях при изучении пяти скелетов коней скифского времени, обнаруженных на памятниках Башадар и Ак-Алаха-5 (Левин, 2000).

Материалы из раскопок пазырыкских курганов на комплексе Берель (Самашев и др., 1999, 2000) позволили провести сравнительный анализ большой группы лошадей из

серии захоронений скифо-сакского времени по высоте в холке и показателям тонконогости (Косинцев, Самашев, 2003; Косинцев, 2004). В результате оказалось, что изменения этих породных характеристик не связаны с продолжительностью существования на Алтае конкретной популяции лошадей. На материалах памятника Берель выполнена первая собственно археозоологическая работа, посвященная описанию следов от орудий на костях изученных животных (Самашев, Косинцев, 2004).

Процесс накопления данных о лошадях пазырыкской культуры продолжается. За последние годы сотрудниками Алтайского государственного университета (АлтГУ) получены конские костяки из курганов памятника Ханкаринский дол (Дашковский, Тишкин, Тур, 2006, 2007), а также из комплексов, раскапываемых в зоне строительства Алтайской ГЭС (Кирюшин и др., 2006, 2007). Поэтому существует необходимость продолжения многопланового исследования имеющегося массива данных.

К настоящему времени в АлтГУ собрана серия скелетов лошадей хуннуского времени. Остатки 15 животных зафиксированы при раскопках курганов на могильнике Яломан-II в Горном Алтае (Тишкин, Горбунов, 2003, Тишкин, 2007в). Исследованные объекты датируются II в. до н .э. – I в. н. э. и относятся к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры (Тишкин, 2007а). Следует отметить, что изучение лошадей Алтая этого периода еще не предпринималось. Сейчас появилась хорошая перспектива сравнительного анализа пазырыкских и булан-кобинских коней.

В нашем распоряжении имеется группа целых и неполных скелетов от девяти лошадей предтюркского времени (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры). Они получены также на памятнике Яломан-II (курганы № 20, 30–33 и, возможно, № 23) и датируются 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н. э. (Тишкин, 2007а). Материалы указанного периода требуют всестороннего изучения, что наряду с другими данными обеспечит широкие возможности для понимания процесса формирования тюркской культуры.

Сведений о средневековых лошадях Горного и Лесостепного Алтая пока зафиксировано немного. Среди имеющегося в АлтГУ материала внимание заслуживает скелет лошади, обнаруженный в кургане № 5 памятника Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов, 2005). Исследованный объект относится к раннему (кызыл-ташскому) этапу тюркской культуры и датируется 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н. э., что в определенной мере подтверждается радиоуглеродным датированием (Тишкин, 2007а: 279). Наиболее представительными материалами можно считать находки костей лошадей из памятников раннего средневековья, относящихся к сросткинской культуре. Археозоологическое изучение некоторых их них уже предпринималось (Гальченко Тишкин, 1993). Эта работа показала перспективность реализованной исследовательской практики и ее необходимо продолжить. За последнее десятилетие количество раскопанных курганов разных этапов сросткинской культуры значительно увеличилось (Тишкин, Горбунов, 2000, 2002а–б; Горбунов, Тишкин, 2001; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; и др.). В этих комплексах обнаружены как целые скелеты лошадей, так и их части. Собранные остеологические коллекции позволят получить существенные результаты при их изучении.

Останки лошадей монгольского времени на Алтае найдены в небольшом количестве. Это связано со слабой изученностью данного периода и со спецификой погре-

бального обряда. На территории Лесостепного Алтая пока не найдено ни одного захоронения человека в сопровождении целой туши лошади. Встречены только отдельные кости, чаще всего черепов и конечностей. Они происходят из памятника Телеутский Взвоз-I (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002: 62–64) и Кармацкий (Тишкин, Горбунов, 2002б), а также отмечены и на других объектах.

Таким образом, на Алтае накоплен репрезентативный материал, позволяющий провести сравнительный анализ лошадей от раннескифского до монгольского времени. Для данного исследования необходимо привлечение письменных свидетельств и изобразительных источников. Существенным вкладом станет увеличение количества методов, применяемых для изучения древних и средневековых животных. Внедрение методов многомерной статистики для анализа морфометрических признаков (факторного, кластерного, геометрической морфометрии) позволяет оценить степень морфологической и, возможно, генетической близости лошадей выделенных исторических периодов, разных регионов Алтая и сопредельных территорий. Изучение регистрирующих структур в конских зубах дает возможность определить точный возраст и сезон забоя животных, что, в свою очередь, обеспечивает реконструкцию элементов годового жизненного цикла конкретных групп населения и многое другое. В обозначенном направлении работа уже начата. В частности, осуществлен отбор конских зубов для определения сезона забоя животных и получения других данных из следующих памятников Алтая: Яломан-II, Ханкаринский дол, Чобурак-II, Берсюкта-II, Тыткескень-VI, Бике-III и IV. Эти материалы в настоящее время изучаются к. б. н. О.П. Бачурой (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

Археозоологическое описание скелетных остатков позволяет выявить на костях следы от орудий и дает возможность реконструировать отдельные элементов погребального обряда. Обнаружение и анализ патологических изменений на костях лошадей помогут понять возможные способы эксплуатации животных, а также зафиксировать пороки, болезни и т.д. Полученные данные необходимы для уяснения принципов отбора коней для использования в реализованных ритуалах. Сопряженный анализ результатов всех целенаправленных исследований будет направлен на объективную оценку роли лошади в хозяйстве, в военном деле, в погребально-поминальной или жертвенной практике кочевников разных периодов. Эти материалы можно сравнить с немногочисленными данными письменных источников.

В заключение остановимся еще на одном моменте. В течение последнего десятилетия кости лошадей из различных курганов Алтая отбирались в качестве образцов для осуществления радиоуглеродного датирования. В результате получена серия дат (Тишкин, 2007а), которые использовались при обосновании культурно-хронологической концепции истории древних и средневековых народов Алтая. Эти данные позволяют объективно рассматривать исследуемые костные остатки лошадей в хронологической последовательности и осуществить запланированную научно-исследовательскую программу. Работа по радиоуглеродному датированию обнаруженных остеологических материалов была продолжена. В ноябре 2007 г. в лабораторию Института истории материальной культуры РАН отданы для анализа девять проб костей (ребер) из разновременных памятников Алтая – Бике-IV, Чобурак-II, Берсюкта-II и Яломан-II. Это позволяет определить не только хронологические рамки суще-

ствования определенных популяций лошадей, но и, опираясь на археологические материалы, дать им исторический контекст с выходом на общие и частные реконструкции. Таким образом, всестороннее изучение древних и средневековых лошадей Алтая имеет хорошую перспективу. Для этого необходимо сосредоточить усилия всех заинтересованных исследователей.

Литература

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16.

Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Остеологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск, 1994.

Гальченко А.В., Тишкин А.А. Перспективы научного использования в археологии методик анализа костных остатков лошадей // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.

Гальченко А.В., Марсадолов Л.С. Остеологические материалы из Семисарта // Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сроскинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Раскопки курганов на памятнике Ханкаринский дол в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тытекскень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.

Косинцев П.А. Животноводство и охота населения Березовой Луки // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005.

Косинцев П.А. Лошади Горного Алтая в скифское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади из могильников скифского времени Казахского Алтая // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.

Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Левин М. Особенности палеопатологий лошадей эпохи раннего железа // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000.

Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. № 3.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Самашев З.С., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. BEREL-БЕРЕЛ. Алматы, 2000.

Самашев З.С., Косинцев П.А. Погребальный обряд лошадей в могильнике Берел // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007а.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007б. Вып. 3.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007в. Т. XIII.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002а. № 9.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002б. Т. VIII.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. 1952. № 24.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан: Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь в VII – начале VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I.

Шульга П.И. Новая находка сбруйного набора в Гилево-10 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I.

Bourova N. Horse remains from the Arzhan-1 and Arzhan-2 Scythian monuments // Impact of the Environment on Human migration in Eurasia. NATO Science Series. IV Earth and Environmental Science. Dodrecht; Boston; London, 2004. Vol. 42.

Eisenmann V. Les metapodes d'Equus sensu lato (Mammalia Berissodactula) // Geobios. 1979. Vol. 12(6).

Eisenmann V., Karchound A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bull. Mus. natn. Hist. nat. P., 1982. Vol. 4 (1–2).

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials of modern and Pleistocene Equus, wild and domestic // Meadow R.H., Verpmann H.P. Equids in Ancient World. Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1986.

ОЛЕННЫЕ КАМНИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Ц. Турбат
г. Улан-Батор, Монголия

В 2005–2006 гг. археологическая экспедиция, организованная Институтом изучения Монгольского Алтая, провела полномасштабную разведку в Баян-Улгийском аймаке в рамках проекта «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая». В ходе исследовании были открыты около 70 оленных камней, рассредоточенных на разных участках территории аймака. С учетом известных ранее, в настоящее время в аймаке зафиксированы 83 оленных камня нескольких типов. В связи с определившимся разнообразием в настоящей работе хочу коснуться вопросов ареала расспространения и семантики некоторых образов представленные на оленных камнях Баян-Ульгийского аймака.

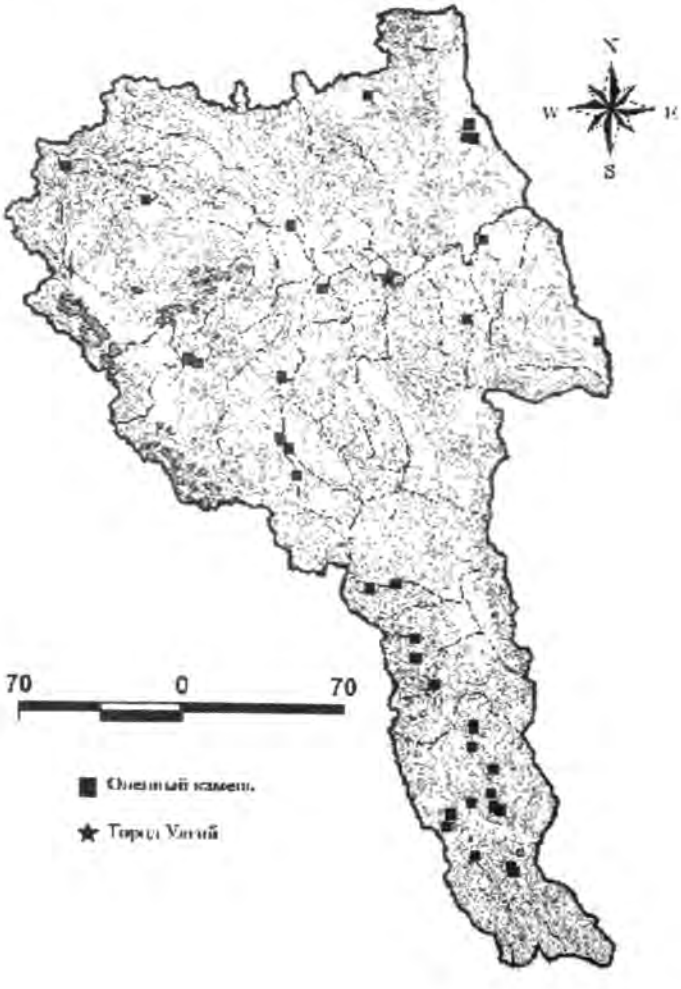
Территория Баян-Ульгийского аймака, расположенного в западной части Монгольского Алтая, в целом очень богата археологическими памятниками. Данное обстоятельство выявлено еще задолго до начала систематического изучения памятников прошлого этого региона. Первые обследования, выявившие объекты археологии, начались уже в конце XIX в. В 1876–1878 гг. Г.Н. Потанином были отмечены многочисленные каменные изваяния, курганы и керексуры. В их числе около озера Даян открыт оленный камень, фотографии и рисунки которого вскоре были опубликованы (Потанин, 1881). В 1899–1901 гг. А.Н. Казнаков и В.Н. Ладыгин обнаружили в местечке Мянган хонхор Баян-Ульгийского аймака оленный камень с изображениями оленей, перевернутых головой вниз (Казнаков, 1907). В начале XX в. финский археолог Н.Г. Грано нашел и зарисовал нескольких оленных камней, керексуров бронзового века и жертвенно-поминальных комплексов древнетюркского времени близ урочищ Цагаан гол, Шар говь и Сыргаль на территории нынешнего Баян-Ульгийского аймака (Grano, 1910).

В 1968 г. после после длительного прерыва исследовательская работа в данном регионе была продолжена Н. Сэр-Оджавов, группа которого была направлена Институтом Истории АН МНР с целью проведения поисковых работ в южной части Баян-Ульгийского аймака. Ими вновь были описаны и графически зафиксированы два оленных камня в местечке Цагаан дэнжийн Улаан-Узуур Цэнгэл сомона (Сэр-Оджав, 1969). В тоже время В.В. Волков исследовал и включил в свою обобщающую монографию сведения о двух новых оленных камнях, обнаруженных у 3-ей бригады Толбо сомона (Волков, 1981). В 1989–1990 гг. Институт истории АН МНР организовал работу по составлению карты археологических памятников трех западных аймаков – Баян-Ульгийского, Ховдоского и Убсу-Нурского. В ходе этой работы монгольские археологи Д. Баяр и Д. Эрдэнэбаатар провели сплошную разведку территории Баян-Ульгийского аймака и открыли сотни новых археологических памятников. По результатам своих работ Д. Баяр опубликовал выявленные оленные камни, дал им научную характеристику и отразил индивидуальные особенности (Баяр, 1995). В средине 1990-х гг. в ходе выполнения работ по составлению атласа монгольских памятников истории и культуры,

исследователь Г. Гонгоржав и фотограф Г. Энхбат обнаружили несколько ранее неизвестных оленных камней и опубликовали их изображения в сводном атласе «Историко-культурные памятники Монголии» (Монгол... 1999).

Таким образом, к началу 2000 г. на территории Баян-Ульгийского аймака было известно более 10 оленных камней: из райнов Мянган-Хонхор и Цагаан-Гол в Цэнгэл сомоне, Хар-Магнай в Ногоон-Нур сомоне, 3-ая бригада в Толбо сомоне и Цагаан-Аса в Сагсай сомоне.

План местонахождений оленных камней на территории Баян-Улгийского аймака



С 2005 г. Институт изучения Монгольского Алтая приступил к выполнению проекта «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая», задачей которого была обозначена подготовка атласа историко-культурных памятников Баян-Ульгийского аймака. В 2005 г. два отряда под руководством Д. Баяра и Ц. Турбата, а в 2006 г. еще два отряда под руководством тюрколога Ц. Баттулга и археолога Ц. Турбата целенаправленно работали на разных участках территории данного аймака. В результате их исследований было открыты примерно 70 оленных камней ранее неизвестных науке.

Большинство оленных камней, найденных в Баян-Ульгийском аймаке, не имеют на себе изображений оленей, и таким образом, по современной классификации относятся к «Евразийскому» типу. На них обычно изображены: в верхней части узкой лицевой плосткости 3 паралелльные «косые линий», на широких боковых сторонах по кольцевидной серьге, ожерелье из линии овальных или круглых ямок, пояс по середине камня с подвешенными к нему луком в налучье-горите, топором или чеканом, кинжалом или короткимечом акинаком и другими предметами, а также с изображениями различных украшений (рис. 1).

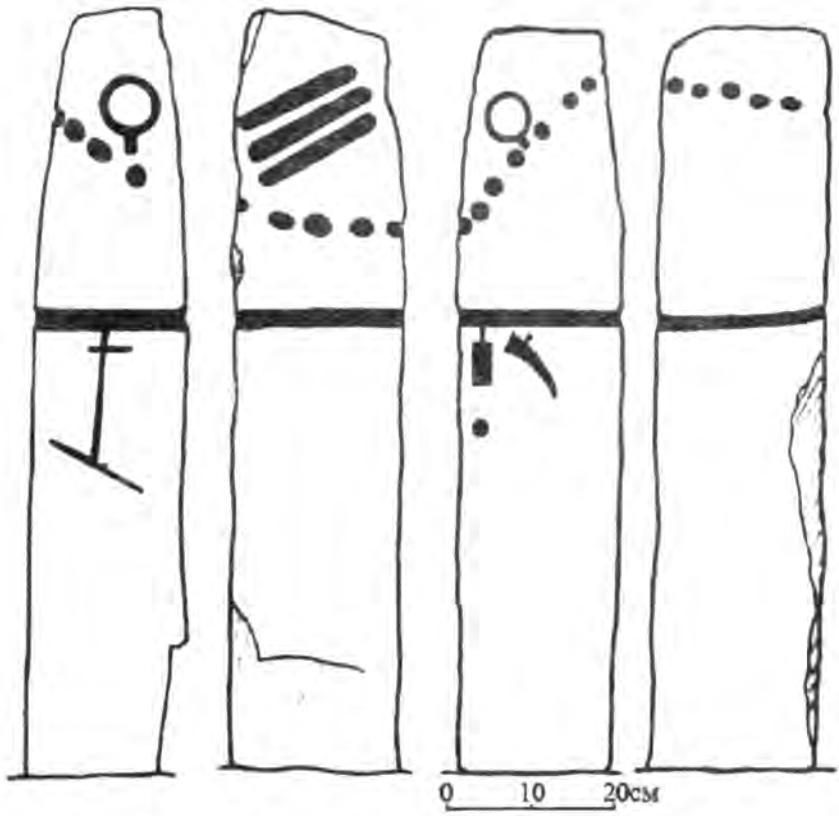


Рис. 1. Оленный камень «Евразийского» типа с изображением украшений, оружия и пояса (Ганц модны гол, Дэлуун сомон)

Исследователи считают что 1–3 параллельные «косые линии» выбитие на верхней части узкой стороны камня, соответствуют татуировке или боевой раскраске на лицах воинов. Диагональные линии такого рода характерны не только для «евразийского» типа, но и для других типов оленных камней.

Еще одной яркой деталью характерной почти для половины оленных камней данного типа с территории Баян-Ульгийского аймака является углубленная полоса под самой макушкой стелы (рис. 2). Она является, видимо, каким-то головным убором. По мнению В.В. Волкова эта деталь не может трактоваться иначе чем лентой-диадемой (Волков, 2002: 17). Известен еще один вариант головного убора, изображенный сплошным углублением на верхней части стелы, которое можно трактовать в качестве шапки. По имеющему материалу у нас имеется только один оленный камень с изображением шапки, который находится около озера Тугруг в сомоне Дэлуун (рис. 3).

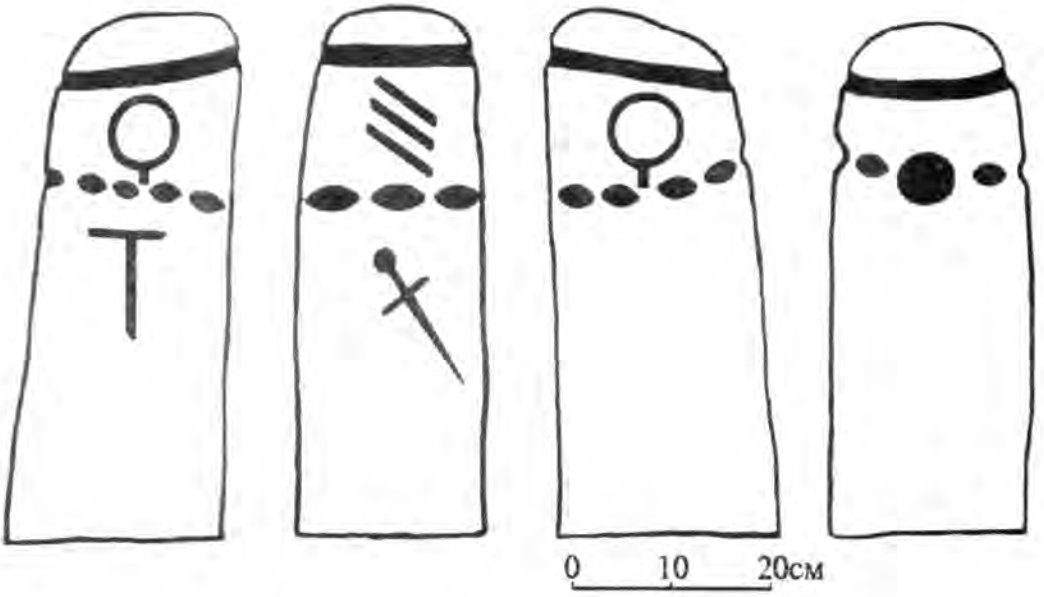


Рис. 2. Оленный камень «Евразийского» типа с изображением повязки, украшений и оружия (Чихэртэй гол, Дэлуун сомон)

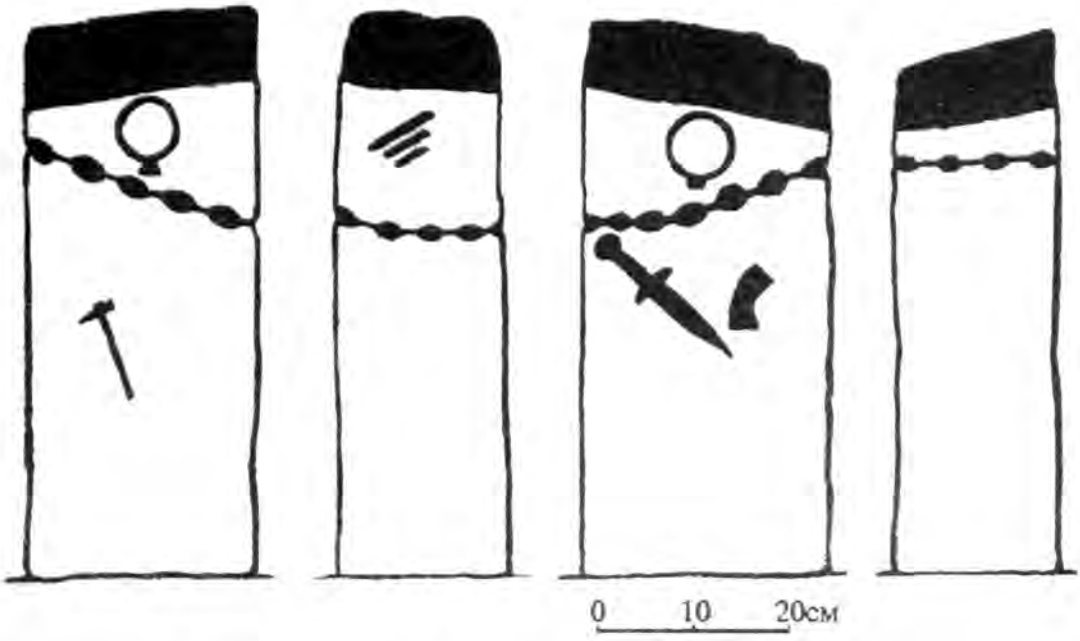


Рис. 3. Оленный камень «Евразийского» типа с изображением шапочки, украшений и оружия (Тугруг нуур, Дэлуун сомон)

На боковых сторонах оленных камней обычно изображены просто или кольца с подвесками-оттяжками (рис. 5). Некоторые исследователи видят в этих изображениях солнце или луну и связывают их присутствие с верой в божественное Небо Тэнгри. Другие усматривают в них зеркала с рукоятками. Однако нет сомнений, что здесь изображены серьги в ушах, как это наглядно демонстрирует антропоморфный оленный камень из Уушигийн Увур Хубсугульского аймака.

Кроме головного убора, «косых линей» и серег есть еще одно характерное изображение – это цепочка из овальной или круглых ямок, опоясывающая камни в верхней части (см. рис. 5). Несмотря на то, что некоторые исследователи трактует эту полосу лунок в качестве изображения звезд, связывая их с поклонением Небу, не вызывает сомнения что они изображают шейное украшение – ожерелье. В ходе своей разведки мы нашли в местечке Ганц модны гол сомона Дэлуун, очень своеобразный оленный камень у которого на передней стороне ожерелье имеется застежка в форме оленя (рис. 4). Можно предположить, что такого рода застежки или подвески существовали в разних изобразительных формах (фигуры животных, главным образом оленей, или клыки кабанов). При этом они служили не тольно украшениями, но и оберегом от злых духов (Анхбаяр, 2005).

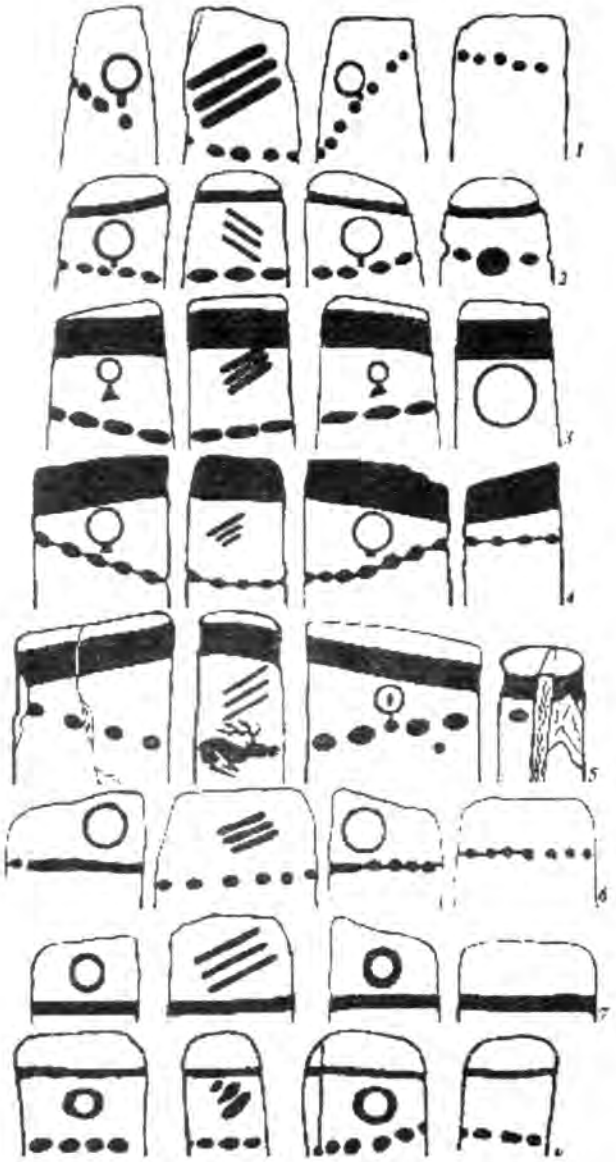


Рис. 5. Оленные камни с некоторыми отличительными деталями:
1 – «косые линий», серьга и ожерелье (Ганц модны гол, Дэлуун сомон);
2 – головная повязка, «косые линий», серьга и ожерелье (Елтын ам, Булган сомон);
3 – головная повязка, «косые линий», серьга-колечка с подвесками и ожерелье (3-ая бригада, Алтай сомон); *4* – шапка, «косые линий» серьга-колечка с подвесками и ожерелье (Тугруг нур, Дэлуун сомон); *5* – головная повязка, «косые линий», серьга и ожерелье с застежкой в форме фигуры оленя (Ганц модны гол, Дэлуун сомон); *6* – «косые линий», серьга и ожерелье (Елтын-Ам, Булган сомон); *7* – «косые линий», серьга и ожерелье (Елтын-Ам, Булган сомон); *8* – Головная повязка, «косые линий», серьга и ожерелье (Сайрын-Тал, Толбо сомон)

Рис. 4. Оленный камень «Евразийского» типа с изображением повязка и украшений (Ганц модны гол, Дэлуун сомон)

Ожерелья, изображенные на оленных камней, хотя не отличаются большим разнообразием, но вместе с тем, имеют некоторые отличительные черты. Например, существуют следующие изобразительные варианты:

– полоса из круглых или овальных углублений-бусин, следующих друг за другом (см. рис. 5, *1, 2, 3, 8*);

– полоса из углублений, соединенных между собой тонкими и короткими штрихами (см. рис. 5, *4*);

– полоса, начинающаяся с углубления и заканчивающаяся сплошной углубленной полосой (см. рис. 5, *6*);

– ожерелье изображено сплошной углубленной полосой (см. рис. 5, *7*).

На некоторых оленных камнях на ожерельях с тыльной стороны фигур изображены застежки-кольца более крупного размера, чем бусины (см. рис 5, *3*; рис. 7, *3*).

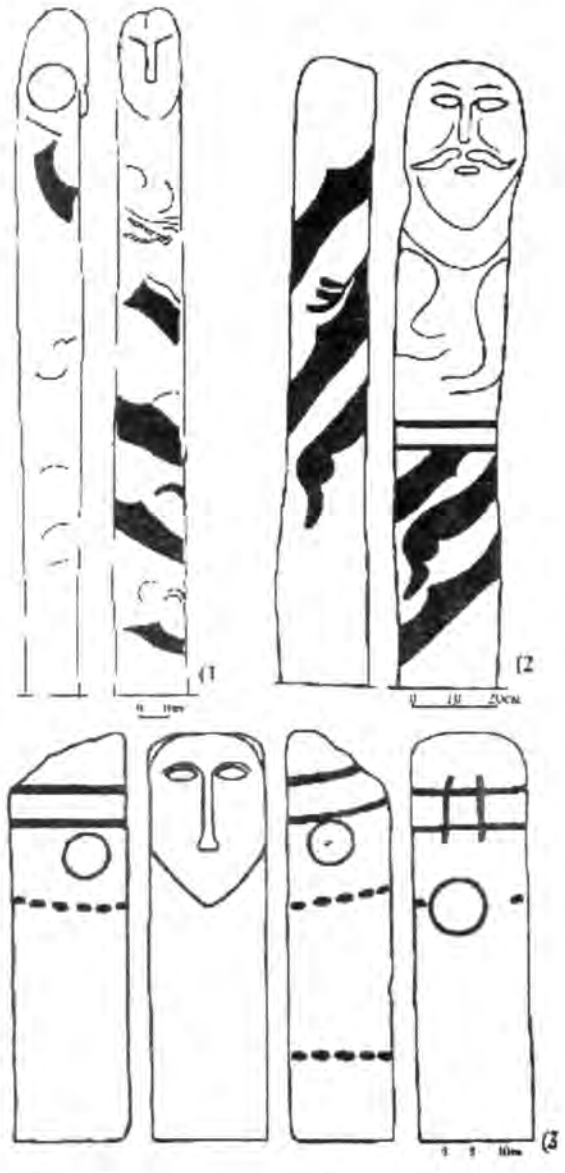


Рис. 7. Некоторые оленные камни с антропоморфными личинами:
1 – оленный камень «Монгольского» типа (Цагаан дэнжийн Улаан-Узуур, Цэнгэл сомон);
2 – оленный камень «Монгольского» типа, переоформленный в древнетюркскую статую (Могойтын-Гол, Цэнгэл сомон); *3* – Оленный камень «Евразийского» типа, переоформленный в древнетюркскую статую (3-ая бригада, Алтай сомон)

«Монголо-забайкальский» тип оленных камней с орнаментально-стилизованными изображениями оленей широко распространен на территории центральной части Монголии, но, как показали наши исследования, сравнительно редок на

территории Баян-Ульгийского аймака. На сегодняшний день на его территории найдено всего лишь 10 таких оленных камней (рис. 6): 5 образцов в Цагаан Асга, два в Цагаан дэнжийн Улаан-Узуур (Grano, 1910; Сэр-Оджав, 1969; Баяр, 1995), по одному в Улаагчин-Гол, Хурэн-Толгой и на озере Хурган (Турбат, 2004).

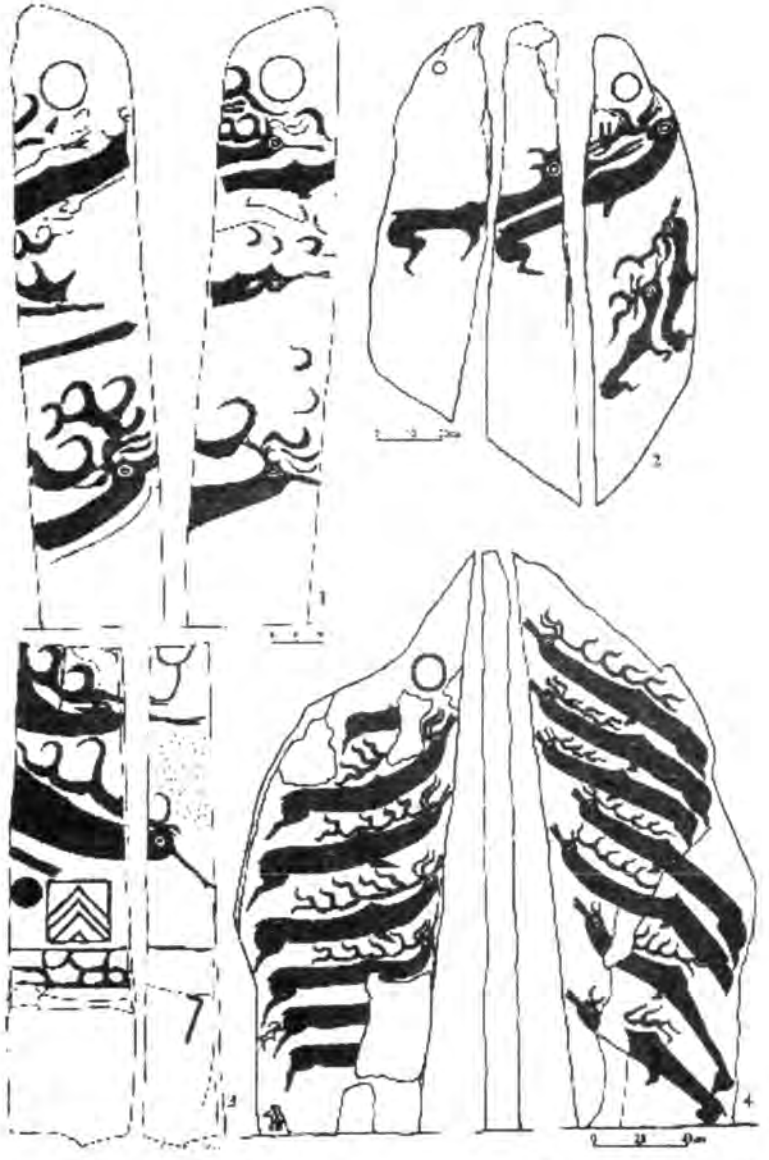


Рис. 6. Оленные камни «Монгольского» типа с территории Баян-Ульгийского аймака:
1 – Цагаан дэнжийн Улаан-Узуур, Цэнгэл сомон; *2* – Улаагчин-Гол, Булган сомон;
3 – Хурэн-Толгой, Буянт сомон; *4* – Цагаан-Асга, Сагсай сомон

Стела из Хурэн-Толгой в долине реки Сагсай и стела из Улаагчин-Гол были найдены нами в ходе работы над проектом «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая». Несмотря нато, что комплекс керексура с оленными камнями на местности Цагаан-Аса, Сагсай сомона был несколько раз отмечен разными археологам и даже имел краткое освещение в литературе, представление об этом памятнике было не совсем ясным. Поэтому в 2007 г. сотрудники совместной Монгольско–европейской археологической экспедиции под руководствами Ц. Турбата и П.Х. Жискара навещали памятник во время проведения раскопок неподалеку от этого комплекса и составили характеристику памятника, а также зарисовали 8 оленных камней «монгольского» типа и 5 камней «евразийского» типа.

До начала исследований нам были известны на территории аймака 3 оленных камня с антропоморфными личинами из Цагаан дэнжийн Улаан-Узуур и на реке Могойт в Цэнгэл сомоне. Первые два изначально имели изображения лица человека (см. рис. 7, *1*), а третья стела на реке Могойт (см. рис. 7, *2*) была переиспользована в древнетюркскую эпоху, когда ее перебили в каменную бабу. Четвертую стелу такого типа мы открыли на 3-ей бригаде Алтай сомона (рис. 7, *3*). Первые два оленных камня находились в центре круглого жертвенного соружения близ комплекса керексура, а третьий располагался в восточной части древнетюркского поминальника размером 3 х 3 м. Четвертая стела также стояла в восточной части поминальника размером 2,5 х 2,5 м. Традиция переиспользования оленных камней в древнетюркскую статую отмечена не только в Монгольском Алтае, но и доволно часто в пределах Горного Алтая и Тувы (Шелепова, 2007: 114). Есть сведения об аналогичном случае в Синьцзяне (Худяков, 1998: 217).

В ходе наших археологических разведок на территории Баян-Улгийского аймака было открыто 83 оленных камня, которые до этого насчытивались единицами. Таким образом мы существенно пополнили фактологическую базу для изучения этого уникального памятника Центральной Азии, что позволит глубже изучить этнокультурные процессы данного региона в бронзовом и раннем железном веке. От всех оленных камней открытых нами только 15% относится так называему «Монголозабайкальскому» типу с орнаментально-стилизованными изображениями оленей, а остальные 85% относятся к «Евразийскому» типу без изображения оленей. Можно считать такое соотношения этих двух типов главной особенностью западной части страны, тогда как в центральной часте Монголии подавляющая часть оленных камней относиться «Монголо-забайкальскому» типу.

Литература

Анхбаяр Д. Буган чулуун хөшөөн дэх дүрслэлүүдийн утгазүйн асуудалд, // Түүх, археологи, угсаатны соел, Улаанбаатар Их Сургуулийн Эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 2005. Т. 4–18, № 2 (1).

Баяр Д. Монгол Алтайд шинээр олдсон зарим буган хөшөөний тухай. // SA. Tom. XV. Fasc. 5. Улаанбаатар, 1995. Т. 53–64.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хөшөө. Улаанбаатар, 1999.

Баяр Д., Бихумар Х., Өмирбек Б. «Монгол Алтайн баруун хэсгийн түүх археологийн дурсгалууд» төслийн 2005 оны хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан (Ногооннуур, Сагсай, Бугат, Алтанцөгц, Улаанхус сумд). МАСХ-ийн гар бичмэлийн сан. Улаанбаатар, 2005.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Казнаков А.Н.Мои пути по Монголии и Каму. Монголия и Кам // Труды экспедиции Императорского Русского Географмческого Общества Совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907.

Монгол нутаг дахь түүх соелын дурсгалууд (Сэдэвчилсэн лавлах). Улаанбаатар, 1999.

Потанин Г.Н.. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881 Вып. II.

Сэр-Оджав Н. Баян-Өлгий аймгийн археологийн дурсгалыг судласан нь // SH. Улаанбаатар, 1969. Tom. VIII, fasc. 1.

Турбат Ц. 2004 оны 5, 9-р сард Баян-Өлгий аймагт явуулсан хайгуулын тэмдэглэл. (Улаанхус, Цэнгэл сумд). МАСХ-ийн гар бичмэлийн сан. Улаанбаатар, 2004.

Худяков Ю.С. Исскуство средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1998.

Шелепова Е.В. К вопросу о «переиспользавании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры. // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007.

Grand J.G. Archaeologische Beobachtungen von meiner Reise in Suedsibirien und der Nordwest Mongolei im Jahre 1909. Helsingfors, 1910.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «АФАНАСЬЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»*

Е.А. Тюрина
г. Барнаул

Дефиниция «афанасьевская культура» бытует в археологической науке около 80 лет. На протяжении истории своего существования этот термин менял свое значение, наполнялся иным содержанием. Афанасьевская культура была выделена С.А. Теп-лоуховым при анализе материалов, полученных при раскопках памятника Афанасьева Гора. Пытаясь определить ареал ее распространения, исследователь указал на некоторое сходство вещевого комплекса могильника Афанасьева Гора и артефактов, обнаруженных у «р. Оби из районов Бийска и Барнаула» (Теплоухов, 1927: 77). Позже в работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» формулируется деление афанасьевской эпохи (культуры) по территориальному признаку: афанасьевская культура Енисея и афанасьевская культура Алтая (Киселев, 1949; 1951). Данная ситуация во многом объясняется осмыслением учеными термина «археологическая культура». Среди советских исследователей того времени была распространена «периодизационная» трактовка этого понятия (Клейн, 1991: 132–134). Близость инвентарного комплекса (доходящая в некоторых случаях до идентичности) и единство антропологического типа позволили ученым утверждать, что в различных регионах Южной Сибири развивалась одна культура. Определение «афанасьевская» должно было подчеркивать одинаковую стадию развития энеолитического населения Енисея и Алтая.

В конце 1980-х, с ростом числа открытых и изученных памятников, исследователями сформировано несколько другое понимание афанасьевской культуры и ее региональных вариантов. Как отмечал С.В. Цыб, «сравнение алтайских и среднеенисейских афанасьевских памятников показывает, что они относятся к двум разным вариантам афанасьевской культуры Южной Сибири, отличие которых заключается не только в их географической локализации, но и в характере культурных признаков и в хронологии развития» (Цыб, 1984: 17). По его мнению, алтайский вариант культуры возник раньше (около IV тыс. до н.э.), затем (со 2 трети III тыс. до н.э.) появляется «очаг» культуры на Енисее. Какое-то время они сосуществовали. Впоследствии исследователь говорил о наличии, как минимум, трех локальных вариантов культуры: алтайского, средне-енисейского, абаканского, дополнительно указывая на проблему выделения в особые группы верхнее-енисейских и западно-монгольских комплексов (Цыб, 1988: 162).

На современном этапе изучения энеолитических памятников Саяно-Алтая принято деление афанасьевской культуры на алтайский, среднеенисейский и центральноазиатский варианты (Цыбиктаров, 2002: 50–51; Фрибус, 2005: 63–65 и др.). Иссле-

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ, проект № 07-01-94675м «Древнейший металл Южной Сибири», проект № 05-01-01183а, тема «Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века».

дователи указывают на их хронологическую и этнографическую специфику. Но расширение источниковой базы оставляет проблему соотношения алтайских и енисейских афанасьевских объектов по-прежнему открытыми. Отличия в их традициях настолько велики, что позволяют ставить вопрос о существовании на территории Южной Сибири Афанасьевской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяются, как минимум, две самостоятельные культуры (Суразаков, Тишкин, 2007: 86). Представляется, что данная позиция наиболее продуктивна, поэтому целью данной работы является обоснование целесообразности именно такого подхода к «афанасьевским» материалам.

Прежде всего, необходимо остановиться на терминах «археологическая культура», «вариант культуры», «культурно-историческая общность» (далее по тексту КИО). Достаточно подробный анализ соотношения данных понятий представлен в работе А.А. Тишкина, П.К. Дашковского (Тишкин, Дашковский, 2002: 166–167). Исследователи подчеркивают, что формирование локального варианта, как части археологической культуры, обусловлено ее внутренней динамикой. При наличии благоприятных факторов локальный вариант может развиться в самостоятельную культуру.

По мнению Л.С. Клейна, локальный вариант – это «вариант археологической культуры, отличающийся от других ее вариантов не только типологически, но и территориально – по ареалу, причем его ареал почти не дает взаимоналожений с другими, синхронными» (Клейн, 1991: 392). Связав понятия «тип» – «вариант археологической культуры» – «археологическая культура», ученый, к сожалению, не показал их соотношения с термином «КИО», хотя последний имеет широкое применение в археологии.

Определение содержания дефиниции «КИО» тесно связано с дискуссией о статусе андроновских памятников. В своей работе мы будем опираться на разработки Г.Б. Здановича в этой области. Он видит в КИО «объединение группы родственных, параллельно развивающихся археологических культур, занимающих какие-либо смежные территории» (Зданович, 1984: 29–37). Следовательно, при рассмотрении данного явления нужно учитывать хронологические (синхронность объектов), территориальные (четкая локализация культур в пространстве) характеристики, а также признак генетического родства культур. Заметим, что одни и те же черты являются значимыми и для определения локального варианта и для обозначения статуса культуры внутри КИО.

Для того чтобы провести более четкую границу между культурой и локальным ее вариантом необходимо оценить специфику присущих им черт. Указанной проблемой в свое время занимался В.М. Массон. Не останавливаясь подробно на содержательных характеристиках КИО, исследователь отделял перечисленные выше понятия по показателям сочетаемости типов. Для КИО этот индекс должен был составлять порядка 30–20%, в то время как для локальных вариантов культуры – от 100 до 50%. Таким образом, чтобы определить статус «афанасьевских» комплексов различных регионов нам необходимо оценить их сходные и различные черты (Массон, 1976: 5–20; Массон, 1990: 17–23; Массон, 1996: 26–28).

«Афанасьевские» объекты известны на территории гор и предгорий Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье). Все они локализуются в межгорных котловинах. Алтайские памятники тяготеют к рекам Обского, среднеенисейские – к рекам Енисей-

ского бассейна. Характер р. Катунь и ее притоков, в основном, – горный, в то время как Енисея (в среднем течении) – равнинный. Как отмечают некоторые исследователи морфологические различия между котловинами Алтайских и Саянских гор носят незначительный характер, но котловинный эффект обуславливает резкое различие в климате (Геоэкология горных котловин, 1992). Мы можем предполагать, что отмеченные выше условия могли быть причинами различий в ведении хозяйства. Но в силу недостаточной изученности поселений это утверждение пока не может быть подтверждено или опровергнуто.

С территорией распространения четко связана эксплуатация рудных месторождений. Есть основания утверждать о существовании у «афанасьевцев» «двух очагов металлургии – Алтайского и Минусинского, металлообработка которых была основана на различных сырьевых источниках» (Грушин, 2007: 92–96). Отметим также, что между ареалами распространения алтайских и енисейских комплексов имеется обширное пространство, где памятники этой эпохи не зафиксированы. Итак, пространственное единство афанасьевских комплексов нам представляется относительным.

Рассмотрим хронологический признак. Традиционно «афанасьевские» объекты Алтая относятся к концу IV–началу II тыс. до н. э. (Цыб, 1984: 12–13). в данный отрезок укладываются и известные радиоуглеродные даты (Ермолова, Марков, 1983: 96). При этом комплексы Минусинской котловины считались более поздними. Их нижнюю границу связывали с III тыс. до н.э. (Цыб, 1988: 164). Сравнительно недавно были получены сведения, позволяющие по-новому датировать ранние памятники Енисея (Bokovenko, Mitjaev, 2000: 31). Согласно новым данным существование афанасьевской культуры в Минусинской котловине теперь относится к середине IV–середине II тыс. до н. э. (Bokovenko, Mitjaev, 2000: 31; Вадецкая, 1981: 60–62; Вадецкая, 1986: 22–23). Следовательно, северные и южные (енисейские и алтайские) афанасьевские памятники синхронны на большом промежутке времени.

Отдельно стоит проанализировать типологическое сходство предметов и комплексов афанасьевской культуры. Сравнение алтайских и енисейских объектов было проведено А.В. Фрибусом. Он отметил преобладание на Алтае одиночных захоронений, а на Енисее – многочисленность коллективных могил. Отдельно исследователь подчеркнул, что есть различия в инвентарном комплексе: некоторые категории изделий распространены только на конкретной территории (Фрибус, 2005: 63–65). Основываясь на современных исследованиях, мы имеем возможность дополнить данный список различий.

Отличительной чертой афанасьевских памятников Алтая является то, что в большинстве случаев ограда сооружалась вокруг одной могилы (Молодин, 2002: 100–102). В комплексах Минусинской котловины в пределах одного надмогильного сооружения находилось до 6–7 погребений. Важно отметить, наличие культовых сооружений на алтайских комплексах, существование подобных построек на енисейских объектах не зафиксировано (Тюрина, 2007: 85–87).

Различия проявляются не только в погребальном обряде. Несмотря на то, что особенности металлургии зачастую являются транскультурными признаками, можно выделить некоторые региональные черты «афанасьевских» металлических изделий. Так, однолезвийные, черенковые ножи встречены только на Алтае. Для жителей этой

территории характерно использование металла в составе бус и отсутствие изделий из серебра. Применение меди для оббивки деревянных предметов свойственно в большей степени для «афанасьевцев» Минусинской котловины (Грушин, Тюрина, Хаврин, 2006: 18–32).

Сравнительно недавно были получены новые данные об антропологических особенностях «афанасьевских» серий. На Енисее преобладал гипоморфный краниологический тип с крупной низкой мозговой коробкой и наклонным лбом, а на Алтае – гиперморфный, с крупной высокой мозговой коробкой и средненаклонным лбом (Солодовников, 2006: 11–13).

Проведенный палеодемографический анализ также позволил выявить особенности палеопопуляций «афанасьевцев» Алтая и Среднего Енисея. Для алтайских серий характерны следующие показатели: малое количество погребений младенцев; значительное превышение числа мужчин над количеством женщин (коэффициент соотношения равен 1,64); средняя продолжительность жизни мужчин и женщин (без учета детской смертности) составляла соответственно 36 и 30 лет. Материалы среднеенисейских памятников афанасьевской культуры демонстрируют иные тенденции: 28% могил от общего числа выборки являлись погребениями детей до 1,5 лет, коэффициент соотношения полов равен 1,14 в сторону преобладания женщин; средняя продолжительность жизни была 37 лет для мужчин и 40 лет для женщин (Тюрина, 2006: 178–180). Мы склонны объяснять данные показатели различиями в системе брачных отношений, в быту и в хозяйстве.

По нашему мнению, перечисленные данные являются достаточным основанием для того, чтобы считать афанасьевскую культуру Алтая и афанасьевскую культуру Енисея двумя самостоятельными образованиями в рамках Афанасьевской культурно-исторической общности. Приведенный список не является исчерпывающим. До сих пор не проводились специальные исследования афанасьевской керамики и каменного инвентаря. Возможно, они расширят спектр отличий.

Отдельно следует остановиться на названии общности и культур, входящих в нее. По мнению О.Н. Корочковой, использование в качестве термина, передающего специфику КИО, эпонима, образованного от названия конкретного комплекса, не корректно. В качестве позитивного примера она приводит названия «ямной», «катакомбной», «срубной» КИО, которые связаны с наименованием «транзитного признака» (Корочкова, 2004: 207). Среди особенностей обозначенного единства мы можем отметить схожесть форм и орнаментации сосудов, морфологическую близость металлических изделий, скорченное положение умерших, наличие охры в погребальном обряде. Но ни одна из этих черт не может быть эпонимной для намеченной нами КИО, так как они не являются свойственными только для «афанасьевских» памятников, и лишь совокупность перечисленных свойств раскрывает самобытность указанных объектов. Кроме того, наименование «афанасьевский» прочно закрепилось в археологической науке, поэтому мы считаем целесообразным его применение для обозначения КИО, сложившейся на территории Южной Сибири в эпоху энеолита. Эта позиция предполагает сохранение деления афанасьевских комплексов по географическому признаку на объекты афанасьевской культуры Алтая и афанасьевской куль-

туры Среднего Енисея. Статус памятников остальных регионов остается проблемным, и его определение напрямую зависит от расширения источниковой базы.

Литература

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Геоэкология горных котловин. Л., 1992.

Грушин С.П., Тюрина Е.А., Хаврин С.В. Древнейший металл Южной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.

Грушин С.П. Рудно-алтайский металлургический центр и афанасьевские очаги металлургии // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2007.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984. Вып. 177.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002.

Солодовников К.Н. Население Горного и Лесостепного Алтая эпохи ранней бронзы по данным палеоантропологии: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Вып. 2.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. К вопросу о выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002.

Тюрина Е.А. Палеодемографический анализ антропологических серий афанасьевской культуры // Археология, этнология и палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. Т. I.

Тюрина Е.А. Ритуальные сооружения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007.

Фрибус А.В. Некоторые локальные особенности афанасьевского погребального обряда // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Цыб С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.

Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита, 2002.

Bocovenco N.A., Mitijaev P.E. Malinovij Log. Ein Gräberfeld der Afanas'evo – Kultur // Eurasia Antiqua. Berlin, 2000. Band 6.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (Древние бронзовые изделия в коллекции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова)

Э.В. Угдыжеков
г. Абакан

В течение последних 30–40 лет в сибирской археологии происходит лавинообразное накопление фактических материалов, анализ которых требует серьезной методической и методологической обработки. Справедливо относясь с разумной критикой к материалам, как раскопок прошлых десятилетий, так и к случайным находкам, археологи предпочитают опираться в интерпретации культурных влияний, миграций, духовной культуры населения прошедших эпох на новые материалы, поскольку случайные находки имеют серьезные недостатки: обнаружены вне комплексов, неизвестен культурный слой, не имеют точной территориальной привязки, не зафиксированы подробности важные для археолога, могут быть результатом грабительских раскопок погребений. Тем не менее, историческая ценность случайных находок также неоспорима. Примером могут служить бронзовые изделия из коллекций Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Не претендуя на полный историографический обзор археологии региона, отмечу ученых, активно использовавших данные о случайных находках Минусинского краеведческого музея (Киселев, 1949; Членова, 1967; Лубо-Лесниченко, 1975а, Лубо-Лесниченко, 1975б).

Случайные находки, исходя из теории предельного анализа, являются важным историческим источником, демонстрирующим разные этапы экономического состояния региона.

В исследовании торгово-экономической специфики Древних и Средневековых обществ Южной Сибири автор руководствуется методологическими принципами, разработанными «школой Анналов». Суть их состоит в следующем: потребность в обменных отношениях между сообществами возникла на ранней стадии истории человечества, обмен, в свою очередь, стимулировал спрос, выявлял конкурентные возможности и преимущества регионов относительно друг друга: под возникающий спрос возникало предложение и развивалось производство.

Данный процесс раскрыт, например, Ф. Броделем на примере развития европейских цивилизаций в XV–XVIII вв.. Вместе с тем установлено, что начало ему было положено в более ранние времена относительно времени его фиксации (Бродель, 1986; Бродель, 1988; Бродель, 1992). В центре исследования была Европа, остальные регионы служили некой иллюстрацией к общей схеме рассуждений. Последователь Ф. Броделя – И. Валлерстайн, использовавший метод предшественника, показал дальнейший путь европейской цивилизации вплоть до конца XX в. и даже спрогнозировал его на ближайшие десятилетия (Валлерстайн, 2001). В настоящей работе сделана попытка взглянуть на историко-экономические связи Южной Сибири и сопредельных

территорий (Сибирь, Центральная Азия, Средняя Азия, Китай), посредством метода Броделя. Предполагается, что здесь были задействованы те же экономические механизмы и стимуляторы, которые привели к строительству современной цивилизации Запада. Оценка этих событий дается на основе изучения артефактов – случаных находок.

Исходя из вышесказанного, коллекция случайных находок бронзовых изделий Минусинского краеведческого музея представляет уникальный исторический источник.

В «медленной» истории экономических структур, отличающихся чрезвычайной устойчивостью во времени, обилие случайных находок является фактом, против которого трудно найти аргументы. Можно даже абстрагироваться от споров о принадлежности тех или иных находок к той или иной археологической культуре, к тому или иному этносу, этнической группе. Важно констатировать время жизни тех или иных типов изделий, степень их распространения в Хакасско-Минусинской котловине и в соседних регионах. Предельный анализ, разработанный экономистами-неоклассиками способен последовательно показать реальные механизмы систем обмена в Южной Сибири. В этой связи необыкновенно важным элементом исселдования является систематизация и обобщение данных о случайных находках в разных регионах Сибири.

Еще один пласт анализа располагается в географической локализации центров человеческой активности. Археологические памятники зафиксированы вокруг Томска, Красноярска, Омска, Иркутска, Тобольска и других городов. Данный факт ставит под сомнение объективность случайных археологических находок. Однако в Хакасско-Минусинской котловине данный аргумент не работает. Плотность населения во времена случайных находок, то есть. в XIX – первые десятилетия XX в. в Хакасско-Минусинской котловине не была выше, чем в соседних регионах. Везде одинаково пахали на лошадях и все найденное на пашне привлекало внимание крестьян. Сельскохозяйственные работы давали в этот период основной прирост случайных находок. Рост численности населения вызвал рост запашки. Например, площадь обрабатываемых земель в Минусинском округе возросла с 31 057 десятин в 1850 г. до 231 724 десятин в 1891 г. (Материалы... 1893: 1). Современная ситуация несколько другая: новые хозяева земли не торопятся объявлять о случайных находках на своих земельных угодьях. Таким образом статистика показывает, что большая часть случайных находок из бронзы, полученных Минусинским музеем приходится на последние десятилетия XIX – первые десятилетия XX в.

Следовательно, факт огромного количества случайных археологических находок говорит как о явлениях экономической жизни Сибири в XIX–XX в., так и о былом уровне производстве медных и бронзовых изделий в Хакасско-Минусинской котловине. Изобилие случайных находок часто ставило исследователей в тупик. По словам Н.В. Леонтьева, некоторые археологи последних десятилетий, зная изобилие случайных находок, просто избегали посещать Минусинский музей, ссылаясь на некомплексность, на неизвестность места находки и т.д.

Исходя из выше представленной схемы, благодаря руководству и коллективу Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова и лично археологу музея Николаю Владимировичу Леонтьеву, представившему карточки научного описания, составлен список случайных находок бронзовых изделий в Минусинском округе. В статистике не учитывались китайские зеркала и монеты, описан-

ные и опубликованные Е.И. Лубо-Лесниченко (1975а, 1975б). Учтены утраченные экспонаты и находки, переданные в Хакасский областной краеведческий музей.

Наименование предмета	Количество предметов
Зеркала дисковидные местного производства:	**370**
В том числе:	
с петлей на обратной стороне	313
с «кнопкой» на четырех ножках на обратной стороне	47
с петлей сбоку	10
Кельты местного производства:	**523**
В том числе:	
двухушковых	194
с ушком на широкой грани	101
без ушек с одним сквозным отверстием	90
без ушек с двумя сквозными отверстиями	104
с «пещеркой»	17
разных форм	17
Кинжалы разных форм	**269**
Бляшки полушарные	**318**
Бляшки полушарные двухсоставные	**48**
Бляшки полушарные трех- и четырех составные	8
Бляхи «оленные»	**69**
Подвески «лапчатые»	**100**
Котлы «скифские» и фрагменты от котлов «скифских»	**119**
Котлы «скифские» миниатюрные	**25**
Ножи разных форм и типов	**3301**
Серпы	**222**
Шилья, сверла, иглы	**895**
Клевцы	**111**
Удила	**196**
Псалии	**77**
Долота втульчатые	**119**
Пряжки разных форм, бляшки, бляшки-накладки	**1445**
В том числе:	
бляшки сердцевидные или пламевидные	141
пряжки разных форм	132
пряжки сбруйные	24
пряжки ажурные	8
пряжки поясные	12
бляхи разных форм	26
бляшки ажурные	27
бляшки круглые 4 и 6 лепестковые	22
бляшки в виде стилизованных изображений птиц	22
бляшки в виде стилизованных изображений животных	14
бляшки в виде стилизованных изображений животных, свернутых в кольцо	8
пряжки, бляшки, бляшки-накладки разных форм	1009
Украшения разные, подвески, застежки, зажимы, бусы	**530**
В том числе:	
застежки	33

застежки стержневидные	16
зажимы	17
подвески и бляшки	23
бусы-пронизки	95
украшения разные	346
Подвески разные	**119**
В том числе:	
стержневидные с кольцом	15
кольцевидные ажурные	10
подвески разные	94
Оковки	**6**
Кольца сбруйные	**39**
Пряжки и кольца	**24**
Стержни	**11**
Гребни и пинцеты	**5**
Кольца-бляхи с отверстием для продевания ремней	**24**
Наконечники копий втульчатые и зажимные	**26**
Наконечники стрел разные	**254**
В том числе:	
двухперые втульчатые	44
трехперые черешковые	42
трехперые втульчатые	28
разные	140
Пластины панцирные	**12**
Браслеты	**51**
В том числе:	
широкие	19
раздвижные узкие	7
разные	25
Обоймы ременные и сбруйные, обоймы разные	**110**
Колечки, кольца разные в т.ч. височные	**294**
Кольца (колпачки) конусовидные, с отверстием в центре	**67**
Крючки рыболовные	**15**
Раковинки «каури» бронзовые	**10**
Крючки для подвешивания к поясу	**18**
Бусы бронзовые, разных форм	**226**
Стремена	**6**
Серьги разные	**83**
В том числе:	
литые овальной формы с привесками	36
разные	47
Пронизи, скобки разных форм	**162**
Булавы и кистени	**8**
Бляшки-пуговицы	**182**
Трубки курительные	**13**
Трубки	**3**
Фибулы	**12**
Перстни с 1 или 2 выступами	**43**
Перстни разные	**29**
Шаркунцы	**29**
Весы-безмены китайские	**6**

Предметы неизвестного назначения (ПННы)	**22**
Навершия	**14**
«Бабки» – бронзовые подобия бараньих костей для игры в «бабки»	**6**
Ланцеты	**10**
Пластины разные	**80**
Втоки	**19**
Предметы разные (включающие многие из названных, но не учтенных в соответствующих разделах)	**255**
Итого	**11038**

Представленные данные – начало анализа. В дальнейшем потребуется дать более подробную классификацию изделий по хронологии, но главный факт – изобилие изделий – представлен. Для продолжения анализа необходимо собрать данные о количестве случайных находок бронзовых изделий, хранящихся в музеях соседних регионов. Следует отметить, что материалы раскопок и случайные находки из Хакасско-Минусинской котловины хранятся во многих музеях России и мира, что еще более подчеркивает факт изобилия бронзовых находок. Полученные данные представляют количественные характеристики распространения бронзовых изделий, что является историко-экономической информацией и освещает различные стороны экономической жизни населения: степень развития скотоводства, земледелия и другие особенности хозяйственного быта.

Медь, бронза и изделия из них в период бронзового и раннего железного веков были валютой и новой технологией того времени. Для соседей, не имеющих собственных месторождений меди, наличие бронзовых и медных изделий позволяло, говоря экономическим языком, как сохранять заработанную ценность, хранить ценность на «черный» день, инвестировать в расширение поля деятельности, так и получить важнейший источник сырья для переплавки и производства бронзовых изделий «на дому».

Еще один аспект о характере находок. Территориальная привязка для многих случайных находок либо зафиксирована приблизительно, либо вообще не зафиксирована. Есть более точные указания о месте находок, о месторасположении разрушенного, либо разграбленного кургана. В статистике использованы и материалы археологических раскопок, однако их доля в общем числе находок минимальна. Есть только одна обобщающая характеристика о месте находок – все случайные находки однозначно найдены на территории Чулымо-Енисейской и Хакасско-Минусинской котловин, а также на ближайших к ним территориях.

Таким образом, изобилие бронзы в Хакасско-Минусинской котловине, является ценным историческим фактом, который согласуется как с теорией Ф. Броделя, так и с теориями экономической динамики. Согласование факта изобилия бронзовых изделий в Хакасско-Минусинской котловине с экономическими закономерностями позволяет сделать следующие выводы:

– регион был экономическим центром периода бронзового и раннего железного веков. Были возможны короткие циклы спадов, но в глобальном долгосрочном периоде регион обладал развитым массовым бронзолитейным производством с экспортом бронзы в соседние регионы (Чиндина, 1984: 136–137);

– регион торговал с Китаем, о чем говорит широкое распространение импортных китайских бронзовых зеркал и монет (Лубо-Лесниченко, 1975а, 1975б);

– регион отличался высокой плотностью населения, сложностью этнического состава, что говорит о привлекательности этой территории для древних людей. Это подтверждается изобилием курганов карасукской и тагарской культур и фиксируемым археологами многообразием погребального обряда.

– таежные народы предъявляли спрос как на китайские изделия, так и на предметы, производимые народами степного пояса, в том числе на продукты бронзолитейного производства, скотоводства и земледелия (наличие орошаемого земледелия в Хакасско-Минусинской котловине и других территориях Саяно-Алтая, юга Западной Сибири и Казахстана).

Часто археологи рассуждают о миграциях народов как об одном из двигателей древнего расселения и изменения археологических культур. Миграция народа, говоря образно, является надводной частью айсберга. Все остальное приходится на более обыденную жизнь, составной частью которой является повседневная потребность в лучших, качественных и удобных изделиях. Если народ обладал территориями с месторождениями полезных ископаемых, то экономические интересы народа неизбежно толкали его к расширению добычи и производства изделий на основе региональных конкурентных преимуществ. Это неизбежно вело к экономической экспансии и экономическому подчинению соседей. Народы, нуждающиеся в дефицитных изделиях, с одной стороны, попадали в экономическую зависимость, с другой стороны возникал отток части населения в экономический центр, обладающий более высоким уровнем жизни. Отсюда вытекает еще одна экономическая закономерность: регион с более высоким уровнем жизни неизбежно становится многонациональным и густо населенным. Политические факторы могут задержать, приостановить работу этого закона, но они, как правило, не могут повернуть тенденцию вспять.

Аналогичным образом можно описать экономические механизмы для регионов экономически отстающих. Регион может подчиниться и стать сферой экономического влияния и источником экономического роста для преуспевающего региона, ориентируясь на моду, предметы и идеологию преуспевающих соседей, т.е. ассимилируясь. С другой стороны, отстающий регион может быстро перенять новые технологии, отвоевать выгодные территории и занять господствующее экономическое положение (Чиндина, 1984: 173–177). Вариантов много, однако, любая и особенно крупная миграция или война является итогом работы долгосрочных экономических факторов.

Есть много вариантов и в развитии социальной сферы на основе экономических факторов. В истории многих из известных нам древних цивилизаций очень рано появлялась социальная группа, занимающаяся обслуживанием обменов, т.е. купцы. Если мы фиксируем факты обменов, особенно на далекие расстояния, можно предположить, что экономическими контактами занимались купцы. Они вступали в переговоры с вождями соседей, создавая торговые форпосты на территории соседей, стремясь контролировать торговлю с более далекими территориями, обладающими дефицитными изделиями и продуктами. Такие торговые пути и тропы, говоря образно, выступали в качестве «кровеносных сосудов» экономики древних обществ, «артериальной и венозной кровью» которых выступали купцы (в самом обобщенном смысле этого

слова) с их личными связями, интересами, обладающие дефицитом – изделиями повышенного спроса, очень часто предметами роскоши. О том, что такие связи возникли очень давно, говорят находки неолитических каменных изделий в сотнях километров от ближайших месторождений камня, например в Западной Сибири.

Таким образом, статистика случайных находок позволяет получить данные о «длинной» истории глобальных экономических циклов, долгосрочных экономических центрах, а также о механизмах экономических отношений между соседними регионами в древности, т.е. является еще одним путем получения исторической информации.

Литература

Броделъ Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975а.

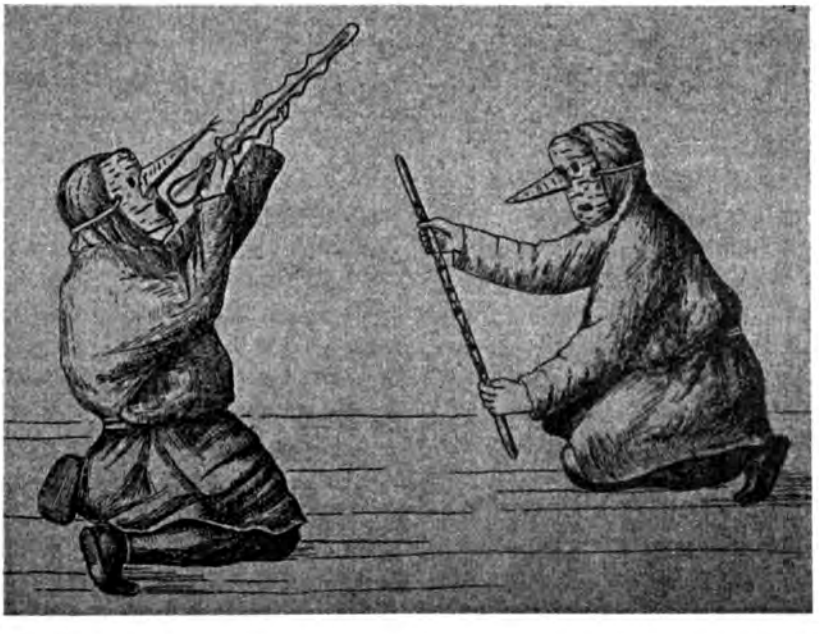
Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975б.

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобъя в эпоху железа. Томск, 1984.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

ЭТНОЛОГИЯ
И
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ



ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕЛЬКУПОВ: «ЭПОС ОБ ИТТЕ» (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЯ ДОННЕРА)

К.Н. Андреева
г. Томск

Основной способ понимания мира и разрешения его противоречий обеспечивается мифом, мифологией как особым типом мышления (Топоров, 1988: 9). «Мифологическое мышление» было присуще первобытным народам, отчетливо проступает оно и в фольклоре, сказаниях, поэмах. Они представляют особый интерес для исследователей, так как в текстах отражаются все представления, мысли и чувства носителей культуры о мире. Каждый народ должен знать свою историю, свои обычаи и традиции. Изучение культуры народа, его духовного мира, поэтического творчества будет всегда актуальной темой для исследований. В настоящей статье будет рассмотрена поэзия самодийцев, а именно, – селькупов.

Сбор и публикация южноселькупского фольклора производились на протяжении всего XX в., но особенно активно – в 1960–1980-е гг. Однако самые первые записи селькупских фольклорных текстов были сделаны и опубликованы в середине и второй половине XIX в. М.А. Кастреном (1857, 1860) и Н.П. Григоровским (1879) (Тучкова, 2002: 93).

М.А. Кастрен, финский исследователь, положил начало изучению фольклора сибирских народов. В нем он особо выделял богатырские песни у томских самоедов и писал, что такого же рода песни встречаются у северных самоедов и остяков, и даже финская Калевала есть не что иное, как прекрасное развитие зародыша, существовавшего в самоедской песне (Кастрен, 1860: 298). М.А. Кастрен сообщает, что почти с религиозным благоговением самоеды прислушивались к каждому слову, срывающемуся с уст певца. Певец точно так же, как шаман, сидит на скамейке или сундуке по середине юрты, а слушатели располагаются вокруг него. Они сидят обыкновенно безмолвно; но когда богатырь погибает или взвивается на крылатом орле к облакам, у них вырывается громкое «Хее», соответствующее нашему «Ура» (Кастрен, 1860: 304). Гораздо менее привлекательны песни лирического содержания (Кастрен, 1860: 304). Как южные, так и северные самоеды кроме песен любят и сказки. Большая их часть заимствована от других народов (Кастрен, 1860: 305). Характеризуя в целом поэзию самоедов, М.А. Кастрен отмечал, что она бедна и состоит в большинстве из случайных песен, которые заканчиваются либо изъявлением благодарностей, либо описанием несчастья и тяжелого состояния племени (см.: Доннер 1915: 38).

В материалах Н.П. Григоровского впервые появляется текст с героем-«сынишкой» Итя, записанный им в районе устья р. Чая (Тучкова, 2002: 93).

Н.А. Костров писал после М.А. Кастрена, что народная литература самоедов весьма бедна и состоит из небольшого числа песен, сказок и загадок. Из песен любят богатырские (Костров, 1882: 5). Как видим, последний повторил оценку М.А. Кастрена и в своей работе сослался на него.

Кай Р. Доннер, финский лингвист и исследователь языка селькупов и их культуры, предпринял два путешествия в Сибирь в – 1911–1913 гг. и в 1914 г. В ходе первого путешествии в 1912 г., ученому удалось записать различные сюжеты селькупского фольклора, которые в 1915 г. им были опубликованы под общим названием «Самоедский эпос». Их текст содержится и в опубликованных дневниках исследователя «Bei den Samojeden in Sibirien» («У самоедов в Сибири») (Donner, 1926). Исследователь, как и его предшественники, расценил собранные им тексты как богатырский эпос, показывающий, что культура самоедов намного глубже и поэтичнее, чем об этом догадываются ее исследователи. Опубликованный Доннером пересказ сюжетов так и оставался на долгие годы единственным и наиболее целостным воспроизведением этого эпоса. Многие эпизоды никогда более не были зафиксированы. Селькупский вариант текста остался недоступен исследователям (Тучкова, 2002: 94).

На р. Тым Доннер записал несколько саг, которые по особенности своего содержания значительно отклонялись от так называемых героических песен. В первый раз данный сюжет исследователь зафиксировал в Меташкино, но это была лишь схема, а не дословное изложение поэмы. Главное действующее лицо носило имя Id'e (Итте), а его противником являлся великан по имени Пюнегуссе. Чем выше по реке поднимался Доннер и чем глубже проникал в мир коренных обитателей тундры, тем многочисленнее оказывались эти саги, и тем ближе становилась их связь между собой (Доннер, 1915: 39).

Доннер писал, что на р. Кеть «самоеды» создали самобытную поэзию в высшем смысле, и что они владеют поэтическим творчеством, достойным внимания. Именно в верховьях Кети Кай Доннер и записал свой знаменитый «Эпос об Итте», а данную территорию он назвал Карелией самоедов.

«Эпос об Итте» – это большая эпическая поэма. Она, несомненно, являлась одной из самых архаических и самобытных у самоедов (Доннер, 1915: 40). Герой эпоса – богатырь Итте (Itje). Он рассматривается как отец племени. Его миссией была борьба с живущим на севере могучим людоедом Пюнегуссе (Pynegusse) и против всех пришлых чужаков, в том числе Христа и его последователей. В детстве Итте стал сиротой, потому что Пюнегуссе убил и «сожрал» все его племя (Donner, 1926: 116). Сам он смог убежать прочь, в лес, где рос у одной старой женщины, которая хотела воспитать его, оставив в неведении о случившемся с его близкими. Но, несмотря на все ее предосторожности, Итте встретился с людоедом, живущим на морском берегу заколдованного озера в образе слепого старика. После того как Итте стащил у него из лодки рыбу, старуха рассказала юноше, с кем он столкнулся, но было уже поздно – духи Пюнегуссе летели к Итте, они похитили юношу, хижину, старуху и собаку, и людоед проглатил их всех. К счастью, Итте взял с собой нож, прорезал живот Пюнегуссе, убил его и спас всех. Это была первая битва Итте с могучим людоедом, который постоянно воскресал после смерти еще более страшным и сильным.

Далее следует эпизод из жизни Итте о борьбе между двумя морскими чудовищами – рыбой с кривым рогом и птицей-великаном Пюне (Pyne). Птица была такой большой и сильной, что могла проглатывать большие камни и деревья, но потеряв однажды свои когти в спине рыбы, стала жалкой и бессильной. Птица попросила Итте о помощи, и он придумал как вернуть ей когти. Рыба жила далеко в море, и поэтому

найти ее было не просто, но юноша нашел выход – он изготовил струнный инструмент и, как Орфей, принялся играть, подражая языкам разных животных. Привлеченный музыкой и пением животные неба, земли и воды собрались послушать его. Наконец, и великан-рыба, очарованная музыкой, приплыла и осталась лежать неподвижно на краю воды. Продолжая играть, Итте поднялся на спину рыбы в поисках когтей птицы. Как оказалось, когти все еще торчали у нее в спине, а раны уже начали гноиться, поэтому рыба была просто счастлива, когда Итте вытащил когти птицы из ее спины. В благодарность она отдала ему свою красавицу дочь, а птица, обретя силу, стала верным помощником Итте.

Решающая схватка произошла, когда людоед похитил дочь лесного духа Parga. Итте стал победителем в долгой борьбе, и чтобы тело врага вновь не возродилось, он сжег труп чудовища в большом костре. Из огня слышались в адрес людей проклятия, в которых великан призывал на них наказание в виде комаров. Ветер развеял пепел по всем направлениям, и из его частиц каждое лето возникают мирриады комаров, которые сосут человеческую кровь, продолжая дело великана.

О комарах многие приезжие исследователи отзывались как о кошмаре, настоящем ужасе. Кастрен писал, что комары выводили его из всякого терпения (Кастрен, 1860: 345), а Сирелиус, отмечал, что комары страшнее, чем в Лапландии (Сирелиус, 2001: 38). Доннер был того же мнения об этих кровососущих насекомых. По сведениям Е.Д. Прокофьевой, для уничтожения комаров живет стрекоза, но она бессильна с ними бороться – комаров слишком много. Стрекоз селькупы называют «комариный шаман», их не убивают, не ловят. По словам одних, стрекозу создал Ича по другой версии: стрекоза – сам Ича (Прокофьева, 1976: 119).

После окончательной победы над Пюнегуссе Итте женился на дочери Лесного духа. В результате этого брака родился медведь, который почитается как отец племени кетских самоедов. В результате побед героя самоедский народ долго жил в мире, а Итте при надобности продолжал защищать его всех от опасностей.

Но однажды к Итте пришел черт и попросил еды и питья. Вместо этого Итте дал ему камней, и тогда черт пошел к Христу, который, являясь другом черта и отцом всех русских, прибыл со своим народом в Сибирь, чтобы отомстить самоедам. Христос утоли его голод человеческой кровью. Злые силы, в конце концов, победили, самоедский народ был рассеян по всем направлениям, а чужаки стали господами края. К этому времени Итте оставил свой народ и приготовился жить у моря, где он спит вплоть до сегодняшнего дня. Но когда придет время, по словам самоедов, он снова вернется, объединит своих детей в один народ, прогонит чужаков из Сибири и освободит самоедов и страну. В это самоеды верят прочно. Итте сказал Христу на прощание – «Этот день твой, и я ухожу прочь. Но придет утро, настанет мой день, и тогда я вернусь, соберу свое племя, и прогоню чужаков из страны» (Donner, 1926: 118).

Последний сюжет о приходе Христа, скорее всего, имеет позднее происхождение, и связан с приходом русских в Сибирь и насильственной христианизацией аборигенов. Данный сюжет иллюстрирует тезис В.Н. Топорова о том, что все прошлое за пределами, охватываемыми актуальной памятью, лежит недифференцировано, в одной плоскости, без различения более или менее удаленных от времени рассказчика событий. Историческое предание образует временной диапазон данного социума, вы-

раженного в терминах поколений – от предков в прошлом до потомства в будущем. Таким образом, оно совмещает два аспекта – диахронический и синхронический. Эта неразрывная связь диахронического и синхронического представляет собой неотъемлемую черту архаических представлениях о мире. Для архаического мифопоэтического сознания все, что есть сейчас – результат развертывания первоначального прецедента, экспликация исходной ситуации в новые условия «уплотняющегося» космологического бытия (Топоров, 1988: 11).

Как говорилось ранее, кроме дневников, «Эпос об Итте» изложен в работе Кая Доннера «A Samoyede Epic» («Самоедский эпос») (Donner, 1913–1918: 1–13), которая была переведена на русский язык В.М. Крутовским в 1915 г., и переиздана в 1997 г. (Доннер, 1915: 38–54; Доннер, 1997: 145–163). Сравним оба варианта.

Во-первых, в дневниках отсутствует сюжет о встрече Итте с семью сыновьями Лесного духа Массу-лоза (Massul-lözi) и их оскорблении. Итте проплывает мимо них, заливая водой их лодку, которая переворачивается, а юноша довольный возвращается к старухе. Только в статье описывается, как сыновья впоследствии узнают Итте, избивают его, и ставят условием сохранения жизни спасения их сестер из плена. Итте выручает девушек, похищая их у мадуров-воинов, возвращает их Лесному духу, а тот отдает их в жены Итте. Кроме того, в дневниках Лесной дух именуется Парга (Parga), а в статье Массу-лозом.

Во-вторых, несколько иначе трактуется сюжет о помощи рыбе и птице Пюне. В дневниках фигурирует рыба с кривым рогом, в статье – с волосатым пятнистым. В дневниках не сказано, что проходит три года, прежде чем птица разыскивает Итте и просит о помощи, трижды испытывает Итте. Отсутствует информация о том, что герой залезает в ухо рыбы, где находит девушку, дочь рыбы, отданную ему в жены. Не зафиксировано в дневниках и повествования о том, что Итте трижды испытывает птицу, не прикрепляя к ней отнятые у рыбы когти.

В-третьих, в статье намного подробнее изложен сюжет об убийстве Пюнегуссе. Здесь рассказывается, что Итте, войдя в доверие к Пюнегуссе, пытается перевоспитать его, но его попытки тщетны. Однажды людоед заболел и попросил у Итте попить, Итте предложил отнести его к реке, в надежде, что тот снимет свою кольчугу и оружие. У реки Итте нападает на людоеда, призывает на помощь свой народ, побеждает его, и разрубает тело на части. Но воскреснув, великан стал только сильнее. В последовавшей новой схватке людоед ломает юноше руку, связывает и бросает его, а жен – дочерей Лесного духа – забирает себе, засунув в карманы. К Итте являются духи-помощники и дают ему силы. Долго сражавшись с Пюнегуссе, Итте его побеждает, разводит большой костер и бросает туда тело людоеда.

Как видим, варианты записи эпоса различаются. Скорее всего, опубликованный в статье вариант представляет собой систематизацию собранного из разных мест материала в одно цельное произведение.

«Эпос об Итте» еще не проанализирован в полном объеме, сделаны лишь предварительные обобщения. Так, Г.И. Пелих подчеркивала, что в селькупской мифологии Ий (Иде, Итьте, Ича) – младший и любимый сын Париде-нума, общепризнанный национальный герой. Ича был сыном Неба и смертной девушки-селькупки (Селькупская мифология, 1998: 26–27). В литературе встречаются различные произношения

имени героя – Итте, Итче, Ича, Иде, что, скорее всего, зависит от диалектных особенностей селькупского языка. Есть несколько вариантов длинной сказки о Пюнегуссе (см.: Селькупская мифология, 1998: 76), в литературе он также фигурирует под именем Пюневальде или Пюнеувальде – «Каменный убийца» (Пелих, 1996: 166).

В научном мире Доннер известен прежде всего как первоклассный лингвист, занимавшийся проблемами языкознания, лингвистики. Его вариант эпоса был первым систематизированным, объемным произведением. «Самоедский эпос», открытый и поведанный миру Доннером, по праву можно считать одним из лучших произведений самоедов, отражающих их духовную культуру, веру и надежду.

Литература

Доннер К. Самоедский эпос // Труды Томского Общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. 3, вып. 1.

Доннер К.Р. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997.

Кастрен М.А. Магазин землевладения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. М., 1860. Т. VI, ч. 2.

Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882.

Пелих Г.И. Пюневальде (из истории селькупской мифологии) // Материалы Межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера. Томск, 1996.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Селькупская мифология / Составитель Г.И. Пелих. Томск, 1998.

Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал фольклорных и раннелитературных памятников. М., 1988.

Тучкова Н.А.«Эпос об Итте» в южноселькупском ареале// Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 2002.

Donner K. A Samoyede Epic // Journal de la Société Finno-Ougrienne 30 (26). Helsinki, 1913–1918.

Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart, 1926.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОЙ ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У ХАКАСОВ

В.А. Бурнаков
г. Новосибирск

Обряды завершающей части погребального цикла принято называть поминками. Однако семантическое поле данных ритуальных действий не ограничивался только поминовением. Оно включает в себя еще и общение с умершим, а также прощание с ним. Как справедливо констатирует А. Хейдель: «Жизнь считалась продолжающейся после смерти, и связь между человеком и его родственниками не прерывалась в могиле. Более того, живые и мертвые зависели друг от друга. Благополучие мертвых связано с вниманием, которое они получали от живых, в то время как существование живых в большой мере определялось заботой, которой они окружали ушедших» (Антонова, 1999: 21). У хакасов постпохоронные (поминальные) обряды совершаются на третий, седьмой, двадцатый, сороковой день, через полгода и год. В отличие от процесса погребения, основной вектор обрядовых действий поминального цикла направлен на контакт живых и умершего. «Если в похоронах основные усилия направлены на удаление покойника и вместе с ним самой смерти из мира живых (восстановление принципа однородности), то в поминальных обрядах мертвые приглашаются к живым: открываются ворота на кладбище, двери дома; их встречают, угощают и т.п. Однако это противоречие снимается более важной целью: упорядочить отношения между своим и чужим и далее – установить над ними контроль» (Байбурин, 1993: 118). Важнейшей составляющей поминок является «угощение» покойного. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным (Ван Геннеп, 2002: 150). По интерпретации С.Д. Майнагашева: «Поминки не имеют никакого другого смысла, кроме того, что живые приносят угощения, кормят, поят покойника и удовлетворяют свои потребности быть в общении с человеком, который еще недавно жил среди них» (Майнагашев, 1915: 280). «Угощение» умершего осуществляется посредством запаха (*хуюх*) от сжигаемой на костре пищи. Хакасы верят, что эту пищу в потустороннем мире может получить не только сам умерший, но и другие родственники. «В чашу всю пищу кладем и сжигаем. Когда человеку положить в чашу, то эту пищу получает не только покойник, но и другие умершие родственники. Ведь они делятся друг с другом. А человеку, которому в чащу не клали пищу (*тамах салбан*), ходит голодный. Люди видят сны, когда приходят покойники и говорят, что они голодают, потому что им не жгут пищу» (ПМА-2005, А.А. Бурнаков). «Сын Ромы – Дима осенью на мотоцикле разбился. Мотоцикл при аварии загорелся, и тело немного обгорело. Я ходила на поминки (год). Родственники на гору (кладбище. – *Б.В.*) пошли. Когда сжигаешь пищу, ее надо освобождать от обертки, так, например, надо разворачивать конфеты. В этот раз мы сидели и вытаскивали конфеты из бумажек. Были Томка, Верочка, Галя, Люда. Вскоре мы почувствовали запах покойника, хотя на горе место чистое, а воздух свежий. «Ю-ю, ребенок пришел» – сказала мать

умершего Димки, разжигавшая костер. Оказывается, душа человека приходит где-то к обеду. Все четыре женщины ощутили этот запах» (ПМА-2005, Л.А. Бурнакова).

Хакасы на третий день поминального цикла на могилу не ходят, пищу сжигают дома. На седьмой день еда предается огню на кладбище. В край костра выливается чаша *араги*[*] для умершего. Сороковой день являлся самым значимым. «В этот день душа умершего осознает свою смерть. Она становилась за очагом и наступала на золу. На золе ее следов не оставалось, и тогда душа – "сюне" плачет: "Я стала как зола и пепел!". Она вдруг замечала, что у нее нет тени, что травинки под ней не гнутся. Тогда она с горечью восклицала: "Моя смерть – это истина!"» (Бутанаев, 1988: 126). Вечером 39 дня все родственники и знакомые собираются на «*сагычаа*». В очаге сжигается пища, предназначенная покойнику. Люди должны всю ночь находиться в бдении. Наутро отправляются на кладбище, где возжигается костер и снова «кормят» поминаемого. На полугодовых поминках на кладбище не разводят костра, а пищу, вместо сожжения разбрасывают мелкими кусками вокруг и брызгают *арагой* (Майнагашев, 1915: 282–283).

Нарушение правил погребально-поминальной обрядности препятствовало попаданию души в уготованное ей внеземное пространство. «К таким нарушениям относились, например: не положение в могилу нужной вещи, неточная ориентировка покойного, нечеткость напутственной речи, в которой умершему разъяснялись приметы дороги мертвых, и т.д.» (Косарев, 2003: 165). В свою очередь это могло навлечь несчастья и беды на родственников. Среди хакасов распространены представления о том, что *сюне* (*сюрну*) может приходить к живым родственникам, чтобы попросить недостающую вещь или предмет не только для себя, но и для других. С этой целью посредством положения в гроб с умершим могли «транспортировать» в потусторонний мир вещи, не принадлежащие покойному. Описание этих воззрений представлены С.Д. Майнагашевым: «Помимо того, что сам он (покойник. – *В.Б.*) с головы до ног был одет в лучшие свои одежды, с ним еще были положены: шуба, запасные рубаха и штаны, лишняя пара обуви. Кроме его собственной опояски, с ним была уложена еще детская опояска. Незадолго перед тем, как умер маленький сын, которому в гроб забыли положить опояску; теперь ее отправляли с отцом, чтобы сын в загробном мире не ощущал в ней недостатка» (Майнагашев, 1915: 278–279). Кроме того, «передача» нужного предмета умершему могло осуществиться путем сжигания его на костре (Майнагашев, 1915: 283–284).

Привязанность к привычному образу жизни, близким людям и своим вещам являлась труднопреодолимым препятствием к переходу в загробный мир. Порой такая душа (либо ее часть), именуемая *харазы*, оставалась в доме и начинала причинять людям вред. В народе считали, что *харазы* оставалось от плохих людей, обремененных темными мыслями (*хомай сагыстыг кізі*). «Плохие мысли, нечто темное остается, а сам человек уходит. У хороших людей, с чистыми мыслями *харазы* не остается» (ПМА-2005, З.Е. Кольчикова). По объяснению другого информанта *харазы* (*сюрну*?) могла обитать в доме продолжительное время. «Я сплю на своей кровати. К трем часам утра начинаю сильно болеть. Сон проходит. Я выхожу на улицу. Потом снова ло-

[*] Арага – спиртной напиток.

жусь спать. Поняла, что мучаюсь из-за *харазы*. Съездила в церковь. Взяла оттуда освященную известь и побелила дом. Однажды было видение. Пришел муж – покойник. Он говорит мне: «Я с вами все это время жил. Теперь я уйду!». На столе стояла стопка водки, он ее выпил и ушел. Я и мои родные не знали о том, что он все это время жил с нами, ведь мы похоронили его два с половиной года. Когда он уходил, я посмотрела, в какую сторону уйдет. Он пошел к горам. А там народу много. Оказывается, умершие могут жить два с половиной года вместе с нами» (ПМА-2005, Н.Н. Канзычакова).

Харазы проявляет себя тем, что насылает на обитателей дома болезни, «давит» на человека во время сна и беспокоит ребенка в ночное время. «*Харазы* умершей женщины мешает ее детям. Когда ребенок по ночам сильно плачет, говорят, что *харазы* матери лишает его покоя» (ПМА-2005, Т.М. Побызакова). Старики с целью ее изгнания три раза обводили горящей головней по солнцу вокруг ребенка. Затем при помощи мужского ремня повторяли предыдущую операцию и подвешивали полотенце на спинку у изголовья кровати. Считалось, что после этих обрядовых действий ребенок ночью будет нормально спать (ПМА-2005).

Изгнанием *харазы* традиционно занимаются шаманы. В редких случаях некоторые семьи приглашают православного священника. «Когда человек умрет, в доме *харазы* остается. Шамана приглашали, чтобы ее изгнать (*харазын чарыбызарга*). Сейчас ее изгоняют еще какой-то молитвой. У меня дома мать, отец и теща умерли. Надо изгонять *харазы*. Пригласили шамана Киштеева. Он очищал дом. Некоторые сами очищают дом – окуривают *ирбеном* (чабрецом) еще в этих целях как-то используют соль» (ПМА-2005, Т.М. Побызакова).

В хакасских представлениях смерть маленьких детей также могла повлечь за собой появление в доме *харазы*. Эти взгляды основываются на вере в непосредственную связь младенцев с потусторонним миром. «Шаман изгонял *харазы* умершего годовалого ребенка (*час пала*). Вдруг из-за угла раздался плач ребенка. Так шаман прогнал *харазы*» (ПМА-2005, С.Д. Кичеева).

В годовщину смерти все родственники собирались на кладбище, чтобы окончательно проводить умершего в его мир. Интересной особенностью последнего свидания с умершим является то, что супруг (супруга) умершего три раза обходила могилу по кругу, по ходу солнца, говоря: «Я тебя оставляю теперь» (Дьяконова, 1975: 66). Обязательным в этом ритуале было принесение последнего «угощения» умершему. К покойному обращались со следующими словами:

«Пусть славно будет то, на чем лежишь;
Пусть шелковое будет то, чем накрываешься;
Не голодая, живи в стране той;
Последнюю пищу тебе приносим;
Нас не вспоминай;
Мы думать будем о тебе!» (Майнагашев, 1915: 282).

С завершением последнего поминального обряда с дома, где произошла смерть, а также с его обитателей окончательно снималась «нечистота» и все запреты, налагавшиеся на них. В хакасской традиции со дня смерти кого-либо из близких (супруга, ребенка, родителей и т.д.) и до года человека называли *харах частыг кізі*. Им возбранялось заключать брачные союзы. «По смерти своей жены муж, если он хороший че-

ловек, не женится раньше одного года, если же он худой человек, то женится (даже) через ½ года; по смерти мужа жена живет вдовою до того же срока. Дети (умерших родителей) не выходят замуж и не женятся в течение 1 года» (Катанов, 1907: 562–563). *Харах частыг кізі* не посещали общественные праздники и своих знакомых, за исключением тех случаев, когда для этого они получали особое приглашение от них. Перед тем, как пригласить в дом *харах частыг кізі* приглашающие делали им небольшие подарки. «*Харах частыг кізі* считается до года. Им нельзя заходить в *хазых чурт* – "жилище, где все хорошо", особенно в тот дом, где имелись *час пала* (годовалые младенцы). Даже к соседям нельзя заходить, если только их не позвали. Таким людям дарят полотенце, платок и др. Только после того, как им подарят, им можно заходить» (ПМА-2005, А.А. Бурнаков).

Итак, в мировоззрении хакасского этноса смерть расценивалась как закономерный переход человека в иную форму существования – в качестве души «*сюне*» (*сюрюн*). В переходный этап с момента смерти и до процесса погребения все обрядовые действия были направлены на отделение умершего от живых, на наделение его соответствующим посмертным статусом. Данные воззрения основывались на вере в возможность негативного воздействия покойного на людей. Однако путь умершего не заканчивается в могиле. На весь похоронно-поминальный период могила, как и само кладбище, становится местом, где осуществляется контакт между живыми и покойным. В период поминального цикла отношение к душе умершего меняется, так как после совершенных обрядов она приобрела «загробные» качества и приблизилась к статусу предка. Люди на этот срок стараются «сблизиться» с нею, устраивают поминальную тризну и проводят своего рода встречи с умершим. В целом же, все погребально-поминальные обряды ориентированы на установление равновесия и регламентированных связей между умершим и живыми, своим и потусторонним мирами, что обеспечивало бы нормальное функционирование жизни людей.

Источники

ПМА, Бурнаков Алексей Андреевич, 1937 г.р., с. Аскиз Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА, Бурнакова Людмила Андреевна, 1957 г.р., с. Отты, Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА, Канзычакова Нина Николаевна, 1942 г.р., с. Нижняя-Тея Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА, Кичеева Софья Давыдовна, 1930 г.р., село Отты Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА, Кольчикова Зоя Егоровна, 1932 г.р., село Отты Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА, Побызакова Нина Егоровна, 1935 г.р. с. Отты, Аскизского района РХ, лето 2005 г.
ПМА-2005, Побызакова Татьяна Марковна, 1932 г.р., с. Отты, Аскизского района РХ, лето 2005 г.

Литература

Антонова Е.В. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988.

Ван Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1907.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.

Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. 1915. № 2.

ЭТНО- И ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Н.П. Гуляева
г. Красноярск

В этой работе речь пойдет о научных дисциплинах, сформировавшихся на стыке социологии с другими науками.

В первую очередь, остановимся на этносоциологии, которая, как следует из самого ее названия, возникла в результате синтеза социологии и этнографии (этнологии). Несмотря на скандально молодой возраст данного направления как научной дисциплины, этносоциология к настоящему времени достаточно уверенно определяет объект и предмет своих исследований, специфику методологии, методов и особенности теоретических подходов к интерпретации фактического материала. Более того, по этносоциологии выпускаются учебники, она преподается в вузах, т.е. переходит в разряд уважаемых академических дисциплин.

Несколько иначе обстоит дело с палеосоциологией. Хотя в течение последних десяти – пятнадцати лет палеосоциальные реконструкции являются широко обсуждаемой темой, по которой проводились и специальные тематические конференции, и организовывались секции и обсуждения на встречах более широкого, универсального характера (Бобров, 2003: 4–5). Существует обширная литература – статьи и монографии – где палеосоциальные исследования поставлены во главу угла (см., например: Бернабей, Бондиоли, Гуиди, 1994; Бишони, 1994; Бужилова, 2005; Бунятян, 1985; Иванова, 1991; Ковалева, 1993; Матвеева, 2000; Матвеева, Ларина, Берлина, Чикунова, 2005; Молодин и др., 2004; Савинов, 2002; Тишкин, Дашковский, 2003; Хлобыстин, 1972; Хлобыстина, 1993; Социальная структура ранних кочевников Евразии, 2005; Социогенез в Северной Азии, 2005 и др.) Наконец, отсутствие социальной интерпретации археологических данных в серьезной работе, особенно для эпох, начиная с палеометалла, порой воспринимается как нечто не вполне приличное.

Несмотря на все это, на все более широкое употребление самих понятий «палеосоциология», «палеосоциальные реконструкции», «палеосоциологические исследования», автору данной работы до сих пор не приходилось встречаться с более или менее четким определением предметной области данной дисциплины, ее парадигмальной специфики и особенностей теоретико-методологического аппарата.

В данной работе предпринимается попытка восполнить этот пробел, опираясь на опыт этносоциологии, в виду очевидной предметной близости этого направления и относительно схожих условий формирования и их места в обще научной иерархии – обе они, с точки зрения социологов, являются так называемыми теориями среднего уровня.

Объектом и этносоциологии, и палеосоциологии, очевидно, как и у всех общественных наук, является само общество. Расхождения начинаются при определении предмета.

Предмет этносоциологии формулируется так: «Предмет этносоциологии – изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективно-

го поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды» (Арутюнов, Дробижева, Сусоколов, 1999: 8). Или так: «Предметом этносоциологии является изучение специфического преломления социальных процессов в разной культурной среде и влияния этнического фактора на протекание общесоциальных процессов и функционирование социальных институтов» (Денисова, Радовель, 2000: 13).

Таким образом, мы видим, что этносоциология воспринимается как специальная дисциплина в рамках социологии, изучающая общесоциальные процессы через призму этнографического материала и использующая последние в качестве исходных данных. Соответственно, и методы изучения преимущественно социологические. Их специфика определяется спецификой самого предмета исследования.

С определением предметной области палеосоциологии дело обстоит несколько сложнее. Отчасти, видимо, потому, что если этносоциология возникает действительно на стыке наук, при, если можно так выразиться, обоюдной заинтересованности и социологов, и этнографов-этнологов, то история формирования палеосоциологии иная: при ближайшем рассмотрении оказывается, что обширная и многообразная палеосоциологическая литература вышла из-под пера археологов! То есть, данное направление формируется не столько за счет междисциплинарных исследований, в точном значении этого слова, сколько за счет внутренней эволюции истории и археологии, за счет того, что современный уровень изучения древнего прошлого заставляет научные коллективы выходить за рамки «своей» науки и искать методы интерпретации материала на междисциплинарном поле.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: следуя логике определения предмета дисциплины по аналогии с этносоциологией, логичным было бы интерпретировать палеосоциологию как частное направление социологических исследований, которое в своих теоретических построениях опирается на археологический материал. Более того, если походить совсем строго, то палеосоциологию вообще следует признать одним из разделов исторической социологии, которая определяется как «часть (раздел) социологии, обеспечивающую своими методами единство прошлого, настоящего и будущего, дающую временной (наряду с пространственным) континуум социологическим теоретизированию и эмпирическим исследованиям путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта и тем самым определяющую его исторически данные параметры» (Романовский, 2002).

Однако в противоречие с подобным определением места палеосоциологии в общенаучной иерархии приходит специфика методов данной дисциплины. Отчасти это, безусловно, вызвано спецификой эмпирического материала: не данные опросов и наблюдений, а результаты раскопок – археологические источники, которые для извлечения социальной информации нуждаются в дополнительной обработке. И вот тут оказывается, что подавляющее большинство методов и техник палеосоциологической интерпретации предложено археологами и антропологами, в том числе с привлечением математического анализа данных. Как правило, речь идет о классификации и типологизации, за счет чего и выделяются предлагаемые авторами модели социальной структуры древнего общества. Таким образом, оказывается, что, несмотря на назва-

ние «палеосоциология», собственно социологические методы и методология исследований в составе данной дисциплины представлены весьма скромно.

Следовательно, мы можем определить палеосоциологию следующим образом: «междисциплинарное направление исследований, предметом которого является изучение социальных структур, систем и процессов древних обществ на основании археологических материалов». Пожалуй, современный уровень исследований не оставляет ничего иного.

В итоге, хотя этносоциология и палеосоциология формально-теоретически близки и «равноправны», их фактическое положение в значительной степени разнится: если первая оформилась как направление собственно социологических исследований, то вторая, к сожалению, пока далека от этого. Какое это имеет практическое значение? Один из наиболее ощутимых камней преткновения состоит в том, что возникают серьезные расхождения в терминологическом аппарате. Даже базовые понятия «социальный слой», «социальная структура», «социальное взаимодействие» интерпретируются во многих работах по проблемам палеосоциологических реконструкций несколько иначе, чем в классической социологии, что не может не создавать дополнительных трудностей (подробнее об этом см.: Гуляева, 2006: 110–113)

Кроме того, различаются подходы к группировке материала, поскольку изучаемые объекты и их признаки выделяются по разным основаниям в соответствии с теоретической интерпретацией и понятийным аппаратом каждой из дисциплин. Этносоциология, как правило, использует критерии, описывающие социальное положения индивида, тогда как палеосоциология в большей мере опирается на анализ вещевых комплексов, планиграфии и стратиграфии археологических памятников.

Означает ли все выше сказанное, что этносоциология и палеосоциология бесконечно далеки друг от друга? Разумеется, нет. При всех очевидных трудностях взаимодействия...

Во-первых, базу для сотрудничества создает опора данных дисциплин на археологию и этнографию. Подчеркнем то, что науки, обеспечивающие источниковые базы этносоциологии и палеосоциологии, сами по себе имеют длительную историю взаимодействия и взаимоверификации, что в значительной степени облегчает возможности диалога.

Во-вторых, в большей или меньшей степени и этносоциология, и палеосоциология в конечном счете работают на понимание природы человеческого общества как такового. Предоставляемая этими дисциплинами информация, с одной стороны, в значительной степени расширяет представления о вариативности форм существования и развития социальных общностей, а с другой, - через сравнение вариантов и вычленение единых черт – приводит к осмыслению инвариантной сущности социума. Особо следует отметить важность изучения неевропейских вариантов развития, что, как представляется весьма вероятным, может существенно изменить историческую картину мира.

В-третьих, палеоисторические и палеосоциологические реконструкции и теоретические модели без апробации на практике остаются не более чем гипотезами. Одним из вариантов практического апробирования может быть сопоставление с данными и моделями этносоциологии. Это своего рода сотрудничество археологии и этно-

графии, переведенное на новый уровень интерпретации материала. Основную сложность, видимо, представляет адекватная интерпретация социальных структур современных этнических общностей и древних обществ как совпадающих, близких или умеренно различающихся. Представляется, что именно здесь заложены серьезные теоретические и практические возможности для развития и интеграции рассмотренных научных подходов.

Литература

Арутюнов Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999

Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994.

Бишони Р. Погребальный обряд как источник для исторических реконструкций // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994.

Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-Ш вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1985.

Гуляева Н.П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2.

Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-на Дону, 2000.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1991.

Ковалева В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Интеграционные проекты СО РАН. Новосибирск, 2004. Вып. 1.

Романовский Н.В. Историческая социология: проблемы и перспективы // Социс. 2002. № 2.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии// Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб., 1993.

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

М.А. Жигунова
г. Омск

Русское население современной Сибири является самой многочисленной этнической группой, на долю которой приходится около 80% населения. В связи с этим изучение вопросов, связанных с их историей, культурой, современным состоянием, представляется вполне актуальным. Под идентичностью нами понимается самоидентификация, самоопределение, самоназвание, установление личного тождества. Несмотря на то, что проблема осмысления различных аспектов сознания и самосознания человека давно и интенсивно разрабатывается философами, психологами, этнологами и лингвистами, она до сих пор является одной из наиболее дискуссионных (Антонова, 1996; Дробижева, Малькова, 1992: 369–425; Сикевич, 1996; Соколовский, 1995: 87–114; Тишков, 1997: 15–43; Юнаковская, 2000: 148–151). В последние годы активизировались исследования, связанные с различными типами идентичности. По мнению М.Н. Губогло, в настоящее время можно говорить о возникновении нового научного направления – идентологии (Губогло, 2003: 23). Несмотря на то, что общий интерес к данной проблематике возник еще с середины 1960-х гг., изучению самосознания русских уделялось недостаточно внимания, в результате чего эта тема исследована пока весьма фрагментарно (Филиппов, 1991: 30, 31). Особенности современного этнического развития русских находятся в центре внимания многих зарубежных исследователей: (Пушкарева, 1997: 23, 226). Устойчивый интерес к этнографическому изучению русских сибиряков в отечественной науке возник с 1950-х гг. (Жигунова, 2005: 23).

Наше исследование базируется на материалах этносоциологических и этнографических исследований русского населения, которые проводились под руководством автора среди городского и сельского населения Алтайского края, Омской, Новосибирской, Томской и Тюменской областей, Ямало-Ненецкого АО в 1986–2007 гг. В ходе работ было заполнено около 7000 опросных листов. В качестве дополнительных источников использовались материалы Всероссийской переписи населения 2002 г., сведения из похозяйственных книг, словари русского языка и русских говоров Сибири, материалы архивов загсов и паспортных столов, также – авторский опыт преподавания в ОмГУ лекционных курсов: «История мировых религий», «Культурная антропология народов мира», «Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры». Отдельные результаты исследований автора по заявленной теме были опубликованы ранее (Жигунова, 2004: 67–80; Жигунова, 2006: 32–44; Жигунова, 2007: 43–61). Особенностью этой публикации является то, что в ней впервые приводятся комплексные данные по всем основным типам идентичности (этнической, региональной, религиозной), включая исследования 2007 г. на территории Томской области.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Западно-Сибирском регионе проживало 13 950793 человека русской национальности. Совре-

менное русское населении Западной Сибири отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, разнообразными социально-экономическими, природно-географическими, этнокультурными и другими факторами. В связи с этим среди русских Сибири этнологами выделяются различные историко-этнографические, этнические, субэтнические, конфессиональные, этносоциальные и др. группы (Болонев, 1994; Вахтин, Головко, Швайтцер, 2004; Власова, 2003: 114–117; Жигунова, 1999: 198–202; Лебедева, 1996; Липинская, 1995: 113–127; Фурсова, 2003: 37–39; Щеглова, 2001: 35–44). При опросах 1986–1989 гг. 98% респондентов называли себя прежде всего русскими, что свидетельствует о том, что к моменту нашего исследования присущее ранее этническому самосознанию русских деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы было практически утрачено. При панельных исследованиях 1994 г. несколько возросла вариативность ответов, а при опросах 2000–2007 гг. значительная часть респондентов затруднились четко определить свою этническую принадлежность:: «*не знаю*», «*русский, наверное*», «*я не знаю, кто я, по паспорту – русская*», «*русский, но по паспорту – немец*», «*русский, но по крови – белорус*», «*смешанная русско-украинская*», «*русско-немецко-белорусско-финская*», «*русская с немецкой помесью*» и др. Встречались также: «*русская хохлушка*», «*русская полячка*», «*русский татарин*», «*русский немец*», «*русский казах*», «*русский мусульманин*», и даже «*обыкновенный русский*», «*исконный русский*», «*чисто русский*», «*великоросс*», «*славянин*». Несколько молодых людей на вопрос о своей национальности ответили: «*Russian*». Среди вариантов этнической идентичности появились также следующие: «*никакой*», «*космополит*», «*многоэтническая*», «*я полинационален*».

Среди основных критериев этнической самоидентификации чаще всего указываются родители и родственники («этнические корни»), язык («*говорю на русском – значит, русский*»), территория рождения и проживания («*родилась и живу в России – значит, русская*»), культурная принадлежность, а также личные ощущения («*чувствую, что я русский по духу*», «*потому что душа у меня русская*»). Нередко встречаются варианты этнической идентификации, противоречащие происхождению. Так, человек определяет себя русским, хотя его родители не принадлежали к этой национальности или записаны русскими, хотя дедушки и бабушки являлись украинцами, белорусами, поляками, немцами, цыганами и т.д. Одна девушка, определившая себя русской, так ответила на вопрос об этнической принадлежности своих родителей: «*Как можно написать их национальность, когда там столько всего понамешено!*». В экспедиции 2006 г. в Тарском районе Омской области мы познакомились с молодым человеком, определяющим себя французом: «*Я француз, чувствую себя французом, люблю по-французски, люблю все французское*» (хотя все родственники принадлежат к русской национальности, и во Франции он никогда не был). Там же нам встретился «*татарин*», который определил себя так в связи с тем, что любит татарские песни, «*как услышу их, так плачу*». «Оказавшись в Сибири, – пишет Л.И. Шерстова, – великороссы принесли сюда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое на ментальном уровне (или в этническом подсознании) не противопоставляло их этносам Северной Азии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же постоянное расширение территории обитания,

за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции, и включение в себя все новых неславянских этнических компонентов препятствовали прочной внутренней консолидации собственно русского этноса как такового, постоянно размывая его, не позволяя «замкнуться на себе и в себе» (Шерстова, 200: 108). Следствием этого стали нечеткие этнографические признаки и довольно аморфное этническое самосознание.

Наибольшие затруднения при этнической самоидентификации возникают у тех, чьи родители и родственники принадлежат к различным народам. Согласно сведениям, полученным нами в паспортных столах, в советское время чаще всего выбор делали в пользу русской национальности или национальности отца. Встречались случаи, когда в паспорт записывали русскую национальность подростку, хотя ни один из родителей к этой национальности не принадлежал. Встречаются подобные случаи и в нашей практике. Так, зачастую потомки белорусов в Сибири считают себя русскими. Называют себя русскими дети из украинско-немецких, белорусско-казахских и других семей, где родители принадлежат к различным народам. Совместно с В.В. Реммлером нами в 1993 г. были проведены этносоциологические исследования, направленные на выявление факторов, влияющих на выбор национальности подростками из национально-смешанных семей. На первом месте уверенно лидирует национальность отца (40,9%), затем – желание самого подростка (33,3%), язык (22,9%) и национальность матери (21,9%). Место проживания выделили в качестве значимого фактора лишь 5,7% опрошенных. Между тем, только при опросе 2007 г. в Омске 2 русских девушки назвали себя «казашками, поскольку проживают в Казахстане». Нередки случаи, когда в одной семье дети определяются отцом и матерью по-разному или сын считается одной национальности, а дочь – другой. Так, например, в казахско-русской семье мальчика чаще записывают казахом, а девочку – русской. Интересно, что вопрос этнической идентификации возникает не только в смешанных семьях, но и однонациональных нерусских. Так, например, в поселке Светлом Томской области национальность детей в 1980 г. была не определена в 15 таких семьях, в 1989 г. – в 14, а в 2000 г. – в 35 семьях (Гончарова, 2006: 173). Приведенные цифры свидетельствуют о том, что вопрос этнической идентичности становится все более сложным. Некогда В.И. Даль считал, что «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где нужно искать его принадлежность к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит» (Даль, 1998: 4).

Сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов (кроме русских здесь проживают представители около 200 национальностей). Наиболее интенсивно эти контакты происходят в городской среде и в национально-смешанных семьях. В семьях 70% опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей. Чаще всего – это зятья и снохи (украинской, немецкой, татарской, казахской, белорусской, чувашской, польской, армянской, азербайджанской, башкирской национальностей). Также встречаются латыши, эстонцы, евреи, грузины, ингуши, молдаване, мордва, цыгане, узбеки, селькупы, ненцы, ханты, алтайцы, буряты, шорцы и многие другие. Среди близких родственников сибиряков имеются амери-

канцы, англичане, африканцы, болгары, греки, итальянцы, китайцы, корейцы, норвежцы, французы, финны, чехи, шведы, японцы и многие другие. В 1950–1970-е гг. в отдельных регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73%, в 2000 г. – около 20% (Жигунова, 2004: 73). В связи с этим в 2000-х гг. появилась следующая самоидентификация «***метис***» или «***полукровка***» (например, отец – селькуп, мать – русская; отец – русский, мать – татарка).

В 2000-е гг. среди вариантов этнической самоидентификации появились такие как «***сибиряк***» и «***русский сибиряк***», что свидетельствует о росте региональной идентичности, постепенном превращении топонима «сибиряк» в этноним. Кстати, такие варианты самоопределения встречаются и у других народов Сибири. Изучением сибирской идентичности успешно занимаются А.О. Бороноев и его ученица Н.В. Сверкунова (Бороноев, 2003: 9–20; Сверкунова, 2003). Известно, что этимологическое толкование слова «Сибирь» отличается неопределенностью фонетического облика и языковой принадлежности (Аникин, 2000: 494). Оказалось, что не существует единого мнения и по поводу современной трактовки понятия «сибиряки», несущего различную смысловую нагрузку. Мы выделяем 5 основных подходов к определению этой дефиниции: Сибиряки – это люди, живущие на территории Сибири; Сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири; Сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены); Сибиряки – это особый тип людей с характерными чертами (крепкие, здоровые, добрые, крупного телосложения, трудолюбивые); Сибиряки – это «винегрет народов», «особый этнос, сложившийся на основе русских, с вкраплениями различных этнических черт». В 2005–2007 гг. идентифицировали себя с сибиряками 80% опрошенных, т.к. родились и/или живут в Сибири, считают, что обладают сибирским характером, любят свою малую родину. Остальные не назвали себя сибиряками в силу двух основных причин: т.к. родились в другом регионе («хоть и живу почти всю жизнь здесь, а привыкнуть не могу») или переехали в Сибирь недавно. Интересно, что некоторые респонденты, родившиеся и выросшие в Сибири, не считают себя *настоящими сибиряками*, так как «не любят холод / испытывают от него неудобства» или «не отличаются особой выносливостью».

Около 3% опрошенных определяют себя как «***чалдоны/челдоны***» – «*вечные, исконные, коренные сибиряки*», «*русские коренные жители Сибири*», «*здешние уроженцы*», «*испокон веку здесь живущие*». Встречается этот термин в качестве национальности и при определении этнической принадлежности своих родителей, а чаще – бабушек и дедушек. Народная его интерпретация сводится к нескольким вариантам, из которых наиболее часто встречается мнение, что «*это люди, пришедшие /сосланные с Чала и Дона*». Также считается, что чалдоны – это «*первые русские, приплывшие в Сибирь на челнах*», «*потомки донских казаков*». Подобная интерпретация термина «чалдон» фиксируется исследователями на всей территории Сибири. М.Л. Бережнова считает, что «челдоны – это, прежде всего, группа с особой идентичностью, которую можно назвать символической» (Бережнова, 2007: 242). Если раньше прозвище «чалдон» являлось «ругательным словом для коренного сибиряка» (Аникин, 2000: 639), «обидным, неприятным прозвищем» (Бардина, 1995: 17), то сейчас на территории Западной Сибири нам практически не встретилось отрицательных характеристик этого термина. Некоторый пренебрежительный оттенок фиксируется

среди населения, называющего чалдонов «желтопупыми» и «желторотыми». Обычно люди, считающие себя чалдонами, коренастые, крепкого телосложения, имеют смуглый цвет кожи, темные волосы и глаза. Характерными их особенностями считаются окающий говор (северное наречие русского языка) и «чеканье» (*сибиризм*), приверженность к обильному и частому чаепитию.

К концу XX в. все чаще стали встречаться люди, называющие себя ***казаками***. Причем, некоторые считают, что «*казаки – это особая национальность*» Эти мнения подтверждают данные Всероссийской переписи населения 2002 г., где в перечне встретившихся в переписных листах вариантах самоопределения на вопрос: «Ваша национальная принадлежность», 140 000 292 человека назвали себя «казаками». Таким образом, впервые на официальном уровне было зафиксировано самоопределение казаков в отдельную национальность. Подобные варианты самоопределения встретилисЬ во всех административно-территориальных единицах Сибири. Наряду с этим, существует мнение, что «Казак – это не национальность, а особое состояние души /духа». Этимология слова «казаки» трактуется неоднозначно. Интересно, что слово «казак» попадало в языки Сибири и приобретало значение «русский», так как первые русские пришельцы зачастую и были казаками (Аникин, 2000: 233). Сибирские казаки являлись этносословной группой в составе русского этноса, формирование которой связывают с началом русского освоения Сибири и походами атамана Ермака. Сибирское казачество было неоднородным по своему этническому и социальному составу: в него верстались казаки и крестьяне из европейской части страны, Урала и Сибири, повстанцы с Дона, польские конфедераты, пленные наполеоновской армии, обращенные в христианскую веру татары, киргиз-кайсаки, чуваши, мордва и др. Но ядро его составляли восточнославянские народы, среди которых доминировали русские. Специфические функции и образ жизни военно-служилого населения способствовали некоторой его обособленности и привилегированности. По сравнению с сибирским крестьянством, казачество было более зажиточным, образованным и тяготело к городской культуре. Неоднозначное отношение сибирского казачества к советской власти привело к их жесткому противостоянию. Сибирское казачье войско, поддержавшее адмирала А.В. Колчака, было разгромлено и упразднено приказом Сибирского революционного комитета от 2 декабря 1919 г. В результате процессов расказачивания и раскулачивания многие из сибирских казаков были репрессированы, а их дети и внуки вплоть до начала 1990-х гг. боялись признать себя их потомками. При первых исследованиях, проведенных нами в бывших казачьих станицах Иртышской линии Сибирского казачьего войска в середине 1980-х гг., подавляющее большинство опрошенных называли себя русскими, лишь при уточняющих вопросах выяснялось, что их «предки были из казаков». Процесс возрождения сибирского казачества, начавшийся с 1990-х гг., протекает довольно неоднозначно, характеризуется значительным расколом на общественное и реестровое общества. Современное сибирское казачество не отличается однородностью, среди его представителей встречаются потомки забайкальских, кубанских, донских, запорожских, уральских, оренбургских и других казаков, а также – люди, впервые вступившие в казачество.

Как известно, в бланках Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. не было графы «национальность», а записывалось вероисповедание. Религиозные нормы

поведения регламентировали все отношения (как коллективные, так и личностные), слова «русский» и «православный» являлись, практически, синонимичными. Начиная с 2000 г, в опросных листах, при самоидентификации начали встречаться самоопределения, связанные с религиозной идентичностью: «***православный/православная***», «***христианин***», «***Божий человек***». Это свидетельствует о росте религиозного самосознания. Вопрос о количестве православных в 1950–1960-х гг. в СССР практически не обсуждался, а в современной России является дискуссионным. Разные исследователи приводят разные цифры. По результатам наших этносоциологических исследований 2000–2007 гг., около 60–80% респондентов считают себя православными, 5–7% – атеистами, 5% – язычниками, баптистами и др., 8–30% затруднились четко определить свою религиозную идентичность. Сложность ситуации объясняется тем, что используются разные критерии, зачастую не совпадают самоидентификация (самоопределение человеком своей религиозной принадлежности) и реальная ситуация. Так, примерно 2/3 респондентов считают себя православными, но треть из них не принимали обряд крещения, более половины не носят нательный крест, не знают молитв, нерегулярно ходят в церковь, не знают и не отмечают религиозные праздники (за исключением Рождества и Пасхи), не соблюдают религиозные посты, «*не знают всех тонкостей поведения в церкви*» и т.д. Таким образом, с точки зрения официальной православной церкви, эти люди не могут считаться истинными православными. Интересно, что принадлежность к православию многими людьми воспринимается как некоторая данность: «*Я – русская, родилась и живу в России – значит, православная*». После уточняющих и разъясняющих ответов уже не 8–30%, а примерно 80% опрошенных затруднились четко определить свою конфессиональную принадлежность: «*Не знаю*», «*Никакой*», «*Я не религиозен, безразличен*», «*И верю, и не верю*», «*Не верующий, но и не атеист*», «*Верю во что-то свыше*», «*Не знаю, кто я – у родителей вера разная*», «*Не верю в Бога, которого нам проповедуют и навязывают, у каждого он свой*» и др. Также встретились ответы: «*Крещена, но скорее язычница*», «*Православный мусульманин*» и др. Значительная часть опрошенных «*в Бога верят, но верующими назвать себя не могут*», так как «*по-своему верят в Бога*». Встречаются в этой группе «*верующие в разумных пределах*» и «*верующие по привычке*». Повсеместно встречается мнение, что соблюдение всех внешних церковных постулатов не обязательно, главное – «*верить в душе*». Как правило, большинство опрошенных признались, что обращались к религии в результате каких-то сильных потрясений, изменений, в трудные и переломные моменты своей жизни, когда находились в пограничном состоянии, не были уверены в своих собственных силах и пытались прибегнуть к помощи сил сверхъестественных. Вера помогала обрести спокойствие, равновесие, ориентир в дальнейших действиях и поступках.

В настоящее время «настоящими» или «истинными» православными (христианами) можно считать лишь 5–7% от всех опрошенных. Эти люди живут по церковным канонам, считают, что знают основы христианского учения, регулярно читают Библию, молятся и ходят в церковь, участвуют в главных христианских таинствах, соблюдают религиозные посты, традиционно отмечают религиозные праздники. Встречаются среди них старообрядцы (староверы), которых на территории Западной Сибири часто называли общим собирательным термином «***кержаки***». Около 5–7% опро-

шенных считают себя атеистами, которые «*не верят ни в кого и ни во что*» (преимущественно, это мужчины среднего возраста и юноши). При уточняющих ответы вопросах выяснилось, что среди современных атеистов встречаются не только «*атеисты по натуре*», «*убежденные*», «*воинствующие*» и «*невоинствующие*», но и «*крещеные/православные атеисты*». Многие из них (будучи еще детьми) были крещены в православие и считают, что вероисповедание человек должен избирать сам в сознательном возрасте, а не принимать обряд крещения в «*бессмысленном младенчестве*». Как оказалось, около половины лиц, назвавшихся атеистами, верят в существование души и загробного мира.

В самоидентификации русского населения Западной Сибири отражается вся сложность и противоречивость происходящих в современной России процессов, что проявляется множественностью и многомерностью определяемых идентичностей, некоторой неопределенностью, аморфностью и несовпадением самоидентификации с реальной ситуацией. В качестве этнической используется не только национальная («*русский*», «*чисто русский*», «*исконно русский*», «*настоящий русский*»), межэтническая («*метис*») и надэтническая («*славянин*»), но и региональная («*сибиряки*»), конфессиональная («*православные*»), гражданская («*россиянин/россиянка*», «*советский человек*»/«*бывший советский человек*»), сословно-групповая («*казак*», «*чалдон*») идентичности. Дальнейшее осмысление этой проблематики требует более детального изучения этой проблемы, расширения источниковой базы и полной обработки собранных и накопленных материалов.

Литература

Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности // Вопросы психологии.1996. № 1.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов. Омск, 2007.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.

Бороноев А.О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь: проблемы сибирской идентичности. СПб., 2003.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.

Власова И.В. Русские в Сибири и на Дальнем Востоке // Русские. М., 2003.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.

Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск, 2006.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.,1998. Т. 1.

Дробижева Л.М., Малькова В.К. Штрихи национального самосознания русского народа // Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992.

Жигунова М.А. Об этнических группах русского этноса в Сибири // Народная культура Сибири. Омск, 1999.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск, 2004.

Жигунова М.А. Изучение русской культуры Сибири во второй половине XX века // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 2 (16).

Жигунова М.А. Религиозная идентичность в современной культуре русских Западной Сибири и Северного Казахстана (к постановке проблемы) // Православные традиции в народной культуре восточных славян Западной Сибири и массовые формы религиозного сознания. Новосибирск, 2006.

Жигунова М.А. Этническая, региональная и религиозная идентичность современных русских жителей Западной Сибири // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток, 2007.

Липинская В.А. Группы православного населения Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. № 2.

Лебедева Н.М. Русская диаспора: диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психологический журнал. 1996. № 4.

Мыльников С.А. Народная культура и генезис национального самосознания // СЭ. 1981. № 6.

Пушкарева Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997.

Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.

Сикевич З.В. Расколотое сознание. СПб., 1996.

Соколовский С.В. О неуюте автаркии, национализме и постсоветской иденичности // Этнометодология. М., 1995.

Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Иденитчность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Филиппов В. Р. Из истории изучения русского национального самосознания // СЭ. 1991. № 1.

Фурсова Е.Ф. Этнографические и этнические группы: проблемы их идентификации и методов исследования // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 5.

Шерстова Л.И. Проблема русской идентичности в контексте евразийской концепции // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005.

Щеглова Т.К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001.

Юнаковская А.А. Изучение формирования народного сознания русских отдельного региона лингвистическими методами (к постановке вопроса) // Народная культура Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУРЯТ

А.Б. Зандраева
г. Томск

Научные междисциплинарные исследования появляются уже со второй половины XIX в., поэтому можно назвать междисциплинарность одним из фундаментальных научных направлений. Также неверно было бы считать междисциплинарность простой интеграцией уже существовавших наук. По мнению С.П. Капицы трудность междисциплинарных исследований состоит в том, что в область с широко устоявшимися и традиционными подходами, например такую как демография, делается попытка ввести новые методы, развитые в других науках (Капица, 1999: 41). Для современного этапа развития науки характерна тенденция объединения естественных, точных наук с гуманитарными. Так методы синергетики предоставляют новые возможности для изучения сложных демографических явлений.

Этнодемографические исследования, исходя уже даже из их названия, являют собой типичный пример междисциплинарности. Этнологическая наука, изучающая народы не может обойтись без такой важной характеристики любой общности как ее численность. Это и предопределило появление в «пограничье» между демографией и этнологией этнодемографической науки.

Дискуссионным остается вопрос о содержании понятия «этническая история». Можно встретить разные подходы к этой проблеме. Согласно одному из них этническая история охватывает как этногенез – формирование этнической общности, так и последующее ее этническое развитие. Широко распространенным является другой подход, при котором под этногенезом понимается процесс исторического формирования этноса из разнородных компонентов, а этническая история – это период исторического развития этноса, начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, т.е. этническая история представляет собой совокупность этнических процессов в уже сформировавшемся этносе.

Сложно судить о численности населения той или иной территории до того как появляется его постоянный статистический учет. Не смотря на это, исследователи пытаются определить численность отдельных этнических и территориальных общностей в периоды даже сильно удаленные от нашего времени. Предпринимаются попытки путем математического моделирования вычислить, сколько жило людей в разные исторические эпохи и даже на заре появления человечества. С.П. Капица рассматривает развитие населения Земли исходя из идей синергетики как эволюцию самоорганизующейся системы (Капица, 1999).

Далекие предки людей, выделившиеся из животного мира, начали свое расселение по всему земному шару. Уже тогда численность человеческой популяции была порядка 100 тыс., как оптимальная численность устойчиво живущего вида (Капица, 2004: 45).

Территория Прибайкалья, вероятно, начала заселяться группами людей еще в древнекаменном веке. Достоверно известно о пребывании здесь человека в верхнем па-

леолите (стоянки Мальта и Буреть). По всей видимости, именно на местной палеолитической основе возникают неолитические культуры Прибайкалья (Нимаев, 1988: 24).

Байкальский регион был родиной для различных этнических общностей, которые одна за другой сменялись на данной территории. В разное время здесь были хунну, сяньби, жужане, курыканы. Некоторые исследователи пытаются найти истоки этногенеза бурят еще в древнекаменном веке, другие подчеркивают, что начало этого процесса можно отнести к периоду ранее середины I тыс. н. э., когда на территории Прибайкалья складывается своеобразная и многочисленная курыканская общность.

Предположительная численность курыкан – 50 тыс., но судя по территории которую они занимали, их могло быть от 40 до 90 тыс. чел. (Ханхараев, 2000: 28).

Методом экстраполяции В.С. Ханхараев вычислил и численность населения Прибайкалья в начале XVII в. Эта цифра составила от 40–50 до 60–70 тыс. чел., что значительно превышает оценки Б.О. Долгих (Ханхараев, 2000: 42).

В 1897 г. в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения. Согласно ее данным, на территории Иркутской губернии и Забайкальской области проживало 288 883 бурята, они составило 24,3% от всего населения. Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала снижение абсолютной численности бурят до 237 тыс. чел. По сравнению с 1897 г. бурятское население уменьшилось более чем на 50 тыс. Это объясняется, прежде всего, процессом миграций, перекочевкой части бурятского населения в Монголию в ходе проводившегося землеустройства и гражданской войны. Переселение это имело массовый характер. В самом начале XX в. в Монголию переселилось более 700 бурятских семей. В годы гражданской войны – более 1000 (Тубчинов, 2007: 372). К 1934 г. в Монголии проживало около 35 000 бурятских переселенцев. По последней переписи, проводившейся в Монголии в 2000 г., в Хэнтэйском, Дорнодском, Хубсугульском, Булганском, Центральном аймаках компактно проживают 40 600 бурят (Тубчинов, 2007: 377). Также негативным образом на численности бурятского населения в России отразились мероприятия по модернизации экономики страны. Количество бурят в республике уменьшилось с 215 тыс. чел. в 1926 г. до 189,5 тыс. в 1937 г., т.е. почти на 12%. Удельный вес бурятского населения снизился с 41,2 до 29,3%. Начавшаяся в конце 1920 – начале 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства производила перевод кочевого и полукочевого бурятского населения на оседлый образ жизни. Это отрицательно сказалось на экономическом состоянии бурятских хозяйств, некоторые из них были раскулачены и высланы за пределы республики (Бошектуев, 2000: 55).

Согласно переписи населения СССР 1939 г., произошло дальнейшее сокращение численности бурят в стране до 225 тыс. чел., а удельный вес этноса в республике снизился до 21%. Эта тенденция сохранилась и в послевоенный период, в 1959 г. доля бурят в республике составила 20%. Быстрый рост численности бурятского населения во второй половине XX в. был обусловлен высоким уровнем рождаемости, он несколько превосходил аналогичный показатель у других народов, проживавших в республике. Так, если в 1978 г. на каждую 1000 чел. населения естественный прирост составлял 12,9 чел., а в 1988 г. – 13,5 чел., то у бурят данный показатель составлял соответственно 16,9 и 19,2 чел (Халбаева, 1997: 62). Воспроизводство новых поколений – основная функция семьи, и, в конечном счете, разница в темпах естественного прироста между бурятским и русским населением была обусловлена различной ско-

ростью изменения их семейной структуры. Сопоставляя скорость изменения семейной структуры у двух наиболее многочисленных народов, населяющих Бурятию – русских и бурят, – можно отметить, что в 1970 г. на 1000 семей из шести человек у бурят было больше, чем у русских на 35,8%, из семи – в 3,5 раз. И в конце 1980-х гг. бурятские семьи продолжали сохранять многопоколенный состав и в значительной части ориентацию на многодетность. В 1970–80-е гг. еще сохранялся более высокий средний размер семьи у бурят по сравнению со среднереспубликанским (1979 г. – 4,2, 1989 г. – 4,0, в то время как по республике он составлял соответственно – 3,6 и 3,5). Однако в настоящее время эта особенность утрачивается, и средний размер бурятской семьи практически сравнялся со среднереспубликанским (Абзаев, 2005: 2).

По данным переписи населения 1989 г., в РСФСР насчитывалось более 417 тыс. бурят, из них 249 525 чел., или 59,8%, проживали в Республике Бурятия, 49 023 чел., или, соответственно, 11,7% – в Усть-Ордынском Бурятском АО, и 42 355 чел., или 10,2%, – в Агинском Бурятском АО. Итого в трех национально-территориальных образованиях проживало порядка 341 тыс. бурят, или 81,7 от всей их численности в РФ.

Общая численность бурят сейчас, по оценкам исследователей, превышает полумиллион человек. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Российской Федерации проживает 445 тыс. бурят. Современная демографическая ситуация у бурят оценивается неоднозначно. За последний межпереписной период, т.е. с 1989 по 2002 г., их численность в стране выросла на 23,6 тыс. чел. Естественный прирост бурятского населения несколько снизился, но все еще остается значительным. Буряты, как и большинство других коренных народов Сибири, имеют средние темпы роста, которые превышают аналогичные показатели у русского населения страны. Это позволяет сделать вывод, что буряты идут по пути демографической модернизации с некоторым опозданием от русского населения. Воспроизводственные параметры бурят соответствуют фазе демографического перехода, характеризующейся началом стабилизации населения (Ханхараев, Дамбуева, 2001: 142).

Литература

Абзаев П.Б. Буряты на рубеже XX–XXI вв. Численность, состав, занятие // Путь предков. Угай зам. 2005. № 12.

Буряты. М., 2004.

Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4.

Капица С.П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М., 1999.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988.

Тубчинов С.Д. О миграции бурят в Монголию (конец XIX – первая треть XX в.) // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2. Улан-Удэ, 2007.

Халбаева М.М. К вопросу о демографических аспектах развития бурятского народа в 70–80-е годы // Народы Центральной Азии на пороге XXI века. Улан-Удэ, 1997.

Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ, 2000.

Ханхараев В.С., Дамбуева И.К. Демографические параметры городской популяции / Проблемы нового этапа культурного возрождения народов Бурятии (по материалам социологического исследований). Улан-Удэ, 2001.

ОРНАМЕНТ МИНУСИНСКИХ ИНОРОДЦЕВ

Т.В. Кочева, Е.А. Баторова
г. Улан-Удэ

Целенаправленным поиском и сбором образцов народного творчества в начале XX в. занимались многие ученые-этнографы Русского географического общества, к числу которых принадлежал и А.В. Адрианов. Коллекция с выкройками для вышивок под общим названием «Орнамент Минусинских инородцев Енисейской губернии», хранящаяся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ), была составлена А.В. Адриановым в начале XX в. Она достаточно внушительна по своим объемам, состоит из нескольких папок с общим номером 5 975 и содержит орнаменты кобыйцев, каргинцев, качинцев и сагаев. Материал по настоящее время фактически не был востребован учеными, поэтому наша задача сводилась к его первичной обработке и постановке круга проблем для дальнейшего, более глубокого всестороннего исследования.

Определимся для начала с этнической принадлежностью вышеназванных народностей. По данным Л.П. Потапова до Октябрьской революции хакасов именовали татарами (минусинскими, абаканскими, енисейскими), включавшими пять тюркоязычных групп, различавшихся по этническому происхождению, культуре, быту. Помимо бельтиров, кызыльцев, койбалов, к ним относятся интересующие нас качинцы и сагайцы (сагаи). Качинцы занимали степи по левому берегу Енисея, а также рекам Уйбат, Кокс, Биджа и другим. Сагайцы населяли степь, ограниченную Кузнецким Алатау и реками Камыштой и Абаканом (долины рек База и правобережье Уйбата, Аскыз, Тея, Неня, Большой и Малый Сыры) (Потапов, 1961: 376–419). В подписях к коллекции фигурирует также качинское поселение на реке Бир.

Небольшая тюркоязычная народность шорцы проживала в отрогах Кузнецкого Алатау, по берегам среднего течения реки Томи и ее притоков Кондомы и Мрассы. В XVII–XVIII вв. значительная часть шорцев заселила окрестности левых притоков Абакана – долины рек Матур, Таштып, Тея. Там они были известны до революции под общим названием сагайцев. Официальное название народности «шорцы» утвердилось после Октябрьской революции, а до этого они называли себя по роду: Кобый, Карга, Кый и т.д. (Потапов, 1961: 492–529). Таким образом, шорские роды кобыйцев и каргинцев возможно причислить к составу сагаев, которые наряду с качинцами являются частью хакасской народности, т.е. заключаем, что к моменту создания все представленные в коллекции образцы могли быть отнесены к хакасским.

Орнаментом хакасы украшали одежду, рукавицы, сапоги, кисеты, трубки, ювелирные изделия, войлочные ковры, чепраки, подушки, деревянные ящики и предметы из кости. Большая часть представленных образцов описываемой коллекции предназначалась для декора национального костюма, куда входят верхняя женская одежда, рукавицы, сапоги, головной убор и кисет. Помимо вышивок на одежде, в коллекции имеется несколько образцов выкроек для вырезки орнамента на чепрак и коврик поверх женского седла.

Одним из положительных моментов данной коллекции является фиксация имен народных мастериц, узоры которых, благодаря А.В. Адрианову, приобрели для нас авторскую индивидуальность. Вышивки Авдотьи и Пелагеи Кызыласовых из улуса Чекина на реке Еси дают представление об искусстве каргинцев. Кобыйские умелицы – дочери Теханыха Боргоякова из улуса Боргоякова на реке Теть. Среди авторов **качинских** образцов упоминаются мастерицы Тӱдӧ Заварзина, Варвара и Татьяна Болгановы, Кянюнь Тозмина, Анна Горбунакова, Шоева, Инкижекова и сагайские умелицы – Вера Орешкова, Майнагашевы, Анна Таштандина, Барахтаева, Черпакова, Елена Доможакова, Тоткó Костачакова, Наноктаева, Олена Копкаева.

Похоже, что узоры для коллекции были перерисованы с оригиналов, – на бумаге отсутствуют характерные следы сгибов, которые появляются при вырезании симметричных деталей. Наблюдается единое стилевое оформление: на синем фоне голубые или кремового цвета изображения. Не совсем понятна нумерация папок и принцип комплектования орнаментов на листах, – так, на одном поле могут объединяться узоры, выполненные разными мастерицами для различных частей одежды.

Образцы вышивок представлены в натуральную величину, имеют подписи, в которых указывается на какой вещи или части одежды они располагаются, какой мастерицей изготовлены, а также местоположение улуса. Современному исследователю явно недостаточно этой информации: отсутствуют указания на технику, материал, цветовую гамму узоров, нет полного представления относительно точного расположения вышивок на вещи, идентичные образцы по неизвестным причинам порой зафиксированы несколько раз. Коллекция, к сожалению, не оснащена подробным научным описанием. Нам было бы важно увидеть не просто орнамент, например, на обшлаге рукава, а представить его в национальном костюме во всей стилеобразующей совокупности. Отрыв декоративного мотива от вещи, на которой он существует, не дает нам возможности для проведения более глубокого анализа.

Компьютерная обработка орнаментов рассматриваемой коллекции началась по просьбе директора МАЭС ТГУ Ю.И. Ожередова в 2002 г. Цифровой камерой были сфотографированы все листы из папок под № 5975, где собраны «Выкройки для вышивок на частях одежды» названных народов. Фотографии обрабатывались в графическом редакторе, где они были преобразованы в черно-белый формат, очищены от шума и помех, при этом контуры выкроек сохранялись максимально точно (рис. 1). Также были прочитаны и распознаны подписи к образцам.

Расположение обработанных узоров сохраняется таким, как они приклеены на листах, при этом не всегда верх и низ рисунка определены однозначно. Многие виды узоров встречаются в коллекции неоднократно, и они могут быть наклеены диаметрально противоположно.

Подавляющее большинство мотивов, представленных в коллекции, относится к вышивкам на женской одежде. Верхняя одежда народов Сибири в конце XIX и начале XX в. состояла из обычной (повседневной) одежды и специальной, то есть промысловой, праздничной-обрядовой и культовой, которые бытовали не везде и не всегда. Обычная верхняя одежда когда-то в древности была повсеместно единственной одеждой.

Рис. 1. Пример узора после компьютерной обработки. «Выкройка для вышивки наплечья (**инмен**) женской рубахи. Изготовлена дочерью Теханыха Боргоякова в улусе Боргоякова на р. Теть». Л. 139, папка № 5975-4 (Кобыйцы)

Женские шубы шили из белой выделанной овчины, мерлушки, из меха рыси, козы, с опушкой из овчины и с отделкой из материи или меха. Шубы украшали по спинке узорами, вышитыми шелком: возле линии соединения проймы рукавов, по центральной оси от воротника до талии, на самой талии, по линии отреза (Прыткова, 1961).

Летний женский кафтан хакасов (*сикпен*) кроился так же, как и шуба, только из черного сукна, иногда на холщевой или коленкоровой подкладке. Воротник был отложным, шалевым, преимущественно красного цвета, из сукна или ткани, с украшением из крупных перламутровых пуговиц. Обшлага рукавов и спинку кафтана покрывали вышивкой цветными нитками (Прыткова, 1961). В рассматриваемой коллекции представлены образцы вышивок спинки сикпена качинских мастериц Кянюнь Тозминой и Инкижековой. Такие растительные орнаменты симметрично располагались на спинке вдоль вертикальной линии проймы рукавов.

Подобной же одеждой замужних хакасских женщин, ставшей позднее только свадебной, была безрукавка (*сигедек*), схожая с алтайской безрукавкой, с прямым разрезом спереди и со складкой-фалдой сзади, ниже пояса. В конце XIX – начале XX в. безрукавка у хакасов была добавочной верхней одеждой, надевавшейся поверх кафтана или шубы.

Особая нательная одежда почти у всех народов Сибири стала появляться только в XVII–XVIII вв., после чего старая одежда стала бытовать только в качестве верхней. Согласно коллекционным материалам в женской рубахе хакасов украшались вышивкой наплечье (*эн* или *инмен*), обшлаг (*моркам*), отсутствует декор на воротнике.

Для шитья и вышивки хакасские мастерицы использовали шерстяные, бумажные и шелковые нитки, нитки изо льна, конопли, сухожилий животных.

По данным И.К. Кидиековой трафареты вышивок *ульгу* создавали наиболее одаренные, много лет вышивающие мастерицы. Изготавливали их из бумаги, бересты, кожи. Трафарет накладывался на материал (ткань или овчину), контур обводился мелом, обмылком, стежками. Если нужно было нанести на материал несколько повто-

ряющихся мотивов, они наносились на ткань при помощи одного и того же образца. Или узор перерисовывался «на глазок» на ткань.

Известны два вида выкроек. Первый вид – *туюх ульгу* – непрерывный узор для отделки части костюма: лист «складывается вдвое и, начиная с нижней части узора, режется непрерывный рисунок». Таких узоров с осевой симметрией в коллекции большинство (например, на рис. 1). Второй вид – *алынча ульгу* представляет собой отдельные выкройки элементов, при соединении которых создавались композиции. К этому виду относятся пальметты, многолепестковые розетки, лировидные, цветочные элементы, трилистники. Эти трафареты могут использоваться разными мастерицами в разнообразных вариациях. Вышивальщица по своему вкусу может изменить или убрать некоторые детали, включить новые, видоизменить их. Одни и те же узоры повторяются помногу раз, могут быть широко распространенными и устойчивыми в отдельных элементах (Кидиекова, 2002). Например, такие добавочные фигуры представлены на Л. 33 в папке № 5975-1 (рис. 2).

Рис. 2. Отдельные элементы выкроек: «Выкройки для вышивки добавочной фигуры куда угодно (на углах плечевого лоскута, на углах спины, поясницы, рукавиц и т.д.). Изготовлено Инкижековой в улусе Петуха Инкижекова на р. Уйбат. Л. 33, папка № 5975-1 (Качинцы)

Для вышивания одежды использовались сочетания различных швов – тамбурного, «козлика», гладьевого, глади с настилом. Золотым шитьем расшивались кисеты, сумочки, праздничная женская одежда. Также применяется строчка с обвивкой другой ниткой, стебельчатый шов и другие, используемые в шитье узоров на рукавицах, кисетах, на головных уборах (Кидиекова, 2002).

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению самого орнамента. Как правило, народный орнамент классифицируют по материалу, технике или предметам, на которых он нанесен, по основным сюжетам и мотивам, по содержанию, по местным названиям узоров и т.д.

Хакасский орнамент, согласно С.В. Иванову, имеет два вида – прямоугольно-геометрический и криволинейный. В коллекции А.В. Адрианова прямоугольно-геометрический орнамент отсутствует, хотя в вышивке одежды он использовался. Самый распространенный вид орнамента хакасов – криволинейный – разнообразен по композиции, включает кресты (крестообразные розетки), пальметты, растительные побеги. Некоторые мотивы этого орнамента перерастают в явно цветочные формы, а завитки переходят в листья. В отдельных случаях чувствуется влияние русского геометрического или цветочного орнамента. Сложнокриволинейный и растительный орнамент характерен для вышивки и изделий из войлока. В вышивке он отличается яркими цветами, четко выделяющимися на темном фоне ткани (Иванов, 1961).

Преобладающие типы орнамента для хакасов по С.В. Иванову – Южно-сибирский и Саяно-алтайский, для шорцев – Иртышско-алтайский, но с включением Саяно-алтайского. Из криволинейных главнейшими для южно-сибирского орнамента являются различные, в том числе S-видные элементы, спирали, «волна», крестообразные фигуры с роговидными ответвлениями на концах, пальметка, лирообразная фигура (Иванов, 1961).

Мотивы в узоротворчестве также традиционно подразделяют на геометрические, растительные, зооморфные, антропоморфные и космогонические. На первый взгляд, отличительной особенностью собранной коллекции является то, что все представленные образцы вышивок составляют сугубо растительные узоры (стелющиеся побеги, цветочные мотивы, пальметта, Древо жизни) с включением криволинейных мотивов – спирали, бегущей волны, рогообразным и сердцевидным узором.

По данным И.К. Кидиековой общим термином «*азыр*» обозначается растительный мотив, включающий стилизованные изображения дерева и цветов.

Обычно узор Древа имеет вверху и внизу *ус азыр* – трехлепестковый узор и *пис азыр* – пятилистник (Кидиекова, 2002), но не всегда. Отметим, что мотив Древа жизни в различных вариациях встречается во всех папках указанной коллекции. Композиции могут быть подчеркнуто вертикальными для вышивки кисета и рукавиц, более широкими при сохраняющейся вертикальности для отделки наплечья женской рубахи и спинки шубы, и вытягиваться в ширину в узорах для обшлагов рукавов верхней женской одежды.

Примыкают к группе растительных орнаментов композиции с символическим образом Матери-прародительницы с воздетыми (широко раскинутыми) руками и раздвинутыми ногами – *Ымай хоос*, являющимся древним узором-оберегом в искусстве хакасов. Образ женщины в характерной позе встречается среди петроглифов Минусинской котловины, в наскальных рисунках. О центрально-азиатском происхождении Ымай хоос в наскальном и прикладном искусстве бронзового века Южной Сибири указывают многие ученые. З.А. Абрамова проводит параллели с якутской богиней Айисит, которая дарит женщине плодовитость, охраняет детей и известна в образе широко рассевшейся госпожи (Кидиекова, 2002).

Термин Умай был переведен В.В. Радловым в первом издании древнетюркский рунических текстов как «богиня-покровительница». В прилагаемом глоссарии В.В. Радлов объяснил этот термин как «женское божество», причем привел значение этого слова у шорцев как название духа – хранителя детей, и духа, провожающего

душу умершего (www.kunstkamera.ru/siberia; Потапов, 1973). Тот же автор указывает, что в 1892 г. Н.Ф. Катановым было отмечено почитание Умай наряду с духом огня у качинцев и сагайцев, и культ этот в середине XX в. был еще жив среди сагайцев, шорцев и бельтийцев.

И.К. Кидиекова пишет, что в начале 70-х гг. XX в. у хакасских мастериц узор Ымай хоос – узор богини Умай – был самым популярным как образ, получивший распространение у всех южно-сибирских народов (хакасов, алтайцев, бурят, тувинцев).

В вышивке *Ымай хоос* – один из самых распространенных антропоморфных узоров, который имеет множество вариантов. Однако этот образ, по существу сохранив символику плодородия, со временем приобрел растительный характер, стал сходен с мотивом Древа Жизни, он может обрастать элементами в виде побегов, листьев, цветов. Их разграничение порой представляется сложным. В коллекции А.В. Адрианова узор Ымай хоос можно угадать в некоторых образцах каждого представленного народа.

Ряд узоров может быть отнесен и к Древу, и к Матери-прародительнице. Выкройка, изготовленная сагайкой Анной Таштандиной для вышивки на спинке шубы (рис. 3), представляет для нас интерес с точки зрения прорисовки: в центре древовидного мотива отчетливо виден абрис сидящей женской фигуры. Необходимо отметить, что орнаменты с верхней женской одежды, выполненные этой мастерицей (в коллекции всего три образца), очень специфичны, – рисунок их строится при помощи линий одинаковой толщины, напоминающих больше схематичные голые упругие прутья, нежели живые растительные побеги. Подобного стиля мы не встречаем больше ни у одной мастерицы из представленных в альбоме. По мнению И.К. Кидиековой, этот же узор, возможно, использовался для головного убора шамана (кама) (Кидиекова, 2002: рис. 130). Несомненно, необходимо более детальное изучение этого мотива с привлечением более широкого круга памятников.

Рис. 3. Вышивка на спинке женского верхнего платья (сикпена). Изготовлена Анной Таштандиной в улусе Марьямова на Енисее. Л. 75, папка № 5975-1 и 2 (Сагаи)

Отдельного исследования также заслуживает рассмотрение *пратов* – так называемого бурятского узора на спинке шубы или секпена. «Пратами» называли бурят хакасы так же, как русские именовали «братами». Образец узора приведен на рис. 4.

Рис. 4. Выкройка для вышивки на спине (в талии) женской шубы (куфайки) или сикпена (брат). Изготовлена в улусе Черпакова на р. Аскыс. Л. 113b, папка № 5975-1 и 2 (Саган)

«Глубокие и толстые складки на линии талии шубы скрепляются тартханами – цветными нитками. Крупными стежками прошивают заложенные складки 4-6 рядами разноцветных шелковых и сухожильных нитей и собирают их в мелкие сборки. Ширина каждого тартхана – от 4 до 7 см. Над каждым тартханом… располагаются праты – вырезанные в форме 5-угольника… аппликации разного цвета. Праты и тартханы – оригинальные украшения женской шубы. Праты, вероятно, бурятского происхождения. Об этом говорит само название отделки. Число их, всегда нечетное, колеблется от 3 до 7» (Кидиекова, 2002). Однако на иллюстрации (Иванов, 1961: табл. 54, 2) мы видим крупную единичную вышивку подобным узором.

Данный орнамент располагается на линии талии и представляет собой, как пишет автор, пятиугольную «корону» (Кидиекова, 2002). В рассматриваемой коллекции из этой «короны» может «произрастать» крупная, разнообразная по конфигурации пальметта – например, у шорских мастериц Кызыласовых и Боргояковой. В то же время отмечаем устойчивый вариант узора, украшенного, помимо центрального трехчетырех- пятилистника, на боковых зубцах двухлистниками у хакасских вышивальщиц (см. рис. 4). Сагайская умелица Наноктаева также изобразила трансформации данного мотива. В коллекции представлено и несколько выкроек для вышивки детских шубок в натуральную величину, где также используется мотив «Праты», – это образцы качинки Тӱдӧ Заварзиной из папки № 5975-1 (Л. 34, 36).

Следующая группа орнаментов связана с зооморфными мотивами. С древнейших времен ведущую роль в жизни хакасов играли охота и скотоводство. В названиях узоров четко прослеживаются отдельные части тел животных: рогов, крыльев, перьев, голов. Единственное зооморфное название, отмеченное С.Д. Майнагашевым в 1913 г. *азыр хоос* – отростковый узор, повторяющий рога марала. Далее, это *хус ханады* – крылья птицы; напоминает отростковый узор, с большим «размахом» основного отро-

стка; *сыын муузі* – рога марала; *пурут* – узор «беркут», родовой узор, изображение распластанных крыльев Кидиекова, 2002). По нашим наблюдениям все перечисленные зооморфные мотивы зачастую выступают в качестве составляющих все тех же орнаментальных композиций Древа жизни и Ымай хоос. Зооморфные мотивы прослеживаются в образцах качинцев, предназначавшихся для украшения детских рукавиц, верха женской шапки и углов чепрака и отсутствуют в коллекциях кобыйцев и сагаев.

Изображение двуглавого орла – герба Государства Российского, – явственно читается в образцах каргинской мастерицы Пелагеи Кызыласовой – Л. 137а, 138ab (№ 5975-3). В этих узорах, предназначенных для украшения обшлагов женской рубахи, она изобразила и атрибуты царской власти – скипетр, державу и три короны (рис. 5). По своей композиционной структуре этот узор аналогичен традиционному хакасскому, он напоминает композицию древа жизни, мотив «крылья птиц» также использовался в орнаменте, поэтому, видимо, подобный геральдический узор прекрасно вписался в состав образцов. Следует отметить, что он упрощен, абстрактно стилизован на Листе 137, где головы орла превращены в небольшие трехлепестковые элементы, центральная корона – в сердцевидный мотив, а хвост преобразовался в растительные завитки.

Л. 138ab Л. 137а

Рис. 5. Вышивка на обшлаге женской рубахи (моркам). Выкройка для вышивки на обшлаге женской шубы. Изготовлена Кызыласовой в улусе Чекина на р. Еси. Папка № 5975-3 (Каргинцы)

Кун хоозы – солярный мотив, является одним из распространенных среди космогонических стилизованных образов, используемый в обрядовой одежде, головных уборах, полусферическом женском нагрудном украшении *пого*. Как пишет И.К. Кидиекова (Киндиекова, 2002), солярный знак в хакасских узорах имеет разные начертания, – это вихревая розета *ибіркі хоос* и *ай хоозы* – узор луны. *Кугурт чолы* – дорога грома, напоминающий отрывистые, остроугольные окаймления *чееками* бордюров или каймы шаманского костюма; *сибірік хоос* – узор со спиралевидными мотивами с включением трилистников (мастерицы связывают его с темой земли, течением реки, времени); *от хоозы* – кормление огня в виде пламевидных отростков трех- или пятилистников с более острым по очертанию рисунком. Таким образом, и космологические мотивы по существу имеют растительное или зооморфное начертание – в различных крупных цветочных розеттах заключена солярная символика (таблица).

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.В. Кузина
г. Красноярск

Создание семьи связано не только с образованием брачной пары, но и процессом развития целого ряда отношений, обеспечивающих наиболее полное выполнение ее социальных функций. Жизнедеятельность семьи на начальных этапах жизненного цикла характеризуется прохождением процесса социализация. Этот процесс, в первую очередь, характерен для семей, образуемых людьми в молодом возрасте.

Основная задача социализации семьи – это превращения пары молодоженов в «зрелую» семью, освоение ими основных семейных ролей и реализация социальных функций семьи, стабилизация внутрисемейных отношений.

То насколько успешно решена эта задача, удалось ли молодой семье стать «организмом», способным максимально удовлетворить потребности и интересы индивидов, входящих в него, и общества, позволяют оценить критерии социализации.

Проведенный нами анализ литературы по социологии семьи позволил выделить пять групп критериев социализации семьи.

Первая объединяет в себе критерии, связанные с достижением семейного единства, сплочением семьи, формированием семейного Мы. «Целостность семейной общности – целостное единство ориентаций, определяющее сходство индивидуальных действий членов семьи во внешней среде. Каждый член семьи ведет себя одновременно и как индивид, и как часть семейной целостности» (Антонов, 2007: 235).

Вторая – включает в себя умение подчинять индивидуальное общему, осуществление функционирования семьи с учетом общественных потребностей, интересов социума.

Третья группа критериев связана с формированием психологического климата семьи, способствующего закреплению фамилистического образа жизни (Антонов, 2007: 226–234), достижению психологической и духовной совместимости супругов (Лисовский, 2003: 33).

Четвертая группа критериев характеризует степень функциональности семьи. Семья должна выполнять или быть готовой к выполнению специфических социальных функций (репродуктивную, экзистенциальную, социализации детей), а так же выполнять неспецифические функции, связывающие семью и общество (сохранение национальных традиций, обычаев и обряда, передача социального статуса, заботы о здоровье и благополучии членов семьи и др.) (Антонов, 2007: 81).

Пятая формирование особой семейной субкультуры, свойственной только данной, конкретной семье, ее идеалы, групповые нормы и ценности, соотношение в семье элементов национальной культура и семейной субкультуры.

На социализацию семьи оказывают влияние различные факторы. К ним относятся конкретно-исторические условия, тип экономических отношений, сложившаяся система

социальных институтов и социальная структура общества, где осуществляет свою жизнедеятельность молодая семья. Кроме того, на формирование семьи как отдельной самостоятельной малой группы влияют ближайшее социальной окружение, особенности, обычаи и традиции народа или народов, к которым принадлежат молодые супруги.

Национальная специфика формирующейся семьи проявляется в таких сферах ее жизнедеятельности как: распределение семейных ролей и обязанностей между мужем и женой; выстраивание отношений с родственниками супруга(и), степени их участия в жизни молодой семьи; в репродуктивных установках; подходах к уходу за детьми и их воспитанию; оценка к успешности брака и удовлетворенности им; в семейных ценностях и культуре.

Эти моменты создают особый колорит национальной семьи, позволяют ей выделяться на фоне семей других народов. Поэтому для каждой национальности важно сохранение этих особенностей, так как семья это то объединение, где молодое поколение проходит личностное становление и национальное самоопределение.

Нельзя не отметить тот факт, что в последние десятилетия наблюдается унификация процесса социализации семьи, утрата национальных особенностей, присоединение все большего числа этносов к общемировым тенденциям в изменении семейного образа жизни. Эти изменения проявляются, например, в распространении кризисных явлений в семейной сфере: снижение брачности, сокращение рождаемости, рост числа разводов. Эти явления появившиеся и распространившиеся в странах Европы и Северной Америке, продолжают «захватывать» мир. В настоящее время их можно наблюдать и у национальностей, относящихся к традиционной культуре, проживающих на территории Сибири.

Этот тезис подтверждается результатами ряда исследований, проведенных этнографами и социологами в РФ на рубеже XX и XXI вв. Их объектом стали народы, проживающие на территории Красноярского края.

В ходе подготовки данной работы нами были проанализированы результаты опросов шести народов, проживающих на севере Красноярского края: долган, ненцев, эвенков, нганасан, энцев и кетов (Кривоногов, 2001; Кривоногов, 2003). Три из них насчитывают более тысячи человек, три другие относятся к малочисленным – менее одной тысячи. Опросы проводились на рубеже XX и XXI вв. В этнографических исследованиях, посвященных исследованию особенностей жизнедеятельности и этнических процессов коренных малочисленных народов, проживающих на севере Красноярского края, внимание на жизнедеятельности национальной семьи на начальных этапах жизненного цикла не концентрировалось. Но, учитывая факт, что средний возраст вступления в брак в России составляет для мужчин 25 лет, для женщин – 23 года (Зубкова, 2004: 19; Лисовский, 2003: 101), мы считаем правомерным, транслировать мнение молодежи, в опросах она представлена возрастными группами 16-29 лет и 20-29 лет, на молодую национальную семью.

Из названных выше групп критериев социализации молодой национальной семьи для более детального анализа мы взяли группу, связанную с формированием семейной субкультуры, так как она более всего взаимодействует с этническими характеристиками.

В.П. Кривоногов отмечает, что этнические характеристики народа через 20–30 лет зависят от этнических характеристик детей и юношества (Кривоногов, 2001: 4).

В этой связи нельзя не согласиться со следующим: характеристики национальной семьи на этапе ее формирования, соблюдение молодыми супругами норм жизнедеятельности, в том числе и семейной, характерные для народа, чьими представителями они являются – это условия сохранения этнической самобытности народа. В ходе процесса социализации происходит формирование индивидуальных особенностей каждой семейной группы. В них так же находят свое отражение характеристики родительских семей, воплощаются национальные обычаи и традиции, национальная культура.

Анализ особенностей национальной семьи на начальных этапах жизненного цикла невозможен без рассмотрения изменений условий ее функционирования. Изначально семья северных народов строилась на ведении кочевого образа жизни, связанного с основными их промыслами: оленеводством, охотой и рыболовством. Они обуславливали характер ведения хозяйства, распределения обязанностей, материально-бытовую культуру этих народов. В настоящее время общим для всех народов севера Красноярского края является отход от традиционных отраслей хозяйства, что не может не сказаться и на жизнедеятельности молодых семей. Профессиональная занятость молодых представителей коренных народов Севера все меньше связана с участием в традиционных отраслях, у женщин это проявляется сильнее, у мужчин слабее.

Больше всего теряет свои позиции оленеводство, хотя именно оно позволяет сохранить этническую самобытность коренных народов. Занятие охотой и рыбалкой сохраняется лучше, так как оно может носить как профессиональный, так и любительский характер. Так, доля молодых людей (16–29 лет), занимающихся традиционными промыслами, включая занятия вне основной работы, у эвенков составила среди мужчин более 90%, среди женщин более 70% (Кривоногов, 2001: 26), у нганасан 85 и 76% соответственно (Кривоногов, 2001: 143). При этом женщины практические не занимаются оленеводством. Подобная ситуация характерна и для других народов, проживающих на севере края.

Отход от традиционных форм ведения хозяйственной деятельности коснулся не только экономической основы семьи, он отразился на материальной культуре северных народов. Рассмотрим это на примере наличия у молодежи национальной одежды (табл. 1).

Таблица 1

Наличие национальной одежды у молодежи 20–39 лет, %

Народы	Мужчины		Женщины	
	Не имеют национального костюма	Имеют национальный костюм или его элементы	Не имеют национального костюма	Имеют национальный костюм или его элементы
Долганы	48,8	51,2	45,0	55,0
Ненцы	42,6	57,4	53,2	46,8
Эвенки	39,5	60,5	32,7	67,3
Нганасаны*	75,3	27,7	69,1	30,9
Кеты	73,4	26,6	96,1	3,9
Энцы **	43,0	57,0	77,0	23,0

*Данные для возрастной группы 20–29 лет; ** здесь учитывалось наличие ненецкой и энецкой одежды.

Наличие национального костюма или его элементов в гардеробе молодых людей в настоящее время не зависит от их участия в традиционных промыслах. Эта одежда зачастую предназначается не для работы, а для праздников. Но все же ее наличие у молодежи не может не радовать, так как наличие традиционного костюма предполагает его изготовление, которое может быть организовано в рамках семьи.

Отдельно хотелось бы отметить наличие национальной одежды у детей. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что национальный костюм изготавливается, в том числе и молодыми матерями.

Другой элемент национальной материальной культуры – это традиционная национальная кухня. В табл. 2 приведены данные об употреблении национальной пищи молодежью.

Таблица 2

Употребление традиционной пищи молодежью 16–29 лет, %

Народы	Мужчины			Женщины		
	Не употребляют	Употребляют изредка	Употребляют регулярно	Не употребляют	Употребляют изредка	Употребляют регулярно
Долганы	8,9	7,9	83,2	15,5	16,2	68,3
Ненцы	0,0	17,6	82,4	15,3	16,7	68,0
Эвенки	11,1	44,4	44,5	21,2	46,6	32,2
Нганасаны	6,2	21,9	71,9	14,9	29,7	55,4
Кеты	13,8	31,0	55,2	33,2	39,5	27,3
Энцы	9,0	19,0	72,0	11,0	44,0	45,0

Из таблицы видно, что доля употребляющих блюда национальной кухни выше среди мужчин, это характерно для всех народов. Доля женщин употребляющих национальную пищу с разной степенью регулярности колеблется от 70 до 90%. Из этого можно сделать вывод, что блюда национальной кухни составляют основу питания национальной семьи, в том числе и на начальных этапах ее жизненного пути.

Формирование субкультуры национальной семьи включает в себя определение языка повседневного общения, наличие особых памятных для семьи дат, соблюдение национальных традиций и обычаев.

В табл. 3 приведены данные о ситуациях, когда представители коренных народов севера общаются на своем национальном языке. Наивысшая доля по всем народам принадлежит общению с родителями. Практически в половине случаев общаясь с родителями, опрошенные говорят на национальном языке. Исключение составляют кеты, среди них на кетском языке говорит только пятая часть, в остальных случаях общение идет путем сочетания кетского и русского языков, только на русском или других языках.

Общение между супругами строиться зачастую не на национальном языке. Разговаривают на нем с супругом в среднем около 40% респондентов. То, на каком языке говорят между собой супруги, влияет и на язык общения родителей и детей, братьев и

сестер, в целом на передачу языка последующим поколениям. Как следствие этого можно назвать, невысокую долю респондентов, общающихся на национальном языке с детьми. Они составляют не более трети. Лидирующие позиции по данной категории занимают ненцы, но и среди них доля разговаривающих с детьми на ненецком языке не превышает половины.

Таблица 3

Использование национального языка в различных ситуациях, %

Народы	В общении					
	С родителями	С братьями и сестрами	С супругами	С детьми	С друзьями	На работе
Долганы	44,9	34,9	46,4	20,9	21,4	23,3
Ненцы	61,1	54,4	57,3	40,2	36,8	33,5
Эвенки	51,4	28,3	38,8	25,8	27,7	26,0
Нганасаны	53,4	28,1	45,3	29,3	24,6	27,7
Кеты	20,3	10,4	14,8	9,0	–*	3,2
Энцы	54,6	30,8	28,9	14,8	23,4	17,1

Нет данных.

Сохранение национального языка, общение на нем позволяют сохранять национальную устную культуру, сказки, песни, предания, они живы, пока есть люди способные их понять и передать другим.

Среди причин отказа от общения на национальном языке внутри молодой национальной семьи можно выделить низкую степень владения им молодежью, что видно из табл. 4. Так среди молодежи свободно владеют национальным языком только около 35% респондентов. И нетрудно предугадать, что, создав семью, не многие из молодых людей будут общаться в ней на национальном языке. Исключение могут составить лишь ненцы, которые демонстрируют высокую степень владения молодежью национальным языком.

Таблица 4

Степень владения национальным языком молодежью 20–29 лет, %

Народы	Степень владения				
	Свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
Долганы	64,5	6,6	5,6	17,2	6,1
Ненцы	73,7	6,1	2,6	13,2	4,4
Эвенки	19,3	5,5	18,6	33,1	23,5
Нганасаны	39,2	16,5	17,7	18,4	8,2
Кеты	14,0	59,8*			26,2
Энцы	25,0	7,1	14,3	28,6	25,0

* В исследовании степень характеризовалась как «частично».

Сохранению духовной культуры народа способствует соблюдение национальных обычаев и обрядов. Респонденты демонстрируют невысокую степень осведом-

ленности об этих элементах национальной культуры, что представлено в табл. 5. Выделяются на общем фоне ненцы, которые не только знают традиционные национальные обряды, но и применяют их в практической жизни. Наибольшее знакомство опрошенные представители всех народов показали с похоронным обрядом. Знают его или участвовали в нем около половины опрошенных представителей разных народов.

Таблица 5

Степень знакомства с основными традиционными обрядами, %

Народы	Обряды								
	Родильный			Свадебный			Похоронный		
	Не знают	Знают	Участвовали	Не знают	Знают	Участвовали	Не знают	Знают	Участвовали
Долганы	63,4	22,1	14,5	67,9	22,5	9,6	50,9	18,7	30,4
Ненцы	33,3	20,7	46,0	32,1	21,9	46,0	15,9	13,8	70,3
Эвенки	85,5	11,8	2,7	77,6	19,5	2,9	50,0	26,3	23,7
Нганасаны	54,7	22,5	22,8	67,8	25,9	6,3	32,9	24,5	42,6
Кеты	93,1	5,5	1,4	79,3	16,3	4,4	45,2	31,9	22,9
Энцы	–*	–	–	80,4	16,5	3,1	62,1	16,5	27,4

* Нет данных.

Степень знакомства молодежи с основными традиционными национальными обрядами ниже, чем в целом по выборке, что подтверждается данными, представленными в табл. 6. Особое внимание хотелось бы остановить на знакомстве со свадебным и родительным обрядами. Свадьба и рождение ребенка – это те события, которые в первую очередь ассоциируются с молодой семьей, с началом ее жизненного цикла, сначала как брачной пары, а с рождением первенца как полноценной семьи. Не может не вызывать опасение вероятность утраты этих обрядов, так как знают их чуть более 10% молодых людей, а участвовали – еще меньше.

Таблица 6

Степень знакомства молодежи 16–29 лет с основными традиционными обрядами, %

Народы	Обряды								
	Родильный			Свадебный			Похоронный		
	Не знают	Знают	Участвовали	Не знают	Знают	Участвовали	Не знают	Знают	Участвовали
Долганы	79,0	15,4	5,6	81,6	15,4	3,0	68,9	16,1	15,0
Ненцы	61,9	22,9	15,2	61,9	23,8	14,3	33,3	21,0	45,7
Эвенки	–*	–	–	88,9	11,1	0,0	61,1	20,0	18,9
Нганасаны	77,0	14,0	9,0	88,0	12,0	0,0	53,0	21,0	26,0
Кеты **	98,9	1,1	0,0	97,3	2,7	0,0	85,7	13,5	0,8
Энцы	–	–	–	–	–	–	64,6	19,3	16,1

*Нет данных; ** 16–39 лет.

Подводя итог нашей работы, постараемся нарисовать среднестатистический портрет национальной семьи на начальных этапах ее существования.

Это семья, проживающая в национальном или национально смешанном поселке, где супруги профессионально практически не связаны с традиционными промыслами. Если муж еще покидает поселок для охоты или рыбалки, то жена в основном ориентирована на работу и ведение хозяйства в рамках оседлого образа жизни. В семье сохраняются традиции национальной кухни, изготовления национальной одежды, хотя последняя существенно утратила свое утилитарное назначение, а чаще используется на праздниках. Общение в молодой национальной семье строится в основном на русском языке, национальный язык используется для общения с родителями или старшими родственниками. Традиционные семейные обряды в молодой семье соблюдаются редко.

Таким образом, в процессе социализации молодая национальная семья северных народов Красноярского края с трудом сохраняет национальный колорит и национальные особенности.

Литература

Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М., 2004.

Кривоногов В.П. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998.

Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998.

Кривоногов В.П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. Красноярск, 2001.

Кривоногов В.П. Народы Таймыра (современные этнические процессы). Красноярск, 2001.

Кривоногов В.П. Кеты: десять лет спустя (1991–2001). Красноярск, 2003.

Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья (социологическое исследование). СПб., 2003.

Социология семьи / Под ред. проф. А.И. Антонова. М., 2007.

СБОР ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТУРЫ: СИТУАЦИЯ «ТОГДА» И «ТЕПЕРЬ»

В.М. Кулемзин
г. Томск

Стереотипная фраза «раньше было не то, что сейчас, а сейчас не то, что раньше» знакома не только этнографам. Изменения в системе отношений человек – вещь, человек – общество, человек – природа происходят довольно быстро. Достаточно появиться в какой-нибудь знакомой деревне или на стойбище через пять-десять лет, как даже человек-неспециалист отмечает существующую разницу в любой сфере жизни общества. К сожалению далеко не все этнографы описывали ситуацию, в которой приходилось или приходится им работать. Важность подобной информации интуитивно ощущали такие крупные этнографы как К.Ф. Карьялайнен, В.Г. Богораз, В.В. Радлов, В.Н. Чернецов. Их путевые заметки делают более содержательным и информативным непосредственное описание предмета исследования. К тому же многие, казалось бы, побочные сведения представляют интерес не только для этнографов, но и для культурологов.

В данной работе я не считаю целесообразным указывать номера предметов и коллекций, характеризующих хантыйскую культуру. Эти предметы хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета, а так же в Томском областном краеведческом музее. Они все или почти все отражены в разного рода каталогах и публикациях.

Уже простое перечисление предметов, доставленных в конце 1920-х гг. в Томский краеведческий музей М.Б. Шаталовым, свидетельствует не только о почти полной сохранности традиционной культуры хантов и функционировании ее как саморегулирующей системы, но и о безусловной готовности населения помочь человеку в его большом и важном деле. Тем самым человек, жертвующий вещь, как бы сам приобщался к этому делу, потому что не может мыслить себя вне коллектива: он и здесь, в деле сбора материала, интегрирован в коллектив.

Когда мы во время этнографической практики или экспедиций (1963 г. у карагасов Шегарского района Томской области и у селькупов на р. Кеть; в 1965 г. у чулымских татар Тегульдетского района Томской области, в 1969 г. у хантов рр. Васюган, Вах, а в 1970-х гг. у хантов других обских протоков) занимались сбором этнографического материала, то вольно или невольно приходилось сопоставлять ситуацию со временами К.Ф. Карьялайнена, В.Н. Чернецова, М.Б. Шатилова.

«Наше» время – это начало (только лишь начало) промышленного – индустриального освоения края, а отсюда – демографический сдвиг, связь с внешним миром, зависимость от привозных товаров, оскудение флоры и фауны, включение в хозяйственный оборот страны практически всех природных ресурсов (лес, песок, гравий и т.д.)

Население оказалось разобщенным: одна часть – за сохранение традиционной культуры, другая – за ее разрушение. В сложном положении оказались и этнографы: кто они с точки зрения местного населения – собирающие остатки их родной культу-

ры, чтобы увезти в город, или стремящиеся ее сохранить? С каждым годом становилось меньше таких, какие в свое время помогали М.Б. Шатилову. В отдельных местах, как на Вахе, Кети, Васюгане большая часть местного населения продолжала заниматься охотой, собирательством, рыболовством, а потому сами изготавливали ловушки, луки-самострелы, берестяные изделия, обрабатывали кость и кожу, вручную плели сети, делали лодки, лыжи-подволоки.

Было сравнительно легко вести беседу с пожилыми информантами на любую тему, исключая самую сакральную – религию: еще живой оставалась память о репрессиях 1930–1950-х гг. От хантов Васюгана в краеведческий музей я лично передал коллекцию из 111 предметов. Некоторые предметы изготавливались в моем присутствии или в присутствии других участников группы – Н.В. Лукиной, П.Е. Бардиной, Н.И. Манжос.

Информанты, знакомые с хантыйской и русской культурой, объясняли, как и каким образом следует изготавливать вещь. Суть объяснений сводилась к тому, что изготовление любой вещи есть процесс – ритуал, который не терпит изменений и предполагает соблюдение правил от начала до конца. Изготавливая специально для нас вещь в миниатюре, подчеркивали, что она может быть меньших или больших размеров, но пропорции обязательно должны быть соблюдены. Нам показывали тупые костяные ножи для снятия бересты, выкройки для детской и взрослой обуви, предлагали влезть на чердак, чтобы посмотреть, в каких условиях должна просыхать свежеснятая кожа и опуститься в погреб, где хранится береста. Имели место и курьезные случаи, когда информанты полагали, что мы приехали с целью обучиться практическим навыкам.

Однажды хозяйка-хантыйка заставила меня целый день стоять и смотреть в котел, где на слабом огне кипела рыбья чешуя и внутренности. Хозяйка деревянной плоской ложкой постоянно снимала всплывающий жир. Так вываривают рыбий клей.

В другой раз мне пришлось наблюдать украшение кисета бисером. Чета Могульчиных – Груня и Витя вернулись с охоты, где были больше месяца, в поселок, в нетопленый дом. Мне на следующий день предстоял отъезд, поэтому Груня не могла отложить работу: на сорокаградусном морозе она начала и закончила изделие. Теперь этот кисет находится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета им. В.М. Флоринского. На нем нет ни единого признака, что он изготовлен окоченевшими руками. Теперь все отношения, основанные на полном взаимном доверии, уходят в историю. У хантов, селькупов, ненцев постепенно вырабатывается чувство социальной осторожности, опасности, недоверия. Вырабатываться оно стало еще задолго до моих поездок: отдельные случаи имели место в описаниях ученых, краеведов, путешественников уже в XIX в. В 1960-е гг., о которых идет речь, контраст традиционного и нетрадиционного стал слишком очевидным. Во время моих экспедиционных поездок молодое поколение было совершенно непохожим на своих родителей. Дети не хотели перенимать производственный опыт своих родителей, поэтому последние охотно передавали свой опыт едва ли не любому приезжему, каковым был, например, я. Наоборот, школьники и дети интерната обучали своих родственников тому, как и кого из пришедших встречать, кому открывать дверь, а кому – нет; как превратить охотничью собаку в сторожевую и т.д.

Как здесь не вспомнить слова американского культуролога М. Мид, которая разделила все культуры на префигуративные и постфигуративные. В последних изменение происходят быстрее, чем одно поколение сменяется другим. Итог очевиден – детям не нужен опыт родителей, а родители, напротив, нуждаются в опыте детей. Итак, в роли учителей выступают дети, а непослушные родители частенько оказываются в неловком положении. Вся эта информация, а так же и другая, закодирована в музейных вещах. Однако я не хотел бы представить молодежь духовно обкраденной совершенно. А кто же изготавливает современные поделки? Чьи изделия стоят в витринах магазинов? Кто организовывает выставки? Кто оформляет музейные экспозиции? Конечно, молодежь. Я только лишь хотел сказать, что две внешне похожие друг на друга табакерки – это, как говорят одесситы, две большие разницы. Одна из них выдает себя как представитель поточного производства, а другая хранит тайну поколений.

Я бы и археологам советовал отмечать в полевой тетради отношение местного населения к раскопкам древностей: оно точно так же меняется. Меняется отношение к прошлому, настоящему, неизвестному будущему. Это отношение – часть культурного наследия, оно не менее ценно, чем сам по себе материальный объект. Сегодня ученые получают информацию от кусочка угля из кострища охотников за мамонтом. Этот кусочек угля предусмотрительно сохранил зоолог профессор Н.Ф. Кащенко. Интересно, как бы этот поступок оценили те, которые 18 тыс. лет назад в Лагерном саду на вертеле жарили мамонта?

РУССКАЯ ВЫШИВКА В СОБРАНИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА*

У.В. Малахатько
г. Томск

Предметы, декорированные русской вышивкой, в собраниях МАЭС хранятся в этнографической коллекции «Русские».

Хронология вышитых предметов определяется концом XIX – второй половиной XX в. Предметы поступили в музей в результате научных экспедиций исторического факультета ТГУ: в 1970 году под руководством Т.И. Никитиной, в 1979 г. во главе с П.Е. Бардиной, в 1981 г. под руководством Э.Л. Львовой и Е.Е. Ситниковой. Вещи были приобретены или получены в дар. Территория бытования предметов – поселки Томской области. Два предмета – ковер стеновой (№ 7122-4) и полотенце (№ 7122-5) из Горного Алтая, с. Верхний Уймон. Вышивкой декорированы следующие предметы: полотенца, салфетки, две мужские рубахи, скатерть, занавеска, ковер стеновой, а также женские головные уборы.

В статье автор делает попытку охарактеризовать русскую вышивку, хранящуюся в музее, и определить ее информативную емкость, сравнивая музейные материалы с литературными сведениями (Рындина, 1995) и полевыми сборами О.М. Рындиной, осуществленными в Томской области в 1980-е гг., а также личными полевыми материалами автора, собранными в с. Коларово Томского района в 2007 г.

Переходя к характеристике вышитых предметов в собрании МАЭС, следует отметить, что большинство полотенец вышито в технике креста, в том числе болгарского и двойного. Исключение составляют два полотенца (№ 7526-33, 7526-32), на которых вышит геометрический орнамент двухсторонней счетной гладью. Из научного паспорта известно, что полотенца служили для украшения переднего угла комнаты. Различаются они тем, что концы одного полотенца декорированы бахромой, а другого – кружевом.

В большинстве случаев на полотенцах изображен растительный орнамент, представленный цветами – розами, бутонами, листьями, стеблями и побегами. Геометрический орнамент составляют розетки. Также встречается сочетание растительного и геометрического орнаментов, например, на фрагменте полотенца (№ 7371-28), где вышиты два деревца и два взаимопроникающих прямоугольника. Основным композиционным построением является бордюр.

Салфетки вышиты гладью и крестом разноцветными нитками. Композиции центрические, одночастные сюжетные, при этом название характеризует изображение: «Петушок», «Серый кот в корзине с цветами» и др. Встречается и угловая композиция, когда вышит только один угол салфетки.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-64107а/Т.

Ковер стеновой и скатерть (№ 7371-23) изготовлены в единой технике – филейка, которая представляет собой настил на черной вязаной сетке. На ковре растительный орнамент с мотивом пальметки заключен в центрическую композицию. На скатерти композиционное построение имеет вид сетки, при этом пространство разделено на шестиугольники и квадраты. Внутри каждого шестиугольника помещена фигура, напоминающая снежинку, внутри каждого квадрата – ромб.

Одна рубаха-косоворотка (№ 7526-30) вышита по вороту, на груди и на манжетах двухсторонней гладью по счету нитей ткани, другая (№ 7526-31) мелким крестиком.

Оконная занавеска украшена растительным орнаментом в технике «ришелье». Работа выполнена на швейной машинке.

Перечислив предметы и охарактеризовав вышивку на них, перейдем к анализу информативной емкости материала. По литературным и полевым материалам была прослежена трансформация вышивки на некоторых видах предметов. Вышивка на полотенцах середины и конца XIX в. выполнена в основном двухсторонней счетной гладью. На таких полотенцах встречается как геометрический, так и растительный орнамент с орнитоморфными включениями. Полотенца рубежа XIX–XX вв. в основном выполнены в технике креста. Распространен растительный орнамент, в большинстве случаев с цветочными мотивами. Среди них встречаются геометрические, построенные на основе 8-лепестковых фигур. В это же время распространяются узоры, снятые с мыльных оберток. Эти узоры также характеризуются наличием растительного орнамента. Их основу составляют розаны и волнообразные побеги лозы, цветочные гирлянды (Рындина, 1995: 543). В 1920-е гг. узоры в основном снимали со старых полотенец, вышивая крестом и гладью. В последующие годы также использовали крест и гладь, вышивая «простые» узоры: цветы, веточки. В 1950–1960-е гг. вышивают по канве, но полотенца как объект декора встречаются редко. Следовательно, изменение вышивки на полотенцах ведет сначала к упрощению узоров и техники на рубеже XIX–XX вв., а затем, в 1950–1960 гг., и к угасанию традиции вышивки на полотенцах.

Изучение мотивов на полотенцах, хранящихся в музее, показало, что архаические сюжеты сохранились лишь на одном полотенце (№ 7371-35). Трехчастная композиция вышита на обоих его концах: две противостоящие птицы, между ними – дерево (вазон), за птицами – цветы (деревья-вазоны) с тремя цветками каждый. Основание – красная черта, под ней – ряд ромбов. Известно, что оно изготовлено примерно в 1880–1885 гг. Полотенца, вышитые двухсторонней счетной гладью, как отмечалось выше, также представлены в коллекции. Поэтому факт существования архаических мотивов и техник в вышивке на полотенцах Томской области подтверждается материалами музея. Для остальных полотенец характерен растительный мотив и более поздние техники вышивки: несчетные гладь и крест. Встречаются и «мыльные» узоры, в виде розанов, бутонов и побегов. Таким образом, выводы, сделанные на основе анализа полевого материала, иллюстрируются музейными предметами фрагментарно.

Второе место после полотенец в убранстве дома занимали скатерти. С конца XIX в. в обиходе сначала у зажиточных крестьян, а затем и в более широких слоях населения фиксируются филейные изделия. Судя по литературным сведениям, орнаментальная композиция скатертей Томской области устойчива: по периметру размещается бордюр из растительных мотивов, в середине – венок из цветов и листьев, в

центре которого располагаются инициалы мастерицы, вазон, орнитоморфные фигуры (Рындина, 1995: 506–509). Филейная скатерть из коллекции МАЭС имеет иное композиционное построение. В основе его лежит сетка, что не отмечено как характерная черта для скатертей Томской области. В 1920–1930-е гг. скатерти вышивают гладью. Узоры перенимают друг у друга, переделывая их на свой вкус. Таких образцов скатертей в музее нет. Вывод о фрагментарности информации, содержащейся в музейной коллекции по русской вышивке, подтверждается и в этом случае.

В Томской области украшение одежды было распространено не повсеместно. На это указывают и малое количество вышитых предметов одежды, и ответы информаторов. Например, в притрактовом с. Коларово на вопрос: «Украшали ли одежду вышивкой?» – последовал ответ: «Нет, у нас не было такого» (ПМА). Вместе с тем, нередко встречается информация о том, что до 1930–1940-х гг. на праздниках мужчины носили вышитые рубахи. Декорировался ворот, разрез на груди, рукав или манжет, подол. Данную информацию хорошо иллюстрируют описания двух мужских рубах, которые хранятся в музее, поэтому можно предположить, что это праздничные рубахи, мода на которые исчезла в 1930–1940-е гг. прошлого столетия.

Салфетки были характерны для вышивки русского населения Томской области в 1950–1960 гг., когда многие женщины увлекались этой «модой». В это время в продаже появляются трафаретные образцы для вышивки, и в большом ассортименте предлагаются нитки мулине. Самыми распространенными техниками были несчетные гладь и крест. Популярностью указанных вышитых изделий и объясняется достаточно большое количество салфеток в коллекции. В это же время широко бытовали «видочки» – вышитые настенные картины и «думочки» – декоративные подушки. В музее таких предметов нет, но стоит обратить внимание на салфетки с жанровыми композициями, которые были характерны в это же время. Такие салфетки могли служить и украшением стены.

Вышитые постельные принадлежности, бытовавшие на рубеже XIX–XX вв. у переселенцев из Европейской России, и большинства населения Томской области до середины XX в., также не представлены в коллекции (Рындина, 1995: 512). Отсутствуют в ней и вышитые ковры, изготовление которых наблюдалось в 1970-е гг. Что касается стенового ковра, то территорией его создания и бытования является Горный Алтай.

Таким образом, далеко не все вышитые предметы, характерные для Томской области, нашли отражение в собрании музея. Трансформация вышивки на полотенцах и скатертях прослеживается фрагментарно. По вышитым полотенцам из коллекции музея видно, что для Томской области в конце XIX в. были характерны архаические мотивы и техники вышивания, но самым распространенным мотивом в это время был растительный, основное композиционное построение – бордюр. Традиция вышивки на скатертях отражается наличием в коллекции филейной скатерти, и ее композиция расширяет представления о категориях симметрии, свойственных изделиям Томской области. Из вышитой одежды в МАЭС представлены рубахи, которые мужчины надевали по праздникам до 1930–1940-х гг. От 1950-х гг., когда вышивка переживала второе рождение, в музее широко представлены лишь салфетки, а широко распространенные новационные предметы интерьера – «видочки» и «думочки» в коллекции не отражены.

На основании изложенного можно сделать вывод, о том, что собрание вышивки в МАЭС лишь частично отразило проблемы, связанные с бытованием данного вида народного искусства на территории Томской области.

Литература

Рындина О.М. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т. 3: Орнамент.

РАННЯЯ РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (доермаковское время)

А.М. Малолетко
г. Томск

Фламандский картограф Абрахам Ортелиус (1528–1598) выпустил в 1570 г. карту, на которой в низовье Оби (Obÿ fl.), впадающей в Скифский океан (Oceanus Schitycus) показан населенный пункт Cingolo (Цинголо), соответствущий ныне существующему с. Цингалы Ханты-Мансийского района. На карте показаны также крепости Сибирь (Sÿbir) и Грустина (Grustina). Горным хребтом Zona mundi montes (Уральские горы), бассейн Оби отделяется от Европы (рис. 1). Несколько позже, в 1582 г., вышла из печати карта Европы, которую составил Г.Л. Ананий. На ней система Оби была буквально скопирована с карты А. Ортелиуса (Старков, 2001).

В языке угров вообще нет фонемы *ц*, поэтому встал вопрос о неугорском происхождении и доермаковском возрасте топонима Cingolo.

Рис. 1. Фрагмент карты А. Ортелиуса (1570) с населенным пунктом Cingolo

Позднее на произведениях западноевропейских картографов появились на севере Западной Сибири и другие, явно русские географические названия. Страна Лукомория показана на карте Г. Меркатора (1595 г.) – (Lucomoria), И. Гондиуса (1606 г.) – LUCOMORRE, Дж. Кантелли (1683 г.) – Locomoria Г. Сансона (1688 г.) – Lucomoria. Эти карты увидели свет после похода Ермака, и можно было бы датировать ознакомление западноевропейских картографов послеермаковским временем. Но удивитель-

но, что русской картографии и исторической науке название страны или местности Лукомория не было известно. Следовательно, западные картографы пользовались более ранними сведениями о Лукомории. И действительно, западным картографам сибирская страна Лукомория стала известной задолго до Ермака. В Европу описание сибирской Лукомории было принесено австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном (1486–1566), который по поручению австрийского императора дважды (в 1517 и 1826 гг.) приезжал в Московию с миротворческой миссией – прекратить русско-польскую войну. Выполнить миссию не удалось, но в 1547 г. дипломат опубликовал книгу «Записки о Московии», сопровождавшиеся картой. В русском переводе книга была опубликована в 1866 г, позже она еще дважды переиздавалась – в 1908 и 1988 гг. На карте Герберштейна Лукомория не показана, но в книге дано краткое и полуфантастическое ее описание. Лукомория, писал С. Герберштейн, находится в горах по ту сторону Оби. Из Лукоморских гор вытекает р. Коссин (Казым. – *А.М.*), при устье которой находится крепость Коссин. Другая река Кассима (Назым. – *А.М.*), протекши через Лукоморию, впадает в р. Тахнин (Обь? – *А.М.*). Есть в р. Тахнин (Tachnin) рыбы с головой, глазами, ртом, руками, ногами и пр., по виду совершенный человек, однако без всякого голоса. С. Герберштейн писал, что это «*...переведено дословно из доставшегося мне русского дорожника, хотя в этих известиях некоторое кажется баснословным и едва вероятным*». Такие «дорожники» составлялись в Москве на рубеже XIV–XV вв., возможно и позже. С. Герберштейн упоминал серпоновцев и крепость Серпонова, которая, как явствует из текста, лежит по ту сторону от Лукомории. На карте И. Гондиуса (1606 г.) крепость (?) Серпонов (Serponow) находится между Югорией (Jughoria) на севере и Лукоморией (подписана над широтным отрезком Оби в ее среднем течении) на юго-востоке, к югу от гор Imaus Monte.

С. Герберштейн сообщал также о грустинцах и их крепости Грустина (Grustina), от которой до устья Иртыша два месяца пути, а до озера Китая (Kitai) более чем три месяца пути. Если за оз. Китай принять Телецкое, то крепость Грустина находилась где-то на Оби в районе устья Тыма. На карте Дж. Кантелли (см. рис. 2) показаны грустинцы, а на карте Г. Сансона – грустинцы (Grustinski) и крепость Грустина (Grustina) – вблизи устья реки Там (Том?, Тым? – *А.М.*).

По-видимому, сведения о лукоморцах, грустинцах и серпоновцах западноевропейские картографы получили от С. Герберштейна. В качестве источника информации для С. Герберштейна послужил «Указатель пути к Печере, Югре и реке Оби». Имеются предположения, что австрийский подданный получил «Указатель...» от С.Ф. Курбского, который в 1483 г. совместно с Иваном Салтык-Травиным совершил первый исторически известный переход через Урал в Западную Сибирь.

Были и другие источники информации. В 1613 г. Гессель Герритс опубликовал «Чертеж царевича Федора Борисовича Годунова», составление которого было закончено столетием раньше (примерные годы: 1514–1551 или 1514–1536). Через Дм. Дан. Герасимова (ок. 1465 – ок. 1533) с чертежом были ознакомлены западноевропейские картографы Павел Иовий и Баттисто Аньезе (издатель). Не исключено, что именно у этих картографов отложилась информация о сибирской картографии («Чертеж царевича...»).

Но Герберштейн и некоторые западные картографы не упоминают самариков, которые, однако, нашли себе место на карте Дж. Кантелли в 1683 г. (samariequi показаны южнее страны Лукомории) и на карте Сансона в 1686 г. (надпись SAMARIQU сделана южнее Iosiora Slote, ныне Телецкое озеро).

Возникают вопросы. А кто же кроется за этими этнонимами – самарики, серпоновцы, грустинцы, которые заселили страну Лукоморию, кто и когда создал населенный пункт Цинголо? Вряд ли эти вопросы были бы решены даже приблизительно без удивительных находок томского этнографа, профессора Г.И. Пелих, которая в 1995 г. опубликовала статью «Сибирские Каяловы о реке Каяла» (Пелих, 1995). Работая много лет с населением Севера, Галина Ивановна собрала материал о приходе на устье Иртыша за десять поколений до Ермака русского населения. Сведения были получены от Каяловых, которые единодушно поведали свою предсибирскую историю.

Жили они в степях у теплого моря на р. Самаре. Жители по этой реке и назывались самарами, а еще их дразнили паджами. Каяловы жили по притоку р. Самара, которая широкой дугой изгибалась, почему и получила название Каяла, то есть коромысло. Верховье реки Каяла в жаркое время пересыхало, превращалось в сухую балку и называлось Волчий Хвост. Нижняя часть реки называлась Байбалакой. В южном направлении земли Каяловых простирались на расстояние «одного конского бега» (70–80 км) до р. Кельчик. К западу от них жили цынгалы. Ушли Каяловы со своей земли за десять поколений до Ермака (конец XIV в.), когда начались «страшенные войны» (возможно, речь идет о татаро-литовскиз войнах). Но раньше их ушли в Сибирь цынгалы, которые также были не первыми. Многие самары уходили в Сибирь, о существовании которой они узнали от торговцев пушниной. Каяловы поселились на протоке Иртыша выше с. Самарово. Вокруг было «остячье».

Все эти доермаковские этнонимы и задонецкие топонимы отложились в Сибири в названиях населенных пунктов, озер, рек и других географических объектов. Некоторые из топонимов сохранились до наших дней.

Самары. Этот древний этноним, принесенный в Сибирь выходцами из-за Дона, стал именем собственным остяцкого (хантыйского) князца Самара и населенного пункта на территории, ему подвластной. Самар пал в неравному бою с казаками Богдана Брязги 20 мая 1583 г. Вот как описывает Г.Ф. Миллер (1750) это событие. Поутру рано казаки обнаружили на берегу спящих караульщиков, выставленных князцем Самаром., которых всех и порубили. А как Самар с восемью другими сподвижниками от шума пробудились, и хотел Самар со своими людьми себя защищать, то он при первом выстреле был убит пулею, отчего остальные так испугались, что все обратились в бег. От имени Самар были созданы топонимы Самаровский ям, с. Самарово, Самарское белогорье – западный фланг Сибирских увалов. Фамилия среди сибиряков нередкая, однако связать конкретных лиц происхождением с лукоморскими самарами крайне трудно, так как среди них немало выходцев из Самарской губернии.

Имя князца Самара, погибшего вместе с охраной при нападении русского отряда 20 мая 1583 г., очевидно связано с задонецким этнонимом *самары*. Этот этноним и ныне употребителен среди сельского населения Донецкой области Украины в форме *самарі*, и восходит к названию притока Днепра. Само же название р. Самара тюркское и обозначает «тучный», «жирный», «толстый». Этимология, очевидно, связана с пло-

дородием земель, богатством пастбищами и зверями в окрестностях реки и рыбы в самой реке.

Цынгалы. Возможно самыми ранними топонимами, образованными от этого слова, являются названия двух рек Цынга, впадающих слева в р. Пышму, приток Тобола между с. Червишево и ст. Винзили на юге Тюменской области. Эти реки показаны на чертеже С.У. Ремезова (1701 г.). Не исключено, что эти реки трассируют путь мигрантов из Причерноморья в Сибирь. Обращает на себя внимание схожесть имен **цинг**алов и раннего названия Тюмени – **Чинг**а-тура. По легенде, изложенной И.Е. Фишером (1774: 92, 93), на р. Ишим жил ногайской породы хан Он, которому были подвластны татары, вогулы (манси) и остяки (ханты) по р. Тобол. Против хана восстал человек по имени Чинга, по Гр. Новицкому (1941), Чинчин (Чингчин? – *А.М.*)., который победил хана, взял его в плен и удавил. Спустя годы он поручил Тайбуге, сыну умерщвленного хана, усмирить остячков, что тот и выполнил. Чинчин разрешил Тайбуге поселиться по своему усмотрению. Тайбуга выбрал место на р. Тобол и построил там город Чинги-тура, названный в честь своего покровителя и погубителя отца. Но Тайбуга был современником Чингиз-хана (Мартынова, 2003), поэтому событие это уводит нас в XIII в. Но это не противоречит преданиям Каяловых, из которых известно, что цынганы ушли в Сибирь раньше их.

Основные топонимы с основой *цинг* известны в низовье Иртыша и вверх по Оби до Сургута. Очевидно, наиболее ранними являются топонимы в низовье Иртыша. По Оби топонимы образовались в послеермаковское время. Помимо упомянутых выше имен рек Цынга и древнего с. Цингалы известны следующие топонимы с основой *цинг*:

– Цингинские юрты при рч. Немиче (Верхне-Демьянская инородческая волость; Патканов, 1911);

– юрты Цингинские на Демьянке;

– юрты Цингинские, Цингалинские в Уватском районе;

– изба Цынганина на р. Керпетмуль (правый приток р. Юган в его верховьях);

– юрты Цынганины – показаны на государственной карте миллионного масштаба в бассейне Большого Югана, примерно 140 м. ниже избы Цинганина;

– на сургутском листе Чертежной книги Сибири С.У. Ремезова (1701 г.) показаны юрты Цынгины и рядом речка Цынга, вытекающая из озера;

– на этом же листе против Сургута на Оби показан остров Цынга-пай. Ныне это название в форме Синга-пай сохранилось за жилым местом между мостом через Обь и Сургутом.

Любопытно, что фамилия Цынгаев была зафиксирована среди хакасов сеока Пайгудуг Малобайкотовской волости (Бутанаев В.Я., 1994). Это единственная хакасская фамилия, которая начинается на *ц*. Эта фонема в тюркских языках вообще отсутствует, поэтому можно предполагать, что фамилия Цынгаев имеет нехакасское происхождение.

Возможно нынешнее с. Цыганово Зырянского района Томской области, обозначенное на чертеже С.У. Ремезова (1701 г.) как русская деревушка Цыганова, также связана с доермаковскими цынгалами, так как в это время (Ремезов пользовался материалами второй половины XVII в.) цыган не было не только в Сибири, но и на Руси. Этот населенный пункт основан ранее 1701 г., так как на чертеже С.У. Ремезова

(1701 г.) он был уже показан. Обозначена деревня в виде домика с двускатной крышей, двумя окнами и входной дверью. Инородческие юрты обозначались иначе – в виде одного или нескольких шатров. Можно предполагать, что, деревня была основана русскими, а название ее дано по кличке первопоселенца из цинган (цингалов). По переписи 1859 г. (Список... 1868) она уже числилась как инородческая. Ныне представители коренного населения в с. Цыганова не проживают.

Тем не менее, подсознательно появляется мысль о том, не настоящие ли цыгыны скрываются под кличкой цингалы, или цынганы. Тем более, что по легендам Каяловых (Пелих, 1995), цынганы были изгнаны из Причерноморья за кражи лошадей. Это занятие для цыган было любимым и в недавнее время.

Цыгане, одна из каст неприкасаемых, издавна населяли северо-западную часть Индии. Исход цыган из Индии относится к 420 г. н. э., и длился он, чуть ли не тысячу лет – вплоть до эпохи Великих Моголов (ранее 1526 г.). Путь из Индии шел через Афганистан и Персию, северную Африку в Испанию. Свое нынешнее название цыганы получили в 1322 г. в Греции от греческого слова *атсинганос*, как именовалась секта музыкантов и предсказателей. Отсюда образованы ит. zingani (!), тур. tschingiané (Большая советская энциклопедия, 1934, т. 60).

Те цыганы, которые проникли в Армению, в дальнейшем перебрались в Византию. С распадом Византии цыгане рассеялись по всей Европе.

Цыгане пришли из Греции в Молдавию в XV в. На Украине они (этническая группа *сэрвы*) обосновались только в XVI–XVII вв., в европейской части России появились в петровские времена, столетием позже, чем на Украине, и пришли они из Польши. Как сообщается в рукописи XVII в., «*цыганы есть люди в Польше, а паидоша от немец на татьбу и всякое зло хитры*» (Друц, Гесслер, 1990: 24). В 1733 г. Анна Иоановна издала указ о сборе денег с цыган на содержание Ахтырского полка, но с мест было сообщено, что цыган «*...в перепись писать было невозможно, потому что они дворами не живут*» (Деметр и др., 2000: 187). Появление цыган на Днепре и Дону ранее конца XIV в. представляется маловероятным.

Байбалака. По преданиям Каяловых, такое низвание носила река Каяла. Оно является тюркским с семантикой «богатая рыбой». Название Байбалака скопировано в Сибири во многих вариантах. В память о богатой реке Байбалака (ныне нижнее течение Волчьей) названа протока, на которой впервые поселились Каяловы, и которая сохранила это имя до наших дней. Это протока Байбалаковская у Ханты-Мансийска, которая отходит от Иртыша и впадает в Обь ниже с. Самарово. Г.Ф. Миллер (1996), проезжая из Березова в Тобольск в 1740 г., записал второе название протоки Kelmapassil, однако местные ханты не смогли перевести его мне на русский язык. Здесь же были юрты Байбалаковские. Оба топонима упоминаются в исторических документах. В документе от 26 октября 1865 г. жители Байбалаковских юрт просили «*самаровцам воспретить, чтобы они в Байбалаковской протоке близ устья реки Иртыша запоров для добычи весной рыбы не делали...*» (Лопарев, 1899: 205).

В документе от 1692 г., июня 30 дня, сообщалось: «*...ясашные остяки Белогорской волости Байбалакинских юрт Томилко Каялов с товарыщи поступились за долг свой за двадцать рублей в век без выкупу ему же Микитке* (Шаламову. – *А.М.*) *вотчинной земли своей от Самаровского яму вверх по Иртышу реке выше Тимошкинских*

юрт, а ниже Базьяновых...» (Лопарев, 1899: 167). Н. Спафарий в своем путешествии 1675 г. зафиксировал Байбалаковское плесо на Оби несколько ниже устья р. Тым. Речка Байбалакова была известна в Кодской (Котской) инородческой управе (на Оби, ниже устья Иртыша).

Кроме топонимов и этнонимов, сохранившихся в легендах Каяловых, известны русские имена людей, которые жили в низовье Иртыша до прихода Ермака. Г.Ф. Миллер (1750) приводит несколько имен князьков и «лучших людей», которые (имена) имеют русское происхождение.

Кошель. В доермаковские времена на Иртыше жил князец с русским именем Кошель, в память о котором сохранилось городище Кошельваш, которое было зафиксировано переписью 1897 г. как Кошелевские юрты.

Бояр. Г.Ф. Миллер упоминает князца Бояра с р. Демьянка, имя которого следует признать русским неканоническим. Два сына Бояра имели нерусские имена – Оксеит и Кармышак, но внук Бояра Семейка Кармышаков – назван христианским именем, уменьшительным от Семен. Возможно, населенный пункт Семейка (ранее – юрты Семейкина) на левом берегу Иртыша, в 12 км ниже с. Цынгалы, назван был по имени внука Бояра.

Демьян. Реку Демьянку ханты называют Нимньян (Nimnjan), что позволило Г.Ф. Миллеру считать этот гидроним изначально остяцким (хантыйским), от которого, якобы было образовано русское название Демьянка. Но в хантыйском языке вообще нет фонемы *д*, поэтому, на наш взгляд, следует считать первичным русское название, образованным от христианского имени Демьян, а форму Нимньян – вторичной, остяцкой адаптацией. Интересен рассказ Г.Ф. Миллера о золотом идоле, которым владели остяки с р. Демьянка. Золотой идол был вывезен из России, где он почитался под именем Христа. Идол сидел в чаше, в которую наливали воду, а вокруг идола жгли в особых чашах сало и серу. Идол помогал остякам гадать. Так, идол при нападении русских «нагадал» им сдаваться, что князец Бояр и сделал. По-видимому, в этом рассказе нет ничего вымышленного. Икона Христа была вывезена из Руси, и постепенно обостяченные русские адаптировали христианское верование на языческий лад.

Роман. Имя князца Романа является, несомненно, русским. Возможно, от него образовано название дер. Романова, показанной на листе 2 «Чертежной книги» Ремезова. По переписи 1897 г. это были юрты Романовские Верхнедемьянской инородческой волости.

Известно немало топонимов, созданными потомками переселенцев из Причерноморья в послеермаковское время. Все они находятся вне Прииртышья в ходе дальнейшей миграции на восток. Миграция эта была вынужденной, вызванной притеснениями, которые мигранты испытывали от казаков. К числу таких топонимов относятся следующие.

Паджо. Этноним *паджо*, принесенный из-за Дона, вошел в язык селькупов как уважительное обращение к доермаковским русским. От этнонима образованы топонимы протока Паджинская и юрты Паджинские, плесо Паджинское на Оби около устья Кети.

Каяловы. В Прииртышье не обнаружены топонимы, которые были бы образованы от этой фамилии. Старые документы донесли до нас сведения о Каяловых, про-

живавших на Байбалаковской протоке у Самарова. В документе от 13 октября 1686 г. Томило Каялов занял у Федора Змановского на Самаровском яму десять рублей. А 30 июня 1692 г. он же, Томилко Каялов, «с товарыщи» за свой долг в 20 рублей отдали навечно без выкупа Микитке Шаламову вотчинную землю от Самаровского яму вверх по Иртышу выше Тимошкинских юрт, но ниже Базьяновых.

Дальнейшие следы Каяловых закрепились на Средней Оби. Это р. Куялова (ныне Пыжина), впадающая справа в Обь, инородческие юрты Куяльские (Куяльцы) на левом берегу Оби в 15 верстах выше Нарыма, Куяльский песок в двух верстах от многолюдного села Парабельского. В 1841 г. в юртах Конкиных у Нарыма жил селькуп Павел Ксенофонтов Каялов, а в 1920 г. крестьянин с. Кетского Г.Н. Панов женился на селькупке В.М. Каяловой из юрт Казацких. На Тыме в 1930 г. в поселке Кыгель-Карамо было 12 человек с фамилией Каяловы. В это же время на р. Тым между селькупскими юртами Лымбель-Карамо и Пыль-Карамо стояла русская деревня Каялова (рис. 2). Память о Каяловых сохранилась и у селькупов Туруханского района Красноярского края. Старики в 1970 г. помнили, что «в нижнем углу между Баихой и Туруханом жили какие-то Куялы», которых еще звали Иванами.

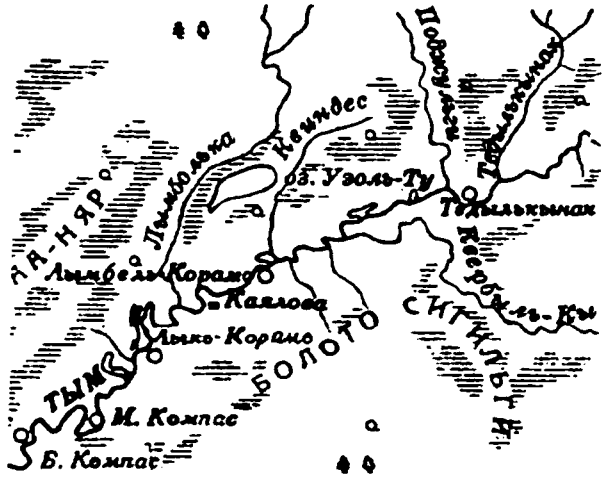


Рис. 2. Деревня Каялова на р. Тым

Потомки самаров, выходцев из-за Дона, живут и ныне в Сибири. Цингаловы (Цынгаловы) и Каяловы живут в Томске и области, в Ханты-Мансийском автономном округе, возможно, и в других районах Сибири. К ним предположительно можно отнести кого-то из Самаровых, Цыгановых, Бояровых, Романовых, Саитымкиных, Саитымовых, Семейкиных, Байбалаковых, Таировых, Томилковых, Томиловых. Необъятное поле для любознательных краеведов.

Литература

Герберштейн С. Записки о Московии барона Герберштейна. СПб., 1866.

Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Воронеж, 2000.

Друц Е.А., Гесслер А.Н. Цыгане. М., 1990.

Лопарев Хр. Самарово село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1899.

Мартынова Е.П. Этническая консолидация или этническая дифференциация (к проблеме формирования этносов обских угров) // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.

Миллер Г.Ф. Описание сибирского царства и всех происшедших в ней дел от начала а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1750. 457 с.

Пелих Г.И. Обские Каяловы о реке Каяла // Вопросы географии Сибири. 1995. Вып. 21.

[***Ремезов С.У.***] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

Список населенных мест. Т. 60. Томская губерния. По сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. CXXIV

Старков В.Ф. Очерки освоения Арктики. Т. 2. Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом СПб. Академии наук профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингского собрания Иоганом Ебергардом Фишером. СПб., 1774.

ЭВЕНКИЙСКИЙ КОСТЮМ – ТВОРЕНИЕ РУК ЧЕЛОВЕКА (на материале Этнографического музея народов Забайкалья)

Н.В. Монго
г. Улан-Удэ

Эвенки являются самым многочисленным и широко расселенным этносом из разряда малочисленных народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. В Восточной Сибири они издавна и традиционно населяют и северные районы Республики Бурятия – Баунтовский, Курумканский, Северо-Байкальский и Баргузинский. Численность эвенков в Республике Бурятия по переписи 2002 г. составляет 2334 человека.

В настоящее время быт эвенков сильно изменился: эвенки имеют современное жилье, дети посещают ясли-сад, получают образование в школах, институтах и т.д. Если в прошлом эвенки вели кочевой образ жизни, то сейчас они живут в республике оседло. Несмотря на это, многие из них продолжают заниматься традиционными промыслами – охотой, рыболовством и собирательством. В данное время уже нигде не увидишь эвенкийский чум, национальную одежду, предметы быта: поняги, вьючные сумы, берестяную утварь и т.д., – почти все заменено на современное. Сохранились только предметы, предназначенные для охоты, собирательства, рыболовства.

В Эвенкийском комплексе Этнографического музея с материальной и духовной культурой эвенков, их образом жизни знакомят посетителей экспозиции чумов и экспонаты. Бытовые предметы, одежда, различная берестяная и деревянная утварь, представленные в комплексе, были приобретены сотрудниками музея в ходе экспедиций в северные районы Бурятии, Читинской области, Красноярского края, где компактно проживают эвенки.

Наряду с другим, в музее хорошо представлена эвенкийская одежда, в том числе кафтаны, из-за особенностей покроя которых путешественники XVII–XIX столетий называли эвенков «аристократами Сибири».

Основным материалом для изготовления эвенкийской одежды служили шкуры дикого и домашнего оленя, лося и пушных зверей. На одежду брали разные по качеству оленьи шкуры, это зависело от сезона, в который забивается животное, а также от его возраста. Для верхней одежды использовали прочные осенние шкуры. Зимняя шкура была более мягкой и использовалась в основном для шитья спальных мешков, одеял, меховых чулок. Летняя шкура шла на изготовление ровдужной одежды и покрышек для чума. Зимнюю одежду эвенки шили мехом наружу. Для сшивания меха, ровдуги (выделанной шкуры оленя) женщины всегда использовали жильные нитки, которые вырезали из спины, с хребта или с ног убитого животного. Такие нитки были органичны при соединении со сшиваемым материалом. Мягкая эластичная жилка не резала мех, не рвалась и не перетиралась со временем, как обычные нитки, особенно на морозе. Кроме того, сухожильные нитки гарантировали водонепроницаемость при увлажнении. Они не перегнивали, не растягивались, а набухали, не давая влаге проходить сквозь шов. Эта особенность сухожильных ниток была особенно важна для пошива одежды и обуви, спасающей человека от излишней влаги.

Эвенкийская одежда была очень интересной и необычной по своему покрою, орнаменту, на что обращали внимание исследователи и путешественники. Например, А.Ф. Миддендорф описывает работу эвенкийских мастериц: «Едва горит огонек среди зимней полярной ночи, чад и дым вылетают из полусухого, гнилого топлива и затемняет свет в чуме. Слезы безостановочно струятся из воспаленных глаз, а женщина сидит лицом к огню, выкраивает лоскуток за лоскутком по красивому узору, сортирует волосы по цветам, прицепляет мелкие привесочки и кисточки, красит и шьет, сшивает и вышивает, нанизывает бисеринку за бисеринкой на самодельные нитки, которые она сумела расщепить и спрясть из сухих жилок северного оленя».

В эвенкийском комплексе представлена одежда нескольких типов. Среди них: шуба женская (*сун* эвенк.), сшитая из оленьей шкуры, воротник-стойка, длинная, ниже колен, распашная с ровдужными вязочками; полушубок женский короткий из меха тарбагана с отложным воротником, распашной на пуговицах; парка женская (*хэиммэ* эвенк) глухого покроя, одевающаяся через голову, длинная до колен. Эта праздничная парка, так как по подолу орнаментирована бордюром из кусочков шкур в виде треугольников, на груди имеется подвеска-украшение. Особо хочется отметить парку (*огдоко* эвенк.) красноярских эвенков, сшитую из оленьих шкур, прямую, короткую. Такую парку одевали при перекочевках, так как она была удобной и легкой. Особенность парки состоит в том, что к рукавам пришиты меховые рукавицы. На запястье на границе рукава имеются прорези для вытаскивания рук без снятия рукавиц, такие рукавицы были особенно удобны в обращении на охоте: при подготовке к стрельбе охотник мог быстро высвободить руки из одежды.

Эвенкийская одежда, как и у других народов, являлась отражением семейного положения человека. А.Ф. Анисимов писал: «Формы женской эвенкийской одежды: *дако* (по-видимому, от дакан, означающего по ряду говоров «ребенок») носили раньше девушки до перехода в категорию взрослых; *сигинами* (от сигин-ми «подсмотреть», «следить за кем-либо», «выслеживать») носили девушки, ставшие предметом внимания мужчин, невестами; *хорекоми* (от хорокон «игра», хоролго «глухариный и тетеревиный ток») был женским нарядом для игрищ-хороводов, известных в литературе под именем ехор и др.; *каира* (от каир «метка», «коза») носили замужние женщины до наступления старости; *хукмачан* - «одежда старух...» (Анисимов, 1939: 60–61).

Повседневная бытовая одежда несла на себе знаки родовых и половозрастных различий, таким образом, определялся социальный статус человека.

По раскрою мужская и женская одежда не различались. Единственное отличие – женская парка была длиннее и богаче украшена.

Наиболее устойчивым элементом материальной культуры остается меховая обувь. Самым распространенным и прочным материалом, используемым для пошива обуви является камус, т.е. шкура снятая с ног оленя, забитого в ноябре. Использование камуса – самой прочной части оленьей шкуры – делала обувь более ноской. По рассказам эвенков, при изготовлении обуви всегда обращали внимание на ворс – он должен быть ровным, гладким и направлен в одну сторону – сверху вниз. В этом был особый смысл – капли воды скатывались с меха, касаясь только кончиков волос. В противном случае в ворсе будет скапливаться влага и шкура загниет.

Сегодня в экспозиции Эвенкийского комплекса представлены разные типы традиционной обуви эвенков. Охотничьи унты с длинными голенищами выше колен (*эвэрил* эвенк.) использовались только во время езды на оленях. Есть еще разновидность зимней обуви – это унты с длинными голенищами (*бакари* эвенк.), сшитые из камуса оленя с коротким ворсом. Они были гораздо легче и использовались для охоты на зверя по глубокому снегу. Привязывали такую обувь ремешками к поясу, для удобства ношенияих обвязывали шнурками вокруг щиколотки и под коленями. Также имеются охотничьи унты (*хэмчуры* эвенк.) – короткие, ниже колен. Раньше такую обувь подшивали на щетку – (*хата* эвенк), взятую с нижней части ног оленя. Подошва такая была ноской и не скользила. Демисезонную обувь эвенков представляют *олочи* (от оломи бродить), это были своего рода бродни, они предназначались для ходьбы по рекам и озерам. Шили такую обувь из хорошо выделанной шкуры оленя. Имеется еще одна разновидность олочей – это высокие, выше колен, унты, сшитые из шкуры оленя мехом внутрь. По словам эвенков, такую обувь одевали в межсезонье. В прошлом различий между мужской и женской обувью не было, разве что в декоре. Эвенкийские мастерицы орнаментировали свои унты бисерными узорами, а мужские – мехом оленя в виде различных геометрических фигур.

Любую зимнюю обувь эвенки носили с меховыми чулками или носками (*катынчи* эвенк.), которые шили ворсом внутрь из стриженой зимней шкуры оленя. Между подошвой и чулком прокладывали стельки из высушенной травы.

В настоящее время эвенки богато украшают унты бисерными орнаментами, кожей, которые теперь широко распространены и у городского населения республики, так как они теплые, прочные и долгоносые.

Зимой незаменимыми в лесу были меховые рукавицы (*коколло* эвенк.), которые шили из разных шкур пушных зверей (зайца, белки и др.), но чаще всего из шкур оленя. В коллекции музея представлены два вида зимних рукавиц из оленьей шкуры: мехом внутрь и мехом наружу. По покрою они ничем не отличаются друг от друга. Особенность состоит в том, что меховые рукавицы в области запястья имеют поперечный вырез, что было необходимым для охотника-оленевода. Разрез делали для того, чтобы в зимние морозы в дороге можно было завязывать или развязывать ремень в упряжке или на охоте исправлять поставленные на мелких зверей ловушки. Такие рукавицы были удобны, в любое время их можно было снять и одеть, так как они висели на запястье руки и их невозможно было потерять. Также имеются ровдужные перчатки и рукавицы, которые с тыльной стороны богато украшали бисером растительными и геометрическими орнаментами.

Основным головным убором (*авун* эвенк.) эвенков был капор – мягкий головной убор, облегающий всю голову. В коллекции музея представлены эвенкийские капоры разных видов: есть демисезонные, сшитые из пыжика, то есть из шкурки погибшего новорожденного теленка, имеющей мягкий неплотный ворс разных оттенков, есть зимние, сшитые из шкуры оленя с большим ворсом. Капор сшит из 3-х частей: продольной, покрывающей теменную и затылочную части головы, и двух боковых, защищающих уши и щеки. Они плотно облегают голову, надежно закрывая лоб, затылок и уши от сильного ветра. Такие головные уборы были не только очень удобны в суровых условиях, но и нарядны. Капоры такого типа считались как мужским, так и

женским головным убором. Украшены капоры мехом пушных зверей (лисы, песца), обшиты меховой мозаикой и сукном.

Имеются в коллекции музея и необычные женские шапки из беличьего меха с длинными ушами, которыми в зимний период обматывали шею, такие шапки сшивались из четырех или шести клиньев.

Большой интерес представляет берет из цельного брюха шкуры гагары, который мужчины одевали на охоту на диких птиц в целях маскировки.

Также в экспозиции представлены различные по форме (детские и взрослые) шапки-ушанки, сшитые из разных шкур животных (белки, лисы, тарбагана).

В старину эвенки также носили зимние шарфы (*вачи* эвенк.), в экспозиции музея имеются образцы из беличьих хвостов. Они представляют собой ремешок, на который нанизаны половинки беличьих хвостов. Таким шарфом мужчины обвязывали шею, когда уходили на охоту.

Детская одежда и одежда для новорожденных детей в коллекции музея представлена слабо. Имеются только верхняя зимняя парка, шапочка, сшитая из беличьего меха, и унты для ребенка с 3-х лет. По свидетельству А.И. Мазина, «специальной детской одежды у эвенков-орочонов в конце XIX в. не было. Новорожденного заворачивали в одеяльце из выделанной заячьей шкурки. У зимней одежды рукава наглухо зашивались. Одежда была распашной, но полы запахивались. С 4–5-летнего возраста дети носили такую же одежду, как и взрослые» (Мазин, 2003: 31).

В настоящее время, не у всех групп эвенков можно встретить традиционную зимнюю одежду – обувь, шубы, парки, рукавицы и шапки. Чаще используются стилизованные ее разновидности. Бытует в основном промысловая одежда. Например, у иркутских эвенков это парки из собачьей шкуры и короткие унты (*хэмчуры*). А вот эвенки, проживающие на севере Саха-Якутии, до сих пор носят не только промысловую одежду, но и праздничную.

Актуальной задачей Этнографического музея народов Забайкалья было и остается сохранение и показ подрастающему поколению традиционной одежды, которую носили и сейчас еще носят эвенки.

Литература

Анисимов А.Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Л., 1939.
Мазин А.И., Мазин И.А. Материальная культура и хозяйство амурских эвенков. Благовещенск, 2003.

ФЛОРА МОНГОЛИИ – ИСТОЧНИК ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

Н. Мунхжаргал, Л.Н. Зибарева
г. Томск

Исторические данные и культурные памятники монгольского народа свидетельствуют о богатом наследии народной медицины монголов. Монгольская народная медицина имеет свои характерные особенности. Она относиться к числу одной из самых древних медицин, сохранивших свою самобытность. Об этом свидетельствует множество древних литературных источников монгольской народной медицины, которая накапливала веками опыт врачевания чисто эмпирическим путем и верила в материальную целебную силу окружающей природы. Особенно это касается лекарственных растений, ибо флора Монголии обильна и разнообразна, и на протяжении многих столетий служила источником лекарственного сырья не только для монгольской, но и тибетской и китайской медицины.

У монголов есть весьма интересная легенда о растении, называемом «жвачкой изюбра». Жители Хентейского и Восточного аймаков рассказывают, что изюбры осенью во время гона очень мало принимают корма, траву долго держат во рту и в конце концов выбрасывают. Если приготовить водный раствор этой травы, выброшенной изюбром, и выпить, то у человека значительно повышается жизненная сила организма, пробуждаются внутренние потенции, он чувствует прилив необыкновенной физической силы.

В то же время среди жителей гор Хангая и Алтая бытует поверье, что изюбры во время гона кормятся исключительно большеголовником одноцветковым (*Stemmacanta uniflorum*). Считают, что этот цветок обладает чудодейственной способностью укреплять организм, поддерживать его половую функцию, и на этой основе используют это растение в качестве лечебного средства. Поэтому это растение носит такое название «жвачка изюбра» (Хайдав, 1985: 54).

В настоящее время одной из актуальных задач фитохимии является выявление в мировой флоре новых растений-продуцентов биологически активных веществ, в частности экдистероидов. Диапазон их фармакологического действия изучен еще далеко не полностью. Известно, что экдистероиды обладают адаптогенным, тонизирующим, стимулирующим действием и проявляют анаболическую, гепапротекторную, гиполипидемическую, гипогликемическую, гемореологическую активности. Кроме того, они оказывают сильное регенерирующее и обезболивающее действие при глубоких ранах, язвах, ожогах и обморожениях. Также фитоэкдистероиды дали положительные результаты в травматологии, гинекологии, кардиологии, гематологии, дерматологии, стоматологии и при лечении язвенной болезни желудка (Дармограй, 2004: 111). Поэтому поиск экдистероидсодержащих видов растений очень актуален.

Маралий корень *(Stemmacanta carthamoides)* относится к тому же роду, что и большеголовник одноцветковый (жвачка изюбра, *Stemmacanta uniflorum*) и является богатым источником экдистероидов. В настоящее время установлено, что адаптоген-

ные, тонизирующие, анаболические свойства некоторых растений, в том числе и маральего корня, обусловлены наличием экдистероидов, в частности 20-гидроксиэкдизоном (20Е), на основе которого создан ряд препаратов: Экдистен, Betaoxytol, BPS, Ecdy-20, Ecdymax, EcdyVone, Серпистен и др.

Целью нашего исследования является поиск доступных и перспективных продуцентов ценных биологических активных веществ – фитоэкдистероидов во флоре Монголии. Впервые предпринято такое исследование, в котором проводится поиск источников экдистероидов в растениях Монголии. Нами был проведен скрининг на их присутствие 189 видов из 45 семейств, произрастающих на территории Монголии. Экдистероиды обнаружены в 14 видах. Новыми продуцентами экдистероидов оказались 5 видов: Смолевка ихебогдская (*Silene ichebogda*), смолевка монгольская (*Silene mongolica*), смолевка солнечная (*Silene aprica*), серпуха окаймленная (*Serratula marginata*), марь кустарниковая (*Chenopodium frutescens*). Наиболее высокое содержание 20-гидроксиэкдизон (20Е) обнаружено в следующих видах: большеголовник одноцветковый (1,3%), смолевка ползучая (*Silene repens)* (1,1%), смолевка енисейская (*S. jenissensis*) (0,9%), серпуха окаймленная (1,0%). Сравнение полученных данных по содержанию 20Е с литературными (Воробьева, 2004: 111–112; Ревина, 1988: 565–569; Зибарева, 2003: 45–53) свидетельствует о большем уровне в одноименных видах монгольского происхождения: *Stemmacanta uniflorum* 1,3 и 0,02–0,8; *Silene repens* 1,1 и 0,5; *S.jenissensis* 0,9 и 0,8; серпуха окаймленная 1 и 0,2% (соответственно).

По всей вероятности, изюбров привлекает высокое содержание экдистероидов большеголовника одноцветкового, которым они поддерживают себя в период гона

Таким образом, во флоре Монголии обнаружено в 14 видах синтезирующих ценные биологически активные вещества – экдистероиды. Пять видов впервые предложены в качестве источников этих соединений.

Литература

Воробьева А.Н. Таксономия и фитоэкдистероиды дальневосточных видов родов *Stemmacantha* Cass, *Serratula* L и *Saussurea* DC (*Asteraceae*): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Владивосток, 2004.

Дармограй В.Н., Серова Т.Г. Фитохимическое изучение растений рода *Oberna* adans. Семейство Caryophyllaceae Juss // Современные наукоемкие технологии. 2004. № 5.

Зибарева Л.Н и др. Распределение фитоэкдтстероидов в трибе Sileneae dumort. ctv. Caryophyllaceae // Раст. ресурсы. 2003. Вып. 3, т. 39.

Ревина Т.А., Ревушкин А.С., Ракитин А.В. Экдистероидсодержащие виды во флоре Горного Алтая // Раст. ресурсы. 1988. Вып. 4.

Хайдав Ц., Алтанчимэг Б., Варламова Т.С. Лекарственные растения в Монгольской медицине. Улан-Батор, 1985.

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ХАНТЫЙСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А.В. Новиков, А.А. Шиль
г. Новосибирск

Хантыйская коллекция, о которой пойдет речь в этом сообщении, является частью культурного наследия казымской группы северных хантов. Эта коллекция сформировалась в ходе археолого-этнографической экспедиции «Приобского отряда» под руководством А.В. Новикова в 2006 г. на территории пос. Юильск и близлежащих стойбищах (ХМАО, Белоярского района, р. Казым) и в том же году была передана Новосибирскому государственному краеведческому музею.

Задача данной работы – ввести в научный оборот новую коллекцию, представляющую несомненный интерес для этнографов, музееведов, истриков и краеведов.

В коллекцию 2006 г. входит 43 пердмета разной степеньи этнографической и историко-культурной значимости.

Для удобства в тексте описание коллекции разбито на части, части названы в соответствии с местами бытования (сбора) вещей.

I. Вещи, собранные на стойбище Молдановой Прасковьи Константиновны. Среди этих вещей мы выделили 2 подгруппы: изделия разных авторов и изделия с одного автора – Молдановой Татьяны Кириловны.

1. ***Изделия разных авторов.***

Детский тренировочный капкан-самострел. Деревянная конструкция состоит из двух направляющих со сквозными пазами скрепленных двумя поперечными планками с шиповым соединением, которое зафиксировано нагелем только на передней части. Роль пружины в этом капкане играет лук, закрепленный на направляющих. Роль захлопывающегося и удерживающего механизма играет деревянная «стрела» с поперечным ограничителем. Через отверстие на конце стрелы пропущена тетива. На капкане вырезаны инициалы владельца МАГ – Молданов Алексей (Григорьевич, Георгиевич?) Автор изделия не установлен. Датировка изделия 1990-е гг. Даритель – Гарипова Прасковья Константиновна – является тетей владельца изделия.

Черпак деревянный. Вырезан из цельного куска дерева. Чаша лопато-образная, не глубокая, ручка слегка изогнутая с утолщением на конце. Датировка изделия 1990-е гг.

Лопатка кухонная плоская. Вырезана из цельного куска дерева. Ручка с утолщением на конце. Датировка изделия 1990-е гг.

Лопатка кухонная выгнутая. Вырезана из цельного куска дерева. Сама лопатка изогнута, ручка с утолщением, имеющем прорезь, для того, чтобы ее можно было подвесить. Датировка изделия 1990-е гг.

Нож с ножнами. Ручка ножа изготовлена из березового нароста – капа, лезвие металлическое узкое. Ножны вырезаны из цельного куска древесины: сначала делалась форма, дальше выбиралось пространство под лезвие и рукоять (у хантыйских ножей рукоять обычно частично погружена в ножны, так же как на этом примере), так

на ножнах остается длинная узкая дыра. Крепятся ножны к поясу на кожаный шнур. Автор не установлен. Датировка 1980-е гг.

«Нож в ножнах» – детская игрушка. Вырезана из цельного куска дерева. Имитирует хантыйский охотничий нож в ножнах. Крепления к поясу сделаны из кожи и пластиковых колец. Датировка изделия 1980-е гг.

Подвязки для мужских кисов. Подвязки сплетены из ниток разных цветов: серого, красного, синего, которые переплетаясь образуют орнамент. На концах подвязок расположены пышные кисточки. Автор Молданов Олег Георгиевич (3 марта 1971 г.). Датировка изделия 1990-е гг. Даритель – Гарипова Прасковья Константиновна – является сестрой автора изделия.

2. ***Изделия Молдановой Татьяны Кирилловны*** (10 мая 1929–2004 гг.). Даритель – Гарипова Прасковья Константиновна – является дочерью автора изделий.

Пояс для малицы. Сшит из двух полос драпа разного цвета – красного и синего, стежки вышивки с обратной стороны закрыты черной тканью. На одном конце пояса металлическое полукольцо, на другом свободно свисающие остатки синего и красного драпа, несущие декоративный характер и кожаные полоски, играющие в сочетании с металлическим полукольцом роль крепежа. Орнамент – «печ ох» – головка пениса располагается по всей длине и мотив «заячьи уши» только у металлического кольца. Орнамент вышит бисером и имитацией бисера (нарезанная цветная изоляция от электропроводов). Орнамент, как видно, когда-то был сорван в некоторых местах и восстановлен уже не так умело. Пояс порядком изношен, орнамент выцвел. Датировка изделия 1960-е гг.

Женские кисы. Высокая (до колена) зимняя, меховая обувь с мягкой подошвой и кожаными подвязками. Чуть выше взъема нашит орнамент из цветного драпа. Датировка изделия 1990-е гг.

Мужские кисы. Высокая (до колена) зимняя, меховая обувь с мягкой подошвой и кожаными подвязками. Чуть ниже колена нашит орнамент из цветного драпа. Датировка изделия 1990-е гг.

Внутренние чулки от мужских кисов. Чулок сложного кроя сделанный специально по ноге носящего, сверху зеленый, подошва черная. Датировка изделия 1990-е гг.

Меховая деталь от сумки. Сшита из белого и коричневого меха, нитками из оленьих или лосиных сухожилий. На этой детали изображен зооморфный орнамент – медведь. Датировка изделия 1990-е гг. (?)).

Девичий халатик голубой. Сшит из голубого ситца с обильной орнаментацией по подолу, рукавам, плечам и возле застежек. Кроме аппликаций по самому краю подола и возле застежек проходит полоса, вышитая цветным бисером. Датировка изделия 1960-е гг.

Девичий халатик розовый. Сшит из розового ситца с обильной орнаментацией по подолу, рукавам, плечам и возле застежек. Датировка изделия 1970–1980-е гг.

Зеленое женское платье. Сшито из зеленой ткани с готовым орнаментом, отделано ручным орнаментом из синего и красного ситца, по подолу и рукавам расшито цветным бисером. Датировка изделия 1960–80-е гг.

Желтое женское платье. Сшито из желтой ткани, отделано набивным орнаментом из белого и красного ситца, по подолу и рукавам расшито цветным бисером. Датировка изделия 1960–1980-е гг.

Розовое женское платье. Сшито из розовой ткани, отделано набивным орнаментом из белого и синего ситца, по подолу и рукавам расшито цветным бисером. Датировка изделия 1960–1980-е гг.

Платок женский. Сшит из 3-х кусков хлопка с разным рисунком. В центре клетчатый и цветочный (маленький кусочек в углу), окаймлен полосой красного шириной 12 см. Датировка изделия 1990-ые гг. (?)).

Шуба меховая зимняя девичья («сах»-хант.). Шуба имеет 2 слоя (мехом и внутрь и наружу), причем, внутри использован зимний мех, а снаружи – летний. Сшита нитками из оленьих и лосиных сухожилий, отделана орнаментами из меховой мозаики, комбинированной с полосками синего и красного драпа (орнаменты). Датировка изделия 1970-е гг. (?)).

Берестяной туесок для сбора ягод («хинт»-хант). Подквадратной формы с овальным верхом. Сам туес скроен из двух прямоугольных пластов бересты: большего, из которого сделана основная часть, и меньшего (полосы – горла), швы по бокам и само горло оформлены с деревянными прутами, несущими функцию каркаса конструкции и являющиеся ребрами жесткости. Зооморфный орнамент – 2 оленя. Датировка изделия 1960-е гг. (?).

II. Вещи из дома Тарлиной Кристины Михайловны (1908–1978 (?)). Поселок Юильск. Все вещи длительное время не использовались, найдены были на чердаке и в жилом помещении. Даритель – Гарипова Прасковья Константиновна, является родственницей бывшей владелице дома, которая покончила жизнь самоубийством около 30 лет назад, все это время дом пустовал. Среди этих вещей мы выделили 2 подгруппы: изделия с одним предполагаемым автором – Тарлина Кристина Михайловна и изделия разных авторов.

1. ***Вещи, автором которых предположительно является Тарлина Кристина Михайловна.***

Люлька детская дневная. Корытообразной формы с прямой плоской спинкой, имеющей закругленный верх. Изготовлена из пластов бересты в 2 слоя. Между собой слои скреплены с помощью ивовых прутьев и ниток из оленьих сухожилий. Кроме того эти пруты играют роль ребер жесткости и окантовки конструкции. Сзади люльки вшита кожаная петля, через которую продета толстая веревка – фал, спереди он связан другой веревкой, продетой через деревянную окантовку. В передней части люльки через деревянную окантовку продет кожаный ремешок. Практически вся поверхность люльки, кроме дна покрыта орнаментами. Внутри остатки полуистлевшей ткани, кусочки меха и кожи, опилки – возможно использовавшиеся в качестве подстилки для младенца. Датировка изделия 1930-е гг.

Люлька детская дневная. Корытообразной формы с прямой плоской спинкой имеющей закругленный верх. Изготовлена из пластов бересты в 2 слоя. Между собой слои скреплены с помощью деревянных прутьев и ниток из оленьих сухожилий. Кроме того эти деревянные пруты играют роль ребер жесткости и окантовки конструкции. Сзади и спереди люльки вшита кожаная петля. Практически вся поверхность

люльки, кроме дна покрыта орнаментами. Внутри опилки – возможно использовавшиеся в качестве подстилки для младенца. К краям люльки с внутренней стороны прикреплены куски кожи и кожаных ремешков, возможно люлька имела двойное дно, одним из которых являлась сетка из кожаных ремешков, под ним и могли лежать опилки. Датировка изделия 1930-е гг.

Люлька детская ночная. Корытообразной формы с прямой плоской спинкой имеющей закругленный верх. Изготовлена из пластов бересты в 2 слоя. Между собой слои скреплены с помощью деревянных прутьев и ниток из оленьих сухожилий. Кроме того эти пруты играют роль ребер жесткости и окантовки конструкции. Внутри опилки – возможно использовавшиеся в качестве подстилки для младенца. К краям люльки с внутренней стороны прикреплена ткань и тканевые полоски, возможно люлька имела двойное дно, одним из которых являлась сетка из тканевых полосок, под ним лежит берестяной поддон с мелкими слипшимися опилками. Датировка изделия 1930-е гг.

Носки вязанные. Из купленной пряжи серого, черного и белого цветов, причем, нижняя часть носка связана в 2 нити: серой и черной, а верхняя из серой с белыми орнаментами. Верхняя часть носка оформлена вязаной резинкой. Растительный орнамент, скорее всего заимствованный. Датировка изделия 1960-е гг. (?).

Пояс для женского платья. Пояс сплетен из ниток зеленого и коричневого цветов, переплетаясь, они образуют орнамент. На концах пояса расположены пышные кисточки. Датировка изделия 1960-е гг. (?).

2. ***Вещи, автор которых не известен.***

Меха кузнечные (2 шт.). Каплеобразная форма с немного вытянутым отверстием для выдувания. Состоят из двух деревянных пластин с небольшими ручками на концах (в ручках есть отверстия), в одной из пластин сделано отверстие с язычком для поступления воздуха в меха. Между пластинами закреплена кожа с помощью клея из рогов молодых оленей и специальных деревянных гвоздиков.

Черпак деревянный малый. Черпак вырезан из цельного куска дерева. Чаша лопатообразная, не глубокая, ручка слегка изогнутая, с утолщением на конце. Датировка изделия 1930-е гг. (?).

Черпак деревянный большой. Черпак вырезан из цельного куска дерева. Чаша лопатообразная, не глубокая, ручка слегка изогнутая. Датировка изделия 1930-е гг. (?).

Грузила рыболовные круглые (2 шт.). Грузила сделаны из тальника согнутого кольцом, скрепленного кедровым корнем и имеющее металлическое утяжеление в середине (кусок чугуна). Датировка изделия 1930-ые г. (?).

«Солонка». Пустотелое деревянное изделие шарообразное формы с горлышком. Покрыто росписью и лаком. Данное деревянное изделие заводского происхождения использовалось в качестве наконечника для хорея. 1960-ые г.(?).

Несколько фрагментов оленей упряжи. Удила состоят из костяных деталей соединенных кожаными ремнями и плетеными веревками.

Удила кольчатые. Удила металлические, кованые с кожаными ремешками.

Металлическое изделие (возможно заготовка). Вырезано из цельного листа металла, изделие изогнуто и имеет зубчики, загнутые с одного конца.

III. Вещи со стойбища Молданова Алексея Васильевича.

Деревянное резное панно. На левой части панно изображен летящий над лесом глухарь, справа бревенчатый дом под деревом, чуть выше дома расположен месяц и звезды, две эти композиции разделены небольшими изображениями деревьев, причем композиция с домиком окантована декоративными полями в виде треугольников или зигзага. Было найдено в куче мусора под «пупинурум» – хант. – медвежья лавка (специальное обрядовое сооружение). Даритель – Федор Алексеевич Молданов, приходящийся сыном владельцу стойбища (ныне покойному). Датировка изделия – 1990-е гг.

Переданная нами в музей хантыйская коллекция насчитывает 43 предмета. Среди них есть довольно интересные экспонаты, которые отметили сотрудники музея: изделия из меха (детская шуба, меховые сапоги), кузнечные меха, детские игрушки («нож в ножнах»), детский тренировочный самострел, деревянное резное панно (не характерная вещь для этого народа). Коллекция стала серьезным пополнением этнографического собрания музея, а после выхода в свет данной статьи станет информационно доступной для широкой исследовательской аудитории.

Литература

Бауло А.В., Федорова Н.В. Казымская богиня // Легенды Казыма. 2005.

Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов. Томск, 1979.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюгано-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1977.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск: Наука, 1992.

Молданова Т.А. Стилизованные изображения в орнаменте хантов р. Казым.// Орнамент народов Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1992.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: ТГУ, 1999.

Молданов Т. А., Молданова Т.А. Боги земли Казымской. Томск: Изд-во ТГУ, 2000.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953.

Сязи А.М. Декоративно-прикладное искусство хантов нижней оби. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1995.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТЫ ЕНИСЕЙЦЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЛИНГВО-ЭТНОГЕНЕЗА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА, МИФОЛОГИИ И ЛИНГВОАРХЕОЛОГИИ

М.В. Филимонов
г. Томск

Данная работа является прямым продолжением двух предшествующих публикаций автора по данной проблематике (Филимонов, 1999; Филимонов, 2007). В последние годы в енисеистике произошли важные события: 1) опубликован в Германии большой трехтомный этимологический словарь Г.К. Вернера (Werner, 2002), являющийся очень важным дополнением к уже устаревшим этимологическим исследованиям С.А. Старостина (Старостин, 1982; Старостин, 1995); 2) изданы две книги Г.К. Вернера (Werner, 2006; Werner, 2007), посвященные мировоззрению древних енисейцев на фоне широких внешних лингвистических и этногенетических связей енисейских языков и народов (особенно проблеме тенгризма в картине мира древних енисейцев); 3) за этот же период времени автор настоящего исследования опубликовал серию работ, обосновывающих енисейско-шумерское генетическое родство (Филимонов, 1987; Филимонов, 1999; Филимонов, 2000а; Филимонов, 2001а; Филимонов, 2001б; Филимонов, 2001), а также несколько исследований, посвященных генетическим связям енисейских и ительменских языков (Филимонов, 2000; Филимонов, 2003а; Филимонов, 2003; Филимонов, 2005а; Филимонов, 2005) (в них аргументируется родство ительменской группы с каким-то мертвым южно-енисейским языком, предположительно очень близкого языку парааринопумпокольского типа). Именно привлечение данных шумерского и ительменского языков часто позволяет хорошо аргументировать большую древность енисейских языковых и культовых реалий, поскольку южно-енисейские языки (аринский, ассанский, коттский, пумпокольский) документированы слабо, а кетский и югский утратили многие древние культурные реалии в условиях Приполярья под влиянием иноязычных субстратов и народов Севера: самодийских, эвенкийского и т.д. При реконструкции древних праенисейских культов также важно учитывать все имеющиеся этнографические данные по кетам и югам, особенно материалы по фольклору, шаманству и древним религиозным и мифологическим представлениям, в которых сохранилось еще довольно много архаических черт в виде рудиментов культуры. Здесь особенно важно отметить ряд исследований Е.А. Алексеенко, в которых помимо материалов автора, как правило, обобщается материал других исследователей кетов (В.И. Анучина, К. Доннера, Р. Николаева, Е.А. Крейновича и др.) (Алексеенко, 1960; Алексеенко, 1967; Алексеенко, 1976; Алексеенко, 1977; Алексеенко, 1981; Алексеенко, 2005). Для решения поставленных в данном исследовании задач огромную эвристическую ценность представляет привлечение материалов археологических культур Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Среднего Востока (кулайская, пазырыкская, сюннуская, тагарская, карасукская, анаубактрийская), которые, по мнению автора, принадлежали енисейскоязычным народам-этносам. Этот археологический материал в сочетании с данными

шумерской религии и мифологии позволяет нередко найти объяснение многим «темным» в этимологическом отношении фактам енисейских языков.

В данной работе праенисейский (Е) и шумерский (Ш) даются в латинской транскрипции, остальной материал – в русской.

Ранее автор (Филимонов, 1999а; Филимонов, 2007) уже рассматривал культы медведя, орла, змеи, козы, оленя (быка/хора), жабы/лягушки, стрекозы, гуся, а также огня/очага, тесно связанного с культом Матери-прародительницы и культами предков и рода. Автор в качестве объекта культового почитания считает не только то, чему можно приносить жертвы, поклоняться, соблюдая определенные ритуальные правила, обрядовые традиции и т.д., но и концепты/идеи, вызывающие уважение, почитание у носителей рода/народа/этноса, например культ рода/родовой принадлежности/«своего» (не чужого), что хорошо подтверждается данными языка и фольклора. В языке и культуре енисейских народов просматриваются следы следующих древних культов.

Культы животных

Культ медведя. В дополнение к уже опубликованному материалу по культу медведя у праенисейцев можно привести еще следующие факты. 1. Кот. шай-анг «медведь» (анг – суф. родовой принадлежности, по мнению автора, связанный с Е ⊃ŋ/uŋ/∂ŋ «род, сидящий», Ш uŋu «род, народ») может отражать древний Е корень *č∂r'/č⊃r'*, который возможно связан с Ш nir «хозяин», «господин», «владетель» (следствие очень древней табуистической номинации медведя, возможно еще в эпоху неолита; звукосоответствия Ш «n» – Е «č-», Ш «r» – Е «r'», Ш «i» – Е «⊃», Ш «i» – Е «∂» – регулярны (Филимонов, 2001: 133–135; Филимонов, 2001б: 142–144). 2. Одно из енисейских названий медведя в пумп. ханки (буквально: «медведик», Е ki? «новый, молодой; деминут. суф.», ср. ар. уш-ке «козел», буквально: «козлик») связано с кетским кэн-д-елок «медеведеподобное существо» – помощник шамана, кет. кэндэлок разновидность шамана – сфера действия «наверху», рядом с мифической птицей даГ (также и разновидность шамана, сфера действия которого – второй ярус верхнего мира, выше этой категории шаманов только «дунд» – шаманы (стрекозы)) имеет облик медведя. Это наводит на мысль, что здесь отражены реликты культа высокогорного медведя/гризли/йети (регионы Тянь-шаня, Гималаев/Памира/Центральной Азии), поскольку именно этот тип медведя обитает в одной (или очень близкой) экологической нише с горными орлами и грифами. Само слово кет. даГ связано с кот. таге/таке «орел» и обозначало в праязыке грифа в отличие от другой енисейской лексемы di? «орел» в кет. ди?, юг. ди?, Ш TI. Этот термин заимствован селькупами у енисейских народов.

Культ собаки. Рудименты этого культа (или во всяком случае особого былого сакрального уважения) просматриваются в некоторых старинных кетских обычаях/запретах в отношении поведения беременных кеток: нельзя переступать через лежащую собаку – ребенок родится с собачьей шерстью; нельзя бить собаку, особенно по морде – ребенок родится с синяками и т.д. Это наводит на мысль о связи (очень древней генетической) с некоторыми реалиями шумерской культуры, в которой собака была священным животным, хранителем в храме богини Гулы – шумерской богини

врачевания. В древнем Египте, напротив, хранителем жизни и здоровья маленького ребенка считалась кошка. По способу образования формы множественного числа слово «собака» входит в группу экспрессивного отношения (так же, как и «дети», «козы») при помощи чередования тонов: 1-го (в единственном числе) и 2-го (во множественном числе), ср. юг. чип «собака» – ча?п «собаки» (? – признак 2-го тона).

Культ красного волка. Одно из енисейских названий волка qɔ?t в ky:т, кур. ky:ти, юг. хыт/хы:т, мн. ч.: кет. kΛтн, юг. хΛтн/хытн; пump. хоту, ар. ку:т/кот/kут, ит кытаю «волк» явно связано с Е qɔ?t «жечь, гореть, огонь, очаг» в кет. qɔт, юг. хɔ?т «жечь», ар. ко:т/кот/kотт/кот, асс., кот. hат «огонь» и Е qɔ?d «жечь, гореть, светлый» в кет. kΛддут/kɔддут, юг. хΛд-дут «сверло», буквально: «огненное шило», кет. kΛр'енг, бак., сург. kΛдɔнг «луч». Исторически данное обозначение волка в енисейских языках могло развиться из названия «красный волк», что вызвано красной, огненной расцветкой этого животного. Красные волки как редкий вид еще встречаются на Алтае, в Казахстане, Средней и Центральной Азии (регионы древней енисейской топонимики). В древности этот вид был распространен более широко. В анаубактрийской культуре существовал культ красного волка, так как обнаружена голова этого животного, выполненная из чистого золота (Массон, 1989: 172), что свидетельствует о культовом статусе этого животного (так же как и золотая голова быка с лунообразной инкрустацией – свидетельство лунарного культа типа шумерского бога Нанна в образе огненного быка).

Культ бобра. Обращает на себя внимание обилие подставных имен для обозначения этого животного в енисейских языках: 1) сург. син «бобр» явно связано с Е sin «водный источник, «родник» в кет. с'инл', юг. синыр «полынья», кот. шинанг «родник»; 2) кет. л'а?т «бобр» скорее всего связано с топоформантом -лат в названиях рек Западной Сибири; исходное значение было, скорее всего, «вода, река»; 3) во многих енисейских языках бобр обозначается как «водяной зверек/грызун/мышь и т.д., ср. ар. кур-пяс «бобр» (кур «вода, водяной» + пяс из Е be?s «грызун, заяц», юг. бе?с «заяц», Ш peš «мышь, грызун»); кот. ур-ше/ур-шä «бобр» (ур «вода, водяной» + ше/шä «мелкий хищник, грызун», связано с Ш sa «кот»; на наш взгляд, кот. компонент -ше/шä нельзя считать предикативным или посессивно-предикативным формантом, тогда были бы варианты ше/ши/ш в кот., как в случае кот. камур-ше/камур-ши/камур-ш «соболь» при ит. (скорее вит.) кымхым «соболь» (редуплдикация), корень кам/кым обозначал, скорее всего, «мех, шерсть, шкурка», а компонент -ур связан с Е ɔr «оболочка» как в Е bulɔr «чулок» при Е bul «нога», Ш mul «основание», букв. «нога» (чего-то). Очень интересна кетская фамилия Латиков, которая, скорее всего, связана с кет. л'а?т «бобр»; возможно это потомки древнего рода бобра у кетов и югов. В древности до иссушения климата бобр был широко распространен как вид во многих регионах Сибири, средней и Центральной Азии. Отметим еще лексическую параллель: ит. (вит.) кайку «бобры» и кот. ка?ир/кайер «бобровая течка» (компонент -ер связан с кет. елат «месячные»).

Культ кошки. В современных енисейских языках используются заимствования из русского «кот», «кошка». Соответственно не прослеживаются в этнографии кетов следы этого культа. Однако есть некоторые языковые косвенные аргументы, свиде-

тельствующие о существовании этого культа в глубокой древности. Выше уже отмечалось, что в кот. ур-ше/ур-шӓ «бобр», компонент -ше/шӓ не может быть предикативным суффиксом по фонетическим причинам, а скорее всего, представляет особую древнюю енис. лексему со значением «зверек; мелкий хищник, грызун» и связан с Ш sa «кот». Таким образом, древнее слово «кот» могло использоваться для обозначения мелких зверей вообще. Не исключено, что это же слово сохранилось и в ит. ча-кол «голова зверя» в форме ча- (звукосоответствие Е s- – ит. «č-» регулярно), компонент – кол в ит. слове, скорее всего, связан с ар., пумп. кол-ка «голова» (ка – суф. частей тела в енис. языках), Ш ŋalga «разум»; совет, собрание». Таким образом, с учетом ит. данных, этот корень мог обозначать *всех зверей* вообще, что свидетельствует об особой культовой роли кошки у древних енисейцев и центрально-азиатских предков ительмен. Отметим еще, что изображения кошки часто встречаются в древних культах Южной Сибири, Алтая, Центральной Азии (пазырыкская, сюннуская, большеченская и т.д.). Отметим еще компонент -че/-ше в ар. та:м-ше, кот. тем-че/там-ше «заяц», букв. «пушок-зверек» (?) (компонент тем, скорее всего, связан с пумп. тиимен «шерсть, мех, пух», ср. ит. тыммы «росомахи»), кот. компонент тем-, скорее всего не связан с кот. the:гам/the:кам/текам «белый».

Культ лебедя. Енисейское название лебедя či:ki/či:gi в ю.-имб. ти:γ, с.-имб. ти:γ*д*, юг. чи:к, кот. ши:ги «лебедь» связано с енисейским обозначением змеи čih:ki/čih:gi в кет., ю.-имб. тиγ, с.-имб. ти:γ*д*, юг. чиh:к «змея», ар. сека «гадина». Номинация осуществлена опрощением тона, изъятием фарингального звука. Интересны следующие этнографические материалы по культу лебедя у древних кетов и югов: 1) у кетов существует «шаманский» обряд встречи первого весеннего лебедя – символа весеннего обновления и новой жизненной силы, окончания наиболее трудного (зимнего) периода (Алексеенко, 1967: 173); 2) в легендарное время в образе лебедя (а также стрекозы и шмеля) возвращались большие шаманы, улетавшие к Томам на зиму; 3) в образе лебедя (а также стрекозы и шмеля) улетали на юг и шаманы дунд; 4) у кетов существовал запрет убивать лебедей (а также орлов и гагару); нарушивший этот запрет мог заболеть и умереть. Культовое отношение к лебедю существовало и у других енисейских народов. Аринское название лебедя камешел можно буквально перевести как «волшебная птица»: Е к*д*м «колдовать, делать фокусы, колдовской, волшебный» + ар. ишил/ишила «птица» (сохранилось в производных словах ишилакейчи «гнездо», ишиля-келя «цыпленок»).

Культ журавля/фантастического летящего существа. 1. У кетов журавль в шаманизме мог быть привлечен в лечебных целях для извлечения вредоносных предметов из организма человека. 2. Одно из кот. названий журавля ими связано с ар. кем «журавль» и с пумп. хам «гусь» (< *hам, описка) (звукосоответствие ар. к-/0-, пумп. h-/0-, остальные 0- – в енисеистике хорошо известно), а также с кет.: ю.-имб. эм, с.-имб. э:ме, юг. э:hм «белка-летяга». Можно считать исходным значением данного слова «фантастическое летящее существо», «фантастическая птица» с дальнейшей специализацией. Интересно отметить шор. кам-куш «белка-летяга» (Э.Ф. Чиспияков считал это слово кетизмом (Чиспияков, 1976: 76)). Если это так, то слово явно заимствовано из источника аринского происхождения, это диагностируется фонологически, именно в ар. присутствует «к-» при отсутствии этого звука в других енис. языках. Тогда в ар.

языке существовали корни кем «журавль» и *кам «белка-летяга» и они могли контаминировать в сознании носителей языка и порождать в изобразительной деятельности фантастические образы, гибридные художественные решения. В кулайском литье, изготовленном методом скелетирования встречается много художественных изделий древовидной формы с птичьими головами. Обычно их трактуют (по назначению) как символы плодородия/изобилия (Полосьмак, Шумакова, 1991: 56–60). На некоторых изделиях на наш взгляд, скелетированное изображение крыльев можно осмыслить и как скелетированное изображение перепонок (белки-летяги/летучей мыши?).

Культ летучей мыши. Во всех енисейских языках обозначения летучей мыши содержат компонент со значением «дух, черт»: кет. сак-доос «летучая мышь», буквально: «белка-черт» (кет. Дос'с'ет «черт», кет. досн – духи – хозяева-покровители отдельных мест); кот., асс. тага-ла «летучая мышь», буквально: «летучий дух/черт» (Е do?q «летать, прыгать» + Е лɔ?-с/лɔ? «дух, черт» (с – суф. ед.ч.) в пумп. лоуссинг «черт» (форма мн. ч.), кот. hапа-ла-ш, мн. ч. hапа-ла-тн «сыч домовой», буквально: «домовой дух/покровитель»; ар. сай-пич «летучая мышь», буквально: «ночная мышь/грызун», можно перевести и как «ночной дух/черт»; Е be?s «заяц, грызун», Ш реš «мышь, грызун» и Е bes/bɗs «дух, черт, идол» (ср. кот. ал-пеш «чудо») могут отражаться в ар. как омонимы). Наличие явных следов культового отношения к летучей мыши во всех енисейских языках позволяет спроецировать институт бангосей (кетских черных шаманов фактически, сфера их действия – нижний мир) в праенисейское время, поскольку летучая мышь – помощник колдуна (бангося); чтобы стать бангосем нужно было съесть сушеную летучую мышь (или сушеную змею по другой версии).

Культ пчелы (шмеля). Следы данного культа прослеживаются в рудиментарной форме только в материалах по кетскому шаманству. Интересны следующие факты: 1) в легендарное время большие (великие) кетские шаманы улетали на юг в образе шмелей (а также лебедей и стрекоз) в зимний период к Томам; 2) кетские шаманы дун'д («стрекозы» – высшая категория кетских шаманов) так же улетали на юг в зимний период к Томам (кетская богиня теплых краев, юга, весны) в образе шмелей (а также лебедей); 3) у кетских шаманов каймок «шмель» – помощник высокого ранга.

Культ паука/паучихи. Юг. элым/эллым, кет. элы:м «паук, мезгирь» можно рассматривать как сложение Е e?l/el/il/i?l «прясть, ткать, вязать» (ср. кет. кΛ-ил' «клубок») + Е qɗm «женщина», буквально: «ткущая, вяжущая женщина» (реликты культа паучихи – покровительницы ткачества; аналоги – в древней Греции Арахна, в Шумере – Утту). Слово паук в енисейских языках – женского рода. В древности молодые девушки ценились за умение шить, современные молодые кетки ценятся за умение шить тиски. Об исключительно важной роли ткачества у древних енисейцев свидетельствуют следующие факты: 1) кот. урум «сукно», видимо, связано с Ш urum «собственность»; 2) Е kɗn/gɗn «шерсть, мех» (слово-классификатор в кот. д'о:рган «покрывало», асс. тора-ген «платье», Е džɗp-kɗn «сукно») могло также значить и собственность в кот. куи-кан «скупой» (компонент куи- связан с кет. qoj «хотеть, желать» (> «стяжать»)), кот. мункан «бедный» (мун- из Е bɗn «нет»).

Культ налима. Культ налима был характерен для всех кетских групп в XIX веке, он выражался в ряде предписаний и запретов (Алексеенко, 1967: 172). Следы культа налима сохранились и в пазырыкской культуре (Полосьмак, 1994: 45–47; 90–

93). В этой же монографии приведен и значительный типологический материал по этнографии и древнему искусству Центральной Азии и Южной Сибири.

Культ гагары. У кетов был запрет убивать гагару (а также лебедя и орла) (Алексеенко, 1967, 1967: 172). Весьма вероятно, что гагара была тотемным животным у некоторых групп енисейцев. В пользу этого свидетельствует совпадение этнонимов Южной Сибири раннего средневековья бице-бике, бикины с енис названием гагары в кет. би:т, мн. ч. би:кнг, юг. бит', мн. ч. бикнг. Отметим еще явную связь с вит. бееч «гагара», мн. ч. беед (ч – суф. ед. ч.; д – суф. мн. ч.). Наличие ительменских параллелей указывает на значительную древность этого культа у енисейских групп.

Культ филина/совы. Интересны следующие языковые факты. 1. Кот. hапа-лаш, мн. ч. hапа-ла-тн «сыч домовой» (Е qар «дом») содержит компонент ла-ш (ш – суф. ед. ч.) явно связанный с Е ⊏-s «дух, черт» в пумп. лоуссинг «черт», кот., асс. ла в тага-ла «летучая мышь») и, следовательно, букв. означал «домашний дух» («домашний покровитель»?). 2. Енисейское название совы/филина ру?-j/ри?-j в ар. п'ие «сова», асс. кенга-фуй «сова» (компонент кенга <Е kah:ŋ∂ «коршун; крупная хищная птица»: к роду kah:ŋ∂ кеты относят орла, коршуна, птицу даГ, ястреба, филина и иногда дятла), ен.-ост. пый, hы?/hуй, hы?й, юг. фы?й «филин» возможно связано этимологически (через чередование тонов) с Е обозначением «живота, брюха, освоенного пространства, вместилища ри-j/ру-j в асс. пуй «брюхо», кет. hы:й, юг. фый «живот», кот. фу:й/фуй/пhуй «нутро». В древности филин, возможно, символизировал освоенное пространство рода/социума как тотем. Изображения филина распространены во многих культурах Южной Сибири и Центральной Азии. Как объект почитания широко распространен по всей Евразии от Атлантики до Тихого океана у многих народов.

Культ зайца – символа плодовитости (так же как и жаба/лягушка на Среднем Востоке), возможно, существовал в глубокой древности. У кетов сохранилось много обычаев, связанных с рождением ребенка: 1) новорожденному в качестве подстилки использовалась мягко выделанная шкурка зайца; 2) одежда для маленьких детей – бесем (кет. бе?с «заяц») «заячья одежда»; 3) слово бесем означало также и «душу» ребенка, синонимично слову атпей/атп∂д «душа (взрослого человека)».

Скорпион/могильный паук. 1. В древних культурах Месопотамии часто встречаются изображения человека-скорпиона (телль-Самарра, например), что может свидетельствовать о древнем культовом отношении к этому представителю животного мира, например, о родстве человека с ним. Часты также изображения человека-быка и человеко-птицы. 2. У селькупов существует интересное представление. Душа кедо после смерти уходит с трупом в могилу. Кедо остается в голове покойного, пока труп не сгниет. Затем кэдо превращается в паука и остается в земле. 3. У кетов одно из названий паука в кет. ⊃лднг-гдс/о:лунг-гус/о:лынгас можно осмыслить буквально как «могильный дух»: Е ol «могила» (в кот. ол «могила», мн. ч. оланг) + Е gu?us/ku?us «дух, идол». И скорпион, и паук связаны с нижним миром. Можно предположить, что исторически в новых экологических условиях культ скорпиона трансформировался в культ могильного паука у части енисейцев. Явление реинкарнации вообще характерно для тех животных, которые являются культовыми (см. например культ медведя (человек после смерти у кетов возрождается в медведе или растении)).

Весьма вероятно, что в древности у енисейцев были и другие культы (мышь, кабан, тигр, леопард, барс, слон и т.д., но они не сохранились, были утрачены в новых экологических и экономических условиях, а также как следствие сильных этногенетических трансформаций).

Тенгризм и астральные культы

Тенгризм. Под тенгризмом в данной работе понимается в самом общем виде сакральное, культовое отношение к верхнему миру, небу, миру, где обитают боги (иногда тенгризм включает культы высоких гор, грома и грозы, небесной воды (в очень засушливых регионах)). Идеология тенгризма складывается, как правило, в тех случаях, когда в основе мировоззрения народа лежит представление о структуре окружающей природы как состоящей из трех миров: верхнего (мира богов) – высшего, среднего (мир людей), нижнего (подземный мир + иногда подводный) (мир мертвых, смерти, хтонических существ, чудовищ, царство мрака и холода). Кетам и югам это представление свойственно, оно является центральным в мировоззрении кетов и югов, в их космогонии. Тенгризм, характерный для многих народов древности, возник, видимо, не позднее неолита, а может и раньше. Как следствие тенгризма для языка характерно соотношение в семантике: «верх» – «небо» – «бог» (Пурал. num) или же бог небесного небосвода является главным в пантеоне (так было у скифов и у шумеров – Ан – главный бог шумеров, бог неба). О древности тенгризма у енисейцев свидетельствуют следующие языковые факты. 1. Общее енис. название неба и бога *es в кет. e:c', юг. ес, кот. e:ш/еш, ар. ес/ещ, пумп. еч, асс. еш/еч/ес/öс/öш, кам., койб. еш. Это слово в кет., юг. и кот. означало и «верх», ср. кот. еча: «наверх», еча:л «наверху» и т.д. Данный енис. корень, на наш взгляд, связан генетически с Ш корнем iš, явно имевшим значение «бог» в словах Ш Iškur «бог грозы и грома» (ср. Е kur-ej «греметь, грохотать (о громе, водопаде)»), Ш Ištaran «бог – разрешитель конфликтов, бог – покровитель города Дера» (ср. Е tar/tɔ̀r «мириться, соглашаться» в ар. тюренкем «мирюсь», кан. тарабаба «мирюсь»). Древность этого корня не менее 5–6 тыс. лет до н.э. 2. Ш An – бог неба, главный бог шумерского пантеона интересно сравнить с енисейским корнем han/?an «верх; рассвет, заря, день» в кот. han-ти:нг «взбираться», кот. ану-га «идти», буквально: «верхом-идти/двигаться», юг. ан-ес «утро», кет. ан-ɔкс' «завтра» (из «поутру»?), сюда же ит. хан/wan «верх» (звукосоответствие Е h-/0- – Ш 0- – ит. x-/w- – регулярно). 3. Ш diŋir (эмегир) – dimer (эмесал) перспективно сравнить с енисейским корнем «высокий» tyŋgɔ̀r/tyŋgɔ̀r в кет. тынгɔ̀л', юг. тынгыл, пумп. токарду (Старостин, 1995 : 287), ср. еще кот. thинкалан «крутой (берег)». Ш (эмесал) dimer «бог» перспективно связать с кот. типар/ти:пар «туман», thи:пара «туманный» (семантическое соотношение «пар, туман, облака, небеса, небо, бог» – обычно). Приведенный здесь материал свидетельствует в пользу очень раннего происхождения шумерского и енисейского тенгризма.

Солнце. 1. Применим весь этнографический материал, собранный Е.А. Алексеенко по культу солнца у кетов (Алексеенко, 1967; Алексеенко, 1967; Алексеенко, 1977). 2. Одно из Е названий солнца *il (ср. кет. илам-илам «солнечная женщина», ил'банг «мир, вселенная, все сущее», ил'-гет «землянин») связано с Е il «повозка, те-

лега» в кет. ил'-тап «колесо» при тап «круг, обруч» (реликты солнечно-колесничного культа) и связано с Ш ŋiŋir «колесница». 3. Пумп. хиг-ам «солнце», буквально: «солнце-мать» оформлено показателем -ам, что характерно для многих кет. и юг. теонимов жен. рода (пумп. данные указывают на праенисейский культ солнца).

Культ месяца. 1. Одно из Е названий месяца/луны qip в кет. ku:n, юг. хеп, мн.ч. кет. ku:n', юг. хейфын явно связано табуистической аллотезой p/b с Е названием деда qib (в кет. и юг. слово «луна» – муж. рода). Возможно, в глубокой древности месяц считался первопредком у праенисейцев (или части праенисейцев). 2. В анаубактрийской культуре было астральное божество близкое шумерскому Нанна в образе быка с лунной инкрустацией на лбу (Массон, 1989: 171). В южных широтах месяц напоминает рожки быка/коровы или лодочку (Ср. Е qe?p/qa?p «лодка». К этому шумерскому термину nanna и восходит одно из енис. названий месяца *dɔ?n в кот., асс. тон-ог «луна, месяц; зима». 3. Одно из енисейских названий луны/месяца в кет. ап можно связать с Ш ab «дикая корова» (отражение средневосточного культа месяца). 4. У сюнну практиковались жертвоприношения месяцу (в том числе и человеческие).

Культ тельца (> ***«небесного/священного оленя»***). До 2022 до н.э. жрецы ориентировались на Тельца (зодиакальное созвездие). Затем его сменил Овен. На наш взгляд в енис. лингвознаках сохранились следы былого зодиакального культа Тельца (с учетом семантического соотношения «телец, бык, хор, олень» в условиях Центральной Азии и Южной Сибири). 1. Одно из енисейских названий лета si:r$_1$i, возможно, связано табуистическим чередованием (опрощением тона) с Е se:hr$_1$e «олень». 2. Еще одно из енисейских названий года tyr$_1$/tɔr$_1$ в юг. ɔнгты:р, кет. ɔнгтел' «будущий (год)», кет. тылинг «возраст дерева», Ш til «жизнь» (отражение земледельческих традиций, «год» – «жизнь» злака) возможно связано с одним из енисейских названий оленя в кет. тыл'гит «оленье сало». 3. Еще одно енисейское обозначение года *syG/sɔG/syk/sɔk поразительно близко Ш šeŋ «овцебык». Следующий материал, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует трансформацию культа Тельца в новых центрально-азиатских условиях в культ небесного оленя/солнцерогого оленя – оленные камни Центральной Азии, карасукская культура (Новгородова, 1989). На оленных камнях рога часто обрамляют солнце, часто изображены как лучи солнца, олень часто изображен в лучах солнца или соседствует с солярным символом. На енисейском материале возможны следующие психосемиотические художественные решения, основанные на контаминации лингвознаков: 1) енисейское название солнца ?ik^{ʕ}i (кет. и:, мн. ч. иŋан; ср. Ш igi «глаз») могло контаминировать с енисейским названием «самца, быка, хора» в южно-енисейских языках (Е uk/y?k в кот. иг «самец» и т.д.); 2) одно из енисейских названий «звезды, светила» qɔ?/qɔ?Ga/qɔ?qa (ср. ит. коач «солнце», ч – суф. ед. ч., Ш GU – солнце мертвых/подземного мира) могло контаминировать с Е обозначением рога *qɔ? (Ш ка «бивень»). На этом материале можно сделать вывод, что создателями карасукской культуры и оленных камней были енисейскоязычные группы. Не исключено, что у них существовало представление о происхождении первого человека от брака мужчины-оленя и солнца (слово «солнце» в кет. и юг. – жен. класса).

Родовые культы

Культ огня/очага. Данная проблема автором рассматривалась специально в особой работе, к которой мы и отсылаем читателя (Филимонов, 2007). Отметим только, что корни, выражающие понятие «огонь, очаг; жечь, гореть» также означают в енисейских языках и «дом, род, семья, жена, домашнее хозяйство, имущество, собственность; сосед, соотечественник-соочажник, народ и т.д.».

Культ предков. 1. У кетов есть специальный идол (в каждой семье), олицетворяющий умершего родственника, – дангол'с, который является защитником рода, семьи, помощником шаманов и бангосей. 2. Обозначение умерших, покойника в енисейских языках как правило табуируется. Ср. кет. бо:нг, юг. бонг «покойник» связано с кот. пангаи «старый» (о вещах); юг. а-тоу «гроб» восходит к сложению; а «старый, старший, взрослый, большой» + тоу < то?/toh «вместилище, освоенное пространство». 3. У кетов и, видимо, у древних енисейцев грань между миром живых и мертвых была слабой, нечеткой. Болезнь считалась «малой смертью», когда шаман вылечивал. Ср. кот. ho:/хоу «болезнь», ho: «больной», hoy «мертвый». 4. Покойник и новорожденный. У кетов маленькие дети (до отпадения пуповины), как и очень старые люди, назывались kуйу контол «пустое тело» (без души – атпей/атпэд/атпэди). Интересно также, что одно из кет. обозначений смерти камадию/камадис (Аделунг) (явно связано с кот. ком-ту «могила», «гроб») возможно связано с кот. камура «криво», ар. камаранга «криво» (Ш gam «сгибать») (отражение древнего способа захоронения в скорченной позе – имитация зародыша-эмбриона в чреве). Приведенный в этом разделе материал свидетельствует о глубокой древности культа умерших у енисейцев и о возможной генетической связи древнеенисейского культа умерших с культом умерших у древних народов Среднего Востока, где в культурах неолита и энеолита широко практиковалось захоронение костных остатков умерших в подполе или в стенах домов (кости могли помещаться в сосуды, урны, каменные ящики и т.д.). Современные кеты изготовляют куклу (дангол'с), символизирующую умершего. Возможно сюда же нужно отнести обычай – после смерти шамана у него отрезали большой палец – вместилище шаманской силы, заворачивали в тряпочку и хранили. Вообще, все эти явления (изготовление и хранение дангольсей; хранение большого пальца шамана; вселение души умершего родственника в медведя и т.д.) тесно связаны с верой в *реинкарнацию*.

Культ оружия. 1. Легендарные кет. шаманы, а также шаманы типа канделок, вместо бубнов использовали ножи ал'дон. Термин ал'дон содержит компонент ал' (Е а?l/а?l' «половина, экзогамная половина, род»). Таким образом в лингвознаке подчеркивается родовая принадлежность ножей культового назначения. 2. Кот. калиш/калеш «меч» явно связано с кет. Кал'ес «бог войны». Меч всегда был символом войны, доблести во многих традициях у многих народов и культурах (частое изображение на гербах и знаменах). Изображение ножа очень часто на оленных камнях (о енисейскоязычной принадлежности создателей оленных камней мы уже говорили в этой работе). Считать кот. слово заимствованием – ошибочно. Скорее, наоборот, пратюркское qylyč «меч, сабля» заимствовано из какого-то южно-енисейского источника (переход «s» в «č» характерен для пумпокольского, ср. Е es «небо, бог» и пump. еч «небо, бог»: чередование «а/ы» также часто в енис. языках; в общем кот. калеш/калиш «меч» никак не

может быть заимствовано из тюрк. источников, в случае заимствования коттский сохранил бы звуки «ы» (= тюрк. у), «-ч-» (= тюрк. -č), «q-», все эти звуки в кот. есть).

Фаллический культ. 1. Одно из енисейских названий ножа ke?n в пумп. кейн «нож» (о развитии «-?-» в «-й-» в южно-енисейских языках мы уже писали ранее) близко названию семенного яичка в кот. кан-чал < *кан-чул < *кан-шул < *кан-сул (Е kan «икра, семя, сперма, зерно; корень,ствол,основание» + Е sul «мужское начало», ср. Ш šul/sul «мужчина, гражданин, герой»). 2. Это же обозначение мужского начала *sul прослеживается в ар. сул-цан «пчела», кот. шул-чаи «оса» (жалящие, вонзающие жало насекомые – психосемиотическая сексуализированная номинация) (отметим еще, что близкие по звучанию ар. сулемя, кот. пача сулема «сабля» все же лучше считать монголизмами). 3. С Е sul «мужское начало» связано кот. шулей/шулер, асс. шулей «яйцо». 4. С Е sul «мужское начало» возможно связано ар. сулу, асс. шули, кот. шули/шул'и/шул'е «овес» (Ш šul/sul «мужчина, гражданин, герой»), затем этот термин распространился и в тюрк. языки. 5. Одно из енисейских названий спермы в кот. кан-чол «семенное яичко» (ср. кот. ка:нанг «икра») связано с обозначением зерна и корня (отражение традиции высадки рассадой при дельтовом и оазисном земледелии) в пумп. канг-даца «пшеница», кот. ачи-ган «корень» при ачи «дерево», Е tal-kan «мука» (корень tal явно означал «молоть, дробить, измельчать и т.д.», ср. юг. тыл – деминут суф. в хай-тыл «бугорок, холмик» при юг. ха?й «яр, гора»; ср. зит. тл-ез «бить, колотить, разбивать, раскалывать, разламывать», зит. тхл-ах «бить, колотить, ударять, толочь, грохотать, стучать»). 6. Одно из Е обозначений муж./одуш./соц.-акт. класса а?/ah «он, самец» означало также и воду, реку в Е а/а?: ср. кет. а-тиγ «вьюн» при у-тиγ «червь» (у «низ»), Ш а «отец, вода, семя». 7. Е обозначение самца в ар. ар/ара «аринцы» (соотношение «мужчина, человек, самоназвание народа» – обычно), кет. ал-ук «собачья упряжка» (ar «самец, кобель» + Е uk «вместилище»), компонент -ар/ăр в кот. hи:г-ар «коршун», исар/иса:р «глухарь» связано с обозначением зерна, семени Е *ar в ар., кот. арба, асс. арпа «ячмень» (Е ba/pa – суф. деминутивности/собирательности), сюда же Ш arah «зернохранилище» (ah – суф. совокупности/собиратель-ности/вместилища).

Культ матери-прародительницы/чрева. 1. С Е обозначением беременности, утробы, чрева qas (в кет. кассым, в.-имб. кэссым «беременная женщина» < *qas/qăs «беременность» + Е qɔ̇m «женщина»; кет кăссей/кэссей «беременная»), на наш взгляд, связано имя кет. и юг. трикстерного персонажа с чертами **первочеловека** в кет. Кас'кит, юг. хасын-гет, букв. «дитя/человек чрева». 2. С Е tyl «пупок» (кет. ты:л', юг. тыл; ар. кин-дилик, букв. «живота пупочек»; Ш dur «пуп, связь») связано имя другого кет. и юг. персонажа Тыл'гет. Пупок у кетов – символ всеобщей связи и родства (как и у шумеров). Кетские мальчики хранили пуповину всю жизнь. 3. С Е *qas/qăs «утроба, беременность, чрево», возможно связано происхождение ряда древних этнонимов Среднего Востока: Каспы, Касситы; Ксанфии (древний этноним в Центральном Казахстане).

Культы природы. Земледельческие культы

Культ небесной воды. 1. Обращает внимание материальная близость Е es «небо, бог, верх» (связанное с Ш iš «бог» в Ш Iškur – бог грозы, Ш Ištaran – бог разрешитель

конфликтов) с Ш eš «вода», Е es «вода» (корень сохранился в пумп. ич-коинга «сухой», буквально: «от воды пустой», а также в кет. ас-ан «топь, трясина (в болоте)», кет. ас-ут «болото», «трясина», кет. ас-ук/ас-ух/ас-*д*к/асс-ук «болото, трясина, поросшие травой» (компоненты ан/ут/ук/ок – суф-сы освоенного пространства, чередования е/и и е/а – обычны в енис. языках, это просодический аблаут). 2. Одно из обозначений осадков (дождь, град) в енисеских языках *ir (в асс. иир «дождь», ар. ир-куасно «град»; в ар. ир также и «река», ср. изир «Кача»), возможно связано с Ш ir «слезы». В древности осадки (особенно дождь) могли мыслиться как «слезы бога» (культовый эпитет).

Сакральность водных источников. Интересны следующие факты в сфере номинации водных источников. 1. Ар. ате-кул «источник», буквально: «живая вода». 2. Кет. банг-ап «источник» можно буквально осмыслить как «земли (банг) грудь», компонент -ап из Е *?ар/?*д*р «нутро, середина, грудь» или из Е *?⊃р «грудь» в Е ?⊃р*д*j «пазуха» (*д*j – суф. «вместилища»). 3. Обозначение водных источников в енисейских языках часто имеет характер семантического повтора: модели «вода»/«мокрый» + «вода»/«водный источник» (признак экспрессивного отношения): ср. ар. кур-т'у «озеро» < ар. кур «вода, сырой» + Е de? «озеро, водный источник»; кот., асс. ур-тег «озеро» < кот., асс. ур «вода» + Е tag*д* «болото, озеро»; кет. ун-т⊃л' «небольшое озеро на болоте» < Е un «вода, лить, влажный, пачкаться, водный источник» + Е to:r «водный источник, влажный, жидкий», Е t*д*r «влажный, течь, лить, исток».

Культ земли. 1. Существует большой мифологический и космогонический материал по культу земли у кетов (Алексеенко, 1967; Алексеенко, 19). 2. Кет. банг-ам-ам «мать-земля» содержит удвоенный компонент ам «мать» (признак сакрально-экспрессивного отношения). К сожалению, мы не располагаем материалом по культу земли у исчезнувших енисейских народов. Однако исходя из общелогических соображений, из фактов сохранения реликтов древнего фаллического культа в земледелии, можно с очень высокой степенью вероятности предполагать существование культа земли у древних енисейцев. Земля была символом жизни, плодородия, ей поклонялись (особенно весной), соблюдая при этом важные обрядовые традиции. Важно также учесть, что культ земли существовал у многих народов Среднего Востока и Средней Азии (особенно Месопотамии), а так как древние енисейцы в глубокой древности (неолит, энеолит, ранний бронзовый век) были связаны с этими регионами, древнейшая стадия этногенеза и культурогенеза приходится именно на эти регионы в эти эпохи, то, следовательно у них в это время существовал и культ земли.

Мировое дерево/сакральное растение. 1. В кетском шаманизме посох шамана олицетворял собой легендарное мировое (шаманское) дерево. Посох-дерево мог замещать шаманский бубен. У кетов существовало камлание без бубна при помощи одного шаманского посоха-дерева (Алексеенко, 1967: 187). 2. У кетов существовала практика захоронения в пне дерева (информация XIX века) (Алексеенко, 1967: 205). Сейчас таким способом хоронят только детей. 3. У кетов существует представление (восходящее еще возможно к тотемизму), что умерший или его душа после смерти превращается в растение или в животное (медведь) (как видим процесс реинкарнации связан с земледельческими традициями?). В пазырыкской культуре захоронение в колодах практиковалось в отношении шаманов и детей. 4. Енисейское обозначение по-

соха в юг. та:-фа, кот. tha-пуи «посох» содержит компонент *ta/tə? «верхний, высокий» (признак сакральности, священности (?), ориентации на верхний мир при камлании). 5. Одно из енисейских названий «корня, комля, жерди, ствола» *dži? в кет. ди?, юг. д'и?, кот. чи поразительно совпадает с одним енис. обозначением человека *dže?/dži? в Е dže?-ŋ/dži?-ŋ «люди» («ŋ» – суф. мн. ч.) в кет. дэ?нг, юг. д'э?нг, кот. чеанг/чеанг «народ, люди». Сюда же компонент кот. -чиен в кот. конгрой-чиен «котты». Семантическое соотношение «корень, человек» характерно для народов с сильными земледельческими культовыми традициями (например, оно неоднократно отмечалось у алтайских народов, у айнов). Завершая этот раздел, можно отметить еще ряд моментов. Весьма вероятно, что у кетов и у древних енисейцев, особенно, существовали такие культы как ***культ гор, культ грома и молнии*** (в условиях высокогорья это особенно вероятно), но они не сохранились в современной культовой практике кетов в новых экологических условиях Приполярья. Весьма вероятно, что у праенисейцев как и у современных кетов, существовали культы хозяев отдельных мест (гор, лесов, озер, рек, ущелий, источников и т.д.), это очевидно по общелогическим соображениям.

Многие культы древних праенисейцев зародились еще в условиях Среднего Востока. Затем был анау-бактрийский период (важную роль играл красный волк, культ месяца в образе быка). После этого наступил центрально-азиатский период, когда в результате резкой смены хозяйственно-экологических условий многие культы исчезли, но появились новые (бобр, гагара, налим). В ходе последующего (уже изолированного) развития отдельных енисейских народов были утрачены другие культы (кошки, змеи и т.д.).

Современная культовая система кетов и югов, на наш взгляд, сформировалась под сильным влиянием сибирских субстратов (прежде всего самодийских и тунгусо-маньчжурских), это касается прежде всего промысловых культов (у праенисейцев их скорее всего не было).

Некоторые культы исторически претерпели сложную эволюцию и трансформацию. Так в праязыке были культы Тельца, Месяца (в образе быка), Священного быка как основателя рода – Тотема (Е *bog/bug: род Бог-денг/Бог-дейгит у кетов и югов, предок Ук-wol, букв. «бык-родня»). Затем он трансформировался в культ священного оленя/солнцерогого предка (карасукская культура, оленные камни). У современных кетов кадукс' «священный/светлый олень» – разновидность шамана.

Литература

Алексеенко Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4.

Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Алексеенко Е.А. Культы кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.

Алексеенко Е.А. Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания у аборигенов Сибири. Л., 1981.

Алексеенко Е.А. Кеты // Народы Западной Сибири. М.; Новосибирск, 2005.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.

Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. Новосибирск, 1994.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982.

Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.

Филимонов М.В. Енисейский параингредиент и кето-шумерский субстрат в ительменском: материальная и духовная культура // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2000.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-ительменская грамматика: глагол // VII Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14–18 апреля 2003 г.). Томск, 2003. Т. 2.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-ительменская грамматика: имя существительное, прилагательное, местоимение, служебные слова // IX Всероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14–18 апреля 2003 г.). Томск, 2003а. Т. 2.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-ительменская грамматика: существительное, местоимение, прилагательное, служебные слова // VII Общероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 2005. Т. 2, ч. 2: Филология.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-ительменская грамматика: глагол // VII Общероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 2005а. Т. 2, ч. 2: Филология.

Филимонов М.В. Аллотеза как палеолингвистическая категория: семантические типы в палеоглоттогенезе (кето-шумеро-ностратические параллели) // Типология лингвистических категорий. Томск, 1987.

Филимонов М.В. КЕТО-ШУМЕРИКА: экономика и культура (материалы к этимологическому словарю) // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Материалы международной конференции «21-е Дульзоновские чтения». Томск; Уфа, 1999. Ч. 2.

Филимонов М.В. Введение в протоенисейскую лингвоэзотерию // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Материалы международной конференции «21-е Дульзоновские чтения». Томск; Уфа, 1999а. Ч. 2.

Филимонов М.В. Проблемы субъектно-объектного спряжения в аринском и кето-югском глаголе и строй протоенисейского языка в свете кето-шумеристики // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000а. Ч. 2.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-шумерская (кетошумерская) фонетика: аффрикаты, спиранты, сонорные // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2001а. Т. 2.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-шумерская (кетошумерская) фонетика: система смычных согласных // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2001. Т. 2.

Филимонов М.В. Сравнительная енисейско-шумерская (кетошумерская) фонетика: система гласных // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2001б. Т. 2.

Филимонов М.В. Концепт огня у древних енисейцев: этимологические исследования // Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся образовательном пространстве: теоретические и прикладные аспекты: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2007.

Чиспияков Э.Ф. Шорско-кетские параллели в лексике // Языки и топонимия. Томск, 1976.

Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2002. B. 1. 483 s.; B. 2. 444 s.; B. 3. 429 s.

Werner H. Die Welt der Jenissejer im Licht des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der enissejischen Protokultur. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2006.

Werner H. Die Glaubensvorstellungen der Jenissejer aus der Sicht des Tengrismus. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2007.

О САКРАЛЬНОМ И ОБЫДЕННОМ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ

К.П. Черемисина
г. Томск

В мировоззрении коренных народов Сибири и Севера встречаются два полярных понятия: сакральное, на русском языке называемое священным, святым и противопоставляемое ему обыденное, бытовое, то есть не имеющее статуса сакрального. В научной литературе его иногда называют профанным.

Сакральным предмет становится только при наличии определенных свойств. Это может быть схожесть с человеком, так называемая антропоморфная форма, сакральным может быть и тотем рода – медведь, бобер, лось.

Священный статус предмету также может придать не только форма. Например, снег, пока падает – сакрален, а когда лежит неподвижно – уже нет. Когда он начинает таять, то опять сакрален, а только замерзнет, превратится в лед, – нет.

Несмотря на то, что практически любой предмет в культуре первобытных народов требует священного отношения, существует огромное количество возможностей лишить вещь ее священного статуса.

Первостепенную роль в придании или возвращении вещи сакральности имеет огонь или его производное – дым. У тувинцев ярко прослеживается священное отношение к огню: «В связи с обожествлением огня существовало очень много запретов, нельзя было даже наступать на место, где горел огонь, даже если он потух; нельзя перешагивать через голову медведя, даже если он умер» (Абаев, 2000: 13). Подобное отношение встречаем и у коми-зырян. Считается, что огонь обладает очищающими свойствами. Строго соблюдаются определенные запреты, такие как: в огонь нельзя плевать, ни в коем случае нельзя на него мочиться, даже на остывшие угли. Его так же полагалось кормить. (Mythology, 2003: 31, 60, 94).

При попытке христианизации коренного населения севера Сибири, Л.В. Хомич описывает следующее: «Уважительное отношение шамана к одежде, подаренной священником, объяснялось тем, что последний при шамане окурил ее ладаном, а окуривание дымом в религии ненцев считается очищением» (Хомич, 1979: 27).

Очищающие свойства огня подтверждает В.М. Кулемзин в своем устном сообщении, говоря о том, что былую сакральность вещи хант может вернуть, подержав ее над огнем или над предметом красного цвета. Такой же вариант возвращения вещи утраченной сакральности встречается и у ненцев (Лярская, 2005: 323). «Остяки не дотрагивались к самоедской одежде и к вещам их, а если которые и брали из рук их, то через огонь. Обкуривали вещи бобровой струею» (Головнев, 1995: 52).

Подобные очистительные меры применялись и после родов: «Если схватки случаются в пути, то родильным местом оказываются нарты, которые подлежат последующему сожжению, а запряженные в них олени – «нечистому закланию» (их мясо выбрасывается собакам). В течение двух месяцев, как отмечает В. Ислявин, женщина

«не смеет даже разделить пищи с мужем». По прошествии этого времени ее окуривают вереском или оленьим салом (Головнев, 1995: 204).

По сообщению К.Ф. Карьялайнена: «Если мужчина случайно проходит ниже того места, где в это время находится женщина, то он становится нечистым, однако такой же результат бывает, если он проходит под женской одеждой» (Карьялайнен, 1996: 176).

Если мужчина или вещи, принадлежащие ему, осквернены, данный исследователь предлагает следущий выход из ситуации. «Как сама женщина, так и ставшие по ее вине нечистыми мужчина и предметы могут быть освобождены от этого определенными очистительными церемониями. Самая обычная из них – это окуривание» (Карьялайнен, 1996: 177).

Дымом можно придать и магическую силу предметам: «Сразу после изготовления бубен ворожея нужно окурить, только тогда им можно пользоваться» (Карьялайнен, 1996: 196).

Эти же меры применялись и для очищения жилища: « Даже временно покинутый дом по возвращении окуривают и обстукивают по углам» (Головнев, 1995: 276). Обстукивание здесь применялось, видимо, для того, чтобы выгнать поселившихся в доме злых духов. Подтверждением тому может служить следующий пример, взятый из ненецкого фольклора: «По поверьям, сразу после отъезда людей на чумовище является дух Мядинда, который собирает все останки, и через них (особенно брошенные ногти и волосы) может наслать порчу на беспечных хозяев» (Головнев, 1995: 209).

У русских старообрядцев встречается подобная очистительная церемония жилища после похорон: «Иногда после похорон не только мыли пол, но и белили всю избу, а также окуривали комнату еловыми ветками или ладаном» (Бардина, 1990: 173).

Для совершения очистительных церемоний используется и вода, которую также предварительно нужно «очистить». С.А. Попова так пишет о манси: «В традиции манси вода становится «чистой», если в нее раскрошить горелую чагу и опустить кусочек разжеванной мускусной железы бобра» (Попова, 2002: 137).

Чтобы лишить предмет или человека сверхъестественной силы, у ненцев прибегают к помощи женщины. Например: «Отрезанные головы убитых колдунов способны, прокатившись по кругу, вновь прирасти к телу. Лишь женщина может перешагиванием, а иногда и взглядом, навечно обезвредить колдуна» (Головнев, 1995: 133). «Если женщина желает навредить мужчине, она злонамеренно перешагивает через его вещи. В легендах описываются случаи, когда герой одолевает врага, но не может его умертвить (в силу его чародейской способности сращивать раны). Тогда герой призывает на помощь женщину (обычно сестру) и просит перешагнуть через врага, отчего сквозь раны прорывается кровь, и наступает "окончательная смерть". Таким образом, женщине, наделенной свойством рожать, принадлежит и способность умерщвлять (Головнев, 1995: 214). Кеты, в своем мировоззрении придерживаются схожих взглядов: «Считалось, что человеку перестанет сопутствовать охотничье счастье, если его жена после месячных не совершит очистительных действий над его одеждой, орудиями труда и др. и если она через них переступит» (Алексеенко, 1979: 74). А.В. Головнев объясняет данный феномен следующим образом: «...не сама женщина,

а ее шаг является тем пороком, который именуется по-ненецки *хейвы*. Своим шагом женщина способна разорвать священную связь» (Головнев, 1995: 213).

Огромное количество запретов связано с промыслом животных и, в частности, с медвежьим праздником. Например, у селькупов: « ...если собака прикоснется к кости, мясу, требухе зверя или даже хлебнет навару от его мяса, медведь задерет оленей или отомстит самому человеку. Вдобавок, медвежьи останки нельзя бросать в воду – «рыба сдохнет» (Головнев, 1995: 251). У кетов «грешно выбрасывать собакам головы рыб – не будет улова» (Алексеенко, 1979: 74).

Сакральность вещи придает и материал, из которого она изготовлена. На приведенном ниже примере четко видна разница между представителями разных культур: «...у нганасан медные кресты были в обиходе, хотя к ним зачастую относились как к обычным металлическим украшениям, т.к. согласно их мировоззрению, металл сам по себе являлся оберегом, защищавшим от болезней. Такой крест могли прикреплять и к косам, и к погребальной одежде» (Грачева, 1979: 45). У представителей русского народа священное отношение к кресту вызвано тем, что он является основным символом христианства, а для нганасан священен металл. И.С. Вдовин пишет, что «даже шаманы носили кресты, присоединяя их к личным амулетам» (Вдовин, 1979: 108).

У В.Н. Чернецова встречаем интересный пример священного отношения к металлу у обских угров: «Покинув тело, душа посещает различные места и встречается с другими душами, вступает с ними в те или иные взаимоотношения как мирные, так и враждебные. Случается, что, видя более сильного противника, душа боится уйти из тела, в результате чего человек не может заснуть». По их мнению, может помочь железный нож под подушкой: «Железный нож, если засунуть, через железо бороться не могут» (Чернецов, 1959: 127).

К деревьям тоже существовало почтительное отношение. Например, у кетов считалось, что «грешно зря ломать растущие деревья и кусты», так как они «считались живыми» (Алексеенко, 1979: 75). У хантов прослеживатся такая же тенденция в отношении к деревьям: «Для костра хант использует только сухостой (живое дерево срубается лишь для изготовления «живых вещей» – лодок, нарт, жилища» (Головнев, 1995: 264).

Прослеживается двоякое отношение к бересте и березе – ею разжигают огонь, из дерева изготовляют полозья нарт, что говорит о принадлежности к миру обыденных вещей. С другой стороны, у хантов «на березу подвешивали подарки, например, для небесного бога Санге, означающего свет, белизну» (Кулемзин, Лукина, 1992: 95; Харамзин, Алгадьева, 2002: 130). А во время медвежьего праздника актеры носят берестяные маски, которые обладают признаками сакрального предмета, а именно: не каждый может их надевать и хранятся они в особом месте (Чернецов, 2001: 28). Также береста выступает в роли границы между Средним и Нижним миром – ее кладут в гроб под покойного. (Кулемзин, 1984: 140; Кулемзин, Лукина, 1992: 95; Кулемзин, 1990: 90).

Береста считается священной, так как имеет непосредственное отношение к березе, которая считается деревом, принадлежащим Верхнему миру и Торуму, в частности (Этнография, 2005: 79; Кулемзин, Лукина, 1992: 109). Как пишет В.В. Кучер про аборигенов Сибири: «Особо почиталась береза, ассоциировавшаяся со светом, небом». (Кучер, 1997: 63). Поэтому и трут, растущий на березе, имеет очистительную силу. Дымящимся напит-

ком из этого гриба на медвежьем празднике очищают помещение перед поеданием мяса, пробегая с ним несколько раз по помещению (Чернецов, 2001: 16).

Еще один способ лишения сакральности (насылания порчи) описан у Головнева: «...по преданию хантов Ваха, в далеком прошлом они вырубили на земле знак креста с той целью, чтобы постепенно вымирали находящиеся здесь ненцы» (Головнев, 1995: 152).

В традиционной культуре народов Сибири и Севера имеются представления о сакральном, обыденном, средствах и способах десакрализации и, наоборот, возвращения сакральности. Наиболее сложным является вопрос о причинах наличия в мировоззрении коренных народов двух полярных понятий: сакральное – обыденное. Это требует специальных исследований. Предварительно, можно выразить мнение, что такие причины лежат в религиозной сфере жизни народа. Понять же сущность религии, по выражению М. Элиадэ, нельзя, обращаясь к психологии, философии, экономике. Этот путь ложный, так как он пренебрегает главным – уникальной и несводимой ни к чему иному основой религиозного опыта, которую мы называем понятием священного (Eliade, 1972: 179).

Литература

Абаев Н.Б., Колмаков А.Г., Фельдман О.Ю., Хертек Л.К. Экософия и космогонические представления в национальной религии тувинцев «АК ЧАЯН» // Материалы XXII Дульзоновских чтений «Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур». Томск, 2000. Ч. II.

Алексеенко Е.А. Христианизация на туруханском севере и ее влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979.

Бардина П.Е. Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения среднего приобья в конце XIX – первой четверти XX вв. // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990.

Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

Грачева Г.Н. К вопросу о влиянии христианизации на религиозные представления нганасан // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1996. Т. 3.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Кулемзин В.М. Методические аспекты изучения погребального обряда // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992.

Кучер В.В. Природа в традиционных представлениях аборигенов Сибири // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997.

Лярская Е. Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев // Антропологический форум. СПб., 2005. № 2.

***Komi* Mythology.** 2003.

Попова С.А. Мансийская обрядность перевода в иной мир // Народы Северо-Западной Сибири. 2002. № 9.

Харамзин Т.Г., Алгадьева Т.М. Обряд жертвоприношения в хантыйских и мансийских семьях // Народы Северо-Западной Сибири. 2002. № 9.

Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Л.: Наука, 1979.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды института этнографии. 1959. Т. 51.

Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск, 2001.

Этнография народов Томской области. Томск, 2005.

Eliade M. Patterns in Comparative Religion. NY, 1972. P. XIII.

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА «ПАЙРАМ», КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ШОРСКОГО НАРОДА

Н.В. Бельчегешева
г. Мыски

Шорцы – тюркоязычный народ, исторические предки которого в XVII–XVIII вв. были больше известны под названием кузнецкие татары (по роду одного из занятий – кузнечеству), или по родоплеменным названиям – абинцы, бирюсинцы.

О своей национальной принадлежности населяющий край родовые группы не имели ясного представления, не осознавали себя единым народом, а именовались либо по названию рода, либо по инородческой управе. Официальный этноним «шорцы» закрепился по инициативе академика В.Радлова и Комиссии по изучению племенного состава народов России. По аналогии был назван созданный в 1925–1927 гг. Горно-Шорский национальный район. В его границах и шло сложение основ традиционной культуры современных шорцев.

В состав шорцев вошло 17 родов, самыми крупными из которых были челей, таеш, карга и шор. К началу XX в. роды распались на большие семьи – толи, каждая из которых на основе обычного права имела свою промысловую территорию, а вблизи улусов – небольшие участки обрабатываемой мотыгой земли и покосы.

После административно-земельной реформы 1912–1913 гг. взамен прежних родовых были образованы обычные территориальные волости. Выделялась значительная прослойка зажиточных шорцев, относительно разбогатевших за счет монополизации торговли орехом, пушниной и медом.

В период гражданской войны началось быстрое обнищание подавляющего большинства шорцев из-за нарушения двусторонних торгово-хозяйственных связей между таежными улусами и городами. Закрылись все прииски, были разорены пасеки, уничтожены церкви с богатыми библиотеками (Гвоздикова, 2003: 231).

В 1937г., в результате проведения в Горной Шории массовых арестов как шорцев, так и русских оказались практически разгромлены все мало-мальски подготовленные кадры в хозяйствах, школах, партийных и советских органах. Политические репрессии в Горной Шории привели к тому, что решением Новосибирского облисполкома 29 сентября 1938г. Горно-Шорский национальный район был упразднен.

С ликвидацией национального района в общественной жизни Горной Шории если и происходили перемены, то далеко не в лучшую сторону. Постепенно «сворачивались» все мероприятия по сохранению и развитию шорской народности. Некоторое время еще сохранились фольклорные коллективы, проводились слеты сказителей. Однако все это происходило по инерции, а реальных условий для дальнейшего развития шорской национальной культуры уже не было. Был закрыт горношорский педтехникум с сильнейшим составом преподавателей, редакция национальной газеты (Голишев, 2007: 26).

Одним из главных критериев существования народа является язык. Нет языка – нет народа. «Язык, – писал К.Д. Ушинский, – есть самая живая, самая обильная и

прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое, живое целое».

Судьба шорского языка в XX в. оказалась трагичной. В 1940-е гг. на него был наложен запрет: перестали преподавать шорский язык в школах, не стали издаваться учебники и книги на шорском языке. В 1960–1970-е гг. в быту шорцы стали больше общаться на русском языке, забывая свой родной. (Чульжанова, 2005).

Но у каждой народности есть люди, которые не могут равнодушно смотреть, как происходит гибель, потеря ценностей накопленные годами, веками. Такие люди есть и у шорского народа. Работая на кафедре шорского языка и литературы, Андрей Ильич Чудояков в 1986 г. приехал в г. Мыски, как в «столицу» шорского народа, встретился с представителями шорской интеллигенции того времени: Ниной Владимировной Тотышевой, Фаиной Федоровной Арбачаковой, Светланой Владимировной Таннагашевой и др. Обсуждалась проблема сохранения языка, обычаев, традиций. Необходима была форма, для решения этих проблем и этой формой стал национальный праздник Пайрам.

В дореволюционной Горной Шории существовали праздники, введенные церковью, – так называемые «престольные праздники». Жители села в день праздника принимали гостей из других мест и угощали их. Но со временем «престольные праздники» были забыты. В 1970-е гг. некоторые праздники были еще сохранены, благодаря трудовой основе их происхождения и народным традициям, главным образом, благодаря свадебному обряду и народным играм-состязаниям.

В Горной Шории были и другие формы, способы и средства реализации духовной культуры народа. Среди них наиболее распространенным видом был «ойун» – совокупность праздничных игр, куда входили пляски под музыку, пение, «тандар»-пляска с пением, «такпак» – исполнение коротких песен.

Со временем все эти виды народного творчества начали угасать в Горной Шории (Чудояков, 1986). К счастью в 1980-е гг. еще были живы люди, которые помнили эти игры, праздники и состязания. Именно они помогли воспроизвести традиционную песенную культуру.

И 12 июня 1986 г. в поселке Чувашка на берегу реки Мрас – су был проведен народный праздник Пайрам, посвященный 30-летию г. Мыски. На праздник съехались приглашенные гости из различных городов и мест южного Кузбасса: г. Таштагола, Междуреченска, Калтана, Новокузнецка, Осинники.

Интерес к празднику был большой, проводилась значительная подготовительная работа: требовалось создать национальный ансамбль, восстановить характер народного танца, вспомнить и разучить песни, изготовить национальные костюмы. И все это должно было соответствовать национальной культуре народа.

На празднике были исполнены шорские героические сказания, которые являются бесценным духовным наследием шорцев. Из века в век, из уст в уста передавались древние сказания о богатырях, их жизни и борьбе против зла. Носителями и хранителями шорских сказаний были кайчи, сказители. В историю XX в. вошли имена выдающихся шорских кайчи: Морошка Напазаков, Степан Торбоков, Ак Коке – Прокопий Амзоров, Павел Токмагашев, Павел Кыдыяков. Они живы в памяти народной. Эти люди владели бессмертным словом, а потому были властителями душ – народ их

любил и ценил. Длинными зимними ночами не было большей радости у наших предков, как послушать кайчи, который под звуки кай – комуса (двуструнного музыкального инструмента) горловым пением рассказывал сказания о богатырях. Когда в гости к родственникам приезжал кайчи, об этом знала вся деревня и собирались в доме, чтобы послушать приехавшего гостя. Каких-то пятьдесят лет тому назад слушать кайчи было любимым занятием шорцев. Искусство кая (исполнение эпоса) передавалось от старших к младшим. Последним шорским сказителем в г. Мыски был Владимир Егорович Таннагашев, который с ранних лет очень любил слушать кайчи и уже с детства освоил богатейший поэтический язык шорских сказаний, рассказывал их своим друзьям.

Однажды когда ему было 12 лет, он сделал свой музыкальный инструмент: натянул на дощечке проволоку и стал играть на ней. Его игру услышал дед, сказитель из Акколя, и сказал: «Кайчи растет, кайчи будет». Его слова оказались пророческими.

Всю жизнь Владимир Егорович жил в стихии шорского героического сказания. В его памяти хранилось их около восьмидесяти(!).

В последние годы он много выступал на различных мероприятиях и праздниках. В 1999 г. в Абакане на выездном семинаре – секретариате Союза писателей России он был принят в Союз писателей России как знаток и хранитель шорского поэтического слова. (Чульжанова, 2002). Не случайно его исполнения с большим трепетом воспринимались на Пайраме.

Кроме сказаний исполненялись шорские народные песни, «такпак» частушки, были возрождены многие виды национальных игр, такие как «куреш» (борьба), «соган адыш» (стрельба из лука), лазание на гладкий ствол дерева, для выявления самого ловкого и быстрого сборщика кедровых шишек, конно-спортивные игры, которые заключались в поимке двухлетнего жеребца с помощью аркана и стрельба из лука в цель, на скоку. Также была организована выставка – дегустация национальных блюд, таких как «тертпек» – лепешки из пшеничной муки, «курмек» – пирог круглой формы из жирного мяса с салом и луком, пельмени с начинкой из жареных ядер кедровых орехов, талган – истолченные (или размолотые на ручной мельнице) обжаренные зерна ячменя, а так же блюда из колбы – черемши, дичи и различных корений.

Восстановили несколько обрядов и обрядовых действий, например обряд «Шачыг» – крапление молока и браги в честь горных духов: этот обряд проводила Нина Владимировна Тотышева.

29 августа 1998 г. на Пайраме была восстановлена шорская национальная свадьба «Той». Героями стали счастливые молодые – Ольга и Артур Майтаковы. Их бракосочетание проходило по старому шорскому обряду. В феврале 2005г. в Мысках состоялась национальная свадьба участников шорского молодежного движения Татьяны Чульжановой из Междуреченска и мысковчанина Андрея Бекренева. Рождение новой семьи Бекреневых также состоялось с соблюдением национальных традиций.

Первый Пайрам стал большим событием для юга Кузбасса. На праздник приехали многие представители средств массовой информации, так как такое мероприятие проводился впервые. Кемеровское телевидение показало почти весь праздник в более чем часовой программе, и Центральное телевидение также показало многие фрагменты этого запоминающегося праздника (Сербегешева, 1986).

Как и должно было быть, открыл и вел праздник Андрей Ильич Чудояков, которого можно назвать без преувеличения «духовным отцом», неутомимым организатором и инициатором многих начинаний в деле возрождения национальной культуры, языка, обычаев своих предков и национального самосознания.

Эстафету первого праздника приняли города Таштагол, Междуреченск, Осинники, которые ежегодно стали проводить у себя Пайрамы.

В настоящее время праздник по традиции открывается священнодействием шамана. Своим танцем – обрядом он просит духов покровительства и благословения на праздничное действо, на хорошую погоду. Под ритмичные стуки бубна он отгоняет от собравшихся на площади злых духов, разжигает огонь, пламя которого также участвует в шаманском очищении. И лишь потом программу продолжает народный шорский ансамбль «Отчагаш», которым уже 21 год руководит настоящий энтузиаст, прекрасный знаток музыки Аркадий Иванович Граборов. Ансамблю в 1991 г. было присвоено почетное звание Народного Коллектива.

На празднике также активно выступают молодые исполнители, играя на национальных, музыкальных инструментах, что стало возможным благодаря открытию в 2002 г. класса по обучению исполнения на национальных инструментах – комус, чатхан.

В сфере культуры достижения шорского народа несомненны и значительны. Это прежде всего касается фольклора и литературного творчества отдельных его представителей, которые активно участвуют на празднике Пайрам.

В серединe 1990-х гг. многие были поражены тем, что шорская литература стала активно возрождаться из небытия, как какое-то чудо. В 1997 г. была создана Шорская организация Союза писателей России. В 1999 г. в ней было уже 8 членов Союза писателей России. И в этом смысле надо сказать, что молодые литераторы вливаются в литературный процесс, которому уже более 10 лет, и что шорская литература находится в поле зрения литераторов братских народов: хакасов, тувинцев, алтайцев, а также Союза писателей России.

Динамика развития шорской писательской организации внушает оптимизм. На семинаре шорских писателей в 2002 г. в Междуреченске были подведены итоги развития шорской литературы в 1990-х гг. Как сказал шорский поэт и ученый Г.В. Косточаков, литература 1990-х гг. прошла под знаком дилетантизма. Это было неизбежно и допустимо на первом этапе развития. Сейчас наступил новый этап – этап перехода на профессиональный уровень. Перед шорским литератором, в том числе и молодыми, стоит очень ответственная задача – вывести шорскую литературу на высокий профессиональный уровень. Для этого надо учиться, изучать традиции шорской и русской литературы, поскольку для шорских литераторов характерно двуязычие (Чульжанова, 2004).

Зачинателем новой шорской литературы, то есть возрожденной литературы шорского народа периода 1990-х гг., по праву можно назвать Николая Егоровича Бельчегешева. Судьба его весьма характерна, если посмотреть на нее сквозь призму художественной или духовной жизни народа, долгие годы влачившего жалкое этническое существование. Способный летчик, избороздивший воздушные пространства многих стран, но многие годы вынужденный приземляться вне родного края, он всегда пытался, но не мог реализовать свои душевные и духовные силы на поприще сло-

весного творчества. Он писал стихи, заметки, статьи, рассказы, но у всех этих произведений не было главного идейно-художественного стержня. Таковой нашелся только тогда, когда Н.Е. Бельчегешев, выйдя на пенсию и вернувшись на свою Родину – в г. Мыски, вдруг попал в поле напряжения, вызванного процессом подъема национального самосознания. И сам стал изучать ток, благодаря которому разъединенные люди вдруг почувствовали себя единым шорским народом, вспомнили свой родной язык, культуру, историю. Н.Е. Бельчегешев был первой ласточкой припозднившейся шорской весны! Был и остается по сей день крупнейшим шорским поэтом, достойным наследником лирического дела Степана Семеновича Торбокова и множества безвестных авторов народных песен и частушек (Косточаков, 2004).

Несмотря на то, что это маленький народ, численность которого в лучшие времена едва ли превышал 20 тыс. человек, он породил целую плеяду выдающихся умов и та̀лантов. Это ученые и писатели, художники и врачи, учителя и журналисты, просто интеллигентные люди. Будто в один миг прорвалась какая-то плотина, сдерживавшая в темноте и невежестве интеллектуальный потенциал народа.

Народный праздник не должен угасать не только потому, что игры, состязания и обрядовые действия возникли на основе трудовой деятельности людей, но и потому, что все они народны, освящены нравственными и эстетическими идеалами.

Пайрам – это не просто гуляние. Здесь сконцентрированы идеи сохранения национальных традиций и обрядов, чистый шорский язык. По традиции на этом празднике демонстрируется то, что сохранил и восстановил народ Горной Шории – песни и танцы, приготовление национальных блюд, спортивные состязания, словом все, чем могут гордиться представители коренного населения.

Сегодня у коренного малочисленного народа Кузбасса – шорцев, по прежнему существуют нерешенные проблемы, одна из которых сохранение и развитие родного языка. Проблема стоит очень остро, так как старшее поколение уходит, а молодежь в подавляющем большинстве не владеет родным языком. И в этих условиях трудно переоценить работу и огромный вклад в дело возрождения шорского языка и культуры кафедры шорского языка и литературы Кузбасской педакадемии. Основателями кафедры были выдающиеся ученые Андрей Ильич Чудояков и Электрон Федорович Чиспияков. Благодаря им шорский народ имеет центр вузовской подготовки учителей шорского языка. Кроме преподавательской деятельности кафедра ведет большую научную и научно-методическую работу.

В настоящее время на кафедре шорского языка работают доктора и кандидаты филологических наук. В 2002 г. при кафедре открыта аспирантура по специальности «Языки народов Российской Федерации (шорский язык). Кафедра шорского языка может гордиться многими своими выпускниками.

Настоящую работу по возрождению шорской культуры мы видим там, где она ведется без политической подоплеки. Имеется в виду деятельность властных и общественных органов, начиная от специалистов департамента культуры и кончая музеями и фольклорными группами на местах.

Можно подвести некоторые итоги новейшего движения шорцев за национальное самосознание. Первое – эта народность теперь вышла на международный уровень движения за сохранение коренных малочисленных народов мира. Второе – предста-

вители шорского населения прочно вошли во властные структуры на местах в лице заместителей глав городов по национальным вопросам, которые в рабочем порядке решают проблемы шорского населения. Для желающих восстановлено изучение шорского языка в Бородинской средней школе № 10. Всякую поддержку властей имеют любые формы сохранения традиционной культуры. Конкретно для Мысков это деятельность фольклорного ансамбля «Отчагаш».

В настоящее время создано достаточно условий для возрождения и сохранения национальной культуры. Не будем брать на себя роль предсказателей, но хочется верить в лучшее. И поэтому будем верить, что шорский народ навсегда останется в числе полноправных народов России.

Да помогут нам наши духи!

Литература

Возрождение традиций // Вариант. 1986. 17 июля
Гвоздикова Л.И. Шорский национальный природный парк: природа, люди перспективы. Кемерово, 2003.
Голишев С.А. Мыски. История. Судьбы. Современность. Новокузнецк, 2006.
Косточаков Г.В. Дух возрождения и печали // Туган Чер. 2004. № 4.
Чудояков А.И. Пайрам // Вариант. 1986. 5 июля.
Чульжанова Л. Короткой строкой // Туган Чер. 2004. № 1.
Чульжанова Л. Последний кайчи // Туган Чер. 2002. № 2.
Чульжанова Л. Сохранить язык // Туган Чер. 2005. № 1.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

З.М. Габдрахманова
г. Томск

Для того чтобы возникли научный интерес к древним памятникам и понимание необходимости их сохранения, должны были сформироваться как единое целое исторический тип мышления (связанный с интересом к прошлому и осознанием его связи с настоящим) и правовой режим археологических ценностей (являющийся «...интегральным институтом международной и национальной нормативных систем одновременно...» (Молчанов, 2001: 4)). Образование такого альянса происходило на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

Создание российской охранной археологии явилось логическим следствием событий, происходивших в разных странах с глубокой древности. Россия, в силу своей многонациональности и особенностей исторического развития, является той державой, которая не только обладает богатейшим археологическим наследием (являющимся по своему содержанию достоянием мировой культуры), но и аккумулирует в себе знания и достижения мировых наук и культур в целом.

Возникновение общественного статуса археологии, связано с развитием ее охранного направления, когда вследствие стихийно возникшего и все более возрастающего общественного интереса к древним памятникам, начался процесс их активного разрушения, и встал вопрос о необходимости введения щадящего процесса вскрытия древних объектов в целях наиболее полного извлечения не только материальных ценностей, но и артефактов. Для того чтобы иметь представление о количестве археологических объектов были начаты работы не только по их поиску, но и по их учету. Эта деятельность не могла быть активно развита без поддержки государства, которое придавало любым общественным мероприятиям законную силу и в то же время (при отсутствии государственного интереса) запрещало их. Кроме того, те или иные государственные распоряжения способствовали разрушению археологических памятников, что случалось либо при отсутствии необходимых специалистов в государственном аппарате, либо в случае возникновения все того же «государственного интереса». Особое место в этом ряду занимают события, связанные с внешнегосударственными и внутригражданскими конфликтами, когда на фоне стихийного разрушения памятников, начинается ответное общественное движение по их защите и сохранению, часто принимающее международные масштабы.

Одним из зачинателей государственной системы охраны археологических памятников в России (на уровне формирования государственных музейных фондов) был Петр I.

Общение с европейскими странами, где уже зародились идеи историзма, и процветал антикваризм, не прошло для Петра I даром. Русская культура в XVIII в. пошла по европейскому пути развития, что, несомненно, явилось следствием заграничных

поездок Петра I. Во время путешествий на Запад Петр I побывал во многих европейских музеях древностей. «...Знакомство с западноевропейскими музеями не могло не повлиять на решение Петра начать сбор древностей...» (Формозов, 1961: 28; Формозов, 1979: 7; Формозов, 1986: 20, 72). Тем более что в его распоряжении уже была коллекция древневосточных монет, присланная ему в 1707 г. из Киева. В1715 г. Петр I получил десять золотых предметов, найденных в «буграх» от сибирского генерал-губернатора, князя Матвея Гагарина. «...Искусно выполненные древними мастерами изделия так понравились царю, что он отдал распоряжение еще... «...приискать старых вещей, которые сыскивают в земле древних поклаж...» (Формозов, 1961: 26; Формозов, 1986: 18). В этом же году по случаю рождения царевича Петра Петровича известным уральским промышленником Никитой Демидовым Екатерине I была преподнесена коллекция сибирского курганного золота (так называемые «золотые бугровские сибирские вещи» (см. в частности, Низовский, 2001: 103). На следующий год Гагарин прислал царю более сотни новых золотых «бугровых вещей», составивших впоследствии, так называемую «Сибирскую коллекцию Петра I», ныне хранящуюся в Эрмитаже (см. в частности, Низовский, 2001:103).

13 февраля 1718 г. вышел указ Петра I, о создании в Петербурге Кунсткамеры и о собирании коллекций для нее[1].

Этот Указ нельзя трактовать однозначно. Общепринято, что он сыграл положительную роль в деле сохранения археологических памятников, и с его выходом было положено «...начало подлинно научному подходу к русским древностям... (так как – З.Г.) впервые памятники прошлого были объявлены ценностью, подлежащей сохранению в государственном музее...» (Формозов, 1961: 25).

Но в Указе 1718 г. говорилось не о запрете грабительских раскопок, а лишь о покупке древних вещей, извлекаемых из земли в ходе все тех же грабительских раскопок. Массовые раскопки археологических памятников в XVIII в. нельзя рассматривать как сохранение древнего наследия предков. Данное распоряжение лишь узаконивало грабеж памятников в интересах государства и в личных целях. Этому способствовала и политика поощрений «находчиков древних памятников», о чем было указано в особой записке Петра 1718 г., в которой были уточнены размеры поощрительной «дачи» (Формозов, 1961: 26).

Недаром, именно к началу XVIII в. относятся первые сведения о частных коллекциях древних вещей из курганов. Хотя, «..возможно некоторые из них появились независимо от указов Петра о собирании древностей... Но даже это не меняет картину в целом...» (Формозов, 1961: 24). Ведь отношение народа к чему-либо определяется политикой государства. А государство в то время рассматривало раскопки древних памятников, в основном, как одну из возможностей пополнить государственную казну.

Не случайно уже 10 декабря 1719 г. вышел новый указ Петра I, в котором говорилось о том, что «...соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, – искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы: сиречь, злато, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких

[1] Сама Кунсткамера была открыта в 1719 г.

красок потребные земли и каменья, к чему каждой колико промышленников принять может колико тот завод и к тому потребное иждевение потребует...» (цит. по Ламин, 2002: 13). Этот указ декларировал горные привилегии по добыче драгоценных металлов и минералов. Но он же и стимулировал массовые ограбления древних памятников, в особенности в Сибири, куда потянулись новые партии «бугровщиков», вооруженных новой царской грамотой, так как «драгоценные» археологические материалы в массовом количестве также находились в земле. Бугровщики, руководствуясь этим новым Указом, уже окончательно уничтожали археологические памятники. Найденные золотые и серебряные изделия переплавлялись ими в слитки, а все остальное простонапросто выбрасывалось за ненадобностью (см. в частности, Формозов, 1961: 23–24).

Указ от 10 декабря 1719 г. стимулировал и продолжение добычи селитры из культурного слоя городищ и курганов в государственном масштабе.

Хотя в противовес этому указу, для предотвращения переливок древних находок из драгоценных металлов 16 февраля 1721 был издан новый государственный указ, касающийся Сибири: «...Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где подлежит, настоящею ценою и не переплавляя, присылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а в оной, потому ж не переплавляя, об оных докладывать его величеству...» (цит. по Матюшину, 1972: 12; Формозову, 1986: 20), остановить размах разрушения и ограбления древних памятников было уже невозможно. Прошло уже более двух лет после выхода указа о горных привилегиях. За этот период «бугровщиками» и «добытчиками селитры» были уничтожены сотни археологических памятников. Данный факт (имеющий место и в наши дни) можно рассматривать либо как несогласованность и недальновидность правовой политики государства, либо как очередную государственную уловку.

Ограблению памятников способствовал и размах казнокрадства в среде местных властей. По словам А.Ю. Низовского, «...принимая грозные постановления, власть смотрела на деятельность бугровщиков, иногда тайно поощряя их промысел. Секрет этого отношения был прост: львиная доля найденных сокровищ оседала в карманах местных чиновников. Свои находки бугровщики продавали, пускали на «подарки» воеводам и приказным, и только очень редко сдавали законно в кассы и приказы. Тайная скупка могильного золота и сбор «подарков» местными властями были организованы не хуже, чем сам поиск сокровищ. В результате, например, только у красноярского воеводы Д.Б. Зубова в 1724 г. имелось в личной собственности могильного золота более чем на несколько тысяч рублей... Огромные сокровища скопил генерал-губернатор Сибири Матвей Гагарин – «расканалья-господин», обвиненный впоследствии в чудовищных злоупотреблениях и казненный...» (Низовский, 2001: 105).

Таким образом, Указы Петра I усилили эпидемию кладоискательства. Не спасло положение и особое указание Петра I о необходимости сохранения целостности погребений и ведения чертежей при раскопках. А.А. Формозов назвал это особое распоряжение – выдвижением со стороны правителя русского государства задачи «...сбора и сохранения отдельных находок, выяснения обстоятельств находки, полевой ее фиксации, описания памятников...» (Формозов, 1961: 26; Формозов, 1986: 20). Но неграмотный крестьянский мужик не мог соблюсти все требования по ведению научных исследований древних памятников. Не могли это сделать и мещане и государствен-

ные чиновники, весьма далекие от археологии и не имевшие ни малейшего представления о научных методах ведения раскопок и обработки археологических находок.

Двоякость петровских указов, предопределенных исторической ситуацией того времени, отразил в своей работе А.А. Формозов, который писал «...Нельзя представлять себе историю охраны памятников виде прямой восходящей линии: от непонимания их значения к пониманию. Нельзя подменять ее, как это нередко делалось, и историей законодательства в этой области... Для нас важны указы Петра I от 1718 и 1721 гг. о доставке археологических находок в Кунсткамеру, но посланный в Сибирь для сбора коллекций Мессершмидт писал в 1723 г. «Три иссеченные из камня фигуры животных с реки Тубы, которые я... поручил здешнему воеводе... поставить в арсенал... уже разбиты народом на куски; меня просто ужаснуло страшное неповиновение воевод указам всемилостивейшего монарха»...» (Формозов, 1986: 119).

И все же нельзя, конечно, отрицать положительные моменты политики Петра I, так или иначе отразившиеся на становлении государственной охраны памятников археологии, как части культурного достояния России.

Эти Указы были величайшим достижением в деле государственной политики того времени, и они стали предпосылкой для последующих законодательных актов, ограждавших археологические объекты от массового разрушения. Их несовершенство было связано с несовершенством государственной системы и социальной среды того времени.

В эпоху Петра I археологические памятники во многом воспринимались лишь как клады. Поэтому, несомненно, положительную роль сыграли указы о так называемых кладах, которых не было в допетровской Руси. При Петре I все клады (а значит и значительная часть археологических объектов) были объявлены государственной собственностью. «...Кладоискатели, а особенно люди, уже нашедшие клад или оговоренные в этом задерживались, а иногда даже и заключались в тюрьму, в ожидании ответа из Москвы...» (Низовский, 2001: 297). Хотя царским указаниям «...Разрядный приказ в Москве, куда поступали дела о кладах, в большинстве случаев предписывали задержанных отпустить из тюрьмы «от пристава и с порук, и впредь кто станет находить, и у тех не отымать, и им продаж не чинить, а кого заделили при разделе клада, – не обделить»...» (Низовский, 2001: 297).

В 1722 г. Петр I отдал распоряжение о незамедлительном принятии мер к сохранению остатков древнего булгарского города под Казанью и обязательном ежегодном осмотре его состояния «для предупреждения дальнейшего вреда». Это был первый в истории России факт государственного распоряжения об охране конкретного археологического объекта (Матюшин, 1972: 12; Формозов, 1961: 26, 96, 102; Формозов, 1979: 7, 9; Формозов, 1986: 17, 20, 120).

Большое значение имели и указы Петра от 1701, 1707, 1715 гг. о создании Пушкарской и Навигацкой школ в Москве, Морской академии в Петербурге и ряд других школ, которые готовили высокообразованных (со стажировкой за границей) офицеров, инженеров, учителей, геодезистов, архитекторов и гражданских чиновников. Именно высокий образовательный уровень российских военных, способствовал изучению и спасению многих археологических памятников во время военных компаний в Средней Азии, в Причерноморье и в Прикубанье.

Важными в деле учета и сохранения древних памятников на государственном уровне представляются еще два указа Петра I. Первый из них был издан в 1719 (1720, 1721)[2] г. о снаряжении первой российской государственной научной экспедиции (1720–1727) для сбора сведений об археологических памятниках Сибири, а также коллекций древностей для Кунсткамеры (под предводительством приглашенного из Данцига доктора Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735). Второй указ вышел 20 апреля 1722 г. в ответ на январское повеление Синода 1722 г. о снятии с икон привесок и монет для употребления на изготовление церковной утвари. В данном указе говорилось о посылке в области, которые не пострадали в Смутное время, «...знающих людей, дабы то пересмотрели, что гораздо старое и куриозное...» (Формозов, 1986: 128), и необходимости выкупа у Синода предметов, имевших историческую и иную ценность.

После Петра I вышло три государственных указа, оказавших влияние на судьбу археологических памятников. В 1727 г. был издан специальный сибирский указ, запрещавший раскопки курганов в Киргизских (Барабинских) степях, с угрозой наказания нарушителей распоряжения батогами. Вызван он был, правда, «...не заботой об археологических памятниках, а тем, что кочевники часто угоняли лошадей бугровщиков, а то и их самих забирали в плен...» (Формозов, 1961: 98). Однако благодаря этому указу значительная часть курганных могильников в Сибири некоторое время не подвергалась разграблению.

28 июня 1782 г. специальным указом Екатерина II отменила государственную собственность и закрепила «...право собственности владельца земли на все богатства, сокрытые в ее недрах, в том числе и на клады...» (Низовский, 2001: 297). Позднее это положение было закреплено в Жалованной грамоте и в правительственном Указе от 31 апреля 1785 г. (Низовский, 2001: 297).

Этот указ упорядочивал поиски и раскопки кладов, предоставляя их в ведение землевладельцев, что способствовало спаду массового народного «бугрования» и спасению не только значительной части древних памятников, но и ценных археологических раритетов. Так как основная часть земли на Руси в то время принадлежала либо государству (в этом случае найденные клады принадлежали государству), либо крупным землевладельцам (которым, чаще всего не было надобности переплавлять для продажи древние произведения искусства в куски золота и серебра, и которые чаще всего из найденных археологических предметов создавали частные музеи), либо церкви (которая в принципе запрещала раскопки и поиски «кладов» как «богопротивное дело»).

Третьим государственным документом, сыгравшим положительную роль в системе сохранения и учета памятников археологии стало предписание Сената землемерам от 9 апреля 1771 г., в котором указывалось на необходимость включения в журналы при снятии уездных планов замечаний о курганах, пещерах и развалинах...» (Формозов, 1961: 31; Формозов, 1986: 21). Это предписание способствовало тому, что в системе государственного «землеописания» появились сведения о так называемых землях историко-культурного назначения, занятых объектами археологии. Эти сведения впоследствии послужили первоосновой для археологической карты России (Фор-

[2] В различных источниках даются различные даты выхода данных указов.

мозов, 1961: 31; Формозов, 1986: 21). Предписание сената от 9 апреля 1771 г. выполнялось землемерами вплоть до 1917 г.

К 1917 г. в России сложилась (хоть и несовершенная и, часто основавшаяся на субъективном мнении), государственная система охраны и учета археологических памятников. Несмотря на то, что государственное устройство России после 1917 г. было полностью изменено, система государственной охраны культурного наследия, а значит, и археологических памятников получило свое дальнейшее развитие. Основным достижением было отмена частной собственности на землю, закрепление государственной собственности на археологическое наследие и принятие ряда нормативно-правовых документов, определивших статус археологических памятников в общей государственной системе общенародных ценностей. В советский период эта система работала рамках новостроечных археологических работ и выполняла исключительно государственный заказ на высвобождение территорий для пятилетних новостроек, а в постперестроичный период наиболее полное развитие получила в так называемых предупреждающих действиях при организации и ведении хозяйственных и иных работ, связанных с нарушением почвенного покрова.

К концу XX столетия в Российском государстве сложилась хоть и неполная, но довольно стройная система организации так называемых охранных археологических работ, направленных как на предупреждение разрушения древних памятников, так и на непосредственные аварийно-спасательные работы. Заключается она в сложении общегосударственной правовой системы, в которую охрана и учет археологических объектов, вошли неотъемлемой частью.

На сегодняшний день практически во всех правовых документах, регламентирующих социально-экономическую деятельность, содержатся требования, так или иначе определяющие деятельность по сохранению объектов культурного и, в частности, археологического наследия. Условно их можно подразделить на восемь основных направлений:

I. Законодательство в области охраны окружающей среды:

1. Закон РФ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г., № 7-ФЗ (ст. ст. 1; 4 п. 3, 20, 58, 59).

2. Закон РФ «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г., № 33-ФЗ (в ред. Федерального закона от 30.12.2001 N 196-ФЗ, с измен. на 10.05.2007) (введение, ст. 4; ст. 6, п. 2; ст. 12, п. 3; ст. 13, пп. б, ж; ст. 15, пп. 1д, 2и; ст. 21, пп. 1,2, 4; ст. 22, п. 4в, ст. 25, п. 1).

3. Руководство «По проведению оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) при выборе площадки, разработке технико-экономических обоснований и проектов строительства (реконструкции, расширения и технического перевооружения) хозяйственных объектов и комплексов» (п.п. 4.4.1 (2)(ж), 4.4.4 (2)(ж), 4.4.4. (4)(в), 4.4.5 (6), 7.3 (2)(а)).

4. Инструкция по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности, утв. Приказом Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ от 29.12.95, № 539 (пп. 1.5, 4.2, 4.5, 4.6, 4.7, 4.8, 4.11, 5.2, 5.3, 5.4, 5.5, 5.7, 5.8, 5.10, 6.3, 6.5, 6.6, 6.11, 6.12).

5. Строительные нормы и правила РФ. Инженерные изыскания для строительства. Основные положения, утв. Постановлением Минстроя России от 29.10.96, № 18-77 (СНиП 11-02-96) (п. 8.10, 8.11, 8.16, 8.23).

6. Свод правил «Инженерно-экологические изыскания для строительства» от 15.08.97 (СП 11-102-97) (п. 4.85, 5.5, 5.6, 5.9. 6.29).

7. Постановление Правительства РФ «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» от 05.03.2007, № 145 (п. 2в).

8. Положение «Об организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» от 05.03.2007, № 145 (п. 2в).

9. Приказ Государственного Комитета РФ по охране окружающей среды «Об утверждении «Перечня нормативных документов, рекомендуемых к использованию при проведении государственной экологической экспертизы, а также при составлении экологического обоснования хозяйственной и тной деятельности» от 25.09.97, № 397.

10. Приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ «Об утверждении единой формы Заключения государственной экологической экспертизы» от 28.09.95, № 392 (п. 3);

11. Приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ «Об утверждении «Инструкции по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности» от 29.12.95, № 539.

II. Законодательство в области земельных отношений:

1. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001, № 136-ФЗ (ст. 1, п.6; ст. 3, п. 2; ст. 27, п. 5.4; ст.45, п. 2.3; ст. 56, п. 2.2; ст. 85, пп. 4, 5, 10; ст. 94, пп. 1, 2.4, 6; ст. 99, с. 100, п. 1).

2. Закон РФ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21.12.2004, № 172-ФЗ (с измен. на 08.11.2007) (ст. 7, п. 1.7; ст. 10; ст. 11, п. 2.3.).

III. Законодательство в области градостроительства:

1. Градостроительный кодекс России от 29.12.2004, № 191-ФЗ (ст.ст. 1 (п.4), 2 (п. 10), 4 (п.3), 6 (5_1)), 10 (пп. 6.3, 10.2), 11 (п. 3), 12 (п. 1), 14 (пп. 5, 6.4, 9.1, 10.2), ст. 16 (п. 1), 19 (пп. 4.3, 7.1, 8.2), 21 (пп. 1, 2), 23 (п. 6.6), 24 (п. 7), 25 (пп. 1, 2), 27 (пп. 1, 6), 30 (п. 1.1, 5), 34 (п. 3), 35 (п. 12), 36 (пп. 4.1, 5, 7, 8), 42 (пп. 1, 3, 4.4), 43 (п. 5.6), 44 (п. 33.6), 45 (п. 10), 48 (п. 12.10), 48_1 (п. 5), 52 (пп. 6, 8)).

2. Закон РФ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» от 17.11.95, № 169-ФЗ (с изменениями на 18.12.2006) (ст. ст. 1, 3 (п. 3), 21, 25).

3. Рекомендации по составу архитектурно-планировочного задания на проектирование и строительство зданий, сооружений и их комплексов, утв. Постановлением Государственного Комитета РФ по жилищной и строительной политике от 01.04.98, 18-28.

4. Постановление Правительства РФ «О форме градостроительного плана земельного участка» от 29.12.2005, № 840 (п. 4).

5. Приказ Госгражданстроя О «Порядке комплексной разработки и утверждения генеральных планов городов и других населенных пунктов» от 21.08.85, № 253 (пп. 1.1, 2.6, 3.6, 3.12).

6. Правила ведения Единого государственного реестра объектов градостроительной деятельности, утв. Приказом государственного Комитета Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от 31.05.2001, № 120 (с изменениями на 02.09.2003) (приложение № 1, п. 10).

7. Методические рекомендации по проведению экспертизы проектов детальной планировки жилых районов (Письмо Главгосэкспертизы России от 05.05.92, № 24-8-3/1-2) (п. 1.1., 2.2) (образец экспертного заключения по проекту детальной планировки жилого района, п. 5).

IV. Лесное законодательство:

1. Лесной кодекс РФ от 24.11.2006, № - ФЗ (ст.ст. 12 (п. 4), 12 (п.4.), 102 (пп. 1. 2.4г)).

2. Инструкция о порядке отнесения лесов к категориям защитности. Утв. Приказом Государственного Комитета СССР по лесному хозяйству от 24.09.79, № 157 (с изменениями на 30.12.1993) (пп. 3, 6, 26, 27).

3. Методические рекомендации, утв. Приказом Федерального агентства лесного хозяйства Министерства природных ресурсов РФ от 04.02.2005, № 13 (пп. 2.3, 2.6).

V. Законодательство в области недропользования:

1. Закон РФ О недрах от 21.02. 92, № 2396-1 (с измен. на 01.122007) (ст. 33).

2. Правила охраны недр, утвержденные Постановлением Федерального Горного Промышленного Надзора России от 06.06. 2003, № 71 (п. 20).

3. Правила охраны недр при переработке минерального сырья, утвержденные Постановлением Федерального Горного Промышленного Надзора России от 06.06. 2003, № 70 (п. 26).

4. Приказ Министерства природных ресурсов РФ о «Классификации запасов и прогнозных ресурсов нефти и горючих газов» от 01.11.2005, № 298 (п. 26).

5. Приказ Министерства природных ресурсов РФ о «Классификации запасов и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых» от 11.12.2006, № 278 (п. 7.2).

VI. Законодательство в области имущественных отношений:

1. Налоговый кодекс РФ от (ст. 389, п. 2.2).

VII. Правоохранительное законодательство:

1. Гражданский кодекс РФ от 21.10.1994, № -ФЗ (ст.ст. 233 (п. 2), 235 (п. 2.4), 240, 272 (п. 2), 349 (п. 2.2).

2. Кодекс РФ Об административных правонарушениях от 30.12.2001, № 196-ФЗ (с изменениями на 01.12.2007 (ст.ст. 7.13 – 7.16, 7.33, 23.57).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 30.12.2001, № 196-ФЗ (с изменениями на 24.07.2007 г.), (ст.ст. 7.13, 7.14, 7.16, 8.1, 8.4, 8.5, 9.4, 19.26).

VIII. Законодательство в области культуры:

1. Закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002, № 73-ФЗ.

2. Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15.12.78 (с измен. на 25.06.2002).

3. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утв. Постановлением СМ СССР, от 16.09.82, № 862.

4. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, утв. Приказом МК СССР от 13.05.86, № 203, согл. с Госстроем СССР (письмо от 01.04.86, № ИР – 1682;

5. Инструкция по организации зон охраны недвижимых памятников культуры СССР. Утв. Приказом МК СССР от 24.01.86, № 33, согл. с Госстроем СССР (письмо от 27.12.85, № ИП-6272).

6. Основы законодательства РФ о культуре от 09.10.92, № 3613-1 (ст.ст. 3, 4);

7. Постановление Правительства РФ «О лицензировании деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» от 20.02.2007, № 117.

Законодательство в области земельных отношений, градостроительства, недропользования и лесное законодательство раскрывают механизм сохранения объектов культурного наследия при организации хозяйственных или иных работ, проведение которых может повлечь за собой разрушение этих объектов.

Законодательство в области имущественных отношений определяет собственность на объекты культурного наследия и устанавливает исключительно государственную собственность на все археологические объекты.

Правоохранительное законодательство устанавливает меры наказания за разрушения объектов культурного наследия.

Законодательство в области культуры определяет основные виды объектов культурного наследия и в декларативной форме устанавливает принципы их сохранения.

Таким образом, на сегодняшний день в России сложилась реальная государственная система сохранения археологических объектов, как части общероссийского и мирового культурного наследия. Декларативная роль ведомства культуры в этой системе определяется иерархией структур в общегосударственном аппарате, основы которого были заложены еще в XVIII в. Петром I.

Литература

Ламин В.А. Золотой след Сибири. Новосибирск: Наука, 2002.

Матюшин Г.Н. У колыбели истории. М.: Просвещение, 1972.

Молчанов С.Н. К вопросу о правовом режиеме культурных ценностей (опыт универсального подхода) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4.

Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М.: Наука; Интерпериодика, 2001.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.

Формозов А.А. Пушкин и древности. М: Наука, 1979.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.

РАБОТА ОМСКОГО МУЗЕЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ КРАПИВКА II» XIV–XVI вв.*

А.В. Матвеев, И.Е. Скандаков
г. Омск

В 2006 г. Омский музей просвещения (правопреемник Омского музея истории народного образования) осуществил ряд мероприятий, направленных на сохранение памятника археологии городища Крапивка II в Тарском районе Омской области. Предыстория этих мероприятий такова.

В 1989 г. в районе деревни Крапивка в Тарском районе Омской области были паспортизированы три археологических памятника: стоянка Крапивка I, курганный могильник Крапивка III, поселение Крапивка IV.

Стоянка Крапивка I была обнаружена тарским краеведом А.В. Вагановым в 1930-х гг.; обследовалась Средне-Иртышской археологической экспедицией Омского государственного университета (ОмГУ) под руководством А.И. Петрова в 1978–1979 гг. В 1978 г. на территории стоянки была проведена шурфовка, а в следующем году – разбиты три раскопа и четыре шурфа общей площадью 64 м^2. По результатам работ стоянка была датирована двумя историческими периодами – эпохой развитого неолита и эпохой ранней бронзы (екатеринининская археологическая культура) (Петров, 1979: 28). В 1989 г. стоянка осмотрена Журавлевским отрядом Омского государственного педагогического института (ОГПИ) под руководством И.Е. Скандакова по программе паспортизации памятников истории и культуры (Скандаков, 1990).

Могильник курганный Крапивка III обнаружен тарским краеведом А.В. Вагановым в 1930-х гг. Обследован в 1989 г. Журавлевским отрядом ОмГПИ под руководством И.Е. Скандакова: снят глазомерный план, уточнено местонахождение. Датировка не ясна.

Поселение Крапивка IV выявлено в 1989 г. Журавлевским отрядом ОГПИ под руководством И.Е. Скандакова. Был снят глазомерный план, проведена шурфовка, в результате которой культурный слой поселения был датирован средневековьем.

В апреле 2005 г. по проекту строительства автомобильной дороги «с. Самсоново – с. Пологрудово» для ГУ «Управление дорожного хозяйства Омской области» Фондом охраны археологического наследия были проведены экспертные археологические изыскания в Тарском районе Омской области. Задачей работы было изучение возможности прохождения дороги рядом с памятником археологии «стоянка Крапивка I». Экспедиция в составе А.В. Матвеева и В.В. Михалева произвела осмотр стоянки, сбор подъемного материала (фрагменты керамических сосудов), обозначила пикетами существующий коридор автодороги вопреки планируемому проведению трассы, поскольку последняя разрушила бы восточную часть археологического памятника. В ходе работ от лесника с. Самсоново В.А. Оторова были получены сведения о нали-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 05-06-80470.

чии вблизи проектируемой трассы еще одного археологического памятника. Участники экспедиции на указанном месте нашли городище, получившего наименование Крапивка II, и обследовали его.

Городище расположено в 1,4 км на Ю от д. Крапивка Тарского района Омской области, в 1 км на ЮВ от р. Уй (правый приток р. Иртыш), в 45–60 м на ЮВ от оз. Глухого, на длинном подтреугольном мысу («Васин мыс»), ориентированном по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 1). Мыс образован краем террасы р. Уй и длинным (протяженностью около 1 км) логом. На дне лога протекает ручей шириной 0,5–1 м, средней глубиной 0,15–0,3 м и вязким дном. Склоны лога залесены, дно покрыто папоротником.

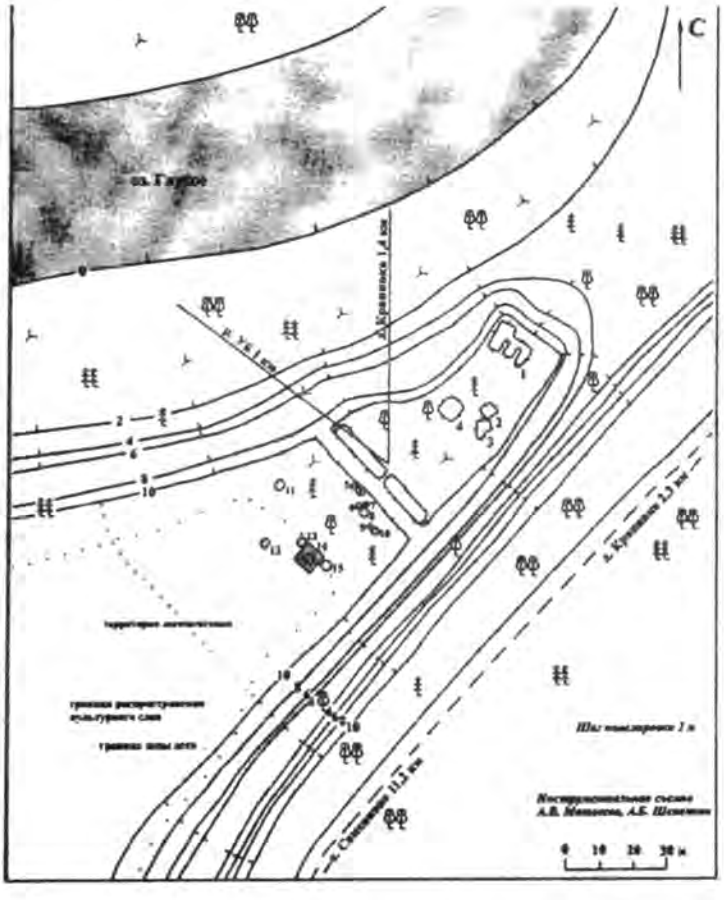


Рис. 1. Крапивка II. Городище и селище.
Общий план с обозначением места раскопа 2006 г.

Длина городища – 68 м, максимальная ширина – 40 м. Площадь городища – 2100 м^2. На местности оно выделяется рвом и валом. Ширина рва – 5,3 м, глубина – 1–1,5 м. Ширина вала – 4,2 м, высота – 1,8–2 м. В средней части вала имеется проход шириной 1,5–2 м.

Внутренняя площадка городища имеет в плане подпрямоугольную форму. На ее территории зафиксированы 4 жилищные насыпи (объекты № 1–4) и многочисленные грабительские шурфы и траншеи. Насыпи подпрямоугольной в плане формы расположены в центральной и северо-восточной частях площадки (табл. 1).

С южной напольной стороны к городищу примыкает обширное селище, представленное жилищными западинами округлой, овальной и подпрямоугольной форм (объекты № 5–12) (табл. 1).

Таблица 1

Данные об объектах, расположенных на городище и селище Крапивка II

№ п.п.	Тип объекта	Форма	Ориентация	Длина, м	Ширина, м	Высота/глубина, м
1	Насыпь	Подпрямоугольная	СЗЗ-ЮВВ	12,7	9,4	0,1–0,3
2	Насыпь	Подпрямоугольная	СВВ-ЮЗЗ	2,4	2,3	0,3–0,4
3	Насыпь	Подпрямоугольная	С-Ю	5,41	4,32	0,3–0,4
4	Насыпь	Подпрямоугольная	СВ-ЮЗ	6,36	6,12	0,3–0,5
5	Западина	Округлая		2,16		0,2
6	Западина	Овальная	ССВ-ЮЮЗ	2,16	2	0,15
7	Западина	Подпрямоугольная	СЗ-ЮВ	2,03	2	0,15
8	Западина	Овальная	СЗ-ЮВ	3,12	3	0,23
9	Западина	Подпрямоугольная	ССВ-ЮЮЗ	2,16	0,2	0,1
10	Западина	Овальная	СЗ-ЮВ	2,76	2,11	0,2
11	Западина	Овальная	ССВ-ЮЮЗ	3,6	2,64	0,34
12	Западина	Овальная	СВ-ЮЗ	3,25	2,92	0,25
13	Западина	Овальная	СВ-ЮЗ	3	2,6	0,3
14	Западина	Подпрямоугольная	З-В	3,76	2,7	0,33
15	Западина	Овальная	СЗ-ЮВ	3,6	3,3	0,2

Территория селища к моменту исследования была затронут лесозаготовительными мероприятиями. По проекту строительства автодороги, здесь предполагалось размещение сосредоточенного резерва грунта.

Для определения южной границы распространения культурного слоя селища, южнее городища было заложено несколько шурфов. Наличие культурного слоя было выявлено на протяжении 70 м южнее укрепленной линии городища. В результате, на плане местности нами была обозначена граница охранной зоны археологического памятника (на местности отдельно стоящие деревья были помеченные полосами красной краски).

По результатам экспертных работ было подготовлено заключение, утвержденное Министерством культуры Омской области и включавшее два момента.

1. *«При строительстве проектируемой дороги в районе памятника «стоянка Крапивка I» необходимо использовать только имеющуюся ширину дорожного полотна. В случае невозможности соблюдения этого требования необходимо проведение полного изучения памятника (раскопки).*

2. *Памятник «городище Крапивка II» представляет интерес для изучения средневековой истории Омской области. Лесозаготовки в районе городища не должны нарушать границы охранной зоны. Рекомендуем поставить памятник «городище Крапивка II» на государственный учет и контроль. Использование территории, прилегающей к городищу, под резерв грунта возможно только после детального археологического исследования.*

Работы по строительству автодороги могут выполняться в полном объеме только при условии соблюдения вышеозначенных рекомендаций».

Нами было осуществлено дополнительное изучение данных архивов и музеев, в результате чего было установлено, что обнаруженный в 2005 г. археологический памятник городище Крапивка II был открыт еще в 1938 г. тарским краеведом Аркадием Викуловичем Вагановым. Коллекция находок, собранных А.В. Вагановым на городище, поступила сначала в Тарский районный краеведческий музей, а затем, в Омский областной краеведческий музей (коллекция ОМК 4538). Осмотр фрагментов керамики из этой коллекции позволил нам предварительно отнести городище к культуре предков сибирских татар.

В 2006 г. при определении места летних полевых работ администрацией ГУОО «Омский музей истории народного образования» для исследования был выбран памятник городище Крапивка II. Выбор определялся двумя факторами. Во-первых, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН финансировал раскопки одного из памятников времени Сибирского юрта. Во-вторых, актуальной оставалась опасность для селища в случае начала работ по строительству автодороги. По этим причинам было решено провести детальное археологическое исследование и уточнить культурно-хронологическую принадлежность, планиграфические и стратиграфические особенности селища.

В июле – августе 2006 г. в рамках работы ежегодной комплексной историко-педагогической экспедиции ГУОО «Омский музей истории народного образования» под руководством А.В. Матвеева и И.Е. Скандакова были проведены археологические раскопки средневекового селища Крапивка II. Раскоп площадью 34 м^2 был размещен в центральной части селища на территории западины № 14. Западина подпрямоугольной формы, ориентирована по линии З-В с хорошо выраженным, слабоуглубленным (до 0,2 м) входом в западной части. Выбор места раскопа был связан с необходимостью выяснения степени сохранности культурного слоя объектов селища после вырубки леса, произошедшей в 2004 г.

Стратиграфия раскопа, зафиксированная после снятия культурных горизонтов, представлена в таком порядке. Дерн (слой № 1), покрывавший современную поверхность памятника, имел толщину 3–9 см. Ниже дернового слоя на большей части раскопа обнаружился слой супеси темно-серого цвета мощностью в среднем 12–16 см (слой № 2). Этот слой являлся основным слоем, содержащим находки. Ниже расположен слой супеси светло-серого цвета мощностью 10–15 см (слой № 3), который содержал

незначительное количество находок и вероятно являлся строительным горизонтом селища. Ниже расположен материк, представленный слоем песка желтого цвета.

После выборки третьего штыка, на уровне материка, было обнаружено два пятна темно-серой супеси. Пятно № 2 в восточной части раскопа (максимальные размеры 1,18 х 1,02 м) не выбиралось по причине отношения к культурному слою соседней жилищной западины и было законсервировано.

Пятно № 1 (максимальные размеры 3,43 х 2,27 м) на материке было зафиксировано в виде аморфного пятна, вытянутого по линии З-В, однородного по заполнению. Яма № 1 после выборки сохранила свою форму и общую ориентацию, несколько уменьшив размеры. Длина ямы – 3,04 м, ширина – 1,75 м.

При выборке ямы № 1 стало очевидным, что она состоит из двух частей: ямы камеры жилища и расположенного с северо-западной стороны от нее коридорообразного входа, отделенного от пола помещения одной ступенькой (рис. 2).

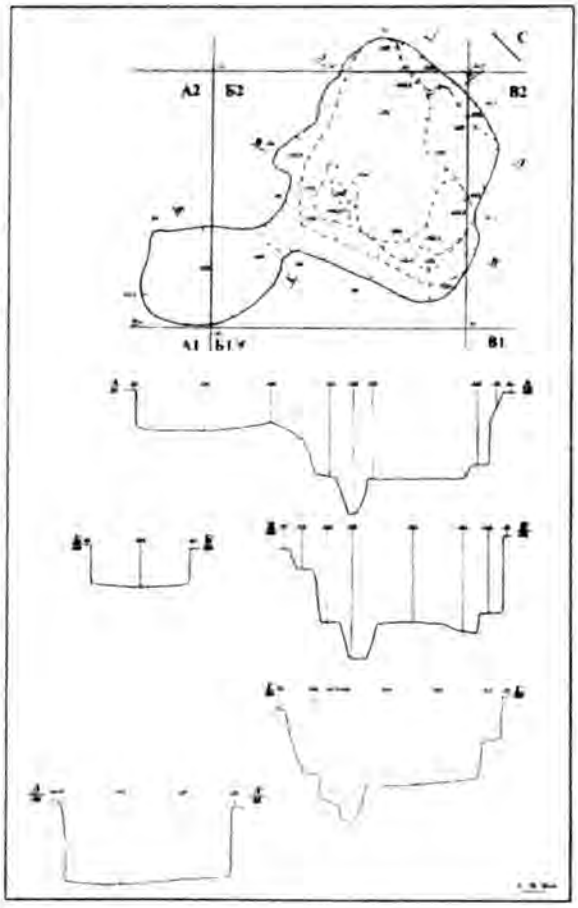


Рис. 2. Селище Крапивка II. Яма № 1. План и разрезы

Камера жилища подпрямоугольной формы ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ (длина – 1,8 м, ширина – 1,75 м, общая глубина – 0,87–1 м). Ее западная стенка ступенчатая, северная и южная – вертикальные. Восточная стенка имеет как наклонный, так и ступенчатый участки. Дно ямы ровное, имеет два углубления и два приподнятых участка.

Траншея коридорообразного входа овальной формы, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ (длина – 1,09 м, ширина – 0,85 м, глубина – 0,3–0,34 м). Стенки ямы вертикальные, дно ровное с легким изгибом.

В ходе выборки культурного слоя селища был получен комплекс археологических находок. Данные об их распределении по штыкам были сведены в таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Распределение массовых находок на раскопе

Находки	2 штык	3 штык	Яма 1	Всего
Фрагменты венчиков сосудов «татарского облика»	6	1	10	17
Фрагменты стенок сосудов «татарского облика»	30	6	11	47
Фрагменты венчиков сосудов усть-ишимской археологической культуры	3	2	1	6
Фрагменты стенок сосудов усть-ишимской археологической культуры	4	–	4	8
Фрагменты стенок неорнаментированных сосудов	29	6	37	72
Фрагменты костей животных	168	15	65	248
Фрагменты костей животных кальцинированные	43	8	86	137
Зубы животных	48	1	19	68
Челюсти и фрагменты челюстей животных	4	–	–	4
Фрагменты глиняной обмазки	106	3	110	219
Шлак	13	2	5	20
Камень	2	–		2
Береста	–	–	8	8
ИТОГО	**455**	**44**	**357**	**856**

Примерно половина всех находок (457 ед.) костные останки животных (фрагменты костей, челюстей и зубы). Около половины фрагментов костей животных (137 ед.) обожжено. При этом большая их часть была обнаружена в яме №1. Предварительный осмотр костей и зубов животных, проведенный специалистами, показал, что значительная их часть принадлежит крупным копытным жвачным животным.

Вторая по численности группа находок – фрагменты глиняной обмазки. Количество находок этой группы, обнаруженных на втором штыке (106 ед.), меньше числа обнаруженных фрагментов в яме № 1 (110 ед.). На 3 штыке находки этой группы единичны, что подтверждает нашу мысль о характере слоя светло-серой супеси как строительного горизонта исследуемого селища.

Все обнаруженные фрагменты металлургического шлака (20 ед.) были отправлены на анализ в лабораторию Омского машиностроительного объединения им. П.И. Баранова.

На двух нижних горизонтах выборки ямы № 1 были обнаружены восемь фрагментов бересты и могут быть связаны как с конструктивными элементами жилища (пол, крыша), так и с бытовыми берестяными изделиями.

Фрагменты керамических сосудов, обнаруженные в культурном слое селища, представляют три различные группы посуды.

Группа 1 (рис. 3, *1–9*). 64 фрагмента венчиков и стенок сосудов так называемого «татарского» облика, отражающие керамическую традицию населения Сибирского ханства XIV–XVI вв.

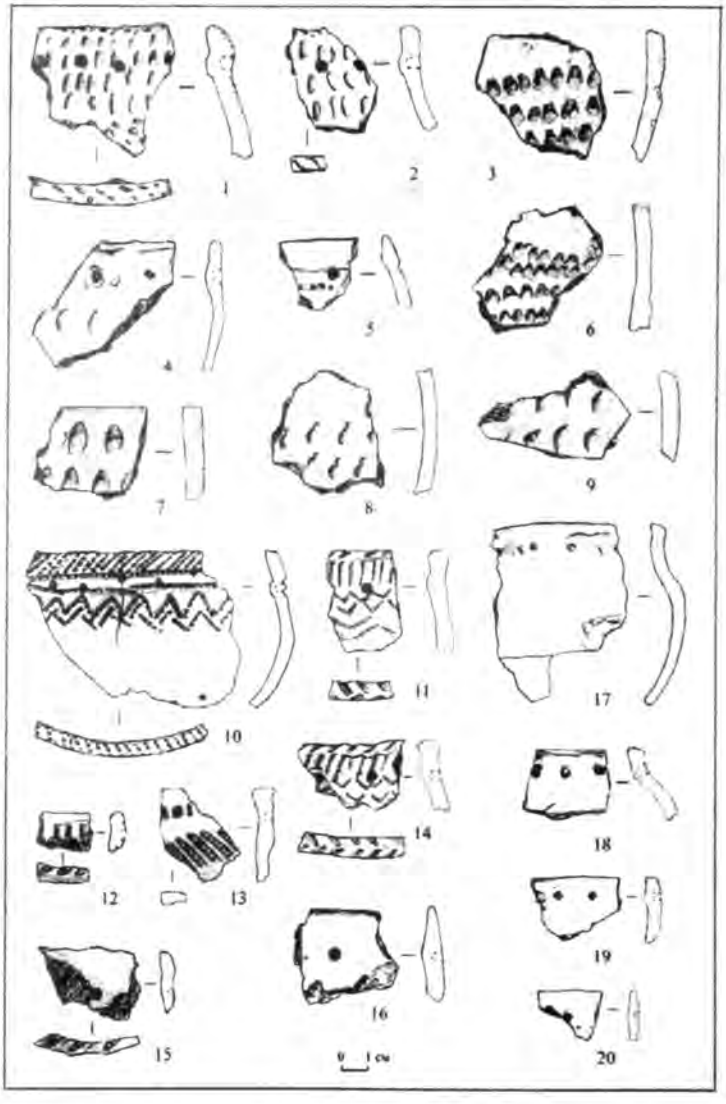


Рис. 3. Селище Крапивка II. Керамика. Группа 1 – *1–9*; группа 2 – *10–16*; группа 3 – *17–20*

Это, чаще всего, крупные слабо профилированные сосуды, украшенные горизонтальными рядами крупных наклонных подтреугольных, семячковидных оттисков гладкого (реже – зубчатого) штампа, горизонтальными рядами наклонных оттисков крупного зубчатого штампа, а также одним рядом ямок округлой формы. Орнамент, чаще всего, покрывает всю поверхность сосуда. В половине случаев срез венчиков сосудов расчленен рядом наклонных оттисков гладкого штампа. Толщина стенок посуды первой группы различна, от 0,4 до 0,8 см. Керамика группы 1 имеет широкие аналогии в памятниках, соотносимых с сибирскими татарами (XIV–XVII вв.) Среднего Прииртышья и Барабы (Матвеев, Татауров, 2006: 154–156; Матвеев, Трофимов, 2005: 72–74; Мельников, 1996: 88–90; Нижнетарский археологический микрорайон, 2001: С. 84, 85, 170 (рис. 73, *1, 5*), 176 (рис. 78, *1, 2*); Татауров, Тихонов, 2002: 122–133).

Группа 2 (рис. 3, *10–16*). 14 фрагментов венчиков и стенок сосудов, выполненных в традиции усть-ишимской археологической культуры X–XIV вв. Они представляют посуду, украшенную в верхней части горизонтальными желобками, выполненными горизонтальными оттисками зубчатого штампа, горизонтальными рядами наклонных оттисков зубчатого штампа, маленькими (диаметр 0,3–0,4 см) ямками округлой формы. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда. Толщина черепков 0,5–0,8 см. Большая часть сосудов этой группы имеет орнаментированный расчлененный срез.

Керамика группы 2 продолжает орнаментальные традиции усть-ишимского населения, отмеченные в керамике известного городища XIII–XIV вв. Кошкуль I, расположенного в среднем течении р. Уй (Михалев, 2006: 99) От классической усть-ишимской посуды керамика группы 2 отличается монотонностью и некоторой небрежностью нанесения орнаментальных элементов, отсутствием оттисков фигурного штампа, более крупными размерами орнаментиров. Аналогичная керамика была обнаружена на городище Бергамак XIV в 50 км юго-восточнее городища и селища Крапивка II, в Муромцевском районе Омской области. С.Ф. Татауров и С.С. Тихонов датировали ее переходным от «усть-ишимского» к «татарскому» временем (2002: 122–133).

Группа 3 (рис. 3, *17–20*). Венчики и стенки сосудов открытой и закрытой формы, в орнаментации которых присутствует один горизонтальный ряд округлых ямок. На венчиках он занимает узкую шейку. Толщина черепков посуды этой группы – 0,4–0,8 см. Срез венчиков округлый, не орнаментированный. Посуда этой группы в незначительном количестве встречается в культурном слое археологических памятников на протяжении всего средневековья. Она была обнаружена А.В. Матвеевым и во время раскопок городищ XIV–XVI вв. Кошкуль IV, Екатерининское V в Тарском районе Омской области. На селище Крапивка II она зафиксирована только во втором слое.

Кроме массовых находок в культурном слое селища Крапивка II были обнаружены фрагмент железного изделия, железный черешковый наконечник стрелы, фрагменты железной кольчуги, точильный камень, каменный скребок, глиняная бусина, глиняное изделие (рис. 4).

Обнаруженные индивидуальные предметы имели широкое хождение в Западной Сибири на протяжении всего средневековья (каменный скребок мог быть подобран жителями селища на территории стоянки Крапивка I). По этой причине они не могут служить культурно-хронологическими и этническими маркерами. В числе уни-

кальных находок в культурном слое селища – мелкие глиняные изделия (бусины ?) и фрагменты кольчуги.

Таким образом, в результате работ 2006 г. на археологическом памятнике городище Крапивка II, на территории селища была изучена жилищная западина № 14. Она представляет собой подземную часть жилища подпрямоугольной формы площадью 3 м^2. Камера жилища в западном углу имела коридорообразный выход наружу, отделенный от пола помещения ступенькой. В жилище располагался очаг подпрямоугольной формы, расположенный в южном секторе ямы, справа от входа.

Рис. 4. Селище Крапивка II. Индивидуальные находки:
1 – изделие глиняное (бусина?); *2* – бусина глиняная; *3* – скребок каменный; *4* – фрагмент железного изделия; *5* – наконечник стрелы железный; *6* – фрагменты железной кольчуги; *7* – точильный камень

На территории раскопа были обнаружены 20 фрагментов металлургического шлака, что вкупе с металлическими орудиями является доказательством наличия у жителей поселения металлургии.

Удивляет отсутствие находок костяных орудий труда и оружия, являющихся наиболее частыми находками на памятниках позднего средневековья бассейнов р. Тара и р. Уй. И это при наличии огромного числа фрагментов костей животных, обнаруженных в культурном слое селища.

Керамическое производство у жителей селища было достаточно развитым. Отсутствие посуды и орудий труда русского производства позволяют определить верхнюю хронологическую границу существования памятника концом XVI в.

Общая тенденция распространения фрагментов керамики 1 и 2 групп по горизонтам позволяет сделать некоторые выводы о культурно-хронологической принадлежности памятника.

Большая часть фрагментов посуды всех выделенных групп зафиксирована на втором штыке, в поселенческом слое темно-серой супеси. Соотношение находок 1 и 2 групп здесь пять к одному. На третьем штыке число находок фрагментов керамики снижается и относится только к пятнам темно-серой супеси. Вместе с тем на третьем штыке совершенно отсутствуют фрагменты керамики в «строительном» горизонте селища, представленном супесью светло-серого цвета. При этом не наблюдается последовательного (послойного) расположения фрагментов керамики различных групп и нельзя говорить о двух культурно-хронологических горизонтах селища.

Керамика 1 и 2 группы присутствует в закрытом комплексе ямы № 1. Здесь соотношение фрагментов керамики обеих групп четыре к одному соответственно.

Таким образом, наличие отмеченных групп керамики в одном культурном слое городища позволяет говорить о культивировании жителями селища обеих керамических традиций и определить нижнюю дату существования селища XIV в.

В ходе полевых изысканий мы взаимодействовали с представителями районных СМИ. В работе экспедиции принимал участие корреспондент газеты «Тарское Прииртышье» С.А. Алферов, который впоследствии подготовил и опубликовал большую статью. Телевизионный сюжет о буднях экспедиции был снят Тарским филиалом ГТРК «Омск» и показан жителям района. В октябре 2006 г. доклад о раскопках на селище Крапивка II был зачитан на заседании Омского союза профессиональных археологов. Таким образом было создано необходимое общественное мнение.

В ноябре 2006 г. нами на имя Министра культуры Омской области В.В. Радула было направлено официальное письмо, в котором содержалось сообщение о результатах полевых работ на памятнике и просьба осуществить мероприятия по недопущению разрушения памятника. В феврале 2007 г. был получен ответ, в котором сообщалось, что *«Министерством культуры Омской области приняты меры по недопущению разрушения в ходе дорожно-строительных работ выявленного объекта археологического наследия «Городище и селище Крапивка II». Заказчику работ (ГУ ОО «Управление дорожного хозяйства Омской области») переданы данные о местонахождении указанного объекта».*

К письму прилагался и ответ заказчика, который сообщал, что *«Управление дорожного хозяйства Омской области» работы по строительству автомобильной до-*

роги «Самсоново – Пологрудово», участок Самсоново – Крапивка не производило. Также принято решение об отказе разработки сосредоточенного резерва грунта, расположенного вблизи археологического памятника «Городище и селище Крапивка II». Проектной организации дано задание об изыскании нового карьера, месторасположение которого будет согласовано в установленном порядке».

Таким образом, в ходе работ 2005–2006 гг. были проведены мероприятия по охране объекта археологического наследия «Городище и селище Крапивка II», который представляет собой перспективный исторический памятник, отражающий материальную культуру населения Сибирского юрта XIV–XVI вв.

Литература

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Некоторые итоги полевых работ на археологических комплексах XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Т. II.

Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск, 2006.

Мельников Б.В. Поселение Бергамак III (предварительное сообщение) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1996. Т. 1.

Михалев В.В. Городище Кошкуль I // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея Омск, 2006.

Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большанник, А.В. Жук, В.И. Матющенко и др. Новосибирск, 2001.

Петров А.И. Отчет о полевых работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета летом 1978 года в Тарском, Тевризском и Исилькульском районах Омской области и Кондинском районе Тюменской области // Архив ИА РАН. Р-I. № 7162[а–в].

Скандаков И.Е. Отчет о работе на городище Ясмыса-XIV около д. Журавлевка Тевризского района и о разведке по правому берегу р. Иртыш в пределах Тарского района Омской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-I.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5.

КАМЕННЫЕ СТАТУАРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ
(На примере Баян-Ульгийского аймака)

Э. Наранх
г. Ховд, Монголия

Туризм оказывает существенное влияние на экономическую сферу любого государства. Поэтому даже в высокоразвитых странах важную роль в развитии экономики, а также внутренней и внешней политики, наряду с прочим, играют финансовые потоки, поступающие от туризма.

Каждая страна имеет свои специфические ресурсы и условия для развития туризма, которые, прежде всего обусловлены и отличаются спецификой географического положения и историко-культурными особенностями региона. Монголия входит в число стран, обладающих достаточно крупным ресурсом как в области природно-ладншафтного разнообразия, так и в области многоликости и привлекательности историкокультурного наследия. Однако не равномерность выявленности и изученности памятников истории и культуры в разных локальных районах серьезно отражается на возможностях вовлечения этих территорий в туристический бизнес (Сарантуяа, Даш.1988; Даш. 2003; Баярхуу. 1999; 2000; Веденин. 1969).

На протяжении многих лет ряд монгольских ученых, такие как, например, Х. Пэрлээ, Д. Наваан, Б. Баяр исследовали памятники истории и культуры Монголии в их связи с общекультурным контекстом развития человечества и достигли ы этом определенных успехов. Ими было выявлено и научно описано большое количество памятников археологического прошлого в разных точках страны. Помимо отчечтсвенных ученых большой вклад в поиск и изучение историко-культурного наследия Монголии внесли зарубежные исследователи, первые из которы пришли в монгольские горы и степи еще в XIX в. (Потанин, Клеменц и др.). На основе многолетних продуктивных исследований ученых разных стран многообразное историкокультурное наследие Монголии сегодня делится на несколько основных групп:

1. Археологические памятники.
2. Древние города.
3. Архитектурные памятники.
4. Религиозные и этнографические памятники.
5. Изобразительные памятники.

Очень большое значение для науки и туризма имеют археологические объекты погребально-поминального и военного назначения, остатки древних городов, наскальные рисунки, древние и средлневековые памятники культовой архитектуры, каменные изваяния и целый ряд других категорий памятников.

В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на одну из групп статуарного наследия, которая в научной литературе уже давно получила наименование «каменные бабы». Данный тип изваяний в разной форме (стелы с плоскостными изобра-

жениями или антропоморфными деталями, скруглая скульптура) показывает облик раннетюркского мужчины-воина. Обычным материалом для их изготовления становились гранит, базальт, сланцы, песчаник, мрамор.

Данная категория памятников занимает одно из ведущих мест по историческому и культурному значению. Каменные статуарные произведения дают очень широкие и объективные сведения о физических и духовных особенностях людей того времени на основе их портретирования, одеяний, аксессуаров религиозного и бытового назначения, оружия и многих других деталей, позволяющих пролить свет на жизнь средневековых обществ Монголии и других стран степного пояса Евразии.

По изобразительной манере и культовому оформлению каменные бабы делятся на произведения двух этапов истории раннего средневековья:

1. Каменные бабы периода тюркских каганатов.
2. Каменные бабы периода уйгурского каганата.

Следует добавить, что вне зависимости от времени сооружения все они являются объектами поминального назначения.

Произведения первого периода отличаются тем, что они посвящены великим ханам и князьям того времени и при них поставлены данные изваяния и «зэл» (зэл – это камни, которые устанавливали для указания на число людей, участвовавших в похоронах).

Произведения второго, уйгурского периода, устанавливались одиночно, рядом нет никаких других с ними связанных объектов.

Ныне на территории Монголии обнаружено и зарегистрировано более 500 каменных баб, 400 из которых относятся к периоду тюркских каганов. Подобные памятники найдены российскими и казахстанскими учеными на приграничных территориях Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана. Информация о них опубликована в крупнейших научных трудах, в которых подчеркивается связь исследованных каменных баб с образцами, обнаруженными на территории Монголии и таким образом, говорится о едином историко-культурном пространстве культуры производства и использования средневековых каменных скульптур, именуемых бабами.

Одной из приграничных с Россией, Казахстаном и Китаем территорий в Западной Монголии является Баян-Ульгийский аймак, включающий 457 000 квадратных км с населением в108 000 человек. Доминирующей группой населения аймака являются казахи. По опубликованным источникам на сегодняшний день на территории аймака известно 90 каменных баб, 60 из которых относятся к великотюркскому, а к 30 уйгурскому времени. Помимо научной и культурной ценности эти памятники имеют важнейшую ценность в качестве потенциальных продуктов туризма.

Каменные бабы как источник для демонстрации образа жизни людей прошлого времени могут оказать большое влияние на развитие туризма в Монголии. Имея возможность ознакомиться с ними через Интернет, потенциальные туристы получат исчерпывающую информацию о туристических перспективах страны в целом и отдельного региона в частности. Особенно если привлекательная информационная страница Интернета снабжена выразительными цветными фотографиями, демонстрирующими самые замечательные памятники и объекты историко-культурного наследия страны. Задача создания таких информационных страниц и наполнения их выявленными и

изученными археологическими объектами, в том числе и каменными бабами, в настоящее время является насущной необходимостью растущей индустрии монгольского туризма. Заполнить информационную лакуну можно только с использованием наработок ученых Монголии и сопредельных стран, прежде всего исследователей из России, имеющих давний, положительный опыт научных исследований в нашей стране.

Литература

Баярхуу Б. Особенности туризма Монголии // Проблемы региональной экологии. Томск, 2000. Вып. 6.

Баярхуу Б. Социально-экономические рекреационные ресурсы Ховдского аймака // История, культура, природные условия и ресурсы Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. IV междунар. конф. Томск, 1999.

Веденин Ю.А., Мирошниченко Н.Н. Оценка природных условий для организации отдыха // Известия АН СССР. Серия географич. 1969. № 4.

Даш Д. Ландшафтная дифференциация хребтов Монгольского Алтая и особенности их распространения // История, культура, природные условия и ресурсы Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. VI междунар. конф. Томск, 2003.

Сарантуяа.Б, Даш. Д. Монгол орны байгалийн нохцолийн рекреацийн унэлгээ (Рекреационная оценка природных условии Монголии) // Монгол орны газарзуйн асуудлууд. Улаанбаатар, 1988.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ТРАДИЦИОННОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Р.Б. Слямзина
г. Салехард

Народная архитектура консервативна и поэтому сохраняет на разных этапах своего существования определенный набор архаичных элементов, изучение которых способствует воссозданию исторического развития какого-нибудь конкретного этноса и выявляет взаимопроникновения культур различных этносов. Чем сложнее историческое развитие народа, тем богаче и разнообразнее становятся строительные традиции и художественные приемы.

Народное зодчество сибирских аборигенов, занимая немаловажное место в истории многонациональной архитектуры нашей страны, остается до сих пор еще малоизученным. Специальных статей о национальной архитектуре северо-западного региона Сибири практически нет.

Сведения о поселениях и постройках Западной Сибири начали фиксироваться сравнительно недавно. В основном исследования проводились в этнографическом плане. Первые сведения об обских уграх поступили еще во второй половине XVIII в. Например, этнографическое сочинение студента В.Ф. Зуева «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов», сделанное в 1771 г., работа А.И. Андреева «Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцах» (Андреев, 1947: 84). В текстах исследователей быта хантов часто упоминается работа П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям русского государства. 1773 г. СПб». В конце XIX – начале XX в. основными исследовательскими работами, где хотя бы немного затронута тема жилья, являются работы Г.Н. Новицкого, И.Г. Георги, Г.Ф. Миллера, А.А. Дунина-Горкавича, И.Н. Шухова. Также в начале XX века появилась крупная работа У.Т. Сирелиуса, посвященная финно-угорским народностям, в которой есть исследования поселений обских угров. Описания жилищ у вышеперечисленных авторов основаны на полевых материалах. Подробно представлены типологии остяцких жилищ с большим иллюстративным материалом в «Историко-этнографическом атласе Сибири». Современные исследования, содержащие рисунки и фотографии, принадлежат этнографам: В.М. Кулемзину, Н.В. Лукиной, Е.П. Мартыновой, З.П. Соколовой, Федоровой, В.Н. Чернецову.

Вместе с тем современные традиции остяков имеют очень глубокие корни. Срубная техника появилась в IV–VI вв., но жилища были с плоской кровлей и углублены в землю, вдоль стен располагались деревянные, промазанные глиной круговые нары. Вход в такие постройки был сверху. В это же время получили распространение, кроме центральных каменных очагов, наземные прямоугольные очаги типа чувалов в углах, противоположных входу. Появляются хозяйственные ямы (Федорова, 2000: 181–187).

После начала процесса вхождения хантов в состав Российского государства поселения теряют укрепленный характер. Нередко в исследованиях досоветского периода отдельные постройки аборигенов, в том числе и хантов, называются чумом или юртой. Эти общие понятия включали в себя буквально все типы жилья. Начиная с XVI–XVII вв., преобладающими типами жилых домов являлись слабо углубленные срубные постройки с центральным очагом или чувалом, расположенным у двери. В связи с климатическими условиями, постоянной сменой места поселения так же постоянно изменялось или место поселения и тип жилища, или тип жилища. В каждом сезонном поселении были свои жилища своеобразной формы и конструкции, своего назначения. Наиболее устойчивыми оказались формы и конструкция зимних срубных изб. При изучении сохранившихся образцов национального зодчества постоянно возникает вопрос о соотношении местных и пришлых традиций.

На развитие и более широкое применение сруба у местных народов оказала влияние русская срубная техника строительства жилищ. К концу XIX – началу XX в. срубное жилище стало основным типом у коренного населения, проживающего почти на всей территории Западной Сибири (рис. 1). При этом местная и русская срубная техники нередко почти полностью сливаются друг с другом.

30. Промыселъ Якбура у р. Щучьей.

Рис. 1

Местными чертами срубных построек являются иногда не ошкуренные или плохо ошкуренные бревна, неровные торцы бревен, промазка глиной пазов или стен, углубление постройки в землю, устройство завалинок самых примитивных конструкций. Срубы повсеместно чаще всего встречаются однокамерные, клетью, небольшой высоты с нечетным количеством венцов.

Общие принципы строительства для большинства теплых срубных построек у различных групп хантов очень устойчивы. Такими являются: клеть с плоской двускатной кровлей, в качестве конструктивно-планировочного решения; вход в торцовой стене; примитивно сделанный из деревянных плах дверной косяк, предмостье, представляющее собой предвходовую площадку, или крыльцо с небольшим количеством ступеней, без перил; оконные проемы в боковых стенах клети. В самых старых избах потолок отсутствует. Интерьер организуют широкие земляные нары вдоль торцовой стены или круговые земляные нары вдоль стен. Открытый очаг, чувал справа или слева от входа, в поздних постройках – металлическая печь. Пол деревянный по грунту, в наиболее древних избах – земляной. Под потолком подвешиваются жерди для развешивания одежды – вешала. Зимник сопровождали такие обязательные малые архитектурные формы, как садки для хранения рыбы и хозяйственные навесы.

В результате научно-исследовательских работ, проведенных коллективом ООО «НПО Северная археология-1» по заказу Службы по охране и использованию объектов культурного наследия ЯНАО были сделан вывод, что тип зимнего жилища ханты имеет глубокие национальные и исторические корни.

По инициативе администрации Ямало-Ненецкого автономного округа с 2003 г. проводится обследование историко-архитектурного наследия в регионе. Каждый год на территории округа выявляется все больше архитектурных объектов, проводится их фотофиксация и детальные обмеры. Так, в 2003–2004 г. были проведены исследования в п. Горнокнязевск (рис. 2) Приуральского района (Отчет о НИР Выявление и обследование... 2003, 2004). В 2004–2007 гг. велась научно-исследовательская работа по выявлению и обследованию архитектурного наследия в г. Салехард (Отчет о НИР Выявление и обследование объектов... 2005, 2006, 2007). В 2005 г. обследовались на наличие памятников историко-архитектурного наследия с. Питляр, с. Шурышкары и п. Хантымужи Шурышкарского района (Отчет о НИР Изучение историко-архитектурного наследия... 2005). В результате исследований первично обозначена историческая ценность исследуемых объектов, предварительно определен возраст построек, зафиксировано общее техническое состояние зданий, в некоторых случаях выдвинуты предложения по дальнейшему их использованию и реставрации.

В результате исследований, был сделан вывод о том, что архитектурное наследие русского старожильческого населения округа изучено в меньшей степени, чем аборигенного. Большая часть архитектурных объектов русского деревянного зодчества сконцентрирована непосредственно в г. Салехард, и именно они находятся под угрозой разрушения в связи с интенсивным строительством в окружной столице. В основном работы по изучению русского деревянного зодчества ограничивались чертой города Салехард и включали осмотр и фиксацию памятников ар-

хитектуры, большая часть которых в дальнейшем были поставлены Службой по охране и использованию объектов культурного наследия на государственный учет и охрану.

Рис. 2

Особое внимание необходимо уделить усадьбе Терентьевых по адресу ул. Ламбиных, 1, 1898 г., (памятник истории и культуры местного (муниципального) значения) (рис. 3) – это типовая городская усадьба конца XIX в. Является памятником истории и культуры местного (муниципального) значения. Весь комплекс располагается на угловом участке улиц Ламбиных и Ного. Постройка представляет исключительный интерес для Салехарда, т.к. сохранился не только дом, но и трехсекционный двухэтажный амбар с крытой галереей, сооруженный из барочных досок, въездные ворота. Практически полностью воссоздается развертка усадьбы конца XIX в.! В дальнейшем планируется проведение консервации и строгой научной реставрации.

Рис. 3

Отельное внимание следует уделить архитектурным объектам, построенным в период строительства железной дороги «Чум–Салехард–Игарка». Здание окружкома ВКП(б), 1933 г., ул. Республики, 7 (рис. 4) – здание изначально функционально использовалось под административные и общественно-политические функции. Дом расположен на угловом участке. Представляет собой Г-образный в плане двухэтажный объем, раскрепованный в угловой части четырехколонным тосканским портиком главного входа, с балконом-трибуной на втором этаже, и завершенным аттиком с гербом в центре. Необходимо отметить, что деревянное бревенчатое здание под обшивкой, по-видимому, первоначально было оштукатурено под образцы городского сталинского ампирного зодчества.

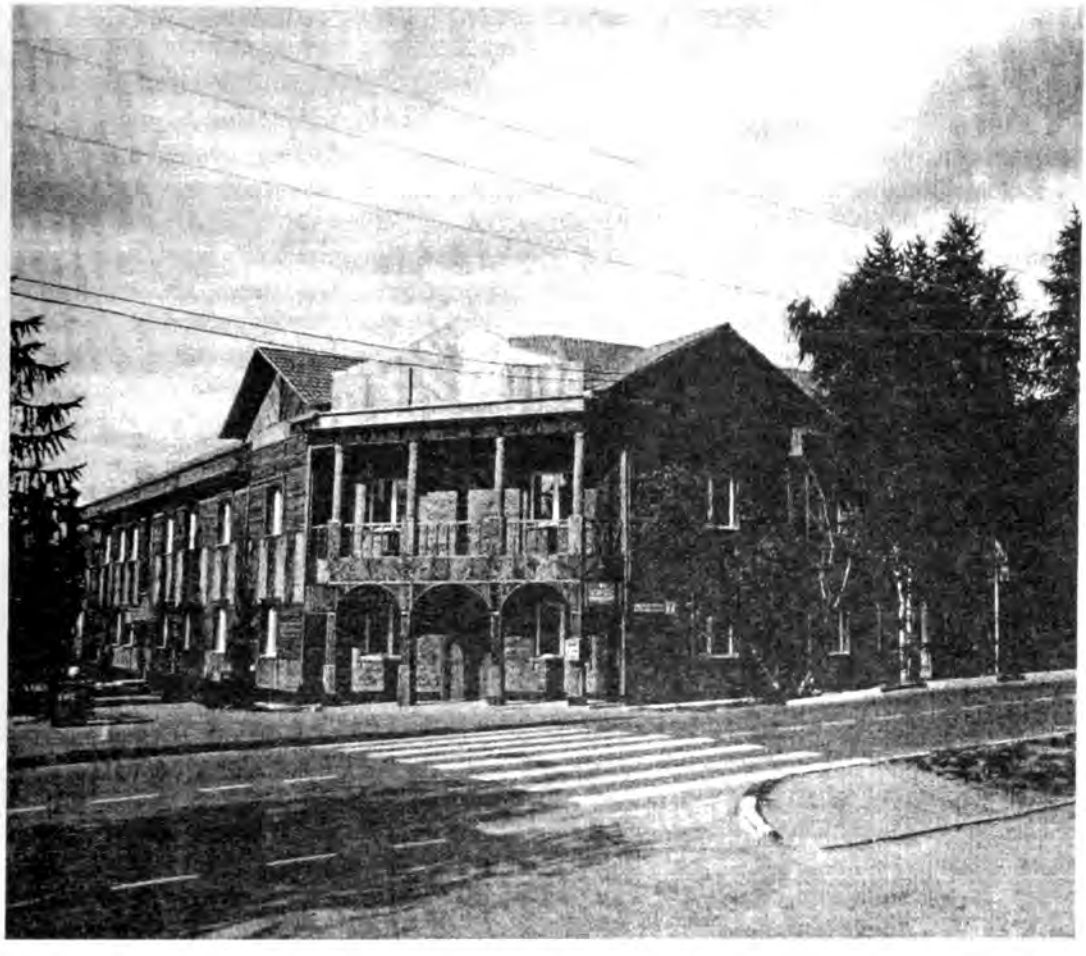


Рис. 4

На современном этапе развития мирового сообщества особое значение приобретают вопросы, связанные с выявлением, изучением, использованием и охраной памятников истории и культуры. Во многом это обусловлено тем, что наследие и достижения прошлых лет продолжают активно функционировать в современном мире. Многочисленность проблем, возникающих при изучении и использовании историко-культурного наследия, свидетельствует о том, что решать их надо комплексно, используя различные области науки. Практические работы по выявлению памятников архитектуры, истории и культуры основали целую область науки – памятниковедение.

Длительное время, еще с 1970-х гг., велись работы по подготовке к изданию томов «Свода памятников истории и культуры СССР». Это выявило необходимость разработки понятийно-терминологического аппарата (например, самого определения понятия «памятник»), классификации и единой методологии для их отбора, изучения и описания. Впрочем, до сих пор отсутствует единая точка зрения на историко-

культурное наследие и вопрос о критериях отбора тех или иных зданий в реестр памятников остается открытым.

Современные государственные задачи охраны памятников разработали подход, основанный на переходе от охраны отдельных памятников, к сохранению всего культурного наследия, охватывающего сами объекты наследия; среду, в которой они существуют, человека, как носителя наследия. Постепенно возрождается работа по выявлению всей совокупности наследия, включающей не только выдающиеся памятники истории и культуры, но и другие важнейшие элементы: народную культуру, традиции, ремесла и промыслы, язык и литературу, музыкальную и художественную культуру, историческую городскую среду, сельскую застройку и систему расселения, этнокультурную среду, природное окружение (Закон РФ «Об объектах...». 2002 г. № 73-ФЗ).

Как правило, ограниченность мышления в решении задач развития современных городов и поселков приводит к утрате полноценной архитектурно-исторической среды, к эмоциональному обнищанию. Решения архитекторов, занимающихся новым строительством, и реставраторов нередко противоположны, сталкиваются интересы и мнения специалистов по вопросам сохранения исторического наследия и отдельных памятников архитектуры. К сожалению, вопросы сохранения и ремонта объектов ставят серьезные экономические проблемы и решаются в пользу более дешевого нового строительства и сноса исторических зданий.

Поэтому чрезвычайно важно понимание присущего тому или иному региону «местного колорита», сохранение которого – важнейшее условие исторической преемственности. Это необходимое условие при реставрации и приспособлении для современных нужд отдельных зданий. Все эти вопросы не могут быть решены без серьезного изучения и знания истории региональной архитектуры и градостроительства.

В этой связи следует обратить внимание на рассмотрение социальных и экономических процессов (традиционные особенности расселения людей, хозяйственная и культурная сферы), не только как необходимого фона или условий охраны наследия, но и как непосредственной и существенной его части. Данная тенденция нашла отражение в Законе Ямало-Ненецкого автономного округа «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа» №48-ЗАО от 6 октября 2006 года.

Литература

Андреева А.И. Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1.

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. Спб, 1857. Кн. 12.

Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. Омск, 2004. Т. 1.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 1994.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.

Миллер Г.Ф. Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.

Отчет о НИР Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа / Кардаш О.В., 2003.

Отчет о НИР Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горнокнязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа / Кардаш О.В., 2004.

Отчет о НИР Выявление и обследование объектов архитектурного наследия в городе Салехарде Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа / Кардаш О.В., 2005.

Отчет о НИР Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны / Кардаш О.В., 2005.

Партина А.С. Архитектурные термины // Иллюстрированный словарь. М., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСВЯЩЕНИЯ 3

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 4

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ: К 125-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» 8

МУЗЕЙ И МУЗЕЙНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Матющенко В.И. ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 13

Ожередов Ю.И. МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: 125 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ 21

Кулемзин А.М. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «МУЗЕЙ» 39

Томилов Н.А. СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МУЗЕЙНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 42

Томилов Н.А. ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СИБИРИ 45

Жигунова М.А. МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ 52

Кимеева Т.И., Белоусова Н.А. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ФОРМ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ВУЗОВСКИХ МУЗЕЯХ (к. XX – нач. XXI в.) 60

Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Ильиных М.Ю. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ МУЗЕЙНОГО ПОРТАЛА «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» 66

Джасыбаев Е.А КАЗАХСКИЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ НА РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫСТАВКАХ (XIX – нач. XX в.) 77

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В АРХЕОЛОГИИ

Есин Ю.Н. О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ЛИТЕЙНЫХ ФОРМ БРОНЗОВЫХ ОРУДИЙ С ПАМЯТНИКОВ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ 87

Васильев Е.А., Глызин И.П. ЯСУНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ – ПАМЯТНИК НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 97

Князева Е.В. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ УСТЬ-ШИЛКА 2 НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ 118

Ковтун И.В. ИКОНОГРАФИЯ МЕДВЕЖЬИХ ОБРАЗОВ В КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЕ И МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II тыс. до н. э. 122

Кубарев В.Д. ОБРАЗ ХИЩНИКА В ПЕТРОГЛИФАХ ШИВЭЭТ-ХАИРХАНА (Монгольский Алтай) 129
Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ им. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТГУ: ФОРМИРОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕСОБРАНИЯ 136
Панкратова Л.В. ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ РУК НА ПОЗДНЕКУЛАЙСКОЙ КЕРАМИКЕ САРОВСКОГО ГОРОДИЩА 158
Полеводов А.В., Корусенко М.А. ОБРЯД «ОБОЛА ХАРОНА» ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЗДНИХ МОГИЛЬНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 164
Рыбаков Н.И. МАНИХЕЙСКИЙ ПРАЗДНИК БЕМА НА ИЮСАХ БАРБАКОВЫ ГОРЫ 171
Рыкун М.П. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КАБИНЕТА АНТРПОПОЛОГИИ ТГУ НА ПРЕДМЕТ БОЕВОГО ТРАВМАТИЗМА У НАСЕЛЕНИЯ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ 183
Сенотрусова П.О. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНЫХ И ТАЕЖНЫХ РАЙОНОВ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ 192
Серегин Н.Н. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ 197
Ташак В.И. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ 206
Тишкин А.А., Косинцев П.А. ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛОШАДИ АЛТАЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 216
Турбат Ц. ОЛЕННЫЕ КАМНИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ 223
Тюрина Е.А. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «АФАНАСЬЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» 234
Угдыжеков Э.В. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (Древние бронзовые изделия в коллекции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова) 239

ЭТНОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Андреева К.Н. ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕЛЬКУПОВ: «ЭПОС ОБ ИТТЕ» (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЯ ДОННЕРА) 249
Бурнаков В.А. К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОЙ ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У ХАКАСОВ 254
Гуляева Н.П. ЭТНО- И ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ 259
Жигунова М.А. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 263
Зандраева А.Б. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУРЯТ 271
Кочева Т.В., Баторова Е.А. ОРНАМЕНТ МИНУСИНСКИХ ИНОРОДЦЕВ 274
Кузина О.В.ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ 283
Кулемзин В.М. СБОР ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА И ПРЕДМЕТОВ КУЛЬТУРЫ: СИТУАЦИЯ «ТОГДА» И «ТЕПЕРЬ» 290
Малахатько У.В.РУССКАЯ ВЫШИВКА В СОБРАНИЯХ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 293
Малолетко А.М. РАННЯЯ РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (доермаковское время) 297
Монго Н.В. ЭВЕНКИЙСКИЙ КОСТЮМ – ТВОРЕНИЕ РУК ЧЕЛОВЕКА (на материале Этнографического музея народов Забайкалья) 305
Мунхжаргал Н., Зибарева Л.Н. ФЛОРА МОНГОЛИИ – ИСТОЧНИК ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ 309

Новиков А.В., Шиль А.А. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ХАНТЫЙСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 311
Филимонов М.В. ДРЕВНИЕ КУЛЬТЫ ЕНИСЕЙЦЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЛИНГВО-ЭТНОГЕНЕЗА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА, МИФОЛОГИИ И ЛИНГВОАРХЕОЛОГИИ 316
Черемисина К.П. О САКРАЛЬНОМ И ОБЫДЕННОМ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ НАРОДОВ СИБИРИ 329

СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Бельчегешева Н.В. СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКА «ПАЙРАМ», КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ШОРСКОГО НАРОДА 335
Габдрахманова З.М. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ 341
Матвеев А.В., Скандаков И.Е. РАБОТА ОМСКОГО МУЗЕЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ КРАПИВКА II» XIV–XVI вв. 350
Наранх Э. КАМЕННЫЕ СТАТУАРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ (На примере баян-ульгийского аймака) 361
Слямзина Р.Б. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ТРАДИЦИОННОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ 364

Научное издание

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

СБОРНИК
Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского

Вып. 2

Издание подготовлено в авторской редакции
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки М.Н. Долгих

Подписано к печати 5.05.2008 г. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 21,8. Тираж 300 экз. Заказ № 60.

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина,36
Участок оперативной ризографии и офсетной печати
Редакционно-издательского отдела ТГУ

ISBN 5-94621-246-X

Иллюстрации

Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения

Ю.И. Ожередов

Рис. 1. Закладка Сибирского университета в г. Томске

Рис. 2. Василий Маркович Флоринский – основатель Археологического музея Томского университета

№ 37. Курганъ съ Чувашскаго мыса.

Рис. 3. Курганы на потчевашском мысу (по В.М. Флоринскому)

Рис. 4. И.П. Кузнецов-Красноярский в одежде траппера

Рис. 5. А.В. Адрианов

Рис. 6. А.В. Сапожников

Рис. 7. А.А. Воронина-Уткина

Рис. 8. А.К. Иванов

Рис. 9. В.И. Матющенко

К вопросу о формировании новых форм изучения и сохранения материального историко-культурного наследия в вузовских музеях (к. XX – нач. XXI в.)

Т.И. Кимеева, Н.А. Белоусова

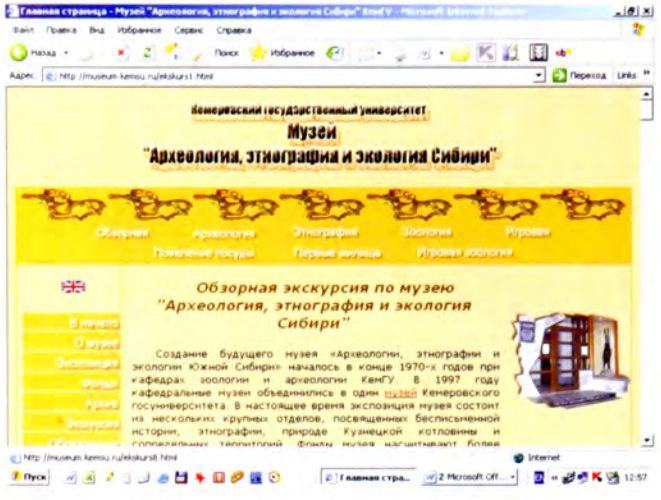


Рис. 1. Страница сайта, знакомящая пользователей с экскурсиями музея

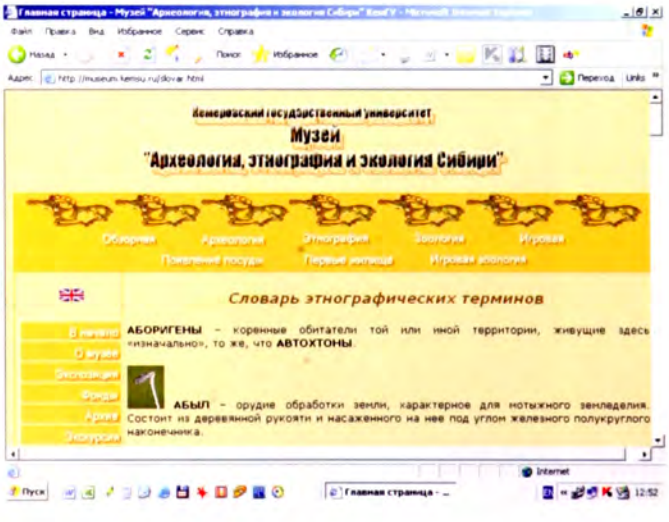


Рис. 2. Страница сайта, объясняющая пользователю значение этнографических терминов

Металлические зеркала в музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания

Ю.И. Ожередов, Л.М. Плетнева, Т. Масумото

Зеркало с изображением мудрецов – анахоретов Хи Сюй и Чао Фу (Цзиньская-Минская эпоха, XII – первая половина XVII в. н. э.)

Зеркало с изображением двух карпов по окружности (Цзиньская эпоха, XII в. н. э.)

Копия ханьского зеркала с изображением тигра и драконов с надписью "Циньгай" (эпоха Цзинь, XII – первая половина XIII в. н. э.)

Копия ханьского зеркала с изображением четырех драконов (эпоха Цзинь, XII – первая половина XIII в. н. э.)

Результаты исследователей краниологических коллекций кабинета антропологии ТГУ на предмет боевого травматизма у населения каменской культуры

М.П. Рыкун

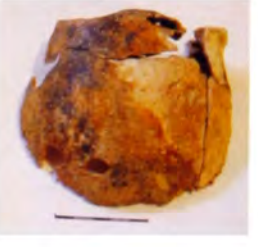
а

Новотроицкое-1, курган 28, могила 1, скелет 2 (КА ТГУ № 5088). Мужчина, 20–30 лет

в

Рогозиха-1, курган 16, могила 1 (КА ТГУ № 4409). Мужчина, 40–50 лет

д



б

Новотроицкое-1, курган 30, могила 1, скелет 1 (КА ТГУ № 5089). Мужчина, 30–35 лет

г

Рогозиха-1, курган 24, могила 1 (КА ТГУ № 4425). Мужчина, 40–45 лет

ж

Множественные повреждения черепной коробки, нанесенные чеканом. Милованово-8, курган 4 (КА ТГУ № 5404). Мужчина, 25 лет

з

Милованово-8, курган 4 (КА ТГУ № 5405). Женщина, 21 год

Рис. 1. Специфические повреждения, зафиксированные на черепах из могильников каменской культуры (Новотроицкое-1, Рогозиха-1, Милованово-8)

Рис. 2. Наборы вооружения из коллекции музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Минусинский и Енисейский округа. Тагарская культура

Новотроицкое-1, к. 28, м. 1, ск. 2

Новотроицкое-1, к. 30, м. 1, ск. 1

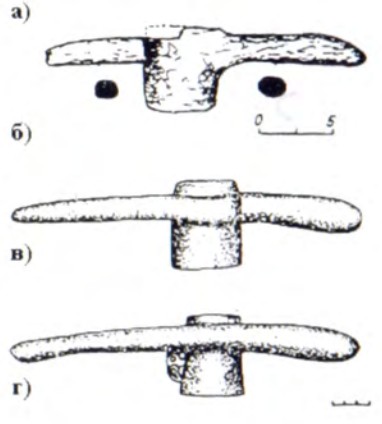


Рис. 3. Повреждения на черепах из могильника Новотроицкое-1 и предполагаемое оружие, которым они нанесены

Чекан из фондов МАЭС ТГУ.
Тагарская культура

Рогозиха-1, к. 16, м. 1

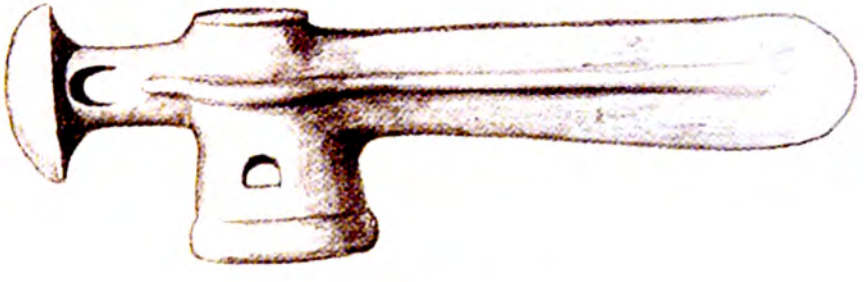
Рогозиха-1, к. 24, м. 1

Биметаллический клевец из фондов
МАЭС ТГУ (кол. № 2767)

Рис. 4. Повреждения на черепах из могильника Рогозиха-1,
и предполагаемое оружие, которым они нанесены

Милованово-8, курган 4,
женщина, 21 год

Секиры из фондов МАЭС ТГУ.
Тагарская культура. Минусинский
и Енисейский округа



Бронзовая секира с кнопкой на обухе.
Тагарская культура. Минусинская котловина.
(Соловьев, 2003: 78, рис. 70)

Рис. 5. Повреждения на черепах из могильника Милованово-8
и предполагаемое оружие, которым они были нанесены

Дактилоскопическое исследование отпечатков пальцев рук и ног на позднекулайской керамике саровского городища

Л.В. Панкратова

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов, отобранных
для дактилоскопического исследования отпечатков пальцев рук:
1 – САГ-74, № 481; 2 – САГ-76, № 867, № 1513; 3 – САГ-74, № 875; 4 – САГ-7046, № 397;
5 – САГ-76, № 710; 6 – САГ-76, № 570; 7 – САГ-76, № 1794; 8 – САГ-76, № 579, № 1249;
9 – САГ-76, № 940; 10 – САГ-7046, № 529; 11 – САГ-76, № 1448; 12 – САГ-76, № 1616

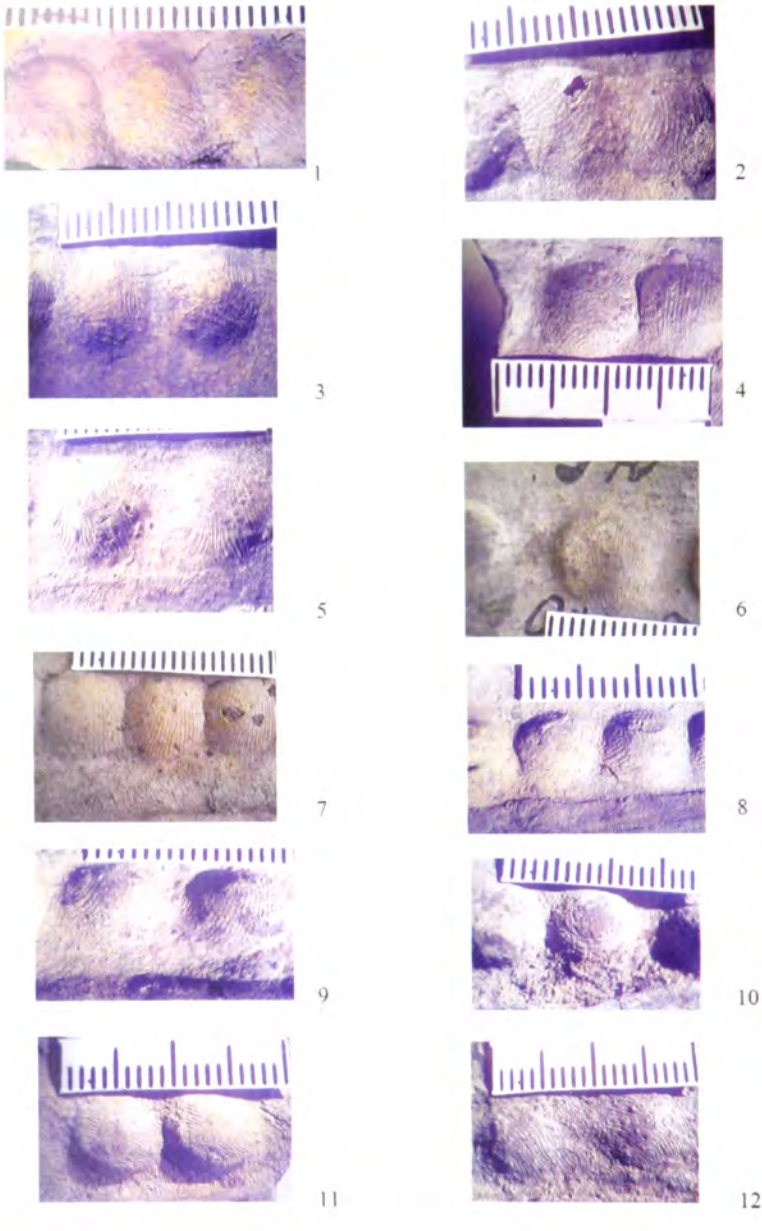


Рис. 2. Отпечатки пальцев на керамической посуде Саровского городища:
1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 4; 5 – сосуд 5; 6 – сосуд 6;
7 – сосуд 7; 8 – сосуд 8; 9 – сосуд 9; 10 – сосуд 10; 11 – сосуд 11; 12 – сосуд 12